

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская улица, соб. домъ.

1888.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДЪЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества).	1
II. НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ. (Повѣсть). Гл. XII—XXI. <i>Продолженіе</i> . — М. П. Анютина.	11
III. ДВА НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА СЕРГѢВИЧА АКСАКОВА.	71
IV. НАДЪ НЪМАНОМЪ. Романъ Элизы Ожешковой. Часть I, гл. VI. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	75
V. ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ МАДРИДѢ. — Вас. И. Немировича-Данченко.	94
VI. БЕЗСМЕРТНЫЙ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. Гл. VIII—XVI. <i>Окончаніе</i>	130
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. — К. М. Фофанова.	228
VIII. ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ. <i>Продолженіе</i> . — Гл. И. Успенскаго.	1
IX. О СТРЕМЛЕНІЯХЪ НАРОДОВЪ КЪ МИРУ. — Графа Л. А. Наревскаго.	17
X. КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ И МАЛОЗЕМЕЛЬЕ. — В. А. Розенберга.	34
XI. НОВАЯ ПОПЫТКА ОРГАНИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. (<i>Lippert: «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau». 1887. 2 B.</i>). <i>Окончаніе</i> . — П. Ф. Н.	94

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

—
1888.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW orders. 3/29/84

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

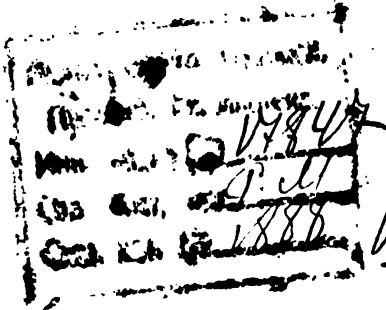
AP50
R875
v. 9.7
M M M

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ НЕДАВНИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. (Матеріалы для исторіи русскаго общества).	1
II. НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ. (Повѣсть). Гл. XII—XXI. <i>Продолженіе</i> .—М. П. Аниотина.	11
III. ДВА НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЯ ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА АКСАКОВА	71
IV. НАДЪ НѢМАНОМЪ. Романъ Элизы Ожешковой. Часть I, гл. VI.—Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	75
V. ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ МАДРИДѢ.—Вас. И. Немировича-Данченко.	94
VI. БЕЗСМЕРТНЫЙ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. Гл. VIII—XVI. <i>Окончаніе</i>	130
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—И. М. Фофанова	228
VIII. ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ. <i>Продолженіе</i> .—Гл. И. Успенскаго.	1
IX. О СТРЕМЛЕНІЯХЪ НАРОДОВЪ КЪ МИРУ.—Графа Л. А. Намаровскаго.	17
X. ВРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ И МАЛОЗЕМЕЛЬЕ.—В. А. Розенберга.	34
XI. НОВАЯ ПОПЫТКА ОРГАНИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. (<i>Lippert</i> : «Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau». 1887. 2 B.). <i>Окончаніе</i> .—П. Ф. Н.	49

852178

	<i>Стр.</i>
XII. ПЕТРАРКА, КАКЪ ПОЛИТИКЪ.—М. С. Корелина	83
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXVI.—Н. В. Шелгуова	95
XIV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки).—Г.	117
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Наши рѣки.—А. И. Восойнова	126
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	144
XVII. СТАТИСТИКА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ БУРСКАГО ЗЕМСТВА.— И. А. Вернера	152
XVIII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика. — Философія. — Исторія. — Языкознаніе. — Политическая эконо- мія.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.— Естествознаніе. — Учебники и дѣтскія книги. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>июль</i> .— «Сѣверный Вѣстникъ», <i>май—июль</i>	329

Из переписки недавних дѣятелей.

(Материалы для исторіи русскаго общества).

Историки русской культуры всегда будут останавливаться передъ московскими кружками 30—40-выхъ годовъ, болѣе или менѣе связанными съ тамошнимъ университетомъ, безъ которыхъ немислимо ни пониманіе научно-художественной жизни тѣхъ временъ, ни даже реформы въ общественномъ строѣ, совершенныхъ впоследствии. Въ настоящее время не мало уже сдѣлано для характеристики общаго направленія этихъ кружковъ и разныхъ отдѣльныхъ ихъ представителей въ біографическихъ трудахъ о Станкевичѣ, Грановскомъ, Бѣлинскомъ и др. и въ запискахъ и воспоминаніяхъ Тургенева, Герцена, Панаева, г-жи Пассекъ, Анненкова и др. Но, все-таки, остается еще не мало пробѣловъ, которые необходимо пополнить хотя въ предѣлахъ возможнаго.

Въ нашемъ распоряженіи находится значительное число писемъ разныхъ лицъ къ одному изъ крупнѣйшихъ членовъ тогдашнихъ московскихъ кружковъ, Александру Ивановичу Герцену, и близкимъ ему: отъ Огарева, Сатина, Бетчера, Н. Полеваго, В. Ю. Самарина, Чаадаева, В. Боткина, Грановскаго, Бѣлинскаго и пр. Письма эти дополняютъ и исправляютъ многія данныя въ жизнеописаніяхъ извѣстныхъ нашихъ литературно-общественныхъ дѣятелей, а, главное, вводятъ насъ въ душевную жизнь этихъ людей, показываютъ процессъ зарожденія и развитія извѣстныхъ идей и литературныхъ произведеній, прежде чѣмъ они стали общественнымъ достояніемъ, въ иныхъ случаяхъ матеріалъ, изъ котораго строились эти произведенія. Мы рѣшаемся опубликовать эти письма во всей ихъ полнотѣ, съ неизбѣжными въ живомъ матеріалѣ шероховатостями. Мы надѣемся, что настоящее время уже настолько удалено отъ той эпохи, что эти шероховатости не задѣнутъ никого, а во всякомъ случаѣ не принесутъ никому вреда,—скорѣе напротивъ: если иной отзывъ, иная несимпатическая подробность о какомъ-либо лицѣ и покажутся кому-либо слишкомъ рѣзкими, то они вызовутъ не только объективно-историческую оцѣнку, но со стороны читателей, сохранившихъ болѣе непосредственную связь съ тою эпохой, и заблаговременную поправку.

Въ письмахъ мы дѣлаемъ краткія пояснительныя примѣчанія и введенія.

А. Г.

I.

Письма Ник. Пл. Огарева и близкихъ его къ Ал. Ив. Герцену.

Отдѣлъ первый: Письма 1833—1841 г.

Въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ, *Изъ дальнихъ лѣтъ*, читатель найдетъ общую исторію дружбы между Ал. Ив. Герценомъ и Ник. Пл. Огаревымъ, начавшейся съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Оба друга, при значительной разницѣ индивидуальностей, жили постоянно общою жизнью и если находились въ разлукѣ, то постоянно обмѣнивались впечатлѣніями, чувствами и мыслями. При живости связей ихъ съ замѣчательнѣйшими представителями русскаго образованнаго общества, переписка ихъ должна представлять интереснѣйшій матеріалъ для исторіи этого общества. Въ сожалѣнію, у насъ находится подъ рукою только одна половина ея: письма одного Огарева съ приписками близкихъ его: первой жены, Марьи Львовны, и пріятелей: Н. М. Сатина, Н. Х. Кетчера и др. Но и эта половина даетъ понятіе о внутренней жизни обоихъ друзей, а равно и всего ихъ круга.

Письма эти могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: 1) до поѣздки Огарева за границу въ 1841 г. и 2) послѣ этой поѣздки. Въ первыхъ мы видимъ постепенное развитіе психическихъ основъ обоихъ представителей извѣстнаго кружка, подъ вліяніемъ чтенія и современной дѣйствительности, до тѣхъ поръ, когда ихъ нравственныя фізіономіи получили тотъ характерный обликъ, какой они запечатлѣли въ исторіи русской литературы. Независимо отъ извѣстныхъ чертъ чисто-индивидуальныхъ, можно сказать, что этотъ обликъ вполне типическій для цѣлаго поколѣнія, которое часто зовутъ «людьми сороковыхъ годовъ». Печатаемыя далѣе письма 1833—1841 г. рисуютъ намъ ростъ этого поколѣнія въ его отношеніяхъ къ занимавшимъ его вопросамъ: жизни личной, — дружбѣ, любви, самоусовершенствованію, — поэзіи, философіи, религіи, общественной дѣятельности. Очень часто письма эти служатъ какъ бы оправдательными документами къ произведеніямъ Тургенева, въ которыхъ художественно, — то сочувственно, то слегка иронически, — нарисованы типическія фігуры того времени (Андрей Болосовъ, Яковъ Пасынковъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Дневникъ лишняго человѣка, Рудинъ, Фаустъ и др.). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ интересны по по-

вымъ даннымъ для установленія исторіи развитія философски-общественныхъ идей такихъ крупныхъ представителей «поколѣнія 40-хъ годовъ», какъ, наприм., Бѣлинскій.

Для облегченія неспеціальному читателю возможности ориентироваться въ слѣдующихъ далѣе письмахъ, мы считаемъ излишнимъ свести здѣсь данныя вѣшной исторіи главныхъ лицъ этой корреспонденціи во время ея написанія.

Оба друга, А. И. Герценъ и Н. Пл. Огаревъ, были почти однолѣтки: первый родился въ 1812 г., 25 марта, а второй— въ 1813 г., 24 ноября. Отцы ихъ, проживавшіе въ Москвѣ (Ив. Алексѣевичъ Яковлевъ и сенаторъ Платонъ Богданов. Огаревъ) были сродни, и ровесники сблизились еще въ отрочествѣ и потомъ вмѣстѣ посѣщали университетъ, въ которомъ Герценъ окончилъ курсъ кандидатомъ 26 іюня 1833 г. Годъ спустя, въ іюль 1834 г., Огаревъ былъ арестованъ, по поводу его записки, найденной у одного студента, арестованнаго за участіе въ пирушкѣ, на которой пѣлись «возмутительныя пѣсни», а за тѣмъ (20 іюля) арестованъ былъ и его другъ. За обоими оказалась вина: чтеніе запрещенныхъ книгъ, въ томъ числѣ сочиненій социалиста Сень-Симона, и вольнодумныя замѣчанія въ письмахъ. Послѣ почти годоваго содержанія подъ арестомъ друзья были вывезены: Огаревъ 9 апрѣля 1835 г. въ Пензу, гдѣ отецъ его лежалъ разбитый параличомъ, а Герценъ 10 въ Пермь, откуда очень скоро былъ переведенъ въ Вятку (прибылъ 25 мая), гдѣ и оставался до конца декабря 1837 г. Изъ Вятки Герценъ былъ переведенъ во Владиміръ, гдѣ оставался по весну 1840 г., съ неоднократными, впрочемъ, отлучками въ Москву, а около новаго года (1840) въ Петербургъ, такъ какъ въ концѣ 1839 г. съ него снято было запрещеніе жить въ столицахъ. 9 мая 1838 года Герценъ во Владимірѣ обвинялся съ своею кузиной, Н. Ал. Захарьиной, дочерью дяди его Александра Яковлева, увезенной имъ тайкомъ наканунѣ изъ Москвы. Въ маѣ 1840 г. Герценъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ онъ зачисленъ былъ въ службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но уже въ декабрѣ того же года навлекъ на себя новое преслѣдованіе повтореніемъ слуха о будочникѣ, ограбившемъ прохожаго, и получилъ приказаніе отправиться въ Вятку. Впрочемъ, тотчасъ же это наказаніе было замѣнено переводомъ въ Новгородъ на службу совѣтникомъ губернскаго правленія, на каковую должность Герценъ явился изъ Петербурга въ іюль 1841 г. и исполнялъ ее до начала 1842

года, когда подалъ прошение объ отставкѣ. 1 іюля того же года Герцену разрѣшено было переселиться въ Москву.

Между тѣмъ, Огаревъ съ 1835 года жилъ то въ Пензѣ, то въ имѣніи отца, въ с. Чертковѣ, Саранскаго уѣзда, въ 1837 году женился въ Тамбовѣ на М. Л. Рославлевой и навѣстилъ съ женою своей тоже женатаго друга во Владимірѣ въ мартѣ 1839 г., а въ половинѣ этого года поселился въ Москвѣ, гдѣ бѣльшую частью и жилъ до поѣздки своей за границу въ 1841 г.

Вотъ при какихъ условіяхъ писались приводимыя дальше письма, которыя, очевидно, представляютъ не всю Огаревскую половину корреспонденціи, а только то, что отъ нея уцѣлѣло. Письма эти (очень мелкимъ почеркомъ писанныя) часто не имѣютъ числовой помѣтки ни дня, ни, — особенно часто, — года. На нѣкоторыхъ изъ нихъ годы помѣчены самимъ Герценомъ, очевидно, много лѣтъ спустя по ихъ составленіи, почему онъ часто сопровождаетъ свои помѣтки вопросительными знаками. Мы сохранили эти помѣтки въ скобкахъ въ началѣ каждаго письма. Но, независимо отъ этого, мы распредѣлили эти письма въ хронологической послѣдовательности сами, на основаніи тѣхъ біографическихъ и литературныхъ данныхъ, какія въ нихъ встрѣчаются. Указанія на эти данныя, а равно и объясненія, какія мы считали необходимыми, читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ къ каждому отдѣльному письму.

(1833 г.).

Іюня 7. Начинаю писать на маленькомъ листочкѣ... виновать, да, впрочемъ, не я виновать, а дѣло въ томъ, что нѣтъ больше бумаги. Пока довольно и этого. Надобно повѣдать тебѣ всю исторію съ моего отъѣзда. Выѣхалъ я, другъ, и мнѣ стало грустно, такъ грустно, какъ никогда не бывало. А все Воробьевы горы *). Долго я самъ въ себѣ таилъ восторги; застѣнчивость или что другое, чего я и самъ не знаю, мѣшало мнѣ высказать ихъ, но на Воробьевыхъ горахъ этотъ восторгъ не былъ отягченъ одиночествомъ ты раздѣлялъ его со мною — и эти минуты незабвенны; онѣ, какъ воспоминаніе о быломъ счастьи, преслѣдовали меня дорогой, а вокругъ я только видѣлъ лѣсъ, все было такъ сине, сине, а на душѣ темно, темно: ужасны эти

*) Въ 1839 г. оба друга поклялись на Воробьевыхъ горахъ въ вѣчной дружбѣ и въ любви къ человѣчеству и часто ходили на это поэтическое мѣсто и посѣщали.

минуты. Что же утѣшило меня—восторженность; я все послѣднее время, какъ жилъ въ Москвѣ, старался поддерживать себя въ восторженномъ состояніи духа; положимъ, это напряженность, но это одно поддерживаетъ бодрость духа, свѣжесть ума, innere Fülle. Этотъ ежеминутный восторгъ долженъ возвышать, облагородить меня, долженъ дать мнѣ столько духовнаго наслажденія въ земной жизни, сколько то возможно, а тамъ пусть я умру; ежели ты понялъ цѣль, съ которой написаны посвященные тебѣ послѣднія минуты жизни, то ты понялъ, какъ высоко я цѣню смерть, понялъ и, можетъ быть, не обратилъ вниманія на негладкость стиховъ, какъ иные; другъ! изящное въ идеѣ. Поэзія! Сколько мыслей соединяются въ этомъ словѣ! Кто ихъ выразить? Слова недоступны—музыка—а я не могу еще взять именно тѣ звуки, которые слышатся душѣ моей; неспособность тѣлесная ограничиваетъ фантазію. Но, чертъ возьми, я поэтъ, моя душа—поэзія, чистая, небесная; она мнѣ подсказываетъ истину тамъ, гдѣ бы я ее не понялъ холоднымъ разсужденіемъ,—вотъ философія откровенія, здѣсь она дѣйствительно существуетъ.

Когда въ часы святаго размышленья
Мысль свѣтлая въ твой умъ вдругъ упадетъ,
Чиста и пламенна, какъ вдохновенье,
Она тебя возвыситъ, вознесетъ;
Она не даромъ заронилась,
Какъ божество къ тебѣ она,
Чудесной жизнію полна,
Изъ странъ небесныхъ ниспустилась.
Пусть говорятъ съ улыбкою презрѣнья:
Она есть плодъ обманутой мечты,—
Не вѣрь словамъ холоднаго сужденья:
Они чужды душевной теплоты.
О! если съ чувствомъ мысль сроднилась,
Повѣрь, она не обольститъ:
Она не даромъ заронилась
И святость истины хранить,
Она божественнымъ полна,
Но стало тѣсно ей—она
Найти стремится выраженье,
Ей надо высказать себя,
И слово звучное ея—
Ея дитя, ея творенье.

Герценъ! мы другъ друга, кажется, знаемъ; кажется, можемъ быть откровенны. Письма моего ты никому не покажешь. И такъ, скажи: съ нѣкотораго времени я рѣшительно такъ полонъ, можно сказать, задавленъ ощущеніями, мыслями, что мнѣ кажется, мало того кажется, мнѣ врѣзалась мысль: что мое призваніе быть поэтѣмъ, стихотворцемъ ли, или музыкантомъ, *alles eins*, но я чувствую необходимость жить въ этой мысли, ибо имѣю какое-то самоощущеніе, что я поэтъ; положимъ, я еще пишу дрянно, но этотъ огонь въ душѣ, эта полнота чувствъ даетъ мнѣ надежду, что я буду и порядочно (извини меня за такое пахабное слово) писать. Другъ! скажи: вѣришь ли мнѣ, моему призванью? Ты, можетъ, лучше меня знаешь, нежели я самъ, и не ошибешься. Когда будешь писать о Воробьевыхъ горахъ, напиши, какъ въ этомъ мѣстѣ развилась исторія нашей жизни, т. е. моей и твоей. Я теперь уже началъ писать ораторію для Гебеля: *Потерянный рай*. Сатинъ *) улыбнулся, когда я объявилъ ему такое заглавіе. Богъ съ нимъ! А я здѣсь вижу исторію человѣчества. Не смѣйся. Если ты помнишь мои стихи: *Тоска по отчизнѣ*, то ты поймешь, что дѣйствительно идея исторіи человѣчества заключается въ потерянномъ раѣ. Въ этомъ смыслѣ я хочу выразить ораторію. Можетъ быть, этотъ трудъ будетъ имѣть нѣкоторую цѣну. Если только я найду выраженія для мыслей, которыя толпятся въ головѣ моей, то онъ будетъ имѣть цѣну. А мысли у меня суть слѣдствія вдохновеній, а вдохновеніе найдетъ языкъ. Вотъ тебѣ кстати еще старинные мои стихи:

Онѣ торжественны, минуты вдохновенья,
 Какъ голосъ неба на землѣ,
 Прекрасны, какъ любовь, какъ радости мгновенья,
 Такъ сердцу сладостны онѣ!
 Заботы мелкія отходятъ,
 Несносный голосъ ихъ молчать,
 И вдохновенье говорить,
 И небо на душу низводить.

Это письмо, какъ и три слѣдующія, писаны изъ с. Черткова, имѣнія отца Огарева. Герценъ же оставался въ это время въ Москвѣ. Намеки на *любовь* въ этихъ письмахъ относятся къ

*) Ник. Мих. Сатинъ, тоже изъ богатой помѣщичьей семьи, московскій студентъ, членъ кружка.

той дѣвушкѣ, которую Герценъ называлъ въ своихъ мемуарахъ «Гаэтаною» и чувство свое къ которой онъ называлъ «весеннимъ», фатально осужденнымъ на мимолетность. «Когда же ландыши зимуютъ?»—замѣчаетъ онъ. По словамъ Т. П. Пассекъ, сама «Гаэтана» иначе смотрѣла на свое чувство и ей разрывъ обошелся не легко (*Изъ дальнихъ лѣтъ*, I, 460 и слѣд.; II, 19 и слѣд.). Та же г-жа Пассекъ такъ рассказываетъ о вліяніи на Огарева извѣстій о любви его друга къ Гаэтанѣ:

«Саша точно чары набрасывалъ на Ника, и не только въ ихъ юности, но и во всю послѣдующую жизнь. Въ какое бы положеніе судьба ни ставила Александра, Никъ, какъ бы невольно, стремился стать точно въ такое же. Подъ вліяніемъ картины любви Саши, онъ сталъ искать существо, которому могъ бы также отдать первую любовь свою. Искать было не далеко. Въ домъ ихъ жила милая молодая дѣвушка. Никъ почти [не замѣчалъ ее; читая письма Александра, онъ ее замѣтилъ, робко полюбилъ и въ страстныхъ выраженіяхъ говорилъ о ней своему другу. Судьба этой дѣвушки,—созданія глубоко чувствующаго, поэтическаго,—разыгралась самымъ плачевнымъ образомъ. Никъ не былъ виною ея несчастія. Напротивъ, онъ до конца ея разбитой, кратковременной жизни сохранилъ къ ней чувство дружбы и озарялъ ея печально догорающую жизнь своимъ сочувствіемъ» (*Изъ дальнихъ лѣтъ*, II, 4—5).

(1833 г.).

Юля 23. Вотъ уже двѣ недѣли безпрерывно я гляжу на скотовъ и нахожусь въ совершенной апатіи.

Нѣтъ ни думъ, ни мечтаній, ни вдохновеній,—все убито ужаснымъ морозомъ. Самые лучшіе цвѣтки сгибли. Отъ тебя письма не было. Съ передпрощедшею почтой получилъ и въ немъ ничего утѣшительнаго. *Lermine* переводи. Съ прошедшею почтой писалъ къ Лахтину*), а теперь, скажи ему, изъ силъ выбился—и тебѣ нечего писать. Одно только: въ первую минуту восторга искренно желаю околѣть. Скучно, мучительно.

Напиши, пожалуйста, что-нибудь, что меня растрогало бы, обратило бы къ самому себѣ; я одеревенелъ. Герценъ, сжался, напиши что-нибудь,—я ничего не имѣю къ тебѣ писать, мой организмъ разстроенъ отъ душевнаго расстройства, я болѣнъ и душой, и тѣломъ.

*) Членъ кружка, изъ кунцовъ.

У насъ Плавтины *)). Бланныя Вадиму и Лахтину **). Да ради Бога пиши, я съ ума схожу. Герценъ, сжался, сжался, напиши, напиши! Боже, Боже! Прощай! иду спать, не забудусь ли тутъ, не пройдетъ ли горе, не найдетъ ли минута вдохновенія, прощай! Не сердись за краткость, а пожалѣй, пусть слезы навернутся на твоихъ глазахъ, авось я ихъ здѣсь почувствую и вспомню все прекрасное.

Твой Н. Огаревъ.

Гдѣ вы, святые вдохновенья
 Души возвышенной моей?
 Погибли пылкія видѣнья
 Среди ничтожества людей.
 Досада, грусть во мнѣ стѣснились
 И ноетъ пламенная грудь,
 Мечты мои, какъ сонъ, сокрылись,
 Душой нельзя въ нихъ отдохнуть.
 Не встрѣтишь здѣсь, чего-бъ хотѣлось,
 Души не встрѣтишь для себя,—
 Души, гдѣ-бъ ясно небо рдѣлось,—
 Все загубѣлая земля!

* * *

И люди на людей здѣсь не похожи:
 Какія отвратительныя рожи
 Встрѣчаетъ всюду огорченный взоръ,
 Какой нелѣпный слышенъ разговоръ!
 О, Боже, Боже! сжался надо мною,—
 Мученье жить мнѣ съ этою толпою,—
 А пуще сжался Ты надъ ней самой
 И надъ ея уродливой душой.

* * *

Пришли мнѣ *Die Räuber*, у меня ихъ нѣтъ, и *Kabale und Liebe*,—при разстройствѣ души они очень полезны.

(1833 г.).

Июля 29. Другъ! твое письмо оживило меня; я теперь опять возвысился на точку, съ которой почти не замѣчаю ничего, что вокругъ меня, съ которой не вижу пошлыхъ частныхъ, но только одно общее великое. Одно идеальное могло извлечь меня изъ этой пропасти, въ которую я насильно втащень; мнѣ оставалось

*) Родственники Огаревыхъ.

***) Вадимъ Вас. Пассекъ, мужъ авторки мемуаровъ.

или сравняться съ этими людьми, или укрыться въ недоступный для нихъ міръ,—могъ ли я съ ними сравняться? Тамъ міръ идей, въ немъ моя жизнь, здѣсь я дома. Письмо Вадима, твое — все это вмѣстѣ, все это напомнило мнѣ любовныя мечты и возвратило поэзіи бѣглеца. Я теперь спокоенъ, я забылъ бы весь міръ земной, еслибъ несносная боль въ боку не напоминала мнѣ, что я еще прахъ, жалкій прахъ. Мысль мучительная для гордости человѣка!

Ты пишешь о нашей симпатіи. Какая нужда до нашихъ характеровъ? Пусть они разны,—у насъ есть высшее тождество—тождество душъ.

И ты влюбленъ, Саша; кто *она*—я подозреваю. Но съ чего ты взялъ, что я могу смѣяться? Зачѣмъ пишешь: «ни слова холоднаго»? Могу ли я смѣяться надъ тѣмъ, чего мнѣ недостаетъ и въ чемъ недостатокъ я глубоко чувствую? Не знаю, другъ, что такое, но я не могу влюбиться; мнѣ кажется, вкусъ мой или слишкомъ испорченъ, или то, чего я ищу, не существуетъ. Я ищу красоту, наивность, съ пылкою возвышенною душой, но нигдѣ не нахожу, нигдѣ. Ужели это невозможно? Ужели мой идеаль такъ высокъ, или человѣчество такъ низко? Но, можетъ быть, еще я встрѣчу этотъ идеаль и пустое мѣсто въ душѣ наполнится. Пока... мнѣ предстоитъ другая дѣятельность. Другъ! чувствуешь ли всю высоту, всю необъятность этого слова: *поэзія*? Ей одной преданъ я; она моя жизнь, моя наука. Еще ни къ чему не привело меня разсужденіе, но поэзія возвысила меня до великихъ истинъ. Она моя философія, моя политика. Мое размышленіе—вдохновеніе. Я не разсуждаю, но чувствую. И такъ, я требую отъ себя дѣятельности поэтической. Слѣдовать за идеями, которыя открываются мнѣ во время вдохновенія, неумолимо за ними слѣдовать, созидать, творить, быть въ непрерывномъ восторгѣ,—вотъ чего я хочу. Теперь все возвысилось въ моихъ глазахъ, человѣчество облагородилось; вся эта мелочь людская... изъ нея дѣлается что-то великое; цѣлый міръ новыхъ людей, исполняющихъ высочайшія требованія, открытъ передо мною; въ этомъ мірѣ живу я, какъ пророкъ въ будущемъ. Я—какъ пророкъ, потому что одинъ взглядъ на настоящее разрушить все. Да, зачѣмъ смотрѣть на настоящее? Закрой глаза, другъ, ты увидишь что-то гадкое; пусть одна душа смотритъ и чувствуетъ. Не мѣшай ей, ради Бога, ни слова о настоящемъ. Но я, сынъ поэзіи, предаюсь искусствамъ, и люди остановились смотрѣть

на мои произведенія,—люди, которые понимаютъ, что я хотѣлъ въ нихъ выразить. Я видимо говорю имъ о невидимомъ, чувственно — объ идеальномъ, и они благословляютъ посредника между небомъ и землею. И такъ радостно бьется сердце твоего друга! Если слава—заслуженная слава, основанная на чистотѣ, на возвышенности души,—она несравненна! О, еслибъ дѣйствительность не противорѣчила! Но я приду къ вамъ и окружу себя искусствомъ. Еще мало, что ты чувствуешь въ себѣ поэзію,—надобно разлить вокругъ себя жизнь поэтическую. Наука (въ высшемъ значеніи), стихотворство, музыка, театръ, — все, что только возвышаетъ человѣка до жизни творческой,—все должно жить вокругъ насъ, и мы сами зрителями и актерами. Въ цѣли общей—*жизнь поэтическая*—соединяются всѣ особенныя цѣли, ибо въ ней заключаются всѣ идеи; это высочайшее существованіе человечества, оно поведетъ его въ высочайшей дѣятельности. О, когда-то я возвращусь къ вамъ, когда-то въ родномъ кругу друзей непринужденно полетаю мыслью, исполню прекрасныя мечты, забуду скуку обыкновеннаго (common) существованія!

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ *).

(П о в ѣ с т ь).

ХІІ.

Мелкій осенній дождь, начавшійся съ вечера, лилъ безъ перерыва. Все смотрѣло угрюмо, непривѣтно, сквозь сѣрую пелену, нависшую надъ селомъ и полями. Порывы вѣтра били въ лицо спорою, мокрою пылью, забирались подъ намокшее теплое платье и холодными мурашками пробѣгали по тѣлу. Съ полуобнаженныхъ сучьевъ деревь, вмѣстѣ съ пожелтѣвшими листьями, падали крупныя капли и тяжело шлепали по мокрой землѣ; съ крышъ неровными, перемежающимися потоками сбѣгала мутная вода и тутъ же пропадала, образуя невылазныя трясины. Взмокшія лошаденки ѣжились подъ рванными мужичьими зипунами, вздрагивали и переминались съ ноги на ногу, пережевывая овсяную солому, брошенную въ задки телѣгъ. Люди тоже ѣжились и вздрагивали, проклинали ненастье, шлепали по грязи тяжелыми бахилами и плелись къ Просѣковскому волостному правленію. Несмотря на довольно ранній часъ и на погоду, правленіе, сѣни и крыльцо были полны, биткомъ набиты народомъ. Для вновь прибывающихъ мѣста уже не было, и они принуждены были укрываться отъ дождя подъ свѣсомъ крыши вдоль стѣнъ; наконецъ, и этой слабой защиты не хватило, пришлось стоять въ липкой грязи передъ крыльцомъ. Изъ открытыхъ дверей и оконъ, съ клубами пара, вырывался гулъ сотни голосовъ, раздавались какіе-то крики и терялись въ общемъ шумѣ. Къ правленію на бѣговыхъ дрожкахъ подѣхалъ Сердобцевъ. Толпа разступилась, пропустила его къ самому входу и сняла шапки. Всѣ уже знали, что это шествуетъ новая власть.

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

Маленькій, рваный мужиченко, съ бляхой сотскаго на новой заплатѣ стараго полушубка, засуетился и кинулся въ сѣни, расталкивая кулаками стѣснившееся, мокрое «общество».

— Сторонись, сторонись!—хрипѣлъ онъ, врѣзываясь въ толпу.—Экъ, набились, галманы! Чего налѣзли? Мало на улицѣ мѣста?... Выгнать васъ, дьяволовъ, бадикомъ... Пропусти, сторонись!...

— Ѳедотъ Захарычъ, не усердствуй,—Сердобцевъ словилъ сотскаго за шиворотъ и прошелъ впередъ.—Безъ тебя я скорѣй пройду... Позвольте-ка, старички...

Михаилъ Степановичъ протискался въ обширную избу. Сквозь смрадный туманъ едва мерцали очертанія оконъ. Шумъ смолкъ.

— Миѣ что...—ревѣлъ одинъ только пьяный голосъ,—что миѣ ваше присутствіе? Знать я его не хочу. Миѣ на это присутствіе... начхать! Я все ваше присутствіе могу сейчасъ подъ судъ отдать. Какія такія права они выискали?

— Саватій Семеновичъ, а ты полно, полно... будя етажить-ся-то,—убѣждалъ другой голосъ.

— Я етажусь? Я ихъ взѣтажу... да и тебя-то, чортова ты кула, взѣтажу! Понимаешь ты это? Я те взѣтажу... Ты кто такой? Старшина ты или нѣтъ? Отвѣчай... Я кто? Я—писарь. Миѣ старшина велить, я и пишу. А подписываетъ кто? Твоя отсохшая царапаешь... Ты и отвѣчай, вотъ тебя и взѣтажутъ...

— Будя, Саватій Семеновичъ, будя... Все это докудова оставъ,—уговаривалъ старшина.—Вишь, вотъ, Михаилъ Степановичъ...

Сердобцевъ подошелъ къ столу, покрытому чернымъ порыжелымъ сукномъ.

— Ахъ-съ, Михаилъ Степановичъ, господинъ Сердобцевъ,—насмѣшливо и умышенно громко говорилъ писарь Жигуновъ.—Сельскій учитель, значить... наше вамъ-съ... одиннадцать съ пальцемъ. Что вамъ будетъ здѣсь угодно?

— Господинъ старшина,—сказалъ Сердобцевъ такъ, чтобы всѣ могли его слышать,—вотъ вамъ предписаніе о допущеніи меня къ должности волостнаго писаря. Не угодно ли сдать миѣ книги и дѣла?

— Отъ кого это такое предписаніе будетъ?—крикнулъ Жигуновъ и хотѣлъ вырвать у старшины переданную ему Сердобцевымъ бумагу.

Михаилъ Степановичъ удержалъ его за руку.

— Ты что, драться? Такъ я те разражу тутъ на мѣстѣ, не дынешь!—заоралъ писарь, отступая на шагъ и засучивая рукавъ.

— Вотъ что, Жигуновъ,—крикнулъ въ свою очередь Сердобцевъ,—булаки прочь... не то худо будетъ, велю связать и отправлю въ станъ.

Здоровенный кулакъ учителя тяжело опустился на столъ. Михайль Степановичъ былъ достаточно силенъ, чтобъ управиться съ тремя такими, какъ его противникъ, и Жигуновъ хорошо зналъ это.

— Меня связать?... меня въ станъ? Руки коротки... Я вотъ самъ сейчасъ ѣду, знаю куда...

Жигуновъ пошелъ къ двери.

— Саватій Семеновичъ, ключъ отдай,—заволновался старшина.—Михайль Степановичъ, вѣдь, онъ шкафъ-то заперъ и ключъ въ карманъ... Грозится...

— Не дамъ ключа... некому мнѣ ключъ отдавать! Я знаю, кому отдать!—крикнулъ писарь и вышелъ на крыльцо.

— Эй, Степка, лошадей!...—скомандовалъ онъ грозно подвочнику.

— Не хочешь ли...—послѣдовало совсѣмъ не литературное предложеніе.—При пѣшь, довольно ты мнѣ шею-то наостылялъ; валя на парѣ вороныхъ сапоговъ...

Толпа гоготала вслѣдъ павшему величію Жигунова.

— Какъ же теперь, Михайль Степановичъ?—сокрушался старшина.—Вѣдь, унесъ... Вотъ такъ оназію сотворилъ... Какъ быть теперь?

— Чего тамъ, какъ быть? Пьяная рожа онъ... хорошо, что ушелъ. Да что у васъ, сходъ, что ли?—спросилъ Сердобцевъ.

— Нѣтъ, какой сходъ... Такъ собрались... Узнали вотъ про тебя и налѣзли... Что съ ними подѣлаешь...

— То-есть, это насчетъ... какъ бы, Михайль Степановичъ,—заговорилъ высокій, осанистый мужикъ съ благообразною сѣдою бородой,—къ примѣру, узнали это и собрались... все, значить, общество... кубыть твою бы милость привздривить то-есть съ должностью...

Толпа молча переминалась и пыхтѣла.

— Значить, честь имѣемъ привздривить,—продолжалъ ораторъ.—Какъ мы тобой теперича очень довольны въ учителяхъ, къ примѣру, такъ чтобъ намъ съ тобой и впередъ жить...

— Благодарю на добромъ словѣ,—отвѣтилъ Сердобцевъ.— Постараюсь заслужить...

— Съ твоимъ съ упокойникомъ родителемъ, царство ему небесное...

— Водочки съ твоей милости старикамъ-то,—перебилъ грозившую затянуться рѣчь нетерпѣливый голосъ изъ заднихъ рядовъ.

— На ведерку,—подхватилъ другой.

— Ишь мы тутъ до кѣхъ хороводились...

— Измogli всѣ, какъ есть нитки сухой не осталось...

— Все для твоей милости, какъ мы тобой довольны... На ведерку надо...

— Чего ведерку на оку артель?... Лизать тутъ ведерку... Два ставъ... Жигунова опредѣляли—два ведра ставилъ... Ишь стыдъ... мокрета... Два ведра...—сперва по-одиночкѣ, а потомъ дружнымъ хоромъ голосила толпа.

— Это, братцы, какъ же такъ?—заговорилъ Сердобцевъ.

Толпа разомъ замолкла.

— Я не на то шелъ къ вамъ въ писаря, чтобы водкой поить. Какъ батюшка покойникъ никого не поилъ, такъ и я...

— Ну, нѣтъ, это не порядки... Батька твой особъ статья: то—попъ, а ты, значить, писарь; супроти общества ты не должбнъ, не можешь... Ты за уваженье...

— Ведерко... два ведра... два, два ведра,—нельзя безъ двухъ... О-го-го!...—ревѣла толпа въ правленіи, въ сѣняхъ, на площади.

— Брось имъ, Михаилъ Степановичъ,—бурчалъ старшина надъ самымъ ухомъ Сердобцева.—Чего тебѣ стоить?... Брось на ведерко. Надо стариковъ уважить.

— Кидай на ведерко, — ну ихъ! — совѣтовалъ церковный староста.—Нельзя ужъ безъ того,—порядокъ требуетъ.

— Чего жмешься?—укорялъ сборщикъ податей.—Пятишница-то, чай, тебя не рѣдила... вымай пятерку, и все тутъ.

Глотки расходились, толпа неистовствовала.

— Стой! Слышь вы, эй!—вопилъ старшина, махая высоко поднятыми руками.—Экъ ихъ! Помолчи малость, эй!...

Брики понемногу стихли.

— На вотъ, бери на ведро, и съ Богомъ. Яковъ, бери!

Онъ подавъ пятирублевку благообразному оратору.

— Еще, еще!...—заголосило нѣсколько человекъ изъ заднихъ рядовъ.—На другое давай... на полведерка...

Старшина махнулъ рукой и далъ еще денегъ.

— Ну, ладно, живеть,—одобрилъ Яковъ.—Вали всѣ въ кабакъ! Распросторивай!

— Вотъ такъ дѣла, вотъ такъ порядки!—разводилъ руками Сердобцевъ, когда толпа схлынула на площадь и дружною массой двинулась къ кабаку.

— Это ничего, Михаилъ Степановичъ, — поясняя старшина, — пуцай выпьютъ. Тоже къ тебѣ усердіе имѣютъ; для другаго въ эту слякоть ни въ жисть не пошли бы.

— Это точно, вѣрно,—подтвердилъ церковный староста. — Мы вотъ не пьемъ, а тоже пришли почтай въ колѣно...

Въ правленіи осталось человѣкъ десять непьющихъ крестьянъ, «столповъ», какъ ихъ называлъ покойный отецъ Степанъ. Они солидно подошли къ новому писарю и поочереди пожали ему руку твердыми, какъ скрепки, лапами.

— Привздравляемъ, привздравляемъ,—говорили однодворцы привѣтливо.—Дай Богъ въ часъ... Помози Богъ... Мотри, Степанъ, какъ мы тебя по твоему родителю, — царство небесное, вѣчный покой! — такъ чтобы на томъ шабашъ... одно слово, значить... Молчи, понимаемъ.

— Выпить пуцай, они-то... А вотъ что теперь съ этимъ-то дѣлать... шкафъ-то?—старшина закачалъ поникшею головой.

— Что дѣлать? Старики тутъ, взять да сломать замокъ, и вся недолга,—и Сердобцевъ повернулся было къ шкафу.

— Это не рука, оставить надо. Замокъ ломать нельзя, не позволю,—остановилъ старшина.—Замокъ—это, значить, какая статья? Замокъ—дѣло большое.

— Въ такомъ случаѣ запечатайте шкафъ. Вызовемъ становаго...

— Запечатать? Чѣмъ печатать-то? Печати всѣ тамъ и знагъ даже... Все приперъ, ваторжный!

— А что, къ примѣру, если какъ-нибудь петля? — предложилъ Ома Михайловичъ, одинъ изъ «столповъ», и сталъ внимательно осматривать дверцы волостнаго дѣлохранилища.

— Не все ли равно, что петля, что замокъ? — улыбнулся Сердобцевъ.

— Это ты погоди, Михаилъ Степановичъ, — наставительно объясняя старшина. — Петля что? Петля она и будетъ... оторвалась—прибилъ, и все тутъ. А за замокъ-то что бываетъ?

— Нѣтъ, замокъ какъ можно!—подтвердили старики.

— Дядинька, Иванъ Силантьичъ, — раздался дѣтскій голосъ мальчишки-десятника, — я печать и знакъ достану. Одна дядинька Саватій Семенычъ при мнѣ доставали, — ключъ куда-то засунули, — такъ, безъ ключа.

— Какъ такъ?

— Вотъ эту тесницу вынуть, она вымается, — мальчикъ показалъ на тесовую перегородку, у которой стоялъ шкафъ, — три тесницы сюда сдвигаются, а тамъ сзади изъ шкафа вымаются дощечки, хоть самъ влѣзай... Я влѣзу, право слово.

Мужики рты разинули: вотъ такъ крѣпкое хранилище! Сердобцевъ посмѣивался.

— Всей честной компаніи мое низжайшее почтеніе! — заговорилъ, входя въ правленіе, Максимъ Яковлевичъ Литовъ, богатый одноворецъ, грамотѣй, читальщикъ газетъ и большой любитель политики. — Первымъ дѣломъ, Михаилъ Степановичъ, позвольте васъ отпривѣтствовать и поздравленіе принести. Ивану Силантьевичу, Ѳомѣ Гавриловичу... — Литовъ назвалъ всѣхъ поименно, со всѣми поздоровался, ручками повидался. — Насчетъ ключа сомнѣваетесь? Извольте получить, вотъ онъ-съ, въ сохранности.

— Какъ онъ у тебя объявился, Максимъ Яковлевичъ? — удивились крестьяне.

— Довольно даже просто. Огмашенный-то нашъ самъ отдалъ и теперь винится. Сейчасъ во всей личности сюда доставать отецъ Иванъ и Никонъ Ивановичъ. Урезонили и въ сознаніе привели. А наши это тамъ у кабака возглагопали... и-и-и!... Это вы имъ, Михаилъ Степановичъ, должно быть, пожертвовали?

— То-есть собственно не я, — сконфуженно оправдывался Сердобцевъ. — Я не хотѣлъ... Вотъ старшина...

— Нѣтъ, это какъ же можно... безъ этого не бываетъ. Вы ужъ насъ на томъ извините, — шутилъ Литовъ, — а безъ этого снадобья, то-есть безъ брыкаловки, у насъ не полагается. Такой порядокъ-съ.

— Не нами заведено, не нами и кончится, — замѣтилъ Ѳома Гавриловичъ. — Потому теперича во всей Рассей...

— Въ этомъ не суть важное, — подтвердилъ церковный староста. — Кто ее вкушаетъ, — ну, и пуцай, силкомъ никто не волять. Какъ мы ее не лопаемъ, такъ она намъ и не надобна.

— Они-то! — старшина благодушно улыбнулся. — Силкомъ не заставишь, силкомъ и не запретишь. Супротивъ этого ничего нельзя.

— Это точно,—согласился Максимъ Яковлевичъ, вынулъ серебряную табакерку, щелкнулъ по крышкѣ, понюхалъ и стариковъ попотчивалъ.

Священникъ съ Хмаровымъ и Жигуновымъ подѣхали къ волостному правленію. Первые двое укрывались широкимъ дождевымъ зонтомъ и были почти сухи. На писарѣ образа человѣческаго не осталось,—такъ онъ измокъ и выпачкался въ грязи.

— Отдохли съ ключомъ-то!—провозгласилъ онъ, не снимая облипшаго на головѣ картуза. — Отпирай. Бери, Силантьевъ, знакъ,—жалую тебя опять старшиной! Получай, Сердобцевъ, всю архиву,—жалую тебя писаремъ! Бланияйся, благодари и посылай за виномъ... Смерть моя приходитъ, до самаго нутра пробрало.

Жигуновъ сбросилъ картузъ и вытеръ лицо мокрымъ платкомъ. Онъ былъ муруго-блѣденъ, какъ трупъ, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, дрожалъ до мозга костей. На него жалко было смотрѣть.

— Иди ты, Саватій Семеновичъ, въ свою комнату, перодѣнься и напейся скорѣе горячаго чаю,—сострадательно посоветовалъ Сердобцевъ.

— Нѣтъ, брр-ратъ... не по комплекціи... о, бррръ! вина... безъ вина околою. Тутъ все цѣло, весь хламъ, бери на совъѣсть... Что есть—тебѣ не доискаться, чего нѣтъ — не домекнуться... Посылай за виномъ... О-охъ, бррръ!... смерть моя. Ублаготвори,—пригожусь... Надоѣло мнѣ возиться съ этою вашей...

— Не говоря худаго слова, ха-ха-ха!—загоготалъ Хмаровъ на очень худое слово пьянаго писаря.

— Надоѣло... Самъ хотѣлъ бросить... О, чортъ васъ дери всѣхъ! Помирать, что ли, аспиды? Никонъ Ивановичъ, ты общалъ, божился,—не дай хоть ты сдохнуть, добрый человѣкъ!

— Слышь, десятникъ, живою рукой тащи полштофъ!—распорядился Хмаровъ.

— Шалишь! — вскочилъ Жигуновъ. — Общалъ штофъ, на штофъ и давай, искаріотская душа! Давай... Никонъ... Богомъ тебя, ради Христа... понимаешь, Саватій Жигуновъ тебя, кровопивца, просить?... Будь другъ, вели отвезти туда...

Хмаровъ только рукой махнулъ и положилъ мелочь въ трясущуюся руку писаря. Жигуновъ зажалъ деньги и почти бѣгомъ винулся къ двери.

— Картузъ-то, картузъ!...—крикнулъ вслѣдъ ему Литовъ.

Десятникъ схватилъ фуражку писаря и надвинулъ ему на голову въ то время, когда онъ вваливался въ телѣжку Хмарова.

— А дѣлецъ, жаль его, совсѣмъ пропалъ,—проговорилъ священникъ.

— Голова!—согласился Хмаровъ.

— Одно слово — копей!—подтвердилъ Максимъ Яковлевичъ, потчуй компанію изъ своей серебряной табакерки.

XIII.

Михаилъ Степановичъ, усталый физически и нравственно измученный, пошелъ домой объѣдать, и не могъ ничего ѣсть, легъ отдохнуть, и ни на минуту не уснулъ. Разстроенные нервы помимо воли воспроизводили нелѣпыя картины пьянства, невѣжества, грязи, въ ухахъ гудѣлъ шумъ, повторялись безобразные крики: «вина, вина... околѣю, слохну безъ вина... таковъ порядокъ... во всей Россіи... не нами кончится!»... Сердобцевъ вскочилъ съ дивана и вышелъ на крыльцо. Дождь пересталъ; тяжелыя тучи свинцовымъ волпакомъ давятъ унылую землю, на просторѣ гуляетъ холодный вѣтеръ, поетъ въ оголенныхъ деревьяхъ, стонетъ, точно скорбную пѣсню поетъ. На селѣ все тихо; мужики свою порцію выпили и по домамъ разошлись, утомонились. Сквозь быстро наступавшія сумерки кое-гдѣ начинали проглядывать огоньки въ окнахъ.

Бывшій учитель накинулъ пальто, постоялъ съ минуту, подумалъ, куда идти размыкать душившую его тоску, — въ барскую ли усадьбу къ Машечкѣ, или къ священнику Ивану Ивановичу; ничего не рѣшивши, не зная самъ, зачѣмъ, онъ направился въ гору мимо церкви и очутился у волостнаго правленія. Старикъ Ивановъ, сторожъ, выгидывалъ лопатой натасканную утромъ грязь; десятникъ свернулся комочкомъ на рваномъ войлокѣ и спалъ за перегородкой.

Въ просторной избѣ было душно, пахло какою-то прѣлою дрянью и начинающими разлагаться грибами. Сердобцевъ открылъ окно и зажегъ свѣчу, — стало уже совсѣмъ темно, — прошелся нѣсколько разъ изъ угла въ уголъ, хотѣлъ послать за помещникомъ писаря и не послалъ, — жаль было разбудить мальчишку-десятника, онъ такъ сладко спитъ, болтаетъ что-то во снѣ; сторожъ занять, скребетъ лопатой сѣни, и его, старичину, жаль посылать по такой грязи. Подошелъ Михаилъ Степановичъ къ шкафу, отперъ его, но не отворилъ, постоялъ передъ дверцей, мот-

куль головой и сѣлъ къ столу. Придя въ правленіе, онъ думалъ было работою разогнать тоску, а теперь руки не поднимаются на дѣло.

«Да и какое это дѣло? Настоящее ли оно? Дѣло ли это еще? — пробѣгали въ головѣ молодаго человѣка смутныя думы. — Развѣ этому народу исходящія нужны или входящія... настольные реестры? На что ему вся эта канцелярія съ двадцатью семью книгами, въ которыхъ никто не можетъ разобраться, кромѣ Жигунова?... На что нужны и сами Жигуновы? Я на что нуженъ?... Точно безъ насъ этотъ народъ никогда не управлялся, точно теперь-то не управится безъ писарскихъ крючковъ?... Но что же нужно? Что же дѣлать?... Тамъ, въ школѣ, все было ясно... толпа ребятъ, молодое поколѣніе, веселое, часто лѣнливое, но очень способное, всегда живое, ко всему отзывчивое, понятливое... Здѣсь — тотъ же народъ, отцы, дѣды милыхъ, шустрыхъ ребяткокъ, а каковы они, эти дѣды и отцы? Отчего они стали такими? Гдѣ причина? Олнодворцы были вѣчно вольными, на нихъ не лежалъ крѣпостной гнетъ; всегда у нихъ было вдоволь хлѣбородной земли, луговъ и всякихъ угодій, они не должны бы знать нужды, а, между тѣмъ... Что они? Пропились... Водка, вино разоряетъ... Нѣтъ, не въ винѣ причина... Но гдѣ же она, въ чемъ?...»

— Михайлъ Степановичъ, — послышался негромкій овликъ.

Сердобцевъ вздрогнулъ и поднялся съ мѣста. Передъ нимъ стояла высокая, молодая, очень красивая женщина, не красавица и не хорошенькая. Оба эти опредѣленія не подходили къ ней; иначе ее нельзя было назвать, какъ красивою. Темная шерстяная блуза, перехваченная кожанымъ поясомъ, ловко сидѣла на ея статной фигурѣ, не нуждавшейся въ корсетѣ. На первый взглядъ она могла показаться излишне полною, и полнота красила ее, — видно было, что это сильная натура, составленная изъ прочной кости, изъ здоровыхъ, какъ сталь, упругихъ мускуловъ.

— Вы не узнаете меня, Михайлъ Степановичъ... можетъ быть, и не знаете, — заговорила она слегка пѣвучимъ, какъ она сама, красивымъ голосомъ. Я Татьяна Кириловна, жена писаря... бывшаго.

Жигунова смогла и опустила глаза. Сердобцевъ видалъ ее мало, только издали и мелькомъ, но сразу узналъ, конечно.

— Что вамъ угодно? Чѣмъ могу служить? — спросилъ онъ, нитаясь щегольнуть тономъ, перенатымъ отъ Торбузова.

— Мужа моего протурили; опять докуралесилъ... Теперь пойдет... я его знаю. Спустить все... туда... Я, Михаилъ Степановичъ, шесть лѣтъ такъ-то маюсь съ нимъ... моченьки не хватаетъ... Въ шесть лѣтъ съ девятаго мѣста сгоняють.

Жигунова опять замолчала. Тяжелая дума все ниже и ниже клонила ея опущенную голову.

— Что же я могу для васъ, Татьяна Бириловна?

— Можете... вотъ что, Михаилъ Степановичъ, здѣсь квартиришка... у васъ свой домъ, вамъ она не нужна... дозвоьте мнѣ до мѣста... не выгоняйте. Буда я пойду? Нанять не на что, продать почитай ужъ нечего. Вотъ я—вся тутъ... Получали мы и помногу, и жили хорошо, и нѣтъ-то у насъ ничегохоньго... все тамъ—въ своемъ мѣстѣ...

Она показала куда-то рукой, потомъ опустила ее на спинку стула.

— Присядьте, Татьяна Бириловна, — предложилъ Сердобцевъ.

— Чего мнѣ сидѣть? И стоять силы нѣтъ, и сидѣть нѣту моченьки...

Жигунова сѣла и подняла глаза. Въ нихъ ни слезинки не было, но видѣлась такая безпросвѣтная грусть, такое неисходное горе, что молодому человѣку показалось, будто эти глаза не умѣютъ смотрѣть иначе—отвыкли, и плакать не умѣютъ—все выплакали.

— Дайте хоть опаматоваться, обдуматься, Михаилъ Степановичъ. Выгоняли насъ въ часъ одинъ... По мѣсяцу на поденщину ходила... голодала... Господи! какъ жива осталась... какъ сама не спилась, не пропала...

— Я слышалъ, вамъ Хмаровъ предлагаетъ...

— Бъ нему я не пойду, — рѣзко перебила его Жигунова, — скорѣе сдохну... Что вы смотрите такъ? Да, сдохну, а не пойду я на предложенія этого паука... Паукъ онъ! Лучше чортъ знаетъ куда, не если... Стало быть, вонъ убираться мнѣ, Михаилъ Степановичъ?

Она поднялась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери.

— Татьяна Бириловна, — остановилъ ее Сердобцевъ, — я вотъ поговорю со старшиной.

Его сердце опять сжалось, заняло тоской.

— Что же ему говорить? Нешто онъ противъ васъ можетъ пикнуть? Все въ васъ, а онъ что?... Чучело, пугало воронье...

Не откажите, хоть на короткое время... Заставьте Бога молить. Оправлюсь, заплачу сколько назначите...

— Нѣтъ, платы мнѣ съ васъ не надо... квартира не нужна мнѣ... Живите, сколько вамъ нужно... только какъ крестьяне?

— Э! что они значуть? Скажите вы слово и я буду покойна. Такъ можно?

Она протянула руку; Сердобцевъ подалъ ей свою и кивнулъ головой.

— Ну, благодарю... спасибо вамъ, добрая душа. Дай Богъ счастья вамъ и вашей невѣстѣ.

Жигунова вышла.

«И эта еще... Что она?—разсуждалъ про себя Сердобцевъ, и увѣсисто, какъ подобаешь волнующемуся семинаристу, зашагалъ по неровному полу.—Здѣсь въ селѣ про нее всякія мерзости болтали... Нѣтъ, пустое это, — не такую она смотреть. Если бы что — не отказалась бы отъ житья у Хмарова... И у Нигона губа не дура, — ишь куда мѣтитъ! Это хоть бы и не его посконному рылу... Красива... страсть красива!... На что у Торбузовыхъ подборъ, а эта лучше и Амели, и Адели, и Зины...—Онъ не вспомнилъ о Машечкѣ,—такъ не шла ея маленькая, хорошенькая фигурка ни въ какое сравненіе съ Татьяной Жигуновой. —Тѣ красавицы,—продолжалъ молодой человекъ,—настоящія красавицы... а эта лучше всѣхъ... Только что же это за глаза?... Я никогда не видывалъ такихъ тяжелыхъ глазъ; на нихъ смотришь — за душу хватается, плакать хочется. Экъ ее жизнь-то погладила!... Загубленная и эта. Чѣмъ?... Жигуномъ?... А самъ Жигунъ? Онъ что? Его что загубило? Вино... Что за чепуха! Все вино, вино... Не вино же всему злу корень?... Гдѣ же корень, гдѣ причина? Спились... Отчего-нибудь запили, однако, прежде чѣмъ спиться? До чего допьются!...»

Точно въ отвѣтъ на эти думы подъ окномъ раздался скрипъ телѣги и потомъ чей-то голосъ, вызывавшій сторожа и писариху. Сердобцевъ вышелъ со свѣчей въ сѣни. Ивановъ, полупьяный сотскій и еще какой-то мужикъ скорѣе волокли, чѣмъ вели почти безчувственного Жигунова. Онъ едва переставлялъ подкашивающіяся ноги; всклокоченные и окровавленные волосы слиплись на лбу и на вискахъ; голова безпомощно болталась, все тѣло казалось безобразнымъ комомъ грязи и всякой мерзости... Изъ противоположной двери вышла, тоже со свѣчей, Татьяна Кириловна и остановилась на порогѣ. Глаза Сердобце-

ва встрѣтились съ ея глазами. «Теперь видите, почему я такая?» — почудилось ему въ этомъ взглядѣ. Она не отшатнулась отъ того, что, по закону, должна любить и уважать, не вымолвила ни слова укоризны или жалобы, подняла немного свѣчу и прошла въ свою комнату. Черезъ минуту оттуда вышли втащившіе мертво-пьянаго писаря и дверь за ними затворилась.

Рано утромъ мальчишка-десятникъ прибѣжалъ къ Сердобцеву и разбудилъ его.

— Михаилъ Степановичъ, — объяснялъ онъ торопливо, захлебываясь, — писариха прислала до вашей милости... требуетъ подводу за фельдшеромъ, а подводчикъ не ѣдетъ безъ приказа... Хозяинъ у нея рѣзко захворалъ, какъ бы чего... не померъ бы...

Часамъ къ десяти пріѣхалъ фельдшеръ, сказалъ, что у больного воспаление легкаго, не преминулъ назвать болѣзнь по латыни и началъ обычное въ этихъ случаяхъ коновальство.

Неожиданная болѣзнь писаря поставила Сердобцева въ большое затрудненіе. Михаилъ Степановичъ отъ всѣхъ слышалъ, что въ Просѣковскомъ волостномъ правленіи страшный беспорядокъ, настоящій хаосъ, которымъ прикрыты вопіющія злоупотребленія. Такъ говорили въ домѣ Торбузовыхъ; то же передавали ему и въ городѣ. За это удаленъ Жигуновъ, несмотря на нѣкоторое покровительство предводителя и на поддержку предсѣдателя управы, Ходунова. Сердобцеву надо было принять должность, а сдавать ее было некому. Мальчишка-помощникъ, очевидно, хорошо выдрессированный Жигуновымъ, бойко выложилъ всѣ книги, наряды, дѣла и всякіе реестры и списки. Все оказалось въ отличнѣйшемъ порядкѣ, хоть сейчасъ на сенаторскую ревизію представляй; у пьянаго писаря съ шестнадцатилѣтнимъ помощникомъ изъ сельской школы во всемъ въ глаза бросалась педантическая аккуратность, чистота и точность, — нигдѣ ни помарки, ни поправки, ни одной ошибки... Сердобцевъ недоумѣвалъ, не зная, что предпринять, а посоветоваться было не съ кѣмъ. Торбузовъ еще не вернулся съ земскаго собранія, съ отцомъ Иваномъ не стоило и заговаривать; онъ уже злился за исторію съ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ, а теперь изъ себя выходилъ отъ зависти къ благополучіямъ, неожиданно выпадавшимъ на долю «счастливица». Подумалъ, подумалъ Михаилъ Степановичъ, да всѣ свои сомнѣнія и изложилъ въ частномъ письмѣ къ непремѣн-

ному члену Бондорову. Черезъ два дня Бондоровъ былъ въ Просѣковскомъ волостномъ правленіи.

— Ну, что?—обратился онъ къ Сердобцеву.—Въ чемъ затрудненіе, чего не разберете?

— Владимиръ Сергѣевичъ, ничего не могу разобрать...—Сердобцевъ открылъ одну книгу и подвинулъ ее къ Бондорову.— Вотъ вездѣ такъ же чисто и исправно... нигдѣ ни сучка, ни задоринки... А, между тѣмъ, я навѣрное знаю, что тутъ есть и подложные приговоры, и растраты, и другія штуки... въ податной книгѣ, въ тетрадкахъ...

— Гм... Разумѣется, — коротко замѣтилъ непремѣнный членъ.—Я зналъ...

— Какъ же быть теперь? Слѣдователю сообщить надо...

— Это зачѣмъ же?

— Да, вѣдь, подлоги-съ... растраты...—удивлялся Сердобцевъ спокойствію начальства.

— Да... Жигуновъ болѣнь?

— Чуть дышетъ, лежитъ...

— Старшину я удаю, пусть пока кандидатъ ходитъ. Соберите сходъ и предложите сдѣлать учетъ, пусть выберутъ учетчиковъ... Я думалъ, Иванъ Силантьевъ,—обратился Бондоровъ къ старшинѣ,—что ты проходишь трехлѣтіе, не проворуешься.

— Я что же, вашескородіе?—приниженно мямлилъ старшина.—Моей причины никакой нѣтъ... Писарь, извѣстно... Бабы люди мы видушіе, а то мы что...

— Тамъ разберуть.

Непремѣнный членъ уѣхалъ. На мѣсто устраненнаго Филькова должность старшины принялъ его кандидатъ, Яковъ Васильевичъ Терехинъ, благообразный ораторъ, «привздравлявшій» Сердобцева и тянувшій съ него денегъ на выпивку. Собрали волостной сходъ, выбрали учетчиковъ, «привздравили» Терехина и выпили съ него два ведра. Онъ за малостью не постоялъ, рассчитывалъ быть выбраннымъ въ настоящіе старшины и охотно задобривалъ «господъ стариковъ». Иванъ Силантьевичъ не захотѣлъ отстать и на прощенье самъ предложилъ «попоштовать» стариковъ, выставилъ тоже два ведра, тоже задобривалъ въ виду предстоящаго учета. До темныхъ сумерекъ гудѣла и «глаголала» толпа передъ кабакомъ; по улицамъ раздавались пьяные крики, пьяная брань, пьяная пѣсня, валялись пьяные люди... Молодой

мѣсяцъ добродушно смотрѣлъ съ ясной высоты на старую, приглядѣвшуюся картину.

— Что это у васъ? Ай праздникъ? — спросилъ у околицы проѣзжій тарханъ.

— Старшину смѣнили, — отвѣтилъ хриплый голосъ. — Старого за мошенство выставили.

— Такъ, значить, новаго поздравляютъ?

— Съ обоихъ пьютъ. На томъ, бають, начеть великъ.

— Такъ...

Телѣга, нагруженная шкурами съ палыхъ коровъ, свернула на выгонъ и заскрипѣла въ объѣздъ. Тарханъ оказался челоувѣкомъ бывалымъ, по опыту зналъ, что въ такое время съ его товаромъ небезопасно попадаться на глаза разлакомившимся обывателямъ. Это, вѣдь, не урядникъ, — тутъ не то, что полтинникомъ, а и ведромъ, пожалуй, не отойдешь... Верста не крижъ, а береженаго Богъ бережетъ.

XIV.

Съ осени, какъ только Сердобцевъ вступилъ въ должность писаря, энергiя всѣхъ властей направилась на сборъ податей, на взысканiе недоимокъ и засыпку хлѣбныхъ магазиновъ. Въ волостныхъ правленiяхъ всѣ дѣла отложены на время; всякiе учеты, суды между собою мужиковъ, ихъ раздѣлы и тому подобныя пустяки могли ждать своей очереди сколько угодно, да если бы и никогда не дождались, такъ бѣды бы не было, а подати и недоимки не ждутъ. Такъ говорили исправникъ, становые, члены управы, такъ предписывало присутствiе по крестьянскимъ дѣламъ, то же давали разумѣть печатные и гектографированные циркуляры и подтвержденiя отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, имѣющихъ досугъ писать и власть посылать приказы волостнымъ правленiямъ. И вотъ почтари и разсылные мыкаются, какъ угорѣлые, съ никому ненужными пакетами; старшины и писаря скачутъ, сломя голову, изъ деревни въ деревню, изъ поселка въ поселокъ, и тѣ изъ нихъ удостоиваются начальническаго одобренiя, кого никакое начальство нигдѣ догнать не можетъ, ни исправникъ, ни становые, летающiе орлами и оглашающiе весь уѣздъ понудительнымъ севернословiемъ. Ихъ самихъ гоняють циркуляры, «строжайшiя» предписанiя и угрожающiя подтвержденiя. Иные опытные старшины ловко укрываются по

кустамъ и оврагамъ, отдавши тоже «циркулярно» словесное распоряженіе вездѣ объяснять начальству, что старшина съ писаремъ сейчасъ были и только что уѣхали. Всѣмъ извѣстно, какъ опасно старшинѣ, писарю или старостѣ попадаться на глаза властямъ въ періоды недоимочно-податнаго ошалѣнія: настигнутый неминуемо и неукоснительно ввергается въ кутузку. Вотъ почему за все это время старшину нельзя застать въ волостномъ правленіи: «по деревнямъ уѣхалъ подати выбивать», и ни одного старосту нельзя найти въ деревнѣ, — всѣ уѣхали въ волость, подати повезли... И Сердобцевъ скакалъ и мыкался, увлекаемый собственнымъ усердіемъ и рьяностью вновь поставленнаго старшины Терехина, и Сердобцевъ спѣшилъ укрыться, заслышавши о приближеніи исправника, и онъ отсиживался отъ начальства на гумнахъ и въ оврагахъ, по слезному моленію Якова Терехина, откровенно признававшагося въ томъ, что предпочитаетъ келейное мордобитіе и бродотрясіе полицейской кутузкѣ. Немного наслуживши, Михаилъ Степановичъ уже во многомъ началъ соглашаться со старшиной и старостами и готовъ былъ не только въ кустахъ, а гдѣ угодно скрывать отъ исправника и его сотрудниковъ, чтобы только не слышать дикихъ ругательствъ, не видать озвѣрѣлыхъ лицъ и неистовыхъ дѣяній, почитаемыхъ необходимыми для успѣшности сбора съ обывателей обыкновенныхъ, очередныхъ платежей. Онъ даже рѣдко удосуживался бывать въ домѣ Торбузовыхъ у невѣсты.

Машечка, впрочемъ, не особенно сокрушалась объ этомъ, хотя и освоилась съ ролью счастливой, влюбленной невѣсты, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стала къ ней пріѣзжать и гостить по нѣсколькимъ днямъ старшая сестра Леночка. Ей на зависть Машечка рассказала свой романъ съ Сердобцевымъ, со слезами на глазахъ вспоминала о препятствіяхъ, которыя имъ пришлось преодолѣть, прежде чѣмъ они добились согласія матушки Вѣры Васильевны, Торбузовыхъ и Раева; съ большою сдержанностью упомянула она и объ ухаживаніяхъ Петра Николаевича и Барпатовича, и доктора Чадрина, лечившаго дѣтей Торбузовыхъ. Но Машечка такъ любила своего милаго, ненагляднаго Мишу... И Машечка сама себя вѣрила, и вправду пылала нѣжною страстью къ герою, созданному ея воображеніемъ и заслонившему собою небойную фигуру волостнаго писаря. Леночка искренно завидовала счастью сестры, приданому, которое ей дѣлала Екатерина Сергѣевна, и побѣдамъ, одержаннымъ Машечкой, и богатству,

которымъ она будетъ наслаждаться замужемъ. Машечка торжествовала, была на самомъ дѣлѣ счастлива и не видала, какъ летѣло время среди сутолоки, не прерывавшейся въ домѣ Торбузовыхъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣшенъ былъ вопросъ о кандидатурѣ Петра Николаевича въ предводители. Въ постоянныхъ хлопотахъ объ обѣдахъ, ужинахъ и вечерахъ, Марья Ивановна только урывками видала жениха даже тогда, когда Сердобцевъ освободился отъ возни съ податями и съ рекрутскимъ наборомъ.

— Машурочка, — захлебывался Михаилъ Степановичъ, сжимая ея маленькія ручки въ рѣдкія минуты свиданій наединѣ, — Машурочка... вѣдь, съ прошлаго воскресенья... цѣлую недѣлю...

— Что цѣлую недѣлю? — наивно недоумѣвала дѣвушка.

— Цѣлую недѣлю не видались.

— Ахъ, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ. Вы меня забываете, я, наконецъ, разсержусь...

— Машурочка!... — и онъ прижималъ къ груди ея руки, не рѣшаясь поцѣловать ихъ, какъ обучали его французенка и невѣста. — Теперь уже скоро не разстанемся...

— Да, да... пустите руки... Слышите? Идутъ!

Слово «идутъ» приводило всегда молодаго человѣка въ большое смущеніе. Машечка пользовалась этимъ и убѣгала, посылая ему изъ двери воздушные поцѣлуи.

А въ волостномъ правленіи учетчики все еще копались надъ порученнымъ имъ дѣломъ и никакого учета не сдѣлали. Сердобцевъ изъ силъ выбился и въ конецъ запутался въ невообразимомъ хаосѣ копѣчныхъ переборовъ, недоборовъ, умысленныхъ и неумысленныхъ пропусковъ въ записи, двойныхъ взысканій и проч. Въ воскресенье передъ святками Татьяна Кириловна остановила его при выходѣ изъ церкви послѣ обѣдни.

— Михаилъ Степановичъ, зайдите къ намъ, — нерѣшительно выговорила она, — мужъ проситъ васъ по дѣлу.

Сердобцевъ едва узналъ Жигунова, — такъ онъ похудѣлъ, постарѣлъ, сгорбился.

— Спасибо, что зашелъ, — хриплымъ шепотомъ встрѣтилъ гостя бывший писарь. — Это ты хорошо... Садись, Михаилъ Степановичъ.

— Какъ здоровье? Поправляетесь? — неловко спросилъ Сердобцевъ.

— Отправляюсь... — Жигуновъ разсмѣялся и закашлялся. — Не видишь развѣ? Отдѣлка... За тобой послалъ... Вотъ что, Ми-

ханя Степановичъ: ты мнѣ сослужи, и я тебѣ послѣднюю службу...—глухой кашель не далъ ему договорить.

— Чѣмъ могу, Саватій Семеновичъ?

— Ты человѣкъ... добрая душа... не оставь ее,—Жигуновъ качнулъ головой въ сторону жены.—Учетъ у васъ... ничего вы не учитаете. До времени не выгоняй Татьяну... дай честное, благородное слово, что не выгонишь, пока мѣста не найдеть... да еще заплати мнѣ двѣ красненькихъ, все разъясню, въ два дня кончу. Теперь все единственно, отдавай подъ судъ, я ничего не боюсь, вѣтъ здѣсь на меня суда... А этому собачьему сыну Филькову туда и дорога... Согласенъ?... Разговѣться нечѣмъ, похоронить будетъ не на что...

— Ладно, согласенъ, Саватій Семеновичъ. Я бы и такъ не отказалъ.

— Спасибо, другъ. Не откажи еще вотъ въ чемъ... — Глубоко ввалившіеся глаза Жигунова вспыхнули, на щекахъ загорѣлись красныя пятна. — Насчетъ ее... Таньки. Помру, помоги насчетъ мѣстишка ей, у тебя знакомство... все можетъ, въ няньки, что ли, въ ключницы... Подлецъ Хмаровъ вонъ, черти его душу задави... Не хочу я... не доставайся моя Танька этому Іудѣ Искаріотскому... Бому хочешь, только не ему, аспиду... Тебя вотъ чортъ догадалъ жениться... Нельзя ли на мѣсто твоей къ Торбузовымъ?... Похлопочи. Онъ охочъ до такихъ...

— Будеть тебѣ, грѣхководнигъ, вѣдь, умираешь,—съ тихимъ, горькимъ укоромъ проговорила Татьяна Кирилловна.

— Живой о живомъ думаю,—Жигуновъ хотѣлъ засмѣяться и чуть не задохся отъ невыносимаго кашля.

Сердобцевъ далъ слово не выгонять жену писаря изъ квартиры, обѣщалъ помочь найти мѣсто и передалъ ей двадцать рублей. Черезъ нѣсколько дней подъ умѣлыми руками едва живаго писаря копейки превратились въ рубли, въ десятки и сотни рублей. Въ новому году былъ готовъ подробный и обстоятельный учетъ.

— Насчетъ подлоговъ ты, Михаилъ Степановичъ, отдумай,—хрипѣлъ больной,—не таковъ человѣкъ Саватій Жигуновъ, чтобы на пустякахъ попасться... Ничего нельзя доказать, все въ наилучшемъ видѣ пристроено... Не такова эта голова была... Эхъ, голова, голова! Кабы ей ходу... да кабы не зелье промлятое!...

— Неужели такъ оно привлекательно, это зелье? — выгово-

рилъ Сердобцевъ давно занимавшій его вопросъ. — Съ такою-то головой, какъ вы сами говорите... и поддаться негодному зелью...

— Ха! Поддаться... А съ чего поддался?—Жигуновъ нервно поднялся на локоть.—Съ чего? Спроси у Таньки... спроси, спроси непременно. Татьяна, скажи ему... Пусть знаетъ, какъ... съ чего гибнуть... Будь они прокляты всё...

Жигуновъ качнулся и упалъ бы съ кровати, если бы жена не подхватила его. Съ глухимъ рыданиемъ несчастный припалъ головой къ ея груди и чуть слышно шепталъ:

— Таня, Таня... прости, голубка...

Татьяна Кириловна кивнула Сердобцеву, чтобъ уходилъ, и стала укладывать больного на высоко-взбитыя подушки.

Въ волостномъ правленіи дожидался писаря однодворецъ Максимъ Литовъ, гласный и членъ правленія ссудо-сберегательнаго товарищества.

— Какъ дѣла-сь, Михаилъ Степановичъ?—спросилъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій.—Что блаженный-то нашъ, плохъ?

— Совсѣмъ плохъ, вотъ-вотъ умереть каждую минуту.

— Тѣкъ-сь... Ахъ, ахъ, ахъ!... Жизнь-то наша,—покачивалъ головой Максимъ Яковлевичъ.—Жаль, очень жаль, башня была золотая и человѣкъ сердечный. А все винцо, все оно, подлое, сгубило.

— Да съ чего винцо-то, скажите мнѣ, Бога ради?—волновался молодой писарь.—Вотъ у насъ поголовное пьянство, богатѣйшая волость, и двѣ трети мужиковъ пропились...

— Достальная треть пропивается, — подсказалъ Литовъ. — Это точно. Десятокъ дворовъ держится кое-какъ, прочіе совсѣмъ разслабли.

— Отчего? Говорять, въ журналахъ печатають, будто мужикъ пьетъ съ бѣдности, съ горя,—разсуждалъ Сердобцевъ.—Наше село было богатое, земли множество... И выходить, что не отъ бѣдности начали пить, а бѣдность настаеть отъ пьянства...

— Это такъ точно и есть. А все оттого, Михаилъ Степановичъ, что мужикъ слабъ, а она-то, водка эта самая, сильна, и супротивъ нее ничего не подѣлаешь. Пытали мы давно, при упокойникѣ батюшкѣ вашемъ, царство небесное... Какъ открылась дешевая водка, тутъ было наши запили-закурили... Господи-батюшка, что только творилось! Въ ту пору отецъ Степанъ и склонилъ стариковъ приговоръ дать, чтобы кабака у насъ не

было. Съ годъ уламывалъ... Мой родитель, царство небесное, въ старшинахъ былъ, допрежь того много лѣтъ въ головахъ состоялъ, старикъ сильный, могущественный, никого не боялся, въ почетномъ кафтанѣ, съ медалью... Окружной ли, исправникъ ли—ему ни почемъ; чуть что, прямо, говорить, къ губернатору поѣду... Съ министромъ разговаривалъ. Ну, вотъ, они съ отцомъ Степаномъ, да съ настоящими стариками и настояли, сходъ послушався, далъ приговоръ — не бывать кабаку на вѣчныя времена. А кабакъ - то держалъ бывший откупщикъ. И-и-и... взбѣленился тутъ, давай и такъ, и сякъ орудовать: вина выставялъ старикамъ сколько хочешь, жалобы подавалъ на отца Степана, на моего родителя: народъ, молъ, смущаютъ, бунтъ дѣлаютъ... въ губернію ѣздилъ. Присылали чиновника, потомъ протопопа. Протопопъ ничего, одобрилъ, похвалилъ даже. А чиновникъ разъ до трехъ собиралъ сходъ, свои резоны представлялъ, что нельзя такому значительному селу безъ кабака жить. А нашъ народъ какой? Упорный народъ, стойкій, на чемъ миръ порѣшилъ—умреть, не подается. Всѣ въ едино слово на томъ и стали: не хотимъ кабака... Съ тѣмъ чиновникъ и уѣхалъ. И не было у насъ кабака года три...

— А теперь три кабака стало, да еще складъ, — замѣтилъ Сердобцевъ.

— Что-жь ты подблаеешь? Врагъ-то силенъ... Въ писаніи сказано: еще око твое соблазняетъ... Сами знаете лучше насъ: вырви, говорится, это самое око и брось его далече отъ себя... Это такъ. Только нельзя ничего подблатъ, и рады бы.

— Почему? Соблазняетъ кабакъ—вырвите его съ корнемъ.

— Не подь силу, корешокъ-то у него толстъ и въ собственной своей землѣ сидить. А то бы, можетъ, и попробовали вырвать,—возразилъ Литовъ.—Хмаровъ-то у насъ ловчакъ. Купилъ тутъ усадьбу у одного замотыги. Земля-то четвертная, все равно, что дворянская, жалованная. Хмаровъ и купилъ ее въ вѣчность, да тихимъ манеромъ. Мы было прошеніе подавали, что не желаемъ чужихъ людей на свои усадьбы. Прошеніе вернули, правовъ, значить, нашихъ нѣтъ на это. Такъ за Хмаровымъ и осталась. А на своей землѣ онъ воленъ и кабакъ держать, и складъ открывать. Поди-ка теперь вырви его съ корнемъ. По его слѣду, на томъ концѣ, дворяногъ одинъ тоже купилъ участокъ и тоже кабакъ открылъ. Старики смотрѣли, смотрѣли, да сами и сдали пустой участокъ подъ третій... Ничего не подблаеешь...

Вотъ и пьемъ мы теперь и съ радости, и съ горя, отъ бѣдности и отъ богатства, докопѣ все не сравняемся подъ одну нищенскую суму... Э-эхъ, эхъ-э!... Старика бы поднять моего, упокойника!...

XV.

Свадьба Сердобцева вышла блестящею. Посажеными у Машечки были предводитель Раевъ и Торбузова, шаферами Карпатовичъ и докторъ Чадринъ. Матушка Вѣра Васильевна не захотѣла ударить лицомъ въ грязь, — раскошелилась и задала пиръ на славу. Участіе «знатныхъ особъ» въ бракосочетаніи сына льстило самолюбію старушки. Приданое невѣсты радовало матушку не столько своею цѣнностью, сколько выводомъ, что, стало быть, ея богоданная дочка съумѣла заслужить у добрыхъ людей и совсѣмъ не пустая дѣвчонка, какъ старалась увѣрить Настя. Сама Машечка правилась старой попадѣ; ея маленькая, живая фигурка и нѣжный, веселый голосокъ, ея ласковость, отсутствіе гордости и чванства, услужливость, весь съладъ дѣвочки, внѣшній и внутренній, какимъ онъ проявлялся, — все закупало въ ея пользу. Любимица въ домѣ Торбузовыхъ быстро завоевала то же положеніе въ своей новой семьѣ. Дарья Степановна, старшая сестра Сердобцева, жена консистерскаго столоначальника, губернская дама и, притомъ, «свѣтская», была въ восторгѣ отъ хорошенькой невѣстки, превосходно образованной и тоже очень «свѣтской»; еще бы не превосходно: Машечка танцевала, какъ сильфиды, немножко слишкомъ бойко для «общества», но восхитительно для мелкаго чиновничьяго круга, играла на фортепіано, премило пѣла и даже говорила по-французски. У Амели, у Торбузовыхъ и Карпатовича ея французскій языкъ вызывалъ всегда улыбки; самъ Михайлъ Степановичъ не разъ уговаривалъ невѣсту воздержаться отъ французскихъ разговоровъ. Но для Дарьи Степановны, для Семена Степановича и его супруги смѣло сходили за французскій языкъ такія фразы, какъ: «жирэ саше билёръ тиль-тиль». Бромъ того, Машечка отпускала свои чудесныя словечки о скорби народной, о трудовомъ пролетаріатѣ, съ самимъ столоначальникомъ поговорила о чемъ-то очень мудреномъ и даже слегка поспорила, и столоначальникъ оказался въ спорѣ побитымъ, въ особенности, когда сторону Марьи Ивановны приняли Михайлъ

Степановичъ и его братъ, священникъ. Всѣмъ пришлось по душѣ Марья Ивановна.

И Машечка утопала въ блаженствѣ; она была героиней дня, центромъ, вокругъ котораго все вертится, для котораго все хлопотеть. Она чуть въ обморокъ не упала отъ восторга, когда ее, одѣтую въ подвѣнчный нарядъ, поставили передъ трюмо. Въ серебристомъ, почти бѣломъ платьѣ, въ прическѣ, сооруженной общими усиліями Амели и Раевской англичанки, въ гирляндѣ флёръ-д'оранжа, въ длинномъ, артистически наброшенномъ вуалѣ, она сама себя показала какимъ-то неземнымъ созданіемъ. Рядомъ съ нею, позади нея стояли нарядныя, красивыя, очень красивыя дѣвушки: Амели, англичанка, пышная Адель, Леночка, Лилинька, дочь Раева. Машечка быстро оглянула ихъ всѣхъ до горничныхъ Зины и Матрешы вкдючительно, опять обратилась къ зеркалу и въ ея головѣ болѣзненно пробѣжала странная думка: «Лучше, лучше всѣхъ... и такая-то красавица за какого-нибудь... писаришку!... Эхъ, бѣдность!» Машечка вздрогнула.

— Мнѣ страшно,—проговорила она вдругъ неожиданно громко для самой себя.

— Молитесь, моя милая,—сказала англичанка, поправляя цвѣты,—Богъ подерѣпитъ васъ.

— Страшно ли, нѣтъ ли, а идти надо,—Торбузова взяла невѣсту за руку.—Я уже послала сказать...

— Нѣтъ, не могу... Екатерина Сергѣевна, милая, родная... два слова вамъ... одной. На минуту выйдемте,—упрашивала Машечка.

— Что еще такое? Ъхать надо, тамъ ждутъ.

Ничего не слушая, блѣдная, дрожащая, Марья Ивановна выбѣжала въ корридоръ и громко зарыдала. Торбузова поморщилась и вышла за нею.

— Амели, дайте спирту, капель,—распорядилась хозяйка.— Что съ вами, Машечка? Вы были такимъ молодцомъ и вдругъ... Что такое?

— Голубушка, Екатерина Сергѣевна! спасите... сдѣлайте какъ-нибудь... я не могу... не хочу, не хочу...

— Чего вы не хотите?

— Замужъ... не хочу за него... Ради самого Бога! Я не люблю его... терпѣть не могу!

— Да вы, моя милая, совсѣмъ рехнулись, кажется. Объ этомъ раньше думаютъ. Цѣлыхъ четыре мѣсяца было на то... Пейте вотъ и перестаньте глупости дѣлать.

Она подала Машечкѣ принесенную французенкой рюмку съ лавро-вишневыми каплями.

— Амели, что же это?—обратилась подъ защиту гувернантки молодая дѣвушка.—Я не люблю его... не хочу...

— О, what? Правда?—Амели весело разсмѣялась.—И отлично, снимайте вашъ прекрасный нарядъ, эти чудные цвѣты, серги... Скорѣй снимайте, скорѣй... Я надѣну все это и женю на себѣ вашего милаго философа. Вы не хотите замужь, я не хочу оставаться старою дѣвкой.

— Амели женить... въ одну минуту женить,—разсмѣялась Торбузова.—Что же, согласны?

Машечка сразу притихла и покорно, опустивши голову, пошла въ залу подъ-руку съ своею посаженою матерью.

— Эхъ, такой бонбончикъ хоть бы и не моему сѣмарю,—наклоняясь къ Вильникову, тихо говорилъ Торбузовъ, оглядывая съ ногъ до головы хорошенькую невѣсту.

— Да, братъ, бонбончикъ. Какъ это ты прозѣваль? А еще считаешься докой!—посмѣивался Борисъ Вильниковъ.—Вообще, старѣть ты начинаешь. Отъ французенки совсѣмъ отшилъ тебя докторъ... и остается тебѣ лишь вотъ эта Адель.

— А что-жь такое? И Адель—капиталь.

— Дѣвка вальяжная,—согласился Вильниковъ.—Только нѣтъ, братъ, не то, больно она коровиста...

Торбузовъ усмѣхнулся и шепнулъ пріятелю что-то на ухо. Вильниковъ такъ и прыснулъ.

Вспышка Машечки совсѣмъ улеглась; съ выходомъ въ залъ опять заговорилъ прирожденный инстинктъ, и дѣвушка заиграла свою роль, опускалась на колѣни, вела поклонны, прощалась, даже плакала, но все это такъ граціозно, мило и осторожно, что ни одна складка ея наряда не смялась, не растрепался ни одинъ локонъ прически. То же въ церкви подъ вѣнцомъ.

— Поднимите... прическу мнете,—шепнула она Барпатовичу, когда тотъ, по настоянію Дарьи Степановны, опустилъ вѣнецъ на голову невѣсты.

Въ новой пристройкѣ къ Сердобцевскому дому, «у себя», Машечка окончателно развеселилась. Стараніями Михаила Степановича, его матери и замужней сестры все тамъ было очень хорошо и прилично устроено: подержанная мебель подновлена, обита новымъ ситцемъ, на окна прилажены кисейныя драпировки, туалетный столикъ съ розовымъ подбоемъ, съ розовыми бантами

имѣеть очень нарядный видъ, вездѣ зажжены свѣчи, лампы, такъ все уютно, чисто, пахнетъ смолой новаго сосноваго лѣса. У всѣхъ довольныя, веселыя лица. И Машечка довольна, и она весела и счастлива.

— Хорошо здѣсь у насъ?—обращается она къ Амели.

— Хорошо, Мари, очень хорошо,—задумчиво отвѣтила французенка.—Здѣсь возможна идиллія, возможно счастье. Надо только умѣть быть счастливымъ.

— Да, гм... гм... конечно. Съ милымъ рай и въ шалашѣ,—виѣшался Барпатовичъ.— Но я, признаюсь, гм... не понимаю счастья въ коробочкѣ.

— А гдѣ же? Во дворцѣ?—обидѣлась Марья Ивановна.— Намъ дворцовъ не видать. Свой уголокъ да щей горшокъ—и самъ большой.

— Гм... да, но я бы предпочелъ нѣсколько болѣе разнообразный столъ и нѣсколько болѣшій... гм... просторъ. Бъ тому же, я не люблю щей. А вы, м-лле Амели?

— Я щи люблю,—отшутилась Амели.

Барпатовичъ откашлялся и хотѣлъ еще что-то сказать, но его остановилъ вопросъ Сердобцева:

— Хорошо, вѣдь?

Всѣ хвалили, только кандидатъ правъ насмѣшливо улыбался. Машечка видѣла это и досадовала.

— Противный полячишва!—прошептала она французенкѣ.— Ну, что ему?... А, вѣдь, онъ правъ, м-лле Амели, здѣсь ужасно тѣсно!

— Я жила вотъ въ такой комнатѣ, въ одной,—онѣ вошли въ крошечную комнату съ туалетомъ,—и была счастлива... Жила въ отелѣ, почти во дворцѣ, и убѣжала въ мансарду... Знаете, гдѣ всего лучше, гдѣ счастье?

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ насъ любятъ, и въ особенности, гдѣ мы любимъ... а не здѣсь...

Глаза французенки потемнѣли; она презрительно кивнула головой на дверь, въ которую виднѣлись кисейныя оборки высоко взбитыхъ подушекъ. Машечка вспыхнула и отвернулась. Передъ нею стоялъ Сердобцевъ съ лицомъ, расплывающимся въ блаженную улыбку. «Фу, какое у него глупое лицо!» — промелькнуло въ головѣ Машечки. Она украдкой взглянула на французенку и поняла, что Амели подумала то же.

— Докторъ, что же вы мнѣ ничего не скажете? Какъ вы находите?—досадливо обратилась она къ Чадрину и повернулась спиной къ мужу.

— Я былъ бы счастливъ здѣсь... съ любимую женщиной. Думаю, что и она была бы счастлива, если точно любить... Вы какого мнѣнія, m-lle Амели?

Докторъ въ упоръ, пристальнымъ, вопрошающимъ взглядомъ смотрѣлъ на француженку. Она молча кивнула головой и, не поднимая глазъ, тихо вышла изъ комнаты. Всѣ въ одно слово говорили о счастьѣ подъ условіемъ любви, и никто не давалъ прямого отвѣта на вопросы Машечки. Ей не то совсѣмъ нужно было, не того она добивалась: она спрашивала, хорошъ ли ея новый домъ, прилична ли обстановка, красивъ ли туалетъ на розовомъ чехлѣ съ бантами?... А ей всѣ,—точно сговорились,—твердить одно: «любите мужа...»

Она задумывалась и ей представлялось не совсѣмъ яснымъ, точно видѣннымъ во снѣ, одѣваніе къ вѣнцу, благословеніе, вѣнчаніе въ церкви, встрѣча въ домѣ Сердобцевыхъ. Голова начинала слегка туманиться, всѣ и все, ее окружающее, отодвигались куда-то, даже себя самое она видѣла какъ будто издали и со стороны. Точно было двѣ Машечки: одна—прежняя Машечка, маленькая, хорошенькая и нарядная куколка, которой всѣ любятъ, всѣ играютъ, играетъ ею и другая Машечка—новая, совсѣмъ незнакомая, которой никто не видитъ и которая вотъ-вотъ прекратитъ всю эту игру, когда ей вздумается, возьметъ свою милую куколку и уйдетъ съ нею куда-то, гдѣ имъ обѣимъ будетъ хорошо, покойно, гдѣ обѣ Машечки будутъ, попрежнѣму, играть сами, между собой, во что имъ нравится—въ свой трудъ, въ ухаживанья, въ любовь и въ романы, въ свои радости и въ свои слезы... Мало-по-малу чувство раздвоенности настолько охватило только что повѣнчанную дѣвушку, что она какъ бы утратила сознание дѣйствительности и безучастно присутствовала при томъ, какъ съ ея куколки снимали цвѣты, вуаль, серебристое платье, какъ всѣ цѣловали куколку, говорили ей что-то и одинъ за другимъ исчезали въ заволакивающемъ все туманѣ... Игра «въ овадьбу» кончена, сейчасъ и Машечка исчезнетъ, и съ нею куколка въ нарядной кофточкѣ, расшитой кружевами.

Машечка очнулась отъ тяжелаго кошмара только на другой день, и сознание дѣйствительности вернулось къ ней не сразу. Въ недоумѣніи, смѣшанномъ съ безотчетнымъ испугомъ, увидала

она близко отъ себя лицо мужа, туло осклабившееся какою-то торжествующею улыбкой. Машечкѣ вдругъ стало невыразимо страшно. Она обратилась къ сидящему тутъ человѣку, надѣясь укрыться отъ чего-то грознаго, неопредѣленнаго, найти защиту, помощь... А онъ сидитъ въ негѣпомъ халатѣ, все съ тою же глупою улыбкой, и не сводитъ съ нея противнаго, оскорбляющаго ее взгляда. Машечка хочетъ укрыться, убѣжать отъ этихъ мерзкихъ глазъ, отъ гадкой улыбки. Убѣжать некуда, укрыться негдѣ. Она пытается заговорить, звукомъ собственнаго голоса разогнать подступающій къ сердцу ужасъ и не можетъ,—языкъ не повинуется, въ головѣ не складывается никакихъ словъ, нечего ей сказать этому сияющему торжествомъ человѣку. Хотя бы онъ заговорилъ, но онъ молчитъ, молчитъ упорно. Ему тоже нечего сказать ей, онъ тоже не знаетъ, что сказать. Еще бессмысленнѣе становится его улыбка. Молча протягиваетъ онъ къ ней руки беретъ ее за обнаженные локти, хочетъ притянуть къ себѣ. Тутъ только замѣчаетъ Машечка, что она не одѣта... Съ широко раскрытыми глазами, стиснувши зубы, она рванулась прочь...

Въ эту минуту раздался стукъ въ двери, послышались веселые голоса, громкій смѣхъ, зашестрѣли нарядныя платья, въ комнату вошли неожиданные гости: Дарья Степановна и жена Семена Степановича, купчиха Хмарова и старая няня Торбузовыхъ, и еще, и еще кто-то, кого Машечка даже не знала по именамъ. Посыпались поцѣлуи, поздравленія, радостныя восклицанія. Всѣ эти неизвѣстно откуда взявшіяся посѣтительницы шумно начали распорядяться комнатою и самой растерянной хозяйкой, не понимавшей, чего имъ нужно отъ нея, но смутно чужавшей во всей этой вознѣ что-то нехорошее и глубоко обидное. Наконецъ, старухи скрылись, исчезъ и сѣрый халатъ съ пунцовыми отворотами, новыя родственницы овладѣли «молодою сестрицей» и начали снаряжать ее для представленія матушкѣ и гостямъ, уже собравшимся въ старомъ домѣ вдовой попадьи. Какъ въ чадѣ промелькнуло передъ Машечкой это представленіе, съ чаемъ, съ завтракомъ, съ рюмками, перевязанными розовыми ленточками, потомъ визитъ къ Торбузовымъ, визиты къ священнику, къ Хмарову, вездѣ поздравленія и бокалы съ пѣнящимся виномъ, вездѣ шумъ, какія-то странныя остроты, крики: «горько!...» дикія прибаутки, обязательные поцѣлуи «съ нимъ». Потомъ обѣдъ у Торбузовыхъ, вечеръ у матушки Вѣры Васильевны, и опять—«горько!» опять остроты и намеки, грубыя пожеланія подвыпив-

шихъ гостей. Весь этотъ день остался въ памяти Машечки какимъ-то безформеннымъ и грязнымъ пятномъ. Въ сущности, для хорошенькой новобрачной не случилось ничего такого, чего бы она не знала давно. Она не разъ видала то же самое, живя еще у тетки и бывая на свадьбахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и деревенскихъ купцовъ. Тогда ей бывало весело, она слегка завидовала выходящимъ замужъ подругамъ, просила ихъ «дернуть скатерть на нее». Отъ природы она не была особенно деликатной; ни воспитаніе въ домѣ тетки, ни жизнь у Торбузовыхъ не могли развитъ въ ней нравственной чуткости и щекотливости, ни даже охранить ея невѣдѣнія и дѣвической скромности. И, несмотря на все это, изъ глубины души Машечки поднимались чувства гадливости, обиды, злости на все и на всѣхъ, и на себя, и въ особенности на ближайшаго виновника, на мужа, счастливаго и довольнаго тѣмъ, что причиняло ей нравственныя страданія.

Ошеломленная и измученная, Машечка на зарѣ, сквозь сонъ, слышала возню въ домѣ и на дворѣ, звонъ бубенцовъ и колокольчиковъ, скрипъ обмерзлыхъ воротъ, хлопанье дверей. Потомъ вездѣ стихло; безмятежный покой охватилъ все существо молодой женщины. Когда она проснулась, яркіе лучи зимняго солнца веселымъ свѣтомъ заливали комнаты, играли на дешевомъ хрусталѣ туалета, превращая его въ самоцвѣтные камни, отражались отъ зеркала и золотымъ пятномъ трепетали на чистой досчатой перегородкѣ. Машечка робко осмотрѣлась, прислушалась. Кругомъ—ни звука. Тихо, точно крадучись и боясь потревожить кого-то, она встала съ постели, торопливо одѣлась, заглянула въ другую комнату, въ третью—никого, она одна. По старой привычкѣ, она было засуетилась,—вѣдь, надо бѣжать скорѣй хозяйничать, выдавать провизію, наливать чай, проспала она, а тамъ ждуть, Екатерина Сергѣевна сердится, задасть распеканцію... Ободренная укрѣпляющимъ сномъ, Машечка улыбнулась своей тревогѣ, встряхнула полуразвившимися локонами и подбѣжала къ зеркалу. Оттуда на нее глядѣло знакомое, хорошенькое личико; оно стало даже еще лучше, глаза сдѣлались больше и какъ будто лучистѣе. Прическу она можетъ теперь устроить какую ей угодно, по своему вкусу, не стѣсняясь требованіями своенравной хозяйки, къ лицу подовѣсть на лбу кудряшки, раскинетъ локоны по плечамъ и выйдетъ безъ опасенія чьихъ-либо замѣчаній.

«Однако, куда же это я выйду?»—вдругъ сообразила Машечка, успѣвшая уже поправить нѣсколько локоновъ.

— Куда?—проговорила она вслухъ и быстро оглянулась.

Ей показалось, что кто-то шевелится сзади нея и она, кое-какъ преодолевая страхъ, еще разъ обошла комнаты. Нигдѣ никого не было.

«Хорошо, что такая «коробочка», — то вслухъ, то про себя разсуждала она, продолжая завивать волосы.—Все-таки, не такъ жутко. А пойду я сейчасъ къ матушкѣ. Тамъ чай будетъ, да я и ѣсть хочу... Вотъ такъ хорошо...—Машечка повертывалась передъ зеркаломъ.—Хорошо. Настасья, навѣрное, окрысится и запишитъ...»

Молодая женщина нагнула платокъ, беззаботно пропорхнула черезъ холодныя сѣни, перебѣжала съ крыльца на крыльцо и очутилась въ старомъ поповскомъ домѣ. На столѣ стоялъ горячій самоваръ, остатки сдобныхъ печеній; но въ комнатахъ не было ни души, только старый котъ лежалъ, растянувшись, на теплой лежанкѣ. На мгновенье онъ открылъ глаза, прищурился на Машечку и, не обративши никакого вниманія на ея прическу, отвернулся къ стѣнѣ.

«Вотъ такъ славно, и тутъ пустыня. Куда ихъ всѣхъ разнесло?—раздумывала «молодая».—Какъ же быть теперь? Пить чай или ждать? А ну, какъ онѣ долго?... Э, чего тутъ ждать, навѣрное, съ пѣтухами вскочили и напились давно, а это для меня... И прекрасно, нечего ихъ баловать, въ зубы-то имъ смотрѣть...»

И Машечка принялась за чай. Веселое настроеніе не покидало ее, о мужѣ она ни разу не вспомнила, точно его никогда и не бывало. Но вотъ она и чаю напилась, и сдобнаго кулича поѣла, и сладкаго торта, и въ потускнѣвшее зеркало въ простѣнѣхъ посмотрѣлась раза три, а въ домѣ было, попрежнему, тихо и пусто, даже котъ съ лежанки куда-то скрылся. Что же дѣлать? Куда дѣваться? Къ себѣ идти—и тамъ пусто, какъ здѣсь. Медленно, все еще поджидая чьего-нибудь прихода, Машечка направилась къ двери, потомъ вернулась къ зеркалу, надѣла платокъ, выпустила изъ-подъ него завитки на лбу, къ столу подошла, отломивъ кусочекъ сахарной корки отъ торта, хотѣла въ ротъ положить и досадливымъ движеніемъ бросила на столъ. Постояла она еще съ секунду, рѣзко повернулась—такъ, что шлейфъ крахмальной юбки и щегольского капота задѣлъ нож-

ку стула, сдвинулъ его съ мѣста, и вышла на крыльцо. Во дворѣ и на этотъ разъ никого не было, слышались только удары топора изъ-за угла дома, да визгливый голосъ Насти, кричавшей кому-то «выносить помой». Машечка вошла въ свою «коробочку» совсѣмъ не въ духѣ. Сама «коробочка» показалась ей далеко уже не такою свѣтлою, какъ во время одѣванія. Бѣ тому же, полы были не выметены, пыль не стерта, все не прибрано. Бѣ этому Марья Ивановна не привыкла ни у тетки, ни у Раевыхъ; ни въ домѣ Торбузовыхъ. Тамъ были горничныя, а здѣсь...

— Ишь, хромка визжить: «выноси помой!»—шептала Машечка, злобно оглядываясь кругомъ.— А тутъ, что же, я, что ли, буду имъ выносить помой, грязь, всякую мерзость?... Держи карманъ!... Эта еще тутъ гадость!...—и она ногой швырнула сѣрый халатъ съ малиновыми отворотами, нахально развалившійся на стулѣ.

Халатъ повалился на полъ, за халатомъ полетѣли въ разные стороны одна за другою всѣ принадлежности мужскаго туалета, осмѣлившіяся забраться на спинку кровати.

— Тьфу! Тьфу!...—плевала Марья Ивановна, расшвыривая парадные доспѣхи своего супруга.

Скрипъ наружной двери и тяжелые, шлепающіе шаги заставили опомниться молодую хозяйку. Она выбѣжала въ прихожую и наткнулась на старую крестьянскую бабу въ паневѣ и грязныхъ лаптяхъ.

— Тебѣ что?—Машечка не сразу узнала Арину, кухарку Сердобцевыхъ.

— О-охъ! Напужала...—метнулась баба въ сторону.— Ты ужь одѣмшись, а матушка провѣдать прислала, проснулась ли ты, касатка. Ишь, заспалась нонѣ...

— Помой вотъ вынесли бы, чѣмъ...

— Помой?... О-о... что-жь, давай ихъ сюда... Вынесу, вынесу, желанная...

— Сюда!... А ты не можешь?...—Машечка едва сдерживалась.

— Вишь, ноги-то у меня, наследжу я, родненькая, какъ пойду-то. И то ужь вонъ...

Баба показала на оттаивающую грязь, начинавшую стекать съ ея лаптей на новый полъ прихожей.

Доводъ кухарки былъ неотразимъ, и Машечкѣ ничего не оставалось, какъ сдѣлать все своими руками. Подумала она, по-

думала, по уходѣ Арины, и принялась подбирать раскиданныя принадлежности мужскаго туалета, потомъ оправила постель, кое-какъ обтерла пыль, пошвыряла въ прихожую окурки папиросъ, оставшіеся отъ вчерашнихъ гостей на полу и подоконникахъ; взяться же за вѣникъ, предупредительно припасенный въ углу, за печкой, все-таки, не рѣшилась. Солнце еще ярче освѣщало комнаты, но онѣ казались уже Машечкѣ грязнѣе и хуже хлѣва; она вспомнила, наконецъ, о мужѣ. И раньше, конечно, разбрасывая его панталоны, халатъ и жилетъ, она вспоминала о Михаилѣ Степановичѣ, но тотчасъ же гнала прочь всякія думы о немъ въ связи съ собою. Теперь же, когда пришлось приводить все въ порядокъ и складывать своими руками, ей съ большою отчетливостью представилась растрепанная фигура челоуѣка въ халатѣ, съ протянутыми къ ней руками, съ сквернымъ выраженіемъ глупаго лица. И ею опять овладѣло страстное, неодолимое желаніе убѣжать скорѣе куда-нибудь, чтобы не видать бессмысленно-торжествующей улыбки, не чувствовать прикосновеній его рукъ и поцѣлуевъ, отъ одного воспоминанія о которыхъ она отплевывалась.

Черезъ двѣ минуты, наскоро переодѣвшись, Марья Ивановна выскочила изъ дома и прошмыгнула въ ворота, трусливо озираясь отъ страха, что вотъ-вотъ кто-то схватитъ ее сзади, водворить въ «коробочку» и захлопнетъ за нею дверь навсегда. Ни о чемъ Машечка, по обыкновенію, не раздумывала и не рассуждала, а просто бѣжала куда глаза глядятъ. Самая торная и самая знакомая дорога вела къ усадьбѣ Торбузовыхъ; тамъ и очутилась молодая Сердобцева. На этотъ разъ домъ показался ей точно опустѣлымъ, чужимъ и непривѣтнымъ. Петръ Николаевичъ уѣхалъ, Екатерина Сергѣевна сидѣла, запершись въ своей комнатѣ, Амели и Барпатовичъ были съ дѣтьми въ классѣ, Адель побранилась съ горничными, выдразнившими ее счастливымъ замужствомъ экономки, и потому встрѣтила Машечку крайне враждебно. Сердобцева направилась было въ дѣвичью, но и тамъ оказалось не лучше,—тамъ шла своя политика: Зина съ Матрешей враждовали и вели другъ противъ друга и противъ старой няньки глухую интригу изъ-за того, кому занять вакантное мѣсто экономки. И онѣ отнеслись недружелюбно къ Марьѣ Ивановнѣ, заподозривши ее въ желаніи доставить это мѣсто своей сестрѣ. Машечка поняла, что здѣсь ей дѣлать нечего, что не найти ей въ этомъ домѣ ни убѣжища, ни утѣшенія. Съ чувствомъ,

близкимъ къ отчаянію, прошла она въ пустую столовую, постояла передъ буфетомъ, тоскливо посмотрѣла на запертую дверь кабинета Петра Николаевича и, низко опустивши голову, пошла шагъ за шагомъ къ своему новому жилищу, гдѣ ждалъ ее сѣрый халатъ съ малиновыми отворотами.

Въ ночь Петръ Николаевичъ уѣхалъ съ Вильниковымъ въ Широкорѣцкъ на дворянскіе выборы. Тамъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Передъ началомъ баллотировки всѣ, конечно, въ одинъ голосъ изъявили желаніе имѣть предводителемъ Александра Ивановича Раева. Раевъ благодарилъ, отказывался, говорилъ заранѣе изготовленную рѣчь, расчувствовался и даже прослезился.

— Александръ Ивановичъ, просимъ васъ!—заголосоли немногіе противники Торбузова, и чуть ли не громче всѣхъ князь Палицынъ.

— Просимъ... еще трехлѣтіе... желаемъ... просимъ!...

Человѣка три-четыре, не принимавшіе участія въ борьбѣ партій, услышавши такіе же возгласы, но болѣе дружные и громкіе, у стола сосѣдняго уѣзда, стали, полшутя, выкрикивать:

— Александръ Ивановичъ! просимъ, просимъ!...

Торбузовъ почувствовалъ себя очень неловко: молчать и стать къ сторонкѣ, когда князь Палицынъ усерствуетъ, значило бы открыто заявить о своемъ стремленіи къ предводительству, вступить въ открытый бой. На это смѣлости не хватало, и Торбузовъ пустился перекрикивать князя. Сторонники Петра Николаевича очутились въ неудобномъ положеніи, растерялись.

— Просимъ... просимъ!—ревѣло большинство сумбурскихъ дворянъ, притискивая своего предводителя къ столу.—Баллотировать, баллотировать!... Не надо!... Шары давайте... бѣлыми, бѣлыми...

Тарелка съ шарами очутилась въ рукахъ князя, судно слетѣло съ баллотировочнаго ящика, и одна за другою руки стали всовываться въ правую сторону, окрашенную бѣлою краской.

— Это едва ли можно назвать закрытою баллотировкой, предписанною закономъ,—громко заявилъ Вильниковъ.

— И не называйте,—вызывающимъ тономъ сказалъ Завоскинъ.

— Никто не протестуетъ,—мягко замѣтилъ князь.

— Нѣтъ-съ, я протестую... я не желаю...

— Для васъ закроемъ, Борисъ Александровичъ, закроемъ...

вотъ-съ...—Завоскинъ съ торжествующею улыбкой набросилъ сукно.

— Покорно благодарю!...—Вильниковъ подсунулъ обѣ руки и долго возился у ящика.

Въ результатѣ всё шары оказались положенными направо.

— Bravo! Ура!... Александръ Ивановичъ!...—вопило и рукоплескало почтеннѣйшее дворянство, не жалѣя высокородныхъ глотокъ и благородныхъ рукъ.

Въ кандидаты были выбраны: первымъ Торбузовъ, вторымъ— князь Палицынъ.

— Что? Говорилъ я, говорилъ... чепуха выйдетъ... Что?... Трусy! Овцы... бараны... Панургово стадо!...—кричалъ Вильниковъ въ номерѣ Торбузова.

— Слушай, Борисъ,—хотѣлъ возразить Пряхинъ.

— Чорта мнѣ теперь слушать!... Меня надо было слушать вчера, третьяго дня...

— Но кто же ожидалъ...

— Я... я! Борисъ Вильниковъ ожидалъ... Какъ мальчишекъ, провели, надули... Жулики, чортъ ихъ задави!... Подлецъ на подлецъ! Какъ я морду не побилъ этому... Завоскину!

Въ другомъ корридорѣ той же гостиницы, въ номерѣ мирового судьи Размазова, среди громкаго хохота, слышался голосъ Завоскина:

— Какъ я морду не побилъ этому... Вильникову!

— Ну, да штука съ сукномъ стоитъ морды,—хохоталъ судья.—Горласть Борисъ, а положить налѣво, все-таки, не посмѣлъ. Ловко ихъ... Ха-ха-ха!...

— Знаете, знаете... я уже распорядился,—шепелявилъ Горлинъ, своякъ Раева.—Завтра, знаете, обѣдъ Александру... а потомъ, знаете, всё въ театрѣ... я распорядился...

— А чѣмъ это ты, голова, распорядился?

— Хе-хе-хе!... Я уже знаю чѣмъ... Знаете, тутъ есть такия... Свирилова, Ратанъ, Машукова... потомъ еще хористочки... Знаете, послѣ спектакля забираемъ и ужинъ... Хе-хе-хе!... Я распорядился...

— А женѣ донесемъ?—пошутилъ Завоскинъ.

— Э, ну!...—Горлинъ отмахнулся рукой.—Ратанъ эта, знаете... формы такія, знаете... А Машукова... что она только выдѣлываетъ, знаете...

— Кто же еще съ нами? Раева бы затащить,—перебилъ судья,—увѣрить, что будетъ рефератъ объ англійскихъ плугахъ.

— Нѣтъ, Торбузова съ Вильниговымъ,—посовѣтовалъ кто-то.—Ихъ бы не дурно. Торбузовъ ужинномъ распорядится—мастеръ, а Борисъ подошьетъ и того надѣлаетъ, что чертямъ станеть тошно.

— Поганцы они, ну, да все равно, зови ты, Горлинъ...

— Въ такомъ случаѣ позвать и Прихина, и Турма,—надоумилъ судья.—Этотъ хоть и Мраковского уѣзда, за то насчетъ этихъ оказій онъ губернской...—послѣдовалъ непечатный эпитетъ.—Ты, Горлинъ, устраивай, только помни: если оплошаешь, все супругъ отпрапортуемъ.

На другой день, послѣ спектакля, въ нарочито приспособленномъ для такихъ банкетовъ флигелѣ, на дворѣ той же гостиницы, сошлось большинство сумбурскихъ помѣщиковъ, безъ различія партій, девять музъ, добытыхъ распорядительнымъ Горлинымъ, и... очень правдоподобно, что чертямъ стало тошно...

Случайно бывшій въ театрѣ председатель управы Ходуновъ въ срединѣ третьяго дѣйствія, какъ тать, пробрался къ выходу, опасаясь, какъ бы его не прихватилъ кто-нибудь изъ этой компаніи. Бѣзпечно придерживая карманъ съ тощимъ бумажникомъ, надѣлъ онъ поношенную елотку и уѣхалъ къ кому-то изъ знакомыхъ. Въ номерѣ его нашли бы и насильно утащили бы на банкетъ съ нимфами. Отказаться не представлялось никакой возможности: вѣдь, свои все и, притомъ, гласные... А онъ уже разъ испыталъ, во что обходятся такія пиршества. Къ знакомымъ ѣхать было поздно и неловко, но дѣлать нечего, пришло: «береженаго Богъ бережетъ».

XVII.

Бурная жизнь бывшего писаря тихо, незамѣтно погасла. При помощи сторожа, Татьяна Кириловна до свѣту обрядила покойника, положила на столъ и раннимъ утромъ пошла къ Сердобцеву.

— Приказалъ долго жить, кончился,—объяснила она Михаилу Степановичу.—Теперь будьте благодѣтель, дайте записочку къ Торбузовымъ. Имъ, говорить, очень нужна ключница.

— Какъ же такъ?—спросилъ Сердобцевъ.—Вѣдь, не сейчасъ же, я думаю.

— Чего же ждать, Михайль Степановичъ? Коли возьмутъ, похороню и—въ нимъ. Нечего безъ дѣла шататься, у васъ въ правленіи проживать...

— Все-таки, Татьяна Кириловна...—началь было Сердобцевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила его Машечка, выбѣгая въ гостиную, вся растрепанная, неумытая, въ измятой юбкѣ, въ грязной кофтѣ съ оборванными пуговицами.—Здравствуйте, извините, я не одѣта...

О томъ, кто ранняя гостя, молодая хозяйка догадалась сразу и не утерпѣла, выбѣжала посмотрѣть на Жигунову, которой никогда прежде не видала. Въ первую минуту Марья Ивановна растерялась; она совсѣмъ не такую представляла себѣ жену пьянаго писаря. Ее поразили спокойно-гордый видъ этой бѣдно одѣтой женщины, жутко и неловко стало отъ сѣрыхъ, стальныхъ глазъ, охватившихъ ее съ ногъ до головы однимъ взглядомъ. Машечка засуетилась, покраснѣла, стыдливымъ движеніемъ запахнула слишкомъ безцеременно раскрывшуюся кофту и быстро заговорила, желая скорѣе отдѣлаться отъ непріятной посѣтительницы.

— Я сама схожу... вотъ одѣнусь и схожу къ Торбузовымъ, а вамъ не за чѣмъ... Я скажу имъ... Только врядъ ли они возьмутъ,—у нихъ есть уже на примѣтъ...

— Не безпокойтесь... коли есть, такъ нечего трудиться ходить. Благодарю васъ. Прощайте.

Жигунова ушла. Марья Ивановна порѣшила про себя сдѣлать все возможное, чтобы помѣшать ея поступленію въ экономки къ Торбузовымъ. Глухая досада, почти злость разбирала ее при мысли, что на ея мѣстѣ очутится «эта Жигуниха», будетъ разливать чай, носить его, пожалуй, въ кабинетъ Петра Николаевича. Конечно, до Петра Николаевича ей, Марьѣ Ивановнѣ Сердобцевой, нѣтъ дѣла; есть же тамъ Адель, и до Адели ей дѣла нѣтъ. А только Жигунихѣ не бывать у Торбузовыхъ, не бывать въ кабинетѣ; ее надо и изъ правленія вытурить поскорѣе... Машечка не знала, какъ сдѣлать это, но ни на секунду не усомнилась, что сдѣлаетъ по-своему. Въ три недѣли, прошедшія со дня ея замужства, она успѣла освоиться съ новымъ положеніемъ, казавшимся первое время такимъ невыносимымъ. Правда, она и теперь не находила, о чемъ говорить съ мужемъ, точно весь запасъ разговоровъ былъ израсходованъ раньше; за то своимъ женскимъ чутьемъ она скоро поняла, какъ надо съ

нимъ говорить и что нужно дѣлать, чтобы добиться отъ него, чего ей хочется. Вернувшись отъ Торбузовыхъ послѣ неудачнаго побѣга къ нимъ и увидавши недовольное лицо старой попадьи, сконфуженную фигуру Сердобцева, злорадное подпрыгиваніе Насти, Марья Ивановна рѣшила, что теперь «уже все равно». Какъ ни было «тошно» ей, но, чтобы досадить «подлой хромѣй», она начала нѣжничать съ «Мишелемъ», играть влюбленную супругу. Матушка Вѣра Васильевна просіяла, Мишель расцвѣлъ своею глупо-блаженною улыбкой, Настя опрометью вылетѣла изъ комнаты, шепча чуть ли не заклинанія противъ злыхъ духовъ и колдовства, котораго, по ея мнѣнію, «молодая» бѣгала набираться у «французинки». Нехитрое колдовство Машечки подѣйствовало какъ нельзя лучше. Сбитая на время съ толку новостью положенія, она, послѣ такого удачнаго дебюта, опять нашла подходящую для себя роль и заиграла—сначала съ отвращеніемъ, съ насиліемъ надъ собою, но мало-по-малу освоилась и привыкла, благодаря покладистости своей натуры и тѣмъ выгодамъ, которыя получались отъ усерднаго исполненія роли, оказавшейся, къ тому же, и не трудною. Передъ нею, правда, пронеслось еще разъ воспоминаніе о кошмарѣ, наведемъ на нее такой ужасъ. За то въ результатѣ получилась въ тотъ же вечеръ «собственная прислуга» въ лицѣ шустрой двѣнадцатилѣтней Нютки, жившей больше года въ домѣ Хмарова въ должности горничной. Тѣмъ же простымъ и легальнымъ способомъ Марья Ивановна оттѣснила Настасью Степановну отъ самовара за чайнымъ столомъ у Вѣры Васильевны, вытребовала въ пристройку «собственный» самоваръ, «собственный» чай и сахаръ; тѣми же средствами рассчитывала она одерживать и впредь болѣе существенныя побѣды.

Отсутствіе сюжетовъ для разговора не стѣсняло молодыхъ супруговъ. Сердобцевъ большую часть дня проводилъ внѣ дома, въ правленіи, въ помѣщеніи «товарищества», въ разъѣздахъ. Марья Ивановна удовлетворяла потребность въ болтовнѣ съ Вѣрой Васильевной, съ Нюткой, съ женой отца Ивана, съ Хмаровой, дома завивала себѣ локоны и коки на разные лады, причѣмъ иногда забывала умыться, чаще же—одѣться, и не находила времени пришить пуговицы къ кофтѣ... Она совершенно отстала отъ обычаевъ и привычекъ дома Торбузовыхъ, гдѣ нельзя выйти безъ корсета изъ своей комнаты, немисливо явиться къ завтраку иначе, какъ гладко причесанною и затянутою въ

гладкій лифъ съ фартучкомъ. Отвыкла Машечка и отъ самаго дома, въ которомъ ей жилось такъ хорошо. Прошедшее замѣчательно быстро испарялось изъ ея завитой головки, о будущемъ она думать не умѣла, съ настоящимъ легко мирилась, приговаривая свое неизмѣнное: «все равно»...

Жигунова отлично поняла, что съ этой стороны нечего ждать какой бы то ни было помощи, и рѣшилась попытать счастья—идти безъ всякой рекомендаціи. Статная, красивая, съ лицомъ, освѣженнымъ морозомъ, съ яркими, лихорадочными глазами, предстала она передъ семьей Торбузовыхъ, собравшеюся къ завтраку, и произвела на всѣхъ самыя разнообразныя и въ ея положеніи невыгодныя впечатлѣнія. Общимъ было то, что ее нашли очень красивою, за тѣмъ шли отгѣнки и выводы. Екатерина Сергѣевна оглядѣла ее съ головы до ногъ, потомъ окинула быстрымъ взоромъ присутствующихъ: Амели—красавица, но она такая... такая *comme-il-faut*... она, просто, имѣетъ право быть такою... Адель красива, хотя немного толста и, притомъ... но это пустяки, она глупа, и это опять не то. Машечка была прехорошенькая, и это очень шло къ ней, шло къ хорошо сервированному чайному столу, къ роскошной обстановкѣ столовой. Машечка была на своемъ мѣстѣ. А эта?... У нея видъ совсѣмъ не для барскаго дома; если ее одѣть какъ слѣдуетъ, она просто будетъ неприлично эффектна. «Не годится»,—рѣшила про себя Торбузова. «O, quelle femme! Какіе глаза, — пронеслось въ головѣ Амели, — нѣтъ, не хочу я ее сюда»... Адель покраснѣла, какъ піонъ, и готова была броситься, исцарапать нежданную соперницу. Карпатовичъ былъ въ восторгѣ, Коля залюбовался Татьяной. Жигуновой сказали нѣсколько любезныхъ словъ, выразили сочувствіе къ ея несчастью и обѣщали дать отвѣтъ, когда вернется Петръ Николаевичъ. Она поняла, что ея дѣло безповоротно проиграно.

— Не годится,—коротко рѣшила Екатерина Сергѣевна, когда за ушедшею затворилась дверь.

Амели и Адель вздохнули свободно. Карпатовичъ отвернулся въ сторону, какъ пудель, которому показали лакомый кусокъ и положили обратно на тарелку. Онъ все видѣлъ и понималъ.

За то Сердобцевъ ровно ничего не сообразилъ и очень удивился, когда Жигунова зашла къ нему въ волостное правленіе и сказала:

— Насчетъ Торбузовыхъ вы не безпокойтесь, Михаилъ Степановичъ. Ничего изъ этого не выйдетъ; я была у нихъ.

— Какъ были? Да, вѣдь, Машечка хотѣла...

— Пусть и она не утруждаетъ себя,—мрачно улыбнулась Жигунова.—Не стоить, ничего не выйдетъ.

— Почему? Отчего вы такъ думаете?

— Видно ужь. Не во дворе у имъ... Это я сразу увидала. Какъ вошла, такъ и подумала: залетѣла ворона въ высокія хоромы...

— Вы это напрасно. Вотъ пріѣдетъ Петръ Николаевичъ, я тогда...

— Ну, что тамъ Петръ Николаевичъ! Не маленькая я, сама все вижу и понимаю. Слава Тебѣ, Господи, пережила и на людяхъ потолкалась. А вамъ не слѣдь и поминать-то обо мнѣ.

— Но почему же? Авось какъ-нибудь уладится.

— Ничего не уладится, и не бывать мнѣ у нихъ. Схороню своего, а потомъ,—она низко опустила голову и оперлась рукою на спинку стула, точно боясь упасть,—потомъ... вонъ отсюда, на морозъ... съ голоду помирать, или... Эхъ-ма! Плохо при немъ было, иногда, грѣшница, думала: хоть бы руки развязалъ... Вотъ — развязаны, вольная птица, а куда этой птицѣ сѣсть теперь? Посмотришь такъ-то, посмотришь, да и махнешь рукою на все... вспомнишь покойника. «Безъ кабака, — говорить, бывало, — жить невозможно, помирать надо. Либо веревку на шею да на перекладину, либо въ питейный...» Нѣтъ, видно, намъ другой дороги.

— Что вы! что вы, Татьяна Кириловна! — ужаснулся Сердобцевъ.—И вы въ кабакъ!...

— Ха-ха-ха! — разсмѣялась она горче рыданья.—А то куда же? Въ Хмарову? Такъ ужь лучше—я не знаю куда. Видѣть я не могу этого душегубца... Все село разорилъ! Бровопивецъ!... Охъ, смерть моя, Михаилъ Степановичъ! Тошно мнѣ,—такъ тошно, что и сказать—словъ нѣтъ... Заставьте Бога молить, не выгоняйте... не берите грѣха на душу, не губите... дайте опамтоваться...

— Да кто же васъ гонить? Живите сколько хотите, хоть до будущаго года. Квартира все равно будетъ пустая. На что она кому?

— Благодарю, спасибо... Вы то, положимъ, такъ, а тамъ-то какъ?

— Гдѣ это... тамъ?—не понялъ Сердобцевъ.

— Тамъ-то? А у васъ... Марья Ивановна, ваша супруга.

— А ей что?

— Можетъ, и ничего, а, можетъ, что и найдется. Не сама она, такъ добрые люди наведутъ: зачѣмъ, скажутъ, вдова писариха живетъ въ правленіи? Писарь каждый день бываетъ, вдова молодая... Писарь, молъ, одинъ, а писарихъ—двѣ...

— Вздоръ какой!—горячо возразилъ Сердобцевъ.—Жена не скажетъ и не подумаетъ, а на всякихъ подлецовъ не стоитъ и вниманіе обращать. Даю вамъ мое честное слово, что никто васъ не побеспокоитъ безъ какой-нибудь особенной крайности.

— Благодарю, вѣкъ не забуду. Вамъ я вѣрю, Михаилъ Степановичъ, вы тутъ одинъ настоящій человѣкъ.

Жигунова вѣрно пожала его руку и пошла къ двери, потомъ на секунду остановилась, какъ бы обдумывая что-то.

— Вамъ что-нибудь нужно, Татьяна Бириловна?—участливо спросилъ Сердобцевъ.

Она повернулась, близко подошла къ молодому человѣку и, пристально глядя ему въ глаза, тихо проговорила:

— Зачѣмъ вы пошли на эту должность?

Сердобцевъ вздрогнулъ, растерялся отъ ея серьезнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ласкающаго взгляда, отъ задушевнаго голоса, звучавшаго мягкими нотами.

— Зачѣмъ?—повторила она.—Васъ сманили, отъ дѣла взяли, отъ настоящаго дѣла. Вы имъ нужны на что-то. Берегитесь, въ нихъ нѣтъ души, они не пожалѣютъ... Никто не пожалѣетъ. Знайте, если плохо вамъ будетъ,—приходите. Я видала видны... и, почему знать, можетъ быть, пригожусь, остерегу.

Жигунова давно ушла, а молодой писарь все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ и не могъ опомниться отъ ея словъ. Она сказала: «сманили»... До сихъ поръ это слово не приходило ему въ голову. А, вѣдь, его дѣйствительно сманивали, и сманили отъ настоящаго его дѣла къ какому-то ненастоящему, чужому и никому ненужному. Да развѣ же оно не нужно? Не обѣщаніями и деньгами сманили его, или, по крайней мѣрѣ, не этимъ однимъ: рѣчь шла о благѣ села, уѣзда, цѣлаго края, объ интеллигентныхъ работникахъ, да о созданіи всякихъ благъ... А въ чемъ заключается благо края? Что сдѣлалъ онъ, Сердобцевъ, для блага села въ три мѣсяца своего писарства? Кому стало лучше отъ того, что, вмѣсто Жигунова, читаетъ предписанія и циркуляры

Сердобцевъ, что, вмѣсто пьянаго писаря, сочиняетъ какіе-то донесенія и рапорты трезвый писарь? И въ тѣхъ, и въ другихъ написано одно и то же никому ненужное пустословіе, до котораго нѣтъ никакого дѣла ни крестьянамъ, ни краю,—ни тѣмъ, кто сочиняетъ, ни тѣмъ, кто читаетъ эти бумаги. Никому нѣтъ дѣла и быть не можетъ, такъ какъ всѣ отлично знаютъ, что на бумагѣ написано одно, а на дѣлѣ, въ жизни, выходитъ совсѣмъ другое. Въ школѣ жизнь ребятишекъ сливалась съ ихъ ученьемъ, а учење вливалось въ жизнь хотя и медленно текущую, но животворною струей. Тамъ каждый годъ, каждый день давалъ опредѣленные и видимые результаты: маленькіе дикари, почти звѣрки, очеловѣчивались, дѣлались людьми, научались понимать, что добро, что зло, въ чемъ благо и въ чемъ пагуба... Передавая ребятишкамъ эти простыя, но великія знанія, учитель Сердобцевъ дѣлалъ настоящее дѣло и былъ убѣжденъ, что работаетъ на благо родной страны, а Сердобцевъ писарь... Писарь стоялъ, безпомощно опустивши руки, устремивши неподвижный взглядъ на дверь, за которою скрылась забытая несчастьемъ женщина, взволновавшая его такъ, какъ его никогда еще не волновалъ никто. Она не сказала ему ничего такого, чего бы онъ не зналъ и безъ нея, но сказала такими словами и такимъ голосомъ, какихъ онъ не слыхивалъ и не думалъ, что услышитъ.

XVIII.

Ожиданія вдовы писаря оправдались скорѣе, чѣмъ она думала, къ немалому удивленію Сердобцева. Когда онъ вернулся домой, Марья Ивановна встрѣтила его вопросомъ:

— Слышалъ, Жигуниха-то? Успѣла уже, слетала къ Торбузовымъ... а? какова?

Нютка, бѣгавшая въ барскую усадьбу за отданнымъ въ стирку бѣльемъ, слышала въ дѣвичьей прикрашенный разговоръ о томъ, какъ приходила писариха и «наглась». Дѣвчонка обо всемъ въ точности отрапортовала своей молодой хозяйкѣ.

— Слышалъ,—отвѣтилъ Сердобцевъ.—Кажется, ее не хотятъ брать. Несчастливая она.

— Слышалъ?—сказала Машечка, недовольная тѣмъ, что приготовленная ею для мужа новость уже извѣстна ему.

— Несчастливая,—повторилъ онъ.—Прямо отъ Торбузовыхъ она заходила ко мнѣ въ правленіе...

— Это зачѣмъ?—Машечка подозрительно посмотрѣла на Михаила Степановича. Въ ней смутно шевельнулся инстинктъ супруги-собственницы.—Чего ей еще нужно отъ тебя?

— Заходила просить не выгонять ее, дать пожить...

— Пожить? Гдѣ это пожить? Ужь не въ правленіи ли?

— Буда же ей?... Не на улицу же ее выкинуть. Надо вотъ будетъ старикамъ сказать, они, навѣрное, не откажутъ,—разсуждалъ Сердобцевъ, не замѣчая, какъ кипятится его жена.

— Этого еще не доставало!—воскликнула Машечка.—Я уже, кажется, говорила, что квартиру можно сдать. Сюда фельдшера хотятъ назначить... все-таки, хоть пять рублей въ мѣсяцъ.

— Кто же дастъ за такую конуру?—спокойно возражалъ Михайль Степановичъ.—Да опять же нельзя и ее...

— Ну, не пять... ну, четыре, допустимъ—три рубля... Богаты мы очень швыряться деньгами! Потомъ—не мѣсто ей со всѣмъ здѣсь въ правленіи.

— Но, послушай, Машечка, нельзя же...

— Сколько разъ я говорила вамъ, что перестала быть Машечкой! Можете, я думаю, называть по-человѣчески: Мари или Мери, а не чортъ знаетъ...

— Ну, Мари, Мари...—соглашался озадаченный супругъ.—Ты подумай только, нельзя же такъ сейчасъ...

— Очень можно и даже непремѣнно,—слышишь?—потому что я... просто, я не хочу, вотъ и все.

— Но я общалъ ей, далъ слово...

— Чудесно! Покорно васъ благодарю, Михайль Степановичъ. Грань мерси-съ! Вы дали слово какой-то шлюхѣ, даже не сказавши женѣ.

— Почему же я зналъ?—началъ было онъ оправдываться.

— Очень хорошо знали,—выходила изъ себя Марья Ивановна.—Черезъ недѣлю послѣ свадьбы вы мѣняете жену на всякую тварь!... Да, да, тварь, шлюха... мужъ на столѣ лежитъ, а она вамъ на шею вѣшается!...

— Что ты, Маша, Господь съ тобой...

— Не Маша, говорю я вамъ! Что я, горничная, что ли?... Маша...

— Охъ, ну, Мери... ну, Мари... Оставь ты это пока. Послѣ, вотъ похоронить она мужа, ну, тогда...

— Что тогда?... Мишель,—мѣняя вдругъ тонъ, нѣжно заговорила Марья Ивановна,—Мишель, голубчикъ, милый... тогда что-

бы не было ея ни минуты. Слышишь, милый, вѣдь, ты это сдѣлаешь? Ты долженъ для меня... Вѣдь, да, Мишель, да? Ты для своей Мери, для маленькой Мери твоей...—чуть не расплывалась она и тоненькими пальчиками расправляла его усы, засматривала въ его глаза своими послушными глазами, ласкалась движеніями нѣжащагося балованнаго котенка... И Михаилу Сердобцеву радостно свѣтилъ медовый мѣсяць изъ-за набѣжавшей было тучки.

На этотъ разъ, однако, старанія Машечки не увѣнчались успѣхомъ. Жигунова схоронили, прошла еще цѣлая недѣля, а вдова писаря не думала уходить изъ квартиры. Оставаясь наединѣ съ женою, Сердобцевъ обѣщалъ все, что она отъ него требовала, а потомъ подъ разными предлогами откладывалъ со дня на день исполненіе обѣщаннаго. Не могъ онъ измѣнить данному Жигуновой слову, духа не хватало выгнать ее. Онъ всячески избѣгалъ даже встрѣчи съ нею, совѣстно было ему взглянуть въ ея зоркіе глаза, боязно было, что она по лицу угадаетъ, что происходитъ у него въ домѣ. Марья Ивановна пробовала подѣйствовать на мужа черезъ матушку Вѣру Васильевну. Но и тутъ пропали даромъ всѣ ея намеки на непристойность и опасность пребыванія красивой вдовы въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ молодымъ человѣкомъ. Хорошая старушка была непоколебимо увѣрена въ сынѣ. Не имѣя никакого представленія о чувствѣ ревности, никогда въ жизни неиспытанномъ, Вѣра Васильевна на всѣ подходы Машечки отвѣчала выраженіями сочувствія къ бѣдственному положенію Татьяны и настаивала на необходимости оказать ей посильную помощь чѣмъ только можно. Настя—та догадалась, въ чемъ суть дѣла; Жигунову она не любила, въ брата потеряла вѣру съ тѣхъ поръ, какъ онъ носилъ Машечку черезъ рѣку. При другихъ обстоятельствахъ старая дѣвица вооружилась бы противъ житія молодой вдовы въ волостномъ правленіи. Но она не любила невѣстку, пожалуй, больше, чѣмъ Жигунику, считала «плясовицу» хуже бывшей писарихи и—въ отмѣстку за всѣ ея «бѣсовскія злокозненности»—становилась на сторону матушки, пользовалась возможностью позлить жену брата.

Марья Ивановна растерялась, не знала, что дѣлать, и металась всюду. Побывала она у Хмаровыхъ. Тамъ вся женская половина была противъ Жигуновой, наперерывъ позорила вдовую писариху, рассказывала про нее старыя сплетни, вздыхала, сочувственно качала головами, но не могла дать никакого практи-

ческаго совѣта, будучи убѣждена собственнымъ тяжелымъ опытомъ, что «супротивъ самого» нельзя ничего подѣлать, мужчины... «ужь извѣстно, какіе они сахара насчетъ солдатокъ, али вдовъ всякихъ»... Марья Ивановна бросилась къ Блисталовымъ. Отецъ Иванъ и его жена тщетно старались успокоить молодую сосѣдку. Взбудораженная еще больше разговорами Хмаровыхъ, она уже почти не сомнѣвалась въ измѣнѣ мужа, не хотѣла слушать никакихъ доводовъ и помчалась къ Амели. Та быстро сообразила, какую изъ этого можно устроить потѣху, и дѣйствительно устроила цѣлую комедію для увеселенія вѣчно скучающей Екатерины Сергѣевны. Какъ потерянная, выбѣжала Машечка отъ Торбузовыхъ и, сама не помня, какъ и зачѣмъ, очутилась у волостнаго правленія. Встрѣтившійся на крыльцѣ сторожъ сообщилъ ей, что Михаилъ Степановичъ уѣхалъ куда-то по экстренному дѣлу со старшиной.

— Не сказавшись! — злобно прошептала Сердобцева. — Не сказавшись!... Хорошо же! — Она забыла, что все утро мыкалась изъ дома въ домъ, разнося зачатки глупой сплетни.

— Хорошо, — повторила она про себя. — Никто не хочетъ, такъ я же покажу... — и она вошла въ квартиру Жигуновой.

Спокойный, слегка удивленный видъ Татьяны Бириловны заставилъ ее опомниться, придти въ себя.

— Я къ вамъ, — заговорила Марья Ивановна неровнымъ голосомъ и тяжело дыша отъ усталости и волненія, — къ вамъ... вотъ квартиру... оклеивать обоями... Сюда фельдшеръ переѣзжаетъ.

— А меня, Марья Ивановна, значить, вонъ? — грустно спросила Татьяна.

— Я полагаю, вы и сами не пожелаете оставаться здѣсь, — нѣсколько оправившись, отвѣтила Машечка.

— Напротивъ, я просила вашего супруга дозволить мнѣ остаться на время, и онъ далъ мнѣ слово.

— Онъ не зналъ, что я раньше дала слово фельдшеру. Чье слово раньше, то и дѣйствительнѣе.

— Да, вѣдь, и фельдшеръ-то еще не назначенъ, — замѣтила Жигунова. — Полноте, Марья Ивановна... Что я вамъ сдѣлала? Хотя короткое время не выгоняйте. Куда же мнѣ? На улицу, что ли?

— Это уже ваше дѣло, — начиная терять самообладаніе, отвѣтила Машечка. — Ваше дѣло-сь, а не мое. Уѣхать можете въ городъ.

— Въ городъ мнѣ не зачѣмъ... нечего тамъ мнѣ дѣлать.

— И здѣсь вамъ нечего дѣлать... А въ чужой квартирѣ вамъ жить не позволятъ, такъ вы и знайте.

— Изъ квартиры вы можете меня выгнать... Только вотъ что, Марья Ивановна, не грѣхъ ли будетъ обидѣть сироту?... Напрасно вы обо мнѣ дурно думаете и меня со свѣту сживаете. Грѣхъ это!... Какъ бы вамъ не пришлось...

— Это ужъ вы при себѣ оставьте, мадамъ Жигунова,—вышла изъ себя Машечка. — Я надѣюсь, мой мужъ не сопьется, не разворуетъ мірскихъ денегъ, и насъ не стануть гонять, какъ какихъ-нибудь...

— Ну, вы вотъ что, мадамъ... какъ васъ тамъ...—двинулась къ ней Татьяна съ сверкающимъ взглядомъ.—Вонъ отсюда! Пока вы меня еще выгоните, а я тебя выгоняю изъ своей квартиры... Вонъ! Не то вышвырну, какъ собачонку, фря Торбузовская!...

Блѣдная отъ страха и злости Марья Ивановна выскочила изъ писарской квартиры и сгоряча кинулась въ правленіе. Тамъ оказался одинъ мальчишка десятникъ.

— Гдѣ сторожъ, гдѣ староста, сотскій? — кричала Сердобцева.

— Кто ихъ знаетъ. Должно у себя, во дворахъ пошли, — говорилъ мальчикъ, во всѣ глаза оглядывая новую писариху.

— Бѣги сію минуту... зови сюда.

— Ишь нильзі, отходить не велѣно, потому я дежурный. Никакъ нильзі, тутъ дѣла, кассья...

Дѣлать было нечего, Машечка вернулась домой, все еще дрожа отъ бессильной злобы. Въ вечеру Жигунова перебралась въ хату вдовой солдатки Аксиньи.

XIX.

Въ тотъ же вечеръ Машечка перетрусила такъ, какъ не пугалась никогда въ жизни. Уже съ сумерокъ ею начала овладѣвать тревога въ ожиданіи возвращенія мужа. Отъ Нютки, бѣгавшей на развѣдки, Сердобцева знала, что писариха со всѣми пожитками выѣхала куда-то изъ правленія, но куда именно — этого никто сообщить не могъ. Побѣда одержана, теперь все дѣло было въ томъ, какъ отнесется къ этому Михаилъ Степановичъ. Конечно, разозлится. Въ этомъ Машечка не сомнѣва-

лась. Ну, и пусть себѣ, позлится, позлится и перестанетъ. Она знала уже вѣрное средство измѣнить расположеніе духа мужа, какъ ей вздумается. Къ тому же, вернувшись, онъ не сразу же все узнаетъ, можетъ быть, и совсѣмъ не узнаетъ ничего, такъ какъ, навѣрное, поспѣшитъ домой и въ правленіе не зайдетъ. А если?... Ну, тогда можно все рассказать совершенно въ другомъ видѣ, благо свидѣтелей не было. Зашла, молъ, въ правленіе узнать, куда уѣхалъ, на долго ли... А тутъ выскочила въ сѣни Жигуниха и начала... Съ чего начала и какъ — Машечка не предрѣшала, полагаясь на вдохновеніе. А, между тѣмъ, сумерки сгущались, въ комнатахъ становилось темно, и тревога молодой женщины все увеличивалась, то сдаваясь на минуту передъ успокоительными измышленіями, то разростаясь съ новою силой. Ее не разогналъ и свѣтъ зажженной лампы. Не зная, куда дѣваться отъ страха, молодая женщина по привычкѣ подошла къ зеркалу. Волосы, которые она забыла второпяхъ завить, висѣли шаршавыми космами, кудряшки распустились, облипли на лбу, лицо казалось усталымъ, осунувшимся, даже похудѣвшимъ. Машечка протянула было руку къ гребню, какъ вдругъ вспыхнула вся и тряхнула головкой: ее осѣнила блестящая мысль. Не долго думая, она накинула платокъ и пошла къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Тихохонько, ловко разыгрывая наивнаго ребенка, Марья Ивановна сообщила матушкѣ о причудливомъ измѣненіи вкуса, о странной горечи во рту и небывалой раздражительности, преодолѣть которую она чувствуетъ себя не въ силахъ. Старушка благоговѣнно перекрестилась на образъ, освѣщенный лампадой, перекрестила нѣсколько разъ невѣстку и прижала къ груди ея хорошенькую головку.

— Крестись, крестись, дѣточка, — нѣжно шептала счастливая матушка. — Молись Пречистой, Машенька, и сподобить тебя Заступница наша...

Марья Ивановна послушно крестилась, умиленно закатывала глазки, терпѣливо выслушивала наставленія и ушла въ свою пристройку, увѣренная въ томъ, что съ этой стороны успѣла заручиться надежною защитой. Исходъ былъ найденъ, — не оправданіе, въ немъ Машечка не видѣла никакой надобности. Свои дѣйствія она считала вполне законными, а себя — совершенно правою. Нужно было дать только объясненіе нѣкоторой поспѣшности, съ которою она распорядилась. Ну, вотъ объясненіе и готово: раздражительность, причуды, нервы... Ужъ въ этомъ-

то не она виновата. И, выплясывая забористый канканчикъ, она подскочила къ зеркалу, сбросила платье, сдѣлала себѣ ручкой и, любуясь собою, принялась наскоро поправлять волосы.

— Что немножко растрепе, это не бѣда, — шептала она, подмигивая.

— Такъ и надо въ моемъ положеніи... А вотъ кофточку надѣну чистенькую, съ прошивочками... Приѣдетъ мой... — у Машечки вертѣлось на языкѣ слово «мямля». — Нѣтъ, не мямля, — продолжала она почти въ полголоса. — Какой онъ мямля! Это онъ тогда-то все постныя рожи корчилъ... Не дамъ ему опомниться: какъ войдетъ, брякъ на шею... слова не дамъ сказать: Мишель, Мишель! Какъ я счастлива!... Или нѣтъ, лучше будетъ тихо, тихо подойти къ нему, положить вотъ такъ голову на грудь и прошептать...

Вдали слышались бубенцы. Марья Ивановна вздрогнула и замерла на мѣстѣ, — у нея, какъ говорится, сердце оторвалось. Черезъ секунду она уже надѣвала какую-то цвѣтную юбку и ажурную кофту. Прежняя тревога вернулась съ такою силой, что молодая хозяйка едва могла выговорить приказаніе Нюткѣ подавать скорѣе самоваръ. Бубенцы смолкли, на дворѣ хлопнула калитка, слышно было, какъ ямщикъ повертываетъ лошадей и шагомъ уѣзжаетъ отъ воротъ, а Михаилъ Степановичъ не показываясь. Ясно было, что, вопреки обыкновенію, онъ прошелъ прямо къ матери. У Машечки отлегло отъ сердца. Подготовленная ею штука удалась какъ нельзя лучше. Черезъ десять минутъ Сердобцевъ вошелъ въ пристройку видимо взволнованный; въ его глазахъ свѣтилась тихая, сдержанная радость, и они не показались молодой женѣ ни глупыми, ни противными. Совсѣмъ не такъ, какъ она проектировала, подошла къ нему Машечка, а робко и стыдливо. У нея самой вдругъ какъ-то необыкновенно свѣтло стало на душѣ, странное теплое чувство подступало къ сердцу, нѣжною краской разливалось по лицу и вызывало нежданныя слезы на глаза. Ноги у нея подкашивались, она опустилась на диванъ, припала головой къ плечу мужа и заплакала радостными, незнакомыми еще ей слезами. Сердобцевъ нѣжною, осторожною лаской старался успокоить жену, у него на душѣ тоже было ликование, и онъ готовъ былъ заплакать отъ счастья. Машечкѣ казалось, что все выходитъ не такъ, какъ ей нужно, а, между тѣмъ, она не могла овладѣть собою, и выходило просто и правдиво, потому что это уже была правда, а

не игра, и сама Машечка была такъ хороша, какъ никогда въ жизни. Откуда-то, изъ накопленнаго запаса старой лжи, въ ея смущенной головкѣ мелькала дрянная мысль: «Неужто накликала?...» — мелькала и исчезала тотчасъ же въ благотворномъ свѣтѣ новой любви.

Михаилъ Степановичъ возвращался домой до крайности возбужденный продѣлкою жены и готовый осуществить самыя худшія опасенія Машечки. Съ сжатыми кулаками ступилъ онъ на крыльцо пристройки, но, къ счастью, во-время опомнился и прошелъ къ матери. Подготовленная невѣсткою, Вѣра Васильевна встрѣтила сына радостною новостью, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообщить о томъ, что она натворила въ волостномъ правленіи. Тамъ сторожъ, помощникъ писаря, староста и десятичники уже знали какимъ-то волшебствомъ всѣ подробности и не замедлили передать ихъ Сердобцеву съ значительными прикрасами. Онъ началъ было рассказывать матери, но Вѣра Васильевна остановила сына, постаралась успокоить, объяснила все въ пользу Машечки, заговорила о разныхъ примѣтахъ, несомнѣнно предвѣщающихъ появленіе на свѣтъ мальчика, вскользь замѣтила, что молодой вдовѣ Жигуновой и вправду не слѣдовало жить въ правленіи и что помочь ей можно на первый разъ деньгами, а потомъ хлопотами о скорѣйшемъ присканіи мѣста. Хорошая старушка опять крестилась и крестила сына, цѣловала его въ голову и ему, какъ Машечкѣ, давала наставленія беречь жену, отклонять отъ нея причины къ волненію, жалѣть ее... Къ себѣ онъ вернулся уже совсѣмъ умиротвореннымъ и счастливымъ. Въ этотъ вечеръ не было помина о Жигуновой. Только ложась въ постель и грѣшко обнимая мужа, Марья Ивановна прошептала:

— Прости меня, Мишель. — не сердись на меня, я, вѣдь, не виновата...

Въ томъ, что она не виновата, Машечка была убѣждена непоколебимо, увѣрился въ это и ея Мишель.

XX.

Въ домѣ Торбузовыхъ, послѣ ухода Машечки, все разладилось. Попытка раздѣлить обязанности экономки между старою нянькой, которой поручили кладовыя, погребъ и кухню, и Аделью, взявшеюся хозяйничать въ столовой, привела къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ. Нянька ничего не успѣвала сдѣлать

во-время, все забывала и путала: вмѣсто лафита, отпускала къ столу завѣтный рейнвейнъ, при гостяхъ, вмѣсто водки, умудрилась подать спиртъ, заготовленный для варки кофе, и т. п. Не лучше шло и хозяйство Адели: чай кипѣлъ и переставался на самоварѣ, крышки съ чайниковъ летѣли на полъ и разбивались, стаганы лопались, опрокидывались вазы съ вареньемъ, кофе выливался на скатерть, гибла посуда и провизія, дорогой буфетъ покрывался пятнами, сама Адель, послѣ каждаго разрушительнаго подвига, оказывалась вымазанною 'отъ подбородка до башмаковъ. Обожженные пальцы, завязанные тряпочками, и перепачканныя платья свидѣтельствовали объ усердіи пышной нѣмки и о ея полной неспособности замѣнить ловкую Машечку, умѣвшую чуть не концерты разыгрывать за чайнымъ столомъ и у буфета. Нянька скоро сама отказалась, заявивши, что эта «гозья должность» не по ней; Адель чуть не съ восемъ принуждена была уступить мѣсто горничной Зинѣ, повеличавшейся титуломъ экономки очень не долго. Матреша, ея соперница и претендентка на то же званіе, подкараулила, какъ въ кухнѣ распивался ликеръ, и донесла по начальству. Зину едва не выгнали изъ дому и повѣрили ея оправданіямъ только потому, что никто не умѣлъ такъ покойно, какъ она, расчесывать великолѣпные волосы Екатерины Сергѣевны. Торбузова уже заговорила было о Жигуновой, но Амели доказала, какъ дважды-два, что Татьяна не годится, и указала на сестру Марьи Ивановны, Леночку. За нею былъ посланъ управляющій, и черезъ три дня Елена Ивановна Гонтова водворилась въ бывшей Машечкиной комнатѣ. Новая экономка нисколько не напоминала свою младшую сестру. Серьезная, молчаливая и сдержанная, она казалась старше своихъ двадцати пяти лѣтъ. Черные волосы были гладко причесаны и заложены кренделемъ на затылкѣ, неизмѣнное черное платье обтягивало ея высокую фигуру, какъ монашеская ряса, матово-блѣдное лицо, почти всегда опущенные глаза, неторопливая походка и медленность движеній дополняли сходство съ черничкой. Только губы были у нея совсѣмъ не постыныя, какъ плотно она ихъ ни сжимала, и черные, продолговатые глаза смотрѣли далеко не аскетически изъ-подъ тонкихъ, но густыхъ бровей. Гонтова знала это и потому осторожно прятала ихъ подъ длинными рѣсницами. Про нее нельзя было сказать, что она хорошенькая, нельзя было назвать ее и некрасивою. Между блестящею Амели и пышущою здоровьемъ Аделью Елена Ивановна много теряла и, если

обращала на себя вниманіе, то лишь благодаря нѣкоторой оригинальности, представлявшей совершенную противоположность съ нарядными, бойкими и веселыми гувернантками.

Послѣ хозяйственнаго междуцарствія, новая экономка привела всѣхъ въ восторгъ и своими распорядками затмила легкомысленную Машечку. Она быстро вызнала вкусы и привычки всѣхъ обитателей дома и всѣмъ умѣла угодить. Недоволенъ остался только Петръ Николаевичъ, вернувшійся изъ своей поѣздки. Онъ даже поморщился, когда увидалъ на мѣстѣ пикантной и вертлявой Машечки совсѣмъ не игривую фигуру «дамы печальнаго образа», какъ онъ съ перваго же дня обозвалъ Гонтову.

— Нашли, нечего сказать!—бурчалъ онъ, проглатывая передъ завтракомъ стаканчикъ водки, наливать который вровень съ краями лежало на обязанности экономки.

— Машечка, бывало, и пофинтить, и глазками штучки продѣлаетъ, а эта... чортъ знаетъ...—онъ поперхнулся, закусывая маринованнымъ грибомъ.

— А ну-ка, другую позвольте, эта криво пошла...—обратился онъ заигрывающимъ тономъ къ Еленѣ Ивановнѣ.

Рюмка была быстро налита именно такъ, какъ онъ любилъ, «верхомъ», а шаловливый тонъ пропалъ даромъ.

«И гдѣ только выискали,—разсуждалъ самъ съ собою Торбузовъ, отходя отъ буфета,—въ какомъ скиту? Вѣдь, такъ сказать, и не дурна бы... и фигура, и все это... и зубы, и рѣсницы... Что она, косая, что ли, или съ бѣльмомъ, что боится глаза показать? Этого только недоставало...»

Бывая раньше у Торбузовыхъ, Елена Ивановна такъ упорно пряталась, что Петръ Николаевичъ видалъ ее только мелькомъ и не обращалъ на нее никакого вниманія. Теперь же ему захотѣлось во что бы то ни стало разсмотрѣть глаза экономки; но это ему не удалось ни за обѣдомъ, ни за чаемъ, какъ онъ ни хлопоталъ. На другой день, проходя поутру въ кабинетъ, онъ нарочно услазъ куда-то лакея и, отворивши дверь въ столовую, сказалъ:

— Здравствуйте, Елена Ивановна, одолжите чайку.

Леночка молча поклонилась и черезъ минуту принесла стаканъ чаю.

— Здравствуйте еще разъ,—проговорилъ онъ, принимая подносъ изъ рукъ экономки.—Спасибо, вашу ручку.

Гонтова наклонила голову и подала концы пальцевъ.

— Знаете, вы ни капельки не похожи на вашу сестру, на Машечку,—продолжалъ Торбузовъ.—Удивительно, даже родственнаго сходства нѣтъ... Вотъ только развѣ губы немножко, можетъ быть, глаза...

— Сестра хорошенькая,—тихо сказала Леночка, чуть-чуть шевельнувши рѣсницами, изъ-подъ которыхъ что-то на мгновение сверкнуло и спряталось.

Петръ Николаевичъ открылъ было ротъ, готовя подходящую любезность, но экономки уже не было въ комнатѣ.

— Ахъ, чортъ ее возьми!—чуть не выговорилъ онъ.—Что это она, интересничаетъ, или святоша-недотрога, или ужь такая прожженная?... Да врешь, растрогаю!...

Сдѣлать это было, однако же, не такъ легко, какъ думалъ Торбузовъ. Машечку можно было за ручку притянуть, по головкѣ потрепать, расправить оборочки у фартука, взять за подбородочекъ и за талию... Вертлявая дѣвочка только подпрыгивала козочкой, смѣялась и глазами играла. А эта—кто ее знаетъ, что за птица и какъ къ ней подступиться, чтобы не попасть въ дураки. Въ качествѣ знатока, Петръ Николаевичъ порѣшилъ, что Леночка далеко не чета толстой Адели, много «полюбопытнѣе» Машечки и заняться ею, во всякомъ разѣ, не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что нѣмка порядочно ему прискучила, какъ рыхлый базарный папушникъ, и онъ осторожно началъ свои подходы къ любопытной «дамѣ печальнаго образа».

Тѣмъ временемъ жизнь Марьи Ивановны укладывалась все прочнѣе и опредѣленнѣе въ свои новыя формы. Основнымъ ея содержаніемъ была все болѣе и болѣе сгущающаяся скука, незамѣтная въ первыя недѣли, отчасти благодаря пережитымъ молодой женщиной волненіямъ, отчасти потому, что Машечка кое-какъ разгоняла ея приступы вознею съ одѣваньями и раздѣваньями къ лицу, сооруженіемъ причесокъ, мелкими стычками съ Настей и кухаркой, ссорами съ мужемъ изъ-за вдовой писарихи, сценами ревности, кончавшимися нѣжностями и поцѣлуями. Но послѣ удаленія Жигуновой изъ правленія все, наполнявшее день молодой Сердобцевой, стало мало-по-малу исчезать, оставляя за собою пустыя мѣста. Главнымъ поводомъ къ тому послужило интересное положеніе Марьи Ивановны, сгоряча придуманное для обезоруженія супруга, но очень скоро подтвердившееся до несомнѣнности, къ великой радости матушки Вѣры Васильевны, Насти и давно сжившейся съ ними Арины. Всѣ, начиная съ

мужа, только о томъ и думали, какъ бы доставить «голубкѣ», самый полный покой, чѣмъ бы не потревожить ее, не взволновать. Машечкѣ очень понравилось общее ухаживанье и послужило не малой утѣхой въ томъ, что она «навлигала». Ее занимала возможность интересничать,—не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, ея положеніе называется «интереснымъ»,—право избрѣтать разные привереды и невозбранно капризничать, разыгрывать опять новую роль. Только очень скоро эта роль оказалась довольно однообразною и совсѣмъ незанятною, хотя артистка и послѣшила оповѣстить о ней все село. Бромъ семьи Сердобцевыхъ, новость не произвела нигдѣ и ни на кого ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всѣ отнеслись къ ней крайне безучастно, находя, что это въ порядкѣ вещей и ни чуть не удивительно. Одна Амали, когда очередь дошла до Торбузовыхъ, выказала «chère Marie» самое горячее сочувствіе и повела ее на потѣху къ Екатеринѣ Сергѣевнѣ. На этотъ разъ, однако же, потѣха показалась скучающей барынѣ неумѣстною и слишкомъ жестокою. Торбузова сама была матерью, и ей стало жаль бѣдную Машечку.

— Перестаньте, Мари,—серьезно сказала она.—Вамъ, вѣдь, двадцать первый годъ, пора перестать быть дѣвочкой и играть въ наивности.

— Ахъ, Екатерина Сергѣевна, да развѣ я... Вы представьте себѣ только...

— И представлять тутъ нечего,—остановила ее хозяйка,—и вы напрасно себѣ представляете, и въ люди ходите съ вашими представленіями. Поймите, это смѣшно, точно съ вами съ первой такая исторія случилась.

— Я знаю, что не съ первой,—обидѣлась Марья Ивановна.—Только войдите вы въ мое положеніе...

— Въ вашемъ положеніи я была, и не разъ,—улыбнулась Торбузова,—и все знаю хорошо. А вы вотъ не знаете, что объ этомъ не публикуютъ, а скрываютъ, пока можно, не носятъ съ этимъ черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы. Это неприлично.

Машечка покраснѣла, пригусила языкъ и вернулась домой порядочно разочарованною въ неблагодарной роли и сконфуженною тѣмъ, что успѣла уже опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Приѣздъ сестры доставилъ Марьѣ Ивановнѣ еще менѣе продолжительное развлеченіе. Въ первые два-три дня Леночка подолгу просиживала у Сердобцевыхъ, терпѣливо выслушивала пустословіе Машечки о необыкновенныхъ трудностяхъ должности эконо-

ки и потихоньку выспрашивала, что ей было нужно. Когда же вопросы о выдачѣ провизіи, разливаніи чая и кофе и наливаніи хозяину рюмки водки были исчерпаны, Леночка знала про Турбузовскій домъ всю подноготную лучше, чѣмъ сама разскащица. Теорія супружества, къ которой перешла Машечка, мало интересовала Елену Ивановну, а картинки семейнаго счастья, иллюстрирующія эту теорію, показались молодой дѣвушкѣ слишкомъ реальными, и она почти совсѣмъ перестала ходить къ Сердобцевымъ, ссылаясь на многотрудность своихъ обязанностей, такъ живо расписанною самою же Машечкой.

Нѣкоторое оживленіе принесла съ собою масляница съ блинами, катаньями, съ толпами пьянаго народа на улицѣ, съ выѣздами въ гости и съ приемами гостей, съ необходимостью наряжаться, суетиться, объѣдаться и уставать отъ самаго образцоваго бездѣлья. Но вотъ надъ селомъ понеслись съ колокольными унылые звуки великопостнаго звона. Все притихло, опухшія лица приняли понемногу опять человѣческой образъ, вереницы богомольцевъ съ опущенными смиренно головами потянулись къ храму Божію каяться въ прегрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ, содѣянныхъ вѣдѣніемъ, преимущественно же невѣдѣніемъ, въ темнотѣ умственной. Матушка Вѣра Васильевна, по-стародавнему, пекла жаворонковъ встрѣчать весну красную. И, точно послушное призыву, проглянуло солнышко и начало пригрѣвать по-весеннему; зажурчали ручьи, показались проталины, а на нихъ стаи грачей. Гдѣ-то за садомъ закрикала утка, въ деревьяхъ закопошились птицы, хлопотливо оправляя старыя гнѣзда, заплетая новыя. Захлопотала и Вѣра Васильевна надъ своими ящиками, плошками и согрѣвшимися парниками. Настя все чаще и чаще стала навѣдываться въ мшаникъ, тревожно прислушиваясь къ гудѣнью пчелъ въ ульяхъ. Арина то возилась у парниковъ съ «матушкой» и работникомъ, то крестила и оплевывала лукошки, сажая насѣдокъ, уговаривая ихъ сидѣть смирно и укрывая рѣшетами беспокойныхъ. Нютка, забывши свою должность горничной, бѣгала за «матушкой» съ высадками и съ сѣменами, прощеними въ тряпкахъ, и чуть не съ ушами залѣзала въ рыхлую землю парниковъ. Одна Машечка не находила себѣ дѣла. Она попробовала тоже помочь Вѣрѣ Васильевнѣ, но нагибаться ей было вредно, носить плошки и поливать изъ тяжелой лейки—опасно, подѣвать землю—утомительно, а, главное, все это необыкновенно скучно и ровно ни на что не нужно, такъ

какъ то же самое могутъ сдѣлать Арина въ грязныхъ лаптяхъ и Нютка въ рваномъ полушубкѣ. Изъ-за чего же ей-то хлопотать, Машечкѣ? Отъ ея мазни не вырастетъ ни одной лишней рѣдски, не выродится никакого необыкновеннаго огурца. Да и какая радость въ томъ, что будетъ къ Святой рѣдска и поспѣютъ огурцы мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ огородѣ? У Торбузовыхъ никто въ грязи парниковъ не возится, а свѣжій салатъ не переводится круглый годъ, рѣдску подаютъ на Екатерининъ день, огурцы—къ масляницѣ и даже къ Рождеству. Очень нужно пачкаться, ноги промачивать, спину гнуть, когда всю эту дрянь можно потихоньку купить у Торбузовскаго садовника. Машечка отлично знала, что онъ таскаетъ всякую всячину изъ теплицы и парниковъ и продаетъ Хмарову за бездѣнокъ.

Тогда же Марья Ивановна узнала по опыту, что всѣ ея кудри, прически, банты изъ лентъ и другія затѣи, занесенныя изъ барскаго дома, не имѣютъ здѣсь никакого значенія. Старая «матушка» смотритъ на нихъ неодобрительно, Настя злится или насмѣхается, мужъ почти не замѣчаетъ ея щегольства.

— Ему все равно,—порѣшила молодая супруга,—а мнѣ и подавно, хлопотъ меньше.

И она избавила себя отъ лишнихъ хлопотъ и въ замѣну получила еще не малую долю ничѣмъ не занятаго времени. Одно не сообразила Машечка и никакъ не могла уяснить себѣ, почему Михаилъ Степановичъ, не обращавшій вниманія на ея наряды и локоны, теперь съ какимъ-то хмурымъ и недовольнымъ видомъ взглядываетъ на грязную ситцевую юбку, на затасканную кофту съ оборванными пуговицами, зашпиленную булавками, на резиновыя калоши, надѣтыя на босую ногу?

— Мари, сейчасъ къ матушкѣ идти обѣдать,—говорилъ онъ иногда.—Ты бы...

— Что такое?

— Переодѣлась бы... Посмотри, какая на тебѣ кофта... и голову, кажется, не чесала.

— Очень нужно! Для кого это я стану? Бѣто у насъ бываетъ, кто меня видитъ?

— Все-таки, не хорошо... Опять же калоши.

— Велика важность, нынче тепло. А что кофта испачкалась, такъ онѣ и всѣ такія. Наняли бы прачку, тогда бы и требовали. Да на васъ съ маменькой и съ сестрицей ничѣмъ не уго-

дишь; то косились, зачѣмъ франчу, теперь—зачѣмъ не франчу. Надоѣло мнѣ это и не до того.

Мужъ покорно умолкалъ, не находя возраженій; но лицо его не прояснялось. Онъ не умѣлъ сказать, что именно не такъ и какъ бы должно быть, а въ его воспоминаніи проносился образъ вдовы Жигуновой, одѣтой очень бѣдно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ, что она, казалось, не уступала въ изяществѣ ни французенкѣ Амели, ни его Машечкѣ, въ самыхъ лучшихъ ея нарядахъ.

XXI.

Въ лѣсахъ и оврагахъ лежалъ еще снѣгъ, а на улицахъ села Просѣкѣ, расположеннаго по косогорью, было уже совсѣмъ сухо, на обширной площади между церковью и волостнымъ правленіемъ зеленѣла молодая травка. Приближалось время ярового сѣва, и по дворамъ шли дѣятельныя приготовленія къ пашиѣ, ладились сохи и бороны, собирались телѣги. На селѣ было пусто, только подъ горою у кузницъ толпились мужики, пришедшіе исправить сошники и палицы. Сердобцевъ сидѣлъ въ правленіи и неторопливо разбиралъ почту, только что привезенную земскимъ почтаремъ. Помощникъ писаря отмѣчалъ по наглядной полученные пакеты и сортировалъ ихъ по «концамъ» села и по деревнямъ. Но вотъ скучное дѣло кончено, денежные письма заперты въ ящикъ, простыя и газеты розданы для разноски двумъ мальчигамъ-десятиникамъ, деревенскія сложены пачками и перевязаны бичевками въ ожиданіи «оказіи».

— Все-съ,—сказалъ помощникъ, укладывая послѣднюю пачку въ столъ.—Можно отлучиться, Михайль Степановичъ?

Сердобцевъ молча кивнулъ головой, поднялся съ мѣста, лѣниво потянулся и посмотрѣлъ на часы. Было половина шестаго. Идти домой чай пить—рано, да и не тянетъ его что-то къ дому, скучно тамъ, дѣлать нечего, и въ гости идти некуда, тоже безъ дѣла шляться охоты нѣтъ... Вездѣ скучно, вездѣ душно въ комнатахъ. Онъ вышелъ на крыльцо, постоялъ съ минутой въ раздумьѣ, потомъ надѣлъ шляпу и, не рѣшивши, куда идти, безцѣльно зашагалъ по площади. Ничего не думая и самъ не сознавая, какъ, Михайль Степановичъ очутился въ концѣ села у околицы, ведущей къ мельницамъ.

— Здравствуйте, Михайль Степановичъ, — остановилъ его знакомый голосъ у предпоследней избенки.

Сердобцевъ поднялъ голову и растерялся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Жигунова. Онъ не видалъ ее больше двухъ мѣсяцевъ, со времени ухода изъ писарской квартиры, зналъ только, что она живетъ у солдатки Агсины, и всячески избѣгалъ встрѣчи съ молодою вдовой. Ему совѣстно было за выходку жены, стыдно за себя, за свое неисполненное слово; онъ стѣснялся даже заговорить о ней съ кѣмъ-нибудь, спросить, какъ и чѣмъ она живетъ, боясь въ отвѣтъ услышать тяжелый укоръ себѣ. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ нею и скорѣе угадалъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ, чѣмъ узналъ бывшую писариху, — такъ не похожа была она на прежнюю Татьяну Кирилловну.

— Что съ вами?—могъ онъ только выговорить, едва преодолевая свое смущеніе.

— Ничего. Это вы про мой нарядъ? — Жигунова усмѣхнулась.—Такъ удобнѣе... Скажите лучше, какъ вы живете?

Она подошла къ нему и подала руку. Михаилъ Степановичъ неловко пожалъ ее и еще разъ окинулъ взглядомъ одежду молодой женщины, не смѣя поднять глазъ до ея лица. На ней былъ темносиній, почти черный сарафанъ изъ домотѣльной шерстяной ткани, темная ситцевая сорочка съ чернымъ узоромъ и такой же фартукъ, а голова закутана чернымъ платкомъ, спущеннымъ до самыхъ бровей. Однимъ словомъ, Жигунова была одѣта, какъ одѣваются всѣ просѣковскія крестьянки-вдовы. Сердобцеву больно было смотрѣть на этотъ бѣдный нарядъ; ему казалось, что онъ и есть единственный виновникъ нужды, доведшей молодую женщину до такой крайности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ его сознанія шевельнулось неясное представленіе о томъ, какъ горько было бы ему встрѣтить Татьяну веселою и нарядною не у полуразвалившейся избенки солдатки, а гдѣ-нибудь по близости усадьбы Хмарова или даже въ домѣ Торбузовыхъ. Онъ еще разъ взялъ ея руку и проговорилъ:

— Простите... Я очень виноватъ.

— Ни въ чемъ вы передо мною не виноваты, Михаилъ Степановичъ,—отвѣтила Жигунова.—Виновата скорѣе я, что хотѣла оставаться, гдѣ мнѣ быть не слѣдовало. Я знала это, даже вамъ говорила и, все-таки, не уходила... Я одна и виновата. Ваша супруга погорячилась, но она была въ правѣ... Ну, да что старое вспоминать! Одного не забуду я—вашей доброты.

— Вы куда же?—спросилъ Сердобцевъ.

— Ходила къ сосѣдѣ нитокъ взять, вотъ,—она показала мотокъ толстыхъ суровыхъ нитокъ.—Мы съ Аксиньей мѣняемъ шьемъ на мельницу, да ужь дешево очень, на хлѣбъ съ квасомъ не выработаешь. Что же мы стоимъ?...

— Да... пойдѣте... только куда?—молодой человѣкъ все еще не могъ оправиться.

— Хотите ко мнѣ, если это для васъ ничего... если не боитесь, что болтать стануть и какъ-нибудь дойдеть?

Сердобцевъ вспыхнулъ.

— Очень мнѣ нужно! Что-жъ я въ неволѣ, что ли, въ кабалу пошелъ?

— И тутъ-то на виду стоять у всѣхъ тоже хорошаго мало,—замѣтила Жигунова и пошла въ избу.

Увидавши писаря, старуха-солдатка заметалась, бросилась накрывать столъ грубою, толстѣйшею скатертью, потомъ для чего-то задернула ситцевую занавѣску, закрывавшую постель ея жилицы, и черезъ минуту опять отдернула, сунулась зачѣмъ-то въ угольникъ, гдѣ ничего, кромѣ двухъ чайныхъ чашекъ, не было, и выбѣжала въ сѣни. Жигунова грустно улыбнулась.

— Видите,—обратилась она къ гостю,—уже начинается. Хорошо, что Аксинья не болтлива, и я умѣю заставить ее молчать. Ну, да мнѣ-то все равно, пусть ихъ плетутъ, лишь бы вамъ непрятности не вышло. Садитесь, гость будете,—прибавила она, указывая на лавку за столомъ.—Только ужь не взыщите, угостить нечѣмъ, нѣтъ ни чаю, ни сахару, ни водки.

Жигунова сняла съ головы платокъ и бросила его въ уголь. Въ полусумракѣ бѣдной избенки она показалась Сердобцеву еще красивѣе, чѣмъ прежде, выше ростомъ и стройнѣе въ темномъ сарафанѣ безъ складокъ.

— Скажите, какъ же это, однако?—заговорилъ онъ.—Что же это такое будетъ?

— А что?—спросила Татьяна Кириловна и сѣла у другаго угла стола.

— Я, просто, ничего не могу сообразить,—продолжалъ Сердобцевъ.—Этотъ нарядъ, питье мѣшковъ... чаю нѣтъ, сахару, ѣда—хлѣбъ да квась... Послушайте, Татьяна Кириловна, да, вѣдь, это же Богъ знаетъ что такое! Это ни на что не похоже.

— Правда, тяжеленько,—молодая женщина вздохнула и провела рукой по лбу.—Тяжело, да дѣлать нечего. Нарядъ—пустое... Я кое-что распродала, кое-что прибрала на всякій случай и одѣ-

лась такъ, чтобы въ конецъ не обтрепаться. Я, вѣдь, всегда была щеголиха, за это мнѣ и доставалось.

— Но такъ нельзя же, однако,—волновался Сердобцевъ.— Ну, въ городъ, что ли, поѣхали бы. Все-таки, тамъ...

— Я жила въ городахъ, Михайлъ Степановичъ, и знаю, что это такое.

— Тамъ, все-таки, мѣста есть, легче найти, чѣмъ здѣсь,— продолжалъ онъ.

— Есть мѣста горничныхъ, прислуги... Въ прислуги я не пойду, горда еще, не сломили,— она подняла голову; ея сѣрые глаза блеснули въ полумракѣ хаты.—Работать на волѣ... Что работать? Тамъ и настоящія-то портнихи и бѣлошвейки сидятъ безъ хлѣба. Слишкомъ ихъ много развелось, всѣхъ въ городъ тянетъ, и никого городъ назадъ въ деревню не выпускаетъ.

— Ну, а здѣсь-то что? Мѣшки шить по гривеннику десятокъ, да съ своими нитками?

— А что же дѣлать?—возразила она.—Слава Богу, что хоть это есть... За то квартира—полтинникъ въ мѣсяцъ, мука—полтинникъ пудъ. Разговѣмся, будутъ яйца, молоко. Теперь пока мѣшки, а вотъ весна пришла, потомъ лѣто, работы будетъ вдоволь. Торбузовы надняхъ стануть нанимать садъ чистить, огороды сажать, платятъ хорошо, двугривенный и даже четвертакъ въ день... Потомъ подойдетъ полотье, сѣнокосъ, жнитво, вязка овса, молотьба...

— Да, вѣдь, это же крестьянская работа.

— Вотъ мнѣ этотъ самый нарядъ какъ разъ и по плечу.

— Работа-то не по плечу,—перебилъ ее гость.—Вы не знаете, что это такое, не испытали.

— Не испытала,—согласилась Жигунова.—А знаю только, что дѣвчонки малолѣтнія работаютъ, или вотъ такія заморыши, какъ моя Аксиныя. А вы знаете ли, что она на одномъ жнитвѣ двѣ четверти ржи выработала?... Себя прокормила, корову, меня вотъ кормить, и деньжонки у нея есть, собирается осенью новую избу ставить... Что-жь я, по-вашему, хуже Аксиныи, что ли? Жигунова разсмѣялась.

— Нѣтъ. Вы...—Сердобцевъ запнулся.—Нѣтъ, не то... Я знаю только, что это невозможно, что этого быть не должно.

— Не должно! А почему, позвольте узнать?—Жигунова наклонилась впередъ и взглянула прямо въ глаза своему гостю.— А лучше будетъ... Вотъ вы знаете, у васъ въ Просѣвахъ раз-

рѣшено базаръ устроить... знаете, что Хмаровъ надняхъ начинаетъ строить трактиръ... Такъ вотъ онъ уже не разъ засыпалъ ко мнѣ, иди я въ этотъ трактиръ хозяйничать... Одѣну, говорить, какъ королеву, пей - ѣшь что угодно, жалованье, говорить, какое спросишь, изъ выручки процентъ, работы никакой, только распоряжайся, командуй. Не жизнь, а круглый годъ праздникъ, веселье!... Какъ вы скажете, это лучше будетъ?... Да вы не думайте чего-нибудь... Нѣтъ, съ тѣмъ-то онъ давно прочь отѣхалъ, по крайней мѣрѣ, напрямки. Такъ согласиться мнѣ, идти? Что-жъ молчите?

— Нечего мнѣ сказать, Татьяна Кириловна, не знаю, что отвѣтить,—опустивши голову, проговорилъ Сердобцевъ.—Трактиръ—скверность, крестьянская работа... это фантазія, и я не знаю, откуда вы ее взяли. И, наконецъ, умѣете же вы что-нибудь дѣлать?

— Какъ не умѣть, многое умѣю!—Жигунова усмѣхнулась.—Чему добрые люди выучили, чему нужда... Я изъ пріютокъ. Папаша былъ чиновникъ, служилъ въ губернскомъ правленіи; овдовѣлъ онъ и съ горя... занялъ. Я отъ маменьки осталась пяти лѣтъ. Подобрали меня гдѣ-то на улицѣ и отдали въ пріютъ. Это было въ Бруногорской губерніи. Хорошій былъ пріютъ, надзирательница умная, образованная, добрая, ея помощница-учительница—сущій ангелъ Божій... Обѣ изъ благородныхъ, изъ хорошихъ фамилій. Попечительница, вдова сенатора, богатая барыня, только и жила въ нашъ пріютъ. Говорили тогда, что лучше нашего пріюта нельзя найти во всей Россіи. Бормили насъ хорошо, одѣвали чисто, обращались какъ съ родными дѣтьми, учили немного. Такъ и говорили: нужно готовить грамотныхъ и честныхъ работницъ. И учили работамъ, пріучали ко всему: и бушанье готовить, и тонкое бѣлье мыть, и кружева, учили шить, строчку дѣлать лучше машинной, вышивать гладью, шелками, русскимъ швомъ, крестиками, кружева плести. Наши работы на выставки посылались. И я все умѣла дѣлать. Счастливое время!...

Жигунова положила локоть на столъ, оперлась на руку, закрыла глаза ладонью и тихо, съ короткими остановками, продолжала говорить точно про себя, какъ бы забывши, что у нея есть слушатель.

— Шестнадцатый годъ шелъ мнѣ. Къ нашей нянькѣ ходилъ племянникъ, сынъ почтальона, служилъ въ казенной палатѣ...

молодой, красивый, ловкій... Полюбили мы другъ друга, стали видаться уводкой, нянька помогала. Надзирательница узнала, призвала меня. Я сказала, что выхожу за него замужъ. Послали за нимъ; онъ на колѣни упалъ, умоляетъ, чтобы меня отдали за него. Вотъ насъ и повѣнчали, приданое мнѣ собрали... За то, что онъ честный былъ, дѣловой, его повисили... Счастье какое было, Господи, Господи!... Годъ прошелъ слишкомъ. А тутъ въ городскомъ банкѣ мѣсто открылось, лучше, чѣмъ въ папашѣ. Мужъ туда перешелъ, мы уже зажили богато. Разыскался мой папаша, мы и его приютили. Вдругъ бѣда налетѣла, банкъ лопнулъ, разворовали его первостатейные купцы городскіе. Всѣхъ забрали, пошло слѣдствіе, начали мужа таскать,—зналъ, вишь, онъ, какъ директора банкъ грабили, и скрывалъ.... Да, зналъ и не доносилъ. А года за три до того одинъ чиновникъ донесъ, его же выгнали, всѣ концы попрятали, чуть самого доносчика не засудили, изъ города совсѣмъ выжили... Слѣдствіе тянулось года два. Куда-куда только мужъ не совался, нигдѣ мѣста нѣтъ,—ты, говорятъ, подсудимый, тебя въ острогъ надо вмѣстѣ съ грабителями. Мужа оправдали, а мы были нищими. Вотъ тутъ-то я и узнала, что такое наша работа, шить да вышивать. Бому нужно, въ тотъ же пріютъ отдаетъ для поддержанія пріюта,—это аристократы; кто попроче, тотъ въ мастерскія, тамъ машины, а то покупаетъ готовое вышиванье, тоже машинное. Никому не нужна моя работа... Пробовала въ мастерскія наниматься, вездѣ полно, а гдѣ и возьмутъ, такъ сейчасъ хозяйинъ съ лапами лѣзетъ, только затѣмъ и брали, молъ, тебя... А тутъ мужъ...

Она провела рукой по лбу и волосамъ, точно отгоняя тяжелыя воспоминанія. Сердобцевъ сидѣлъ мрачный и злой, у него холодѣли пальцы. Прошла минута молчанія.

— А что же мужъ?—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Мужъ... несчастный онъ, жалкій,—продолжала Жигунова, слегка вздрагивая.—Бился, бился и, вмѣстѣ съ папашей...

— Запилъ!—подсказалъ Сердобцевъ.

— Да,—коротко отвѣтила Жигунова.—Изъ города не выпускаютъ, подѣ судомъ, въ городѣ мѣста не даютъ, работы никакой... Папаша хоть въ свидѣтеляхъ у нотариуса служилъ, а ему и того нельзя, опять все та же пѣсня—подѣ судомъ... Ну, и кончился этотъ судъ, никакой вины за нимъ не нашли, а насъ по-миру пустили. Не пей онъ, все бы, можетъ быть, какъ-

нибудь выбились опять. Къ тому же, характеръ его: «А! говорить, меня позорили, тиранили за то, что не донесъ, такъ я же стану доносить обо всемъ, что знаю!»—и пошелъ... Боли правды хотите, такъ вотъ вамъ правда-то какая... Что-жь, за эту правду живо насъ скрутили и изъ губерніи выслали. Четыре года мы скитались и вотъ чѣмъ кончили. Онъ былъ работникъ, честный и дѣлецъ,—дошелъ... вы сами знаете до чего. Я—хорошая работница, мастерица, а куда мнѣ дѣваться съ моимъ мастерствомъ? Только и дороги такимъ мастерицамъ, что въ помойную яму... Такъ какъ же?—продолжала она, облокотившись обѣими руками на столъ и положивши подбородокъ на стиснутые кулаки,—бросать мнѣ свои фантазіи? Идти мнѣ въ городъ, или въ трактиръ къ здѣшнему пауку? Рѣшите-ка эти вопросы... Знаете что, вправду рѣшите, я сдѣлаю, какъ вы скажете...

Сердобцевъ вздрогнулъ подъ рѣзкимъ, стальнымъ взглядомъ Татьяны.

— Вотъ что,—заговорилъ онъ несмѣло,—оставайтесь здѣсь, живите, пожалуй, у Аксины, а я похлопочу найти вамъ работу по васъ, вышиванье тамъ, или что другое, поговорю у Торбузовыхъ, предводителю Раеву могу сказать, еще кому-нибудь... Авось выработаете не меньше, чѣмъ крестьянская баба.

— Это хорошо бы, и спасибо вамъ большое,—Жигунова опустила руки на колѣни.—Только не очень я на это надѣюсь. Да все равно, помогите. Одно другому не помѣшаетъ, гладью вышивать я могу и въ этомъ сарафанѣ, въ немъ же могу идти и въ поле работать, если дѣло не пойдетъ съ шитьемъ. Одно только можетъ выдти не ладно: опять заволнуется ваша жена, а тамъ у Торбузовыхъ поднимутся его красавицы, и кончится исторія тѣмъ, что вытурятъ меня совсѣмъ изъ села вонъ.

— За что? Кто посмѣетъ? Да я...—Сердобцевъ поднялъ голову, выпрямился.

— Эхъ, Михаилъ Степановичъ, что вы?...—и молодая женщина размѣялась.—Пригажеть Торбузовъ... да нѣтъ, еще не онъ самъ, а его жена, или даже француженка или нѣмба, чортъ ихъ тамъ разберетъ которая... прикажутъ уряднику, становому, и попрутъ меня, рабу Божию. Вѣдь, бывальщина уже... Служилъ покойникъ мужъ на винокуренномъ заводѣ у князя Подкосимова при амбарѣ. Князь доволенъ былъ, княгиня, добрая, больная барыня, даже полюбила меня. А на нашу бѣду оказалась тамъ

бывшая кормилица, которой князь цѣлую усадьбу выстроилъ. Такъ вотъ эта-то баба крестьянская какъ прознала, что я бываю въ княжескомъ домѣ, такъ сейчасъ же и скомандовала становому. Въ то время изъ села учителя забрали, да уже встали и насъ турнули. Прослужили всего два мѣсяца и улетѣли мы легкимъ пухомъ, съ нашею покорнѣйшею благодарностью господину становому за то, что дешево отдѣлались... А вы говорите: кто посмѣетъ! Надъ такими-то, какъ мы, кто только не смѣетъ?

Въ наступившей тишинѣ донесся мѣрный благовѣстъ ко все-нощной, была суббота. Сердобцевъ вспомнилъ, что пропустилъ чай дома и что его ждуть тамъ разспросы, гдѣ былъ, почему не пришелъ во-время. Онъ смущенно заторопился.

— Я къ вамъ зайду, Татьяна Кириловна, мы еще потолкуемъ, подумаемъ, а теперь...

— Вы ко всенощной?—выручила его Жигунова.

— Да, ко всенощной... до свиданія.—Онъ пожалъ руку хозяйкѣ и, все-таки, не уходилъ, переминаясь съ ноги на ногу.— Вотъ еще что я хотѣлъ сказать... видите ли, пока тамъ работа, пока что, а, вѣдь, вы... даже чаю нѣтъ. Такъ позвольте мнѣ... когда будетъ работа, вы отдадите.

Сердобцевъ полѣзъ въ карманъ.

— Это оставьте,—остановила его вдова-писариха.—Оставьте, Михаилъ Степановичъ... Я у васъ не просила, и никогда вы этого не дѣлайте. До свиданія.

Она пошла въ сѣни. Сконфуженный Сердобцевъ послѣдовалъ за нею.

— Знаете, станешь чай пить, захочется булочки,—шутила Жигунова, пропуская гостя на улицу.—А потомъ и о кофе вспомнишь, и о бренделькахъ сахарныхъ, и мало ли чего захочется, безъ чего, говорить, жить нельзя... Вотъ посмотрю, попробую. Коли окажется, что вправду нельзя, тогда... До свиданія, приходите!

Жигунова прислонилась къ притолкѣ и провожала затуманившимся взглядомъ молодого человѣка. Онъ давно уже скрылся за поворотомъ на площадь, а она все еще стояла на томъ же мѣстѣ, устремивши взоръ куда-то вдаль, на темно-сѣрыя облака, медленно выдвигавшіяся изъ-за барскаго сада. Скрипъ двери, ведущей на крошечный плетневый дворикъ, заставилъ ее очнуться и почувствовать, какъ тѣсно въ узкомъ крестьянскомъ сугманѣ ея молодой, высоко поднимающейся груди.

— Проводила, ушелъ?—послышался осторожный шепотъ Аксиньи, просунувшей голову въ полуотворенную дверь.

— Уйти-то ушелъ,—усмѣхнулась вдова,—только ты, тетка Аксинья, вотъ что: если онъ придетъ въ другой разъ, не выдай-ся такъ безъ толку и изъ избы не убѣгай.

— Ой! А я, касатка, думала...

— Пустое ты думала, тетка, пустое и нехорошее.

— О-о-о!...—Аксинья вошла въ сѣни, поднесла ко рту лѣвую руку и собрала пальцами въ комочекъ нижнюю губу.—Ишь ты, вѣдь... А я это спросту-то,—дѣло, молъ, ихъ молодое, можетъ что промежь себя.

Жигунова сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— О-о! Ну, кто-жь тебя знаетъ... Можетъ, поговорить о чемъ надо,—поспѣшила оправдаться тетка Аксинья,—насчетъ дѣловъ какихъ. Я, вѣдь, ничего...

— Ничего ты, Аксинья Григорьевна, и не думай. Говорить мы обо всемъ и при тебѣ можемъ, никакихъ у насъ тайныхъ разговоровъ нѣтъ и не будетъ. Такъ ты и знай. А вотъ что онъ заходилъ сюда, или, можетъ быть, еще когда зайдетъ, объ этомъ не слѣдуетъ говорить...

Татьяна Кириловна приостановилась, почувствовавши, какъ самой ей невѣдомо отчего сдѣлалось вдругъ не по себѣ, и краска стала подступать къ лицу.

— Да нешто я... И ни-ни-ни, виду не покажу. Ты, милушка, будь безъ сумленія: видѣла—не видала, слышала—не слышала. Нешто я этихъ дѣловъ-то не знаю?...

— Охъ, не то ты все, Григорьевна, не туда гнешь,—перебила ее вся раскраснѣвшаяся Жигунова.—Не потому не слѣдъ говорить, чтобы нельзя было, а потому, что люди осудятъ, люди подумаютъ дурное, не повѣрятъ, какъ вотъ ты теперь не вѣришь.

— Что ты, что ты, ягодка! Чего мнѣ не вѣрить?—успокоивала Аксинья.—Ишь ты разгорѣлась-то какъ, милушка! Чего не вѣрить?... Ты будь безъ сумлѣнія, я ни-ни Боже мой... А это такъ точно, что люди осудятъ. Надо какъ поаккуратнѣе, касатка...

Молодая вдова махнула только рукой, спѣшно закутала голову чернымъ платкомъ и пошла за околицу на выгонъ. Она задыхалась, ей даже на просторѣ не хватало воздуха.

М. Анютинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два неизданныхъ стихотворенія Ивана Сергѣевича Аксакова.

Прощайте, другъ! Надолго, можетъ быть
На вѣгъ, теперь мы расстаемся съ вами.
Бъ чему привыкъ, что въ жизни полюбить
Мнѣ разъ пришлось, — о! вѣрьте мнѣ, съ годами
Не властенъ я, не въ силахъ позабыть!
Въ послѣдній разъ, прощальными стихами,
Вамъ выскажу печаль души моей
И все, чего такъ много, много въ ней!

Идти должны мы разною дорогой:
Вамъ путь открыть счастливый и иной;
Мой путь богатъ волненьемъ и тревогой,
Бездѣйственный противенъ мнѣ покой.
Другую цѣль судилъ мнѣ жребій строгой,
Я къ ней стремлюсь съ надеждой и тоской,
И, вся полна болѣзненнаго стона,
Моя душа не знаетъ утомона.

Случайно здѣсь вы встрѣтили меня...
Но вамъ дѣлить нельзя мои страданья,
Вамъ не понять недужнаго огня, —
Вамъ, чистое и кроткое созданье!
Но много, другъ, вамъ благодаренъ я
За милое, участное вниманье...
О, какъ я былъ встрѣчать и видѣть радъ
Вашъ искренній, привѣтный, нѣжный взглядъ!

Не юный духъ, казалось, въ юномъ тѣлѣ
 Во мнѣ съ тоской мятежной обиталъ:
 Я гордъ и строгъ, я былъ суровъ доселѣ,
 Покуда здѣсь съ восторгомъ не узналъ,
 Что близокъ я кому-то, и на дѣлѣ
 Всю сладость женской дружбы испыталъ,
 И вы (я тѣмъ приличій не нарушу?),
 Вы первая мою смягчили душу!

Благодарю! Блянусь, въ душѣ моей,
 Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанье
 Мнѣ будетъ всѣхъ дороже и милѣй,
 Какъ вешнее цвѣтовъ благоуханье.
 Да; образъ вашъ, и кроткій взоръ очей,
 Безропотность и тихость упованья,
 И прелесть чувствъ, горящихъ въ тишинѣ,
 Не разъ одинъ согрѣютъ душу мнѣ!

Да, на землѣ, межъ многими дарами,
 Даръ лучшій—знать въ печальный, грустный часъ,
 Что есть душа далекая и нами
 Любимая и любящая насъ!
 Я счастливъ тѣмъ! Пока еще съ лѣтами
 Во мнѣ огонь душевный не погасъ,
 Иныхъ удобствъ и счастья мнѣ не надо:
 Въ любви самой мнѣ лучшая награда!

Любовь! Но я иначе васъ люблю!
 Моя любовь и дружба не ревнивы:
 Такъ, всей душой, всѣмъ сердцемъ я молю,
 Чтобъ *ты*, мой другъ... чтобъ были *вы* счастливы
 Я первый васъ на бракъ благословлю,
 Смиривъ въ груди мятежъ самолюбивый,
 Когда вамъ здѣсь полюбится иной,
 Способный дать вамъ счастье и покой!...

Но грустно мнѣ! И разставаясь нынѣ,
 Примите вы послѣдній мой привѣтъ:
 Въ странѣ-ль родной, далеко-ль на чужбинѣ,
 Въ глухой тиши, въ шуму-ль мірскихъ суетъ,

Гдѣ-бъ ни было, но затаю въ святынь
 Души моея я память ѳтихъ лѣтъ,
 И сердце ждать и вѣрвать готово,
 Что день придетъ и свидимся мы снова!

Калуга.

19 февраля 1847 г.

*
 *
 *

И для кого, и для чего
 Твой миръ нарушенъ и разстроень!
 Прости меня, я недостойнъ
 Порывовъ сердца твоего!
 Передъ тобой души гордыню
 Такъ грубо высказавши вновь,
 Я оскорбилъ твою святыню,
 Я огорчилъ твою любовь!...
 Боялся тяжкаго упрека
 Я близорукому уму,
 Что слабъ я былъ, что далъ глубоко
 Развиться чувству моему;
 Что, зная скорую разлуку,
 Его въ началѣ не сдавилъ,
 И въ немъ тебѣ готовилъ муку
 И жизни счастье отравилъ!
 И нынѣ я тебѣ устроить
 Хотѣлъ отраднѣй, мирнѣй путь,
 Разсудкомъ чувство обмануть
 И облегчить и успокоить...
 Затѣмъ, что *самъ и для себя*
 Я не боюсь земнаго горя;
 Съ судьбой упрямою не споря,
 Готовъ, любимый и любя,
 И жить, и мучиться тревожно;
 Затѣмъ, что твердо убѣжденъ,
 Что счастье въ жизни невозможно,
 Что только горе непреложно,
 Какъ неминувый законъ!...
 Пускай же, другъ, въ тебѣ сомнѣнья
 Не возмутятъ любовь мою:

Пойми и вѣрь, безъ увѣренья,
Какъ сильно, пылко я люблю!
Пусть души моей въ святынѣ
Хранится чистый пламень сей,
Но будь же счастлива отнынѣ,
Но ты прости моей гордынѣ,
Прости, и вѣрь любви моей.

Валуга.

21 февраля 1847 г.

НАДЪ НЪМАНОМЪ *).

Романъ Элизы Ожешковой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

Тропинка, вся заросшая богородицыной травой, выводила прямо на неширокую дорогу, отдѣляющую поселокъ отъ полей. Длинный лѣтній день тонулъ въ мягкихъ полутонахъ вечера. На всемъ необъятномъ куполѣ неба не было ни одного облачка.

Растянутый въ длинную линію поселокъ стоялъ весь въ золотистой мглѣ, насквозь пронизанной лучами заходящаго солнца. Можно было бы подумать, что это сплошной садъ, еслибъ изъ-за густыхъ деревьевъ не видѣлись деревянные постройки. То были сѣрые, покрытые соломой домишки, сарай, овины, амбары. Низенькіе заборы и плетни страшно запутанною сѣтью раздѣляли десятки усадебъ, разсыпанныхъ въ самомъ странномъ порядкѣ: то онѣ уходили въ глубь, то выступали впередъ; то какъ будто бы искали уединенія въ тѣни деревьевъ, то перегораживали другъ другу дорогу, то лѣпились у самаго края сбѣгающей къ рѣкѣ горы.

О старости этихъ усадебъ краснорѣчиво говорили окружающія ихъ деревья. Иные домики почти тонули въ тѣни раскидистыхъ серебристыхъ тополей, изъ-за другихъ темныя липы высоко выставляли свои верхушки; здѣсь плакучія березы старались проникнуть въ окна своими тонкими вѣтвями, тамъ суковатыя вербы широко раскидывались во всѣ стороны, точно оспаривая мѣсто у столѣтнихъ грушъ или яворовъ.

Младшіе сочлены семьи ровестниковъ и стражей поселка,

*) Русская Мысль, кн. VI.

вишневые и сливовые сады манили къ себѣ своею яркою зеленью и яркою краской созрѣвающихъ плодовъ. Еще ниже, у самыхъ плетней все пространство заросло густою стѣнной лещины, дикой малины, перемѣшанной съ бѣленой и крапивой.

Вѣроятно, ни у кого не было ни времени, ни охоты выпалывать всѣ эти дикія растенія, за то всѣ огороды были переполнены массой растеній культурныхъ. Здѣсь всюду, надъ низкою зеленью овощей, возвышались лѣса тиміана и душицы, пестрѣли яркія головки мака, цѣпкіе усы гороха взбирались вдоль тычинокъ. Въ концѣ огородовъ, у самаго дома, на грядкахъ пестрѣли десятками отгѣнговъ и красокъ, заглушая другъ друга, мальвы, ноготки, гвоздика, резеда, божье дерево, душистый горошекъ.

Все это было связано между собой двойною сѣтью плетней и тропинокъ. Тропинки, самыми прихотливыми изворотами, бѣжали отъ дома къ дому, перерѣзывали огороды, перескакивали черезъ плетни, прокрадывались вдоль стѣнъ, обрывались, исчезали и вновь появлялись среди зелени, назойливо напоминая зрителю, что и здѣсь кипитъ жизнь во всѣхъ ея сложныхъ проявленіяхъ. Какъ картина за картиной, одна усадьба смѣняла другую, отличаясь другъ отъ друга лишь своими размѣрами да видомъ окружающихъ ее деревьевъ.

Юстина глядѣла вокругъ широко раскрытыми глазами. Она находилась въ самомъ центрѣ околицы. Все населеніе домовъ, мимо которыхъ она проходила, послѣ трудового, рабочаго дня высыпало наружу. Повсюду мелькали клѣтчатыя юбки и яркіе кафтаны женщинъ... Однѣ сзывали куръ, другія пололи грядки овощей или у порога домовъ мыли кадки и ведра.

Съ поля возвращались одноконные и двухконные плуги; за ними шли мужчины въ зипунахъ и сермягахъ, въ высокихъ сапогахъ и босые, въ маленькихъ, щегольскихъ шляпахъ или высокихъ, неуглубленныхъ шапкахъ; съ луговъ возвращались косари съ блестящими косами. Въ глубинѣ домовъ стучали ручныя мельницы и глухо погромыхивали трацкіе станки. На каждой дорожкѣ, за каждымъ плетнемъ слышался конскій топотъ,—то подrostки выводили лошадей въ ночное.

Но вдругъ гдѣ-то за поворотомъ послышался крикъ, смѣшанный съ плачемъ и смѣхомъ. На дорожкѣ, стиснутой плетнями двухъ усадебъ, показались двое людей,—маленькій, сторбленный старичокъ въ холстинномъ халатѣ и высокая, плечистая дѣвуш-

ка. На беззубомъ, сморщенномъ лицѣ старика виднѣлось выраженіе сильнѣйшаго горя и ужаса; онъ весь дрожалъ, а руки его конвульсивно подергивались. Онъ едва ли бы держался на своихъ заплетающихся, слабыхъ ногахъ, еслибъ его не поддерживала сильная дѣвушка и не ободряла энергическими восклицаніями:

— Да успокойтесь, дѣвушка! Пойдемте домой! Паценно здѣсь нѣтъ! Онъ ужъ не пріѣдетъ за бабушкой! Онъ умеръ и бабушка умерла! Полно дурачиться, пойдемте домой!

Но старикъ сопротивлялся изо всей силы и, не обращая вниманія на внучку, дребезжащимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Я найду соблазнителя, бабушки не дамъ! Гдѣ онъ? Пойдемъ искать Ядвигу, пойдемъ!

Дѣвушка, поддерживая старика, все повторяла:

— Да нѣтъ здѣсь Паценки! Умеръ онъ и никогда сюда не придетъ! Это только Мацѣвы скверные мальчишки васъ пугаютъ!

Но старикъ рвался впередъ и грозилъ своею изсохшею рукой. За ними вслѣдъ скакали на одной ногѣ два мальчика и кричали, смѣясь во все горло:

— Паценко пріѣхалъ! Паценко пріѣхалъ и увезетъ бабушку у дѣдушки!

Дѣвушка подняла свою голову, покрытую роскошною массою каштановыхъ волосъ. На глазахъ ея блеснули слезы.

— Что я буду дѣлать?—заплакала она.—Они его дразнить, а онъ все идетъ... опять, пожалуй, упадетъ и разобьется, какъ намедни...

— Старикъ всегда выходитъ изъ себя, когда ему скажутъ, что Паценко пріѣхалъ,—шепнулъ Янъ Юстинъ.—Это тотъ самый Паценко, что увезъ у него жену.

Анзельмъ выступилъ, остановился передъ старикомъ и спросилъ:

— Куда идете, панъ Якубъ?

Маленькіе глаза старика взглянули изъ-подъ красныхъ, опухшихъ рѣсницъ.

— А, а... кажется, панъ Шимонъ?

— Да, я Шимонъ. Куда вы идете?

— Шимонъ,—объяснилъ Янъ,—мой дѣдъ, отецъ дяди. Якубъ живыхъ людей не распознаетъ, принимаетъ ихъ за умершихъ отцовъ и дѣдовъ, точно живетъ среди усопшихъ.

— Паценко прїѣхалъ!— шибко мигая рѣсницами, повторилъ старикъ голосомъ обиженного ребенка.

Анзельмъ выпрямился и рѣшительнымъ голосомъ проговорилъ:

— Паценко не прїѣзжалъ и никогда не прїѣдетъ, потому что его нѣтъ на свѣтѣ.

Беззубый ротъ старика широко открылся.

— Не прїѣзжалъ? Панъ Шимонъ говоритъ, что не прїѣхалъ? Значить, ребятишки меня обманули. Прибѣжали и кричатъ: «Прїѣхалъ!» Такъ вѣрно, что не прїѣзжалъ?

— Не прїѣзжалъ,—повторилъ Анзельмъ.

— Честное слово?

— Честное слово,—торжественно сказалъ Анзельмъ.

Старикъ совершенно успокоился; дѣвушка протянула Анзельму свою большую красную руку.

— Спасибо,—сказала она,—большое спасибо. Онъ всегда вамъ вѣритъ... Дѣдушка, пора идти домой. Молочка дамъ и вареники съ вишнями сдѣлаю.

Она хотѣла направить его въ надлежащую сторону, но старикъ все усмѣхался и силился выпрямиться.

— А васъ, панъ Шимонъ, куда Богъ несетъ?

— Бъ Яну и Цециліи.

Точно лучъ солнца озарилъ облысѣвшую голову старика и разглядилъ всѣ его морщины; улыбка его стала радостною, глаза вспыхнули, онъ поднялъ свой тонкій желтый палецъ и заговорилъ слегка дрожащимъ, но громкимъ голосомъ:

— Янъ и Цецилія! Да, Янъ и Цецилія! Встарину то было, лѣтъ сто спустя, а, можетъ быть, и меньше, послѣ того, какъ литовскій народъ принялъ крещеную вѣру, когда въ нашу сторону пришли двое людей...

Онъ разговорился бы дальше, если бы не Ядвига, которая прїѣхала передъ Анзельмомъ и сказала:

— Милости просимъ зайти по близости въ нашу хату.

Она искоса взглянула на Яна.

— Боюсь, какъ бы не быть вамъ въ тягость,—отвѣтилъ Анзельмъ.

Она снова прїѣхала.

— Какое въ тягость!... Милости просимъ, дѣдушка будетъ очень радъ.

Но Анзельму было некогда. Онъ поблагодарилъ за приглаше-

ніе, приподнявъ шапку и пошелъ своею дорогою. Ядвига опечалилась, обняла дѣда и повела его домой.

Янъ, со столярными инструментами въ рукахъ, издали наблюдалъ за этою сценой, не принимая въ ней никакого участія.

— Пошелъ бы ты, помогъ бы Ядвигѣ успокоить дѣдушку,— обратился къ нему Анзельмъ.

Янъ поморщился, посмотрѣлъ на крышу ближайшаго дома и отвѣтилъ:

— Онъ уже успокоился.

На дворѣ одной изъ усадебъ, недалеко отъ дома стараго Якуба, въ это время происходила оживленная бесѣда. Нѣсколько человѣкъ сбились въ кучку и слушали Фабіана, который давалъ своимъ сосѣдямъ отчетъ въ теперешнемъ состояніи процесса.

Издали были слышны его энергическія восклицанія: «убей меня Богъ! издохнуть мнѣ, если я не покажу ему, гдѣ раки зимуютъ!»

У воротъ дома стояло нѣсколько плуговъ и боронъ. Владѣльцы ихъ слушали словоохотливаго сосѣда съ живѣйшимъ интересомъ и нетерпѣніемъ. Иные отъ времени до времени вставляли свое замѣчаніе, а одинъ, бѣдно одѣтый человѣкъ, босой, но красивый, съ цѣлою копной русыхъ волосъ на головѣ, каждую минуту жалобно повторялъ:

— Совсѣмъ мы пропадемъ безъ этого выгона! Ахъ, кабы это была правда, что его можно отсудить!

— Выгонъ этотъ испоконъ вѣка принадлежалъ намъ,—раздался громкій и сердитый голосъ Фабіана.

Анзельмъ ускорилъ шаги. Было видно, что онъ старательно избѣгаетъ всякихъ ссоръ и споровъ. Онъ какъ-то боязливо бросилъ взглядъ на галдящую кучку народа и проскользнулъ подъ самую стѣной какого-то сарая.

— Выгонъ никогда не былъ нашъ и безспорно принадлежитъ пану Корчиньскому,—тихо заговорилъ онъ,—но они на каждую пядь земли зарятся.

Онъ покачалъ головой и поправилъ шапку.

— Хотя, съ другой стороны, и то сказать можно, какъ тутъ и не зариться, если этой земли-то куда какъ мало! У насъ все такъ: однимъ праздникъ, а другимъ все великій постъ.

Они проходили мимо маленькой хатки безъ трубы, безъ крыльца, безъ плетня, съ жалкими грядками не менѣе жалкихъ овощей. На дворѣ росло только одно дерево—громадный дубъ, который

своими развѣсистыми вѣтвями точно хотѣлъ прикрыть всю неприглядную наготу бѣднаго домика. На порогѣ сѣней сидѣла блѣдная женщина и чистила картофель.

— Это хата Владислава... видѣли, что съ Фабіаномъ разговаривалъ, русый такой?... Женился онъ на крестьянкѣ, народилъ четверыхъ дѣтей, а земли-то у него всего-на-все полторы десятины. Да, у насъ всяко бываетъ.

Дѣйствительно, каждый могъ убѣдиться, что не всѣ жители деревушки пользовались одинаковымъ благосостояніемъ. Такихъ хатъ, какъ у Владислава, было не много, но и между болѣе зажиточными видна была значительная разница. Было видно, что земля, единственный ресурсъ всѣхъ жителей околицы, подвергалась частымъ и неравномѣрнымъ дѣлежамъ; что издавна, поколѣніе за поколѣніемъ, семейство за семействомъ кроили между собой и безъ того не обширные участки, что масса окружающей зелени поливалась дѣльными ручьями пота и слезъ. Только вѣковыя деревья своими могучими вѣтвями осѣняли какъ достатокъ, такъ и нищету, а милосердная или, пожалуй, равнодушная природа накидывала на все покрывало повѣзін.

Анзельмъ вышелъ изъ околицы и съ дороги, которая съ этого мѣста начала круто спускаться внизъ, свернулъ въ сторону, туда, гдѣ струился еще пока невидимый Нѣманъ. Юстинъ показалось, что изъ освѣщеннаго пространства они выступили въ темный, холодный корридоръ. Передъ ними открывалось ущелье, такое длинное, что конца его нельзя было видѣть, и такое высокое, что его стѣны поднимались надъ ними, какъ горы.

Сначала стѣны эти базались рядомъ голыхъ скалъ, страшно исковерканныхъ и изломанныхъ силою какого-то подземнаго переворота; только кое-гдѣ покажется кустъ можжевельника или тощая сосенка, склонившаяся надъ пропастью. Но дальше растительность попадалась все чаще и, наконецъ, сплошь покрывала всѣ стѣны однимъ ковромъ зелени всевозможныхъ оттѣнковъ, осыпанной цвѣтами самыхъ разнообразныхъ колеровъ. Куда ни глянешь, повсюду, по крутымъ обрывамъ и отлогимъ покатостямъ, растутъ ольховые и березовые лѣса, возвышаются своими стройными стволами надъ непроходимую чащей барбариса, дикой малины, цвѣтущаго шиповника и калины, красующейся шапками бѣлыхъ цвѣтовъ. Еще ниже стелется море кустистой медуники, крапивы, полыни, высокихъ полевыхъ подсолнечниковъ, окутанныхъ сѣтью дикихъ злаковъ. Все это съ обѣ-

ихъ сторонъ широкими волнами сбѣгало внизъ, ко дну ущелья. У самой вершины солнце золотымъ потокомъ затопляло лѣса, но чѣмъ ниже, тѣмъ свѣтъ становился слабѣе, а въ глубинѣ уже надвигались холодныя сумрачныя тѣни.

Въ глубинѣ ущелья тянулась полоса, поросшая сочною, густою травой. Когда-то взбунтовавшіяся воды великой рѣки прорыли здѣсь себѣ ложе и напоили землю тою влагой, которая обуславливала здѣшнюю почти сказочную растительность. Но лужайка все суживалась и, наконецъ, уступила мѣсто узкой расщелинѣ, а тропинки, ведущія въ глубь ущелья, лѣпились къ самымъ горнымъ откосамъ и то терялись подъ сводами зарослей, то снова выбѣгали на открытое мѣсто. Въ расщелинѣ чувствовалась близость воды, пахло сыростью. Тамъ лежали большіе каменья, покрытые влажною плѣсенью, росли голубыя незабудки, широко распускала свои вѣтви лещина, а изъ-подъ густаго навѣса бѣлокопытника доносилось едва уловимое ухомъ журчаніе.

Вдругъ что-то зашипѣло, забурчало, словно кипятокъ въ закрытомъ сосудѣ. То былъ водоемъ, просвѣчивающій своею зеркальною поверхностью сквозъ листья бѣлокопытника и изливающій тонкую струю воды внизъ, на красноватые каменья. И словно по велѣнію природы, давшей въ этихъ мѣстахъ право голоса только одному ручью, здѣсь царствовала ничѣмъ не нарушимая тишина. Птицы жили наверху, посреди веселыхъ березовыхъ и ольховыхъ лѣсовъ, но сюда почти не заглядывали.

Юстина остановилась и, наклонившись, заглянула въ открытый листьями и цвѣтами водоемъ. Остановился и Ансельмъ и медленно оглянулся вокругъ. Его грустные глаза теперь были ясны; съ шутливою усмѣшкой на губахъ онъ продекламировалъ:

Ручеекъ журчитъ по камнямъ,
Вѣтви вѣтви внизу клонить...

То было неясное эхо, приносящее ему изъ дальней молодости отрывокъ полузабытой пѣсни. Ансельмъ пошелъ впередъ, карабкаясь на гору, по естественной лѣстницѣ, которую образовали выдающіеся корни деревьевъ. Онъ шелъ медленно, сторбивъ спину, съ большимъ трудомъ, изрѣдка пользуясь помощью Яна. А Янъ не нуждался ни въ какихъ лѣстницахъ. По временамъ онъ почти совсѣмъ исчезалъ въ заросляхъ, — видна была только его маленькая шапочка, да рука, которую онъ протягивалъ на помощь старому дядѣ.

Въ головѣ Юстины блеснуло воспоминаніе. Она уже видѣла, какъ эти люди карабкаются на высокій берегъ Нѣмана, — въ тотъ разъ одинъ изъ нихъ останавливался и обращался лицомъ къ тому дому, у окна котораго стояла Юстина. Но воспоминаніе это какъ молнія промелькнуло въ ея сознаніи. Она остановилась и съ любонитствомъ осмотрѣлась вокругъ.

Они находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вершины горы, на небольшой, отлогой покатости. Нужно было только немного поднять голову, чтобъ увидать золотистые колосья ржи на самомъ краю обрыва. У начала ведущей внизъ тѣнистой аллеи лежалъ огромный камень неправильной формы, мѣстами поросшій сѣдымъ мохомъ. Вокругъ него росло нѣсколько сосенъ и раскидистая груша, съ массою вѣтвей и мелкихъ зеленыхъ листьевъ. Подъ соснами и грушей что-то блестѣло всевозможными красками. Надо было подойти поближе, чтобъ узнать, что это надгробный памятникъ...

То былъ памятникъ простой, даже убогой, но таковой формы и такъ украшенный, что при его видѣ невольно вспоминались давно минувшія времена. Состоялъ онъ изъ шестиконечнаго, толстаго и съуживающагося у основанія креста, окрашеннаго въ красную краску, съ бѣлымъ изображеніемъ Спасителя. Весь крестъ пестрѣлъ различными фигурами. Тутъ были и черепа, и разныя орудія муки Христовой, и выпуклыя изображенія святыхъ. Крестъ былъ такъ ветхъ, что, казалось, вотъ-вотъ упадетъ и разсыплется, но само распятіе и окружающія его фигуры, хотя и пострадавшія отъ времени, сохраняли свои характеристическія черты. На широкомъ основаніи креста можно было прочесть надпись: *Янз и Цецилія. 1549 годъ. Memento mori.*

Гробовая надпись была загадкой. Фамиліи здѣсь не стояло никакой. Съ безыменнаго памятника, защищеннаго стѣной нѣманскаго оврага, три столѣтія смотрѣли въ эту зеленую пропасть, на огромный мшистый камень, на зеркальную, теперь невозмутимо-ясную поверхность Нѣмана. За рѣкой огромный солнечный дискъ почти спускался за линію бора и такъ пронизывалъ его своими лучами, что столѣтнія сосны казались совершенно залитыми золотомъ.

Царствующую повсюду тишину нарушало только монотонное шуршаніе рубанка по лежащему на землѣ обрубку дерева. Анзельмъ снялъ передъ памятникомъ шапку, но тотчасъ же снова покрылъ голову и въ молчаніи, нахмуривъ брови, погрузилъ

ся въ работу. Медленно, почти машинально, по безустанно его блѣдная, худая рука проводила рубанкомъ взадъ и впередъ по поверхности обрубка. Полуогнившій крестъ, который, навѣрное, не вынесетъ перваго порыва осенняго вѣтра, долженъ быть замѣненъ новымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ ту же самую работу справлялъ нынѣ одряхлѣвшій, полусумасшедшій Якубъ. Теперь пришла очередь Анзельма охранять памятникъ; а памятникъ этотъ былъ несомнѣнно очень дорогъ для многихъ поколѣній, коль скоро каждое изъ нихъ рождало кого-нибудь, кто не позволялъ этому обломку старины исчезнуть съ лица земли. Новый крестъ покроютъ старыя фигуры, краткая надпись вновь заблѣтетъ на красномъ подножii памятника и все снова будетъ такъ, какъ было триста лѣтъ тому назадъ, какъ было въ ту отдаленную пору, когда двое какихъ-то неизвѣстныхъ, невѣдомыхъ людей легли на вѣчный сонъ въ одну могилу.

Юстина смотрѣла на старый памятникъ и въ ея головѣ ясно пронеслися слова старой пѣсни:

И прохожій скажетъ, и прїѣзжій скажетъ,
 Поклонясь могилѣ,
 Что въ союзѣ вѣчномъ, что въ союзѣ вѣчномъ
 Двое тутъ почил!

Любили ли они другъ друга? Люди ли ихъ разлучили и вновь соединила могила? Какъ они жили? И почему они и послѣ смерти такъ надолго остались въ людской памяти?

Въ двухъ шагахъ отъ нея на пнѣ сидѣлъ Янъ и улыбался ей полусмѣливо, полутаинственно.

— Дядя все знаетъ и очень любитъ рассказывать эту исторiю. Нужно его только хорошенько попросить, — онъ расскажетъ...

Дѣйствительно, было видно, что Анзельмъ борется съ желанiемъ поговорить о чемъ-то. Онъ опустилъ рубанокъ, посмотрѣлъ на Юстину и спросилъ:

— Зачѣмъ? на что вамъ нужно?

Но спустя минуту онъ снова поднялъ глаза и долго не спускалъ ихъ съ блѣднаго, печальнаго лица молодой дѣвушки. Въ ея головѣ этотъ памятникъ возбуждалъ рой сказочныхъ мечтанiй. Она не смѣла просить того незнакомаго человѣка, который, съ своею гордою независимостью и прошедшимъ, полнымъ какихъ-то страшныхъ страданiй, казался ей въ эту минуту еще болѣе важнымъ и суровымъ. Но Анзельмъ прочелъ просьбу въ

ей глазахъ и обернулся на солнце: оно совсѣмъ побагровѣло и до половины скрылось за боромъ.

— Мало же я сегодня наработалъ! А всѣ бѣды отъ молодежи идутъ! Работать мѣшаютъ, время отнимаютъ, обо всемъ спрашиваютъ, а тутъ и рассказывать-то не о чемъ!

Никогда еще его губы подъ сѣдыми усами не складывались въ такую добродушную улыбку; онъ теперь говорилъ весело, почти шутливо.

— Ну, что-жъ дѣлать? Если вы хотите услышать эту исторію, то я съ удовольствіемъ... Никто этой исторіи не списывалъ и въ книжкахъ не печаталъ. Одинъ человѣкъ рассказывалъ ее другому, и такъ издали, какъ рѣка черезъ разные края, она притекла къ намъ отъ самыхъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ нашихъ. Мнѣ рассказывалъ ее старій Якубъ, когда я еще босикомъ бѣгалъ и телятъ пасъ, а самъ онъ узналъ неизвѣстно отъ кого,—можетъ быть, отъ своего дѣда или прадѣда,—въ ихъ семействѣ всѣ долго живутъ.

Онъ положилъ рубанокъ въ сторону, сѣлъ на камень и еще разъ ласково улыбнулся.

— Сказки бабамъ, а то, что я расскажу, не сказка!... Было это давно, лѣтъ сто спустя послѣ того, какъ литовскій народъ принялъ крещеную вѣру, когда въ эту сторону пришло двое людей. Какъ ихъ звали, кто они такіе, —никто не зналъ; только по рѣчи да по платью ихъ можно было догадаться, что пришли они изъ Польши. Зачѣмъ они бросили родной край и пришли сюда,—тоже было неизвѣстно. Когда ихъ встрѣчали и спрашивали, какъ ихъ зовутъ, они отвѣчали, что при святомъ крещеніи ихъ нарекли Янъ и Цецилія. А когда ихъ допытывали, куда и зачѣмъ идутъ, они отвѣчали: «ищемъ пустыни!» Видно было изъ всего, что они боялись погони и хотѣли скрыться отъ людей, жить только подъ Божимъ покровительствомъ. Навѣрное это неизвѣстно, хотя ходили слухи, что положенія ихъ были неравны: онъ былъ загорѣлый и очень сильный, что рѣдко бываетъ среди пановъ, а въ ней—шла ли она, стояла ли, молчала или говорила—видно было знатную госпожу. Но какъ тамъ было сначала, это все равно; достаточно, что они безъ труда нашли то, чего искали.

Весь здѣшній край въ то время былъ непроходимой пущей, въ которой Господь Богъ разсѣялъ не мало озеръ голубыхъ и луговъ зеленыхъ, а люди построили кое-гдѣ селенія и занима-

лись каждый своимъ дѣломъ. Въ однихъ мѣстахъ надъ озерами или рѣчками сидѣли рыбаки и бобровники; въ другихъ, гдѣ стояли липовые лѣса, пчеловоды медъ и воскъ отбирали у трудолюбиваго Божьяго созданія; инымъ король наказалъ, чтобъ выхаживали для него соколовъ,—и отъ того ихъ называли сокольниками, — а другихъ одарилъ волей, съ тѣмъ, чтобъ они ему всякіе припасы посылали, и потому стали они боярами или вольными людьми. Объ обработкѣ земли они не заботились; огороды у нихъ были, но въ нихъ росла только рѣпа да ленъ: овецъ они не водили, шерсти у нихъ не было, приходилось носить холстинную одежду. Хлѣбъ рѣдко гдѣ можно было видѣть, развѣ по близости большихъ селеній, а въ пущѣ въ новыхъ мѣстахъ даже и не слыхали о немъ. За то были такіе люди, что откармливали свиней желудями, — ихъ называли сквернымъ именемъ: свинятники; другіе жили при лугахъ, приручали буйволовъ, — отсюда пошли буйволятники. О деньгахъ во многихъ мѣстахъ и понятія не имѣли, а если кто хотѣлъ что-нибудь, то давалъ звѣриную шкуру—бобровую, медвѣжью, лисью, кунью, или расплачивался медомъ, откормленною свиньей, — тѣмъ что имѣлъ, однимъ словомъ. Хаты у нихъ назывались *нумы* и были онѣ бѣдныя, грязныя, безъ печей и трубъ, потому что среди лѣснаго народа не было ни одного каменщика. Въ христіанскаго Бога увѣровали всѣ, но въ глубинахъ пущи многіе еще поклонялись идоламъ и жили съ двумя, съ тремя женами.

Янъ и Цецилія прошли вдоль всей пущи, видѣли многіе озера и луга, заходили къ рыбакамъ, къ сокольникамъ и къ боярамъ, заходили къ свинятникамъ и къ буйволятникамъ, но нигдѣ имъ не понравилось такъ, какъ тутъ, надъ берегомъ Нѣмана, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ этотъ памятникъ... Видно, сообразили, что тутъ люди меньше всего могутъ достигнуть ихъ, что тутъ имъ легче всего будетъ жить подъ Божьимъ призоромъ. Можетъ быть, такъ ужъ было заранѣе имъ предназначено поселиться на этомъ клочкѣ земли и начать убогій, хотя и долговѣчный родъ...

Медленный, тихій голосъ рассказчика на высотѣ горы словно соперничалъ своею монотонностью съ однообразнымъ журчаніемъ ручейка внизу. По временамъ Анзельмъ останавливался и искалъ въ памяти выраженіе или слово, которыхъ не употреблялъ въ обычной жизни, но не хотѣлъ выкинуть изъ стараго сказанія. Теперь, съ видимымъ напряженіемъ мысли, онъ сплеталъ въ го-

ловѣ нить повѣствованія, боясь сбиться или пропустить какое-нибудь событіе.

— Въ то время, — вновь заговорилъ онъ, — на этомъ мѣстѣ не было ни одного вершка вспаханной земли, ни слѣда людскаго жилища. И съ той, и съ этой стороны рѣки, направо и налево, росла только одна сплошная пуща. Янъ и Цецилія облюбовали себѣ то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ памятникъ, а тогда стоялъ старый дубъ, — такой старый, что въ его дуплѣ можно было цѣлаго буйвола спрятать, — вотъ подь этимъ-то дубомъ они первымъ дѣломъ построили себѣ хату, такую же нуму безъ печи и трубы, бѣдную и убогую. Построить лучше они и не могли сначала.

Короче сказать, онъ рубилъ деревья, отесывалъ бревна и сколачивалъ ихъ вмѣстѣ, а она собирала орѣхи и дикія яблоки, готовила рыбу, доила буйволицу, которую скоро приручила къ себѣ, одежду чинила, а когда приходилъ вечеръ и Янъ ложился подь дубомъ, съ натянутымъ лукомъ наготовѣ, чтобы во всякую минуту оборониться отъ диваго звѣря, — Цецилія садилась у его изголовья, играла на арфѣ и пѣла. Вѣрно изъ высокаго дома была, потому что пѣла и играла, какъ ангель, а ручки у нея были бѣлѣе снѣга. Да не надолго этого хватило: въ трудахъ да невгодахъ постоянныхъ, въ постоянномъ страхѣ, Цецилія скоро загорѣла, окрѣпла, стала похожа на буланую лань, которой труды и одинокая жизнь ни почемъ. Какъ у прародительницы рода человѣческаго, волосы у нея были золотистые и такіе длинные, что она могла закутаться въ нихъ съ головы до ногъ и окутать свою арфу. Когда, позднимъ вечеромъ, она пѣла надъ утомленнымъ мужемъ, онъ, съвозъ сонъ, ласкалъ ея волосы, а на восходѣ солнца вставалъ веселый и бодрый, ибо ея любовь утѣшала его сердце и подкрѣпляла его силы.

Однако, несмотря на любовь и согласіе, и имъ по временамъ приходилось такъ трудно, что другимъ людямъ и не понять этого. Все вокругъ было не такъ, какъ теперь, — дичь страшная, глушь... По лѣсу ходили стада зубровъ, туровъ, медвѣдей, волковъ; въ вѣтвяхъ деревьевъ сидѣли на-сторожѣ хищные ястреба и кречеты; кривоносые орлы широко раскидывали свои крылья. По ночамъ стонали совы, а на деревьяхъ сидѣли рыси и глаза ихъ свѣтились словно огоньки. По временамъ вороны и галки черною тучей закрывали все небо, а дикія лошади оглашали всю лѣсную глушь своимъ пронзительнымъ ржаніемъ. Близъ рѣки и

во всѣхъ сырыхъ мѣстахъ водилось видимо-невидимо всякаго гада, жабъ, ужей, лягушекъ. И рѣка была не такая, какъ теперь, а глубже гораздо и быстрѣе, и воды ея разливались куда глазъ хватаетъ, бились въ берега и вырывали себѣ рукава,—вотъ и оврагъ этотъ прорыли.

Какъ они все это вынесли и вытерпѣли, Богу одному извѣстно; достаточно, что все вынесли и вытерпѣли. Ужь именно правду сказалъ кто-то, что ни одинъ человекъ силы своей не знаетъ, пока она не требуется. Правда и то, что въ то время многое и благоприятствовало имъ. Всякіе рабочіе инструменты и охотничье оружіе они принесли съ собой или на мѣстѣ сдѣлали, и сдѣлали какъ слѣдуетъ, крѣпко. Лѣсъ давалъ имъ дикія яблоки, орѣхи, ягоды, грибы; къ рѣкѣ на водопой сбѣгались стада оленей и сернь; наверху жили бѣлки, а внизу скрывались тысячи зайцевъ и куницъ; въ водѣ бобры строили свои дома. Нужно было опустить въ воду удочку, съѣть или вершу, чтобъ вытащить такую рыбу, какихъ теперь и въ поминѣ нѣтъ.

А прелесть-то какая была вокругъ! Соловьи пѣли по цѣлымъ ночамъ, и ласточки, и голуби сами искали убѣжища подъ кровлею нумы. Цецилія приручила къ себѣ лань и та неотступно бѣгала за своею госпожей. Однимъ словомъ, и хорошо тамъ было и тяжело, и страшно и безопасно. Много вынесли первые люди, поселившіеся здѣсь,—и холода, и голода натерпѣлись досыта.

Можетъ быть, двадцать лѣтъ прошло въ такой мукѣ, какъ по пущѣ пошли слухи объ этихъ людяхъ, что своимъ трудомъ и умѣньемъ расчистили нѣсколько десятинъ лѣса, засѣяли поля хлѣбомъ и засадили разными растеніями, построили себѣ домъ, чистый, съ печью, какъ слѣдуетъ; пошелъ слухъ, что у нихъ можно добыть вещи, которыхъ на много версть вокругъ и въ поминѣ не было. Потянулись къ нимъ люди изъ разныхъ поселеній, посмотрѣть, что за чудеса такія творятся, и разъ пришли—такъ и оставались надолго, приглядываясь къ невиданнымъ еще ремесламъ. Иные просили, чтобы оставили ихъ навсегда, но Янъ и Цецилія дождались болѣе вѣрныхъ и надежныхъ помощниковъ. Шестеро сыновей и шесть дочерей родилось у нихъ и выросло у берега этой рѣки, въ глубинѣ этой пущи, подъ покровительствомъ Божиимъ.

Одинъ изъ сыновей взялъ себѣ жену у рыбаковъ, другой у сокольниковъ, третьему судьба послала боярскую дочь, четвертому бобровницу, а пятый, — онъ ловилъ рыбу и продавалъ ее по

разнымъ мѣстамъ, — привезъ жену изъ Гродно, которое въ то время по-русски называлось Городно, потому что тамъ много огородовъ было. На русской и женился пятый сынъ Яна и Цециліи, — въ то время литовская или польская кровь часто смѣшивалась съ русскою, и не было отъ этого никому ни вреда, ни непріятности. Оттуда сыновья добывали себѣ женъ, оттуда приѣзжали женихи свататься за дочерей, но не увозили ихъ далеко, а оставались тутъ же, строили себѣ хаты, рубили лѣсъ, хлѣбъ сѣяли. Такъ прошло лѣтъ восемьдесятъ, а, можетъ быть, и больше съ того дня, когда Янъ и Цецилія въ первый разъ вступили на эту землю...

Анзельмъ, утомленный непривычнымъ напряженіемъ памяти и мысли, остановился. Его впалыя щеки разгорѣлись, глаза блестѣли изъ-подъ бараньей шапки. Онъ обернулся въ сторону солнца; солнце уже зашло за боромъ, но по небу еще тянулись ярко-красныя и золотистыя полосы и отражались въ зеркальной поверхности рѣки.

— День кончается и моя исторія идетъ къ концу, — улыбаясь, сказалъ Анзельмъ. — Но въ концѣ-то самая суть и есть...

Онъ заговорилъ немного громче и живѣе, чѣмъ прежде:

— Восемьдесятъ лѣтъ, а, можетъ быть, и больше миновало съ того дня, какъ Янъ и Цецилія въ первый разъ вступили на эту землю. Нашлись люди, которые донесли самому королю, какія чудеса творятся гдѣ-то въ Литовскомъ краю, въ самой глухой пушчѣ, у берега Нѣмана. Царствовалъ тогда король, котораго двумя именами называли: Зигмунтомъ и Августомъ. Былъ онъ страстный охотникъ и въ ту пору забавлялся охотой въ своихъ Бнышинскихъ лѣсахъ. Сообразилъ король, что отъ Бнышина до того мѣста, о которомъ люди рассказывали, не очень далеко, приказалъ ловчимъ трубить сборъ и пустился въ дорогу. Ъхалъ онъ, ѡхалъ, — ѡхалъ, ѡхалъ, а за нимъ разныя важныя паны, и, наконецъ, увидали, что пушча кончается. Деревья рѣдѣли и разступались, точно давали дорогу ѣдущимъ. Король посмотрѣлъ въ просѣку, вскрикнулъ отъ удивленія и въ шутку сказалъ своимъ вельможамъ:

— Ого! посмотрите, панове, кто-то готовитъ мнѣ новое королевство!

Тутъ они всѣ выѣхали изъ лѣсу и остановились, глазамъ своимъ не вѣрятъ. Тамъ, гдѣ прежде была дичь да глушь безпросвѣтная, служащая убѣжищемъ дикимъ дѣвѣямъ, лежала боль-

шая равнина, только что скошенная. На жнивѣ, словно высокія башни, стояли скирды разнаго хлѣба; сто паръ воловъ пахали землю подъ озимое, а на гладкихъ поляхъ бѣгали прирученныя лошади, паслись стада рыжихъ коровъ и бѣлыхъ овецъ. На двухъ пригоркахъ двѣ вѣтряныхъ мельницы махали своими крыльями, въ липовыхъ лѣсахъ гудѣли тысячи пчелиныхъ роевъ, а въ ольшаникѣ на всѣхъ вѣткахъ висѣли огромныя грачиныя гнѣзда. Сто домовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга огородами, стояли, вытянувшись вдоль теченія рѣки, и отъ ихъ трубъ, словно изъ церковныхъ кадилъ, золотистый дымъ поднимался прямо къ небу. На яблоняхъ и сливахъ листа не видно, — такъ онѣ были осыпаны плодами; на зеленой травѣ сушился ленъ и бѣлѣлись длинныя ленты холстовъ; въ хатахъ стучали крѣсна, передъ хатами на вѣтвяхъ и плетняхъ сушилась только что окрашенная пряжа, а на крышахъ дозрѣвали желтыя, громадныя тыквы. Домашняя птица, земляная и водяная, рылась въ песокъ или съ крикомъ летѣла къ рѣкѣ, откуда возвращались рыбаки съ полными сѣтями живой рыбы. Рѣку король увидать не могъ, но понялъ, гдѣ она течетъ, по высокому песчаному берегу, на которомъ стоитъ боръ, еще никѣмъ нетронутый... вонъ тотъ самый...

Анзельмъ указалъ пальцемъ на темную полоску бора. Голосъ его дрогнулъ и оборвался.

— Вонъ тотъ самый!... Тѣмъ временемъ, — продолжалъ онъ, немного успокоившись, — король ѣхалъ, оглядывался вокругъ и радовался. Молодъ онъ былъ тогда, только что на престолъ взошелъ. Конь подъ нимъ былъ арабскій, огневой, въ сбруѣ, сплошь залитой золотомъ и драгоценными каменьями. На королевской шапкѣ горѣло брилліантовое перо, а пурпурная мантия, опушенная соболемъ, спускалась ниже стремянъ. Вокругъ короля ѣхали гетманы сенаторы и иные паны, конь одинъ лучше другаго, а на самихъ панахъ столько драгоценностей и золота, что глядѣть больно. За ними ѣхали сокольники съ кречетами, изнѣженные розовые пажы, прислуга и дальнозоркіе стрѣлки. А ловчіе не отнимали отъ устъ золотыхъ трубъ и возвѣщали широкой равнинѣ, глубокому Нѣману и дикому занѣманскому бору о прибытіи короля...

И вотъ изъ ста домовъ и изъ ста огородовъ, съ полей и съ луговъ, съ рѣки сбѣжались всѣ люди поглазѣть на диковинныя вещи. Они ничуть не испугались, а только смотрѣли и ожидали, что изъ этого будетъ. Король и спрашиваетъ:

— Живъ вашъ родитель?

— Живъ и въ добромъ здоровьѣ пребываетъ,—отвѣчалъ, выступивъ передъ королемъ, старшій сынъ Яна и Цециліи, самъ весь сморщенный и сѣдой, какъ лунь.

— А родительница ваша жива? — опять спрашиваетъ король.

— Жива.

Тогда король говорить:

— Хотѣлъ бы я увидать ихъ.

Изъ самаго лучшаго дома сыновья и дочери, внуки и правнуки вывели Яна и Цецилію. Столѣтніе старцы шли сами, ни въ чьей помощи не нуждаясь, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, льняныхъ платьяхъ, какъ два бѣлыхъ голубя, одинъ за другимъ. Онъ опирался на сѣкиру, насаженную на длинную рукоять, она, распустивъ по поясъ свои сѣдые волосы, гладила ручную серну. Когда они остановились, къ общему изумленію, король снялъ свою шапку и такъ низко опустилъ ее, что съ брилліантоваго пера посыпались звѣзды.

— Кто ты, старецъ?— спросилъ онъ у Яна,— откуда ты пришелъ, какъ зовешься и какого званія?

Старецъ, какъ пристало, поклонился королю и смѣло отвѣтилъ:

— Пришелъ я изъ тѣхъ странъ, по которымъ протекаетъ Висла, имя свое я открою одному Богу, когда предстану передъ Его святымъ судомъ, а званія я былъ низкаго, пока не пришелъ въ пуцу, гдѣ всѣ живущіе равны предъ лицомъ матери земли. Я изъ народа, но моя жена снизошла изъ высокаго дома, чтобъ раздѣлить со мною изгнанническую жизнь.

Король долго думалъ, затѣмъ обратился къ панамъ и сказалъ:

— Я увѣренъ, что вы одобрите, а слѣдующій сеймъ утвердить распоряженіе, которое я сейчасъ сдѣлаю.

Паны, вѣроятно, поняли королевскую мысль, закивали головами и разомъ крикнули:

— Иначе и быть не можетъ, государь! Мы сами желаемъ этого и просимъ ваше величество.

Тогда король сказалъ Яну:

— Ты, старецъ, по желанію своему, останешься безыменнымъ и какъ родился простымъ человѣкомъ, такимъ и въ могилу ляжешь. Но такъ какъ ты достаточно проявилъ свое богатырское мужество, отнявъ эту землю у пуци и дивихъ звѣрей,

завоевалъ ее не мечемъ и кровью, а трудомъ и потомъ, открывъ ея нѣдра для многихъ людей, преумноживъ тѣмъ богатства отечества, то дѣтямъ твоимъ, внукамъ и правнукамъ, до послѣднихъ потомковъ и исчезновенія твоего рода, мы даруемъ фамилю, отъ богатырства твоего произведенную.

И, поднявъ правую руку надъ удивленнымъ народомъ, король громко провозгласилъ:

— Сей родъ, идущій отъ человѣка простаго происхожденія, сравнивается съ родовитою шляхтой и отнынѣ можетъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, рыцарскому сословію принадлежащими. Дарую вамъ дворянское достоинство и повелѣваю вамъ именоваться Богатыровичами, а въ гербѣ имѣть голову зубра на желтомъ полѣ, ибо вашъ прародитель первый побѣдилъ зубра и его владѣнія преобразилъ въ это плодородное поле...

Разскащикъ умолкъ; его выпрямившаяся фигура, съ бараньей шапкой на головѣ, рѣзко выдѣлялась на сѣромъ фонѣ камня. Онъ поднялъ руку кверху и добавилъ:

— Происходило это въ году, изображенномъ на памятникѣ, — въ тысячу пятьсотъ сорокъ девятомъ...

Ярко-огненные и золотистыя полосы на западѣ, надъ боромъ, мало-по-малу угасали. Съ восточной стороны надвигался сумракъ, и вскорѣ на небѣ, то тамъ, то здѣсь, замигали звѣзды. Во мракѣ, напротивъ умолкшаго Анзельма, рисовались фигуры двухъ людей, сидѣвшихъ на пнѣ упавшаго дерева. Женщина уронила руки на колѣни, мужчина оперся подбородкомъ на ладонь. Они еще слушали. Черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ, сидящій на камнѣ, отозвался снова:

— Такова исторія нашихъ предковъ, таково происхожденіе наше и вотъ почему мы сидимъ на этой землѣ.

Потомъ голосомъ человѣка, который въ памяти своей будить дремлющія воспоминанія, онъ продолжалъ:

— Разное бывало вполсѣдствіи въ роду, происшедшемъ отъ Яна и Цециліи. Власти мы не имѣли никогда и ни надъ кѣмъ, крови и пота ни изъ кого не выжимали. Бывало, что иные изъ насъ на войны ходили, или со своими саблями и глотками вслѣдъ за панами на сеймы и сеймики. Одни проживали на панскихъ дворахъ, добываясь какого-нибудь выгоднаго мѣста или положенія; другіе, наживъ деньги, поселялись гдѣ-нибудь на собственномъ фольваркѣ и становились сами родоначальниками пан-

скихъ фамилій. Но, по большей части, почти всё мы сидѣли въ своей норѣ, собственными руками хлѣбъ добывали изъ нѣдръ матери-земли. Ключки земли, словно ризы Христа, безпрестанно дѣлились между нами, и подчасъ, Божиимъ попущеніемъ или по злобѣ людской, и вовсе исчезали. Однако, мы, все-таки, держались своихъ гнѣздъ, большихъ или маленькихъ, и удержались до сихъ норѣ. Теперь насъ лишили дворянства нашихъ прадѣдовъ, мы называемся мужиками, по-мужичью и живемъ... Но это все равно. Всѣ мы жерди изъ одного плетня... Бѣда въ томъ, что убожество наше все растетъ и душевный мракъ охватываетъ насъ все сильнѣе...

Онъ покачалъ головой.

— Никто не повѣритъ, что исторію нашихъ предковъ во всей околлицѣ, можетъ быть, знаютъ человѣка три, четыре. Старый Якубъ знаетъ,— да ужъ онъ человѣкъ почти отпѣтый; я знаю, зналъ когда-то Фабіанъ; знаетъ, можетъ быть, Михалъ,— вы видѣли его—франтъ такой, усы вверху закручены... Другіе о такихъ вещахъ не заботятся, да въ нуждѣ, въ горестяхъ и поминуть о нихъ не могутъ... Мужиками быть или панами— все равно... но въ скотовъ обратиться—это грустно и тяжело.

Анзельмъ опять сгорбился и его шапка низко понизла. Медленнымъ, задумчивымъ шепотомъ онъ закончилъ:

— Счастье то лицомъ оборачивается къ человѣку, то спиною, все на свѣтѣ временно и скоропреходяще... все на свѣтѣ, какъ струя въ рѣкѣ, проплываетъ мимо, какъ листъ на деревѣ, желтѣетъ и гибнетъ...

Дѣвушка встала и, быстро подойдя къ грустно задумавшемуся старику, прильнула губами къ шершавому рукаву его армяка.

— Спасибо!—шепотомъ, горячо проговорила она.

Онъ отдернулъ руку, отклонился назадъ и съ минуту молча смотрѣлъ на нее.

— До... добрая!... — заикаясь, съ изумленіемъ вымолвилъ онъ.

Женщина отошла, обняла руками тонкій стволъ березы и устремила задумчивые глаза въ сѣрѣющее пространство.

Какъ счастливы,—о! какъ безмѣрно счастливы были люди, которые носили въ сердцѣ такую любовь и которымъ суждено было выполнить такую великую задачу. Она, Юстина, тоже съ наслажденіемъ и гордостью пошла бы въ середину самой дикой

пущи, скрылась бы въ какой-нибудь самой убогой нумѣ, только бы хоть чѣмъ-нибудь наполнить пустыню своего сердца и жизни, только бы сознать себя любимую и видѣть впереди хоть малую, отдаленную цѣль! Точно спала она и видѣлось ей во снѣ какое-то безконечное, высокое, чистое счастье...

Когда она опомнилась, то замѣтила около себя высокаго мужчину. Тотъ стоялъ также опершись на дерево и также упорно смотрѣлъ, но не въ пространство, а на Юстину.

— Будь они прокляты, такая жизнь и счастье!—заговорилъ онъ возбужденнымъ голосомъ и бросилъ шапку на земь.—Будь проклята судьба, которая человѣку даетъ столько же, сколько скотамъ! Сѣй для того, чтобы быть сытымъ, стройся, чтобы было гдѣ преклонить голову! И у скота есть такое же счастье! Если захочешь полюбить кого-нибудь настоящею любовью, то любовь эта тебѣ не по росту; сдѣлать что-нибудь для людей захочешь, для этого нѣтъ у тебя ни средствъ, ни умѣнья. На погибель только Господь даетъ крылья мелкимъ бугашкамъ!...

Онъ повернулся и прижался лбомъ къ стволу дерева, весь дрожащій отъ гнѣва, полный какихъ-то, доселѣ незнакомыхъ, чувствъ и стремленій.

Юстинѣ казалось, что она слышитъ отголосокъ своей души. Мысль, совершенно новая для нея, какъ молнія, промелькнула въ ея головѣ. Она быстро прошла пространство, отдѣляющее ее отъ вершины горы, и остановилась тамъ съ сильно бьющимся сердцемъ. На желтѣющія поля уже спустилась ночь, но съ этого мѣста можно было видѣть внизу и сѣрую ленту Нѣмана, и противоположный берегъ.

Въ околицѣ дневная жизнь мало-по-малу стихала; кое-гдѣ въ окнахъ мелькали огоньки, гдѣ-то неумѣлая рука извлекала изъ гармоника пискливые, протяжные звуки; лошади весело ржали, возвращаясь съ водопоя.

Юстина подняла глаза вверху; ей показалось, что гдѣ-то высоко-высоко проносится лучезарная тѣнь женщины съ золотистыми волосами, съ арфой и маленькою прирученною серпой. Тѣнь плыла тихо, съ рукою, протянутой по направленію къ околицѣ. Благословляла ли она ее, или указывала кому-нибудь?

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ МАДРИДѢ.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Сиерра Гвадарамы и мадридскій климатъ.—Пульмонія.—Lavaderos'н и прачки.—Счастливыи донъ Базиліо.—Злоключенія туриста.—Таможни и гиды.—Легальный разбой.—Отели и пансіоны.

Когда я впервые подъѣзжалъ къ Мадриду изъ Сарагоссы, мои спутники, узнавъ во мнѣ иностранца, наперерывъ расхваливали неописуемыя прелести кастильской столицы. Буда дѣлалась ихъ мрачная важность и меланхолическая кастильская задумчивость! Одинъ изъ нихъ, сѣвшій къ намъ въ Сигуэнцѣ, оказался «европейцемъ въ полномъ смыслѣ слова», по его собственному выраженію. Всѣ права его на это званіе ограничивались, впрочемъ, отдаленнымъ знакомствомъ съ французскимъ языкомъ и двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, гдѣ «европеецъ» занимался специально легкомысленнымъ поведеніемъ. Онъ весьма краснорѣчиво объяснялъ мнѣ, что на всемъ земномъ шарѣ есть только два мѣста, гдѣ порядочному человѣку жить можно,—это, разумѣется, Парижъ и Мадридъ. «Хотя,—совершенно искренно прибавлялъ онъ,—разумѣется, Парижу далеко до Мадрида». Я выразилъ было робкое сомнѣніе въ преимуществахъ города Филиппа II, но это разомъ возмутило всѣхъ сосѣдей.

— Да знаете ли вы, что если бы у васъ было даже нѣсколько милліоновъ песетъ *), то и тѣ вы можете истратить, ни куда не выѣзжая изъ Мадрита. Вотъ!

— Въ древности, говорятъ, былъ Римъ,—нравоучительно заиѣтилъ мнѣ необыкновенно глубокомысленный господинъ, до сихъ

*) Песета—испанская монета, цѣнностью во франкѣ съ незначительною дробью.

поръ сосредоточенно сосавшій свою сигару.—Ну, а теперь есть Мадридъ.

— Вы въ МадридѢ можете достать все! Что бы вы только ни подумали, въ МадридѢ непременно найдется.

— А мадридскія женщины! Видали ли вы когда-нибудь настоящихъ испанокъ, настоящихъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

И я засмѣялся. Спутники, расписывая свой Мадридъ, нахлывались на меня съ комическимъ азартомъ.

— Ну, такъ васъ ожидаетъ высокое наслажденіе. Вы должны приготовиться къ этому.

— Есть ли гдѣ-нибудь что-нибудь подобное—Буэнь-Ретиро, Прадо... А наша Пуэрта дель Соль?

— А театр? Гдѣ вы услышите Мазини?—въ МадридѢ!

Я было скромно замѣтилъ, что еще недавно я слышалъ Мазини въ маленькомъ итальянскомъ городѢ Терамо, гдѣ онъ пѣлъ на «фіерѢ» *).

— Это другой Мазини; нашъ не поѣдетъ туда,—съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорилъ мой сосѣдъ.—Зачѣмъ Мазини ѣздитъ въ Терамо, когда онъ можетъ пѣть, нигуда не выѣзжая изъ Мадрида?

— Но онъ и у насъ пѣлъ! И еще въ свое лучшее время.

— Гдѣ это у васъ?—брезгливо уронилъ мой сосѣдъ слѣва.

— Въ ПетербургѢ.

Я думаю, что если бы я выстрѣлилъ изъ внезапно оказавшейся въ вагонѢ пушки, мои спутники не были бы такъ изумлены.

Насталъ моментъ полного недоумѣнія. Всѣ начали переглядываться; очевидно, Петербургъ былъ выше пониманія моей аудиторіи. Когда она пришла въ себя, туристы завели споръ, гдѣ именно Петербургъ. Нѣкоторые знали даже, что Petersburgo находится гдѣ-то въ Россіи, но путались: одни на томъ, что это одно и то же, что Москва, другіе же шли дальше и говорили, что Петербургъ собственно есть столица Москвы. Большинство, впрочемъ, безмолвствовало «недоумѣнно». Скоро всѣ недоразумѣнія разъяснились весьма просто.

— Вотъ вы услышите нашего Мазини, а не того, что пѣлъ

*) Фіера—ярмарка, праздничный сезонъ итальянскихъ городовъ, открывающихъ въ это время двери своихъ оперныхъ театровъ.

въ *Азіи*,—нашъ въ *Азію* не поѣдетъ. Что нашему Мазини дѣлать въ *Азіи*, когда онъ хорошо зарабатываетъ и у насъ?

— Вы знаете, что онъ зарабатываетъ столько же, сколько и Луисъ Мазантини?

— Я вспомнилъ! — отозвался вдругъ изъ угла глубокомысленный господинъ, съ видимымъ сожалѣніемъ отрываясь отъ своей сигары.—Я вспомнилъ! Да, Петербургъ есть точно... онъ существуетъ. Сеньоръ,—указалъ онъ на меня,—совершенно правъ. Petersburgo, кабальеро, это то же самое, что и Berlino. Гдѣ-то, знаете, на *сѣверѣ*. Тамъ, знаете, за Пиренеями.

— И вы оттуда именно и пріѣхали, чтобы только посмотреть на Мадридъ?

— Да.

Большаго удовольствія я не могъ доставить моимъ спутникамъ.

— Вотъ видите ли!—побѣдоносно оглянувся «европеецъ»,—я вамъ говорилъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше Мадрида. Сеньоръ кабальеро изъ самой глубокой *Азіи* пріѣхалъ, чтобы только полюбоваться на него.

— А сколько бы понадобилось мнѣ мѣсяцевъ, чтобы доѣхать до Petersburgo?

— Дней шесть.

— Только? Я думалъ больше. Развѣ и тамъ у васъ есть желѣзныя дороги?

И въ голосѣ его послышалось нѣкоторое разочарованіе.

— Русскіе вообще храбрые люди!—ни съ того, ни съ сего заключилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ видомъ челоуѣка, не разъ побывавшаго въ Россіи и отлично насъ знающаго.

Мадридъ становился все ближе и ближе. Какая пустыня замкнула своею безотрадною сущію этотъ «Испанскій Римъ»! Нѣчто подобное вокругъ настоящаго Рима и Константинополя. Только кастильская.—еще угрюмѣе, ужаснѣе, голѣе, унылѣе, однообразнѣе и я не знаю, какое прилагательное прибавить еще. Не на чемъ рѣшительно остановиться взгляду. Красноватые оттѣнки глины, да золотистый налетъ песку. Обнаженная земля тянется во всѣ стороны и только съ сѣвера облегла ее своими снѣговыми вершинами мрачная Гвадарама. Она одна красить

) Луисъ Мазантини—, первая шпига Испаніи, знаменитый тореро. Въ устахъ испанца такое сравненіе—величайшая похвала для Мазини.

эту словно самими небомъ сожженную степь. Брутые синіе хребты Сьерры подъ снѣговыми шапками кажутся еще круче, еще величавѣе, потому что отъ нихъ къ этой пустынной равнинѣ не идутъ предгорія.

Какъ колокольни испанскихъ соборовъ, Гвадарама поднимается разомъ, не зная кругомъ соперниковъ. Ни одинъ холмъ не стремится dorости до нея. Солнце, бывшее уже высоко, обливало яркимъ свѣтомъ снѣговые вѣнцы Сьерры. Вся она привольно раскинулась по кастильской глади, отдѣливъ гремящую еще маврами Сеговию отъ созданнаго, по королевскому повелѣнію, официально-пошлаго и банальнаго, какъ казенная бумага, Мадрида.

Поэтическій Хенаресъ, еще слѣдовавшій за нами, точно испугался холоднаго дыханія этихъ горъ. Онъ совсѣмъ забился въ темную трещину и робко скользитъ въ ней, нигдѣ не показываясь наружу. А Гвадарама уже чувствуется. Какія-то ледяныя струйки въ воздухѣ. Становится холодно. Спутники мои кутаются въ плащи по самый носъ, стараясь дышать сквозь сукно. Сіерръ Гвадарамъ Мадридъ именно и обязанъ своимъ ужаснымъ климатомъ. Не даромъ здѣсь говорятъ:

El aire de Madrid es tan sutil
Que mata a'un hombre
Y no araga a un candil,

т.-е. вѣтеръ Мадрида такъ нѣженъ, что, убивая человѣка, не погаситъ свѣчи. Глубокомысленный господинъ первый прервалъ молчаніе.

— Однако, сегодня надо беречься. Сегодня слишкомъ чувствительно дыханіе Гвадарамы! Совѣтую и вамъ, — обратился онъ ко мнѣ, — закрыть ротъ и дышать осторожнѣе.

Климатъ Мадрида дѣйствительно одинъ изъ самыхъ страшныхъ, какіе я только знаю. Лѣтомъ это нестерпимый адъ. Съ его нежломъ можете сравниться лишь жара безводныхъ пустынь Аравіи; зимой, весной и осенью здѣсь выдаются жаркіе дни, но за то и холода бываютъ такіе, что, напримѣръ, часовые передъ королевскимъ дворцомъ умираютъ на своемъ посту подъ тѣмъ же мертвящимъ дыханіемъ Гвадарамы. Поэтому, когда эти горы «начинаютъ дышать», часовыхъ смѣняютъ каждыя пять минутъ. Въ жаркій полдень — въ мартѣ, напримѣръ, когда въ Андалузіи розы одуряютъ васъ своимъ благоуханіемъ, а отъ аро-

мата лилій кровь приливаетъ съ вискамъ — въ Мадридѣ выжили вы, разумѣется, въ одномъ сюртугѣ, возвращаетесь назадъ — леденяція струйки Сьерры уже пронизываютъ воздухъ, захватывая васъ врасплохъ, и пульмонія готова. А грудныя болѣзни (pulmonia) здѣсь ужасны въ полномъ смыслѣ слова. Во-первыхъ, испанскіе врачи мало чѣмъ отличаются отъ классическихкихъ докторовъ времени Жиль Блаза де Сантильяка, а, во-вторыхъ, ходъ болѣзней, особенно легочныхъ, здѣсь до того быстръ, что совладать съ ними—вѣтъ человѣческой мудрости. Недаромъ кастильцы эту Гвадарамму называютъ палачомъ. Въ одномъ Мадридѣ она ежегодно сводитъ въ могилу тысячи людей. Воздухъ здѣсь сухъ, дышется въ немъ тяжело, и въ хорошее время онъ насквозь проникаетъ васъ такъ, что постоянно чувствуется какой-то зудъ въ легкихъ, точно хочется кашлять. Мадридъ—«девять мѣсяцевъ зимы и три мѣсяца ада»,—говорятъ кастильцы, и Филиппу II вовсе не дѣлаетъ чести избраніе этого пункта для сооруженія столицы великаго (въ тѣ времена) государства. До чего быстро гибнутъ здѣсь люди, примѣровъ искать не долго. На другой день послѣ моего приѣзда молодая и прекрасная герцогиня де ла Торре, въ одну секунду пробѣжавъ отъ театра до своей кареты, простудилась, а черезъ день она уже была на столѣ. Въ тотъ же день умеръ генералъ Забалъ, болѣвшій только пять часовъ. Прибавьте къ этому отсутствіе сколько-нибудь сносныхъ печей въ домахъ, гдѣ въ окнахъ и дверяхъ, часто обращенныхъ къ Гвадарамѣ, вы увидите щели въ палецъ, никого не затрудняющія. Полное отсутствіе комфорта. Коверъ у выходной моей двери отогнулся такъ, что она съ трудомъ запиралась. Зову хозяина и показываю. «Завтра устрою все!» И дѣйствительно устроилъ. Онъ не прибилъ ковра къ полу, а призвалъ столяра и приказалъ ему обрѣзать внизу дверь на вершокъ... Это зимой!... «Вѣтеръ съ Гвадарамы—это игла, пронизывающая сердце».

Глядя на эти красивыя горы, нельзя себѣ даже и представить, чтобы онѣ были до такой степени пагубны. Для людей мало-мальски нервныхъ сухость мадридскаго климата убійственна. Въ немъ что-то вѣчно возбуждающее, вѣчно натягивающее ваши нервы, какъ струны. Вы бессознательно, безотчетно безпокоитесь и волнуетесь. Эти ощущенія не исчезаютъ и тогда, когда небо, чистое и голубое, такъ безмятежно охватываетъ васъ своею восточною лазурью, когда Гвадарамы на васъ не дышатъ и когда по сему случаю мадридцы рѣшаются освободить

свои носы изъ-подъ плотно закинутыхъ за плечи концовъ ихъ плащей (сара). Но чуть-чуть почувствуется въ воздухѣ рѣзкая струйка холода, все на улицахъ завертывается плотно въ эти капы. Женщины закрываютъ рты муфтами и платками, мужчины обращаются въ какіе-то призраніи. Шляпа, надвинутая низко, и плащъ, закутывающій всего кастильца съ носомъ и ртомъ включительно,—ничего больше не видно. Никто не разговариваетъ, всё безмолвно торопятся уйти отъ опасности. Про женщину, измѣняющую своему любовнику, здѣсь говорятъ: «она коварна, какъ Гвадарамы», или: «не вѣрь, она обманетъ тебя, какъ Гвадарамы». Дѣти мрутъ ужасно, я думаю, больше даже, чѣмъ въ нашемъ отвратительномъ Петербургѣ. За то аптекамъ раздолье. Лѣкарства, всевозможныя пилюли и тизаны имѣются въ каждомъ домѣ и въ такомъ обиліи, что диву дашься. Никто никуда безъ нихъ не выѣзжаетъ и каталонцы-аптекаря наживаются здѣсь очень быстро.

Aun las personas mas sanas
Si son en Madrid nacidas
Tienen que hacer sus comidas
De pildoras y tisanas *).

Особенно попадаютъ тутъ съверяне. Выйдешь—жарко; вдругъ легкій холодокъ въ воздухѣ,—радуешься ему, какъ привѣту съ далекой родины, вдыхаешь жадно въ себя, а къ вечеру лежишь въ бреду и въ жару... На первыхъ порахъ я смѣялся самъ надъ зловѣщими фигурами кутающихся кастильцевъ до тѣхъ поръ, пока не поплатился за свою безпечность. Я вылежалъ три недѣли, и спасло меня только сильное здоровье. Пульмонія рѣдко выпускаетъ изъ рукъ намѣченную ею жертву. На мое выздоровленіе знакомые смотрѣли какъ на истинное чудо.

А день, когда нашъ поѣздъ подходилъ къ Мадриду, былъ удивителенъ. Совсѣмъ африканское темно-синее небо, на самомъ краю котораго рѣзко выдѣлялась серебристая кайма Гвадарамы. Громада королевскаго дворца, знакомаго по тысячамъ рисунковъ и гравюръ, первая показала на высокомъ гребнѣ надъ Мансаресомъ. Нѣсколько куполовъ выдвинулись за нею, еще нѣсколько большихъ зданій, похожихъ на казармы. «Не правда ли, какъ это красиво?»—спрашивали меня энтузіасты. Я пожалъ пле-

*) Самые здоровые люди, родившіеся въ Мадридѣ, должны обѣдать пилюлями и тизанами.

чами, потому что, кромѣ королевскаго дворца, ничего красиваго не находилъ. Потомъ поѣздъ пошелъ надъ самою рѣкой. Путешественники описывали Мансенаресъ какъ сухой ровъ какой-то, гдѣ едва-едва сочтется жалкая струйка воды. Это—неправда. Рѣка катилась передо мной широкая,—широкая, разумѣется, для Кастиліи,—то раздѣляясь на рукава, то опять соединяясь въ одно русло. Черезъ нее въ нѣкоторыхъ пунктахъ перекинута нѣсколько мостовъ, не представляющихъ ничего замѣчательнаго. За то берега были чрезвычайно оживлены. Св. Антонію трудно было бы здѣсь одолѣть тысячи представляющихся искушеній. Въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ подножія холма, на которомъ стоитъ королевскій дворецъ, и кончая Ponte de Toledo, вся рѣка занята lavaderos'ами. Тысячи прачекъ работаютъ здѣсь до такой степени усердно, что на первыхъ порахъ мнѣ даже показалось, будто онѣ собрались сюда нарочно для внушенія знатнымъ иностранцамъ—и, разумѣется, въ томъ числѣ мнѣ—высокаго понятія о кастильскою чистоплотности. Несмотря на грохотъ поѣзда, вы слышите удары ихъ вальковъ, крики, хохотъ и пѣсни. Особенно интересенъ «lavaderos de S. Vicente». Онъ на полторы версты раскинулся. Глазамъ больно дѣлается отъ пестроты платковъ, наброшенныхъ хорошенькими прачками на головы, отъ этихъ стройныхъ, словно точеныхъ ногъ, всевозможныхъ отгѣнговъ, отъ шогепас, смуглянокъ, несомнѣнно родившихся въ Андалузіи, до слоновой кости сантандерскихъ красавицъ, отъ живости движеній, отъ безконечныхъ вереницъ всевозможнаго тряпья, развѣшаннаго вдоль Мансенареса. Сказываютъ, что эти лавадеросы—любимое мѣсто прогулки для мадридскихъ падре, находящихся вообще съ своими духовными дочерьми въ самыхъ отличныхъ отношеніяхъ. Мѣстные нравы установили на этотъ счетъ даже весьма странное исключеніе. Мужъ, не желающій быть смѣшнымъ, не долженъ равновать свою жену къ падре. Это своего рода «фугаросы», которыми донъ Базиліо пользуется въ полной мѣрѣ. Оно и понятно: донъ Базиліо скромнень и не болтливъ. Ему можно довѣряться, и кастилецъ охотно терпитъ эту благодущную фигуру за своимъ столомъ, у своего каміна и даже въ спальнѣ у своей супруги. Въ свою очередь и донъ Базиліо оказываетъ маленькія услуги снисходительному мужу. По мѣстной пословицѣ, падре въ семьѣ залогъ ея спокойствія. Онъ миритъ мужа съ женою, прикрываетъ его грѣшки, учитъ дѣтей, явившихся въ свѣтъ за подписью отвѣтственнаго редактора, но принадлежа-

щихъ его сотруднику—дону Базиліо. Одинъ изъ такихъ съѣлъ къ намъ на послѣдней станціи передъ Мадридомъ, и надо было видѣть, съ какимъ благоволеніемъ онъ смотрѣлъ на lavaderos. Базалось, что всѣ эти стройныя и красивыя издали прачки принадлежали ему и донъ Базиліо жмурился на нихъ, какъ сытый котъ, знающій, что достаточно ему только протянуть лапку, чтобы получить любую мышку изъ этой примѣчательной коллекціи.

Я не успѣлъ еще въ достаточной степени насмотрѣться на маисенаресскихъ прачекъ, какъ поѣздъ нашъ, медленно обходя какой-то громадный садъ и тяжело громыхая, вдвинулся въ плохенькій дебаркадеръ. Увы! тутъ меня опять ждали уже знакомые по Барселонѣ и Сарагосѣ ужасы внутреннихъ таможенъ и томленія хлопотливаго переѣзда въ городъ. Только что я получилъ свой багажъ, какъ носильщики потащили его въ «гесадаціонъ де конзумосъ», гдѣ необыкновенно звѣрообразные таможенные досматривали и потрошили чемоданы, поводя бровями отъ волосъ къ глазамъ и перебраниваясь съ пассажирами и между собою.

— Вы торопитесь, вѣрно?—обратился ко мнѣ мой спутникъ, говорившій по-французски.

— Да! такъ неприятно возитесь теперь еще съ этими господами.

— Не беспокойтесь. Предоставьте мнѣ. Я умѣю ладить съ этими канальями. Кстати же я безъ багажа.

Въ это время къ намъ подошелъ чиновникъ съ такимъ выраженіемъ лица, точно онъ сейчасъ проглотилъ что-то невыразимо горькое.

— Это чьи вещи? — указалъ онъ на мой чемоданъ, уже хищно расправляя узловатые пальцы, мало хорошаго обѣщавшіе моему бѣлью.

— Мой!—отвѣтилъ обязательный кастильянецъ и какъ будто не нарочно вынулъ «дурось» *) изъ кармана и началъ его повертывать въ рукахъ. Лицо чиновника разомъ просіяло; онъ налегъ ярлычекъ на чемоданъ, не спуская глазъ съ дурсоса. Потомъ позвалъ носильщика и велѣвъ ему унести вещи, уже затѣмъ съ самою любезною улыбкой подошелъ къ моему спутнику, чтобы увидать, какъ дурось исчезъ обратно въ тотъ же

*) Duros—лать песеть; песета—фрагъ.

жилетный карманъ, изъ котораго онъ былъ предварительно вынуть. Боже, какъ освирѣлѣлъ чиновникъ!

— *Carraamba!... ladron!...*—бормоталъ онъ сквозь зубы, мѣрзя бѣшеннымъ взглядомъ спокойно завертывавшагося въ свою капу кастильца. Таможенный даже дрожалъ отъ злости.

— Однако, у васъ оригинальная тактика съ ними!—засмѣялся я, выходя.

— И прибавьте: еще ни разу не обманувшая меня. Я всегда съ этими негодяями практикую такой способъ.

При выходѣ изъ вокзала та же исторія, что и въ Барселонѣ.

Здѣсь, какъ и всюду въ Испаніи, отели не высылаютъ на желѣзныя дороги своихъ омнибусовъ. Гостиничная прислуга не станетъ таскать къ вамъ въ номеръ вашихъ вещей, такъ что вы находите въ полномъ распоряженіи артели кучеровъ и носильщиковъ. Они берутъ чортъ знаетъ какія цѣны, и, наприм., одинъ знакомый мой теноръ, съ которымъ былъ весь его артистическій багажъ, за доставку его отъ дебаркадера къ отелю долженъ былъ заплатить на моихъ глазахъ болѣе ста пятидесяти франковъ, т. е. дороже того, что ему обошелся перевозъ этихъ ящиковъ по желѣзной дорогѣ. Къ носильщикамъ присоединился какой-то длинный господинъ въ высокой шляпѣ и съ бутоньеркой въ петличкѣ, который на всѣ мои вопросы и приглашенія убираться отвѣчалъ весьма убѣдительно:

— Безъ меня вамъ не обойтись: я говорю по-французски!

Этимъ и ограничивались всѣ его права на мою особу.

Останавливаюсь на своихъ злключенияхъ потому, что они ожидаютъ каждаго новичка въ Испаніи.

Иду въ «Fonda *) de Roma». Толстый трактирщикъ, заложивъ руки въ карманы и задравъ носъ кверху, заявляетъ, что ему некогда показывать мнѣ комнату, потому что сейчасъ онъ ожидаетъ бразильскаго посланника, заказавшаго ему цѣлый этажъ. Мимо какихъ-то бульваровъ, садовъ съ невѣроятными, по безвкусию, фонтанами, по широкой и красивой улицѣ, кажется, уходящей въ безконечность, я добираюсь до «Fonda de Oriente». Взъерошенный лакей съ запахомъ гоголевскаго Петрушки показываетъ мнѣ какой-то чемоданъ, нагло увѣряя, что это комната. Во всякомъ случаѣ, мѣсто оказывается весьма населеннымъ: влопнь на стѣнахъ и черные тараканы на полу являются для меня тро-

*) Fonda—гостиница, Posada (посада)—постоялый дворъ.

гательнымъ воспоминаніемъ далекой родины. Слѣдую въ «Fonda de los Leones de Oro», но золотые львы еще болѣе, чѣмъ «Востокъ», переполнены царевококшайскими обывателями. Я, наконецъ, на-кидываюсь на гида, прикомандировавшаго себя къ моей особѣ, и требую, чтобъ онъ немедленно нашелъ мнѣ помѣщеніе. Меня опять торжественно повезли назадъ въ «Fonde de Universe». Въ самыхъ воротахъ слѣдовавшій со мною гидъ вступилъ въ словесный бой съ гидами отеля и, одержавъ надъ ними блестящую побѣду, гордо повелъ меня по лѣстницѣ. Вверху съ видомъ Юпитера олимпійскаго стоялъ уже хозяинъ, глядя на меня, какъ па-лачь на жертву, которой тотчасъ же онъ долженъ будетъ нави-нуть петлю на шею. Гидъ пустился съ нимъ въ длиннѣйшія объ-ясненія, жестикулируя, подпрыгивая, возводя очи горѣ, уходя и возвращаясь снова и даже зачѣмъ-то показывая на ленточку своего невѣдомаго ордена.

— Онъ говоритъ вашей милости, что если вы не согласны платить по восьмидесяти реаловъ въ день, то онъ и комнаты показывать вамъ не станетъ.

— За что восемьдесятъ реаловъ?

Басса моя далеко была не блестяща и цифра эта показа-лась мнѣ ужасной.

— За весь пансіонъ... Вы получите кофе или шоколатъ, завтракъ, обѣдъ, вино, свѣчи, прислугу и... и уваженіе!

Это было двадцать франковъ. Въ Италіи я платилъ по семи и восьми, въ Барселонѣ сначала по десяти, а впослѣдствіи по семи. Здѣсь оказывался счетъ крупнѣе. Я предложилъ Юпитеру пятнадцать. Онъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на меня и затѣмъ обернулся къ моему gidу, очевидно, считая несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ разговаривать съ *estranjero*, позволяющимъ себѣ торговаться.

— Скажите его милости, что я настоящій кабальеро и по-тому никогда не торгуюсь съ иностранцами.

«Его милость» должна была поневолѣ сдаться на капитуля-цію. Какія-то двѣ прехорошенькія дѣвушки высочили изъ ком-наты, выходящей на лѣстницу, съ любовнымъ оглядѣли меня и, неизвѣстно чему расхохотавшись, спрятались обратно. «Настоя-щія *salero*» *), — проговорилъ мой гидъ, подмигивая мнѣ. Нако-

*) *Salero* (соленая) — въ Испаніи величайшая похвала женщинѣ или дѣвушкѣ, отли-чающейся граціей, удалствомъ и шикомъ. О, это *donna Salada!* — говорятъ они про каку-нибудь кружащую имъ голову кокетку. *Suero salado* — красивое тѣло.

печь, чемоданъ мой внесли... Въ немъ было 240 килограмовъ. Привожу счетъ, составленный для меня гидомъ. «По таксѣ слѣдуетъ съ его милости отъ станціи до «Fonda de Roma» за каждые 80 килограмовъ 4 песеты, — слѣдовательно, 12 песеть за багажъ. За препровождение его превосходительной особы 50 сантимовъ. Отъ «Fonda de Roma» до «Fonda de Oriente» — столько же, отъ «Oriente» до «Fonda de Univers» — опять столько же. Итого 37½ песеть. Носильщикамъ за переноску со станціи въ омнибусъ и изъ омнибуса въ гостинницу — 6 песеть, на чай имъ — что положите. Мнѣ за эти комиссіи 3 песеты, за часъ времени 2 песеты съ ½, и за разговоръ съ хозяиномъ отеля, какъ переводчику, пять песеть. Итого...» Я не дочиталъ этого «итога», разорвалъ въ клочки и швырнулъ бумагу въ переводчика и комиссіонера. Тотъ попробовалъ было зашумѣть, но появился хозяинъ съ своей *flema catalana* и уладилъ все дѣло. Я долженъ былъ за все заплатить 30 франковъ. Таковы удобства, на первыхъ же порахъ ожидающія путешественника въ Мадридѣ. Гораздо лучше, что и совѣтую сдѣлать всѣмъ, которые вздумаютъ посѣтить этотъ кастильскій Парижъ, если у нихъ багажа будетъ много, оставить его на станціи и, взявъ первую попавшуюся карету съ флюгеромъ и дощечкой, на которой изображено «*se alquila*» или «нанимается», что равнозначуще «свободна», отправиться самому искать помѣщеніе — не въ отеляхъ, которые въ Мадридѣ и дороги, и скверны, а въ *Casas de Huespedes* *). Найти ихъ не трудно. Идите по улицѣ и смотрите на балконы. Если къ какому-нибудь изъ нихъ привязанъ клочокъ бумажки, значитъ въ этой *Casa de Huespedes* и есть свободная комната. Разумѣется, не ждите роскоши; хорошо, если васъ живо не съѣдятъ блохи — самое популярное животное на Пиренейскомъ полуостровѣ. За то за все свое содержаніе здѣсь вы будете платить не болѣе 5, 6 или 7 песеть въ день, т.-е. въ четверо меньше, чѣмъ въ гостиницѣ. Понятное дѣло, что кормить васъ будутъ отвратительно, но и въ отеляхъ Мадрида, не исключая первоклассныхъ, столъ нисколько не лучше. Жизнь въ *Casas Huespedes* — артельная. Къ завтраку и обѣду собираются въ большой столовой — «*comedor*», гдѣ тотчасъ же вы обязательно знакомитесь со всѣми и вступаете, такимъ образомъ,

*) Собственно пансіоны. Ихъ не совсѣмъ вѣрно называть „меблированными квартирами“, — эти извѣстны въ Мадридѣ подъ именемъ *Cuartos amueblados*.

въ общую семью. Смѣсь одеждъ и лицъ здѣсь изумительная. Рядомъ съ блестящимъ офицеромъ сидитъ толстый падре, приѣхавшій въ столицу держать экзаменъ или дать отчетъ епископу въ качествѣ «духовнаго фискала» (здѣсь еще сохранились официально назначаемые шпионы). Около него — торговецъ скотомъ; въ бархатной курткѣ, съ такою широкою рожей, на которой можно легко изобразить всѣ нять частей свѣта и даже шестую, если бы таковая невзначай оказалась въ наличности. По сосѣдству съ нимъ — молодой студентъ, изучающій право, рядомъ еще неоперившійся тореро, мечтающій о пяти тысячахъ франковъ за каждаго убитаго имъ быка и о любовницѣ-герцогинѣ (меньше опъ несогласенъ). Все это весело, шумно. За обѣдомъ въ Casas de Huespedes они сбрасываютъ съ себя важность и молчаливость и болтаютъ во всю, безъ этой противной флеса catalana. Если же тутъ завяжется гибкій, какъ обезьяна, и веселый, какъ молодой щенокъ, андалузецъ, этотъ гасконецъ Испаніи, смѣху и шуткамъ не будетъ конца. Не удовлетворяетъ васъ скромная обстановка Casas de Huespedes, ищите такъ называемыхъ Cuartos amueblados. Это меблированныя квартиры. Онѣ помѣщаются, главнымъ образомъ, на Calle de Alcalá, Calle Mayor, Calle de Arenal и другихъ большихъ городскихъ артеріяхъ. Тутъ позолоченная нищета такъ и смотритъ во всѣ щели. Ковры на полахъ ободраны, занавѣси на окнахъ послѣдній разъ были вымыты въ день коронаціи Филиппа II — не раньше. Картины на стѣнахъ, можетъ быть, и хороши, но ихъ толстымъ слоемъ покрыла пыль. Если въ комнатахъ холодно, вы можете потребовать брасеро (родъ восточнаго мангала, жаровня съ угольями, при помощи которой, безъ особенныхъ хлопотъ и труда, вы переселитесь въ рай или адъ, смотря по заслугамъ). Чтобы перепести безнаказанно такой брасеро, надо обладать истинно кастильскою головою, о которую, если вѣрять французамъ, сломается любой кузнечный молотокъ. Содержить эти Cuartos amueblados обыкновенно какая-нибудь старая карга, смотрящая на вашъ карманъ, какъ на законное свое достояніе. Въ прислуги вамъ она непременно навяжетъ свою же старую племянницу или еще болѣе престарѣлую тетку, глухую и ревматическую, не представляющихъ никакого удобства для превратныхъ толкованій. Въ концѣ-концовъ, вы опять переселитесь въ Casas de Huespedes. Разумѣется, есть роскошныя помѣщенія, но они доступны только

опернымъ пѣвцамъ да тореро, получающимъ въ Мадридѣ бѣшенныя деньги. Вообще жизнь здѣсь дорога, дороже Парижа и Лондона. За малѣйшія удобства вы платитесь страшно, и долге засиживаться въ Мадридѣ безъ особеннаго дѣла я бы не совѣтовалъ.

Когда я вошелъ въ занятый мною номеръ, двѣ красавицы, такъ искренно смѣявшіяся надо мной, уже оказались тамъ. Онѣ съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на мой чемоданъ и ждали, когда я его раскрою. Я попросилъ ихъ оставить меня одного. Испанки сначала не поняли, потомъ удивились, наконецъ, надулись и ушли. На звонокъ мой появился лакей съ сигарою въ зубахъ.

— Дайте мнѣ мыться!—попросилъ я его по «Nuevo diccionario de Faltrignera».

Тотъ вытаращилъ на меня глаза. Потомъ, очевидно, догадался, въ чемъ дѣло, ободрительно хлопнулъ меня по плечу, выбѣжалъ и вернулся съ... плевальницей въ рукахъ. Я началъ ему показывать жестами, въ чемъ дѣло. Онъ сѣлъ въ кресло, заложилъ ногу за ногу, долго смотрѣлъ на меня, очевидно, наслаждаясь какъ въ театрѣ, и потомъ, стремительно вскочивъ, принесъ мнѣ чернильницу и перо. Когда же мнѣ, наконецъ, удалось втолковать этому болвану, въ чемъ дѣло, онъ изумился и рѣшительно объявилъ мнѣ, что теперь не время мыться, что на умыванье полагается утро и вечеръ, а не «tardes», затѣмъ взялъ у меня спичку, закурилъ потухшую сигару и съ покойнымъ достоинствомъ вышелъ вонъ.

Вообще, надо сказать правду, нигдѣ въ остальной Испаніи, даже въ небольшихъ городахъ ея, вы не найдете такихъ отвратительныхъ отелей, какъ въ Мадридѣ. Недаромъ про него кастильянцы съ гордостью говорятъ: «esta corte»,—кромя двора, да великолѣпнаго музея Прадо здѣсь нѣтъ ничего. Объ удобствахъ и толковать нечего. Для людей средняго состоянія они недоступны вовсе. Что касается того, что Мадридъ будто бы весь выстроенъ въ «el estilo de Paris», въ чемъ васъ горячо станутъ увѣрять здѣсь, не вѣрьте этому. Между Мадридомъ и Парижемъ, въ сущности, разстояніе гораздо длиннѣе, чѣмъ приходится на картѣ.

II.

Puerta del Sol.

Выставка испанскихъ типовъ.—Ничіе и фланеры.—Тореро и другогія афиши.—Революціонеры и сегодняшніе герои.

Когда я вышелъ на балконъ, я увидалъ внизу знаменитую Puerta del Sol, столь прославленную испанцами и воспѣтую Амичисомъ. Еще Амичису не грѣхъ. Ему, какъ генуэзцу, привыкшему у себя къ узенькимъ улицамъ, похожимъ на корридоры, и площадямъ съ ладонь, простительно. Да и вообще въ Италіи нѣтъ большихъ и настоящихъ площадей. Но какимъ образомъ могли увлекаться ею французскіе путешественники, не понимаю. Ни довольно-таки затрапезными домами, которыми она обставлена, ни величиною своей она не представляетъ ничего выдающагося. Правда, это центръ города, здѣсь вѣчно кипитъ кипитъ толпа, даже ночью вы найдете массу гуляющихъ на ея тротуарахъ; правда, въ цѣлой Испаніи за годъ не вытащатъ изъ кармановъ столько часовъ и кошельковъ, сколько здѣсь въ одинъ день. Правда, всякое pronunciamiento начинается здѣсь съ Puerta del Sol. Но, все-таки, это не площадь даже сравнительно съ Piazza S. Marco въ Венеціи и del Duomo въ Миланѣ. Однообразной формы пяти-этажные дома раздаются въ нѣсколькихъ пунктахъ—тамъ, гдѣ площадь пересѣкаютъ главныя артеріи Мадрида—Calle de Alcalá, Carrera de S. Geronimo, Calle de Carretas, Calle Mayor, Calle Arenal, Preciados, Calle de la Montera. Сѣверная часть площади образуетъ собою очень правильно описанную хорду, южная—прямую линію. Посреди этого диска фонтанъ, струя котораго бьетъ выше домовъ, но и въ немъ я не видѣлъ ничего особеннаго, хотя Мендоса и называетъ его гордостью Кастиліи. Я уже не говорю о версальскихъ и петергофскихъ,—въ любомъ европейскомъ городѣ вы найдете такіе же. Разумѣется, ни въ Версали, ни въ Петербургѣ нѣтъ этого удивительнаго неба, чистаго, прозрачнаго и глубокаго, нѣтъ этого чудеснаго освѣщенія, нѣтъ этой южной толпы, которая сама по себѣ заслуживаетъ изученія болѣе, чѣмъ всевозможныя площади и фонтаны. Для меня именно въ этомъ отношеніи Puerta del Sol казалась и кажется блестящею этнографическою выставкой. Не сходя съ ея тротуаровъ, вы ознакомитесь со всевозможными кастильскими типами. Я совершенно понимаю француза-художника, который, нанявъ себѣ помѣщеніе, выходящее на Пуэрта дель Соль, почти

не выходилъ изъ него, не оставлялъ своего окна, но привезъ съ собою въ Парижъ болѣе двѣнадцати альбомовъ, полныхъ самыми интересными набросками типовъ испанской столицы. Со всѣхъ концовъ Мадрида сюда валитъ толпа, точно въ громадное сравнительно съ узкими улицами озеро вливаются волны то шумныя, то тихія. Галерея Виктора-Эмануила въ Миланѣ, площадь Св. Марка въ Венеціи, Piazza dei Signori во Флоренціи—то же самое. Случись что-нибудь, совершись какое-нибудь политическое событіе, толпа на Пуэрта дель Соль возбуждена. Она шумитъ, споритъ. Въ ней выдѣляются ораторы, имъ отвѣчаютъ другіе. Въ этомъ отношеніи Puerta del Sol является еще разъ политическимъ барометромъ въ Испаніи. Въ обычное время, меланхолически завернувшись въ свои капы и надвинувъ на носъ высокія шляпы, стоятъ по цѣлымъ часамъ черноглазыя кастильцы на ея тротуарахъ, днемъ—провожая мимо идущихъ сеньоръ и сеньоритъ и только изрѣдка размѣниваясь замѣчаніями объ очень ужъ замѣчательной красавицѣ, а вечеромъ—любуются на огни газовыхъ канделябровъ—*las farolas*, очень красящихъ эту площадь. Бьются у рабочихъ трудовой урокъ, они—на Пуэрта дель Соль, слушать даровыя серенады нищихъ, узнавать политическія новости и мечтать о грядущихъ временахъ, какъ они сами будутъ хозяевами положенія. Аферистъ съ биржи—сюда же; кунецъ, которому нечего дѣлать, очутится здѣсь же. Чиновникъ, вслѣдствіе перемѣны министерства временно оставшійся за штатомъ на половинномъ жалованьѣ, котораго онъ, впрочемъ, никогда не видитъ, все на той же площади. Нищіе, продавцы воды съ анисомъ, ассуварильосами, газетчики шныряютъ въ этомъ же живомъ морѣ, выкрикивая пронзительными голосами—одни «*Aqua, Aqua*», другіе: *Globo!* (органъ Кастелара), третьи: *Imparcial!* четвертый, зажмурившись, оретъ во все свое горло: «Послѣдняя рѣчь Сагасты, *caballegos*, купите послѣднюю рѣчь Сагасты!...» Нельзя очнуться и опомниться, а тутъ еще позади отчаянно раздается «*¡argo*» носильщиковъ, стиснутыхъ толпой вмѣстѣ съ своею ношей. Я никогда не могъ понять, какъ въ эту массу умѣютъ во весь карьеръ влетать и пронизывать ее дилижансы и кареты. Всегда было страшно за эту завернувшуюся въ капы толпу, но карета пропадала въ ней и показывалась снова, никому не причинивъ никакого вреда. Остановитесь на нѣсколько минутъ на углу. Передъ вами стоятъ двое несомнѣнныхъ *caballegos*; къ нимъ подходитъ третій, четвертый. Черезъ десять минутъ ихъ сойдетъ-

ся здѣсь сорокъ, пятьдесятъ. И ежедневно вы увидите ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Это родъ клуба, собранія. Здѣсь узнаются новости, заводятся знакомства, тутъ рождается и растетъ сплетня. Зачастую здѣсь же возникаетъ вдругъ потрясающая цѣлое государство революція. Не напрасно маршалъ Сerrano проектировалъ для спокойствія города поставить во всѣхъ этихъ Calles и Carreres пушки жерлами на Пуэрта дель Соль. А въ сторонѣ, будь кругомъ полуденная тишина или буря на роднаго негодованія—все равно—у самой стѣны вы неизмѣнно увидите и услышите слѣпаго музыканта. Передъ нимъ шапка съ мѣдью. Онъ бренчитъ на гитарѣ что-то меланхолическое, унылое. И вчера, и третьяго дня, и въ прошломъ и позапрошломъ году онъ то же самое бренчалъ здѣсь. Его шапку съ мѣдью сторожить собака, а чтобы и она не сбѣжала отъ скуки, ее самое держитъ веревка, привязанная къ ногѣ бѣднаго слѣпца. Утромъ его привела сюда мать или жена и оставила здѣсь до вечера. Вечеромъ она придетъ за нимъ и уведетъ домой. Возиться съ нимъ ей некогда, у нея не ждетъ своя работа. Здѣсь, на площади, создаются и разрушаются репутаціи.

Не послѣдній элементъ въ толпѣ—тореро. Эти, какъ публичныя женщины на парижскихъ бульварахъ, съ ихъ громадными шелковыми шлейфами, обращаютъ на себя общее вниманіе. Ихъ куртки изъ чернаго и зеленаго бархата обтягиваютъ плотно стройный станъ. Грудь открыта и на ней тоже по бархату жилета горятъ десятки толстыхъ золотыхъ цѣпей съ гроздьями брелочковъ и брошки. Бриллиантовыя запонки на рубашкѣ, всегда гофрированной, съ кружевами и вышивками. Панталоны до колѣна сверху точно трико охватываютъ тѣло. Ниже колѣна они падаютъ широкими раструбами. На нихъ тоже изъ-подъ жилета висятъ неизбѣжныя цѣпочки, подвѣски и т. д. Руки тореро — чуть не до ногтей въ кольцахъ и перстняхъ, браслетахъ, — ни одна англичанка не надѣнетъ на себя столько сбруи. И все это — сувениры. Тореро не покупаетъ драгоценностей, онъ ихъ получаетъ въ подарки отъ своихъ любовницъ. Часто на этихъ подаркахъ гербы и короны, обнаруживающіе ихъ принадлежность той или другой герцогинѣ или графинѣ самыхъ громкихъ старо-кастильскихъ фамилій. Идетъ по улицѣ тореро, кокетничая и заигрывая, не хуже любой кокетки. Ему, вѣдь, надо показать и какой онъ прекрасный мужчина, и какъ онъ хорошо сложенъ. Лицо у него набѣлено и нарумянено.

Бороче, совсѣмъ тротуарная дѣвица легкаго поведенія. Тѣмъ не менѣе, толпа относится къ нему почтительно. Особенно популярному даже кричатъ «vive», наперерывъ жмутъ ему руку, когда тореро удостоится первый подать ее, уступаютъ ему дорогу. То и дѣло по Puerta del Sol проходятъ полки съ музыкой, процессіи со знаменами. По вечерамъ шумъ и движеніе здѣсь еще увеличиваются. Крики разнощиговъ и продавцовъ смѣшиваются съ завываніемъ двуногихъ афишъ. Двуногую афишу въ Европѣ вы встрѣтите только у Аппенинъ и за Пиренеями. Нанятый нарочно для того глашатай носить по всему городу на длинномъ шестѣ освѣщенный изнутри бумажный ящикъ, на четырехъ сторонахъ котораго написаны или названія театра съ пьесой, идущею на немъ, или объявленія, или рекламы о новой ваксѣ, или названіе только что пущенныхъ въ продажу сигаръ съ сюрпризами. Двуногія афиши, проходя съ этимъ ящикомъ по Пуэрта дель Соль, орутъ во все горло: «Caballeros, торопитесь, торопитесь скорѣе въ Novedades! Сегодня послѣдній день!... Завтра вы уже не увидите знаменитаго артиста (имя режъ), плѣнявшаго своею игрой публику Стараго и Новаго Свѣта!» или: «Caballeros, вотъ секретъ вѣчнаго здоровья... Слышали ли вы о пилюляхъ великаго профессора Кальваса? Такихъ пилюль еще не было на свѣтѣ и никогда не будетъ. Истинныя чудеса совершаются ими. Старики дѣлаются молодыми, молодые никогда не старѣютъ. Самыя капризныя жены становятся довольными и тихими, какъ овечки. Эти пилюли даютъ красоту лицу, зоркость глазамъ, волоса — лысинѣ, черноту — сѣдинѣ, силу — груди, пищевареніе — желудку, крѣпость мышцъ — рукамъ и ногамъ, дѣтей — бездѣтнымъ» и т. д., и т. д. Въ столь же пышныхъ выраженіяхъ расхваливается вакса какого-то Инфантадо. Оказывается, что королева Христина вышла замужъ за короля Альфонса только потому, что ему чистили сапоги этою ваксой. Бороче, всего не переслушаешь. Это площадь вѣчнаго карнавала, только во время революціи обращающаяся въ форумъ. Здѣсь завязываются любовныя интриги, здѣсь же иногда онѣ и кончаются ударомъ навахи *) или выстрѣломъ изъ револьвера. Красавицы-мадриленки высматриваютъ на Puerta del Sol своихъ будущихъ возлюбленныхъ, проходя, какъ сквозь строй, мимо недвижныхъ рядовъ вѣчно пребывающихъ здѣсь франтовъ. Въ ближайшихъ улицахъ сосредоточены

*) Наваха — ножъ.

всѣ политическіе кафе, нѣкоторые изъ нихъ выходятъ на самую площадь, причемъ ихъ верхніе этажи обыкновенно имѣютъ выходы въ тихіе и незамѣтные переулки. Вмѣстѣ съ вашей «*quegida*» *) вы можете пройти въ самыя укромныя уголки этихъ отдѣленій, не будучи никѣмъ замѣчены. Настоящій «*papel de galan*» въ Мадридѣ знаетъ всѣ эти топографическія подробности, навѣрное, лучше, чѣмъ таблицу умноженія. Около же *Puerta del Sol* находятся и знаменитыя *Casas de citas*, специально испанское учрежденіе, гдѣ влюбленныя парочки могутъ видаться, не боясь ни мужей, ни отцовъ, ни мамашъ. Даже всевидящее око добраго стараго времени—дуэнья Лопе де Веги и Бальдерона оказывалась безсильною передъ этими райскими саза'ми, недоступность которыхъ освящена обычаями страны.

Пуэрта дель Соль во времена быны, когда Мадридъ здѣсь оканчивался, а далѣе начинались уже его предмѣстья, была настоящими воротами. Тутъ именно запирался выходъ изъ столицы на востокъ. Теперь Мадридъ разросся такъ, что смель прочь скывавшія его стѣны и Врата Солнца оказались въ его центрѣ. Самые лучшіе современные кварталы начинаются за ними далѣе. Я твердо убѣжденъ, что какимъ-либо чудомъ уничтожъся или провались Пуэрта дель Соль—и тысячи людей не будутъ знать, чтѣ имъ дѣлать. Я уже не говорю о спичечникахъ, о газетчикахъ, популяризующихъ своими криками имена великихъ людей сегодняшняго дня, которымъ предстоитъ полное забвеніе завтра, о не обыкновенно грудастыхъ кормилицахъ изъ Сантандера, передъ которыми одинъ мой пріятель русскій всегда останавливался, восклицая: «Нѣтъ, ей-Богу, совсѣмъ какъ у насъ въ Балужской губерніи!» о фланерахъ, только потому и не вѣшающихся отъ скуки, что есть Пуэрта дель Соль. Чтѣ бы дѣлали безъ нея всевозможныя авторы прононсіаменто? Не даромъ герцогъ де ла Торре, у котораго спросили, какъ положить конецъ мадридскимъ революціямъ, отвѣтилъ: уничтожъте *Puerta del Sol* и революціи негдѣ будутъ организоваться. И это не только остроумно, но и вѣрно. Поэтому стоитъ только площади принять угрожающій видъ, какъ господствующая партія уже занимаетъ правительственными войсками глупое, хотя и громадное зданіе почтъ (*Caer de correos*), выходящее сюда.

Въ первый же вечеръ своего пребыванія въ Мадридѣ я былъ

*) Любезная, любовница.

свидѣтелемъ новыхъ для меня, но обычныхъ явленій на Пуэрта дель Соль. Вотъ, напримѣръ, бѣдняга спичечникъ, у котораго никто не покупалъ его товара; несчастный мальчуганъ началъ жечь его самъ, обливаясь горькими слезами. Ему стали бросать мѣдъ, которую онъ, несмотря на громкія рыданія, хваталъ съ ловкостью обезьяны. Вотъ валенсіанка, имѣвшая неосторожность спросить у кого-то, какъ пройти на Calle de Arenal. По выговору узнали въ ней провинціалку, изъ-подъ густой вуали разсмотрѣли прекрасныя черты лица и разомъ всѣ пожелаали проводить ее въ требуемую улицу. Между этими господами началась ссора, которая, навѣрное, перешла бы въ драку на ножахъ, да бойкой валенсіанкѣ надоѣло ждать, она взяла подъ руку проходившаго мимо студента и когда спорившіе оглянулись, оказалось, что она уже далеко. Каталонцы въ своемъ живописномъ костюмѣ, баски въ красныхъ шапочкахъ, мароканцы и туниисцы—первые въ чалмахъ, вторые въ красныхъ фескахъ, продающіе здѣсь всевозможныя сласти, — все это мнѣ представлялось выхваченнымъ изъ какой-то роскошной балетной *mis en scene*, но никакъ не дѣйствительностью. Смеркалось быстро, тѣни росли и густѣли въявь и, наконецъ, слились совсѣмъ въ одну таинственную ночь. Выплыла луна и облила задумчивымъ свѣтомъ эту площадь съ ея шумною толпой и рошущимъ фонтаномъ... Я ушелъ на часъ или на два... Вернулся. Газовые рожки горѣли ярко, всѣ кафе сверкали рядами своихъ громадныхъ оконъ, но площадь была полна попрежнему. Я ушелъ опять. На улицахъ уже кричали сереносы *) , традиціонно оповѣщая спавшихъ и неспавшихъ, «сколько пробило часовъ и какова погода». Подходя, я думалъ, что площадь опустѣла, — увы! ни одна балльная зала, я думаю, въ этотъ день не была такъ полна, блестяща и оживлена, какъ Пуэрта дель Соль. Въ одномъ углу ея слышались крики, то смолгавшіе, то вспыхивавшіе опять. Подхожу съ отысканнымъ въ Мадридѣ знакомымъ. Спрашиваю, что такое. Оказывается, что толпа слушаетъ оратора, вздумавшаго проповѣдывать низверженіе нынѣшняго министерства въ пользу Сагасты и Кастелара. «Смерть ворами, смерть матадорамъ, смерть разбойникамъ! — выкрикивалъ онъ, надсаждаясь, изо всѣхъ силъ. — На гарроту ханжей и лицемѣровъ! О, *sabalegos*, неужели старая кастильская гордость совсѣмъ замерла въ

*) Сереносы — ночные сторожа.

вашихъ благородныхъ душахъ? Неужели ярмо подлаго Бановаса, палача Ромеро Робледо и поповскаго прихвостня Пидалья вамъ слаще свободы и независимости вашей родины?... Проснитесь и воскликните вмѣстѣ: смерть министерству, долой матадоровъ и да здравствуютъ Сагаста и Кастеларъ!» Тутъ же совершенно спокойно стояло двое полицейскихъ. «Что же они, такъ и останутся безмолвными свидѣтелями этого?»—спрашивалъ я у пріятеля. Но я не успѣлъ еще докончить вопроса, какъ разыгрался неожиданно для меня финалъ этой сцены. «Вы кончили?—спросилъ алгвазилъ.—«Кончилъ»,—гордо отвѣтилъ площадной ораторъ.—«Можетъ быть, хотите сказать еще?»—«О, нѣтъ!»—«Вы такъ хорошо говорили, что я почтительнѣйше прошу, caballero, дать возможность и моему начальству послушать вашу милость... Оно оцѣнить ваше краснорѣчье!...» И Демосѐена съ Пуэрта дель Соль повлекли куда-то въ пространство... «Все хорошо, что хорошо кончается!»—смѣялась ему вслѣдъ толпа. Очевидно, революціонное движеніе тогда еще не созрѣло... Результаты этого дня, впрочемъ, и для меня были плачевны. Я могу сказать, что вполне познакомился съ Пуэрта дель Соль. Придя домой, я хотѣлъ посмотрѣть, сколько часовъ, но—увы!—они оказались у меня вытасченными. Вы, помните прекрасный разсказъ Сервантеса *Ринконетъ и Кортадильо*, обрисовывающій нравы севильскихъ воровъ? Какъ оказалось, мадридскіе художники того же почтеннаго ордена ни въ чемъ отъ нихъ не отстали. Здѣсь ихъ называютъ рыцарями Пуэрта дель Соль и первый совѣтъ, который дасть вамъ испанецъ, входя съ вами на площадь, это: «берегите часы и кошелекъ». Въ этомъ искусствѣ мадридскіе кортадильо заткнули за поясъ и лондонскихъ специалистовъ. Разъ какъ-то послѣдніе пріѣхали сюда цѣлою шайкой. Узнавъ объ этомъ, рыцари Пуэрта дель Соль явились роскошно одѣтыми на площадь и такъ хорошо разыграли роль ротозѣйствующихъ фланеровъ, что лондонскіе ихъ собратья прежде всего имъ же очистили карманы. Но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Къ ночи, вдоволь поработавъ надъ другими субъектами, англійскіе Роберты и Бертрамы хотѣли было сосчитать добычу и, къ крайнему своему изумленію, увидѣли, что не только исчезла она, но вмѣстѣ съ нею и ихъ кошельки, часы, платки и портсигары... Такимъ образомъ Джонъ Буль былъ побѣжденъ Кортадильо и Ринконетомъ съ Пуэрта дель Соль.

III.

Уличный Мадридъ.

Plaza Mayor и воспоминавія о Филиппѣ II.—Calle de Toledo и пестрота ея толпы.—Арриеро, галлегосы, ганадеросы, цыгане.—Майоркинки и валенсійцы.—Драки на кожахъ и Casas de vocero.—Старый Мадридъ.

Если Пуэрта дель Соль является форумомъ сегодняшняго дня, то Plaza Mayor была имъ въ тѣ счастливыя времена, когда черное облако ауто-дафе вѣчно стояло надъ Мадридомъ и съ утра до ночи по его улицамъ тянулись торжественныя процессіи св. Германдады, обязательно провожавшія мавровъ, жидовъ и «прочихъ язычниковъ» на богоугодныя костры. Они созидались именно на этой площади. Теперь нельзя даже и представить себѣ ея недавняго назначенія. Филиппъ II особенно любилъ Plaza Mayor. Въ настоящее время столь элегантная и красивая, она тогда называлась «королевскою площадью святыхъ огней», «ступенью въ рай», «мѣстомъ очищенія», «жертвенникомъ», «алтаремъ Господа карающаго», «торжествомъ христіанства» и даже «вратами любви». Такія имена давали ей еще въ прошломъ столѣтіи писатели-монахи и проповѣдники, говоря, что если бы трупы сожженныхъ здѣсь «грѣшниковъ» сложить, какъ складываютъ кирпичи, то всей этой площади оказалось бы недостаточно, хотя и тогда уже она обстроена была пятиэтажными домами. Plaza Mayor представляетъ правильный четырехугольникъ. Дома ея всѣ на аркахъ. Вверху надъ арками сплошныя балконы. Эти балконы, также какъ и окна, наполнялись жадными до сильныхъ ощущеній зрителями и зрительницами, одѣвавшимися на сей случай въ самыя дорогія платья. Парча, атласъ, бархатъ, золотыя цѣпи, драгоценныя камни свѣтились, пестрѣли и горѣли подъ яркими лучами кастильскаго солнца. Придворные сеньоры, королевскія любовницы занимали почетныя мѣста, наслаждаясь корчами несчастныхъ еретиковъ въ пламени инквизиціоннаго костра. Особенно пышно обставлялись эти ауто-дафе, когда Филиппъ II устраивалъ «праздники» своей женѣ. Обреченные на сожженіе обводились вокругъ всей площади, чтобы каждый «вѣрный христіанинъ могъ увидѣть ревность своего монарха о Господѣ и свидѣтельствовать о ней другимъ». Жертвы, съ желѣзными «гулаками» во рту, не дававшими имъ возможности произнести ни одного слова, въ отвратительныхъ наличникахъ, неузнаваемые, одѣтые въ уродливыя, фантастическіе костюмы, были сопровож-

даемы всевозможною толпою тогдашняго эгклезіастическаго церемоніала. Впереди шли дѣти, одѣтыя ангелами, и пѣли, за ними слѣдовали дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, прелаты въ пышныхъ одѣяніяхъ, воинство церкви—монашескіе ордена съ свѣчами въ рукахъ, позади тянулись войска. Еретиковъ привязывали по окончаніи всей этой траги-комедіи къ высокимъ шестамъ на кострахъ и палачи св. Германдады зажигали послѣдніе во славу «великаго короля». Несчастные не могли даже стонать, потому что желѣзные кулаки во рту отнимали возможность издавать малѣйшіе звуки. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ на Plaza Mayor было замучено болѣе двухсотъ еретиковъ. Графу де Камброну, любимцу короля, тоже пришлось испытать эту участь. Онъ усомнился въ правѣ инквизиторовъ сжигать несогласныхъ съ ними въ догматахъ вѣры раскольниковъ. Какъ гранду испанскому, ему были оказаны двѣ милости: онъ оставался въ своемъ костюмѣ и въ ротъ ему не всунули желѣзнаго шара. Проходя къ костру мимо короля, онъ обратился къ нему: «И тебѣ не жаль своего слугу вѣрнаго посылать на такую муку?» Король поднялся и крикнулъ на всю площадь: «Если бы даже жена моя усомнилась въ одномъ изъ малѣйшихъ догматовъ вѣры, я бы и ее не только послалъ на костеръ, но самъ бы зажегъ его!...» Король-палачъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Часто на одной и той же площади утромъ совершались ауто-дафе, а вечеромъ играли комедіи Лопе де Вега, танцовали на подмосткахъ, нарочно для того устроенныхъ, и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ днемъ горѣли костры св. Германдады. Послѣ Филиппа III, значительно расширившаго эту Plaza Mayor, на ней давались бои быковъ. Теперь кругомъ подъ арками кипитъ торговля, на самой площади разбитъ скверъ, отлично принявшійся на этой кровавой почвѣ, а въ скверѣ воздвигнутъ памятникъ этому королю. Нынче Plaza Mayor, въ хорошіе дни, когда солнце не такъ жаритъ и чудное небо Кастиліи принимаетъ вполне нѣжный цвѣтъ персидской бирюзы, является выставкою мѣстныхъ красавицъ. На ея безконечныхъ балконахъ, кажется, безъ перерыва огибающихъ въ пять или шесть рядовъ эту площадь, сидятъ сотни мадриленокъ, одна лучше другой, неустанно работая вѣрами и перекидываясь огнедышащими взглядами съ молодыми людьми, по цѣлымъ часамъ дежурящими въ скверѣ. Подъ аркадами, въ то же время, какъ взволнованное море, шумитъ толпа, не знающая въ такіе дни, что значить сидѣть дома и работать.

— Э! Развѣ я каторжникъ, чтобы трудиться, когда свѣтитъ солнце и небо такъ ласково голубѣетъ надъ Мадридомъ?— весело отвѣтилъ мнѣ собратъ-журналистъ, на вопросъ, неужели онъ цѣлый день здѣсь бьетъ баклуши.

Съ Plaza Mayor не забудьте пойти на улицу Толедо, если вы хотите видѣть Мадридъ историческій, Мадридъ чисто-кастильскій, не имѣющій ничего общаго съ тою Европой, на которую онъ стремится походить въ другихъ мѣстахъ.

Направо и налево отъ Calle de Toledo разбѣгаются улочки и переулки, такіе узенькіе, что по нѣкоторымъ даже хорошему мучачо *) нельзя пройтись подъ руку съ своею манолой. Съ желѣзныхъ балконовъ и оконъ висятъ цѣлыя груды самыхъ яркихъ тряпокъ, желтыхъ, красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ, полосатыхъ, влѣтками, съ птицами, сердцами, амурами, цвѣтами и Богъ знаетъ чѣмъ еще. Толпа здѣсь веселая, оживленная, шумная: аррьеро, сумрачный и гордый, въ своей черной овчинной, шерстью вверхъ курткѣ, едва протискивается сквозь нее съ муломъ; красивый и рослый каталонецъ, въ пестромъ костюмѣ, гордо идетъ, раздвигая ротозѣевъ, заглядѣвшихъ на него; валенсіецъ, еще не снявшій своего полумаавританскаго костюма, братается съ астурийцемъ-водоносомъ, у котораго въ жилахъ, тѣмъ не менѣе, течетъ голубая кровь, ибо онъ даже въ своей нищетѣ caballero прежде всего и потомъ старинный дворянинъ. Грузный мужикъ изъ Саламанки и обвѣшанный золотомъ земледѣлецъ изъ Гуадалахары вдвоемъ заняли всю улицу. Тысячи мелкихъ лавченокъ, пестрыхъ и живописныхъ, кишатъ, какъ улы, толстыми женщинами, дѣтьми, благополучными и словно покрытыми лакомъ священниками, оборванными, но беззаботными студентами. Вонъ «галъего», работникъ изъ Галисіи — сильный, какъ быкъ, и глупый, какъ онъ же, съ веревкой, обернутой вокругъ пояса, стоитъ и ждетъ, не поручить ли ему кто отнести какую-либо ношу. Гальегосы ужасно похожи на нашихъ тифлисскихъ мушей. За нѣсколько мѣдяковъ онъ протащитъ на своей широкой спинѣ громадный шкафъ съ одного конца города въ другой. И, къ тому же, вы можете довѣрить ему все, что вамъ угодно, и никогда не раскаетесь въ своемъ довѣрїи. Онъ честенъ до святости. Этимъ нищимъ часто поручаются значительныя суммы и не было при-

*) Muchacho—молодой человѣкъ.

мѣра, чтобы онѣ пропадали. Вотъ маленькая площадка; на ней расположились цыгане, пестрые и полуодѣтые. Одинъ изъ нихъ, не обращая вниманія на то, что толпа кругомъ него сплошная, раскинулся себѣ на мостовой и, глядя въ небо, брэнчить на гитарѣ. Прохожіе шагаютъ ему черезъ голову и ноги,—цыгану и горя мало. Воспользовавшись готовою музыкой, двѣ дѣвчонки отплясываютъ фанданго. Станьте въ уголку и подождите, скоро къ нимъ присоединятся взрослые, и вся эта крошечная plaza обратится въ бальную залу. Вонъ площадь побольше; на нее ганадеро пригналъ цѣлое стадо «новильосовъ» — молодыхъ бычковъ, эскорпедо привелъ ословъ, которые одни хранятъ величавое спокойствіе посреди окружающей ихъ суматохи и толкотни. Право, эти ослы въ своей *mucho-calma* и *flema castillana* поспорятъ съ завернутыми въ плащи кавалерами и сеньорами *Puerta del Sol*. Бряки женщинъ и дѣтей, пѣсни слѣпцовъ, зазыванія разнощиковъ, звонъ копытъ о камень, щелканье кнутовъ, стукъ молотовъ о наковальню, изрѣдка негодующій ревъ осла и солидное мычаніе сосгучившагося по деревнѣ быка, переборъ кастаньетъ, удары въ бубень и ноющія ритурнели гитаръ,—все это обхватываетъ васъ цѣлымъ вихремъ звуковъ. На первыхъ порахъ не разберешься, не сообразишься, гдѣ ты, что съ тобой... И тутъ же въ сторонѣ, тихія и торжественныя, стоятъ опустѣвшія церкви живымъ упрекомъ суетливому и пекущемуся о здѣ пребывающему градѣ настоящему. Если вы не страстный любитель мѣстныхъ красотъ и оригинальной народной жизни, то не совѣтую вамъ долго оставаться въ окрестностяхъ *Calle de Toledo*. Тутъ не обоградутъ васъ, какъ на *Puerta del Sol*, но за то вмѣстѣ съ живыми впечатлѣніями вы выносите отсюда и живыхъ насѣкомыхъ, всюду слѣдующихъ за испанцами. Недаромъ одинъ французъ-путешественникъ, отправляясь въ Испанію, выучилъ только одну фразу, которую онъ вслѣдъ затѣмъ неизбѣжно повторялъ всюду, гдѣ ни останавливался, хозяевамъ отелей, парадоровъ, посадъ и т. д.: «*Nemos venido á Espana con el objeto de escribir un libro de las costumbres Espanolas, y si remos pulgas, mi companero, que es pintor, hacera el retrato de ellas y lo pondremas en el volumen con le nombre de la posada*», т.-е. «Мы пріѣхали въ Испанію съ намѣреніемъ написать о ней книгу и если мы увидимъ малѣйшую блоху, то мой компаньонъ художникъ и онъ сейчасъ же нарисуетъ ея портретъ, чтобы помѣстить ее въ книгу вмѣстѣ съ именемъ отеля».

Извѣстно также отчаянное восклицаніе одного кастильскаго трактирщика, къ которому наѣхала масса путешественниковъ: «*Madonna santissima*, да у меня для нихъ даже и блохъ не хватитъ!»

За Пуэрта дель Соль къ востоку раскидывается новый Мадридъ—Мадридъ вчерашняго дня, для котораго исторіи еще не существуетъ. Его правильныя улицы, какъ Алькала, *Calle Segnano* и другія, чрезвычайно красивы. Обстроены онѣ роскошными домами, гдѣ каждое окно съ балкономъ, или мраморнымъ, или отдѣланнымъ изящными желѣзными рѣшетками. Эта часть ничего не имѣетъ общаго съ болѣе интереснымъ и живописнымъ старымъ Мадридомъ. Пропадая цѣлые дни въ узкихъ переулкахъ и улицахъ послѣдняго, я рѣдко заглядывалъ на *Calle Alcala* или въ *Calle Segnano*, хотя послѣдняя, прямая, какъ стрѣла, съ дворцами и грандіозными домами, вытянувшаяся далеко-далеко, подъ этимъ солнцемъ не лишена оригинальной прелести, благодаря нѣжной окраскѣ стѣнъ, палевыхъ, голубыхъ и розовыхъ, словно свѣтящихся изнутри въ ясные дни. Въ этихъ кварталахъ живутъ министры, банкиры, богачи и т. д. Кастилецъ, такой, какимъ его хочетъ видѣть путешественникъ, не пойдетъ туда. За то за *Plaza Mayor* вы цѣлые дни будете блуждать по узкимъ переулкамъ и вынесете оттуда самыя яркія впечатлѣнія.

— Не понимаю, что вы находите въ нихъ хорошаго!—изумлялся *caballero* Эстобанъ Гарсія, прощенный бандитъ; теперь весьма почтенный человекъ и вліятельный гражданинъ Мадрида, украшенный всевозможными орденами, и одинъ изъ самыхъ надежныхъ столповъ консервативной партіи.

— Помилуйте, да это—настоящая Кастилія.

— Довольно посмотрѣть одну улицу. *Los mismos perros con diferentes colores*. (Все тѣ же собаки, только разныхъ цвѣтовъ).

Вотъ, напримѣръ, переулокъ, гдѣ исключительно живутъ поселившіеся въ Мадридѣ майоркинцы, всѣ выбрывающіе себѣ тонзурку—*serquilo* на темени. За одинъ часъ вы услышите у нихъ больше національных пѣсень и увидите танцевъ, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ на другихъ улицахъ Мадрида. Майоркинецъ не можетъ не пѣть или не плясать. Идетъ ли онъ за своимъ осломъ, или по дѣлу, или слѣдуетъ съ женою въ церковь, онъ непременно приплясываетъ и щелкаетъ пальцами, какъ кастаньетами. А если соберется ихъ нѣсколько, будьте увѣрены, что посреди улицы они вамъ изобразятъ такой вдохновенный халео, какаго ни на одной балетной сценѣ вы не уви-

дите. А ихъ рослыя красавицы, сложившіяся на диво среди приволья своего острова, дыша его пропитаннымъ испареніями моря воздухомъ! Идетъ эдакая богиня и за нею невольно слѣдуешь влюбленнымъ взглядомъ, ибо каждое движеніе ея полно граціи,—не той, что дается воспитаніемъ и изученіемъ, а бессознательной, граціей греческихъ статуй,—граціей идеально сложенного и великолѣпно развитаго тѣла. Она, пожалуй, если бы и хотѣла, не могла бы сдѣлать некрасиваго движенія. Майоркинки издали выдѣляются въ толпѣ, какъ бы она густа ни была. Испанцы говорятъ, что одна майоркинка можетъ одолѣть двухъ каталанокъ. Этого не замѣтишь сразу. Формы островитянокъ такъ красивы, такъ мягко очерчены, что подъ ними трудно заподозрить стальные мускулы. Гибкость ихъ стана, тонкаго до такой степени, что ни одинъ французскій корсетъ не создаетъ ничего подобнаго, вошла въ пословицу. Испанскія народныя пѣсни называютъ его змѣистымъ. Во всякомъ случаѣ, надо отдать справедливость: сидитъ онъ на очень прочно и широко развѣвшихся бедрахъ. Ноги майоркинки, но... я кста-ти вспоминаю красный редакторскій карандашъ, и отсылаю желающихъ познакомиться съ дальнѣйшими подробностями этого типа въ Мадридъ на Calle de Toledo.

На новыхъ улицахъ, гдѣ Мадридъ старается, хотя и не со всѣмъ удачно, походить на Парижъ («вы знаете,—говорилъ мнѣ почтенный Эмилио Вальверде,—нашъ Мадридъ уже сталъ иберійскимъ Парижемъ, теперь остается только Парижу сдѣлаться европейскимъ Мадридомъ»), вы хотя увидите, но, разумѣется, не столько чисто-національныхъ типовъ, какъ въ этихъ переулкахъ и Calles. Я уже говорилъ о майоркинкахъ. Чѣмъ хуже ихъ валенсійцы въ ихъ короткихъ штанахъ изъ бѣлоснѣжнаго полотна, съ пестрымъ пледомъ на одномъ плечѣ, живописно свѣшивающимся внизъ? Рисуй съ нихъ прямо древняго героя. Такой горделивой осанки вы не найдете ни у одного натурщика. Каждый жестъ валенсійца помощь удивительнаго достоинства; въ этомъ отношеніи онъ прямой наслѣдникъ важнаго и величаваго мавра. А тутъ же рядомъ, сухіе и мускулистые, ловкіе, какъ мартышки, и сильные aldeanos (поселяне) изъ Заморы, съ ногъ до головы одѣтые въ черное. Ихъ узкіе штаны заправлены въ башмаки съ громадными пуговицами, животъ стянутъ широчайшимъ кожанымъ поясомъ, жилетъ украшенъ металлическими—чаще всего серебряными, хорошей работы—пуговицами. Эти всегда появля-

ются въ сопровожденіи своихъ женъ и дочерей, платья которыхъ поражаютъ изумительно-красивыми вышивками и кружевами. Въ этомъ съ ними могутъ соперничать только «*pinpas del dia*» изъ Саламанки. Въ лавченкахъ направо и налѣво торгуютъ сладостями севилянцы, проворные и болтливые, какъ сороки, аликантцы тамъ же (на соблазнъ съѣхавшимся въ городъ *raisados*) раскидываютъ яркими волнами сукна изъ Алгой, масломъ и сыромъ завалили свои жалкія гнѣзда ламанчцы, родичи знаменитаго Донъ-Бихота, послѣдняго идеалиста средневѣковой Кастиліи. Сомбреро *calanes* спущены у ламанчцевъ на самый лобъ, животы опоясаны *faja*'ми (фаха), за которыми красуются цѣлыя коллекціи *navajas* и непременно изъ Альбасета. Задѣвать ламанчца я бы не совѣтовалъ никому. Никто не доставляетъ такого количества пациентовъ въ *Casas de socogo*, какъ ламанчцы. Чуть ли не въ каждомъ кварталѣ Мадрида, какъ и въ другихъ испанскихъ городахъ, есть *Casa de socogo*, гдѣ подаютъ первоначальную помощь раненымъ, подбираемымъ во множествѣ на улицахъ иберійскаго Парижа. Кастильяны не дерутся, какъ наши мужики,—булаки не въ почетѣ. Споръ оканчивается ударами навахи, и какими ударами! Я видѣлъ, напримѣръ, въ одномъ маленькомъ народномъ кафе, какъ два ламанчца поссорились изъ-за того, кому изъ нихъ платить. Одинъ увѣрялъ, что онъ платилъ вчера, другой упорно отрицалъ это. Первый разозлился и назвалъ втораго «*ladron*»—воръ. Обиженный вскочилъ, какъ кровная, не знавшая удара лошадь отъ бича. «Что ты сказалъ?»—прохрипѣлъ онъ. Первый оказался тоже на ногахъ. Блѣдые, какъ полотно, они мѣряли другъ друга буквально горящими, какъ угли, взглядами: «Я воръ?»—«Да и отецъ былъ у тебя тоже воромъ!» Раздался какой-то дикій крикъ. Ламанчецъ моментально выхватилъ ножъ, другой тоже. Послышался звонъ стали и черезъ минуту обидчикъ уже лежалъ въ конвульсіяхъ, съ распоротымъ животомъ, изъ котораго широкою струей хлестала кровь прямо на грязный полъ кофейни. Въ другой разъ это случилось въ небольшомъ трактирчикѣ около Толедскаго моста, выходящаго на поле св. Исидора. Тамъ передрались севилянецъ съ юношей изъ Ронды, славящейся своими контрабандистами, красавицами и бойцами на ножахъ. Оба сидѣли съ своими «*manolas*». Юношѣ изъ Ронды показалось, что севилянецъ засмѣялся, глядя на его *pinpa*. Онъ выпрямился и кинулъ сосѣду:

— Если ты еще посмѣешь улыбнуться, такъ я твой смѣхъ ножомъ прибью къ твоей челюсти, какъ змѣю къ дереву.

Севилянецъ схватился за ножъ. Другой тоже. *Mapola* было бросилась разнимать ихъ, но ее собственный кавалеръ такъ оттолкнулъ ногой, что бѣдняжка попала головой въ уголъ. Тутъ всѣ присутствующіе приняли участіе въ драгѣ. Вмѣшаться между противниками невозможно, и когда дѣло доходить до ножей, ни одинъ испанецъ не сунется къ дерущимся, потому что всего вѣрнѣе онъ при этомъ получить ударъ ножомъ отъ обоихъ враговъ. За то въ дравшихся полетѣли издали табуреты, свинцовыя тарелки, камни, кастрюли, одинъ плеснулъ въ нихъ кипяткомъ, другой швырнулъ заслонкой отъ печи. Но подъ этимъ убійственнымъ дождемъ пѣтухи дрались, пока одинъ изъ нихъ не остался на мѣстѣ. Убитымъ оказался севилянецъ. Съ мгновеніе юноша изъ Ронды смотрѣлъ на него, потомъ крикнулъ, размахивая ножомъ: «съ дороги прочь!»—и высочилъ на мостъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ уже выбѣгалъ съ него на поле св. Исидора, скрываясь въ его кустарникахъ. Жадная до зрѣлищъ толпа окружила трупъ и, не обращая вниманія на рыдающую надъ нимъ женщину, толковала о ранахъ, нанесенныхъ ему «*muchacho*» изъ Ронды.

— Чистая работа!...—слышалось кругомъ.—Ни одного удара даромъ, всѣ смертельны!

— О, молодцы изъ Ронды умѣютъ «работать»...

— А ламанчцы еще лучше!

— Ламанчцы знаютъ тоже свое дѣло. Но если ударить ламанчецъ, то еще проживешь достаточно, чтобы прочесть молитву, а ронданае прямо отправляютъ къ чорту въ лапы, даже не успѣшь вспомнить о Мадоннѣ... Вотъ галисійцы—дѣло другое: тѣ только царапаются ножами, а до настоящей работы имъ куда!...

— Далеко галисійцамъ до «чистаго» дѣла!

— Баски у себя въ городѣ, говорятъ, дерутся хорошо!

И начинаются длинные диспуты о томъ, чей ударъ ножомъ лучше. Трупъ повертываютъ, осматриваютъ и когда, наконецъ, догадываются послать за карабинерами, убійца оказывается уже далеко. Если раненый еще дышетъ, его живо уносятъ въ *Casa de soco*, гдѣ зашиваютъ ему раны и лечатъ. Въ послѣднее время еще нравы начали мало-по-малу смягчаться, но въ *Тарифѣ*, *напримѣръ*, и около *Алхезираса*, гдѣ поселяне еще въ достаточной степени дики, вы не встрѣтите добраго молодца безъ

болѣе или менѣе замѣтной помѣтки ножомъ. Тамъ говорятъ вмѣсто нашего «молоко на губахъ не обсохло» — «онъ еще не мѣченъ»... А въ Малагѣ, дѣвушка — «aldeana» и вниманія не обратитъ на молодца, не носящаго на своемъ лицѣ двухъ-трехъ шрамовъ. «Помилуйте, чего же онъ стѣдить? Онъ и защититъ-то ее, при случаѣ, не сможетъ, какъ слѣдуетъ мужчинѣ, съ навахою въ рукахъ и проклятьемъ на языкѣ».

Самый безобидный народъ между здѣшними поселянами, это — мадридскіе агуадоры. Я уже упоминалъ вамъ, что «caballeros», занимающіеся этимъ почтеннымъ промысломъ, всѣ изъ Галисіи. Ихъ честность и добродушіе выше всякихъ похвалъ. Мадридская пословица говоритъ: «король отниметъ, епископъ надуетъ, чиновникъ возьметъ, воръ украдетъ — одинъ галисіецъ только получить свое!» или: «не вѣрь королю, бѣги прочь отъ обѣщаній капеллана, за то на слово Бога и галисіецъ можешь положиться вполне». Третья пословица менѣе лестна. Она говоритъ: «Галисіецъ такъ глупъ, что онъ даже баска надуть не умѣетъ. Онъ да осель только и есть два правдивыхъ существа на свѣтѣ». Я часто любовался этими молодцами, когда съ сапато изъ бѣлой глины (кувшины) на плечахъ и съ парю лимонъ или апельсинъ, да нѣсколькими палочками azucarillos (пористый сахаръ) на лотѣ у пояса они проходили мимо, пронзительно выкрикивая: «Вода... вода... чистая, какъ слезы Богородицы, холодная, какъ ледъ Гвадарамы, свѣжая, какъ щеки дѣвушки... Вода, вода! Кому воды?!... Кто хочетъ прожить сто лѣтъ и еще тридцать?...»

Въ этихъ сапато вода, дѣйствительно, сохраняется удивительно. Она всегда чиста и холодна. На галисіецѣ агуадорѣ — табачнаго цвѣта куртка, короткіе такіе же штаны, черные гетры. Широкий поясъ изъ шерстяной матеріи стягиваетъ его талию, и заостренное сомбреро на головѣ широкими полями своими защищаетъ лицо этого, едва ли не единственнаго въ Мадридѣ труженика отъ солнца. Галисійки — всѣ служатъ горничными или кухарками. Эти тоже честны и... глупы. Онѣ пользуются въ Мадридѣ замѣчательною привилегіей. Каждый праздникъ галисіанка, сохранившая свое цѣломудріе, имѣетъ право вечеромъ уйти изъ дому — гулять по улицамъ и на Прадо, не спрашиваясь у хозяйки. И всѣ онѣ уходятъ, потому что мѣстная мадридская пословица говоритъ: «галисіанку полюбитъ только слѣпой да блоха». Слепой потому, что не видитъ, а блоха потому, что галисіанка радуется ей, какъ землячкѣ.

Вообще же, толкаясь по этимъ «народнымъ» улицамъ стараго Мадрида, мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ справедливости указаній, сдѣланныхъ уже прежними путешественниками о томъ, что въ Испаніи нѣтъ «мужика» въ нашемъ смыслѣ этого слова, т. е. что крестьяне Пиренейскаго полуострова—*campesinos, aldeanos*—вовсе не являются тѣми невѣжественными и грубыми нескладными, какими изображаютъ сѣверныхъ поселянъ, германскихъ, англійскихъ и русскихъ, всевозможные бытописатели. Испанскій мужикъ въ высшей степени учтивъ и любезенъ. Разумѣется, той же вѣжливости онъ требуетъ и по отношенію къ себѣ. Не совѣтую здѣсь пускаться въ ходъ грубыхъ слова и выраженія. Англичанамъ приходится часто и жестоко платиться за это. Между собою испанскіе крестьяне тоже утонченно деликатны: *usted, ustedes* (ваша милость, ваши милости)—только и слышится въ ихъ разговорахъ, не исключая и дѣтей. Во всемъ у нихъ замѣтно глубокое самоуваженіе, не потому ли, что они всегда были свободны, что предки ихъ одинаково и равноправно участвовали въ борьбѣ за независимость своего отечества? Совершенно искренно, кромѣ бѣдныхъ, глухыхъ и честныхъ *gallegos*’овъ, здѣсь всякій «мужикъ» считаетъ себя стариннѣйшимъ дворяниномъ и хорошо знаетъ своихъ предковъ. Еще недавно короли давали особенныя родовыя привилегіи и титулы тѣмъ, которые занимались земледѣліемъ. Иначе, съ изгнаніемъ мавровъ, страна совсѣмъ бы обратилась въ необработанную пустыню. За то купцы были въ величайшемъ униженіи: кортесы еще недавно отказывались принимать ихъ въ свою среду, не отказывая въ этомъ завѣдомымъ бандитамъ. Торгующій дворянинъ здѣсь лишался дворянства, ему отводилось особое помѣщеніе въ городѣ и устанавливался за нимъ оскорбительный надзоръ. До сегодня испанскій мужикъ съ богатымъ купцомъ говоритъ презрительно, считая его неизмѣримо ниже себя—производителя и хлѣбопашца. «Бѣдный отецъ!»—говорили про одного хозяина венты его пріятели.—«А что?»—«Сынъ опозорилъ его сѣдины. Онъ сдѣлался купцомъ!» До сихъ поръ въ Баскии и Андалузіи вы услышите поговорку: «*El honor de un comerciante es mas delicado que no el de una depecolla*» (купеческая честь хуже дѣвичьей). Когда, во время моихъ поѣздокъ по окрестностямъ Мадрида, милліонеръ Серра подалъ однажды руку содержателю сельской посады въ Ильдефонсѣ, тотъ отказался пожать ее, потому что онъ честный земледѣлецъ, а не надувающій вселенную купецъ...

IV.

Прадо. — Реколетось.

Когда Карль III приказалъ расчистить и привести въ нѣкоторый порядокъ густой паркъ, разросшійся около Мадрида, я думаю, ему не могло придти въ голову, что потомки его вѣрныхъ подданныхъ стануть называть свое Прадо однимъ изъ величайшихъ чудесъ свѣта. Здѣсь вообще повсюду сказывается сила кастильскаго воображенія. Какъ арабъ въ Аравійской пустынѣ, такъ и испанецъ среди своихъ обнаженныхъ равнинъ одинаково живутъ фантазійей. Вотъ, на примѣръ, передъ вами желтый холмъ. Онъ весь изъ песку и глины, только кое-гдѣ въ трещинахъ его уныло треплется жалкая, полувысохшая трава. Спросите, какъ онъ называется, вамъ отвѣтятъ: Cerillo de las Lirios, то-есть «холмъ лилій». Печальная долина, способная привести въ отчаяніе самаго восторженнаго путешественника, оказывается, по мѣстной номенклатурѣ, «очаровательной Valle-Ameno». Груда жалкихъ, полуразвалившихся хижинъ, прокопченныхъ, пыльных, гдѣ даже ящерица не стала бы жить, — непременно «Villa-Rica». Отвратительный ровъ, полный удушливой золы и песку, — «Val-de-Flores». Иногда ѣдешь безводною и пустынною мѣстностью; не только деревца нѣтъ, нигдѣ не обрадуетъ вашихъ глазъ даже жалкій кустикъ. Спросите, окажется — урочище «волшебныхъ тополей». Вѣроятно, потому и волшебныхъ, что ихъ никто не видитъ. Какъ Донъ-Кихоть въ толстой мужичкѣ узналъ Дульцинею, такъ и испанцы въ растрескавшейся и сухой, какъ ладонь ростовщика, площадкѣ видятъ «сады втораго рая». Послѣ этого понятно, чего должны были наговорить и написать пламенные мадридцы о своемъ Прадо, о Recoletos, Delicias de Isabel и т. д. Есть цѣлые томы стиховъ, посвященныхъ этому «Paraiso». Я не говорю уже о дѣйствительно прекрасныхъ королевскихъ садахъ «Аранхуэса».

Прадо для Мадрида то же, что лѣтній садъ или еще лучше — острова для Петербурга. Отъ стариннаго Аточскаго монастыря Прадо нѣсколькими параллельными аллеями тянется вплоть до гипподрома почти на шесть верстъ. Отъ Мансенаресскаго канала до Аточа (Atocha) часть Прадо называется Las Delicias, далѣе слѣдуютъ «Салонъ», собственно Салонъ де Прадо, Реколетось, Кастельяно. Самая интересная часть его для путешественника, желающаго увидѣть «весь Мадридъ», это Салонъ, т. е. простран-

ство отъ улицы Алкала до Plaza de las Cortes. Нѣсколько аллей здѣсь совсѣмъ закутаны въ громадныя тѣнистыя деревья. Однѣ предназначены для пѣшеходовъ, а самая главная, въ 75 метровъ шириной, для всадниковъ и для каретъ. По обѣ стороны ея тянутся три ряда стульевъ. Въ хорошую погоду здѣсь давка и толкотня страшныя. Цѣлый городъ пустѣеть, пустѣеть даже, случается, въ извѣстные часы дня Пуэрта дель Соль, потому что каждый добрый мадридецъ спѣшитъ сюда. По широкой Calle de Alcala рѣка народу шумными и говорливыми, на зло знаменитой *flema castellana*, волнами стремится сюда. Всѣ стулья заняты дамами и ихъ *hombres*; нельзя найти мѣста. Въ боковыхъ аллеяхъ пѣшеходы идутъ медленно, въ затылокъ одинъ другому, потому что со всѣхъ сторонъ ихъ давить сплошная стѣна гуляющихъ. Бареты ѣдутъ тоже черепашинымъ шагомъ одна за другою. Вокругъ двухъ большихъ фонтановъ: Цибеллы, сидящей на мраморной колесницѣ, влекомой морскими бонями посреди дремлющихъ водъ, и Нептуна—тоже стулья, и тоже всѣ заняты. Яблоку упасть негдѣ. Это цѣлое море головъ. Нервнымъ людямъ дѣлается дурно отъ суеты, движенія, давки, отъ безчисленныхъ криковъ и говора, сливающегося съ шорохомъ шелковыхъ платьевъ, съ шумомъ шаговъ, съ хлопаньемъ бичей и медленнымъ гуломъ колесъ. По обѣ стороны Прадо изъ-за деревьевъ видны виллы и дворцы мѣстныхъ богачей, театры, преимущественно лѣтніе. Хотите вы уединенія, идите въ Paseo de Recoletos, подальше Салона; тамъ много укромныхъ уголковъ и тихихъ аллей. Мирты, олеандры, гераниумы, лиліи и акаціи наполняютъ воздухъ своимъ ароматомъ. Здѣсь такъ хорошо думается и мечтается. Шумъ неутомной толпы долетаетъ сюда изъ Салона только своими отголосками. Прислушайтесь къ нему, —кажется, что это далекое море бѣтается въ берега. Разумѣется, и здѣсь вы не одни. То и дѣло на скамейкахъ встрѣчаются закутанные въ свои капы гидальго. Они сидятъ неподвижно, точно уходя всѣми своими помыслами въ невозвратное прошлое. Изрѣдка изъ-подъ капы мелькнетъ худая, желтая рука. Свернетъ свою *parelitos* и опять на мгновение очнувшійся *caballero* погружается въ мрачную задумчивость. Отсюда въ пролеты аллей открывается чудесный видъ на городъ, на красивыя и изящныя виллы, на дворцы, вродѣ *Palacio de Xifre*, выстроеннаго съ необычайною роскошью, въ чисто-мавританскомъ стилѣ, и на другіе, принадлежащіе мадрид-

скимъ поëтамъ и банкирамъ. Какое дикое сочетаніе двухъ профессій! Оно, впрочемъ, станетъ совершенно понятно, если прибавить, что между кастильскими поëтами большинство люди очень богатые, иначе имъ грозила бы голодная смерть, ибо за вдохновенія своихъ пѣвцовъ испанцы платятъ только восторгами, но не деньгами.

Всмотритесь въ эту толпу, которая медленно движется передъ вами по Салону. Нигдѣ, ни въ одной европейской столицѣ вы не увидите такой массы роскошно одѣтыхъ женщинъ и мужчинъ, точно снятыхъ съ послѣдней модной картинки. Молодежь—въ безукоризненныхъ перчаткахъ, въ платьяхъ, строго соответствующихъ сезону и сшитыхъ изъ самыхъ дорогихъ матерій, въ свѣжихъ шляхахъ. Здѣсь вы не замѣтите измятаго сомбреро, запыленного пальто. Всѣ эти мученики хорошаго тона питаются дома однимъ горохомъ да пучеро, но гардеробъ у нихъ въ полномъ порядкѣ. Именно по нашей пословицѣ: «на брюхѣ—шолкъ, а въ брюхѣ—щолкъ». Узнайте ближе семейную жизнь этихъ блестящихъ людей и вы ужаснетесь. Вотъ проходитъ мимо васъ вся въ бархатѣ и кружевахъ, съ громадными брилліантами въ ушахъ, прехорошенькая мадриленка. Вамъ она кажется по меньшей мѣрѣ миллионершей. Увы! бѣдная, возвратившись домой въ свой жалкій уголь, просуществуетъ цѣлый день на два реала (12½ коп. или 20 по курсу); она откажетъ себѣ и своимъ дѣтямъ, если они у нея обрѣтаются, во всемъ, но уже въ Салонъ на Прадо явится, по-своему не уступая женѣ знаменитаго Соломона Арваэса, ухитрившейся затмить самую королеву своими брилліантами. Вонъ шесть муловъ, убранныхъ лентами, въ блестящей сбруѣ, съ страусовыми султанами надъ головами, медленно везутъ изящную коляску съ инфантами. Они, по старому этикету, до сихъ поръ не смѣютъ являться въ экипажахъ, запряженныхъ лошадьми. Всмотритесь въ этихъ муловъ, въ эту коляску, въ этихъ нянекъ, сидящихъ въ ней... Что-то знакомое. Вы ломаете голову, гдѣ вы это все видали, и, наконецъ, вспоминаете: то же самое вчера въ музеѣ вамъ бросилось въ глаза на картинахъ Веласкеса. Вонъ идутъ совсѣмъ dandy изъ Jockey-klub'a. Вы думаете, это счастливые избранники судьбы? Увы! только мелкіе чиновники, которые сегодня, стоя въ дверяхъ ресторана, пообѣдаютъ... зубочистками и дешевою сигарой... За то какіе чудные экипажи мелькаютъ мимо васъ, какія удивительныя лошади! Особенно хороши андалузскія—золотистыя, нервныя, съ

маленькою головкой, длиннымъ пышнымъ хвостомъ, подобранныя, на тоненькихъ граціозныхъ ногахъ... Посмотрите на этого коня, когда на немъ сидитъ красавица, стройная и гибкая, отбросивъ далеко назадъ пышный шлейфъ своей амазонки! Или, лучше, не смотрите. Вамъ надо еще многое видѣть и наблюдать, а послѣ нея вы уже охладѣете ко всему остальному. Хотите идилинъ?— подите къ фонтану Аполлона или къ такъ называемымъ Casa de vacas (коровій домъ, молочня): посмотрите, какіе дивные ребята играютъ тамъ. Климатъ Мадрида ужасенъ. Но если дитя выживетъ въ немъ, такъ оно уже вырастаетъ на удивленіе. Сколько пышнаго здоровья, какія румяныя щеки, живые глаза, сколько добродушія, веселости въ ихъ играхъ, какая мурильевская грація въ каждомъ движеніи! А сопровождающія ихъ кормилицы и няньки—*rasiegas* съ испанскаго сѣвера? Гдѣ вы видали такую пышную красоту? Граціозныя головки ихъ, живописно убранныя тафтяными платками яркихъ цвѣтовъ, точно сгибаются подъ тяжестью волосъ иссиня-черныхъ, черный бархатный корсажъ едва сдерживаетъ художественныя формы идеально сложившейся груди. Ихъ плечи покрыты тонкою кисеей, чтобы дать вамъ понять, что не всѣ еще утратили благородныя линіи Венеры Милосской. Тонкій станъ перехваченъ поясомъ съ золотыми пряжками. Красная или голубая въ складкахъ юбка окаймлена широкимъ позументомъ. Особенно хороши *rasiegas* изъ Сантандера. Эти заставляютъ останавливаться передъ собою въ иѣмомъ восхищеніи даже живописцевъ, долго работавшихъ въ Римѣ съ трансевтеринскими натурщицами. Особенно хороши онѣ, когда рядомъ съ ними выступаетъ богатая англичанка, ребенка которой кормитъ сантандерская *rasiega*. Рыжая, какъ крыса изъ водосточной трубы, краснолицая, какъ армейскій фельдфебель, и клыкастая, въ всякаго конкурса, какъ могутъ быть только клыкасты дочери туманнаго Альбіона, она еще нарочитъ такъ одѣться, что проходящіе мимо гидальго лишь плотнѣе заворачиваются въ свои капы и съ негодованіемъ сообщаютъ другъ другу: «Эти рыжія чертовки испортятъ только нашу прекрасную страну!» Кстати объ этихъ капахъ. Я еще не описывалъ вамъ испанскаго плаща, за который было пролито столько крови. Въ самомъ дѣлѣ, въ Мадридѣ при Карлѣ III были революціи изъ-за капы и изъ-за сомбреро. Этотъ четвертый король изъ Бурбоновъ, чистый французъ, искренно ненавидѣвшій мрачную и торжественную Испанію съ ея соборами и закутанными гидальго, съ ея боемъ быковъ и постоянными

революціями, придрался къ тому, что заговорщики легко подъ своими капами могутъ скрывать оружіе и широкими полями сомбреро закрывать свои оливковыя лица. Состоялось королевское повелѣніе, запрещающее носить плащи. Народъ заволновался. Началось движеніе противъ введенія въ кастильскую жизнь иностранныхъ обычаевъ и платьевъ. Когда полиція вздумала привести въ исполненіе королевскую волю, вспыхнуло возмущеніе, во время котораго по улицамъ Мадрида потекли рѣки крови. Это случилось въ 1765 году. Немногіе защитники Карла III были перебиты на Пуэрта дель Соль, страшная драка продолжалась на Calle de Arenal, plaza Oriente, наконецъ, волны возмущеннаго народа со всѣхъ сторонъ охватили Palacio Real. На ея лѣстницахъ и въ королевскихъ залахъ начался отчаянный бой. Кастильцы умертвили личную стражу Карла III, фланандцевъ, и бросились искать самого повелителя. Ему удалось во-время уѣхать въ Аранхуэсъ и потомъ нуженъ былъ терроръ графа д'Аранда, чтобы кое-какъ установить въ столицѣ порядокъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ никто уже не смѣлъ посягать на капу. Сомбреро свои испанцы бросили носить сами. Они замѣнили ихъ преувеличенно высокими цилиндрами, но плащъ остался такой же длинный, какъ и прежде, съ такою же классическою перелинкой, доходящею до локтей. Правый бортъ плаща подбивается на изнанкѣ въ видѣ подкладки двумя или тремя продольными полосами бархата отъ шеи до ногъ. Полоса ближе къ краю—малиновая или красная, рѣдко темносиняя, вторая полоса черная, третья, если она есть, сѣрая или темнозеленая. Эта полоса капы, обертываясь на изнанку, закидывается за лѣвое плечо такъ, чтобы полосы бархата позади висѣли наружу внизъ по спинѣ, что придаетъ испанскимъ гидальго необыкновенно щеголеватый видъ, а кастильской толпѣ пестроту и яркость. На Прадо вы встрѣтите, правда, и европейскія пальто, но рѣдко. За то женскій костюмъ старой Испаніи, очаровательный и граціозный, исчезъ совсѣмъ. Сохранилась только кружевная мантилья, — къ счастью, разумѣется, потому что при помощи ея и вѣера всякая испанка дѣлается чуть ли не красавицей. Вы мало встрѣтите шляпокъ на Прадо. Носить ихъ живущія здѣсь французенки или испанки, воспитавшіяся во Франціи. Разумѣется, къ этому числу принадлежатъ и всѣ тѣ, которыя ѣздятъ въ своихъ коляскахъ. Масса осталась вѣрна мантильѣ, какъ мужчины капѣ. Когда королева Христина, австрійка, ненавидящая въ глубинѣ души Испанію и испанскіе

обычан, явилась на Plaza de toros (бой быковъ) въ шляпкѣ, она вызвала общее негодованіе. Ей начали шикать, толпа заорала: «Прочь вѣмку!»—и настолько эта демонстрація приняла угрожающій характеръ, что ея величество должна была уѣхать скорѣе въ свой дворецъ. На слѣдующій же день она явилась на Прадо въ открытой коляскѣ, сопровождаемая, по стародавнему обычаю, напудренными гусарами на андалузскихъ коняхъ. На королевѣ была бѣлая кружевная мантилья и платье національныхъ цвѣтовъ Испаніи. Она все время чисто по-кастильски играла вѣромъ и только послѣ этого мадриленки помирились съ нею.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЕЗСМЕРТНЫЙ *).

Романъ Альфонса Додэ.

VIII.

Такъ уже predeterminedъ было, вѣроятно, чтобы Луазиль-ону всю жизнь везло, даже умереть ему удалось какъ разъ въ время. Недѣлей позднѣе салоны были бы закрыты, весь Парижъ разъѣхался бы, наступили бы вакаціи для національнаго собранія и для Института, и на похоронахъ за его гробомъ плелись бы лишь очень немногіе представители различныхъ обществъ, въ которыхъ онъ состоялъ предсѣдателемъ или секретаремъ, да нѣскольکو жадныхъ до жетоновъ академикомъ,—и никого больше. Но ловкій человекъ оказался обдѣлистымъ до конца и на тотъ свѣтъ отправился наганунѣ присужденія большой академической премии, точно нарочно выбралъ «порожнюю» недѣлю, въ теченіе которой не было ни громкаго преступленія, ни дуэли, ни знаменитаго процесса, никакого политическаго событія, — такъ что торжественныя похороны безсмысленнаго секретаря представляли собою единственное развлеченіе для Парижа.

Въ полдень назначено отпѣваніе. Задолго до этого часа громадная толпа народа собралась къ церкви Сень-Жерменъ-де-Пре, движеніе по улицѣ прекращено, на площадь пропускаются только экипажи приглашенныхъ подъ строгимъ наблюденіемъ городскихъ, разставленныхъ въ видѣ стрѣлковой цѣпи. Что такое былъ Луазильонъ, что онъ сдѣлалъ за время своего семидесяти-лѣтняго пребыванія среди людей, что означала крупная, серебромъ вышитая буква на траурной драпировкѣ,—это знали очень немногіе въ густой толпѣ, привлеченной единственно изъ ряда вы-

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

ходящимъ развитіемъ полицейской дѣятельности и широкимъ просторомъ, преутовоаннмъ ею для слѣдованія покойника, для оказанія ему особенной почести въ ознаменованіе его высокаго значенія. Вслѣдствіе распространившагося слуха о томъ, что явятся актрисы и разныя знаменитости, въ густой толпѣ парижскихъ зѣвакъ, тѣснившихся вокругъ церкви, слышались имена узнаннхъ лицъ, шли громкіе разговоры.

Вотъ тутъ-то, въ этой толпѣ, слѣдовало послушать надгробныя рѣчи Луазильону, настоящія, а не такія, которыя должны быть произнесены на Монпарнасѣ, вотъ тутъ-то дѣлалась истинная оцѣнка человѣка и его трудовъ, весьма отличная отъ статей, заготовленныхъ для завтрашнихъ газетъ. Его труды: *Путешествіе въ Валь-д'Андоръ* *) и два доклада, изданные національною типографіей и относящіеся къ тому времени, когда Луазильонъ былъ главнымъ инспекторомъ изящныхъ искусствъ. Человѣкъ—типъ пройдохи-стряпчаго, гаденькаго и низкопоклоннаго, точно въ чемъ-то извиняющагося постоянно, точно выключивающаго не ставить ему въ вину его орденовъ, пальмъ на мундирѣ, мѣста въ академіи, гдѣ его плутоватость дѣльца являлась связующимъ агентомъ между множествомъ разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ лично ни съ однимъ не сливался, какъ бы умоляющаго простить его необычайный успѣхъ, возвеличеніе его ничтожества и протискивающейся вверхъ низости. Припоминалась, между прочимъ, фраза, сказанная имъ съ особенною гордостью за однимъ академическимъ обѣдомъ, гдѣ онъ съ салфеткою въ рукахъ суетился вокругъ стола: «Какой бы изъ меня вышелъ превосходный лакей!»—какъ разъ подходящая эпитафія для его памятника.

Въ то время, какъ въ толпѣ люди судили и рядили объ этомъ ничтожествѣ, само-то ничтожество торжествовало, являлось триумфаторомъ даже въ гробу. Вереница экипажей подъѣзжала къ церкви; мелькали разноцвѣтныя ливреи слугъ, хлопали дверцы каретъ, стучали подножки, группы журналистовъ почтительно разступались передъ герцогиней Падовани, входившей гордо походкой, высоко поднявши голову, передъ мадамъ Анселень, пышущею яркимъ румянцемъ, передъ мадамъ Эвиза, сверкающе сквозозъ вуаль своими длинными глазами такъ, что того гляди

*) *Валь-д'Андоръ*—долина въ Пиринеяхъ, составляющая полу-независимую республику, вродѣ республики Санъ-Марино въ Италіи. Въ Андорской республикѣ 6,000 жителей. *Примѣч. переводчика.*

обратить вниманіе агентъ полиціи нравовъ. Тутъ была налицо вся конгрегація академическихъ дамъ, поклонницъ и служительницъ Института, явившихся не столько за тѣмъ, чтобы почтить память покойнаго Луазильона, сколько ради того, чтобы насладиться лицедрѣніемъ своихъ кумировъ — безсмертныхъ, сфабрикованныхъ, состряпанныхъ ихъ ловкими маленькими ручками, не нашедшими лучшаго приложенія своихъ силъ, своей ловкости, болѣе достойнаго дѣла для удовлетворенія женской гордости, самолюбія и желаній. Бъ этимъ дамамъ присоединились актрисы подъ тѣмъ предлогомъ, что покойникъ былъ предсѣдателемъ общества попеченія о какихъ-то «драматическихъ» сиротахъ, — въ сущности же, вслѣдствіе снѣдающей всѣхъ потребности во что бы то ни стало пристроиться къ торжеству. Обливающихся слезами, убитыхъ трагическимъ горемъ, ихъ можно было принять за ближайшихъ родственницъ. Останавливается карета, выходитъ дама въ глубокомъ траурѣ, на лицѣ отчанье, смотрѣть — душа надрывается. Кто это? Вдова покойнаго, конечно? Нѣтъ! Маргарита Оже, знаменитая драматическая актриса. Ея появленіе вызываетъ долгій ропотъ и любопытство во всѣхъ углахъ площади. Одинъ журналистъ стремительно выдвигается съ подъѣзда на встрѣчу артисткѣ, жметъ ей руки, поддерживаетъ ее, старается ободрить.

— Да, вы правы... Но много нужно силы...

Справившись кое-какъ съ душащими ее слезами, смочивши ими платокъ такъ, что хоть выжми, она идетъ... нѣтъ, не идетъ, — выходитъ на сцену, т. е. не на настоящую: она входитъ въ полутемную церковь, опускается на колѣни, чуть не падаетъ, убитая скорбью, потомъ поднимается, едва держась на ногахъ отъ горя, и обращается къ стоящему рядомъ съ нею товарищу-актеру:

— Каковъ сборъ вчера въ театрѣ Водевиля?

— Слишкомъ четыре тысячи! — отвѣчаетъ онъ тѣмъ же тономъ безпросвѣтнаго отчаянья.

Затерянный въ толпѣ на площади, Авель де Фрейде слышалъ, какъ кругомъ него говорили: «Маргарита!... Это Маргарита!... Вошла великолѣпно...» Маленькій ростъ не давалъ Фрейде многого видѣть, прodrаться же впередъ онъ никакъ не могъ. Вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Все еще въ Парижѣ?... Бѣдняжка сестра, надо полагать, не особенно довольна, — говорилъ Ведринъ, увлекая его за собой.

и расталкивая сильными локтями толпу, въ которой онъ чуть не цѣлою головою былъ выше всѣхъ.

— Позвольте, господа... родственники покойника!—и онъ вывелъ въ передній рядъ провинціала, восхищеннаго такою встречей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порядочно конфузующагося отъ того, что скульпторъ, по обыкновенію, говорилъ громко и не стѣсняясь.

— А, каковъ счастливчикъ Луазильонъ!... Народу-то—не меньше, чѣмъ на похоронахъ Беранже... Поучительно для молодежи, придасть ей бодрости.

Фрейде снялъ шляпу при приближеніи погребальнаго шествія.

— Что это съ тобою?—удивился художникъ.—Повернись-ка, повернись... Несчастный, да, вѣдь, ты—двѣ капли воды Людовикъ-Филиппъ!...

Усы были сбиты, прическа съ маленькимъ кокомъ, добродушное красное лицо обрамлено баками съ просѣдью. Вся некрупная фигура поэта дышала церемонною натянутостью. Ведринъ смѣялся:

— А, понимаю... Сочинилъ себѣ фізіономію для герцоговъ, для Шантильи!... Стало быть; все еще академія на умѣ?... Ну, посмотри ты только на этотъ маскарадъ!...

При яркомъ свѣтѣ солнца, на очищенномъ полиціей просторѣ, эффектъ получался преотвратительный: позади катафалка шли члены бюро, точно на пари подобранные изъ самыхъ смѣшныхъ стариковъ Института, обезображенныхъ, къ тому же, костюмомъ, сочиненнымъ Давидомъ, фракомъ съ зеленымъ шитьемъ, французскою трехъуголкой, шпагой, болтающейся на безобразныхъ ногахъ, которыхъ Давидъ, конечно, не могъ предвидѣть. Первымъ выступалъ Газанъ въ шляпѣ, криво сидящей на неровностяхъ его черепа; зеленое шитье еще сильнѣе оттѣняло землисто-муругій жиръ чешуйчатаго лица съ безобразнымъ хоботовиднымъ носомъ. За нимъ шагала мрачный, долговязый Ланибуаръ, весь въ сине-багровыхъ пятнахъ, скосивши на сторону параличомъ сведенный ротъ и пряча свои пальмы подъ слишкомъ короткимъ пальто, изъ-подъ котораго торчалъ конецъ шпаги и мотались фалды фрака. Все это, вмѣстѣ съ трехъуголкой, придавало ему видъ похороннаго факельщика, неизмѣримо менѣе приличнаго, чѣмъ идущій впереди бюро академической сторожъ съ чернымъ жезломъ. Далѣе слѣдовали Астье-Рею, Деминьеръ и другіе. Всѣмъ неловко, стыдно: всѣ какъ бы совѣстятся и стараются своею скромною приниженностью извиниться передъ публи-

кой за уродливое и потѣшное представленіе, допустимое еще при холодномъ и, такъ сказать, историческомъ освѣщеніи подъ куполомъ, но при свѣтѣ яркаго дня, среди многолюдной улицы, вызывающее улыбки, какъ торжественная процессія престарѣлыхъ мартышекъ.

— Молодцы! Такъ бы вотъ и бросилъ имъ горсть орѣховъ, чтобы посмотреть, какъ они бѣгаютъ на четверенькахъ...

Фрейде не слышалъ, однако же, этой дерзкой выходки способнаго скомпрометировать его спутника. Онъ успѣлъ проскользнуть, пристроиться къ шествію и пробраться въ церковь между двумя рядами солдатъ съ опущенными дуломъ внизъ ружьями. Въ сущности, онъ былъ несказанно радъ тому, что Луазильонъ умеръ; никогда онъ не видалъ и не зналъ Луазильона, не могъ любить человѣка за его труды по той простой причинѣ, что никакихъ его трудовъ никогда не существовало; единственно за что онъ могъ быть благодаренъ покойнику, такъ это именно лишь за то, что онъ умеръ какъ разъ въ-время и освободилъ академическое кресло для его кандидатуры. Тѣмъ не менѣе, вся эта погребальная обстановка, давнѣе приглядѣвшаяся парижанамъ, ряды солдатъ въ полной парадной формѣ, дружное бряцаніе ружей по командѣ маленькаго, очень юнаго и безпокойнаго офицера, для котораго эти похороны были первымъ серьезнымъ дѣломъ, въ особенности же погребальная музыка съ затянутыми въ трауръ барабанами сильно подѣйствовали на Фрейде. Охваченный почтительнымъ волненіемъ, онъ, какъ всегда съ нимъ бывало при сильныхъ душевныхъ движеніяхъ, уже принялся складывать стихи и рѣзмы. Начало выходило очень хорошо, широко и образно выражались тревога и печаль, охватывающія цѣлую страну, при утратѣ одного изъ ея великихъ людей. Онъ оборвался на половинѣ стиха, чтобы пропустить запоздаващаго Данжу, провожаемаго шепотомъ и взглядами женщинъ, гордо шествующаго впередъ, высоко закинувши голову и проводя по ней рукою тѣмъ привычнымъ жестомъ, который онъ усвоилъ себѣ для того, конечно, чтобы убѣдиться, на своемъ ли мѣстѣ сго полупарикъ.

«Не узналъ меня»...—подумалъ Фрейде, сильно сконфуженный уничтожающимъ взглядомъ, которымъ академикъ смѣрялъ это ничтожество, дерзнувшее дѣлать ему знаки. — «Мои баки, вѣроятно»...—и, сбитый съ поэтическаго настроенія, кандидатъ сталъ обдумывать планъ атаки, свои визиты, содержаніе офи-

ціального письма на имя безсѣннаго секретаря. Однако, какъ же это? Вѣдь, безсѣнный - то умеръ... Будетъ ли назначенъ Астье-Рею до каникулъ? Когда состоятся выборы? Мало-по-малу онъ дошелъ до мелкихъ подробностей, до заказа мундира... Бо-му? Конечно, портному, шившему на Астье-Рею. А этотъ портной доставляетъ ли такъ же шляпу и шпагу?...

«*Pie Jesu, domine*»... пѣлъ чудесный театральныи голосъ, молилъ объ упокоеніи души Луазильона, которой, должно быть, грозили жестокия муки, судя по тому, что вся церковь взывала, во всевозможныхъ тонахъ и регистрахъ, то соло, то хоромъ: «упокой, упокой, Боже!... Ниспошли миръ душѣ его послѣ столькихъ хлопотъ и интригъ!»... И въ отвѣтъ на печальныя звуки пѣснопѣній раздавались рыданія женщинъ, раззадоренныхъ трагическимъ стономъ Маргариты Оже, превосходнымъ стономъ четвертаго акта *Мюзидоры*. Эти громкія выраженія скорби взволновали добряка кандидата, напомнили ему другія горести, другія утраты, — смерть его родителей, больную сестру, замѣнившую ему мать; ея положеніе безнадежно, она знаетъ это и говоритъ объ этомъ во всѣхъ своихъ письмахъ. Доживетъ ли бѣдняжка до дня его триумфа?... Слезы подступили къ его глазамъ; онъ принужденъ былъ утереть ихъ.

— Вотъ это уже совсѣмъ лишнее... пересолили... Никто вамъ не повѣритъ... — насмѣшливо шепталъ ему на ухо толстякъ Гаво.

Фрейде обернулся въ негодованіи, но въ это самое время молодой офицерикъ отчаянно крикнулъ: «На пле-чо!...» — ружья брякнули, органъ заигралъ «маршъ на смерть героя». Процессія двинулась къ выходу, — передомъ, какъ прежде, бюро: Газанъ, Ланибуаръ, Деминьеръ, добрѣйшій учитель поэта Астье - Рею. Теперь, подъ высокими сводами церкви, они были даже очень представительны и красивы; не рѣзалъ глазъ цвѣтъ зеленыхъ попугаевъ на ихъ мундирахъ. Парами, очень медленно, какъ бы съ сожалѣніемъ, направлялись они къ большому, ярко освѣщенному солнцемъ четырехъугольнику двери. За ними шла вся корпорація, уступая первое мѣсто старѣйшему по лѣтамъ, необычайному Жану Рею. Онъ точно еще выросъ въ своемъ длинномъ пальто, бодро, высоко держалъ маленькую головку, изрытую морщинами, какъ кокосовый орѣхъ. Презрительное и разсѣянное выраженіе лица ясно говорило, что онъ «видѣлъ это» несчетное число разъ. И на самомъ дѣлѣ, въ теченіе своего

шестидесяти - лѣтнаго полученія жетоновъ онъ, надо полагать, вдоволь наслушался подобныхъ псалмопѣній и довольно - таки разбрызгалъ святой воды на катафалки прославленныхъ покойниковъ.

Но если Жанъ Рею, всёмъ на удивленіе, оправдывалъ названіе «безсмертнаго», за то слѣдовавшіе за нимъ «праотцы» представляли собою лишь забавную и жалкую пародію на живыхъ людей. Разслабленные, согнувшіеся, они едва волочили немощныя ноги, мигали полуослѣпшими глазами, и тѣ, кого никто не вель подъ руки, плелись ощупью; ихъ имена, произносимыя въ толпѣ, напоминали о давно похороненныхъ и давно забытыхъ произведеніяхъ. Рядомъ съ этими выходцами съ того свѣта, «съ безсрочно-отпускными отца Лашеза», какъ называлъ ихъ какой-то острякъ, другіе академики казались молодцами. Они выпячивали впередъ груди, красовались передъ восторженными и жгучими взглядами женщинъ, среди тѣснящейся толпы, среди киверовъ и ранцевъ удивленныхъ солдатъ. Поклоны Фрейде двумъ или тремъ «будущимъ коллегамъ» были и на этотъ разъ встрѣчены холодными и презрительными улыбками, напоминавшими тяжелые сны, въ которыхъ васъ не узнаютъ ваши лучшіе друзья. Но поэтъ не успѣлъ даже огорчиться этимъ, такъ какъ его подхватила давка двойнаго движенія толпы, стремящейся въглубь церкви и къ выходу.

— Ну, господинъ виконтъ, теперъ извольте-ка пошевеливаться, хлопотать...

Этотъ совѣтъ, данный шепотомъ милѣйшимъ Пипералемъ, заставилъ встрепенуться кандидата. Но въ то время, какъ онъ проходилъ мимо катафалка, Данжу подставилъ ему кропильницу и тихо проговорилъ:

— Теперъ сидите смирихонько... не шевелитесь...

У него, просто, ноги подкосились: «Извольте пошевеливаться!»... «Не шевелитесь!»... Какъ тутъ быть, кому вѣрить, какому совѣту слѣдовать? Научить, конечно, учитель Астье, и Фрейде посѣвшилъ догнать его наружи. Сдѣлать это было довольно трудно въ толкотнѣ на паперти, пока распредѣлялось шествіе и ставился на колесницу гробъ, заваленный безчисленными вѣнками. Трудно вообразить себѣ что-либо болѣе оживленное, чѣмъ выходъ изъ церкви послѣ отпѣванія на просторъ улицы, залитой яркимъ свѣтомъ солнца. Поклоны, разговоры, не имѣющіе никакого отношенія къ печальной церемоніи, а на

лицахъ выраженіе удовольствія, что наконецъ-то отдѣлались отъ томительной неподвижности и погребальнаго пѣнія; обмѣнъ предположеній, уговоровъ, гдѣ встрѣтятся, показывали, что суета житейская вступаетъ опять въ свои права послѣ короткаго перерыва и отодвигаетъ бѣдныягу Луазильона далеко въ прошедшее, которому онъ и принадлежитъ отнынѣ.

— Вечеромъ въ театрѣ... не забудьте... прошлый вторникъ... — жеманится мадамъ Анселень.

Поль обращается къ Гаво:

— Вы за ними, до конца?

— Нѣтъ, я провожаю мадамъ Эвиза.

— Такъ въ шесть часовъ у Кейзера. Послѣ рѣчей-то недурно будетъ...

Траурныя кареты вытягивались длинною вереницей, въ то время, какъ другіе экипажи быстро разѣзжались въ разныя стороны. Въ окнахъ на площади и по бульвару Сенъ-Жерменъ тѣснилась публика, ряды головъ на остановленныхъ вагонахъ конки вырѣзывались темными силуэтами на голубомъ небѣ. Фрейде, ослѣпленный солнцемъ, закрываясь отъ него шляпой, смотрѣлъ на эту безконечную толпу и съ чувствомъ гордости относилъ это посмертное торжество на счетъ Академіи, такъ какъ нельзя же было въ самомъ дѣлѣ принять его за чествованіе памяти автора *Путешествія въ Андору*; но, въ то же время, поэтъ замѣчалъ съ прискорбіемъ, что «будущіе коллеги» видимо сторонятся отъ него, при его приближеніи дѣлають видъ, будто заняты чѣмъ-то, а то и просто отворачиваются, даютъ понять, что онъ лишній, — даже тѣ, которые всего два дня назадъ у Вуазена заманивали его словами: «Такъ какъ же, когда же будете нашимъ?»... Тяжелѣе всего показалась ему перемена въ Астье-Рею.

— Какое несчастье, дорогой учитель!... — обратился къ нему кандидатъ, находя умѣстнымъ выразить печаль и соболѣзнованіе, а, главное, чтобы сказать что-нибудь.

А тотъ, стоя у катафалка и не отвѣчая, перелистывалъ рѣчь, которую долженъ былъ прочесть на могилѣ. Фрейде повторилъ:

— Какое несчастье!...

— Милѣйшій Фрейде, вы неприличны... — проговорилъ учитель громко и грубо, щелкнувъ челюстью и принялся за свое чтеніе.

Неприличен!... чѣмъ?... Бѣдняга инстинктивнымъ движеніемъ обревизовалъ свои пуговицы, тревожно осмотрѣлъ себя до носковъ сапогъ и, все-таки, не понялъ значенія этого рѣзкаго слова. Что случилось? Что такое онъ сдѣлалъ?... Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ не могъ придти въ себя. Въ какомъ-то туманѣ видѣлъ онъ, какъ двинулась погребальная колесница, заваленная цѣлою пирамидой цвѣтовъ, по угламъ ея четыре зеленыхъ фрака, другіе такіе же мундиры сзади, потомъ вся корпорація, а тотчасъ за нею, но на почтительномъ разстояніи, группа людей, въ которую попалъ и онъ, самъ не зная какъ. Тутъ были молодые и старые, всѣ необыкновенно унылые, съ опущенными головами; съ одинаковою на всѣхъ лбахъ глубокою складкой idée fixe, съ однимъ и тѣмъ же взглядомъ ненависти и недовѣрія къ сосѣду. И когда, оправившись отъ своего смущенія, Фрейде оглядѣлся кругомъ, то узналъ поблекшее, полное безнадёжной тоски лицо Мозера, вѣчнаго кандидата, приличную фигуру Дальзона, автора неприличной книги, забаллотированнаго на предшествовавшихъ выборахъ, и Салея, и Герино... всѣхъ, попавшихъ на буксиръ, тѣхъ, къ которымъ академія уже не занимается больше, разъ захвативши ихъ крѣпкою удочкой. Тутъ были налицо всѣ потопленные рыбы, поконченные и еще продолжающія биться и болѣзненно смотрѣть жаднымъ взоромъ, алчнымъ, просящимъ, осужденнымъ вѣчно просить. Фрейде внутренне влялся себѣ избѣжать этой участи, а самъ шелъ за тою же приманкой, тащился на такой же удочкѣ, зацѣпившей его такъ, что уже не было возможности сорваться.

Вдали, на очищенныхъ для процессіи улицахъ, слышался глухой бой барабановъ въ перемежку съ звуками трубъ, привлекая массы любопытныхъ на тротуары и къ окнамъ; затѣмъ опять раздавался «маршъ на смерть героя». При видѣ этихъ грандіозныхъ почестей, этихъ національныхъ похоронъ, гордаго протеста униженнаго человѣка, побѣжденнаго смертью и, все-таки, торжествующаго въ самомъ пораженіи, необыкновенно отраднo было сознавать, что дѣлается все это для Луазильона, для безсмѣннаго секретаря Французской Академіи, т.-е. для полнѣйшаго ничтожества, для чего-то худшаго, чѣмъ ничтожество.

IX.

Ежедневно между четырьмя и шестью часами, немного ранѣе или позднѣе, смотря по сезону, Поль Астье пріѣзжалъ братъ

душъ въ «водолечебницѣ Кейзера», въ предмѣстьи Сентъ-Оноре. Двадцать минутъ фехтованія, бокса или боя на палкахъ, потомъ холодный душъ, плаванье въ бассейнѣ, маленькій отдыхъ, потомъ визитъ къ цвѣточницѣ въ улицѣ Цирка, чтобы пришить себѣ цвѣтокъ въ петлицу; для реакціи, прогулка пѣшкомъ до триумфальной арки de l'Etoile въ сопровожденіи Стена, ѣдущаго сзади въ кабриолетѣ какъ разъ у самаго тротуара; затѣмъ катанье подъ Акаціями, — таковы были привычки шикарной гигіены, благодаря которымъ Поль щеголялъ цвѣтомъ лица и нѣжностью женской кожи, на зависть всѣмъ женщинамъ. Кромѣ того, сеансъ у Кейзера избавлялъ его отъ чтенія газетъ. Тамъ, безъ стѣсненія и во всеуслышаніе, передавались всѣ новости клубовъ и салоновъ, палаты, биржи и суда подъ лязгъ рапиръ и стукъ палокъ, подъ громкое хлопанье по голому тѣлу, подъ стукъ катящихся креселъ для ревматиковъ и всплески воды въ бассейнѣ, отражаемые высокимъ, гулкимъ сводомъ. Покрывая собою весь этотъ шумъ, съ трибуны раздается голосъ добряга доктора Кейзера, неизмѣнно повторяющаго свой вѣчный припѣвъ: «перевернитесь».

На этотъ разъ Поль Астье съ особеннымъ удовольствіемъ «перевертывался» подъ благодѣтельными струями воды, смывавшими съ него мигрень и пылъ, и воспоминаніе объ академически-похоронномъ бормотаньи въ стилѣ Астье-Рею: «Металла звонъ отсчитывалъ его часы... оледенѣвшая рука Луазильона... опорожненъ до дна кубокъ счастья»... О, папаша! О, дорогой учитель! Сколько воды, въ видѣ дождя, струй и каскадовъ, нужно, чтобы отмыть всю грязь этого дряннаго пустословія! У входа въ бассейнъ Поль повстрѣчалъ высокаго, сильно сторбившагося господина въ каучуковой шапкѣ, закрывавшей не только голову, но и часть лица. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ кивкомъ головы поздоровался съ молодымъ человѣкомъ. Судя по его блѣдности, худобѣ и по болѣзненной походкѣ, Поль Астье принялъ его за одного изъ несчастныхъ невропатовъ, постоянныхъ паціентовъ Кейзера, появлявшихся въ гимнастическомъ залѣ лишь затѣмъ, чтобы свѣситься на вѣсахъ, и представлявшихъ собою разительный контрастъ съ дышащими здоровьемъ, силой и веселостью фехтовальщиками. Потомъ длинный, горбатый носъ, презрительная складка губъ, выражающая какое-то отвращеніе, смутно напомнили архитектору лицо, встрѣчавшееся ему въ обществѣ. Войдя въ свой кабинетикъ, онъ спросилъ у слуги:

— Раймондъ, кто это со мною раскланялся?

— Князь д'Атисъ, — сказалъ Раймондъ тѣмъ особеннымъ гордымъ тономъ, какимъ простонародье произноситъ обыкновенно громкіе титулы. — Князь съ нѣкоторыхъ поръ пріѣзжаетъ каждый день утромъ брать душъ. Сегодня опоздалъ по случаю какихъ-то похоронъ, какъ онъ сказалъ Жозефу...

Дверь кабинетива была полуотворена и въ нее видна была противоположная келейка, въ которой толстый Габо, жирный и безобразный, сидя голый, застегивалъ надъ колѣнками подвязки длинныхъ чулокъ, какіе носятъ женщины и духовные.

— Слушайте-ка, Поль... видѣли вы Самі?... Хлопочеть, силъ набирается...—и Габо насмѣшливо подмигнулъ глазомъ.

— Силъ набирается?

— Эге! Конечно. Вы, вѣдь, знаете, онъ женится черезъ двѣ недѣли... Такъ вотъ бѣдняга, чтобъ укрѣпить поясницу, храбро взялся за холодную воду и за накомы каленымъ желѣзомъ.

— А когда же посольство?

— Теперь же. Княгиня уѣхала впередъ. Они тамъ и повѣнчаются.

Поль Астье зачуялъ бѣду:

— Княгиня?... Да онъ на комъ женится?

— Изъ какихъ вы странъ пріѣхали?... Два дня уже, какъ весь Парижъ говоритъ... На Колетъ... на неутѣшной Колетъ... Рожу герцогини любопытно бы теперь посмотреть... На Луазиль-оновщинѣ она держала себя очень хорошо, только вуаля не поднимала и не сказала ни съ кѣмъ ни слова... Не легко это проглотить!... Подумайте только, не дальше, какъ вчера, мы ѣздили съ нею выбирать матерію для спальни измѣнника.

Онъ болталъ жирнымъ и злымъ голосомъ великосвѣтской салошницы, продолжая возиться съ своими подвязками. А тутъ, черезъ два номера, какъ бы въ видѣ аккомпанимента къ отвратительному разсказу, слышались звонкіе шлепки по голому тѣлу и голосъ князя, ободряющій слугу при дѣшахъ:

— Сильнѣй, Жозефъ... Еще сильнѣй... Не бойтесь...—Разбойникъ усердствовалъ, набираясь силъ.

При первыхъ же словахъ Габо Поль Астье вышелъ въ корридоръ, чтобъ лучше слышать, и почувствовалъ страстное желаніе выбить ногою дверь къ князю, броситься на него, грубо потребовать объясненія отъ негодяя, вырывавшаго у него изъ рукъ громадное состояніе. Вдругъ онъ сообразилъ, что стоитъ совсѣмъ

голый, что всякія объясненія были бы несвоевременны, и вернулся одѣваться, немного успокоиться. Прежде всего, необходимо было переговорить съ матерью, узнать отъ нея доподлинно, въ какомъ положеніи находится дѣло.

Вслѣдствіе такого исключительнаго случая, въ его петличкѣ на этотъ разъ не было цвѣтка, и отъ бездѣлья катающіяся женщины напрасно искали глазами красиваго молодаго человѣка въ его обычной аллеѣ подъ Акаціями. Онъ быстро помчался въ улицу Бонъ. Корентина встрѣтила его съ засученными рукавами, въ грязномъ фартукѣ; она воспользовалась отсутствіемъ хозяйки и занялась большою стиркой.

— Не знаете ли, гдѣ обѣдаетъ мать?

Нѣтъ. Мадамъ ничего не сказала; а мѣсьѣ Астье наверху, роется въ своихъ бумагахъ. Маленькая лѣсенка архива заскрипѣла подъ тяжелыми шагами Леонара.

— Это ты, Поль?

Въ полумрагѣ корридора, и, къ тому же, самъ сильно взволнованный, молодой человѣкъ не замѣтилъ необыкновеннаго выраженія лица своего родителя, ни страннаго, потеряннаго тона, которымъ онъ отвѣчалъ на его вопросы:

— Какъ поживаете, учитель?... М'шан нѣтъ дома?...

— Нѣтъ... обѣдаетъ у мадамъ Анселенъ; съ нею будетъ въ театрѣ... Я за нею туда заѣду.

Больше отцу не о чемъ было говорить съ сыномъ: чужіе они другъ другу, и не только чужіе, но люди двухъ враждебныхъ расъ. Впрочемъ, Поль Астье, изнывавшій отъ нетерпѣнія, хотѣлъ было спросить, не знаетъ ли чего Леонаръ про замужство нягини, но тотчасъ же рѣшилъ: «Нѣтъ, онъ слишкомъ глупъ, и м'шан, навѣрное, ничего ему не говорила». Отца тоже мучилъ вопросъ, который онъ хотѣлъ сдѣлать молодому человѣку:

— Послушай, Поль,—позвалъ онъ, запинаясь, сына.—Представь себѣ, у меня пропали... Я вотъ ищу, ищу...

— Чего ищешь?...

Астье-Рею поколебался съ секунду, зорко всматриваясь въ хорошенькое личико сына, выраженіе котораго никогда не внушало ему довѣрія, потомъ проговорилъ сердитымъ и мрачнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, такъ... ничего... можешь уходить...

Полю Астье ничего больше не оставалось, какъ встрѣтиться съ матерью въ театрѣ, въ ложѣ мадамъ Анселенъ. Приходилось

какъ-нибудь убить два-три часа времени, остававшагося до спектакля. Поль отправилъ домой экипажъ, приказалъ Стену придти переодѣть себя въ клубъ и тихо пошелъ по улицамъ, тонущимъ въ вѣжныхъ сумеркахъ. Чудесное время для неопредѣленныхъ мечтаній и для дѣловыхъ думъ. Экипажи рѣдѣютъ; мелькаютъ спѣшнѣе куда-то тѣни; можно безъ помѣхи отдаться своимъ мыслямъ. И молодой честолюбецъ раздумывалъ спокойно и обстоятельно. Къ нему вернулось полное самообладаніе. Онъ раздумывалъ, какъ Наполеонъ въ послѣдніе часы сраженія при Ватерлоо: въ теченіе дѣлаго дня побѣда была на его сторонѣ, и вдругъ—совершенное пораженіе. Почему? Какая сдѣлана ошибка? Онъ возстановлялъ въ памяти всѣ подробности проигранной партіи, искалъ и не понималъ, въ чемъ причина неудачи. Быть можетъ, онъ поступилъ неосторожно тѣмъ, что не видалъ ее два дня. Но, вѣдь, самыя элементарныя правила тактики требовали, послѣ эпизода на кладбищѣ, оставить женщину одну переварить свой маленькій грѣшокъ. Могъ ли кто предвидѣть такое поспѣшное бѣгство? Вдругъ у него явилась надежда, что княгиня,—эта птичка, мѣняющая рѣшенія такъ же легко, какъ жердочки, на которыхъ сидѣла,—еще не уѣхала, что онъ застанетъ ее за приготовленіями, въ отчаяньи незнающею, что дѣлать, обращающеюся къ портрету Герберта съ словами: «Посовѣтуй мнѣ»... Поль сообразилъ, что однимъ объятіемъ можетъ опять захватить ее въ свои руки.

Теперь онъ понималъ и ясно видѣлъ всѣ перепетія романа, пережитыя ею маленькою головкой.

Онъ поѣхалъ въ улицу Курсель. Пусто. Ему сказали, что княгиня уѣхала въ это самое утро. Совсѣмъ обезкураженнымъ вернулся онъ домой, чтобы не быть вынужденнымъ разговаривать въ клубѣ, отвѣчать на вопросы. Видъ его большого барака въ средне-вѣковомъ стилѣ, напоминающемъ Башню Голода, ряды оконъ, облѣпленныхъ ярлыками, заставили болѣзненно сжаться его сердце передъ массою неоплаченныхъ счетовъ. При входѣ въ потемкахъ ошущью его охватила атмосфера жаренаго лука, наполнявшая весь отель въ тѣ дни, когда хозяйнѣ обѣдалъ въ клубѣ, а его надутый слуга стряпалъ себѣ духовую говядину. Въ мастерской было еще не совсѣмъ темно. Поль бросился на диванъ и, все еще раздумывая надъ тѣмъ, по чьей милости преслѣдуютъ его неудачи и уничтожаютъ всѣ его осторожныя и ловкіе расчеты, уснулъ на два часа. Проснулся онъ

совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Подобно тому, какъ сномъ изощряется память, во время короткаго отдыха не переставали работать ни воля, ни способность къ интригамъ молодаго человѣка. Въ его головѣ созрѣлъ новый планъ, возникла холодная и твердая рѣшимость, неизмѣримо болѣе рѣдкая у молодыхъ французъ, чѣмъ боевая храбрость съ оружіемъ въ рукахъ.

Быстро одѣвшись, подгрѣпившись двумя яйцами и чашкой чаю, съ легкимъ ощущеніемъ жара отъ щипцовъ въ бородѣ и усахъ, вошелъ онъ въ театръ и направился къ ложѣ мадамъ Анселенъ. Самый зоркій наблюдатель не подсмотрѣлъ бы ни малѣйшей тревоги въ этомъ безукоризненномъ свѣтскомъ щеголѣ, не заподозрилъ бы того, что заключаетъ въ себѣ эта модно-салонная фигурка подъ чернымъ и бѣлымъ лакомъ.

Для культа французской литературы у мадамъ Анселенъ было два храма: Французская Академія и театръ Французской Комедіи. А такъ какъ первый бывалъ открытъ для поклоненія вѣрныхъ болѣе или менѣе случайно, то она и усердствовала во второмъ, аккуратно посѣщала его службы, не пропускала ни одного перваго представленія, каково бы оно ни было, большое или малое, и ни одного абонементнаго вторника. Книги она читала только одобренныя Академіей и съ благоговѣніемъ слушала только артистовъ Комедіи, передъ ними одними приходила къ умиленію и въ неистовые восторги, охватывавшіе ее при самомъ входѣ, передъ двумя священными изображеніями изъ бѣлаго мрамора, созданными воображеніемъ добрейшей женщины въ предверіи «Мольерова дома», передъ статуями Рашели и Тальмы.

— Что за обстановка!... Что за прислуга!... Что за театр!...

Порывистые взмахи коротенькихъ ручекъ и возгласы запыхавшейся толстухи наполняли весь корридоръ экспансивнымъ, шумнымъ восхищеніемъ; во всѣхъ ложахъ слышалось: «Мадамъ Анселенъ пріѣхала!» Въ особенности по вторникамъ равнодушіе великосвѣтской публики представляло собою полнѣйшій контрастъ съ тѣмъ, что дѣлалось у авансены, гдѣ трещала и всхлипывала толстая «пижонка», повторяя: «О, Коленъ!... О, Делоне!... Какая прелесть!... Что за театр!»... Ни о чемъ другомъ не позволялось говорить; во время антрактовъ она встрѣчала посѣтителей возгласами удивленія передъ геніальностью автора-академика, передъ необычайною прелестью актрисы-пайщицы.

Занавѣсъ былъ поднять, когда вошелъ Поль Астье. Зная

все обряды культа, строжайшій запретъ говорить, кланяться, передвигать кресло, онъ тихо присѣлъ въ маленькой аванложѣ, отдѣленной одною ступенькой отъ ложи, гдѣ мадамъ Анселень утопала въ блаженствѣ между Аделаидою Астье и госпожею Эви-за; Данжу и Фрейде сидѣли позади, какъ невольники, не смѣя шевельнуться. На совершенно своеобразный стукъ, производимый затворяющеюся дверью ложи, и на послѣдовавшій за тѣмъ ожесточенный: «Тшши!»... на дерзкаго, осмѣливагося нарушить благоговѣйную тишину, мать обернулась и вздрогнула, увидавши своего Поля. Что случилось? Какое слѣшное и важное дѣло заставило его придти сюда, въ этотъ садокъ скуки? На скуку онъ никогда не шелъ иначе, какъ съ цѣлью. Сомнѣнья нѣтъ—опять нужны деньги, эти ужасныя деньги. Къ счастью, онъ скоро будутъ, женитьба Самі обогатитъ ихъ. Несмотря на все желаніе пойти къ нему, успокоить его, сообщить радостную новость, которой онъ, можетъ быть, еще не знаетъ, мать принуждена была оставаться на мѣстѣ, смотрѣть на сцену, вторить хозяйкѣ: «О, Коленъ!... О, Делоне!... Ахъ!... О!»... Жестокою казнью была для мадамъ Астье эта задержка, для Поля—тоже. Онъ ничего не видѣлъ, кромѣ ярко освѣщенной рамы и отраженья въ зеркалѣ части залы, креселъ, ложъ и партѣра, рядовъ лицъ, нарядовъ, шляпъ, какъ бы тонувшихъ въ голубоватомъ туманѣ, имѣющихъ неясный и призрачный видъ предметовъ, покрытыхъ водой. Въ антрактѣ—новое мученье выслушивать похвалы.

— Каково платье на Рейхенбергъ! Видѣли месье Поль?... А фартукъ изъ розоваго муара?... Ленты-то, ленты каковы!... Замѣтили?... Нѣтъ, надо правду сказать, только здѣсь и умѣютъ одѣться.

Явились посѣтители. Мать могла, наконецъ, сойтись съ сыномъ, усадить его съ собою на диванъ между боа и накидками.

— Отвѣчай скорѣй, коротко и прямо,—заговорилъ Поль тихо, близко нагибаясь къ лицу матери.—Самі женится?

— Да, герцогиня узнала объ этомъ вчера... но, все-таки, пріѣхала въ театръ... Страшно горды эти корсиканки!

— А имя богатой иностранки... Теперь ты можешь сказать его?

— Да Колета же! Точно ты не подозревалъ.

— И не воображалъ... И сколько ты получишь за это?

— Двѣсти тысячь франковъ!—прошептала она, вся сіяя отъ торжества.

— А мнѣ эти твои интриги стоятъ двадцать милліоновъ!...
Двадцать милліоновъ и женитьбы...

И, бѣшено стиснувши ея руку, онъ бросилъ ей въ лицо:

— Побирушна!

Она такъ и замерла на мѣстѣ. Такъ это онъ, онъ былъ причиной того сопротивленія, которое встрѣчала она въ иные дни; такъ это о немъ всхлипывала та дурица: «если бы вы знали»...—рыдая въ ея объятіяхъ? И вотъ, послѣ всѣхъ подкоповъ, которые каждый изъ нихъ велъ къ кладу съ своей стороны такъ хитро, терпѣливо и таинственно, при послѣднемъ ударѣ лопаты, они очутились лицомъ къ лицу и съ пустыми руками. Они молчали и смотрѣли другъ на друга злобно сверкавшими въ тѣни глазами въ то время, какъ посѣтители входили, уходили, разговаривали. И такова сила дисциплины, свѣтской выдержки, что она могла подавить въ этихъ обоихъ существахъ охватившіе ихъ порывы, потребность кричать, топтать ногами, вопить и избивать. Мадамъ Астье первая подумала вслухъ:

— Если бы княгиня еще не уѣхала.

И по ея губамъ пробѣгала судорога бѣшенства: сама же она посовѣтовала скорѣе уѣхать.

— Заставимъ вернуться,—сказалъ Поль.

— Какъ?

Не отвѣчая, онъ спросилъ:

— Самій въ театрѣ?

— О, не думаю... Куда ты? Что ты хочешь дѣлать?

— Молчи ты!... Не смѣй никогда мѣшаться въ мои дѣла,—тебѣ рѣшительно не везеть.

Онъ вышелъ съ толпою посѣтителей, удалявшихся въ концѣ антракта; а мать опять заняла свое мѣсто рядомъ съ мадамъ Анселень, попрежнему, восторженной, обожающей и умиляющейся.

— О, Бокленъ... сколько остроумія!... Смотрите, смотрите, та chère.

Ея «та chère» было не до того: съ растеряннымъ взглядомъ, съ болѣзненной улыбкой обвистанной танцовщицы, она поминутно отворачивала голову отъ сцены подъ предлогомъ, что ее ослабляетъ рампа, въ дѣйствительности же, чтобы искать глазами сына. Можетъ произойти дуэль съ княземъ, если онъ тутъ... И по ея винѣ, по милости ея бессмысленной недогадливости...

— Ахъ, Делоне!... Видѣли вы... видѣли?

Ничего она не видала, кромѣ ложи герцогини, куда вошелъ кто-то, изящный и молодой,—какъ будто ея Поль. Нѣтъ, это маленькій графъ Адриани, знающій о разрывѣ, какъ весь Парижъ, и уже пускающійся въ ухаживание. И до конца спектакля мать терзалась всякими тревогами, придумывала разные проекты, которые перепутывались въ ея головѣ съ воспоминаніями о прошедшемъ, о сценахъ, которыя могли заставить ее догадаться.

«Ахъ, дура, дура!»... Какъ она проглядѣла?...

Наконецъ-то выходятъ, но до чего медленно, съ остановками на каждомъ шагу, съ поклонами, улыбками и разговорами... «Какъ проводите лѣто? Пріѣзжайте къ намъ въ Давиль»... Въ узкомъ корридорѣ тѣснится толпа; женщины заканчиваютъ свое укутыванье и красивымъ жестомъ оправляютъ серги-пугови; публика неторопливо сходитъ по широкимъ мраморнымъ лѣстницамъ. Продолжая разговаривать, мадамъ Астье зорко всматривается, прислушивается, старается уловить въ шумѣ громаднаго свѣтскаго роя, разлетающагося на нѣсколько мѣсяцевъ, какое-нибудь слово или намекъ на сцену въ корридорѣ. Какъ разъ тутъ же сходитъ гордая и величественная герцогиня въ длинномъ бѣломъ плащѣ, расшитомъ золотомъ, подъ руку съ юнымъ папскимъ гвардейцемъ. Она знаетъ, какую подлую штуку сыграла съ нею пріятельница, и обѣ женщины обмѣниваются холодными взглядами, лишенными всякаго выраженія, но болѣе страшными, чѣмъ самая отчаянная ругань прачекъ на рѣчномъ плоту. Обѣ отлично понимаютъ, чего имъ ждать теперь другъ отъ друга,—не сомнѣваются въ томъ, что каждый обоюдный ударъ будетъ мѣтко направленъ искусною рукой въ самое чувствительное мѣсто и что въ этой войнѣ отравленнымъ оружіемъ, послѣ ихъ задушевной дружбы, не будетъ никакой пощады. Но онѣ—рабы условій свѣта, налагающихъ на нихъ одинаковыя маски холоднаго спокойствія, и обоюдная ихъ ненависть, ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не проявится ни самадѣйшею вспышкой.

Внизу, въ толпѣ ливрейныхъ слугъ и молодыхъ клубъ-мэновъ, Леонаръ Астье поджидалъ жену, чтобы отвезти домой, какъ обѣщала.

— А, вотъ и учитель!—воскликнула мадамъ Анселень и на прощанье опять посыпала славословіемъ учителю Астье-Рюю,

Данжу и Боклену, и Делоне... Опять раздались «ахи» и «охи»... Леонаръ ничего не отвѣчалъ и велъ подь руку жену, сердито поднявши воротникъ по случаю сильнаго сквозняка.

Шелъ дождь. Мадамъ Анселенъ предложила довести ихъ до дому, но не особенно настоятельно, какъ дѣлаютъ люди, имѣющіе собственный экипажъ и не желающіе утомлять своихъ лошадей, въ особенности же боящіеся прогнѣвить своего кучера,—разумѣется, лучшаго во всемъ Парижѣ. Къ тому же, у Астье былъ фіакръ. Учитель рѣзко прервалъ любезности толстой барыни, трещавшей: «да, да, я уже васъ знаю... чтобы скорѣе остаться вдвоемъ... Счастливое, счастливое супружество!...»—и потащилъ жену по галлереймъ, забрызганнымъ дождемъ.

Послѣ вечера или бала, при видѣ свѣтскихъ супруговъ, уѣзжающихъ въ каретѣ, всегда возникаетъ вопросъ: о чемъ-то они будутъ говорить теперь? По большей части очень не о многомъ. Мужъ обыкновенно уѣзжаетъ измученный скукой и усталостью, тогда какъ жена и въ темнотѣ экипажа продолжаетъ еще про себя сравнивать свой туалетъ и свою красоту съ тѣмъ, что она видѣла, припоминаетъ обстановку дома или подробности нарядовъ. И, все-таки, дѣланныя для свѣта лица до того безстыдно фальшивы, свѣтское притворство такъ огромно, что было бы любопытно посмотреть на супруговъ тотчасъ же, какъ только сброшена натянутость официальныхъ гримасъ, интересно уловить правдивые тоны и характеры, истинныя отношенія между супругами, вдругъ освободившимися отъ стѣсненій и условности,—посмотрѣть, послушать ихъ съ глазу на глазъ въ каретѣ, мчащейся по нутымъ улицамъ Парижа между рядами фонарей.

Что касается супруговъ Астье, то подобныя возвращенія были очень характерны. Едва оставшись наединѣ съ мужемъ, жена тотчасъ же бросала полный уваженія и нѣжной заботливости тонъ, съ которымъ относилась къ «учителю» въ обществѣ, начинала говорить рѣзко, вымѣщала ему всѣ исторіи, которыя принуждена была выслушивать сотни разъ и которыя нагоняли на нее одуряющую скуку. Онъ же, по природѣ чловѣкъ благодушный, неизмѣнно довольный собою и другими, возвращался всегда въ наилучшемъ расположеніи духа и всякій разъ бывалъ сильно озадаченъ тѣми ужасами, которыя жена плела про хозяевъ дома—своихъ друзей, про всѣхъ, кого они видѣли, преспокойно взводя на нихъ омерзительныя обвиненія съ тою легкостью и съ тѣмъ бессознательнымъ преувеличеніемъ въ выра-

женіяхъ, которыя составляютъ главную отличительную черту взаимныхъ отношеній въ парижскомъ обществѣ. Тогда, чтобы не раздражаться еще больше, мужъ молчалъ, уходилъ въ свою спину, втихомолку подремливалъ въ своемъ уголкѣ. Ну, а на этотъ разъ Леонаръ Астье оцетинился, не обратилъ никакого вниманія на окрикъ жены: «Нельзя ли поосторожнѣе, вы мнѣ платье...»—окрикъ, сдѣланный визгливымъ голосомъ женщины, которой портятъ ея туалетъ. Наплевать Леонару на ея платье!

— Меня обокрали, сударыня!—сказалъ онъ такимъ голосомъ, что стекла зазвенѣли.

Ахъ, Боже мой... автографы!... Она совсѣмъ забыла о нихъ и въ особенности въ эту минуту, когда ее мучили инныя, неизмѣримо болѣе серьезныя тревоги; а потому въ ея удивленіи не сказалось ни малѣйшаго притворства.

Обокрали!—да, унесли письма Карла V, три драгоцѣннѣйшихъ документа его коллекціи... Но его голосъ уже значительно понизился въ той же мѣрѣ, въ какой убавились его подозрѣнія передъ удивленіемъ Аделаиды. Она тѣмъ временемъ успѣла оправиться.

— На кого же вы думаете?...—Борентину она считала вѣрною женщиной... вотъ развѣ Тейседръ... но какъ предположить, чтобы такое неотесанное животное...

— Тейседръ!—старикъ такъ и завопилъ, настолько дѣло показалось ему очевиднымъ. Ненависть къ полотеру помогла объяснить кражу какъ нельзя лучше. Астье могъ прослѣдить вора съ того момента, когда за столомъ шла рѣчь о цѣнности рукописей; Борентина слышала, въ простотѣ сердца передала полотеру... Ахъ, негодай! И всегда-то онъ смотрѣлъ отчаяннымъ злодѣемъ. До чего глупо было не слушаться предостереженій инстинкта. Безъ этого неестественна была бы антипатія, ненависть, которыя внушалъ полотеръ ему, Леонару Астье, члену Института! Теперь уже не вывернется эта подлая рожа, живо упрячуть на галеры.

— Мои Карлы Пятые!... Вотъ задамъ же я!...—Тотчасъ же, не заѣзжая домой, онъ рѣшилъ отправиться съ жалобой къ полицейскому комиссару.

— Вы съ ума сошли,—пыталась отговорить его жена.—Въ полночь ѣхать къ комиссару...—Онъ ничего не хотѣлъ слушать, подъ дождемъ высовывался изъ фіакра и отдавалъ приказанія вучеру. Мадамъ Астье принуждена была силой усадить его на

мѣсто. Усталая, измученная, не смѣя дольше поддерживать ложь, вывертываться и запутывать дѣло, она выговорила все сразу:

— Не Тейседръ это, а я... вотъ что!...—и, не переводя духъ, она рассказала про поѣздку къ Босу, про деньги, двадцать тысячъ франковъ, которые необходимо было достать во что бы ни стало.

Послѣдовавшее за тѣмъ молчаніе было такъ продолжительно, что она подумала, не сдѣлалось ли дурно съ мужемъ, не хватилъ ли его ударъ. Нѣтъ,—но, какъ упавшій или сильно ударившійся обо что-нибудь ребенокъ, несчастный «крокодилъ» безмѣрно широко раскрылъ ротъ и, чтобы выпалить всю свою злобу, вдохнулъ такое количество воздуха, что не могъ проговорить ни слова. Наконецъ, раздался неистовый ревъ на всю площадь Каруселя, черезъ которую ѣхалъ ихъ фіакръ по дождевымъ лужамъ.

— Обокрали! Ограбили!... Жена ограбила для своего сына...—Въ припадкѣ бѣшенства у него вырывались мужичьи ругательства его родныхъ горь:—Ахъ, такая-то... ахъ, сякая...—цѣлый репертуаръ дикихъ словъ.—Пропалъ я!... Погибъ!...—тремѣли вопли Гарпагона о шкатулкѣ и другія избранныя мѣста въ томъ же родѣ, столько разъ читанныя имъ ученикамъ.

На большой площади было свѣтло, какъ днемъ, отъ электрическихъ фонарей; разѣѣжающіеся изъ театровъ экипажи снова-ли по ней во всѣхъ направленіяхъ.

— Да замолчите вы, наконецъ,—сказала мадамъ Астье,—вась, вѣдь, всѣ знаютъ.

— Кромѣ вась, сударыня!

Она ждала уже, что вотъ-вотъ онъ избьетъ ее, и въ томъ состояніи нервнаго напряженія, въ какомъ она находилась, она была бы, пожалуй, рада этому. Но онъ вдругъ сразу притихъ, струсивши передъ скандаломъ, и только клялся прахомъ своей матери, что тотчасъ же, по приѣздѣ домой, уложить свой чемоданъ и отправится во-свои, въ Сованья, а ей предоставить, вмѣстѣ съ ея негодяемъ, съ ея замотыгой, наслаждаться плодами ихъ грабежа.

Еще разъ огромная старая коробья съ толстыми гвоздями пропутешествовала изъ прихожей въ кабинетъ. Отъ зимы въ ней еще оставалось нѣсколько полѣнъ, но это не остановило безсмертнаго; въ теченіе цѣлаго часа по дому раздавались грохотъ расшвыриваемыхъ дровъ, хлопанье шкафовъ, изъ которыхъ

академикъ выбрасывалъ грязное бѣлье, платье, ботинки, свой зеленый мундиръ и парадный шитый жилетъ, аккуратно завернутые въ салфетку. Его гнѣвъ напелъ для себя нѣкоторый исходъ въ этой вознѣ и спадалъ по мѣрѣ того, какъ наполнялся чемоданъ. Отъ всей бури вскорѣ остались лишь небольшая зыбь и глухіе раскаты, настолько незначительные, что мадамъ Астье, сидя на ручкѣ кресла, въ ночномъ дезабилье съ кружевомъ на головѣ, смотрѣла на эти сборы, апатично позѣвывала и насмѣшливо повторяла:

— Ну, перестань... Леонаръ... Леонаръ!...

X.

— Для меня люди, какъ всякія вещи, имѣютъ одинъ смыслъ — ту сторону, за которую ихъ слѣдуетъ брать, если хочешь вертѣть ими, какъ тебѣ вздумается, держать ихъ крѣпко... Эту сторону я знаю, и въ томъ моя сила!... Бучеръ, къ Черной Головѣ!...

По этому приказанію Поля Астье, открытое ландо, въ которомъ ѣхали Фрейде, Ведринъ и молодой архитекторъ въ черныхъ, похоронныхъ цилиндрахъ, остановилось вправо отъ моста Сень-Блу передъ рестораномъ Черная Голова. При каждомъ толчкѣ тяжелаго экипажа можно было видѣть, какъ въ его открытомъ задкѣ подпрыгиваетъ длинный, хорошо знакомый парижанамъ чехоль изъ зеленой саржи. Для дуэли съ д'Атисомъ Поль выбралъ въ секунданты де Фрейде, какъ человѣка титулованнаго, и графа Адриани. Но въ нунціатурѣ такъ встревожились этимъ новымъ скандаломъ послѣ приключенія съ кардинальскою шляпой, что пришлось замѣнить юнаго Пепино скульпторомъ въ надеждѣ, что онъ согласится въ послѣднюю минуту признать себя маркизомъ для газетныхъ отчетовъ.

Повидимому, не предстояло, впрочемъ, ничего особенно серьезнаго, — простое недоразумѣніе въ клубѣ за карточнымъ столомъ, къ которому князь присѣлъ въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа. Тѣмъ не менѣе, для князя неудобно было замять дѣло и покончить ничѣмъ съ такимъ молодцомъ, какъ Поль Астье, пользовавшійся очень громкою репутаціей въ фехтовальныхъ залахъ и въ тирѣ улицы Антенъ, гдѣ его картоны красовались въ витринахъ.

Барета стояла у подъѣзда ресторана, на виду у смышленныхъ и молчаливыхъ слугъ, когда изъ переулка вышелъ невы-

совій, толстый господинъ, въ бѣлыхъ гетрахъ, въ бѣломъ галстукѣ, въ шелковой шляпѣ, съ игривыми манерами врача минеральныхъ водъ, и уже издали началъ дѣлать знаки своимъ вонтомъ.

— Это Гомесь,—сказалъ Поль.

Докторъ Гомесь, служившій когда-то ординаторомъ въ парижскихъ госпиталяхъ, игрокъ и жуиръ, «дядя» всѣхъ легкихъ дѣвицъ, кондотьеръ низкаго разряда, не злой, но готовый на все, сдѣлалъ себѣ специальность изъ практики этого рода, цѣна—два полуимперіала и завтракъ. Въ данную минуту онъ жилъ на дачѣ у Блокло, въ Вилль-д'Авре, и пришелъ къ назначенному мѣсту, запыхавшись, таща свой мѣшокъ съ инструментами, съ аптечкой, съ бинтами и лубками, со всякимъ припасомъ, котораго хватило бы на цѣлый перевязочный пунктъ.

— Царапина или рана?—сказалъ онъ, усаживаясь въ экипажъ противъ Поля.

— Царапина... булавочный уколъ, докторъ... Институтъ ссорится... Французская Академія противъ Наукъ нравственныхъ и политическихъ.

Гомесь улыбнулся и опустил мѣшокъ въ ноги.

— Не зналъ... забралъ съ собою на крупную игру!

— Надо ее разложить. Это произведетъ впечатлѣніе на не-пріятеля,—спокойно проговорилъ Ведринъ.

Докторъ какъ-то странно подмигнувъ, смущенный присутствіемъ этихъ двухъ секундантовъ, совершенно неизвѣстныхъ на бульварахъ. Поль Астье, третировавшій его, какъ слугу, не считалъ нужнымъ ихъ представить.

Въ ту минуту, когда ландо двинулось съ мѣста, въ первомъ этажѣ открылось окно «отдѣльнаго кабинета», въ немъ показалась парочка любопытныхъ: высокая, стройная дѣвушка съ голубыми глазами, въ корсетъ, заткнутая за который салфетка не скрывала ни голыхъ рукъ, ни обнаженныхъ низко плечъ; рядомъ съ дѣвушкой—бородатый авортонъ, карликъ ярмарочнаго балагана. Густо напوماженная голова уродца едва выставялась изъ-за подоконника; несоразмѣрно длинная рука обвивалась вокругъ талии высунувшейся изъ окна Маріи Донваль, ingenue театра Гимназіи. Докторъ узналъ ее и громко назвалъ по имени.

— Съ кѣмъ это она?

Всѣ оглянулись. Но актриса исчезла; изъ-за окна, точно отрѣзанная, торчала одна длинная голова горбуна.

— Эге! Это дядя Фажъ...

Ведринъ привѣтливо махалъ ему рукой и потѣшался надъ негодованіемъ Фрейде:

— Говорилъ я тебѣ!..., Самыя красивыя женщины Парижа...

— Какой ужасъ!

— А васъ это удивляетъ, мѣсье де Фрейде?—и Поль Астье началъ жестоко раздѣлывать женщинъ.—Что онѣ такое? Испорченныя дѣти, дрянныя, негодныя... какъ дѣти, всегда готовы своровать, солгать, сдѣлать всякую гадость и подлость... жадныя на лакомство, хвастливыя, любопытныя и болтливыя! А болтовня ихъ бессмысленна, ни одной своей мысли въ головѣ; споръ ихъ—прыганье по какимъ-то ямамъ, какіе-то выверты, хожденіе въ потемкахъ по обледѣвшему, скользкому тротуару... Да развѣ можно о чемъ бы то не было разговаривать съ женщиной?! Нѣтъ въ ней ничего, ни доброты, ни жалости, ни пониманія вещей, ни даже какого-либо чувства. Мужа она обманываетъ для любовника, котораго тоже не любитъ, имѣть ребенка боится больше всего на свѣтѣ... Вотъ такова-то нынѣшняя женщина... Изъ-за модной шляпки, изъ-за новаго платья отъ Шприхта, готова идти воровать, такъ какъ на самомъ дѣлѣ она только одно и любитъ—нарядиться!... А чтобы узнать, до какой степени онѣ обожаютъ свои тряпки, надо съ ними поѣздить къ знаменитому ихъ портному, какъ онъ ѣздилъ съ свѣтскими барынями, съ самыми модными и расфранченными! Съ «премьерками» *) дружба, приглашаютъ ихъ на завтраки въ свои замки, передъ старымъ Шприхтомъ чуть не падаютъ ницъ, какъ передъ его святѣйшествомъ папой... Маркиза Рока-Нера возить къ нему дочерей-дѣвочекъ, готова подводить ихъ къ нему подъ благословеніе...

— Это вѣрно... — поддакивалъ докторъ, наклоня голову привычнымъ движеніемъ наемника, постоянно соглашающагося и одобряющаго.

Наступила минута неловкаго молчанія и удивленія; разговоръ вдругъ оборвался послѣ рѣзкой и необъяснимой выходки молодого человѣка, очень холоднаго, обыкновенно, и очень сдержаннаго.

Солнце сильно пекло, отраженное каменными стѣнами домовъ, окаймляющихъ крутой подъемъ, на который лошади съ трудомъ тащили экипажъ.

*) *Premières*—главныя приваціи въ модныя магазавы. „Премьерки“ отдѣлываютъ шляпы, изготовляютъ модели (парижское аргю). Примѣч. переводчика.

— По части милосердія женщинъ и ихъ сердечности, я былъ свидѣтелемъ вотъ чего,—заговорилъ Ведринъ, откинувши голову къ спинкѣ экипажа и полузакрывши глаза.—Не у знаменитаго дамскаго портнаго, — нѣтъ, а въ Отель-Дьё, въ отдѣленіи Бушера... Въ маленькой комнатѣ стоитъ желѣзная кровать, одѣяла сброшены, постель въ беспорядкѣ, на ней голый, въ страшныхъ судорогахъ, съ пѣною у рта, корчится и воетъ на весь корридоръ бѣшенный человекъ въ послѣднихъ припадкахъ... У изголовья двѣ молодыя женщины... стоятъ по обѣ стороны... монахиня и маленькая студентка курса Бушера... Наклонившись къ несчастному, къ которому никто не смѣетъ близко подойти, онѣ безъ отвращенія и безъ страха отираютъ ему лобъ и губы, его предсмертный потъ, душашую его пѣну... Монахиня все время читала молитвы; студентка не молчалась. Но въ одинаковомъ выраженіи ихъ глазъ, въ нѣжности, съ какою ихъ маленькія руки касались страдальца, въ безстрашіи, съ какимъ онѣ дотрогивались до рта, до самыхъ зубовъ умирающаго, въ ихъ самоотверженномъ и чисто-материнскомъ героиствѣ, не знавшемъ усталости, одинаково въ обѣихъ видна была... женщина!... На колѣни хотѣлось бы стать передъ ними, до земли имъ поклониться и зарыдать.

— Благодарю, Ведринъ,—тихо проговорилъ Фрейде. Онъ былъ сильно взволнованъ, вспоминалъ своего друга - сестру.

— О, это вѣрно...—кивалъ головой докторъ.

Его прервалъ нервный, сухой голосъ Поля Астье:

— Ну, да, больничныя... статья особая... Сами онѣ больныя. Первое наслажденіе для нихъ ухаживать, перевязывать, вытирать, грѣть простыни... Онѣ обожаютъ это... изъ-за того, чтобы господствовать надъ страдающими, ослабленными больнью...

Въ его голосѣ слышались свистящіе звуки, доходившіе до визгливыхъ нотъ его матери; въ холодныхъ глазахъ пробѣгали злые огоньки, такъ что его спутники невольно задавали себѣ вопросъ: «Что съ нимъ такое?...» А докторъ про себя разсуждалъ: «Хороша, должно быть, выйдетъ царапина! По всему замѣтно, что Институтъ поссорился... Не желалъ бы я быть на мѣстѣ князя...»

Споръ продолжался подъ мѣрный стукъ колесъ,—вѣчный и нескончаемый споръ между мужчинами о женщинахъ и о любви.

— Вниманіе, господа...—сказалъ докторъ, увидавшій съ сво-

его мѣста на передней лавочкѣ два быстро катившіеся въ гору экипажа. Въ ѣхавшей впереди открытой коляскѣ сидѣли секунданты князя. Гомесъ то привставалъ, то садился и тихо, съ подобострастнымъ выраженіемъ, называлъ ихъ по именамъ:

— Маркизъ д'Урбенъ... генералъ де Бонейль... изъ Жюкей-клуба... прешикарный!... и мой коллега Обуи.

Тоже, въ своемъ родѣ, голодный и прозорливый этотъ докторъ Обуи, только съ орденомъ въ петличкѣ: въ то время это стоило сто франковъ. За коляской слѣдовала собственная карета, въ которой, съ своимъ неизмѣннымъ Гаво, прятался князь д'Атисъ, очень недовольный всею этою исторіей. Минуть пять три экипажа ѣхали одинъ за другимъ, точно свадебный или похоронный поѣздъ; слышны были лишь стукъ колесъ и фырканье лошадей, потряхивавшихъ удилами.

— Обѣзжай!—прогнусилъ повелительный голосъ.

— И прекрасно, — сказалъ Поль, — пусть ѣдутъ нашими квартирьерами...

Колеса экипажей близко проскользнули другъ подлѣ друга на узкой дорогѣ; секунданты обмѣнялись поклонами, врачи—улыбками, какъ подобаетъ «своимъ людямъ». Въ каретѣ, сквозь поднятое, несмотря на жару, стекло, видѣнъ былъ мрачный, неподвижный и мертвенно-блѣдный профиль князя.

«Едва ли блѣднѣе будетъ черезъ часъ, когда повезутъ его назадъ съ протннутымъ бокомъ»,—подумалъ Поль.

Мысленно онъ уже отлично все рассчиталъ: притворная «секунда» и валяй прямо между третьимъ и четвертымъ ребромъ.

На горѣ воздухъ посвѣжѣлъ, напоенный ароматомъ цвѣтушихъ липъ, акацій, ремонтантныхъ розъ; за низкою оградой парка разстилались широкія зеленыя поляны, испещренныя тѣнями деревьевъ. Раздался звонокъ у рѣшетчатыхъ воротъ.

— Пріѣхали,—сказалъ докторъ, хорошо знавшій мѣстность, старинный конный заводъ маркиза д'Урбена, распродававшійся въ теченіе двухъ лѣтъ и теперь почти совершенно опустѣвшій.

Дуэль должна была происходить у самой усадьбы, на лужайкѣ, позади каменной, бѣлой конюшни. Туда вели заглохшія дорожки, поросшія травой и мохомъ. Обѣ группы шли вмѣстѣ, перемѣшавшись, но молча, соблюдая всѣ правила строгаго приличія. Только Ведринъ, не выносившій всѣхъ этихъ свѣтскихъ штукъ, къ превеликому отчаянью торжественно выступавшаго Фрейде, радостно восклицалъ: «А, ландыши!...»—срывалъ вѣт-

ки, потомъ, очарованный неподвижною прелестью всего окружающаго тревожное людское безуміе, восхищенный лѣсами, громящимися по склонамъ горъ, далекою массою крышъ, блескомъ воды, голубоватою прозрачною знойнаго воздуха, — повторялъ: «Хорошо-то какъ! Что за тишина!»... — и машинальнымъ жестомъ указывалъ на окрестности, обращаясь, безъ разбора, къ тому, кто шелъ позади его. О, какимъ презрѣніемъ былъ за то награжденъ неприличный Ведринъ, а съ нимъ уже за одно и пейзажъ, и все синее небо! Мастеръ былъ на это князь д'Атисъ, онъ умѣлъ презирать, какъ никто. Презиралъ онъ взглядомъ, знаменитымъ взглядомъ, котораго не выносили Бисмаркъ, презиралъ своимъ длиннымъ лошадинымъ носомъ, широкимъ ртомъ съ опущенными углами губъ, презиралъ, самъ не зная за что, не говоря ни слова, никого не слушая, не читая ничего и ничего не понимая. И своею дипломатическою карьерой, своими успѣхами у женщинъ и въ свѣтѣ онъ былъ обязанъ исключительно этому всеобъемлющему презрѣнію.

Въ сущности, этотъ Самі́ былъ фантошъ пустоголовый, котораго умная женщина изъ жалости вытащила изъ отбросовъ ночныхъ ресторановъ, поставила на ноги, подняла очень высоко, подсказывая ему, что нужно говорить или, вѣрнѣе, о чемъ слѣдуетъ молчать, научая, что дѣлать, какъ вести себя, до тѣхъ поръ, пока, добравшись до вершины, онъ ногой отшвырнулъ прочь ненужную ему больше подставку. Въ большомъ свѣтѣ всѣ находили это необыкновенно ловкимъ. Совершенно иного мнѣнія былъ Ведринъ, и слова, мѣтко сказанныя про Талейрана: «шелковый чулокъ, набитый грязью», приходили ему на память при видѣ того, насколько этотъ величественный господинъ превосходитъ его своимъ высокомернымъ и достохвальнымъ приличіемъ.

Герцогиня, несомнѣнно, умная женщина и, чтобы скрыть ничтожество своего любовника, сдѣлала его дипломатомъ и академикомъ, нарядила въ двойное домино официалаго карнавала. Оба костюма одинаково истрепаны, но передъ ними, по старой памяти, все еще продолжаетъ преклоняться общество. Все это понятно; но вотъ чего никакъ не могъ уяснить себѣ Ведринъ, — какъ могла она любить этого изжившагося, пустоголоваго и бездушнаго шута?... Его княжескій титулъ? Она сама не менѣ знатнаго рода. Его англійскій шикъ, модный сюртукъ въ обтяжку на спинѣ повѣшеннаго, панталоны невозможнаго цвѣта, особен-

но-отвратительнаго между свѣжею зеленью парка?... Неужели правъ поганецъ Поль Астье, насмѣхающійся надъ склонностью женщинъ ко всему низкому, уродливому нравственно или физически?...

Бнязь подошелъ къ загородкѣ въ половину человѣческаго роста, отдѣляющей дорогу отъ луга, и—потому ли, что не надѣялся на свои разслабленныя ноги, или же потому, что счелъ прыжокъ неприличнымъ для своей столь важной особы, — остановился въ нерѣшимости. Его, въ особенности, стѣснялъ здоровенный художникъ, присутствіе котораго онъ чувствовалъ за своею спиной. Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать обходъ до воротъ, ведущихъ къ лѣсу. Ведринъ подмигнулъ своими маленькими глазами: «Ступай, ступай, пріятель, а какъ ни вертись, къ бѣлой стѣнѣ, все-таки, придешь. И кто знаетъ, можетъ быть, тутъ-то и ждешь тебя расплата за все твои негодяйства... Въ концѣ-концовъ, отъ расплаты никто не уйдетъ»... Успокоившись такимъ разсужденіемъ, онъ самымъ «непорядочнымъ» образомъ перескочилъ черезъ перегородку, не дотрогиваясь даже до нея рукой, и подошелъ къ группѣ секундантовъ, занятыхъ бросаньемъ жребія о мѣстахъ и о шпагахъ.

При всей серьезности и важности лицъ, глядя, какъ они бросаютъ монету, бѣгутъ поднимать ее, смотрѣть — орелъ или рѣшетка, ихъ можно было счесть за большихъ школьниговъ, морщинистыхъ и сѣдѣющихъ. Пока обсуждался вопросъ о сомнительномъ ударѣ, Ведринъ разслышалъ, что его тихо зовутъ Астье, раздѣвавшійся за домикомъ и опорожнявшій свои карманы.

— Что тамъ горюдитъ этотъ генералъ?—заговорилъ онъ совершенно хладнокровно.— Хочетъ стать около насъ съ своею палкой, чтобы предупредить несчастье!... Не желаю я этого, понимаешь?... Я не хочу дуэли новобранцевъ,—мы оба не новички, старые драбанты...

Поль шутилъ, но его зубы были стиснуты, въ глазахъ сверкала злоба.

— Стало быть, дѣло серьезное?—спросилъ Ведринъ, глядя на него въ упоръ.

— Какъ нельзя болѣе серьезное!

— Странно, а я, вѣдь, догадывался объ этомъ.

Скульпторъ подошелъ къ генералу, старому рубахѣ, командиру кавалерійской бригады, и сдѣлалъ ему заявленіе въ этомъ

смыслъ. Тотъ вспыхнулъ до ушей такъ, что, казалось, вотъ-вотъ изъ нихъ брызнетъ кровь.

— Ха-апо, мсьё! Пэк-асно, мсьё!—обрывалъ генераль, точно хлыстомъ щелкалъ.

Слышалъ ли этотъ разговоръ Самі, которому докторъ Обун помогалъ засучить рукавъ сорочки, или же на него подѣйствовало появленіе стройнаго, гибкаго и сильнаго молодаго человѣка, съ открытыми, словно точеными, руками и шеей,—но дѣло въ томъ, что, явившись сюда для исполненія условныхъ требованій свѣта, д'Атисъ не ощущалъ ни тѣни тревоги, какъ джентльменъ, уже видавшій эти виды и хорошо понимающій, что значитъ имѣть двухъ хорошихъ секундантовъ; теперь же онъ вдругъ весь измѣнился, изъ блѣднаго сдѣлался землистымъ,—видно было, какъ вздрагиваетъ нижняя челюсть, прикрытая длиною бородой, какъ по лицу пробѣгаетъ отвратительная гримаса страха. Тѣмъ не менѣе, онъ крѣпился и довольно благопристойно сталъ въ позицію.

— Господа... начинайте!

Да, за все бываетъ расплата. Онъ глубоко почувствовалъ это передъ безжалостнымъ остріемъ, добравшимся до него, примѣривавшимся издали и какъ бы падившимъ его лишь для того, чтобы нанести болѣе вѣрный ударъ. Его хотятъ убить... это ясно. Онъ отступалъ, вытянувши впередъ свою длинную, худую руку. Подъ стукъ шпагъ, въ первый разъ въ жизни закрѣдось въ его душу раскаянье въ томъ, что онъ такъ безсовѣстно бросилъ любовницу, вытащившую его изъ грязи и введшую опять въ общество; онъ понималъ также, что гнѣвъ этой женщины не чуждъ грозящей ему опасности, которая, казалось, наполняла собою окружающую его атмосферу, придавала фантастическую окраску кружащемуся и разрастающемуся надъ его головой небу, силуэтамъ встревоженныхъ секундантовъ, врачей и даже фигурамъ двухъ конюховъ, отгонявшихъ прочь пасшихся на лугу лошадей. Вдругъ раздались громкіе, рѣзкіе голоса: «Стойте... довольно... стойте!...» Что случилось? Опасности нѣтъ, небо опять неподвижно, все получило свою настоящую окраску, очутилось на своемъ настоящемъ мѣстѣ. А у его ногъ, на истоптанной землѣ, широкимъ пятномъ чернѣетъ лужа крови, на желтомъ, глинистомъ грунтѣ лежитъ Поль Астье, съ проткнутою насквозь шеей; изъ раны бьетъ кровь струей, какъ изъ зарѣзанной свиньи...

А, между тѣмъ, Поль мастерски владѣлъ шпагой; въ его крѣпко стиснутой рукѣ она сверкала, какъ молнія, со свистомъ разсѣкала воздухъ, побѣдно носилась и уже разила, тогда какъ его противникъ беспомощно и трусливо махалъ своею шпагой, какъ вертеломъ. Какъ же это могло случиться? Секунданты скажутъ, за ними повторятъ газеты, а за газетами—весь Парижъ, что Поль Астье поскользнулся и, выпадая, самъ натѣнулся на шпагу противника; все это будетъ передано очень подробно и точно. Но, когда дѣло касается обстоятельствъ нашей жизни, не находится ли точность нашихъ словъ въ постоянномъ противорѣчii съ нашею увѣренностью? Даже для тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, для самихъ дравшихся навсегда останется нѣчто не совсѣмъ ясное, какъ бы скрытое, относительно рѣшительнаго момента, той развязки, въ которую вмѣшивается судьба и, вопреки всякому предвидѣнiю, наперекоръ логикѣ, наноситъ послѣднiй ударъ, прикрывшись темнымъ облакомъ, постоянно заволакивавшимъ исходъ гомерическихъ битвъ.

Перенесенный въ маленькую квартиру конюха Поль Астье открылъ глаза послѣ продолжительнаго обморока и съ желѣзной кровати, на которую его положили, увидалъ, прежде всего, портретъ императорскаго принца надъ коммодомъ съ разложенными хирургическими инструментами. Въ раненому быстро вернулось сознанiе дѣйствительности; видъ меланхолическаго лица, съ блѣдными глазами, полинявшими отъ сырости стѣны, и несчастная судьба этого юноши показались ему дурнымъ предзнаменованiемъ. Но его честолюбивая и живая душа не лишена была настоящей смѣлости; съ трудомъ приподнимая голову, едва двигая шейю, стянутой бинтами, онъ спросилъ измѣнившимся, ослабѣвшимъ, но, все-таки, насмѣшливымъ голосомъ:

— Рана или царапина, докторъ?

Гомесъ, свертывавшiй свою гигроскопическую марлю, сдѣлалъ ему рѣзкiй знакъ молчать:

— Царапина, счастливчикъ вы эдакой!... Ну, а недалеко было... Обуи и я думали, что задѣта артерiя...

На щекахъ молодаго человѣка показался румянецъ, глаза блеснули. Хорошо остаться живымъ! Тотчасъ же вернулось и честолюбiе; онъ захотѣлъ знать, во сколько времени выздоровѣть, поправится совершенно.

— Недѣли въ три... въ мѣсяцъ,—небрежно отвѣчалъ врачъ, съ отѣвникомъ довольно забавнаго презрѣнiя къ ничтожной ранѣ,

и въ глубинѣ души сильно раздосадованный неудачею своего бліента.

Поля, между тѣмъ, смотрѣлъ въ стѣну и раздумывалъ: Д'Атисъ уѣдетъ, Болета выйдетъ замужъ, прежде чѣмъ онъ успеетъ подняться съ постели... Сорвалось, надо искать чего-нибудь другаго!

Дверь открылась, и въ каморку полились широкія волны свѣта. О! жизнь, солнце яркое... Ведринъ, въ сопровожденіи Фрейде, подошелъ къ кровати и радостно протянулъ руку.

— Ужь и напугалъ же ты насъ!

Онъ на самомъ дѣлѣ любилъ эту дрянную мордочку, дорожилъ ею, какъ артистическою вещицей.

— Да, напугали,—сказалъ виконтъ, отирая лобъ съ облегченнымъ видомъ успокоившагося человѣка.

Онъ только что видѣлъ лежащими на землѣ, въ крови, свои шансы на выборы, свои академическія надежды. Старикъ Астье ни за что не сталъ бы хлопотать за человѣка, причастнаго къ такой катастрофѣ. Честный малый этотъ Фрейде, но неотступная мысль о кандидатурѣ намагничивала его, какъ стрѣлку компаса; какъ бы его ни встряхивали, какъ бы ни вертѣли, а онъ, все-таки, обращался къ академическому полюсу.

Раненый улыбался своимъ пріятелямъ, порядочно свонфуженный тѣмъ, что лежитъ и шевельнуться не можетъ,—онъ, такой ловкій и сильный; а Фрейде не переставалъ восхищаться «порядочностью» секундантовъ, съ которыми только что уговорились относительно протокола, «порядочностью» доктора Обуи, предложившаго свои услуги совмѣстно съ коллегой, «порядочностью» князя, уѣхавшаго въ коляскѣ и оставившаго Полю свою, очень покойную карету, чтобы довести его до дому. О! все прилично, какъ нельзя болѣе порядочно.

— Какъ онъ несносенъ съ своею порядочностью!—сказалъ Ведринъ, замѣтивши невольную гримасу Поля.

— Необыкновенно странно все это...—задумчиво прошепталъ молодой человѣкъ, соображая, что на этотъ разъ повезутъ въ каретѣ не «того», а его блѣдное и окровавленное лицо будетъ видно рядомъ съ докторомъ сквозь стекла ѣдущаго шагомъ купе.—А! Сорвалось, сорвалось...

Вдругъ онъ приподнялся, несмотря на запрещеніе доктора, и слабою рукой быстро написалъ карандашомъ на своей карточкѣ: «Судьба поступила такъ же предательски, какъ люди. Я

хотѣлъ отомстить за васъ... Не удалось. Простите...» Слѣдова-
ла подпись. Онъ прочелъ, подумалъ, перечиталъ еще разъ, вло-
жилъ записку въ конвертъ,—ужасный лавочный конвертъ, съ
цвѣточками, разысканный въ пыли коммоды,—написалъ: «Герцо-
гинѣ Падовани», и попросилъ Фрейдю передать лично и какъ
можно скорѣй.

— Будетъ исполнено черезъ часъ, дорогой мой Поль.

Поль поблагодарилъ и простился движеніемъ руки, потомъ
вытянулся, закрылъ глаза и такъ, не шевельнувшись, не вы-
молвивши ни слова, пролежалъ до самаго отъѣзда, прислушива-
ясь къ гудѣнью и трещанью насѣкомыхъ на залитомъ солнцемъ
лугу. Въ полузабытій начинающейся лихорадки, въ его головѣ
сладывался планъ новой интриги, нисколько не похожей на
прежнюю и необычайно быстро импровизованной въ минуту пол-
наго пораженія.

Была ли это, однако, импровизація? Такъ могло лишь ка-
заться молодому честолюбцу потому, что основная причина на-
шихъ поступковъ часто ускользаетъ отъ нашего сознанія, те-
рится въ массѣ того, что насъ волнуетъ въ часы кризиса, по-
добно тому, какъ исчезаетъ въ толпѣ вожакъ, поднявшій народ-
ную массу. Единичный человѣкъ—та же толпа. Состоящій изъ
разнородныхъ и сложныхъ элементовъ, онъ, какъ толпа, под-
дается безотчетнымъ, беспорядочнымъ порывамъ; но вожакъ тутъ,
налицо, и какими бы ни казались внезапными наши движенія,
они, подобно уличнымъ, были непремѣнно подготовлены. Съ того
вечера, когда Гаво на террасѣ отеля Падовани указалъ на гер-
цогиню юному папскому гвардейцу, въ головѣ Поля Астье зародилась
мысль, что, въ случаѣ неудачи съ княгиней Розенъ, ему
останется красавица Антонія. Та же мысль промелькнула въ его
головѣ, когда онъ за день передъ дуэлью увидалъ графа Адриа-
ни въ ложѣ герцогини, но—промелькнула очень смутно, такъ
какъ вся его энергія была еще направлена въ иную сторону,
и онъ еще вѣрилъ въ возможность побѣды. Разъ партія оказа-
лась проигранною окончательно, первая мысль съ возвратомъ къ
жизни была о герцогинѣ.

И такъ, почти бессознательно для него самого, внезапное рѣ-
шеніе было ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ продолжительной,
скрытой работы мысли, и выразилось словами: «Я хотѣлъ ото-
мстить за васъ,—не удалось»... Несомнѣнно, добрая, но пылкая
и мстительная, та, которую ея корсиканцы зовутъ Мари-Анто,

будеть завтра же утромъ у его изголовья. Онъ настолько зналъ ее, что не сомнѣвался въ этомъ; а тамъ уже его дѣло будетъ устроиться такъ, чтобъ она не ушла отъ него.

Возвращаясь вдвоемъ въ ландо, опередившемъ карету Саміи, въ которой шагомъ везли раненаго, Ведринъ и Фрейде философствовали передъ дуэльными шпагами, лежавшими въ саржевомъ чехлѣ на переднемъ сидѣннн.

— Не такъ уже подпрыгиваютъ, подыма, какъ въ то время, когда туда ѣхали,— сказалъ Ведринъ, толкая ихъ концомъ сапога.

— Да, вѣдь, правда, дрались этими,— замѣтилъ Фрейде и тотчасъ, напуская на себя важный и совершенно «порядочный» видъ, приличествующій секунданту, прибавилъ:

— Всѣ шансы были на нашей сторонѣ: мѣсто, шпаги... къ тому же, первоклассный боець... Необыкновенно это странно вышло, какъ онъ сказалъ...

На нѣсколько минутъ они примолкли, увлекшись чуднымъ видомъ на рѣку, освѣщенную лучами заходящаго солнца, заливавшими ея зеленоватую гладь золотомъ и пурпуромъ. За мостомъ экипажъ быстро понесся по Булонской улицѣ.

— Да,— говорилъ Ведринъ такимъ тономъ, какъ будто ихъ бесѣда не была прервана молчаніемъ,— да, въ сущности, при всѣхъ кажущихся его успѣхахъ, малый-то, все-таки, неудачникъ. Я уже нѣсколько разъ видалъ его въ разныхъ житейскихъ передѣлкахъ, при такихъ обстоятельствахъ, по которымъ можно составить себѣ понятіе о судьбѣ человѣка, такъ какъ ему приходится пускаться въ ходъ все, что у него есть въ нутрѣ. И что же? Какъ онъ ни хитритъ, сколько ни рассчитываетъ, какъ ни обдумываетъ, какъ удивительно ни подготавливаетъ свою палитру, въ самую рѣшительную минуту вдругъ что-то такое лопается и, не уничтожая его въ конецъ, не даетъ ему добраться до желанной цѣли... Почему?... Очень просто, потому, что у него носъ немного кривъ... Увѣряю тебя, такія уклоненія служатъ почти всегда признаками внутренней фальши, не совсѣмъ прямого направленія ума. А потому и все выходитъ веривъ... Ты какъ думаешь?

Они посмѣялись надъ этою мыслью, потомъ, разсуждая объ удачахъ и неудачахъ, Ведринъ разсказалъ про странное событіе, случившееся у него на глазахъ, во время его пребыванія въ Борсигѣ, у Падовани, въ Барбикагліи, на берегу моря, какъ разъ

противъ маяка des Sanguinaires. При маякѣ былъ старикъ сторожъ, хорошій служака, которому уже немного оставалось до пенсіи. Ночью, во время его дежурства, старикъ задремалъ ровно на пять минутъ и вытянутою ногой задержалъ вертящійся фонарь съ перемежнымъ огнемъ. Въ это самое время старшій инспекторъ, объѣзжающій разъ въ годъ маяки, проходилъ на вѣстовомъ суднѣ мимо Сангинера, приказалъ остановиться, удостоившись въ томъ, что фонарь не вертится, и на другой день казенная шлюпка доставила на островъ новаго сторожа, а несчастнаго старика удалили со службы.

— Я думаю,— продолжалъ Ведринъ,— что такое совпаденіе времени и мѣста проѣзда инспектора съ короткимъ сномъ сторожа представляетъ собой крайне рѣдкій примѣръ бѣды, постигшей человѣка.

Спокойнымъ жестомъ художникъ указалъ на темнѣющее небо, на которомъ кое-гдѣ загорались звѣзды въ блескѣ яркой зари. Черезъ минуту ландо въѣхало въ уицу Пуатье и остановилось у подъезда отеля Падовани, въ которомъ всѣ окна были закрыты сторами. Герцогиня уѣхала въ Муссо на лѣтній сезонъ.

Фрейде не зналъ, что дѣлать съ привезеннымъ посланіемъ. Онъ уже соображалъ, какъ войдетъ къ красавицѣ Антоніи, приготавливалъ эффектный разговоръ про дуэль, рассчитывалъ, при случаѣ, вернуть словцо о своей кандидатурѣ, и теперь не зналъ, какъ поступить лучше,—оставить ли письмо, или отвезти самому, такъ какъ онъ собирался черезъ три - четыре дня уѣхать въ Кло-Жаланжъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ оставить пакетъ и, садясь въ экипажъ, проговорилъ:

— Бѣдный малый!... Онъ такъ настаивалъ на томъ, что это дѣло крайне спѣшное!

— Конечно,— разсуждалъ Ведринъ въ то время, какъ ихъ экипажъ несся по набережной къ мѣсту свиданія, условленному для составленія протокола.— Конечно... Я не знаю, что онъ тутъ написалъ, но, судя по тому, что писано это въ такую минуту, надо полагать, это что-нибудь очень ловкое, необыкновенно тонкое, какая-нибудь удивительно хитрая штука... Только, поди-ка-на: крайне спѣшное, а герцогиня-то уѣхала.

И, важно сжимая двумя пальцами конецъ носа, онъ договорилъ:

— Вотъ оно дѣло-то какое, самъ разсуди.

XI.

Рана, отъ которой чуть не умеръ Поль, заставила супруговъ Астье забыть ихъ семейную ссору. Потрясенный до глубины родительскаго сердца, Леонаръ расчувствовался, простилъ, мадамъ Астье въ теченіе трехъ недѣль все время проводила у постели больного сына, домой въ улицу Бонъ только забѣгала взять бѣлье, смѣнить платье. Этимъ устранялась опасность намековъ, прямыхъ и косвенныхъ упрековъ, поддерживающихъ при житьѣ вмѣстѣ обоюдное раздраженіе даже послѣ прощенія и примиренія. Потомъ оправившійся Поль уѣхалъ въ Муссо, куда его настоятельно приглашала герцогиня. А подоспѣвшее къ этому времени вступленіе Астье въ должность безсмѣннаго секретаря и водвореніе въ квартирѣ покойнаго Луазильона окончательно умиротворило это примѣрное академическое супружество, или по меньшей мѣрѣ возстановило прежнія спокойныя и холодныя отношенія между мужемъ и женою. Вдова Луазильона получила мѣсто въ Экуанской школѣ и своимъ быстрымъ отъѣздомъ дала возможность новому «безсмѣнному» перебраться въ казенное помѣщеніе чуть не на другой день послѣ избранія.

Не много времени потребовалось на то, чтобы устроиться на новой, такъ долго ожидаемой квартирѣ, подкарауливаемой съ такою завистью и съ такимъ нетерпѣніемъ, знакомой въ мельчайшихъ подробностяхъ со всеми ея удобствами. Глядя на точность, съ какою мебель улицы Бонъ уставлялась въ этой квартирѣ, можно было подумать, что ее перевозятъ обратно съ дачи, и она сама собою возвращается на свое старое мѣсто, въ ея же оставленные слѣды на стѣнахъ и на полу. О какихъ-либо улучшеніяхъ и помина не было. Почистили лишь немного комнату, гдѣ умеръ Луазильонъ, да оклеили новыми обоями прежнюю гостиную Вильмена, которую Леонаръ превратилъ въ свой рабочій кабинетъ потому, что эта комната выходила окнами на тихій и свѣтлый дворъ, а рядомъ, подъ руками, была небольшая, очень высокая и свѣтлая комната для его автографовъ, перевезенныхъ въ три поѣздки въ фіакръ, при помощи Фажа, переплетчика.

Каждое утро новыя ликованія возбуждалъ этотъ «архивъ», почти такой же удобный, какъ въ помѣщеніи иностранныхъ дѣлъ: старикъ входилъ въ него не стѣбавъ въ три погребели, не нужно было лазить по дрянной лѣстницѣ, какъ въ конуру улицы

Вонъ, о которой онъ вспомнить не могъ безъ злости и отвращения, безъ естественнаго въ человѣкѣ чувства ненависти къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ страдалъ, чего онъ ни забыть, ни простить не можетъ. Примиреніе возможно съ живыми существами, способными измѣняться и представляться въ иномъ видѣ, но оно немислимо по отношенію къ предметамъ съ ихъ каменною неподвижностью. Въ своемъ ликованіи отъ переѣзда Астье - Рею могъ забыть свой гнѣвъ, вину жены, даже непріязнь свою къ Тейседру, которому разрѣшено было, попрежнему, являться утромъ по середамъ; но при одной мысли объ отвратительной клѣткѣ, куда его загоняли на цѣлый день разъ въ недѣлю, историкъ принимался скрежетать выдающеюся челюстью, превращался въ настоящаго крокодила.

На Тейседра, однако же, никакого впечатлѣнія не производила выпавшая на его долю честь натирать полы въ Институтѣ, во дворцѣ Мазарини; къ этому онъ относился съ непостижимымъ равнодушіемъ и продолжалъ такъ же непочтительно передвигать столъ съ бумагами и съ безчисленными докладами безсмѣннаго секретаря, посматривая на все съ обычнымъ спокойнымъ высокоуміемъ гражданина Ріона передъ уроженцемъ какаго-нибудь «Шованья».

Астье-Рею, не сознаваясь въ томъ, въ глубинѣ души былъ затронутъ такимъ подавляющимъ презрѣніемъ и пытался иногда заставить это животное понять все величіе мѣста, гдѣ онъ орудовалъ своими щетками и воскомъ.

— Тейседръ, — обратился онъ однажды къ полотеру, — здѣсь была когда-то гостиная великаго Вильмена... Примите это къ свѣдѣнію...

И, въ то же время, чтобы умиловить гордаго овернца, онъ немного сподличалъ, сказалъ Корентинѣ:

— Поднесите-ка ему стаканчикъ винца.

Удивленная Корентина принесла стаканъ вина; опираясь на свою палку, полотерь выпилъ его залпомъ съ расширенными отъ удовольствія глазами, потомъ вытеръ рукавомъ ротъ, поставилъ стаканъ, на которомъ остался слѣдъ его жадныхъ губъ, и проговорилъ:

— А знаете, мошѣ Аштье, штаганчикъ холоднаго винца шамая прекраснѣйшая штука въ жизни.

Въ его голосѣ звучало такое непоколебимое убѣжденіе, его лицо распывалось въ такую блаженную улыбку, что безсмѣн-

ный секретарь тотчас же ретировался въ свой архивъ и сердито хлопнулъ дверью. На самомъ дѣлѣ, стоило ли биться всю жизнь, стоило ли, начавши изъ ничего, докарабкиваться до такой высоты, до вершины литературной славы историка Орлеановъ и главнаго воротилы Французской Академіи, когда стаканъ холоднаго вина можетъ простому человѣку дать не меньшее счастье? Но черезъ минуту, услышавши, какъ полотерь посмѣивается съ Борентиной и говорить, что «начхать ему на гоштиную Вильмена»,—Леонаръ Астье пожалъ плечами, и минутный порывъ зависти уступилъ мѣсто глубокой, снисходительной жалости къ столь громадному невѣжеству.

Что же касается мадамъ Астье, выросшей и воспитавшейся въ Институтѣ, то для нея съ каждымъ камнемъ мощенаго двора, съ каждою ступенькой пыльной лѣстницы В были соединены воспоминанія дѣтства, и ей казалось, будто она возвратилась къ себѣ домой послѣ долгаго отсутствія. Къ тому же, для нея были еще ощущительнѣе и пріятнѣе, чѣмъ для мужа, матеріальныя выгоды ихъ новаго положенія: не платить за квартиру, ни за отопленіе и освѣщеніе — большая экономія для зимнихъ приемовъ, не считая прибавки жалованья, сношеній съ высокопоставленными лицами и очень вліятельныхъ связей, что особенно важно для ея Поля, для погони за заказами! Когда мадамъ Луазильонъ, бывало, выхваляла прелести своей квартиры въ Институтѣ, то неизмѣнно повторяла съ особенною важною:

— Я принимала въ ней даже государей.

— Да, въ маленькомъ кабинетикѣ...—схидничала добрѣйшая Аделаида, вытягивая свою длинную шею.

На самомъ дѣлѣ, въ дни торжественныхъ засѣданій, долгихъ и утомительныхъ, не рѣдко случалось, что какая-нибудь знатная особа, путешествующая принцесса или вліятельная въ министерствахъ свѣтская дама заходила къ супругѣ безсмыннаго секретаря съ короткимъ, но не безцѣльнымъ визитомъ. Этого-то рода гостепріимству и была обязана г-жа Луазильонъ тѣмъ, что получила мѣсто директриссы. Мадамъ Астье сумѣетъ, конечно, не хуже своей предшественницы воспользоваться «маленькимъ кабинетикомъ». Одно омрачало нѣсколько ея триумфъ въ данную минуту—это ея личная ссора съ герцогиней, вслѣдствіе чего она не могла уѣхать къ Полю въ Муссо. Но тутъ очень кстати подошло приглашеніе изъ Бю-Жаланжа, находящагося въ близкомъ сосѣдствѣ съ замкомъ герцогини. Это давало мадамъ

Астье возможность быть не вдалекѣ отъ сына, и она не теряла надежды мало-по-малу войти опять въ милость къ красавицѣ Антонии, къ которой почувствовала новый приливъ нѣжности за доброту къ ея Полю.

Леонаръ, задержанный въ Парижѣ службою, такъ какъ дѣла, за время болѣзни Луазильона, были очень запущены, отпустилъ жену, обѣщаясь пріѣхать погостить нѣсколько дней у ихъ друзей, въ дѣйствительности же твердо рѣшивши не разставаться ни на минуту съ милымъ его сердцу Институтомъ. Хорошо въ немъ, хорошо и покойно! Въ недѣлю два засѣданія, а ему только дворъ перейти; засѣданія—лѣтнія, пріятельскія, по-домашнему; пять-шесть «жетончиковъ» мирно подремливаютъ, пригрѣвшись подъ стеклянную крышей, и затѣмъ всю недѣлю полная свобода. Трудолюбивый старикъ пользовался досугомъ, чтобы выправить корректуры своего только что оконченнаго *Галлея*, готоваго появиться въ свѣтъ къ началу осени. Онъ выглаживалъ, выскребалъ и выпалывалъ, хлопоталъ, «чтобы не было ихъ, чтобы признака не было *плевелъ*» ненавистныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовилъ второе изданіе своей *Исторіи Орлеанскаго дома*, обогащенное новыми неизданными документами, удваивающими значеніе его труда. Міръ дряхлѣетъ; исторія есть память человечества и, какъ таковая, подвержена всѣмъ недугамъ, страдаетъ отъ пропусковъ, ослабѣваетъ; а потому необходимо, чтобы она болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подкрѣплялась текстами, оригинальными документами, освѣжалась обращеніемъ къ источникамъ, подъ опасеніемъ серьезныхъ ошибокъ или прямого вранья. Какою гордостью наполнялось сердце Астье-Рею, какъ сладостно билось оно въ знойные августовскіе дни, при чтеніи этихъ прекрасныхъ страницъ, полныхъ документальной достовѣрности, почерпнутой изъ подлинныхъ и никому неизвѣстныхъ актовъ, при отправленіи обратно къ издателю Пети-Секару корректурныхъ листовъ съ подписью, на которой въ первый разъ подъ именемъ автора красовались слова: «Безсмѣнный секретарь Французской Академіи». Его глаза еще не успѣли присмотрѣться къ этому титулу, который всякій разъ ослѣплялъ его, какъ дворъ, залитой солнцемъ передъ его окнами, — громадный второй дворъ Института, тихій и величественный, едва оживляемый чирганьемъ воробьевъ и криками ласточекъ, украшенный бронзовымъ бюстомъ Миневры.

Около четырехъ часовъ, когда начинается удлиняться тѣнь

отъ бюста въ каскѣ, по плитамъ раздаются нервные, рѣзкіе шаги стараго Жана Рею. Онъ жилъ надъ квартирою Астье и каждый день въ опредѣленный часъ отправлялся на продолжительную прогулку, сопровождаемый, на довольно, впрочемъ, большомъ разстояніи, слугою, пользоваться поддержкою котораго онъ упорно отказывался. Онъ еще болѣе оглохъ, отъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ стали слабѣть его умственные способности, въ особенности измѣняла память, ее уже не въ состояніи были направлять «памятные» булавки, натканные за отворотами его сюртука. Онъ путался въ своихъ разсказахъ, заблудился въ воспоминаніяхъ, какъ старикъ Ливингстонъ въ болотахъ центральной Африки, топтался на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не подскажетъ. Это казалось ему унижительнымъ, приводило его въ мрачное настроеніе, и онъ уже ни съ кѣмъ не говорилъ, а на ходу бормоталъ что-то про себя, отмѣчая конецъ исторіи внезапною остановкой и движеніемъ головы, означавшимъ неизбѣжное: «Я видѣлъ это своими глазами...» Но, все еще бодрый на видъ, онъ сохранилъ свою страсть къ мистификаціямъ и, какъ во времена Директоріи, потѣшался тѣмъ, что лишалъ вина, мясной пищи, подвергалъ самой необычайной и забавной діатѣ многихъ охотниковъ пожить долго, обращавшихся къ нему ежедневно съ запросами о томъ, соблюденію какихъ гигиеническихъ правилъ онъ обязанъ своимъ долголѣтіемъ. Однимъ онъ прописывалъ растительную пищу, другимъ молоко или сидръ, третьимъ—исключительно моллюсковъ, самъ же ни отъ чего не отказывался, ѣлъ и пилъ очень исправно, послѣ того отдыхалъ, много ходилъ. Каждый вечеръ Леонаръ Астье цѣлыми часами слышалъ его тяжелые шаги надъ своею головой.

Прошло два мѣсяца, августъ и сентябрь, со времени вступленія въ должность новаго безсмѣннаго секретаря,—два мѣсяца счастливаго и плодотворнаго покоя для удовлетвореннаго честолюбія, какими, быть можетъ, еще никогда не наслаждался историкъ во всю свою долгую жизнь. Мадамъ Астье уже поговаривала о своемъ возвращеніи изъ Кло-Жаланжа; небо Парижа начинало принимать сѣроватый оттѣнокъ отъ первыхъ тумановъ, начинали съѣзжаться академики, засѣданія стали менѣе интимными, и въ часы занятій въ бывшемъ салонѣ Вильмена Леонару Астье уже не приходилось спускать сторы для защиты отъ знойнаго солнца, накалявшаго обширный дворъ. Разъ, послѣ полудня, старикъ сидѣлъ за столомъ и писалъ милѣйшему Фрейде, сообщая ему

добрыя вѣсти относительно его кандидатуры. Въ прихожей раздался сильный звонокъ стариннаго треснувшаго колокольчика.

Корентина куда-то отлучилась. Академикъ пошелъ самъ отпереть дверь и крайне удивился, встрѣтивши барона Ушенара и Боса. Съ растеряннымъ взглядомъ, съ всклокоченною рыжею бородой и растрепанными волосами ворвался архивистъ - палеографъ въ кабинетъ ученаго и, размахивая руками, прохрипѣлъ:

— Документы фальшивые... Могу доказать... докажу!

Астье-Рею не сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ на барона, который, въ свою очередь, смотрѣлъ куда-то вверхъ, на карнизъ; потомъ, когда изъ безсвязныхъ воплей палеографа выяснилось, что онъ отрицаетъ подлинность писемъ Карла Пятаго, проданныхъ ему г-жею Астье, а имъ перепроданныхъ Ушенару, Леонаръ очень высоко усмѣхнулся и объявилъ, что готовъ выкупить обратно три автографа, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнiю и, въ его глазахъ, ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть опровергнута.

— Позвольте мнѣ, господинъ безсмѣнный секретарь, обратиться ваше вниманiе...

Говоря это, баронъ Ушенаръ растегнулъ верхнiя пуговицы своего пальто и досталъ изъ большаго конверта три знаменитыхъ документа. Они совершенно преобразились, были неузнаваемы, утратили свой желтовато-дымчатый цвѣтъ и блистали самою безукоризненною бѣлизной; на каждомъ изъ нихъ ниже подписи Карла Пятаго можно было безъ труда и совершенно явственно разсмотрѣть фабричныя знаки:

В. В.

Angoulême.

1836.

— Дельпешъ—нашъ ученый собратъ изъ академiи наукъ...

Эти объясненiя лишь какимъ-то неяснымъ гуломъ доходили до слуха несчастнаго Леонара, страшно поблѣднѣвшаго до конца своихъ толстыхъ, волосатыхъ пальцевъ, въ которыхъ дрожали три историческихъ документа.

— Сегодня вечеромъ вы получите двадцать тысячъ франковъ, господинъ Босъ,—едва смогъ онъ проговорить высохшимъ языкомъ.

— Господинъ баронъ заплатилъ мнѣ за нихъ двадцать двѣ тысячи,—жалобно сказалъ Босъ.

— Хорошо, двадцать двѣ! — отвѣтилъ Астье-Рею и напелъ въ себѣ еще достаточно силъ на то, чтобы проводить гостей до дверей квартиры.

Въ темной передней онъ задержалъ своего собрата по Академіи надписей и приниженнымъ тономъ сталъ умолять его, для чести Института, никому не говорить объ этомъ несчастномъ дѣлѣ.

— Очень охотно, дорогой учитель... только при одномъ условіи.

— Говорите, говорите...

— Вы скоро получите письменное заявленіе о моей кандидатурѣ на кресло Луазильона...

Брѣшкимъ рукопожатіемъ безсмысленный секретарь далъ обѣщаніе за себя и за своихъ друзей.

Оставшись одинъ, бѣднякъ повалился въ кресло передъ столомъ, заваленнымъ корректурами, на которыхъ лежали три подложныхъ письма къ Рабле. Онъ бессмысленно смотрѣлъ на нихъ и безсознательно читалъ: «*Maitre Rabelais, vous qu'avez l'esprit fin et subtil*»...

Буввы прыгали передъ его глазами, кружились и расплывались все ширящимися пятнами тронутыхъ реактивами чернилъ изъ желѣзнаго купороса на нигуда негодной бумагѣ. Онъ видѣлъ, какъ растутъ эти пятна, какъ разлѣзаются, добираются до его коллекціи, захватываютъ его десять-двѣнадцать тысячъ автографовъ, всё — увы! — одинаковаго происхожденія... Если эти три поддѣльные... стало быть, его Галилей... стало быть, Орлеанскій домъ... его письмо императрицы Екатерины, поднесенное великому герцогу, письмо Ротру, которое онъ торжественно принесть въ даръ Академіи... стало быть... Что же это такое?... Сдѣлавши отчаянное усиліе, онъ поднялся на ноги.

— Къ Фажу... сію же минуту къ Фажу!...

Его сношенія съ переплетчикомъ начались за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ того дня, когда маленькій человѣчекъ пришелъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ просить знаменитого ученаго директора высказать свое мнѣніе относительно письма Маріи Медичи къ папѣ Урбану VIII съ просьбою за Галилея. Какъ разъ въ это время Пети - Сенаръ издавалъ серію мелкихъ историческихъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ: *Школьныя забавы*, и анонсировалъ, между прочимъ, *Галилея* Астью-Рею, члена Французской Академіи. На основаніи своего многолѣтняго опыта, онъ призналъ и удостовѣрилъ подлинность представлен-

наго ему письма и, узнавши, что у Фажа есть, кроме того, отвѣтъ папы Урбана, благодарственное письмо Галилея къ короле-вѣ и другіе документы, почтенный ученый задумалъ написать солидную историческую книгу, вмѣсто ничтожной дѣтской книжонки. Въ немъ, однако же, какъ въ человѣкѣ безукоризненной честности, зародилось сомнѣніе насчетъ того, какими образомъ столь драгоценныя документы очутились въ рукахъ переплетчика. Зорко, такъ же внимательно, какъ разсматривалъ автографъ, вглядѣлся онъ въ длинное, блѣдное лицо горбуна, въ его глаза съ красными, мигающими вѣками и, строго щелкая челюстью, спросилъ:

— Документы эти вамъ принадлежать, мосье Фажъ?

— О, нѣтъ, глубокоуважаемый учитель...— Въ этомъ дѣлѣ онъ является только посредникомъ, по порученію одной особы... старой дѣвицы хорошей дворянской фамиліи, вынужденной обстоятельствами распродавать въ розницу очень богатую коллекцію, составлявшую родовое достояніе ея семьи еще при Людовикѣ XVI. И посредничество - то этого рода онъ не иначе соглашался принять на себя, какъ спросивши предварительно мнѣнія знаменитаго ученаго, первѣйшаго знатока этого дѣла. Теперь, заручившись удостовѣреніемъ такого специалиста, онъ намѣренъ обратиться къ богатымъ собирателямъ рукописей, къ барону Ушенару, напримѣръ.

Астье-Рею не далъ ему договорить:

— Не дѣлайте этого! Приносите мнѣ все, что касается Галилея. Я найду покупателя.

Въ залу начинала собираться и усаживаться за маленькіе столики архивная публика искателей, охотниковъ рыться въ пыли, — молчаливыя фигуры, напоминающія раскопщиковъ катакомбъ, отзывающіяся плѣсенью, подваломъ, гробкопательствомъ.

— Наверхъ... въ мой кабинетъ приносите, а не сюда... — прошепталъ директоръ архивовъ на ухо горбуну, затянутому въ перчатки, распомаженному, съ пробормомъ по срединѣ лба, сіяющему гордымъ самодовольствомъ, очень часто встрѣчающимся у этого сорта уродцевъ.

Суцимъ кладомъ оказалась коллекція Мениль-Базэ, — Альбенъ Фажъ, подъ величайшимъ секретомъ открылъ фамилію старой дѣвицы, — неисчерпаемымъ кладомъ документовъ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ, чрезвычайно разнообразныхъ и любопытныхъ, освѣщающихъ прошедшее новымъ свѣтомъ, ниспроверга-

ющих иногда одним словомъ, одною датою установившіеся взгляды на событія и на людей. Какъ ни дорого приходилось платить, Леонаръ Астье не упустилъ изъ рукъ ни одного изъ этихъ документовъ, почти всегда подходившихъ къ работамъ, которыми онъ былъ занятъ или которыя задумывалъ. Не промелькнуло у него ни тѣни сомнѣнія въ правдивости рассказовъ горбатаго человѣчка о томъ, что непечатые еще связки автографовъ лежатъ въ пыли чердака стараго отеля въ Менильмонтанѣ. Если иногда, послѣ ядовитыхъ замѣчаній «перваго автографофила», и проскальзывало нѣчто, похожее на сомнѣніе, то оно тотчасъ же разсѣивалось передъ невозмутимостью переплетчика, сидящаго за своимъ столомъ или же спокойно поливающаго салатъ въ своемъ маленькомъ огородѣ, и нивалъ уже не могло устоять передъ вполне естественными доводами, которыми горбунъ объяснялъ иной *lapsus* или видимую подчистку на нѣкоторыхъ листахъ, причемъ рассказывалъ про опасность отъ бури на морѣ, которой подвергалась коллекція Мениль-Базэ, когда ее увозили въ Англію во время эмиграціи. Успокоенный и убѣжденный, Астье-Рею весело уходилъ черезъ заросшій дворъ, унося съ собою всякій разъ какое-нибудь новое приобрѣтеніе и оставивши за него чекъ въ пятьсотъ, тысячу, даже въ двѣ тысячи франковъ, смотря по важности историческаго документа.

Въ сущности, — какими бы соображеніями онъ ни старался успокоивать свою совѣсть — въ этихъ крупныхъ тратахъ, которыхъ еще никто вокругъ него не подозрѣвалъ, историкъ былъ несравненно менѣе повиненъ, чѣмъ собиратель коллекціи. Въ этомъ никто не могъ бы ошибиться, если бы только видѣлъ, какъ обыкновенно происходитъ торгъ на темной вышкѣ улицы Бонъ.

Притворно равнодушный голосъ, пересыхающія губы, шепчущія: «дайте, посмотрю»... жадное дрожаніе пальцевъ, — все изобличало разрастающуюся страсть, быстро переходящую въ манию, въ страшный недугъ, захватывающій и пожирающій человѣка въ своемъ чудовищномъ развитіи. Астье превращался въ классическаго и звѣроподобнаго Гарпагона, безжалостнаго къ близкимъ и къ себѣ самому, вопящаго о своей крайней нищетѣ, лазающаго по конкамъ, въ то время, какъ въ два года сто шестьдесятъ тысячъ франковъ его сбереженій понемногу и тихохоньго ушлывали въ карманъ горбуна. А чтобы объяснить мадамъ Астье, Корентинѣ, Тейседру частыя посѣщенія маленькаго человѣчка, академикъ давалъ ему переплетать связки бумагъ, которыя уноси-

лись и приносились на виду у всѣхъ. Говорили они намеками, условнымъ языкомъ. Альбенъ Фажъ извѣщалъ открытымъ письмомъ:

«Имѣю для васъ желѣзныя застѣжки, переплетъ шестнадцатаго вѣка въ исправномъ видѣ, очень рѣдкій».

Леонаръ Астье колебался:

«Благодарю. Ничего не нужно. Подожду».

Новое посланіе:

«Не стѣсняйтесь, дорогой учитель. Я покажу другимъ».

На это академикъ неизмѣнно отвѣчалъ:

«Завтра утромъ, пораньше, приносите застѣжки».

Одна бѣда отравляла всѣ радости собирателя, а именно—то, что приходилось покупать, безпрестанно покупать подъ опасеніемъ, что эта чудная коллекція можетъ достаться Босу, Ушенару, другимъ любителямъ. Порою, раздумывая о томъ времени, когда денегъ, наконецъ, не хватитъ, Леонаръ Астье приходилъ въ мрачную ярость и рѣзко обращался къ горбуну, бѣсившему его своимъ невозмутимымъ и самодовольнымъ лицомъ:

— Больше ста шестидесяти тысячъ франковъ въ два года!... А вы говорите, что она опять нуждается въ деньгахъ... Какую же это такую жизнь ведетъ ваша старая благородная дѣвица?

Въ такія минуты онъ желалъ смерти старой дѣвицы, гибели переплетчика, или же войны, коммуны, какого-нибудь громаднаго соціального катаклизма, который поглотилъ бы собраніе Мениль-Базэ и его ненасытныхъ эксплуататоровъ.

И вотъ, катаклизмъ приближался, не такой, какого онъ желалъ, такъ какъ судьба не всегда имѣетъ подъ руками какъ разъ то, чего мы у нея просимъ,—приближалась неожиданная и страшная развязка, грозившая погубить всѣ его труды, его имя, состояніе, славу,—все, чѣмъ онъ былъ, все, что онъ имѣлъ. Чуть не бѣгомъ пустился онъ по направленію къ Счетной Палатѣ; на немъ лица не было; на ходу онъ самъ съ собою громко разговаривалъ, не отвѣчалъ ни на одинъ поклонъ, тогда какъ обыкновенно высматривалъ эти поклоны до глубины книжныхъ лавокъ,—словомъ, былъ въ такомъ состояніи, что книгопродавцы и торговцы эстампами не узнавали своего Астье-Рею. Онъ ничего и никого не видалъ. Мысленно онъ уже держалъ горбуна за горло, встряхивалъ его за щегольской галстукъ, зашпиленный булавкой, тыкалъ ему въ носъ письмами Карла Пятаго, опозо-

ренными реактивами Дельпеша, кричалъ ему: «Ну-ка, на этотъ разъ что вы отвѣтите?»

Дойдя до улицы Лилль, онъ отворилъ досчатую, плохо сбитую дверь въ заборъ, окружающемъ дворецъ, миновалъ крыльцо и позвонилъ у рѣшетки, потомъ позвонилъ еще разъ, пораженный мрачнымъ видомъ громаднаго зданія, лишеннаго теперь всей своей зелени, своихъ цвѣтовъ, смотрящаго настоящею разваливающейся руиной, обвитою засохшими лианами. Во дворѣ послышалось шмыганье сваливающихся башмаковъ; появилась привратница, здоровенная баба съ метлой въ рукѣ, и, не отирая рѣшетки, сказала:

— Вы въ переплетчику?... Нѣтъ его у насъ больше...

Уѣхалъ дядя Фажъ, уѣхалъ и адреса не оставилъ. Привратница уже и квартиру чистить для того, кто поступить на его мѣсто при Счетной Палатѣ, такъ какъ горбунъ и отъ мѣста отказался.

Астье-Рею пробормоталъ еще нѣсколько словъ, но стая черныхъ птицъ, сиустившаяся на дворъ, заглушила его голосъ рѣзкими и зловѣщими криками, повторенными эхомъ уцѣлѣвшихъ сводовъ.

— Ишь ты! вороны отеля Падовани,—проговорила женщина, почтительно указывая на безлистные, сѣрые вѣтви платановъ, возвышавшіяся надъ сосѣдними крышами.—Прилетѣли въ нынѣшнемъ году раньше герцогини... Должно быть, зима будетъ ранняя...

Академикъ ушелъ, охваченный ужасомъ.

ХП.

На другой день послѣ того спектакля, въ которомъ была герцогиня Падовани, чтобы ее видѣли, въ которомъ она улыбалась, несмотря на постигшій ее ударъ, и тѣмъ хотѣла дать свѣтскимъ женщинамъ величайшій урокъ умѣнья держать себя, Антонія уѣхала въ Муссо, какъ всегда это дѣлала съ наступленіемъ лѣтнаго сезона. Съ внѣшней стороны въ ея жизни не было никакихъ измѣненій. Сдѣланныя на лѣто приглашенія не были отиѣнены; но до прибытія первой серіи приглашенныхъ, во время одиночества въ теченіе нѣсколькихъ дней, которые она обыкновенно посвящала заботамъ объ удобствахъ для своихъ гостей, она цѣлыми днями, съ утра до ночи, проводила въ паркъ, раски-

нушемся на громадное пространство по холмистому берегу Луары. Тамъ бѣгала она и металась, какъ раненый звѣрь, преслѣдуемый злобною стаей, приостанавливалась на минуту, утомленная до изнеможения, и опять неслась дальше, не находя мѣста отъ душевной боли. «Подлецъ!... Подлецъ!... Каналья!»... Она осыпала оскорбленіями отсутствующаго, какъ будто онъ былъ тутъ и шелъ рядомъ съ нею такимъ же лихорадочнымъ шагомъ по зеленымъ аллеямъ, сбѣгающимъ къ рѣкѣ длинными, тѣнистыми изгибами. Это была уже не герцогиня, не великосвѣтская женщина; маска слетѣла, сказался человекъ и выливались наружу все отчаянье, весь гнѣвъ, быть можетъ, даже больший, чѣмъ отчаянье, такъ какъ гордость ея была уязвлена всего сильнѣе, и слезы, выступавшія на ея рѣсницахъ, скатывались съ нихъ рѣдкими, жгучими, какъ огонь, каплями. Местъ, местъ!... Она выискивала кровавое средство мести,—готова была послать одного изъ своихъ егерей, Бертоли или Сальвиато, посадить ему свинцовый жеребій между глазъ въ самый день вѣнчанья... Нѣтъ, не то!—нанести ударъ самой, ощутить наслажденіе вендеттой своею собственною рукою... Она завидовала женщинамъ низшихъ классовъ, подкарауливающимъ мужчину за дверью для того, чтобы пустить ему въ лицо флаконъ купороснаго масла и цѣлый градъ ужасныхъ словъ... О! зачѣмъ, зачѣмъ не знаетъ она этихъ мерзостей? Ей, все-таки, было бы легче, если бы она могла крикнуть отвратительное ругательство измѣннику и предателю, котораго она, казалось, все еще видитъ съ его увертывающимися глазами, съ фальшивою и натянутою улыбкой ихъ послѣдней встрѣчи. Но даже на простонародномъ, ихъ корсиканскомъ нарѣчій патриціанка не знала «нехорошихъ» словъ, и вдоволь накричавши: «Подлецъ!... Подлецъ!... Каналья!»... ея прекрасный ротъ искажался судорогой безсильнаго бѣшенства.

Вечеромъ, послѣ одинокаго обѣда въ обширной залѣ, обтянутой старинною кожей, облитой золотыми лучами заходящаго солнца, начинался тотъ же бѣгъ загоняемаго звѣря, но уже не въ паркѣ, а въ висящей надъ рѣкою галлерей, такъ артистически реставрированной Полемъ Астье, украшенной свознымъ мраморнымъ кружевомъ по аркадамъ и по выступамъ двухъ хорошенькихъ башенъ. Внизу широко, какъ озеро, разливалась Луара, сверкала вечернимъ серебристымъ блескомъ, тянулась къ Шомону, усыпанная ивовыми зарослями и песчаными островками. Но несчастная Мари'Анто, измученная бесплодными попытками

убѣжать отъ своего горя, не видала прекраснаго пейзажа, опершись обѣими локтями на перила и устремивши взоръ куда-то вдаль. Ея жизнь представлялась ей разбитою, загубленною, и въ такихъ лѣтахъ, когда мудро начать ее съизнова. Смутный шумъ голосовъ доносился съ поселка въ нѣсколько домовъ, лѣпившихся по скату берега; въ свѣжѣющемъ вѣтрѣ вѣвѣлъ воздухъ раздавался скрипъ причаливаемой лодки. Какъ легко было бы все покончить, стоило только немного перегнуться, податься впередъ... Но что сказалъ бы свѣтъ? Женщина въ ея лѣта, при ея общественномъ положеніи, и вдругъ—кончается самоубійствомъ, какъ покинутая гризетка!...

На третій день пришла записка Поля Астье и, въ то же время, были получены газеты съ обстоятельнымъ протоколомъ дуэли. Радостнымъ чувствомъ, точно въ жаркихъ объятіяхъ, дрогнуло сердце Антоніи. Есть же на свѣтѣ еще человѣкъ, который любить ее, отомстить хотѣлъ за нее, жизнь готовъ былъ отдать. И не любви она приписывала это, а благодарной преданности человѣка, помнящаго сдѣланное ему добро и его близкимъ, и, быть можетъ, также потребности загладить предательское поведение матери. Благородное сердце, смѣлый, честный юноша! Въ Парижѣ она тотчасъ же поѣхала бы къ нему; но гости извѣщали уже о своемъ пріѣздѣ, и она могла только написать ему, послать своего врача.

Гости свѣзжались черезъ Блуа и Онзень, двѣ станціи, находящіяся въ одинаковомъ разстояніи отъ Муссо. Экипажи оставались у большаго параднаго подъѣзда, раздавались звонки, являлись обычные знаменитые посѣтители отеля Падовани, въ улицѣ Пуатье, академики и дипломаты, графъ и графиня Фодеръ, графъ и виконтъ де Бретиньи, супруги Деминьеръ, философъ Ланибуаръ, пріѣхавшій въ замокъ писать докладъ Академіи для назначенія награды «за добродѣтель», юный критикъ Шелли, сильно выдвигаемый впередъ салономъ герцогини, и Данжу, красавецъ Данжу, одинъ, безъ жены, хотя и получившей приглашеніе, но оставленной имъ дома потому, что она могла стѣснить его, помѣшать осуществленію проектовъ, слагавшихся подъ кудрями его новаго парика. Тотчасъ же все пошло по примѣру прежнихъ лѣтъ. Утромъ—визиты или занятія въ своихъ комнатахъ, завтраки, общія бесѣды, отдыхъ; потомъ, когда спадалъ жаръ, прогулки въ экипажахъ по лѣсамъ или по рѣкѣ въ легкой флотилии, стоящей у пристани въ

концѣ парка. Потомъ—люнчъ на какомъ-нибудь островкѣ, маленькія экскурсіи къ вершамъ, наполнять которыя каждое утро лежало на обязанности рѣчнаго сторожа-рыболова. По возвращеніи—туалеты къ парадному обѣду, послѣ котораго мужчины курили въ бильярдной, и затѣмъ все общество собиралось въ чудномъ салонѣ, бывшемъ когда-то «залой совѣта» Екатерины Медичи.

На шпалерахъ стѣнъ была изображена исторія любви Дидоны и отчаяніе покинутой при видѣ бѣгства троянскихъ галеръ, — странное и ироническое совпаденіе съ дѣйствительностью, чего, впрочемъ, никто не замѣчалъ, вслѣдствіе обычной въ свѣтскомъ кругу невнимательности къ обстановкѣ, происходящей не столько отъ равнодушія къ ней, сколько отъ привычки быть исключительно занятымъ своею особой, тѣмъ, какъ себя держать и какой отъ того получается эффектъ. А, между тѣмъ, контрастъ оказывался поразительный между трагическимъ неистовствомъ покинутой царицы съ поднятыми руками и заплаканными глазами, воспроизведенными мелкимъ вышиваньемъ по канвѣ, и невозмутимымъ спокойствіемъ улыбающейся герцогини, дающей тонъ всему обществу, сохраняющей свое превосходство надъ присутствующими женщинами, распоряжающейся ихъ туалетами и чтеніемъ, вышивающейся въ споры Ланибуара съ молодымъ критикомъ, въ дебаты Деминьера и Данжу о кандидатахъ на кресло Луазильона. Если бы могъ все это видѣть князь д'Атисъ, измѣнникъ Самі, о которомъ всѣ думали и никто не говорилъ ни слова, его гордость сильно пострадала бы отъ той ничтожной пустоты, которую оставило его отсутствіе въ жизни этой женщины, равно какъ и въ веселомъ, шумномъ замкѣ Муссо, гдѣ снизу доверху были закрыты сторами всего три окна въ отдѣленіи, носившемъ названіе павильона князя.

— Ведеть себя молодцомъ,—говорилъ Данжу съ перваго же вечера по пріѣздѣ.

А маленькая графиня Фодеръ съ востренькимъ, всюду любопытно сующимся носикомъ, торчащимъ изъ вороха кружевъ, и сентиментальная мадамъ Деминьеръ, совсѣмъ уже изготавившаяся выслушивать сокрушенныя жалобы и откровенности, въ себя не могли придти отъ такого великодушнаго спокойствія. Въ глубинѣ души онѣ были очень недовольны тѣмъ, что она ихъ «обманула», лишила драматическаго представленія, на которое онѣ очень рассчитывали. Что же касается мужчинъ, то ясная невозмутимость этой Ариадны представлялась имъ какъ бы поощреніемъ состяза-

ни на занятіе открывшейся ваканціи. Въ жизнь герцогини это внесло очень существенную перемену: всё или почти всё мужчины стали держать себя съ нею иначе: свободнѣе и настойчивѣе сдѣлались ихъ ухаживанья; старанія понравиться, отличиться, ихъ соперничество относилось уже прямо къ женщинѣ, а не къ ея вліянію.

Надо, впрочемъ, и то сказать, что Марія-Антонія была такъ хороша, какъ никогда въ жизни. При ея появленіи въ столовой, матовый блескъ цвѣта лица, ея плечи, открытыя овѣтлымъ, лѣтнимъ декольте, освѣщали весь столъ вокругъ нея даже тогда, когда бывала маркиза де Рока-Нера, пріѣзжавшая изъ сосѣдняго замка съ противоположнаго берега Луары. Маркиза была много моложе; но, глядя на нихъ, едва ли кто могъ это заподозрить. Въ тому же, внезапный отъѣздъ любовника придавалъ герцогинѣ совсѣмъ особливую, невысказываемую вслухъ привлекательность, таинственную дьявольскую прелесть, соблазнъ еще теплаго мѣстечка, на что такъ падки бываютъ мужчины. Философъ Ланибуаръ, докладчикъ о поощреніи Академіей добродѣтели, съ особенною силой испытывалъ на себѣ эту таинственную и нехорошую привлекательность; вдовый, пожилой, съ синеватымъ румянцемъ на меланхолическомъ лицѣ, онъ пытался плѣнить красавицу проявленіями силы и ловкости въ различныхъ видахъ спорта, за что слегка и поплачивался. Однажды, желая повернуть лодку энергичнымъ движеніемъ правѣла, онъ упалъ въ воду; въ другой разъ, когда онъ верхомъ гарцовалъ у дверцы ландо, лошадь такъ прижала его къ колесу, что ему пришлось нѣсколько дней просидѣть въ своей комнатѣ облѣпленному пластырями. Въ особенности же хорошъ онъ бывалъ въ гостиной, когда «выплясывалъ передъ ковчегомъ», — какъ говорилъ Данжу, — когда весь извивался своею долговязою фигурой, вызывалъ на діалектическій бой молодого критика, отважнаго двадцати-трехлѣтняго пессимиста, и подавлялъ его своимъ непоколебимымъ оптимизмомъ. Жена Ланибуара умерла отъ крупа, полученнаго у постели больныхъ дѣтей, умершихъ одновременно съ матерью; но у почтеннаго философа были свои соображенія, въ силу которыхъ онъ находилъ жизнь хорошею и даже восхитительною, и всякій разъ онъ заканчивалъ изложеніе своихъ доктринъ и свои жизнерадостныя диѳирамбы, какъ бы демонстраціей къ изображенной картинѣ, льстивымъ жестомъ по направленію открытаго лифа герцогини.

— Мыслимо ли недовольство жизнью, когда есть на свѣтѣ такія плечи!

Молодой критикъ велъ свои ухаживательскіе подходы очень тонко, можно сказать—злѣдѣйски. Большой поклонникъ князя д'Атиса еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ, когда поклонение выражается подражаніемъ, онъ съ первыхъ же шаговъ въ свѣтъ копировалъ всѣ замашки князя, его походку, даже выраженіе лица, какъ онъ, горбилъ спину, свысока и презрительно улыбался. Теперь онъ старался усилить сходство дѣтскимъ обезьянствомъ въ туалетѣ, въ манерѣ закалывать галстукъ булавкой, въ англійскомъ фасонѣ влѣтчатыхъ, муругихъ панталонъ. Къ сожалѣнію, по милости густыхъ волосъ на головѣ и отсутствія какой бы то ни было растительности на подбородкѣ, всѣ его старанія гибли безрезультатно и не вызывали въ бывшей любовницѣ князя ни малѣйшей тревоги. Къ его англійскимъ влѣткамъ она относилась съ такимъ же невозмутимымъ равнодушіемъ, съ какимъ смотрѣла на умирающіе отъ страсти взгляды Бретиньи-сына, и на выразительныя пожатія руки Бретиньи-отца, когда онъ бралъ ее подъ руку, чтобы вести къ столу. Но, какъ бы то ни было, все это поддерживало вокругъ герцогини пріятную атмосферу ухаживанья и нѣжной услужливости, къ которой пріучилъ ее д'Атисъ, разыгрывая много лѣтъ свою роль униженнаго обожателя. И гордость женщины не такъ сильно страдала отъ удара, нанесеннаго ей измѣной.

Изъ всѣхъ претендентовъ одинъ Данжу держалъ себя совершенно иначе, забавлялъ герцогиню своею закулисною болтовней, смѣшилъ ее. Иногда такая тактика отлично удается съ женщинами. Потомъ, когда, по его расчетамъ, красавица была достаточно подготовлена, въ одно прекрасное утро, только что она начала обычную прогулку въ сопровожденіи своихъ собакъ, вѣрнѣе же, не прогулку, а неистовый бѣгъ, которымъ она хотѣла развѣять свой гнѣвъ по кустамъ, полнымъ ранняго щебетанья птицъ, смыть его и охладить росю травы и листьвы,—на одномъ изъ поворотовъ аллея неожиданно показался Данжу и сдѣлалъ рѣшительную попытку. Въ бѣлой шерстяной парѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ баскской шапочкѣ, онъ искалъ развязку трехактной пьесы, которую обѣщалъ дать къ зимѣ артистамъ Французской Комедіи. Заглавіе—*Les Apparences*, дѣйствіе—въ большомъ свѣтѣ, сюжетъ очень сильный. Все написано, кромѣ послѣдней заключительной сцены.

— Ну, что-жь, давайте придумывать вмѣстѣ, — сказала герцогиня весело, щелкая длиннымъ бичомъ съ серебрянымъ свисткомъ, которымъ она сзывала свою стаю.

Съ первыхъ же словъ онъ заговорилъ о любви, о тоскѣ одиночества для нея, наконецъ, прямо предложилъ себя, цинично, à la Данжу. Герцогиня гордо выпрямилась, подняла голову и сжимала рукоятку собачьяго бича, готовая ударить имъ по лицу нахала, осмѣливагося обращаться съ нею, какъ съ фигурантками за кулисами театра. Но оскорбленіе, нанесенное ея достоинству, было, въ то же время, данью ея далеко не юной красотѣ, и внезапно залившій ея щеки румянецъ былъ вызванъ столько же удовольствіемъ, сколько и негодованіемъ. А онъ, между тѣмъ, продолжалъ, говорилъ все настоятельнѣе, старался отуманить ее трескучими словами, обсуждая дѣло не съ сердечной стороны, а скорѣе съ разумной точки зрѣнія обоюдныхъ интересовъ. Такой человѣкъ, какъ онъ!... Такая женщина, какъ она!... Вдвоемъ они будутъ держать весь міръ въ рукахъ.

— Благодарю покорно, милѣйшій мой Данжу... Всѣ эти прекрасныя разсужденія я слыхала, знаю. Отъ нихъ я до сихъ поръ еще плачу... — и высокомернымъ жестомъ, не допускающимъ возраженій, она указала драматургу на тѣнистую аллею. — Придумывайте одни вашу развязку, я иду домой...

Онъ остался на мѣстѣ, сильно сконфуженный, глядя вслѣдъ удаляющейся герцогини.

— Ни даже въ качествѣ зебра? — проговорилъ онъ жалобно.

Она оглянулась и, сдвинувъ черныя брови, сказала:

— Ахъ, да!... Мѣсто вакантное...

Ей припомнился Гаво, низкій паразитъ, которому она сдѣлала такъ много добра... И, безъ смѣху, утомленнымъ голосомъ, она прибавила:

— Въ качествѣ зебра, пожалуй, если хотите...

Потомъ она исчезла за кустами чудныхъ палевыхъ розъ, пышно разцвѣтшихъ и готовыхъ разсыпать свои лепестки при первомъ сильномъ дуновеніи вѣтра.

Было уже и то слишкомъ хорошо, что она выслушала его до конца, эта гордая Мари-Анто! Навѣрное, никогда и ни одинъ человѣкъ, ни даже ея князь, не говорилъ съ нею такимъ тономъ. Полный надеждъ и воодушевленія, возбужденный прекрасными, только что импровизованными тирадами, драматургъ скоро придумалъ свою заключительную сцену. Онъ возвращался напи-

сать ее до завтрака, какъ вдругъ остановился, пораженный тѣмъ, что окна въ комнатахъ князя открыты настежь. Что это значитъ? Какому избраннику предоставлялась честь занять это роскошное, удобное помѣщеніе съ видомъ на Луару и на паркъ? Данжу навелъ справки и успокоился. Оказалось, что комнаты отданы архитектору герцогини, пріѣхавшему въ замокъ поправляться послѣ болѣзни. Всѣмъ были извѣстны добрыя, пріятельскія отношенія, существовавшія между семействомъ Астье и хозяйкой дома и ничего особеннаго не представлялось въ томъ, что Поль принялъ какъ свой въ замкѣ, отчасти имъ же созданномъ. Однако же, когда новый гость явился къ завтраку, его хорошенькое, похудѣвшее личико, казавшееся еще болѣе блѣднымъ отъ бѣлаго китайскаго платна, его дуэль, его рана, романическій ореолъ, всегда прикрашивающій этого рода приключенія, казалось, произвели живое впечатлѣніе на женщинъ; сама герцогиня относилась къ нему съ такою заботливостью, съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ, что красавецъ Данжу, одинъ изъ тѣхъ ненасытныхъ, которымъ всякій успѣхъ другаго человѣка кажется посягательствомъ на его достоинство и почти кражей, почувствовалъ нѣчто вродѣ ревнивой зависти. Опустивши глаза въ тарелку и пользуясь своимъ почетнымъ мѣстомъ, онъ тихимъ голосомъ началъ разгромъ красиваго молодого человѣка, на его несчастье немного попорченнаго кривымъ носомъ, унаслѣдованнымъ отъ матери. Драматургъ подтрунивалъ надъ дуэлью и надъ его раной, надъ репутаціей, сдѣланной въ фехтовальныхъ залахъ и лопающейся, какъ мыльный пузырь отъ укола, при первомъ серьезномъ столкновеніи.

— Знаете, пустое все это, ихъ ссора за картами... Дѣло было изъ-за женщины... — прибавилъ онъ, не воображая даже, какъ это вышло кстати.

— Дуэль?... вы думаете?

— Навѣрное знаю, — подтвердилъ онъ и, восхищенный своею коварною выходкой, принялся занимать общество, ослѣпляя всѣхъ острыми словечками, анекдотами, обильный запасъ которыхъ онъ всегда имѣлъ при себѣ и пускалъ въ ходъ, какъ маленькій карманный фейерверкъ. По этой части Поль Астье былъ не силенъ, и женскія симпатіи быстро вернулись на сторону прославленнаго разговорныхъ дѣлъ мастера, въ особенности же, когда онъ объявилъ, что развязка найдена, пьеса готова и онъ прочтетъ ее въ гостиной во время жары. Крикомъ восторга пріѣхавство-

вали дамы этотъ рѣдкій случай нарушенія обычной монотонности; къ тому же, каково счастье для этихъ привилегированныхъ, уже и безъ того очень гордящихся возможностью ставить въ заголовкѣ своихъ писемъ: «Муссо-на-Луарѣ», — сообщить своимъ отсутствующимъ добрымъ пріятельницамъ подробности о новой пьесѣ Данжу, прочитанной самими Данжу, и затѣмъ имѣть право сказать зимой, пока будутъ идти репетиціи: «Пьеса Данжу! я ее знаю, онъ намъ читалъ ее въ замкѣ».

Въ то время, какъ всѣ выходили изъ-за стола въ восхищеніи отъ такой пріятной новости, герцогиня подошла къ Полю Астье и взяла его подъ руку съ своею обычною, немного деспотическою граціей.

— Пройдемтесь по галлерей, — здѣсь дышать нечѣмъ...

Душно было и на воздухѣ, даже на высотѣ галлерей, куда отъ рѣвки, какъ отъ нагрѣтаго котла, поднимались горячія испаренія, въ которыхъ тонули зеленые берега и полузалитые островки. Герцогиня увела молодого человѣка на самый конецъ, къ послѣдней аркѣ, далеко отъ курильщиковъ, и, сжимая его руки, проговорила:

— Такъ за меня это... за меня...

— За васъ, герцогиня...

И онъ прибавилъ, едва разжимая губы:

— Дѣло не кончено... придется еще разъ...

— Молчите вы, негодный мальчижъ!

Она смолкла, заслышавши чьи-то шаги.

— Данжу!

— Герцогиня?...

— Я забыла вѣреть въ столовой, гдѣ сидѣла... будьте милы...

Когда онъ удалился, она обратилась къ молодому человѣку:

— Я вамъ запрещаю, Поль... Начать съ того, что съ такими мерзавцами не дерутся... Если бы мы были одни... если бы я могла сказать вамъ...

Ея нервный голосъ и порывистыя движенія удивили Поля Астье. По прошествіи мѣсяца онъ рассчитывалъ встрѣтить ее болѣе успокоившеюся. Онъ, очевидно, ошибся и не выговорилъ своего неотразимаго: «Я люблю васъ... всегда любилъ»... — какъ мечталъ это сдѣлать при первомъ же объясненіи. Онъ ограничился тѣмъ, что сталъ рассказывать про дуэль, повидимому, очень ее интересовавшую, когда академикъ вернулся съ вѣеромъ.

— Добрый зебръ Данжу,—сказала она въ знакъ благодарности.

Драматургъ сдѣлалъ легкую гримасу и тѣмъ же тономъ, въ полголоса, отвѣтилъ:

— Да... но при обѣщаніи повышенія... безъ чего...

— Какъ, уже начинаются требованія?!

Въ наказаніе она слегка ударила его въеромъ и, желая, чтобы къ предстоящему чтенію онъ былъ въ духѣ, направилась съ нимъ подъ руку въ гостиную, гдѣ уже лежала рукопись на кокетливомъ столикѣ противъ полуоткрытаго, высокаго окна, выходящаго въ тѣнистый, прохладой паркъ.

— *Обманчивая внимательность...* въ трехъ дѣйствіяхъ... дѣйствующія лица...

Дамы сѣли тѣснымъ кружкомъ, какъ можно ближе, съ милымъ, легкимъ вздрагиваніемъ, которое служить явнымъ признакомъ нетерпѣливаго ожиданія предстоящаго наслажденія. Данжу читалъ какъ подобаешь настоящему «скомороху», по Пишералию,— съ остановками, чтобы смочить губы стаканомъ воды, вытереть ихъ тонкимъ батистовымъ платкомъ; покончивши каждую страницу, исписанную его мелкимъ почеркомъ, онъ небрежно бросалъ ее на коверъ къ своимъ ногамъ. И всякій разъ, мадамъ Фодеръ, чужестранка, незнакомая съ повадками знаменитостей, безшумно нагибалась, поднимала упавшій листокъ и почтительно клала рядомъ съ собою на кресло въ должномъ порядкѣ. Это скромное и восхитительное занятіе приближало ее въ великому писателю, дѣлало и ее до нѣкоторой степени участницей въ его произведеніи такъ же точно, какъ если бы Листъ или Рубинштейнъ игралъ на фортепіано, а она перевертывала бы листы нотъ. Все шло отлично до конца перваго акта; веселая, бойкая и завлекательная экспозиція вызывала сдержанные крики восторга, оживленный смѣхъ и взрывы «браво». Потомъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, среди котораго изъ парка явственно доносилось гудѣнье насѣкомыхъ въ верхушкахъ деревьевъ, авторъ отеръ губы платкомъ и опять принялся за чтеніе:

— Дѣйствіе второе... Сцена представляетъ...

Но съ каждою репликой голосъ его становился менѣе увѣреннымъ, замѣтно падалъ. Драматургъ замѣтилъ пустое кресло въ первомъ ряду; какъ разъ—кресло Антоніи, и, взглядывая по-верхъ лорнета, началъ отыскивать ее глазами въ огромномъ салонѣ, заставленномъ группами растений и ширмочками, за кото-

рыми укрывались нѣкоторые изъ присутствующихъ, чтобы лучше слушать или покойнѣе вздремнуть... Наконецъ, въ одну изъ частыхъ и методическихъ остановокъ, посвященныхъ стакану съ водой, онъ разслышалъ тихій шепотъ, заприимѣтилъ край свѣтлаго платья и въ самой глубинѣ комнаты, на диванѣ, увидалъ герцогиню рядомъ съ Полемъ Астье, занятую продолженіемъ разговора, прерваннаго на галлерей. Для человѣка, избалованнаго всяческими успѣхами, какимъ былъ Данжу, это показалось очень чувствительнымъ оскорбленіемъ. Тѣмъ не менѣе, у него хватило силы продолжать чтеніе втораго акта, только прочитанные листы такъ летѣли въ разные стороны, что бѣдняжка Фодеръ принуждена была гоняться за ними на четверенькахъ. Въ концѣ-концовъ, онъ, однако, не выдержалъ, и такъ какъ шепотъ не смолкалъ, то прекратилъ чтеніе, ссылаясь на внезапное нездоровье, вынуждающее его отложить продолженіе до завтра. Герцогиня, увлеченная бесѣдой о дуэли, вообразила, что пьеса кончена, и съ одушевленными жестами своихъ маленькихъ ручекъ крикнула:

— Bravo, Данжу... развязка прелестна!

Вечеромъ великій человѣкъ разнемогся, или притворился, и на зарѣ уѣхалъ изъ Муссо, ни съ кѣмъ не простившись. Былъ ли въ немъ, просто, оскорбленъ авторъ, или онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что молодой Астье вотъ-вотъ займетъ мѣсто князя? Какъ бы то ни было, съ его отъѣзда прошла цѣлая недѣля, а Полю едва удавалось вставить въ разговоръ нѣжное словечко. Бъ нему были очень внимательны, выказывали почти материнскую заботливость, спрашивали о здоровьѣ, освѣдомлялись, не слишкомъ ли жарко въ его комнатѣ, выходящей окнами на югъ, не утомляютъ ли его катанья въ ландо, или—не опасно ли для него оставаться слишкомъ поздно на рѣкѣ; но какъ только онъ пытался заговорить о любви, герцогиня быстро удалялась, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ. Только это была уже далеко не та неприступная Антонія, которую онъ видалъ въ прежнее время. Та—гордая и спокойная—однимъ движеніемъ бровей умѣла любого смѣльчака поставить на свое мѣсто. То былъ невозмутимый покой чудной рѣви, заключенной въ плотины. Теперь плотина начинала подаваться, въ ней уже чувствовалась трещина, черезъ которую прорывался настоящій характеръ женщины. Порою она возмущалась противъ обычаевъ, противъ условій свѣта, къ которымъ относилась всегда съ такимъ уваженіемъ, и поддавалась потребности безпрерывно двигаться, уставать до изнемо-

женія. Проектировались празднества, иллюминаціи, осенью большія охоты съ гончими подъ ея личнымъ предводительствомъ, хотя она уже много лѣтъ не ѣздила на лошади. Молодой человекъ внимательно всматривался во всё проявленія ея душевной тревоги, за всѣмъ зорко слѣдилъ хищнымъ взоромъ, твердо рѣшившись ни въ какомъ случаѣ не тянуть канители два года, какъ съ Колетой Розень.

Послѣ утомительнаго дня катаній и всякихъ экскурсій общество разошлось рано по своимъ комнатамъ. Поль ушелъ тоже къ себѣ, снялъ фракъ и жилетъ, надѣлъ шелговую рубашку, туфли, закурилъ хорошую сигару и принялся писать матери, обсуждая и взвѣсивая каждое слово. М'шап гостила въ Блю-Жаланжѣ и всѣ глаза просматрѣла, сился разглядѣть на горизонтѣ, за поворотомъ рѣки, четыре башенки замка Муусо; необходимо увѣрить ее, что примиреніе невозможно, и въ настоящее время даже немисливо свиданіе съ ея бывшею пріятельницей... Слуга покорный! Побирושка она, добрѣйшая м'шап, и всего лучше, если побудетъ подальше отъ его личныхъ дѣлъ... Надо было ей такъ же напомнить о предстоящемъ платежѣ по векселю въ концѣ мѣсяца и объ ея обѣщаніи послать денегъ Стену, оставленному въ улицѣ Фортуни защищать отъ кредиторовъ домъ въ стилѣ Людовика XII. Если еще не получены деньги отъ Самі, тогда слѣдуетъ занять у Фрейде; они, конечно, не откажутъ выручить на нѣсколько дней, такъ какъ полученные утромъ парижскія газеты, въ иностранныхъ корреспонденціяхъ, уже извѣстили о свадьбѣ нашего посланника въ Петербургъ, сообщили даже подробное описаніе туалетовъ новобрачной и имя польскаго епископа, совершавшаго бракосочетаніе. М'шап можетъ себѣ представить, какъ прошелъ завтракъ по полученіи этой новости, которую всѣ знали, которую хозяйка дома читала во всѣхъ взглядахъ и въ стараніяхъ гостей говорить о другомъ. Несчастливая герцогиня все время молчала, а выйдя изъ-за стола, почувствовала непреодолимую потребность встряхнуть себя и, не смотря на страшную жару, забрала все общество и въ трехъ экипажахъ повезла въ замокъ Пуассоньеръ, гдѣ родился поэтъ Ронсаръ. Шесть верстъ ѣзды по солнцу въ пыли ради удовольствія слушать, какъ, забравшись на старый цоколь, такой же ободранный, какъ онъ самъ, Ланибуаръ декламируетъ: «*Mignonne, allons voir si la rose*»... На возвратномъ пути — осмотръ пріюта для сиротъ земледѣльцевъ, основаннаго старымъ Падова-

ни. Штап знаетъ, вѣроятно, этотъ пріютъ. Осматривали дортуары, прачешныя, земледѣльческіе инструменты, классныя тетрадки—до тошноты, а солнце такъ и жарило, Ланибуаръ говорилъ рѣчь маленькимъ воспитанникамъ, имѣвшимъ видъ арестантовъ, и восхвалялъ имъ прелести жизни. Въ заключеніе останавливались еще разъ и въ конецъ измучились на чугунно-плавильномъ заводѣ близъ Онзена; цѣлый часъ провели на солнечномъ припежѣ, въ каменно-угольномъ дыму трехъ громаднхъ доменныхъ печей, чуть ногъ не переломали, спотыкаясь по рельсамъ, отскакивая отъ катящихся вагончиковъ и отъ глыбъ раскаленнаго металла... А герцогиня, возбужденная и неутомимая, ни на что не смотрѣла, нечего не слушала, ходила все время подъ руку съ Бретиньи-отцомъ и, казалось, о чемъ-то горячо спорила, ничуть не интересуясь ни заводомъ съ его домнами, ни поѣтомъ Ронсаромъ, ни сиротскимъ пріютомъ.

Въ расчетъ уменьшить, по возможности, сожалѣнія своей мамы, Поль приложилъ особенное стараніе къ тому, чтобы самими мрачными красками изобразить скуку, удручающую Муссо въ этомъ году. Онъ дошелъ до этого мѣста своего письма, когда раздался легкій стукъ въ дверь. Поль подумалъ, что пришелъ юный критикъ или Бретиньи-сынъ, быть можетъ, даже Ланибуаръ, очень волновавшійся за послѣднее время и часто засиживавшійся до поздняго времени въ его комнатѣ, самой просторной и удобной, съ прилегающимъ къ ней хорошенькимъ кабинетомъ для куренья. Молодой человекъ былъ крайне удивленъ, когда, отворивши дверь, увидалъ, что длинная галлерей перваго этажа, освѣщенная луною, совершенно пуста. Онъ вернулся и хотѣлъ уже сѣсть, но стукъ повторился, и на этотъ разъ онъ явственно слышался изъ курильнаго кабинета, соединеннаго маленькою, замаскированной обоями дверью съ узкимъ ходомъ въ стѣнѣ башни, ведущимъ на половину герцогини. Сообщение это существовало задолго до реставраціи Муссо и было неизвѣстно архитектору. Ему тотчасъ же припомнились нѣкоторые разговоры въ мужской компаніи за послѣдніе дни, въ особенности же—отчаянно-скромныя рассказы Ланибуара. «Ахъ, чортъ возьми! Вотъ штука, если она насъ слышала...»—подумалъ молодой человекъ. Дверь была отперта; герцогиня молча подошла къ столу, на которомъ онъ писалъ, и положила связку пожелтѣвшихъ бумагъ, смятыхъ нервнымъ движеніемъ руки.

— Посовѣтуйте мнѣ,—заговорила хозяйка очень серьезно.— Вы другъ... вамъ одному я довѣряю...

Ему одному, несчастная женщина!... Ее не предостерегъ взглядъ хищника, прячущійся и подирадывающійся, перебѣгающій отъ недоконченнаго письма на столъ, которое она могла прочесть, къ чуднымъ открытымъ рукамъ въ кружевномъ пеньюарѣ, къ тяжелымъ косамъ, заложенымъ на ночь. Онъ раздумывалъ: «что ей нужно? Зачѣмъ она пришла?» — А она, себя не помня отъ гнѣва, отъ возврата бѣшеной злобы, душившей ее съ самаго утра, говорила задыхающимися, прерывистымъ голосомъ:

— За нѣсколько дней до вашего прїѣзда онъ присылалъ ко мнѣ Гаво... да, онъ осмѣлился... присылалъ требовать свои письма... О, и приняла же я его... въ другой разъ не явится... Письма! хороши письма!... вотъ до чего онъ добирался.

Она подала ему связку, исторію ихъ любви, цѣлое «дѣло», заключающее въ себѣ доказательства, чего стоилъ ей этотъ человекъ, сколько переплатила она для того, чтобы вытащить его изъ грязи.

— О, возьмите, возьмите... посмотрите, это любопытно.

Поль перелистывалъ эту странную коллекцію бумагъ, пропитанныхъ ароматомъ ея духовъ и достойную фигурировать въ витринахъ Боса: тутъ были фантастическіе счета мнимыхъ торговцевъ рѣдкостями, ювелировъ-заглазчиковъ, прачекъ и строителей яхтъ, агентовъ по продажѣ туренскихъ игристыхъ винъ, векселя въ сотню тысячъ франковъ извѣстнымъ коготкамъ, теперь уже умершимъ, исчезнувшимъ или сдѣлавшимъ богатыя партіи, росписки метръ-д'отелей, клубныхъ лакеевъ, — словомъ, документы всѣхъ видовъ парижскаго ростовщичества, свидѣтельства конечнаго разоренія «вивера».

— Видите,—глухимъ голосомъ говорила Мари'Анто,—дороже Муссо обобщась мнѣ реставрація этого князька!... Это много лѣтъ лежало у меня въ шифоньеркѣ... я все прибираю; но, взглянувъ Богомъ, никогда не имѣла въ виду воспользоваться этими бумагами... Теперь я разсудила иначе... онъ богатъ... я хочу получить обратно мои деньги и съ процентами на нихъ, въ противномъ случаѣ — потребую судомъ... Что вы скажете, въ правѣ я?...

— Совершенно... только... — Онъ крутилъ кончикъ своей русской бородки. — Не былъ развѣ князь д'Атисъ объявленъ несостоятельнымъ въ то время, какъ подписывалъ эти обязательства?

— Конечно... я знаю это. Мнѣ Бретиньи сказалъ... Черезъ Гаво ничего отъ меня не добились, тогда написали Бретиньи, просили его устроить сдѣлку... по-товарищески, какъ подобаеетъ между академиками!...

Въ ея рѣзкомъ смѣхѣ звучало одинаковое презрѣніе и къ посланнику, и къ бывшему министру, и къ общему обоемъ титулу академикомъ.

— Само собою разумѣется, что я могла не платить за него, но я хотѣла хоть сколько-нибудь выбѣлить его... и не нуждаюсь я ни въ какихъ посредничествахъ, ни въ какихъ сдѣлкахъ... Я платила, пусть и мнѣ заплатятъ... или обращусь къ суду, подниму скандалъ, грязью закидаю его имя, его званіе посланника Франціи... Удастся мнѣ опозорить этого негодяя, и мнѣ больше ничего не нужно...

— Это такъ,—сказалъ Поль Астье, глядя на столъ бумаги и припрятывая стѣснявшее его письмо къ матери,—это такъ! Но какъ могъ онъ оставить въ вашихъ рукахъ такія улики противъ себя... человекъ настолько ловкій...

— Онъ-то ловкій?...—она не договорила и презрительно пожала плечами.

Поль сталъ уже ради потѣхи подзадоривать ее, такъ какъ нельзя никогда предвидѣть, до чего можетъ договориться женщина, раздосадованная до бѣшенства.

— Однако, онъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ...

— Дипломатомъ я его гримировала. Знаеетъ онъ по этой части лишь то, чему я его выучила.

— Въ такомъ случаѣ, легенда про Бисмарка?...

— Что тотъ не могъ смотрѣть ему въ глаза?... Ха-ха-ха! Еще бы! Кто же не отвернется, когда онъ заговорить?... Не ротъ у него—клоака...

И, какъ бы стыдась, она закрыла лицо руками, силилась подавить рыданія, злобно хрипѣла:

— Легко... легко сказать только... двѣнадцать лѣтъ жизни отдала такому-то человеку... А теперь онъ бросилъ, онъ не хотѣлъ... онъ!...

Ея гордость жестоко страдала отъ этой мысли. Быстро ходя по комнатѣ, отъ широкой низкой кровати, закрытой старинною драпировкой, до освѣщеннаго лампой стола, герцогиня старалась уяснить себѣ причину ихъ разрыва, вслухъ повторяла вопросъ:

— Почему?... почему?...—Двусмысленность ихъ положенія?

Но онъ хорошо, вѣдь, зная, что это скоро кончится, что не пройдетъ года, какъ они будутъ повѣнчаны... Состояніе, милліоны этой дурочки?... Точно будто у меня - то нѣтъ состоянія, и, къ тому же, связей, вліянія въ свѣтъ, которыхъ нѣтъ у Совадонъ... Что же, въ такомъ случаѣ? Молодость?...—Она въ бѣшенствѣ захотѣла...—ха-ха-ха! Бѣдняжка вдовушка! на что нужна ему ея молодость?!

— Какъ на что?...—тихо проговорилъ Поль, улыбаясь и осторожно подвигаясь къ герцогинѣ.

Вотъ тутъ-то и было самое больное мѣсто; она особенно налегала на это, какъ бы нарочно усиливала свои страданія. Молодость... молодость!... да начать съ того, что развѣ годами опредѣляется молодость женщины?... Очень легко можетъ быть, что господинъ посланникъ прогадаетъ...—и быстрымъ движеніемъ обѣихъ рукъ она раздвинула кружева ночнаго пеньюара на своей круглой шеѣ безъ единой морщинки, на своихъ великобланныхъ плечахъ.

— Вотъ гдѣ... вотъ по чему распознается молодость женщины...

Быстро, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, страстные руки докончили начатое ею движеніе: пеньюаръ, застежки, все трещало, разлеталось по комнатѣ; сама она подхвачена, унесена, какой-то пламень вихремъ проносится надъ нею; нѣчто могучее и сладкое, и непреодолимое, о чемъ она до этого дня не имѣла никакого представленія, сжимаетъ ее, захватываетъ все ея существо, стихаетъ лишь затѣмъ, чтобы охватить съ новою силой, вновь поглотить ее... Этого ли она ожидала, входя сюда? За этимъ ли приходила, какъ онъ можетъ, пожалуй, подумать? Нѣтъ, то было увлеченіе оскорбленной гордости, отвращеніе къ прошлому, безумный взрывъ бѣшенства, лишавшій женщину всякаго самообладанія, какъ въ ночь кораблекрушенія. Но никогда въ жизни не была она доступна ничему низкому, никакому дрянному расчету.

И вотъ она опомнилась, пришла въ себя, наконецъ, сама себя не вѣрить... Она... Этотъ молодой человѣкъ!... Какъ могло это случиться?... Умереть надо со стыда! А онъ вздыхаетъ:

— Я люблю васъ... всегда любилъ... вспомните только...

И на своихъ рукахъ она чувствуетъ горячіе поцѣлуи, всѣмъ существомъ своимъ опять ощущаетъ приливъ тѣхъ же пламенныхъ волнъ. Вдали раздаются удары колокола, ясные звуки раз-

носится въ утреннемъ воздухѣ... Она вырывается, убѣгаетъ, какъ потерянная, забываетъ даже унести съ собою свои бумаги, орудіе своей мести.

Мстить? за что? для чего мстить? Въ эту минуту въ ея сердцѣ не было мѣста ненависти,—она любила. И такъ ново было, такъ необычайно для этой свѣтской женщины чувство любви, настоящей, полной любви, съ ея самоабвеніемъ и восторгами, что въ пылу перваго увлеченія она наивно подумала, будто умираетъ. Съ этого дня въ ней вдругъ все стихло, она какъ бы выздоровѣла, спокойнѣе сдѣлалась походка, мягче голосъ. Она стала другою женщиной,—такою, про которыхъ простою народъ, видя ихъ подъ руку съ любовникомъ или мужемъ, говорить: «Она нашла то, чего искала». Подобный типъ встрѣчается рѣже, чѣмъ предполагаютъ, особливо же въ такъ называемомъ «обществѣ». Здѣсь же онъ усложнился еще необходимостью соблюдать извѣстныя условія, исполнять обязанности хозяйки дома, провожающей однихъ гостей и встрѣчающей новую серію приглашенныхъ, болѣе многочисленныхъ и не такихъ уже близкихъ, всю академическую знать: герцога де Бурсонъ-Лонэ, князя и княгиню Фицъ-Рой, де Сиркуръ, супруговъ Ушенаръ, посланника Сентъ-Аволя, Мозера съ дочерью, господина и госпожу Анри изъ американской миссіи.

Тяжелая задача—накормить и занять всѣхъ, соединить между собою такое разнородное общество. На это герцогиня была всегда необыкновенною мастерицей; теперь же это было ей въ тягость. Ей бы хотѣлось не двигаться съ мѣста, наслаждаться своимъ счастьемъ, отдаться ему всецѣло; и она не находила ничего лучшаго для развлечения своихъ гостей, какъ возить ихъ къ вѣчнымъ рыбнымъ вершамъ на рѣкѣ, въ замокъ Ронсара, въ сиротскій пріютъ, и бывала всегда довольна, когда могла случайно въ экипажѣ или въ лодкѣ дотронуться рукою до руки Поля.

Во время одной изъ такихъ скучнѣйшихъ прогулокъ по Луарѣ, флотилія замка Муссо, съ шелковыми тентами и съ флагами, украшенными герцогскими гербами, проплыла дальше, чѣмъ обыкновенно. Поль Астье, находившійся въ передней лодкѣ, шедшей впереди герцогининой, сидѣлъ на кормѣ рядомъ съ Ланибуаромъ, повѣрившимъ ему свои сердечныя тайны. Получивши дозволеніе остаться въ Муссо до окончанія своего довлда, старый шутъ вообразилъ, что его дѣла по части завоеванія на-

слѣдства Самі отлично подвигаются впередъ и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ дѣлился съ Полемъ своими надеждами, передавалъ ему, что онъ сказалъ, какъ ему отвѣтили, обращался съ вопросами:

— Что бы вы, молодой человекъ, на моемъ мѣстѣ сдѣлали? Изъ плывущей за ними лодки звучно раздался по водѣ голосъ Антоніи:

— Месьё Астье!...

— Герцогиня?

— Посмотрите вонъ туда, въ тростники... Кажется, это Ведринъ.

На самомъ дѣлѣ, въ плодородной лодкѣ, привязанной къ сучку ольхи у зеленого островка, Ведринъ рисовалъ картину; жена и дѣти были съ нимъ. Катающіеся быстро подѣхали, стали бортъ съ бортомъ. Вѣчно скучающимъ свѣтскимъ людямъ все представлялось развлеченіемъ. Въ то время, какъ герцогиня съ привѣтливою улыбкой здоровалась съ женою Ведрина, когда-то гостившею у нея въ Муссо, другія дамы любопытно осматривали семью художника, его прелестныхъ дѣтей, пріютившихся въ этой тиши, подъ раскидистою тѣнью деревьевъ, на гладкой лазури воды, въ которой отражалась картина ихъ счастья.

Ведринъ поздоровался со всѣми и, не выпуская изъ рукъ палитры, сообщалъ Полю о томъ, что дѣлается въ Блю-Жаланжѣ, видѣвшемся въ полугорѣ сквозь дымку стелящейся надъ рѣкою иллы.

— Тамъ, мой милѣйшій, всѣ съ ума сходятъ! Всѣмъ вскружило головы кресло Луазильона. Цѣлыми днями только и дѣлаютъ, что считаютъ голоса, — всѣ, твоя матушка, Пишераль и бѣдняжка больная въ своемъ креслѣ на колесахъ... Она тоже заразилась академическою лихорадкой и теперь собирается перѣзжать въ Парижъ, давать пиры, помогать кандидатурѣ брата.

И вотъ онъ, Ведринъ, чтобы не видать этого безумія, уходитъ на цѣлые дни съ своею семьей, работаетъ на просторѣ, и, указывая на старую лодку, посмѣивается безъ малѣйшей тѣни горечи:

— Вотъ оно, видишь... мое большое путешествіе по Нилу.

Вдругъ его маленькій сынишка, не обращавшій вниманія ни на красивыхъ дамъ, ни на ихъ туалеты, все время не сводившій глазъ съ Ланибуара, звонкимъ голосомъ обратился къ академику:

— Скажите, это вы тотъ старичокъ изъ Академіи, которому скоро будетъ сто лѣтъ?

Почтенный докладчикъ, выдѣлывавшій весломъ разныя щегольскія эволюціи передъ красавицей Антоніей, чуть не упалъ навзничъ въ лодку. Когда дружный хохотъ немного стихъ, Ведринъ разсказалъ о томъ, какъ необыкновенно странно интересуется ребенокъ Жаномъ Рею, котораго совсѣмъ не знаетъ и даже въ глаза не видалъ, а единственно потому, что ему скоро будетъ сто лѣтъ. Мальчикъ каждый день спрашиваетъ о старикѣ, спрашиваетъ, какъ онъ поживаетъ. Въ маленькомъ ребенкѣ сказывалось уваженіе къ долголѣтію, почти эгоистическое, бессознательная надежда дожить тоже до ста лѣтъ, такъ какъ доживаютъ же другіе.

Между тѣмъ, въ воздухѣ засвѣжѣло, вѣтеръ заигралъ дамскими вуалями, флагами и вымпелами маленькой флотилии. Отъ Блуа поднималась туча и подвигалась къ Муссо, сверкавшему окнами своихъ четырехъ башенокъ на потемнѣвшемъ небѣ; плотная завѣса дождя закрыла горизонтъ. Всѣ засустились, заспѣшили домой. Лодки двинулись вереницей одна за другою между песчаными отмелями по узкому фарватеру. Весело глядя на всю эту пестроту, на красивые силуэты лодочниковъ, сильно напирających на свои длинные шесты, Ведринъ обратился къ женѣ, закутывавшей дѣтей и убиравшей ящикъ съ красками, стоя на молвняхъ въ лодкѣ:

— Посмотри, маман... знаешь, когда я говорю тебѣ про кого-нибудь изъ товарищей, что мы съ нимъ съ одной лодки... вотъ тебѣ теперь, можетъ быть, ясно и понятно это выраженіе... всѣ эти лодки вытянулись одна за другою, по вѣтру убѣгаютъ отъ надвигающейся ночи... таковы наши поколѣнія артистовъ... Какъ тамъ ни церемонься въ одной лодкѣ, всѣ знаютъ другъ друга, сидятъ бокъ-о-бокъ; всѣ друзья поневолѣ, и даже не сознавая этого, потому только, что плывутъ на одномъ бортѣ. Но тѣ, что впереди, тѣ замѣшгались, дорогу загораживаютъ! Между ихъ лодкой и нашей нѣтъ ничего общаго. Мы далеко другъ отъ друга и другъ друга не понимаемъ. Мы и занимаемся-то ими лишь для того, чтобы кричать: «Подвигайтесь вы впередъ!... Чего стали?»... Тогда какъ другой лодкѣ, слѣдующей за нами, нагоняющей насъ въ порывѣ молодости, готовой налетѣть на насъ, потопить и пройти по нашимъ тѣламъ, мы гнѣвно кричимъ: «Тише вы!... Буда спѣшите?...» Ну, такъ вотъ я,—

продолжалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ, — я плаву въ своей лодкѣ и, конечно, люблю свою лодку; но и тѣ, что впереди, и тѣ, что идутъ сзади, интересуютъ меня столько же, какъ и моя лодка. Я кричу имъ, дѣлаю знаки, стараюсь поддерживать связь со всѣми потому, что всѣмъ намъ, переднимъ и отставшимъ, грозятъ однѣ и тѣ же опасности, для каждой изъ нашихъ лодокъ путь труденъ, погода измѣнчива и вечеръ наступаетъ быстро... Теперь въ путь, мои дорогіе, — сейчасъ хлынетъ дождь.

ХІІІ.

«Молитесь за упокой души высокороднаго, могущественнаго владѣтельнаго сеньора и герцога Карла-Генриха-Франциска Падовани, князя Ольмюцкаго, бывшаго сенатора, посланника и министра, кавалера ордена Почетнаго Легиона большаго креста, представившагося 20 сего сентября 1880 года, въ своихъ владѣніяхъ въ Барбизагліи, гдѣ и покоятся его останки. Заупокойная обѣдня имѣетъ быть въ слѣдующее воскресенье въ домовою церкви замка. Васъ просятъ къ оной пожаловать».

Чувство радости, необычайной гордости охватило Поля Астье, когда, выходя изъ своей комнаты къ завтраку, онъ услышалъ эту странную прокламацію, выкрикиваемую отъ Муссо до Онзена по обѣимъ берегамъ Луары посыльными конторы Вафляра въ высокихъ шляпахъ, обвернутыхъ чернымъ крепомъ, спускающимся до земли, съ большими колокольчиками въ рукахъ, которыми они позванивали на ходу. Вѣсть о смерти герцога достигла только на четвертый день до Муссо, какъ ружейный выстрѣлъ въ стадо куропатокъ, спугнула и разсѣяла всѣхъ приглашенныхъ второй серіи. Герцогиня вынуждена была наскоро собраться и ѣхать въ Борсику; въ замкѣ остались лишь очень немногіе короткіе знакомые. Какъ бы то ни было, печальныя выкрикиванія и звуки позванивающихъ на ходу колокольчиковъ, разносимые вѣтромъ по берегамъ Луары, это сообщеніе о смерти, возвѣщаемое по-королевски и по обычаямъ давно прошедшей старины, придавали замку Муссо характеръ своеобразнаго величія, отъ чего какъ будто выше становились его четыре башни и вершины его вѣковыхъ деревьевъ. А такъ какъ теперь все это должно достаться Полю, такъ какъ его любовница, уѣзжая, умоляла его остаться въ замкѣ для рѣшенія очень важныхъ вопросовъ по ея

возвращеніи, печальная декламація казалась молодому человѣку чѣмъ-то вродѣ оповѣщенія о его близкомъ вступленіи во владѣніе... «Молитесь за упокой души...» Наконецъ-то, вотъ оно, тутъ, въ его рукахъ, огромное состояніе, и уже на этотъ разъ никому не дастъ онъ вырвать у себя это богатство... «бывшаго сенатора, посланника и министра...»

— Какое уныніе наводятъ эти колокола, не правда ли, мѣсьё Поль?—обратилась къ нему мадемуазель Мозеръ, сидя за завтракомъ между отцомъ и академикомъ Ланибуаромъ.

Герцогиня удержала ихъ въ Муссо отчасти для развлеченія Поля Астье въ его одиночествѣ, отчасти же для того, чтобы дать немного отдохнуть и поправиться несчастной Антигонѣ, измученной рабствомъ ради вѣчной кандидатуры отца. Къ тому же, не было ни малѣйшаго повода опасаться какого-либо женскаго соперничества со стороны дѣвицы Мозеръ, съ ея взглядомъ забитой собаки, съ ея точно выпцвѣтшими волосами и единственною заботой униженно вымалывать недоступное академическое кресло. Въ это утро, однако же, она похлопотала прикраситься и принарядиться, надѣла новое платье съ вырѣзомъ сердечкомъ. Открытое этимъ вырѣзомъ могло казаться и сомнительнымъ, и скучнымъ, но, вѣдь, на безрыбѣ... И Ланибуаръ расходился, заигрывалъ съ нею, говорилъ такія вещи... На него не наводили унынія ни похоронный звонъ, ни выкрикиванія: «Молитесь за упокой...»—доносившіяся до замка. Напротивъ, жизнь ему казалась еще прекраснѣе, вино въ графинахъ еще золотистѣе, и его довольно сальныя исторіи отдавались страннымъ диссонансомъ въ слишкомъ обширной столовой. Кандидатъ Мозеръ, жалкая фигура съ подобострастнымъ лицомъ, смѣялся заискивающимъ смѣхомъ, хотя его и стѣсняло присутствіе дочери; но философъ былъ силою въ Академіи.

Послѣ кофе на террасѣ Ланибуаръ, раскраснѣвшійся, какъ американскій индѣецъ, крикнулъ:

— Пойдемте заниматься, мадемуазель Мозеръ. Сегодня я въ особенномъ расположеніи и думаю, что закончу мой докладъ.

Бѣдняжка Мозеръ, иногда замѣнявшая ему секретаря, покорно, хотя и не безъ сожалѣнія, поднялась съ мѣста. Въ такую прекрасную погоду первыхъ осеннихъ дней она бы предпочла большую прогулку въ паркѣ, охотнѣе осталась бы на галлерей разговаривать съ мѣсьё Полемъ, такимъ хорошенькимъ, такимъ благовоспитаннымъ, чѣмъ идти писать подъ диктовку старика Ла-

нибуара похвалы старымъ преданнымъ кучаркамъ и образцовымъ больничнымъ служителямъ. Но отецъ торопилъ ее:

— Иди, иди, моя милая,—нашъ знаменитый другъ ждетъ...

Она повиновалась и пошла за философомъ въ сопровожденіи старика Мозера, отправлявшагося вздремнуть послѣ завтрака. Что произошло потомъ? Какая драма разыгралась въ комнатѣ Ланибуара, который, хотя и былъ съ носа похожъ на Паскаля, но сдержанностью Паскаля похвалиться не могъ? Возвращаясь съ длинной прогулки по лѣсу, предпринятой, чтобы утишить свое честолюбивое нетерпѣніе, Поль Астье увидалъ у главнаго подъѣзда экипажъ, запряженный парой бойкихъ лошадей. Мадемуазель Мозеръ уже сидѣла въ немъ, обложенная дорожными мѣшками и сумками; растерянный Мозеръ стоялъ на крыльцѣ, обшаривалъ свои карманы и раздавалъ «на-водки» двумъ или тремъ лакеямъ съ насмѣшливо улыбающимися лицами. Поль подошелъ къ экипажу:

— Вы покидаете насъ, мадемуазель?

Она протянула ему длинную, холодную и влажную руку, на которую забыла надѣть перчатку, и, не отвѣчая ни слова, не отнимая платка отъ заплаканныхъ глазъ, только кивала ему головой въ знакъ прощанія и тихо рыдала. Ничего не удалось ему добиться и отъ старика Мозера, печально и сердито бурчавшаго, уже поставивши одну ногу на подножку:

— Это она все... она хочетъ непременно уѣхать... говорить, будто бы съ ней поступили... но я не могу повѣрить...—и съ глубокимъ вздохомъ, съ рѣзкою складкой на лбу, съ академической складкой, красною, какъ рубецъ отъ сабельнаго удара, онъ договорилъ: — сущее несчастье, какъ разъ передъ выборами...

За обѣдомъ Ланибуаръ, не выходявшій все время изъ своей комнаты, садясь противъ Поля, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не знаете ли, почему наши друзья Мозеры покинули насъ такъ внезапно?

— Нѣтъ, мой уважаемый... а вы?

— Странно это, очень странно!

Онъ притворялся какъ нельзя болѣе спокойнымъ на виду у прислуги, знавшей объ его приключеніи; но видно было, что онъ смущенъ и труситъ, находится въ положеніи стараго развратника, который, надѣлавши гадостей, боится послѣдствій. Мало-

по-малу онъ опять набрался смѣлости, за столомъ сталъ опять находить жизнь прекрасною и кончилъ тѣмъ, что признался своему молодому другу, какъ онъ позволилъ себѣ немного лишняго съ милою дѣвушкой.

— Но примите во вниманіе, самъ же отецъ навязываетъ ее мнѣ, не даетъ проходу съ нею... Можно быть докладчикомъ о преміяхъ за добродѣтель и, все-таки, чортъ возьми!...

Онъ побѣдно потрясалъ своею рюмкой, но Поль Астье остановилъ его словами:

— А что скажетъ герцогиня? Мадемуазель Мозеръ, навѣрное, написала ей, пожаловалась или, по крайней мѣрѣ, должна же была чѣмъ-нибудь объяснить свой отъѣздъ.

— Вы думаете?

Ланибуаръ поблѣднѣлъ.

Поль настаивалъ, чтобы избавиться отъ несноснаго болтуна. Если не сама дѣвушка, то кто-нибудь изъ прислуги могъ донести герцогинѣ.

— На вашемъ мѣстѣ, многоуважаемый мой...—говорилъ молодой человѣкъ, подергивая плутовскимъ носомъ.

— Э, пустяки все, я отдѣляюсь какою-нибудь сценой, которая только подвинетъ впередъ мои дѣла... Такія исторіи дѣйствуютъ на женщинъ такъ же, какъ на насъ, приводятъ ихъ въ наилучшее расположеніе.

Онъ храбрился, но наканунѣ возвращенія герцогини заговорилъ о близости академическихъ выборовъ, сталъ жаловаться на сырость по вечерамъ, вредную для его ревматизмовъ, и удралъ, увозя съ собою наконецъ-то дописанный докладъ.

Герцогиня вернулась къ назначенной на воскресенье заупокойной обѣднѣ, отслуженной очень торжественно въ замковой капеллѣ стиля Ренесансъ, мастерски реставрированной Ведринимъ. Капелла и парадный дворъ были переполнены огромною толпой въ ужаснѣйшихъ сюртукахъ, въ засаленныхъ синихъ блузахъ, въ бѣлыхъ чепцахъ и туго накрахмаленныхъ косынкахъ на коричневыхъ отъ загара лицахъ. Собрался весь этотъ народъ изъ окрестныхъ селъ совсѣмъ не ради религіозной церемоніи и отнюдь не изъ уваженія къ памяти стараго герцога, котораго никто не зналъ въ этомъ краю; пришли всѣ потому, что послѣ обѣдни должно было происходить угощеніе на чистомъ воздухѣ, въ безконечной аллеѣ, ведущей къ замку, по обѣ стороны которой были приготовлены столы на двѣ или на три тыся-

чи человекъ. Вначалѣ крестьяне стѣснялись при видѣ прислуги, одѣтой въ трауръ, лѣсниковъ съ чернымъ крепомъ на фуражкахъ, и говорили тихо въ величавой тѣни столѣтнихъ вязовъ. Но мало-по-малу подогрѣтая виномъ заупокойная трапеза оживилась и перешла въ настоящую попойку.

Чтобы не видать этого отвратительнаго пьянства, герцогиня и Поль Астье уѣхали кататься въ открытомъ ландо, задрапированномъ чернымъ. Лакеи въ шляпахъ съ черными кокардами и длинная вдовья вуаль спутницы напомнили молодому человекѣу другія катанья того же рода. «Мнѣ рѣшительно на роду написано постоянно путаться съ покойниками...»—раздумывалъ онъ съ легкою грустью о Колетѣ Розень, ея хорошенькомъ, свѣженькомъ личикѣ съ короткими кудряшками, составлявшими такой прелестный контрастъ съ траурнымъ нарядомъ. Герцогиня была утомлена дорогой, и трауръ ее не красилъ, но за нею оставалось преимущество аристократизма, той величественности, которой рѣшительно недоставало Колетѣ. Къ тому же, теперешній покойникъ никого не стѣснялъ; герцогиня была слишкомъ правдива для того, чтобы продѣлывать гримасы огорченія, считаемыя обязательными большинствомъ заурядныхъ женщинъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ ненавидѣли мужей и всячески ихъ обманывали.

Бойкій топотъ лошадей гулко раздавался по дорогѣ, вьющейся между маленькими дубовыми рощицами и обширными полями, на которыхъ кое-гдѣ виднѣлись скирды убранныаго хлѣба. Въ воздухѣ пахло дождемъ, по небу низко ползли сѣрые облака, лишь изрѣдка въ перерывы между ними проглядывало осеннее солнце. Ноги герцогини и ея спутника были укрыты отъ вѣтра однимъ теплымъ пледомъ, сближавшимъ ихъ колѣни. Она рассказывала про свою Корсику, про удивительное *vocero*, импровизованное на похоронахъ ея горничною.

— Матеей?

— Да, Матеей!... Представьте, замѣчательный поэтический талантъ...—и она повторяла нѣкоторые стихи импровизаціи на звучномъ корсиканскомъ нарѣчій.

О рѣшеніи важныхъ вопросовъ—ни слова. А, между тѣмъ, это-то именно и интересовало Поля въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ поэзія горничной. Вѣроятно, откладываетъ разговоръ до вечера. И Поль потихоньку смѣшилъ ее рассказомъ о приключеніи Ланибуара, о томъ, какъ ловко онъ выпроводилъ академика.

— Бѣдняжка Мозеръ,—говорила, смѣясь, герцогиня,—надо устроить, наконецъ, чтобы ея отца выбрали... За это рѣшительно стоитъ...

Потомъ они обмѣнялись лишь нѣсколькими короткими фразами, какъ бы убаюканные покойною качкой экипажа, нѣгой близости другъ къ другу въ наступающихъ сумеркахъ, прорѣзываемыхъ перемежающимися взрывами полымя изъ доменныхъ печей и блескомъ далекой молніи. Конецъ ихъ ватанья былъ, къ сожалѣнію, испорченъ кригами и пьяными пѣснями крестьянъ, возвращавшихся съ поминальнаго пира, попадавшихъ, какъ скотина, подъ лошадей и подъ колеса, падавшихъ въ канавы по сторонамъ дороги, откуда слышалось пьяное храпѣнье, отвратительные звуки, нисколько не похожіе на молитвы объ упокоеніи души «высокороднаго и могущественнаго владѣтельнаго сеньора и герцога».

Во время обычной прогулки по галлерей, склонивши голову на плечо молодого человѣка, герцогиня любовалась ночью и тихо шептала:

— Хорошо такъ... вдвоемъ... никого, кромѣ насъ...—и, все-таки, не заговаривала о томъ, чего Поль ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Онъ пытался навести разговоръ на это, потихоньку, касаясь губами ея волосъ, спрашивалъ о ея планахъ на зиму: рассчитываетъ ли она вернуться въ Парижъ? О, конечно, нѣтъ; ей опостылѣлъ Парижъ, съ его изолгавшимся обществомъ, съ вѣчнымъ притворствомъ и предательствами! Но она сама еще не рѣшила, запереться ли ей въ Муссо, или отправиться въ далекое пушешествіе въ Сирію, въ Палестину. Какого онъ мнѣнія объ этомъ? Ясно было, что въ этомъ-то и состояли важные вопросы, рѣшить которые необходимо было вмѣстѣ; въ сущности же таковъ былъ предлогъ, придуманный женщиной, чтобы задержать его на время ея отсутствія, изъ боязни, что въ Парижѣ его отнимутъ у нея другія женщины. Поль счелъ это за мистификацію, кусалъ губы: «А, если такъ, то хорошо же, душечка... посмотримъ!» Утомленная дорогой и цѣлымъ днемъ, проведеннымъ на воздухѣ, она ушла въ свою комнату, едва волоча ноги, послѣ многозначительнаго рукопожатія, на которое онъ отвѣчалъ обыкновенно очень тихимъ и нѣжнымъ: «не надо долго». Она придетъ, онъ будетъ ждать ее, у двери прислушиваться къ ея шагамъ... И они наверстаютъ свое за долгій день

невыносимаго стѣсненія. Цѣлый міръ наслажденій заключался въ пенотомъ сказанномъ, короткомъ: «не надолго»... Но въ этотъ вечеръ Поль Астье не сказалъ обычныхъ словъ. Какъ ни было ей это неприятно, но въ его сдержанности она видѣла проявленіе уваженія къ ея слишкомъ недавнему трауру, къ едва смолкшимъ звукамъ заупокойной службы, и, засыпая, нашла даже, что съ его стороны это было очень деликатно.

Все утро слѣдующаго дня они совсѣмъ не видались: герцогиня была занята дѣлами, сводила счеты съ своимъ метръ-д'отелемъ, съ фермерами, къ превеликому восхищенію нотаріуса, майтре Гадино, который за завтракомъ говорилъ Полю, съ хитрою улыбкой на старомъ, морщинистомъ лицѣ:

— Вотъ эту такъ ужь не проведешь.

— Много ты смыслишь!—раздумывалъ сторожащій охотникъ, покручивая свою бѣлокурую бородку.

Однако же, рѣзкій и сухой тонъ, которымъ звучалъ прелестный контраalto во время дѣловыхъ переговоровъ, давалъ знать молодому человѣку, что играть придется во-всю.

Послѣ завтрака прибыли изъ Парижа ящики, «премьерка» отъ Шприхта и съ нею двѣ мастерицы. Наконецъ, къ четыремъ часамъ герцогиня вышла въ чудномъ костюмѣ, дѣлавшемъ ее совсѣмъ молодою и тоненькою, и предложила пройтись пѣшкомъ по парку. Они шли рядомъ, бодрымъ, веселымъ шагомъ, стараясь избѣгать тѣхъ аллей, гдѣ грабли садовниковъ по три раза въ день вели борьбу съ падающимъ съ деревьевъв листомъ. Но, какъ ни хлопотали рабочіе, а черезъ часъ дорожки были имъ снова покрыты, какъ восточнымъ ковромъ, сверкающимъ необычайнымъ разнообразіемъ самыхъ причудливыхъ красокъ, и опять раздавался шелестъ шаговъ гуляющихъ подъ косыми лучами слабо пригрѣвающаго солнца. Герцогиня говорила объ умершемъ мужѣ, отъ котораго ей многое пришлось вынести въ годы молодости; она въ особенности настаивала на томъ, что носить лишь свѣтскій трауръ, налагаемый на нее условіями ея общества и отнюдь не служащій выраженіемъ печали, которой и не было въ ея сердцѣ. Поль отлично понималъ, въ чемъ дѣло, улыбался и мысленно рѣшилъ твердо держаться своей тактики, не измѣнять своей холодности.

Въ нижней части парка они присѣли у прикрытаго кленами и бирючиной павильона, въ которомъ хранились верши и весла маленькой флотилии. Отсюда видны были сбѣгающія къ

рѣчь зеленыя лужайки, живописныя группы кустарниковъ и полюбощенныхъ деревьевъ, надъ которыми возвышался замокъ съ закрытыми окнами, съ опустѣвшими террасами, съ гордо возносящимися башнями и башенками, ставшими какъ будто еще выше, вернувшимися къ своему историческому прошлому.

— Какъ грустно, тяжело разставаться со всѣмъ этимъ...— проговорилъ Поль со вздохомъ.

Герцогиня взглянула на него недоумѣвающимъ взоромъ; ея брови сдвинулись, лобъ нахмурился.. Разстаться! Онъ уѣхать хочетъ... почему?

— Съ жизнью, увы, ничего не подѣлаешь... [это необходимо.

— Разстаться!... А я-то? А наше путешествіе, въ которое мы собирались вѣстѣ?

— Я не возражалъ вамъ...

Но развѣ бѣдный художникъ, какимъ былъ онъ, можетъ дозволить себѣ роскошь поѣздки въ Палестину? Все это мечты, неосуществимыя мечты... египетскія грезы Ведрина въ дырявой лодкѣ на Луарѣ.

Она пожала своими чудными аристократическими плечами.

— Перестаньте, Поль, что за ребячество!... Развѣ все, что я имѣю, не ваше?

— Въ качествѣ чего же?

Слово было сказано. Но она все еще не понимала, къ чему ведетъ онъ рѣчь. А онъ, боясь, что высказался слишкомъ быстро, прибавилъ:

— Да, въ качествѣ чего, по узкому пониманію свѣта, буду я съ вами путешествовать?

— Въ такомъ случаѣ, останемся въ Муссо...

Поль поклонился и съ нѣжною ироніей сказалъ:

— Вашему архитектору тутъ нечего больше дѣлать.

— Ба! мы найдемъ ему дѣло... если бы даже мнѣ пришлось для этого поджечь замокъ сегодня ночью...

И она смѣялась своимъ дивнымъ, страстнымъ смѣхомъ, прижималась къ нему, брала его руки и ласкала ими свое лицо... Глупости все это! Не того ждалъ Поль, не того онъ отъ нея добивался.

— Если вы меня любите, Марія-Антонія,—проговорилъ онъ порывисто,—то позвольте мнѣ уѣхать. Я обязанъ и себя содержать, и родителей... Мнѣ никогда не простятъ, что я живу

на счет женщины, которую не могу назвать моею женой, которая никогда моею женой не будетъ.

Она поняла, наконецъ, и закрыла глаза, точно передъ нею раскрылась пропасть. Наступило долгое молчаніе, слышно было, какъ подъ дуновеніемъ легкаго вѣтерка падаютъ листья по всему парку, одни, еще полные сока, дѣльными кучами скользятъ съ вѣтки на вѣтку, другіе—несутся съ легкимъ шорохомъ, и казалось, будто кто-то тихо бродитъ вокругъ павильона, подъ кленами, осторожными, крадущимися шагами. Герцогиня вздрогнула и встала.

— Холодно... пойдите домой...

Жертва была принесена. Мари'Анто не перенесетъ этого, умереть, конечно, но свѣтъ не увидитъ ея униженія, постыднаго превращенія герцогини Падовани въ мадамъ Поль Астье, въ жену своего архитектора.

Весь вечеръ Поль, безъ малѣйшей аффектаціи, занимался сборами къ отъѣзду, отдавалъ приказанія объ укладкѣ чемодановъ, по-вняжески одѣлялъ прислугу деньгами, справлялся о времени отхода поѣзда, держалъ себя совершенно непринужденно, былъ разговорчивъ, и, все-таки, ему не удалось нарушить сердитаго молчанія красавицы Антоніи, погруженной въ чтеніе какого-то журнала, страницы котораго она забывала перевертывать. Лишь въ ту минуту, когда онъ сталъ прощаться, благодарить ее за продолжительное и доброе гостепримство, увидалъ онъ при свѣтѣ лампы, покрытой громаднымъ кружевнымъ абажуромъ, выраженіе мучительной тревоги на ея гордомъ лицѣ, нѣжную мольбу въ прекрасныхъ глазахъ на смерть пораженнаго звѣря.

Придя въ свою комнату, молодой человѣкъ осмотрѣлъ, заперта ли потайная дверь курительной комнаты, потушилъ огонь и сталъ ждать, неподвижно сидя на диванѣ у дверки. Если она не придетъ, значить, онъ ошибся въ расчетъ, и придется начинать все сначала. Но вотъ послышался легкій шумъ, шелестъ шелковаго пеньюара и, послѣ минутнаго удивленія, что дверь не отворяется сразу, тихій стукъ въ дверь концомъ мальчика. Поль не шевельнулся, не двинулся съ мѣста даже когда раздалось осторожное покашливаніе. Онъ выждалъ, пока она удалилась нервными, неровными шагами.

— Теперь попалась, — подумалъ онъ, — что захочу, то съ нею и сдѣлаю...

Онъ спокойно раздѣлся и легъ въ постель.

«Если бы меня звали княземъ д'Атисъ, согласились ли бы вы стать моею женой, по окончаніи вашего траура?... А, между тѣмъ, князь д'Атисъ не любилъ васъ, тогда какъ Поль Астье любить и, гордый этою любовью, хотѣлъ бы заявить объ этомъ громко, во-всеуслышанье, а не скрывать, какъ нѣчто позорное. О, Мари'Анто! Мари'Анто!... Какой чудный сонъ пронесся передо мной... Прощайте навсегда».

Она прочла это письмо, едва открывши глаза, опухшіе отъ слезъ послѣ бессонной ночи.

— Месьё Астье еще не уѣхалъ?

Горничная, высунувшаяся изъ окна закрѣпить жалюзи, какъ разъ въ эту минуту видѣла экипажъ, увозившій Поля, въ концѣ проѣзда настолько далеко, что никакой крикъ уже не могъ быть услышанъ. Герцогиня вскочила съ постели, подбѣжала къ часамъ.

— Девять... Курьерскій проходитъ черезъ Онзенъ въ десять... Скорѣй верхового... Бертоли... лучшую лошадь...

Напрямикъ лѣсомъ можно поспѣть раньше коляски. Пока ея приказанія спѣшно передавались, она писала, стоя, почти совершенно голая:

«Вернитесь... все сдѣлается, какъ вы хотите»... — Нѣтъ, это слишкомъ холодно. По такой запискѣ онъ не пріѣдетъ. Она разорвала, написала другую: «Твоею женой, твоею любовницей, чѣмъ хочешь, но твоею, твоею!...» и подписала: «Герцогиня Падовани». Потомъ въ ужасѣ отъ мысли, что онъ, пожалуй, все-таки, не вернется, она крикнула:

— Ъду сама... амазонку, скорѣй!... — и въ окно она приказала уже готовому къ отъѣзду Бертоли осѣдлать для нея «Мадмуазель Оже».

Пять лѣтъ она не ѣздила верхомъ. Амазонка трещала на ея пополнѣвшей талии, недоставало нѣсколькихъ крючковъ.

— Оставь, Матеа... оставь, не надо...

Она сбѣжала съ лѣстницы, неся тренъ на ругѣ, между одурѣвшими отъ удивленія слугами, и въ карьеръ помчалась по проѣзду. Она въ лѣсу, несется въ бѣшеной скачкѣ подъ тѣнью деревьевъ, по заросшимъ травою дорогамъ. Она хочетъ догнать, онъ нуженъ ей, необходимъ, во что бы ни стало, этотъ человекъ, любовникъ, въ объятіяхъ котораго она то умираетъ, то оживаетъ вновь! Она знаетъ теперь, что такое любовь, и ни де

чего иного въ мірѣ ей нѣтъ дѣла! Наклонившись впередъ, она прислушивается къ шуму поѣзда, къ свисту пара, оглашающему тишину лѣсовъ и полей. Лишь бы поспѣть въ-время!... Несчастливая, безумная женщина! Если бы она шагомъ ѣхала, то все равно догнала бы его, догнала бы своего хорошенькаго бѣглеца, потому что онъ—ея злая судьба, отъ которой нѣтъ спасенія.

XIV.

*Мадмуазель Жерментъ де Фрейде,
на виллу Босежуръ,
Парижъ-Пасси.*

Кафе д'Орсе. Одиннадцать часовъ. За завтракомъ.

Черезъ каждые два часа и даже чаще, если возможно будетъ, я стану посылать тебѣ такую же синюю депешу, чтобы ты не слишкомъ волновалась, милая, дорогая сестра, и чтобы быть какъ бы съ тобою въ продолженіе всего этого великаго для меня дня, который, надѣюсь, закончится бюллетенемъ о моей побѣдѣ, несмотря на измѣну нѣкоторыхъ въ послѣднюю минуту. Пишераль передалъ мнѣ сейчасъ про выходку Ланибуара: «Въ Академію входятъ со шпагой на боку, а не со шпагой въ рукахъ». Намекъ на дуэль Астье. Дрался не я, но это животное изъ-за своего остраго словца знать уже не хочетъ данныхъ мнѣ обѣщаній. Не слѣдуетъ разсчитывать и на Данжу. То онъ твердилъ: «Когда же вы будете нашимъ?»... а сегодня утромъ подошелъ ко мнѣ въ секретариатъ и шепчетъ: «Заставьте просить себя»... Это едва ли не лучшее словцо его репертуара. Но все равно! Мои дѣла великолѣпны. Конкурентовъ я не боюсь. Баронъ Ушенаръ, авторъ *Обитателей пещеръ*, заберется вдругъ во Французскую Академію! Да весь Парижъ взбунтуется. Что же касается господина Дальзона, то я дивлюсь его смѣлости. Его книга, знаменитая его книжица у меня въ рукахъ... Я не рѣшаюсь пока воспользоваться ею, но... плохо ему будетъ!

Два часа.

Я въ Институтѣ, у моего милѣйшаго учителя; буду здѣсь дожидаться исхода выборовъ... Не дурно я придумалъ? Мнѣ показалось, что мой приходъ, хотя я извѣстилъ о немъ заранѣе, надѣлалъ здѣсь хлопотъ. Наши друзья кончали завтракъ. Произошла какая-то суматоха, захлопали двери, Корентина, вмѣсто

того, чтобы провести въ гостиную, втолкнула меня въ архивъ. Пришедшій туда ко мнѣ мой учитель казался встревоженнымъ, говорилъ шепотомъ, совѣтовалъ мнѣ быть какъ можно сдержаннымъ. И самъ онъ такъ печаленъ!... Я спросилъ, не получилъ ли онъ какихъ дурныхъ вѣстей? «Нѣтъ, нѣтъ, мое дорогое дитя»... Потомъ онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и прибавилъ: «Ничего, не падайте духомъ...» Съ нѣкоторыхъ поръ бѣдняга сильно измѣнился, сталъ уже совсѣмъ не тотъ. Онъ, видимо, удрученъ какимъ-то тайнымъ и глубокимъ горемъ, едва осиливаетъ скрывать слезы. Въ моей кандидатурѣ это не имѣетъ никакого отношенія, но въ моемъ положеніи не можетъ меня не беспокоить.

Прождалъ я больше часа и развлекался тѣмъ, что смотрѣлъ черезъ дворъ на громадныя стекла залы засѣданій, сквозь которыя видны ряды бюстовъ академикомъ. Не предзнаменованіе ли это?

Безъ четверти три часа.

Я видѣлъ, какъ прошли всѣ мои судьи, — тридцать семь, если не ошибаюсь. Академія въ полномъ сборѣ, такъ какъ Эпеншаръ въ Ницѣ, Рибо-Бабенъ не встаетъ съ постели, а Луазиль-онъ на кладбищѣ отца Ляшеза. Необыкновенно величественно шествіе всѣхъ этихъ знаменитыхъ мужей на совѣтъ и судъ! Молодые идутъ медленно, важно, опутивши головы, какъ бы клонящіяся подъ гнетомъ лежащей на нихъ тяжелой отвѣтственности; старики бодры и сильны; нѣкоторые подагрики и ревматики, какъ Бурсонъ-Лонэ, подѣзжаютъ въ экипажахъ, выходятъ, опираясь на руку кого-нибудь изъ товарищей. Всѣ останавливаются, прежде чѣмъ взойти наверхъ, разговариваютъ, разбившись на небольшія группы, сильно жестикулируютъ. Чего бы я не отдалъ за то, чтобы слышать эти послѣднія сужденія объ имѣющихся на моей сторонѣ шансахъ! Я тихонько пріотворяю окно; въ эту минуту съ громомъ въѣзжаетъ во дворъ карета, нагруженная чемоданами; изъ нея выходитъ путешественникъ въ шубѣ, въ мѣховой шапкѣ: Эпеншаръ, моя милая, Эпеншаръ, прикатившій прямо изъ Ницы, чтобы подать за меня свой голосъ. Превосходнѣйшій человекъ!... Прошелъ и мой учитель, сторбившись, въ своей широкополой шляпѣ и перелистывая экземпляръ книженки Дальзона: *Вся голая*, который я рѣшился передать ему на всякій случай... Дѣлать, вѣдь, нечего, защищаться надо!

Дворъ опустѣлъ, стоятъ лишь двѣ кареты, да красуется бюстъ Минервы. Помоги, о, богиня! А тамъ, наверху, идетъ перекличка и опросъ, причежь каждый академикъ обязанъ словомъ удостовѣрить передъ собраніемъ, что никому не обѣщаль своего голоса. Простая формальность, разумѣется, и на вопросъ председателя отвѣчаютъ улыбкою, отрицательнымъ покачиваніемъ головы китайскихъ болванчиковъ.

* * *

Происходить нѣчто неправдоподобное. Я только что отдалъ мою депешу Корентинѣ и открылъ окно, пытаюсь угадать мою судьбу, рѣшавшуюся въ стоящемъ насупротивъ темноѣ зданіи, какъ вдругъ увидалъ у сосѣдняго, тоже открытаго окна, рядомъ, божь-о-божь со мною барона Ушенара... Ушенаръ, мой соперникъ, злѣйшій врагъ Астье-Рею, расположился въ его кабинетѣ! Оба одинаково удивленные, мы раскланялись другъ съ другомъ и тотчасъ же оба отодвинулись отъ оконъ... Но онъ тутъ, я слышу это, чувствую, что онъ здѣсь за перегородкой. Ясно, что онъ такъ же, какъ и я, ждетъ рѣшенія Академіи, только на просторѣ бывшей гостиной Вильмена, тогда какъ я задыхаюсь въ этой щели, набитой старыми бумагами. Тенерь я понимаю суматоху, которую произвелъ мой приходъ... Но что же это значитъ? Какъ это случилось? Милая сестра, у меня голова идетъ кругомъ. Надъ кѣмъ же тутъ потѣшаются?

* * *

Измѣна и поражение! низкая академическая интрига, которой я не могу еще понять!

Первая баллотировка:

Баронъ Ушенаръ	17	голосовъ.
Дальзонъ	15	„
Виконтъ де Фрейде	5	„
Мозеръ	1	„

Вторая баллотировка:

Баронъ Ушенаръ	19	голосовъ.
Дальзонъ	15	„
Виконтъ де Фрейде	8	„
Мозеръ	1	„

Третья баллотировка:

Баронъ Ушенаръ	33	голоса.
Дальзонъ	4	„
Виконтъ де Фрейде	0	„ (11)
Мозеръ	1	„

Очевидно, что между второй и третьей баллотировкой былъ

пущень въ ходъ экземпляръ книжки *Вся голая*, но только въ пользу барона Ушенара... Объясненія! Я хочу... я требую объясненія... не выйду отсюда, пока не добьюсь его.

Четыре часа.

Ты не можешь себя представить, милая сестра, какъ я былъ взволнованъ, когда услышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ Астье-Рею, его жена, старикъ Рею и цѣлая толпа посѣтителей поздравляютъ автора *Обитателей пещеръ*, въ особенности же, когда отворилась дверь архива, вошелъ мой учитель съ протянутыми ко мнѣ руками и заговорилъ: «Простите меня, дорогое мое дитя...— онъ былъ тоже взволнованъ, задышался.—Простите... этотъ человекъ держалъ меня въ своихъ рукахъ... держалъ за горло... Я вынужденъ былъ... обязанъ... хотѣлъ предотвратить страшное, грозящее мнѣ несчастье... Но своей участи не избѣжишь даже цѣною подлаго поступка». Онъ раскрылъ мнѣ свои объятія, и я бросился въ нихъ, не помня зла, не понимая даже хорошенько, что именно могло его до такой степени встревожить.

Въ концѣ-концовъ, мое дѣло скоро поправится; я имѣю превосходнѣйшія вѣсти о Рипо-Бабенѣ: едва ли онъ переживетъ эту недѣлю. Предстоитъ еще одна избирательная кампанія, дорогая сестра. На бѣду, салонъ Падовани закрытъ на всю зиму по случаю траура. Для нашей дѣятельности остаются «журъ-фиксы» у госпожъ Астье, Анселенъ и Эвиза, понедѣльники которой рѣшительно входятъ въ моду, по милости великаго герцога. Но, прежде всего, милая сестра, необходимо намъ самимъ переѣхать. Пасси слишкомъ далеко; туда Академія не ѣздитъ. Ты скажешь, что я опять треплю тебя, но это чрезвычайно важно! Ушенаръ—живой тебѣ примѣръ, не было у него никакихъ правъ на кресло, кромѣ его пріемовъ... Я обѣдаю у моего добраго учителя, не жди меня.

Нѣжно любящій тебя братъ

Авель де Фрейде.

P. S. Единственный голосъ за Мозера при всѣхъ трехъ баллотировкахъ подалъ Ланибуаръ, докладчикъ о наградахъ за добродѣтель. По этому поводу здѣсь рассказываютъ анекдотъ изъ крайне игривыхъ... Что дѣлать, бываютъ веселенькіе анекдоты и подъ вуоломъ... Сущая комедія!...

XV.

— Это омерзительно!...

— Отвѣтить необходимо. Академія не можетъ этого пропустить такъ...

— Да развѣ же это возможно? Академія обязана, напротивъ, охранять собственное достоинство...

— Господа, господа, истинное достоинство Академіи...

Въ залѣ частныхъ собраній съ огромнымъ каминомъ, надъ которымъ стоитъ портретъ кардинала Ришельё, безсмертные горячо спорили передъ началомъ засѣданія. Свѣтъ сумрачнаго и холоднаго зимняго дня падалъ изъ широкаго стекляннаго колпака въ потолокъ и какъ бы усиливалъ ледяную торжественность мраморныхъ бюстовъ на стѣнахъ, и громадное жерло камина, накаленное почти до красноты одежды кардинала, не въ состояніи было согрѣть этотъ своего рода маленькій парламентъ, полу-трибуналъ, съ его креслами, обитыми зеленымъ сафьяномъ, съ длиннымъ подковообразнымъ столомъ передъ бюро и съ приставомъ въ цѣпи, стерегущимъ дверь не вдалекѣ отъ секретаря Пишерая.

Обыкновенно эти граціонныя четверть-часа, оставляемые для поджиданія опоздывающихъ,— самое пріятное время засѣданія: всѣ мило болтаютъ, втихомолку сплетничаютъ, разбившись на маленькія, пріятельскія группы, грѣются у камина, безцеремонно раздвинувши фалды. На этотъ разъ разговоръ былъ общимъ, принималъ тонъ самыхъ рѣзкихъ публичныхъ дебатовъ, въ которые вновь прибывающіе вступали, едва войдя въ дверь залы и еще подписывая листъ «прибытій». Иные, не входя даже и еще не снимая шубы, кашне и калошъ въ пустой залѣ академіи наукъ, пріотворяли дверь, чтобы громкими криками выразить свое негодованіе.

Весь этотъ шумъ произошелъ отъ того, что одна изъ утреннихъ газетъ воспроизвела крайне дерзкій рефератъ, сдѣланный въ Флорентинской академіи о книгѣ Астье - Рею *Галилей* и о приложенныхъ къ ней историческихъ документахъ,—очевидно, апокрифическихъ и шутовски-потѣшныхъ (*sic*). Этотъ рефератъ, сообщенный подъ большимъ секретомъ президенту Французской Академіи, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней вызывалъ глухое волненіе въ Институтѣ, ожидавшемъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, на что рѣшится Астье - Рею, ограничивавшійся лишь не-

опредѣленнымъ отвѣтомъ: «Знаю я... знаю... дѣлаю свое дѣло»... И вотъ, рефератъ, который, они думали, извѣстенъ имъ однимъ,—трахъ!—появляется въ это утро на первой страницѣ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ Парижа, съ оскорбительными комментаріями по адресу безсмѣннаго секретаря и всей академической корпораціи.

Изъ - за этого—всеобщая тревога, злость, ругательства на безстыднаго журналиста и на глупость Астье-Рею, подавшую поводъ къ нападкамъ, отъ которыхъ они давно отвыкли, съ тѣхъ поръ, какъ Академія благоразумно открыла свои двери «разбойникамъ пера». Пылкій Ланибуаръ, мастеръ во всѣхъ видахъ спорта, собирался уже идти обрубить уши дерзкому писака, и двое или трое коллегъ съ трудомъ удерживали его.

— Перестаньте, Ланибуаръ... Ну, перестаньте, успокойтесь... Со шпагой на боку, а ни въ какомъ случаѣ не въ ружь... Ваше же это выраженіе, чортъ возьми! Институтъ усвоилъ его себѣ...

— Вамъ не безызвѣстно, господа, что Плиній старшій въ XIII книгѣ своей естественной исторіи...—пыхтѣлъ толстобрюхій Газанъ, вваливаясь въ залу и громко отдуваясь,—...въ XIII книгѣ уже говоритъ о поддѣлкѣ автографовъ и, между прочимъ, о подложномъ письмѣ Пріама на папирусѣ...

— Мёсье Газанъ, вы не расписались?—визжалъ рѣзкій фальцетъ Пишерая.

— А, виновать,—и толстякъ направился къ столу росписываться, продолжая свою исторію о папирусѣ и о царѣ Пріамѣ. Но его рѣчь была заглушена все разрастающимся шумомъ голосовъ, среди котораго явственно слышалось только одно слово: «Академія... Академія». Всѣ говорили о ней, какъ о существѣ реальномъ, живомъ, и каждый былъ убѣжденъ, что ему одному только достовѣрно извѣстны сокровенныя мысли и желанія этого существа, что онъ одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ является ихъ вѣрнѣйшимъ выразителемъ. Вдругъ крики смолели передъ вошедшимъ въ залу Астье-Рею. Онъ расписался, очень спокойно положилъ на свое мѣсто безсмѣннаго секретаря тяжелый свертокъ, который держалъ подъ мышкой, потомъ подошелъ къ своимъ коллегамъ.

— Господа, я долженъ сообщить вамъ неприятную новость... Я препроводилъ въ Библіотеку, для экспертизы, двѣнадцать или пятнадцать тысячъ автографовъ, составлявшихъ то, что я на-

зывать свою коллежцей... И оказалось, господа, что всё они подложные, всё до единого. Флорентинская академія высказала сущую правду. Я былъ жертвою огромной мистификаціи.

Въ то время, какъ онъ отиралъ лобъ, смоченный крупными каплями пота, свидѣтельствовавшими о томъ усилии, котораго ему стоило отъ признаніе, кто-то нахально спросилъ:

— И тогда вы, господинъ безсмѣнный секретарь?...

— Тогда, господинъ Данжу, мнѣ ничего не оставалось, какъ подать жалобу, что я и сдѣлалъ.

Послышались протесты, всё говорили, что подобный процессъ невозможенъ, что онъ выставить на посмѣшище всю корпорацію.

— Глубоко сожалѣю, мои дорогіе коллеги,—сказалъ Астье-Рею,—но мое рѣшеніе неизмѣнно... Въ тому же, виновникъ уже въ тюрьмѣ и слѣдствіе начато.

Такихъ воплей, какими было встрѣчено это заявленіе, зала частныхъ собраній никогда еще не слыхивала. И, какъ всегда, наибольшимъ неистовствомъ отличался Ланибуаръ, оравшій, что Академія должна избавиться отъ столь опаснаго члена. Въ первомъ порывѣ раздраженія нѣкоторые громко обсуждали это предложеніе. Но исполнимо ли это? Могла ли Академія, компрометированная однимъ изъ своихъ членовъ, сказать ему: «Убирайтесь вонъ, я перерѣшаю на ново... Безсмертный, я разжалую васъ въ рядоваго смертнаго»? Вдругъ, уловивши ли кое-что изъ этихъ дебатовъ, или по удивительной догадкѣ, на какую оказывается иногда способною самая герметическая глукота,—старый Рею, стоявшій въ сторонѣ и далеко отъ огня изъ боязни удара, проговорилъ своимъ громкимъ безъ діапазона голосомъ:

— Во время Реставраціи, изъ-за чисто политическихъ соображеній, мы выгнали одиннадцать членовъ!...—и предокъ утвердительно качнулъ головой, какъ бы призывая въ свидѣтели своихъ современниковъ, бѣлоглазые бюсты которыхъ стояли на пьедесталахъ по стѣнамъ залы.

— Одиннадцать... круто!...—пробормоталъ Данжу среди наступившей тишины.

А Ланибуаръ съ обычнымъ ему цинизмомъ прибавилъ:

— Всё корпораціи не безъ изъяна!... Таковъ законъ природы... всякому жить хочется.

Тогда Эпеншаръ, толковавшій у двери съ секретаремъ Пиншералемъ, подошелъ къ спорящимъ и тихимъ голосомъ, преры-

вваемымъ кашлемъ, объявилъ, что въ этомъ дѣлѣ виновать не одинъ только безсмѣнный секретарь, доказательствомъ чего можетъ служить протоколъ засѣданія 8 іюля 1879 года, который и долженъ быть прочтенъ. Съ своего мѣста Пишераль началъ тоненькимъ, веселымъ голосомъ и очень быстро: „8 іюля 1879 года Леонаръ-Пьеръ-Александръ Астье-Рею принесъ въ даръ Французской Академіи письмо Ротру къ кардиналу Ришельё о статутахъ этой корпорации. Академія, ознакомившись съ этимъ неизданнымъ и въ высшей степени любопытнымъ документомъ, приветствуетъ дарителя и постановляетъ занести письмо Ротру въ протоколъ. Вотъ оно дословно...“ Здѣсь секретарь сталъ читать медленно, умышленно налегая на каждое слово:... «дословно, то-есть со всеми описками, встречающимися въ частной перепискѣ и подтверждающими подлинность документа».

Всѣ слушали, стоя неподвижно, стараясь не глядѣть другъ на друга, точно ошеложенные.

— Читать и письмо?—Пишераль улыбался; его очень забавляла вся эта исторія.

— Читайте письмо...—сказалъ Эпеншаръ.

Но съ первыхъ же фразъ раздались крики: «Довольно... довольно... больше не надо!...» Всѣ со стыда сгорали теперь отъ этого письма Ротру, подложность котораго въ глаза бросалась. Поддѣлка была грубая, школьническая, обороты неправильные, половина словъ—неизвѣстныхъ тому времени. Какая сдѣлота на нихъ напала? Какъ могли они?...

— И такъ, вы видите, господа, что не намъ нападать на нашего несчастнаго коллегу...—говорилъ Эпеншаръ и, обратившись къ безсмѣнному секретарю, онъ началъ заклинать его отбазаться отъ скандальнаго процесса, долженствующаго сильно повредить всей корпорации и даже самому великому кардиналу.

Но ни пылкость рѣчи, ни эфффектность ораторскаго жеста, указывавшаго на камаль кардинала-основателя, не въ состояніи были побѣдить ожесточеннаго упрямства Астье-Рею. Онъ стоялъ посерединѣ залы у маленькаго столика, служившаго трибуной для чтеній и сообщеній, крѣпко сжавши кулаки, какъ бы изъ боязни, чтобы кто не вырвалъ у него воли изъ рукъ,—стоялъ твердо и непоколебимо и повторялъ, что «ничто въ мірѣ, слышите ли, ничто!» не измѣнитъ его рѣшенія. И его толстые, сжатые пальцы гнѣвно стучали по звонкому, сухому дереву.

— А, господа, я и такъ уже слишкомъ долго медлилъ, сдѣлавъ слишкомъ много уступокъ соображеніямъ этого рода... Поймите, наконецъ, что меня давить, душить этотъ *Галилей*, скупить котораго у меня средствъ не хватаетъ и котораго я вижу въ витринахъ книгопродавцевъ съ моимъ именемъ на оберткѣ въ сообществѣ съ негодяемъ, сдѣлавшимъ подлоги! — Чего же онъ хотѣлъ, въ концѣ-концовъ? Вырвать, самому вырвать своими руками негодныя страницы изъ своихъ трудовъ, предать ихъ публичному сожженію, на что процессъ и дать ему возможность.

— Вы говорите объ осмѣяніи? Но Академія стоитъ слишкомъ высоко для того, чтобы бояться осмѣянія. Что же меня касается, то я разоренъ и опозоренъ, и мнѣ останется лишь гордое сознаніе, что я снялъ нареканіе съ моего имени, съ моихъ трудовъ и оградилъ достоинство исторіи. Бѣлаго я не добиваюсь.

Сквозь напыщенность этихъ фразъ, въ нихъ слышались искренность и прямота, звучавшія диссонансомъ въ этой средѣ, точно ватой, устланной всевозможными компромиссами и прикрышками.

Вдругъ приставъ провозгласилъ:

— Господа, четыре часа...

Четыре часа! А относительно похоронъ Рипо-Бабена еще ничего не рѣшено.

— Да, правда... бѣдняга Рипо-Бабенъ...—шутливо сказалъ Данжу.

— Въ-время онъ убрался! — мрачно замѣтилъ Ланибуаръ.

Но никто не обратилъ вниманія на эту выходку. Приставъ кричалъ: «По мѣстамъ, господа!...» Президентъ звонилъ въ колокольчикъ, сидя между канцлеромъ Академіи Демильеромъ и безсмѣннымъ секретаремъ, успѣвшимъ уже вполне овладѣть собою и читавшимъ съ невозмутимой самоувѣренностью докладъ комиссіи погребеній, подъ оживленный шепотъ присутствующихъ и подъ шорохъ гололедки о стеклянный потолокъ.

— Какъ вы поздно кончили сегодня, — ворчала Борентина, отворявшая дверь хозяину.

Къ Институту она относилась такъ же мало уважительно, какъ полотерь.

— Месье Поль въ вашемъ кабинетѣ, и мадамъ съ нимъ... проходите черезъ архивъ... гостиная полна народа, ждутъ васъ.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ этотъ архивъ съ пустыми полками, лишенными картоновъ, какъ послѣ разграбленія или пожара. Обыкновенно Леонаръ старался не заходить въ него; теперь же онъ прошелъ гордо, ободренный принятымъ рѣшеніемъ и заявленіемъ, только что сдѣланнымъ въ засѣданіи. Послѣ огромнаго усилія воли, послѣ смѣлаго поступка, чѣмъ-то нѣжнымъ повѣяло на него отъ ожиданія встрѣчи съ сыномъ; на душѣ легко стало. Онъ не видалъ Поля со времени дуэли, съ тѣхъ поръ, какъ, охваченный тревогою, онъ смотрѣлъ на своего мальчика, лежащаго въ постели, болѣе блѣднаго, чѣмъ его подушки; и теперь онъ шелъ къ нему съ радостнымъ чувствомъ, готовый раскрыть ему объятія, прижать его къ сердцу крѣпко-крѣпко, не говоря ни слова.

Но вошелъ онъ, увидалъ, что сынъ стоитъ рядомъ съ матерью, шепчутся, опутивши глаза въ землю, съ своимъ вѣчно таинственнымъ видомъ какихъ-то заговорщиковъ, — и готовое вырваться наружу чувство вдругъ упало.

— Да идите же, наконецъ! — встрѣтила его мадамъ Астье, одѣтая для выѣзда, потомъ полусерьезно, тономъ церемоннаго представленія проговорила:

— Мой другъ... графъ Поль Астье.

— Дорогой учитель... — Поль низко поклонился.

Астье-Рею смотрѣлъ то на сына, то на жену и хмурилъ свои густыя брови.

— Графъ Поль Астье?...

Молодой человѣкъ, все такой же хорошенькій, несмотря на загаръ отъ шестимѣсячнаго пребыванія на чистомъ воздухѣ, разсказалъ, что нашелъ нужнымъ благопріобрѣсти титулъ римскаго графа не столько для себя, сколько для особы, которая будетъ носить его имя.

— Ты женишься? — спросилъ отецъ съ возрастающимъ недо-вѣріемъ. — И на комъ?

— На герцогинѣ Падовани.

— Да ты съ ума сошелъ!... Она, вѣдь, на двадцать пять лѣтъ старше тебя, эта герцогиня... да, къ тому же... къ тому же... — онъ колебался, подыскивалъ неоскорбительное выраженіе и, наконецъ, рѣзко договорилъ: — не женятся на женщинѣ, которая завѣдомо и на виду у всѣхъ въ продолженіе многихъ лѣтъ жила съ другимъ.

— Что, однако же, никогда не мѣшало намъ обѣдать у нея

аккуратно и принимать отъ нея множество одолженій... — провизжала мадамъ Астье, задорно поднимая свою маленькую голловку.

Не отвѣчая ей и даже не глядя на жену, какъ бы не считая ее компетентною въ дѣлахъ чести, старикъ подошелъ къ сыну и тономъ убѣжденія, въ сильномъ волненіи, говорилъ:

— Не дѣлай этого, Поль... ради имени, которое ты носишь, не дѣлай, дитя мое... прошу тебя!...

Онъ схватилъ его за плечо въ порывѣ нѣжности, расчувствовавшись отъ собственныхъ словъ. Но молодой человекъ высвободился, — не любилъ онъ такихъ изліяній чувствъ, — и старался отдѣлаться общими фразами:

— Я не нахожу... держусь иного взгляда...

Передъ холодною замкнутостью этого лица съ вѣчно-прячущимся взглядомъ, передъ сыномъ, который такъ далеко отъ него, отецъ инстинктивно возвышалъ голосъ, опираясь на свое право главы семейства. Подмѣченная имъ улыбка, которою Поль обмѣнялся съ матерью, послужила новымъ доказательствомъ ихъ сообщества въ этой мерзости и окончательно вывела старика изъ себя. Онъ заоралъ, заговорилъ вздоръ, грозилъ, что будетъ публично протестовать, въ газетахъ пропечатаетъ, обоихъ ихъ, и мать, и сына, заклеить въ своей исторіи. Для него это была самая страшная изъ всѣхъ угрозъ. Когда онъ говорилъ о какой-нибудь личности изъ далекаго прошлаго: «я заклею такого-то въ моей исторіи»... — никакая кара, казалось ему, не могла идти въ сравненіе съ этою. Однако, оба союзника ни капельки не испугались.

Мадамъ Астье, давно привыкшая къ угрозѣ «заклеить» почти столько же, какъ и къ вознѣ съ чемоданомъ, ограничилась тѣмъ, что, застегивая перчатки, сказала:

— Обратите вниманіе, что рядомъ все слышно.

Несмотря на затворенную дверь и драпировки, изъ гостиной доносился шумъ разговоровъ. Тогда, сдерживая голосъ и хрипя, Леонаръ Астье опять обратился къ сыну:

— Слушай, Поль, — онъ поднялъ указательный палецъ передъ самымъ лицомъ молодаго человека, — если случится то, о чемъ ты говорилъ, никогда въ жизни ты меня не увидишь... На твоей свадьбѣ я не буду... Умирать буду, не пущу тебя къ себѣ на глаза... Тогда — не сынъ ты мнѣ... Я выгоню тебя и... прокляну!

Поль отодвинулся отъ пальца, который чуть не задѣвалъ его по носу, и спокойно отвѣтилъ:

— О, вы знаете, милый папаша... проклятія, благословенія, это все такія вещи, которыя давно вышли изъ употребленія въ порядочныхъ домахъ. Даже въ театрахъ, на сценѣ, уже не проклинають и не благословляютъ.

— Но за то бьютъ еще, негодай!—зарычалъ старикъ и поднялъ руку.

— Леонаръ!—вскрикнула мать отчаянно.

Ловкимъ движеніемъ боксера Поль отклонилъ ударъ такъ же спокойно, какъ будто это происходило въ залѣ Кейзера, и, не выпуская крѣпко стиснутой руки Леонара, прошепталъ:

— Ну, нѣтъ... этого-то ужъ не надо... никогда!

Старый овернецъ напрасно дѣлалъ бѣшенныя попытки высвободиться; какъ ни былъ онъ еще силенъ, его противникъ оказался сильнѣе. Въ этотъ страшный мигъ, когда отецъ и сынъ стояли другъ передъ другомъ съ лицами, искаженными ненавистью, обмѣниваясь взглядами убійць, дверь изъ гостиной пріотворилась, въ ней показалась голова мило и добродушно улыбающейся толстой дамы въ шляпкѣ, уснащенной перьями и цвѣтами.

— Простите, дорогой учитель... мнѣ только два слова... А-а! и Аделаида тутъ... и мѣсье Поль... прелестно... божественно!... О!... А!... семейная картина!...

Дѣйствительно, семейная картина, но только — картина современной, новѣйшей семьи, пораженной страшною язвой, разъѣдающей сверху до низу европейское общество, подрывающей въ немъ принципы іерархіи, авторитета, — язвой, въ особенности ужасающей здѣсь, въ Институтѣ, подъ величественнымъ куполомъ, гдѣ производится оцѣнка семейнымъ, традиціоннымъ добродѣтелямъ, гдѣ за нихъ выдаются награды.

XVI.

Была необыкновенная давка въ восьмой залѣ суда, гдѣ предстояло разбирательство дѣла Альбена Фажа послѣ безконечнаго слѣдствія и всевозможныхъ махинацій со стороны вліятельныхъ лицъ, чтобы замаять эту исторію. Никогда еще эта зала Исправительнаго Суда, съ ея грязно-голубыми стѣнами и полинявшею поволокой, пропитанная запахомъ лохмотьевъ и нищеты, не ви-

дала на своихъ истертыхъ скамьяхъ и въ тѣсныхъ проходахъ такой нарядной, элегантнои толпы, столькихъ шляпъ съ цвѣтами и самыхъ модныхъ весеннихъ туалетовъ, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ матово-черными тогами и шапочками адвокатовъ. И публика все прибывала, дверь входнаго тамбура безостановочно хлопала подъ напоромъ валомъ-валящаго народа.

Все знакомыя, архи-знакомыя фигуры, пошлыя до того, что плакать хочется, глядя на нихъ, на этихъ жалкихъ фантошей всѣхъ парижскихъ торжествъ, шиварныхъ похоронъ и первыхъ представлений: Маргарита Оже — въ авангардѣ и маленькая графиня Фодеръ, и красавица мадамъ Анри изъ американской мисси. За ними — дамы академической конгрегаци: мадамъ Анселенъ подъ руку съ старшиной адвокатовъ Ревераномъ, мадамъ Эвиза вся въ мелкихъ розанахъ, окруженная чернымъ роємъ молодыхъ адвокатовъ; а позади судейскихъ мѣсть, въ качествѣ привилегированнаго, — Данжу, стоя, со скрещенными на груди руками, возвышаясь надъ публикой и судьями, выставляетъ на показъ свой рѣзкій, правильный профиль стараго театрала, котораго вездѣ встрѣчаешь лѣтъ сорокъ сряду, — прототипъ свѣтской банальности и ея бессмысленно-однообразныхъ проявленій. Бромъ Астье-Рею и барона Ушенара, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей, онъ одинъ изъ всѣхъ академиковъ осмѣлился появиться въ судѣ, зная, что Альбена Фажа защищаетъ знаменитый и страшный своими издѣвательствами Маржери, одно гнусливое хныганье котораго морить со смѣху залу и судей.

Будеть потѣха, — это чувствовалось въ воздухѣ, угадывалось по оживленнымъ движеніямъ наклоненныхъ судейскихъ шапочекъ, по блеску глазъ и по сдержаннымъ улыбкамъ, которыми обмѣнивались между собою посвященные, знакомые съ дѣломъ. Въ публикѣ ходили пикантныя розсказни о любовныхъ подвигахъ маленькаго горбуна, котораго привели на скамью подсудимыхъ. Поднявши распомаженную голову, онъ изъ-за рѣшетки окинулъ залу однимъ изъ тѣхъ ястребиныхъ взглядовъ, въ значеніи которыхъ женщины никогда не ошибаются. Говорили про компрометирующія письма, про объяснительную записку обвиняемаго, называвшаго въ ней прямо по именамъ двухъ или трехъ свѣтскихъ женщинъ, давнымъ-давно извѣстныхъ, безсчетное число разъ замѣшанныхъ во всѣхъ грязныхъ дѣлахъ. Одинъ экземпляръ этой записки переходилъ изъ рукъ въ руки на скамьѣ журналистовъ; это была наивная и претенціозная автобіографія,

въ которой самохвалство авортонна переплеталось съ хвастливостью рабочаго, «образовавшагося самоучкой». Въ концѣ-концовъ, о томъ, что разсказывалось, не было и помина. Фажъ ограничился сообщеніемъ господамъ судьямъ, что родился онъ въ Васси, въ департаментъ Верхней Марны, родился прямымъ, какъ всѣ,—обычная всѣмъ горбунамъ претензія, — и что паденіе съ лошади въ пятнадцать лѣтъ попортило и изогнуло ему спину. Какъ большинство ему подобныхъ, онъ развивался физически очень медленно, и склонность къ женщинамъ появилась у него поздно, за то съ необыкновенною силой, въ то время, какъ онъ служилъ у одного книгопродавца въ пассажѣ Панорамы. Уродство являлось помѣхой для его побѣдъ, и онъ сталъ изыскивать средства добывать большія деньги. Далѣе слѣдовала исторія его любовныхъ похожденій въ перемежку съ повѣствованіями о сдѣланныхъ имъ подлогахъ, о способахъ, имъ употреблявшихся, о чернилахъ и пергаментахъ. Главы этого произведенія носили такого рода названія: *Моя первая жертва.*—*Ангелина, брошировщица.*—*За пунцовую ленту.*—*Пряничная ярмарка.*—*Начало моихъ сношеній съ Астье-Рею.*—*Таинственная чернила.*—*Вызовъ химикамъ Института...*

Въ результатъ чтенія этой записки получалось, главнымъ образомъ, впечатлѣніе полного недоумѣнія, какъ безсмысленный секретарь Французской Академіи, какъ представители официальной науки и литературы допустили одурачивать себя въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ сряду, какъ могли они поддаться обманамъ невѣжественнаго уродца, набившаго себѣ голову всякимъ библіотечнымъ хламомъ, обрывками непонятыхъ имъ книгъ? Вотъ въ чемъ заключалась необычайная смѣхотворность этого дѣла, вотъ что привлекло сюда такую толпу. Всѣ бѣжали посмотрѣть на Академію, выставленную на позорище въ лицѣ Астье-Рею, котораго искали взоры всѣхъ присутствующихъ въ первомъ ряду свидѣтелей. Онъ сидѣлъ неподвижный и мрачный, едва отвѣчалъ, не оборачивая головы, на лъстивыя плоскости Фрейде, стоящаго позади него въ черныхъ перчаткахъ, съ крепомъ на шляпѣ, по случаю траура по недавно умершей сестрѣ. Вызванный въ свидѣтели защитой, благодушный кандидатъ боялся, какъ бы это не повредило ему во мнѣніи учителя, и онъ оправдывался, объяснялъ, какъ встрѣтилъ этого негодяя Фажа у Ведрина. Но его шепотъ терялся въ шумѣ залы, въ возгласахъ суда, въ вызовахъ и объявленіяхъ постановленій, въ монотонныхъ:

«Отложить на недѣлю... отложить на недѣлю»... падающихъ, какъ удары гильотины, обрывающихъ заявленія адвокатовъ, жалобныя мольбы бѣдняковъ, раскрасившихся, отирающихъ мокрые лбы передъ рѣшеткой: «Позвольте, господинъ председатель»... «Отложить на недѣлю!» Порою изъ глубины залы раздается слезный вопль: «Здѣсь я... здѣсь, господинъ председатель... не продерусь... ишь народу-то». — Отложить на недѣлю... О, кто видѣлъ такое проявленіе усердія, такую быстроту въ работѣ символическихъ вѣсовъ, тотъ навсегда сохранитъ очень высокое мнѣніе объ отпавленіи у насъ правосудія. Впечатлѣніе получалось приблизительно такое же, какъ при отгѣваніи «на почтовыхъ» безроднаго нищаго.

Наконецъ, председатель объявилъ: «Дѣло Альбена Фажы»... Всѣ сразу притихли въ залѣ и даже на площадкѣ лѣстницы, гдѣ люди влѣзали на скамьи, чтобы лучше видѣть. Затѣмъ, послѣ короткаго бормотанья передъ судейскимъ столомъ, свидѣтели потянулись вереницей между плотными рядами адвокатскихъ тогъ въ отведенную для нихъ комнату, унылую, голую, плохо освѣщенную изъ какого-то узкаго закоулка. Астье-Рею, котораго должны были вызвать первымъ, не вошелъ туда и шагаль по темному корридору между двумя залами. Фрейде хотѣлъ было остаться съ нимъ, но тотъ глухо проговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... оставьте меня... я хочу быть одинъ!...

И сконфуженный кандидатъ принужденъ былъ идти съ другими свидѣтелями, бесѣдовавшими, разбившись на мелкія группы: баронъ Ушенаръ, палеографъ Босъ, химикъ Дельпешъ—членъ Академіи Наукъ, эксперты почерковъ, двѣ или три хорошенькихъ дѣвицы изъ тѣхъ, портреты которыхъ украшали комнату Альбена Фажы, восхищенные тѣмъ, что процессъ послужитъ имъ хорошею рекламой, громко смѣющихся, щеголяющихъ неправдоподобными шляпами «директуаръ», составляющими поразительный контрастъ съ полотнянымъ чепцомъ и вязаными митенами привратницы Счетной Палаты. Ведринъ былъ тоже вызванъ. Фрейде подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ на широкій подоконникъ открытаго окна. Захваченные и унесенные разными теченіями, разлучающими людей въ Парижѣ, старые товарищи видѣлись съ прошедшаго лѣта всего одинъ только разъ на недавнихъ похоронахъ Жермены. И Ведринъ жалъ руки пріятели, справлялся о его здоровьѣ, о душевномъ состояніи послѣ постигшаго его страшнаго удара. Кандидатъ пожалъ плечами:

— Тяжело это, конечно... очень тяжело. Но что же дѣлать? Привыкать надо...

Ведринъ глаза вытаращилъ передъ такимъ отчаяннымъ эгоизмомъ.

— Подумай только... два раза въ одинъ годъ они меня прокатываютъ...

Для него только одинъ и былъ страшный ударъ—неудачная попытка занять кресло Рипо-Бабена, только что ускользнувшее отъ него, какъ и кресло Луазильона. Потому онъ сообразилъ, глубоко вздохнулъ... Ахъ, да... его Жермена... Много было ей хлопотъ въ послѣднюю зиму изъ-за этой несчастной кандидатуры... Два обѣда въ недѣлю, гости до двѣнадцати часовъ, до часу ночи; ей приходилось вертѣть свое механическое кресло по всѣмъ угламъ гостиной... На это потратила она свои послѣднія силы, увлеченная кандидатурой даже больше, чѣмъ братъ... Въ послѣднія минуты, въ самыя послѣднія, когда она не могла уже говорить, едва двигая сведенными пальцами, она, все-таки, считала и отмѣчала голоса на краю своей простыни.

— Да, другъ мой, и скончалась она, отмѣчая, высчитывая мои шансы на это проклятое кресло... О! теперь, хотя бы ради нея, а я добьюсь, буду я въ ихъ Академіи, вопреки имъ, на радость моей дорогой...

Онъ вдругъ оборвался, потому измѣнившимся, упавшимъ голосомъ продолжалъ:

— Я, впрочемъ, самъ не знаю, для чего говорю тебѣ это... Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они засадили мнѣ въ голову это желаніе, я уже не могу думать ни о чемъ другомъ... Умерла у меня сестра, я даже не оплакалъ ее путемъ. Необходимо было дѣлать визиты, выпрашивать Академію, какъ говорить одинъ пріятель. Я сохну отъ этого, околѣваю... настоящее сумасшествіе.

Выраженія были такъ грубы, лихорадочный голосъ такъ рѣзокъ, что Ведринъ не узнавалъ своего Фрейде, нѣжнаго, деликатнаго, всегда жизнерадостнаго. Разсѣянный взглядъ, складка тяжелой заботы на лбу, пылающія ладони свидѣтельствовали о страсти, о маніи. Однако же, встрѣча съ Ведринымъ, казалось, подѣйствовала на него благотворно, и онъ сталъ дружески разспрашивать:

— Что ты подѣлываешь?... какъ поживаешь?... что жена, дѣтки?...

Художникъ отвѣчалъ съ своею всегдашнею спокойною улыбкой. Вся семья, слава Богу, живетъ хорошо. Дѣвочку собираются отнимать, мальчикъ растетъ, хорошъ попрежнему, продолжаетъ нетерпѣливо поджидать, когда старику Рею сравняется сто лѣтъ. Самъ онъ работаетъ; выставилъ въ этомъ году двѣ картины, поставлены были не дурно и не дурно проданы. За то одинъ свирѣпый и глупый кредиторъ отобралъ за долгъ паладина, который и пошелъ странствовать изъ рукъ въ руки: загромождалъ собою великолѣпный *gez-de-chaussée* въ улицѣ Рима, попалъ потомъ въ какую-то конюшню въ Батиньоляхъ, теперь валяется подъ сараемъ у содержателя молочной въ Левалуа, куда они отъ времени до времени отправляются всею семьей поглядѣть на него.

— Вотъ тебѣ и слава!—прибавилъ Ведринъ, смѣясь, въ то время, какъ голосъ пристава вызывалъ Астье-Рею.

Силуэтъ безсмѣннаго секретаря промелькнулъ на мгновеніе въ пыльномъ туманѣ; вся фигура держалась очень прямо, очень твердо, только спина, за которою онъ не наблюдалъ, да широкія плечи замѣтно вздрагивали, выдавали его сильное волненіе.

— Бѣдняга крокодилъ!—тихо сказалъ скульпторъ.—Тяжелыя испытанія приходится ему переносить... Эта исторія съ автографами, женитьба сына...

— Поль женился?

— Три дня тому назадъ, на герцогинѣ... Нѣчто вродѣ морганатическаго брака. На свадьбѣ никого, кромѣ его мамаша и четырехъ свидѣтелей... И представь, я былъ въ томъ числѣ, точно какой-то странный рокъ дѣлаетъ меня участникомъ всѣхъ дѣяній и подвиговъ этой семьи.

И Ведринъ разсказалъ, какъ пораженъ онъ былъ, увидавши въ залѣ меріи герцогиню Падовани блѣднѣе мертвеца, попрежнему, гордую, но разбитую, разочарованную, съ массою сѣдыхъ волосъ на головѣ,—несчастныхъ волосъ, которые она уже не трудилась красить. Рядомъ съ нею—Поль Астье, римскій графъ, улыбающійся, спокойный, хорошенькій, какъ всегда... Всѣмъ неловко, никто слова не находитъ вымолвить, кромѣ чиновника, который, при видѣ двухъ старыхъ дамъ, расшаркался и любезно заявилъ:

— Мы ждемъ только прибытія невесты...

— Невѣста здѣсь,—отвѣтила герцогиня, высоко поднявши голову.

Дежурный помощникъ мера имѣлъ достаточно такта и не сказалъ никакой рѣчи. Изъ мерн всѣ отправились въ католическій институтъ, въ улицѣ Вожираръ. Церковь аристократическая, вся въ золотѣ, въ цвѣтахъ, полное освѣщеніе и—ни души. Только мы, свадебные, сидимъ рядомъ на стульяхъ и слушаемъ, какъ монсиньоръ Адриани, папскій нунцій, читаетъ какую-то безконечную рацею по печатной книгѣ съ рисунками. Необычайно это было восхитительно: свѣтскій прелать съ длиннымъ носомъ, съ тонкими хитрыми губами, съ плечами, обтянутыми фіолетовою пелериной, растолковываетъ «о преданіяхъ чести, охраняемыхъ супругомъ, о юныхъ прелестяхъ супруги», а самъ косится преехиднѣйшимъ взглядомъ на бархатный аналой съ колѣнопреклоненною плачевною парочкой. Потомъ выходитъ изъ церкви, обоюдные холодные поклоны подъ аркадой маленькаго монастыря и облегченный вздохъ герцогини, ея: «Покончено, слава Богу!» съ выраженіемъ отчаянья женщины, смѣрившей пропасть и бросающей въ нее съ открытыми глазами, чтобы исполнить данное обязательство.

— О, видалъ я въ моей жизни не мало мрачнаго и печальнаго,—продолжалъ Ведринъ,—но ничего не видалъ болѣе надрывающаго сердце, чѣмъ эта свадьба Поля Астье!

— Большой, все-таки, негодяй этотъ нашъ молодой пріятель!—проговорилъ Фрейде сквозь зубы.

— Да, одинъ изъ нашихъ милыхъ *стрѣджфорлейферовъ!*

И скульпторъ повторилъ съ надлежащимъ акцентомъ: «*Struggle-for-lifeurs!*» *), называя такъ тотъ новый сортъ мелкихъ озвѣрѣлыхъ людишекъ, которымъ прекрасное открытіе Дарвина—«борьба за существованіе»—служитъ научнымъ оправданіемъ всякихъ гадостей. Фрейде продолжалъ:

— Какъ бы то ни было, а онъ теперь богатъ... добился того, чего хотѣлъ. На этотъ разъ не помѣшалъ ему и кривой носъ!

— Поживемъ—увидимъ!... Герцогиня не изъ покладистыхъ, а у него въ мерн взглядъ былъ чертовски скверный!... Если старушица окажется въ тягость ему, то сынъ и внукъ безсмертныхъ легко можетъ очутиться въ судѣ съ присяжными!

— Свидѣтель Ведринъ! — крикнулъ во все горло приставъ.

Въ то же время, изъ отворенной двери вырвался громкій хохотъ.

*) *Struggle-for-lifeur*—борецъ за существованіе. Прим. переводчика.

— Ишь ты, веселье у нихъ тамъ какое!—проговорилъ національный гвердеецъ, стоящій на караулѣ въ корридорѣ.

Въ комнатѣ свидѣтелей, мало-по-малу опустѣвшей во время бесѣды старыхъ товарищей, остались только Фрейде и привратница Счетной Палаты, совершенно потерянная отъ предстоящаго появленія на судѣ. Непроизвольнымъ и безсознательнымъ движеніемъ она теребила завязки своего чепца. Что же касается кандидата, то, напротивъ, ему представлялся единственнымъ, въ своемъ родѣ, случай публично воскурить фиміамъ Французской Академіи и ея безсмѣнному секретарю въ маленькомъ спичѣ, который будетъ, конечно, перепечатанъ всѣми газетами и послужитъ какъ бы прологомъ къ его рѣчи на приѣмѣ въ Академіи. По вызовѣ привратницы, онъ остался одинъ, ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, останавливался у окна, округляя періоды своей рѣчи и репетируя красивые жесты рукъ, затушенныхъ въ черныя перчатки. И вдругъ кто-то ошибкою принялъ ихъ на свой счетъ изъ дома на противоположной сторонѣ улицы, изъ дрянной, ободранной и темной лачуги, одною внѣшностью своею говорившей объ отвратительномъ и постыдномъ ремеслѣ, кутащемся въ ней... Жирная, голая по плечо рука открыла розовую занавѣску и отвѣтила пригласительнымъ движеніемъ...

— О! этотъ Парижъ!—Кандидатъ въ академики покраснѣлъ отъ стыда, быстро отошелъ отъ окна и скрылся въ корридорѣ.

— Обвинитель рѣчь говорить...—прошепталъ ему часовой, а въ душной до одурѣнія атмосферѣ залы гремѣлъ притворно негодующій голосъ:

— ... Вы злостно воспользовались невинною страстью старика...

— Какъ же это?... А меня-то?... — проговорилъ Фрейде вслухъ.

— Про васъ они, должно быть, забыли...

— Стало быть, всегда такъ будетъ! — грустно разсуждалъ самъ съ собою бѣдняга.

Потрясающій взрывъ общаго хохота встрѣтилъ въ эту минуту разсмотрѣніе фальшивой коллекціи Мениль - Базэ: письма королей, папъ, императрицъ, Тюрени, Бюффона, Монтени, Ля-Бовеси, Клементины Изоръ *), и при каждомъ новомъ имени

*) *Clémentine Isore*—знаменитая женщина XV вѣка, о которой сохранились только легенды, положительнаго же ничего не извѣстно, кромѣ того, что она уроженка Тулузы.
Примѣчаніе переводчицы.

этого фантастического списка, свидетельствующаго о громадной наивности официального историка, объ одурачиваньи Института ничтожнымъ гномомъ, веселость толпы все возрастала. Фрейде не въ силахъ былъ переносить долге непочтительнаго хохота, которымъ осмѣивали его покровителя и учителя Астье-Рею, тѣмъ болѣе, что это жестоко должно было отразиться и на немъ самомъ, еще разъ провалить его кандидатуру. Онъ выбѣжалъ изъ корридора, сошелъ внизъ, долго бродилъ по дворахъ, потомъ по тротуару у рѣшетки и, наконецъ, замѣшался въ толпу, массой выходившую изъ суда, при суетливой бѣготнѣ ливрейныхъ лакеевъ, при стукѣ экипажей, въ догорающемъ блескѣ чуднаго юньскаго дня, игравшемъ на раскрытыхъ розовыхъ, бѣлыхъ, лиловыхъ, зеленыхъ зонтикахъ, какъ на гигантскихъ движущихся цвѣткахъ. Взрывы хохота все еще раздавались изъ всѣхъ группъ, точно послѣ окончанія въ театрѣ необыкновенно смѣшнаго фарса... Хорошо пристроили маленькаго горбуна: на пять лѣтъ въ тюрьму и взыскать убытки... Но за то и морила же со смѣху защитникъ!... Маргарита Оже такъ и заливалась своимъ удивительнымъ смѣхомъ втораго акта *Мюсидоры*: «Ахъ-ха-ха!... друзья мои... друзья мои...» Данжу провожалъ мадамъ Анселень до кареты и громко, цинично говорилъ:

— Это плевокъ въ лицо Академіи... прямехонько... и влѣпили ловко!...

Леонаръ Астье уходилъ одинъ, не оглядываясь; онъ слышалъ эти разговоры и другіе, несмотря на предостереженія: «Осторожибе, смотрите, вотъ онъ...» Для него это было началомъ утраты всеобщаго уваженія; весь Парижъ зналъ, какъ его осмѣяли, и потѣшался надъ нимъ.

— Обопритесь на мою руку, мой дорогой учитель,—догналъ его Фрейде, уступая непреодолимому порыву своего добраго сердца.

— Ахъ, другъ мой, какъ отрадно мнѣ это!—сказалъ старикъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

Они долго шли молча. Зеленъ на набережныхъ отбѣняла и скрашивала камни; шумъ улицъ и всплески воды весело раздавались въ тихомъ воздухѣ. Базалось, что въ такой чудный день нужда и горе человѣческія на время куда-то исчезли.

— Куда мы пойдешъ?—спросилъ Фрейде.

— Куда хотите... только не ко мнѣ...—отвѣтилъ старикъ

въ дѣтскомъ ужасѣ при мысли о сценѣ, которую готовить ему жена.

Они пообедали вдвоемъ въ ресторанѣ, послѣ долгой прогулки по берегу рѣки. Слова сочувствія ученика и прелесть лѣтняго вечера нѣсколько успокоили Астье-Рею. Онъ вернулся домой очень поздно, оправившись отъ пятичасовой пытки на скамьѣ восьмага отдѣленія суда, гдѣ ему пришлось, связанному по рукамъ и ногамъ, выдержать оскорбительное глумленіе толпы и отвратительныя выходки адвоката. «Смѣйтесь, смѣйтесь, обезьяны негодныя!... потомство оцѣнитъ»,—такъ утѣшалъ онъ себя, проходя по обширнымъ дворамъ Института, гдѣ уже все спало, все было темно и просвѣты лѣстницъ зіяли то справа, то слѣва черными прямоугольниками. Взойдя ощупью, онъ пробрался въ свой кабинетъ, не зажигая огня, врадучись, какъ воръ. Тутъ, со времени женитьбы Поля и своего разрыва съ сыномъ, сналъ старикъ на какомъ-то диванѣ, чтобы избѣжать непрерывныхъ ночныхъ препирательствъ, въ которыхъ сила всегда на сторонѣ женщины, даже въ томъ случаѣ, если она перестала быть женою, единственно благодаря неутомимой стойкости нервовъ, передъ которою мужчина не выдерживаетъ, наконецъ, все уступаетъ и все обѣщаетъ, лишь бы его оставили въ покоѣ, лишь бы дали ему заснуть безпрепятственно.

Заснуть! Никогда въ жизни онъ не испытывалъ такой потребности заснуть скорѣе, какъ по окончаніи этого долгаго, утомительнаго дня терзаній. При самомъ входѣ въ темный кабинетъ его уже охватило чувство покоя, какъ вдругъ онъ разглядѣлъ неясныя очертанія какой-то человѣческой фигуры у окна.

— Что, довольны теперь?...

Его жена! она поджидала, подкарауливала его... Ея негромкій, визгливый голосъ какъ бы приговалъ старика къ мѣсту.

— Вы добивались процесса,—получили... Хотѣли смѣха надѣлать,—осмѣяны, съ головы до ногъ осмѣяны, такъ что въ люди нельзя показаться... А! стояло же орать, что вашъ сынъ позорить имя Астье! Теперь, по вашей милости, это имя стало синонимомъ невѣжества и глупости; его нельзя произнести безъ смѣха... И все это—изъ-за чего?—чтобы спасти ваши историческіе труды?... Шутъ вы гороховый!... Кому они извѣстны, ваши историческіе труды? Кому какое дѣло, подлинныя ваши документы или подложныя? Сами вы отлично знаете, что никто вашихъ книгъ не читаетъ...

Она такъ и сыпала, такъ и сыпала; ея визгливый голосъ становился все рѣзче, доходилъ до самыхъ высокихъ нотъ; для него это было продолженіемъ только что пережитаго опозориванія, публичнаго издѣвательства, и выслушивалъ онъ все это такъ же точно, какъ тамъ, въ судѣ, молча, не возражая, не двигаясь, съ сознаниемъ непоколебимости своего авторитета, его непререкаемости. Но безпощаденъ былъ этотъ невидимый ротъ, кусавшій его, язвившій гдѣ только можно, добравшійся своими острыми зубами до чести мужчины и писателя... Хороши его книги! Ужъ не воображаетъ ли онъ и вправду, что за нихъ попалъ въ Академію? Ей, ей одной обязанъ онъ тѣмъ, что носить мундиръ съ зелеными пальмами! Вся жизнь ея пошла на интриги, на всякія ухищренія, чтобы пролѣзть, его протащить... Вся молодость принесена въ жертву, загублена на выслушивание объясненій въ любви, на поощреніе ухаживаній слишкомъ предпріимчивыхъ, беззубыхъ, омерзительныхъ стариковъ...

— Нельзя было иначе, мой милѣйшій... Въ Академію-то пускаютъ людей съ талантомъ,—а у васъ его не имѣется,—или съ громкимъ именемъ, или съ виднымъ положеніемъ... Ничего у васъ не было... Тогда я взялась за дѣло!...

Изъ боязни, какъ бы онъ не усомнился въ этомъ, какъ бы не подумалъ, что слова ея вызваны раздраженіемъ оскорбленной женщины, униженіемъ, отъ котораго страдаетъ самолюбіе супруги и слѣпая любовь матери, мадамъ Астье припоминала подробности его избранія, напомнила мужу его знаменитую фразу о ея вуалеткахъ, пахнущихъ табачнымъ дымомъ, тогда какъ онъ никогда не курить.

— Этою фразой, милѣйшій, вы прославились больше, чѣмъ всѣми вашими книгами...

У него вырвался тихій, жалобный стонъ, глухой вопль человѣка, которому распоролъ животъ, и онъ обѣими руками пытается удержатъ вываливающіяся внутренности. А тонкій, визгливый голосъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Ну, что же вы? За чемоданъ принимайтесь... Хоть разъ въ жизни уложите его, наконецъ, по-настоящему!... и слуха объ васъ чтобы не было... Нашъ Поль богатъ, къ счастью... будетъ высылать вамъ на пропитаніе... такъ какъ сами понимаете, я думаю, что теперь вы не найдете ни издателя, ни журнала, который согласился бы печатать вашъ вздоръ, и только

по милости воображаемого вами безчестья вашего сына вы не умрете съ голоду.

— Это уже слишкомъ...—прошепталъ несчастный старикъ, уходя изъ комнаты, убѣгая отъ немстовой жестокости.

Хватаясь за стѣны, едва волоча ноги по корридорамъ, лѣстницамъ и пустымъ дворамъ, онъ, чуть не плача, повторялъ:

— Это слишкомъ... это слишкомъ...

Буда шель онъ? Никуда, шель прямо, какъ во снѣ, миновалъ площадь, прошелъ половину моста. Свѣжесть ночи оживила бѣднягу. Онъ снялъ шляпу, отворотилъ рукава, чтобы утишить бьющую въ виски кровь. Мало-по-малу тихій и равномерный плескъ воды успокоилъ его; старикъ оправился, но лишь затѣмъ, чтобы припомнить все и опять страдать... Что это за женщина! что за чудовище! И онъ могъ прожить съ нею тридцать пять лѣтъ и не знать ее... Дрожь ужаса пробѣжала по его тѣлу при воспоминаніи о всѣхъ, только что слышанныхъ имъ мерзостяхъ. Она ничего не пощадила, мѣста живаго въ немъ не оставила, ни даже поддерживавшаго его сознанія права гордиться своими учеными трудами, ни вѣры въ Академію. При мысли объ Академіи онъ инстинктивно оглянулся. За пустыннымъ мостомъ, широкою полосой тянувшимся до подножія историческаго зданія, въ сумракѣ лѣтней ночи возвышается дворецъ Мазарини съ своимъ портикомъ и куполомъ, точь-въ-точь такимъ, какимъ Астье такъ подолгу засматривался въ молодости на оберткахъ изданій Дидо... О! этотъ куполь, эта груда камней—цѣль обманчивая, причина всѣхъ его несчастій... Оттуда взялъ онъ себѣ жену безъ любви, безъ радостей увлеченія, изъ-за того только, что ему обѣщано было мѣсто въ Институтѣ. Получилъ онъ его, это мѣсто, достигъ желанной цѣли... и знаетъ теперь, какими средствами... чистыми, нечего сказать!...

На мосту послышались шаги, смѣхъ; вотъ они близко: это студенты возвращаются съ своими любовницами въ Латинскій кварталъ. Старикъ боится, какъ бы его не узнали, встаетъ и опирается на перила. Толпа проходитъ мимо, не обращая на него вниманія, и въ его головѣ встаетъ горькая дума, что никогда-то въ жизни не зналъ онъ веселья, никогда не воспользовался такимъ чуднымъ вечеромъ, какъ этотъ, чтобы беззаботно пѣть пѣсни подъ усѣянными звѣздами небомъ: вѣчно напряженное честолюбіе безостановочно тянуло его къ этому куполу храма, который далъ ему взамѣну... что далъ? Ничего, необъ-

ятное ничто... Давно, въ день своего принятія, послѣ рѣчей, послѣ обмѣна шутками, онъ испыталъ подобное же ощущеніе пустоты и обманутыхъ надеждъ; возвращаясь въ фіакръ домой снять свой новый мундиръ, онъ разсуждалъ самъ съ собою: «Добился! Принять!... И что же? Только-то всего!...» Съ тѣхъ поръ, благодаря постоянному самообману, безпрестанному повторенію въ кругу товарищей, какъ хорошо это, какъ восхитительно, какъ дивно несказанно, онъ кончилъ тѣмъ, что самъ повѣрилъ этому... Теперь завѣса спала съ глазъ, онъ ясно видитъ все и хотѣлъ бы громко, сотней голосовъ закричать французской молодежи: «Не правда все это, не вѣрьте!... Васъ обманываютъ... Академія—приманка только и миражъ!... Идите своею дорогой, дѣлайте свое дѣло внѣ ея... Въ особенности же, не приносите ничего ей въ жертву потому, что не можетъ она дать вамъ ничего такого, чего вы не принесете съ собою, ни таланта, ни славы, ни большаго довольства самимъ собой... Академія — не пристань тихая, не убѣжище!... Это—храмъ безъ божества, и религія его не даетъ утѣшенія. Всѣ жизненные невзгоды удручаютъ тамъ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ... Тамъ, подъ этимъ куполомъ, люди кончали самоубійствомъ, тамъ сходили съ ума! И кто обращался къ ней скорбною душой, кто протягивалъ къ ней руки, извѣрившись въ любовь или уставши проецировать, тотъ хваталъ тѣнь своими объятіями, пустоту... ничто...»

Съ открытою головой, схватившись руками за парапетъ, бывший профессоръ говорилъ вслухъ, громко, какъ читывалъ когда-то лекціи, опершись о край кафедры. Внизу струится рѣка, чернѣетъ подъ сумракомъ ночи между рядами фонарей, мигающихъ живымъ и молчаливымъ свѣтомъ, тревожащимъ, какъ все, что движется, смотреть и не подаетъ голоса. Гдѣ-то у рѣки обрывается, удаляясь, пьяная пѣсня:

Когда поутру... не шитъ кутюнокъ...

Какой-нибудь загулявшій овернецъ возвращается къ своей лодкѣ съ углемъ. Это напоминаетъ одинокому старику полотера Тейседра и его стаканъ холоднаго вина, его сладко ухмыляющійся ротъ, его слова: «Шамая это хорошая штука въ жизни!» Даже такихъ скромныхъ, простыхъ радостей онъ не зналъ, принужденъ и имъ завидовать. Одинъ, совсѣмъ одинъ на свѣтѣ, нѣтъ пристанища у него, нѣтъ плеча, куда бы голову преклонить и выплакать свое несчастье, и понимаетъ онъ, что права была

негодница тамъ наверху въ его кабинетѣ и что пора, наконецъ, разъ навсегда уложить свой чемоданъ по-настоящему...

Поутру городовые нашли на скамейкѣ моста Искусствъ широкополую шляпу, одну изъ тѣхъ шляпъ, которыя сохраняютъ до нѣкоторой степени отпечатокъ личности своихъ владѣльцевъ. Въ шляпѣ лежали толстые золотые часы, визитная карточка: «Леонаръ Астье-Рею, безсмѣнный секретарь Французской Академіи», на ней вкось, съ угла на уголь, карандашомъ написано: «Я умираю здѣсь добровольно»... О! да, совершенно добровольно! И когда послѣ долгихъ поисковъ лодочники вытащили его изъ широкихъ вѣтокъ желѣзной сѣти, окружающей женскія купальни у самаго моста, то выраженіе его лица, стиснутые зубы, выдающаяся, рѣзко очерченная нижняя челюсть лучше короткой фразы, написанной крупнымъ, характернымъ почеркомъ, удостовѣрили его твердую рѣшимость покончить съ жизнью. Его тѣло отнесли сперва на спасательную станцію, куда для удостовѣренія его личности явился секретарь Института. Это уже не перваго «безсмѣннаго» вытаскивали изъ Сены; то же самое случилось во времена Пишераля-отца и почти при такихъ же обстоятельствахъ. А потому Пишераль-сынъ не очень-то, казалось, взволновался и скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ тревогой, смотрѣлъ на голую голову, сверкавшую на солнцѣ, какъ жетонъ.

Часы дворца Мазарини пробили часъ, когда рабочіе увѣсистымъ шагомъ прошли подъ сводомъ, таща носилки, оставлявшія за собою на дорогѣ страшный мокрый слѣдъ. У лѣстницы В носильщики остановились вздохнуть. Голубое небо вырѣзывалось большимъ четырехъугольникомъ надъ залитымъ солнцемъ дворомъ. Изъ-за приподнятаго на минуту полотно носилокъ члены комиссіи словаря, прекратившіе засѣданіе въ ознаменованіе траура, въ послѣдній разъ взглянули на лицо своего бывшего товарища. Они стояли кругомъ съ открытыми головами, на лицахъ не замѣчалось особенной печали, но ясно было видно, что всѣ поражены и скандализированы. Останавливались тутъ же и любопытные, рабочіе, мелкій служащій людъ, ученики ремесленниковъ, такъ какъ дворъ Института служить проходомъ между улицей Мазарини и набережной. Въ числѣ прохожихъ оказался и кандидатъ Фрейде; онъ отиралъ слезы, оплакивалъ учителя, своего милаго учителя, и, какъ ни совѣстно ему было, не могъ отдѣлаться отъ мысли, что еще одно кресло стало вакантнымъ.

Какъ разъ въ это время старый Жанъ Рею вышелъ на свою

обычную прогулку послѣ завтрака. Онъ еще ничего не зналъ, какъ будто удивился, увидавши такую толпу съ послѣднихъ ступеней лѣстницы, и подошелъ взглянуть, что случилось, не смотря на растерянные жесты, которыми хотѣли его удалить. Понялъ ли онъ? Узналъ ли? Черты его лица остались неподвижны, глаза смотрѣли безъ всякаго выраженія, какъ глаза Минервы подѣ бронзовымъ шлемомъ. Потомъ, вдоволь насмотрѣвшись, въ то время, какъ надвинутымъ полосатымъ полотномъ закрывали лицо несчастнаго покойника, онъ удалился, прямо и гордо поднявши голову, сопровождаемый своею длинною тѣнью. Вотъ этотъ—такъ настоящій Безсмертный... И покачиваніемъ головы онъ какъ будто говорилъ:

— Видѣлъ я и это, видѣлъ своими глазами!

М. Р.

* * *

Пусть эта ночь темна, какъ душная тюрьма,
Но сердцу весело—въ немъ алый день восходить
И въ сумрачный чертогъ безсмертнаго ума
Сіянье райское наводитъ.

И тѣни легкія неувимыхъ сновъ
Плывутъ и рѣютъ надо мною,
Какъ бѣлая толпа весеннихъ облаговъ
Надъ нивой золотою.

Но я боюсь ихъ блистательной красы,
Боюсь, что отравятъ чарующія грѣзы
Мои счастливые часы,
Мои восторженные слезы

Прекраснымъ вымысломъ обманчивыхъ картинъ
И въ ихъ сіяніи потонеть, померкая,
Моя дѣйствительность, какъ капля дождевая
Въ шумящемъ грохотѣ пучинъ!

. Н. Фофановъ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ *).

II. Люди всякаго званія.

I.

Вся Страстная недѣля 1886 г. прошла для меня въ разнообразныхъ мечтаніяхъ и воспоминаніяхъ. И хотя веселыя впечатлѣнія дѣйственныхъ мѣстъ были мнѣ вполне по сердцу и матеріала для такихъ впечатлѣній было вполне достаточно, но, все-таки, я не безъ удовольствія ждалъ конца недѣли и прихода парохода. Одиного и довольно томительно прошла ночь подъ Свѣтлый день, да и самый первый день праздника съ своимъ жалкимъ гуляньемъ былъ едва ли не томительнѣе будничнаго дня.

Въ городѣ въ этотъ день было уже совсѣмъ пусто, даже двѣ-три лавочки, около которыхъ въ будничныи день, все-таки, толкался народъ, были теперь заперты. По улицѣ изрѣдка проходили жиденскія группы мѣстныхъ жителей и жительницъ, праздновавшихъ большой праздникъ, кажется, только непомернымъ истребленіемъ подсолнуховъ,—вотъ и всѣ праздничныя впечатлѣнія. Откуда-то, съ поля, вѣтеръ приносилъ въ городъ хриплые звуки шарманки, наигрывавшей скучный мотивъ пѣсни о «подруженькахъ», которымъ скучно, «изъ Аскольдовой могилы», и подъ эти скучные звуки тамъ, въ полѣ, истребляя все тѣ же подсолнухи, на скрипучихъ круговыхъ качеляхъ, должно быть, не въ особенно веселомъ расположеніи духа, качались немногочисленные жители и жительницы Новороссійска. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи съ воскресенья на понедѣльникъ послышался сильный свистокъ парохода и все, что было цѣлую недѣлю заперто въ Новороссійскѣ, цѣлую недѣлю какъ въ тюрьмѣ, ожидая выѣзда, бросилось на пристань. Очень много было простаго народа, отправлявшася въ Новый Аѳонъ (монастырь близъ Сухума), пользующійся въ городѣ большимъ уваженіемъ. Было не меньше, чѣмъ «сѣраго мужика», того подозрительнаго народа, ищущаго «кого поглотити», о которомъ уже было и еще будетъ говорено. Простой, безъ опредѣленныхъ цѣлей путешествен-

*) *Русская Мысль*, кн. V.

никъ былъ, вѣжеться, только одинъ я. Принявъ всѣхъ насъ на бортъ, пароходъ постоялъ еще нѣкоторое время и, не взирая на темную ночь, ушелъ-таки, наконецъ, въ морѣ.

И съ тѣхъ поръ, въ теченіе мѣсяца, я и путешествую болѣе или менѣе съ незначительными остановками: отъ Екатеринодара я проѣхалъ къ морю три раза: во-первыхъ, кубанскимъ степнымъ почтовымъ трактомъ, во-вторыхъ, другою дорогою, идущею въ предгоріяхъ, третій—на пароходѣ по Кубани до Темрюка, а по черноморскому берегу, доѣзжавъ до Лазаревскаго поста, ниже Туапсе, я пошлялся на сѣверныхъ пароходикахъ между Темрюкомъ и Керчью. Все, что мнѣ пришлось видѣть въ эту поѣздку,—все это я видалъ только «мелькомъ», причемъ положительно на каждомъ шагѣ встрѣчалось такъ много самыхъ разнообразныхъ, затрогивающихъ за живое впечатлѣній, что постоянно являлось желаніе остаться, пожить на одномъ мѣстѣ мѣсяць, два, чтобы разглядѣть интересное явленіе поосновательнѣе. Но времени было мало, приходилось ѣхать дальше, мелькомъ только взглянуть на интересное явленіе и мелькомъ о немъ подумавъ. И, все-таки, несмотря на то, что поѣздка моя была поспѣшна и непродолжительна, разнообразіе впечатлѣній мѣсть и всякаго званія людей было настолько обильно, что я, при условіяхъ, въ которыхъ находился, не могъ и пожелать ничего большаго. Нигдѣ, думается мнѣ, не скопилось такъ много, какъ на Кавказѣ, явленій русской жизни данной минуты, рисующихъ наши русскіе порядки, отношенія и настроенія, и нигдѣ нѣтъ такого разнообразія мѣстныхъ географическихъ условій, способствующихъ, чтобы разные порядки, вовсе одни на другіе непохожіе, уживались почти рядомъ другъ съ другомъ. То, что въ Россіи надобно изучать по отдѣльнымъ областямъ Великороссіи, Малороссіи, Волыни или казанской татарщины,—все это можно видѣть здѣсь, какъ бы въ обрачкахъ, сгруппированныхъ на незначительныхъ пространствахъ мѣста, точно въ музеѣ.

Ровная, какъ столъ, кубанская степь, вся—хоть неряшливо распланированная подъ разные роды хлѣбовъ, вся уставленная огромнѣйшими станицами, издалека примѣтными своими безчисленными вѣтрянными мельницами и ихъ широкими махающими по вѣтру крыльями, эта земледѣльческая гладь, приближаясь къ низменностямъ, на большое пространство окружающимъ горъ Темрюкъ, почти сразу превращается въ настоящую, южно-американскую табачную плантацію. Непривычное для русскаго земледѣльческаго человѣка слово «плантація» начинаетъ слышаться поминутно; въ чистомъ полѣ или въ дорогѣ начинаетъ встрѣчаться фигура точь-въ-точь такого же самаго американскаго плантатора, какую мы видимъ на иностранныхъ объявленіяхъ о разныхъ новозобрѣтенныхъ машинахъ всякаго рода: какой-то удивительный инструментъ (такъ обыкновенно рисуютъ на этихъ иллюстрированныхъ объявленіяхъ), вяжущій и бросающій готовые связанные снопы въ телегу, подвигается по золотистой нивѣ, а рядомъ съ этимъ инструментомъ, на парѣ сильныхъ лошадей, въ изящной бричкѣ, въ

широкополой соломенной шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ, мчится куда-то благообразный «плантаторъ». Такъ вотъ точь-въ-точь такіе благообразные плантаторы, съ лицами, сіяющими удовольствіемъ и благополучіемъ, начинаютъ попадаться и здѣсь, а неразлучно съ благообразнымъ и благополучнымъ плантаторомъ начинаютъ попадаться буйвально цѣлые обозы «рабочихъ рукъ», къ сожалѣнію, также вполне соответствующихъ американскому своему сотоварищу—негру. Здѣшнія «рабочія руки» плантациі—все женщины, все молодыя жены, молодыя дѣвушки. Десятки голыхъ женскихъ ногъ болтаются по краямъ огромнаго пѣмецкаго фургона-телѣги, на которыхъ, спина-о-спину, насажено молодой женской силы столько, сколько влѣзаетъ въ телѣгу. Въ Екатеринодарѣ существуетъ для найма работницъ на эти плантациі настоящій женскій рынокъ. По воскреснымъ днямъ на мѣстномъ базарѣ съ ранняго утра стоитъ уже тысячная толпа этихъ рабынь, предлагающихъ на продажу свои руки и вынужденныхъ даромъ отдавать все, чего пожелаютъ многочисленные администраторы табачнаго производства. Бѣдныя деревенскія дѣти, чисто по дѣтской наивности, полагаютъ, что нужно какъ можно лучше принарядиться, чтобы нашлись охотники купить этотъ товаръ; всѣ они разошлись какъ «маговъ цѣтъ», въ лучшихъ платьицахъ, въ лучшихъ платочкахъ, точно собрались *тсми икратъ*. Сколько дѣтской наивности въ этой толпѣ женской молодежи, незнакомой еще съ ощущеніемъ *тоски въ трудѣ*, не подозрѣвающей, что эти «плантациі» (мѣстное названіе плантациі) умертвляютъ въ нихъ это трудовое «веселье», которое они, дѣти деревни, трудовой жизни, привыкли не отдѣлять отъ работы! Плантациі знакомятъ ихъ съ тяготой труда, на деньги «купленнаго» чужими людьми.

Не успѣли вы побывать на американскихъ плантацияхъ, какъ уже что-то совершенно непохожее на нихъ идетъ вамъ на встрѣчу. Кубань, приближаясь къ морю, течетъ по мѣстамъ все болѣе и болѣе низменнымъ. Рѣка эта вообще не особенно живописна и привлекательна: не изъ ключей и ключевыхъ ручейковъ, сливающихся по живописнымъ ложбинкамъ, въ широко прихотливо пробирающуюся по «удобнымъ» мѣстамъ рѣку,—какъ вообще русскія рѣки,—исходитъ Кубань и не ключевою водою наполнены ея некрасивые берега. Вся она — изъ талой снѣговой воды; холодная, свѣтлая, гремящая по скаламъ только въ истогахъ, спадая съ высоты ледяныхъ вершинъ кавказскаго хребта, она превращается въ низменной равнинѣ просто въ сильный потокъ, пробивающій дорогу подъ вліяніемъ напора силы гдѣ упадетъ, то-есть по тому направленію, по какому направляетъ сила бѣгущей изъ ледниковъ талой воды, и тотчасъ же грязнитъ свои кристальныя воды въ черноземъ, который ей приходится рыть, чтобы на ровномъ мѣстѣ проложить себѣ дорогу. Берега Кубани некрасивы, точно топоромъ обрублены, и грязны. И среди этихъ грязныхъ, некрасивыхъ береговъ Кубань несетъ къ морю свои грязныя воды. Чѣмъ ближе подходитъ она къ Темрюку и къ морю, тѣмъ низменнѣе становятся ея берега;

еще часъ назадъ берегъ возвышался надъ поверхностью теченія на аршинъ, а теперь едва виднѣется только на четверть аршина, а дальше—и берегъ, и вода уже на одномъ уровнѣ.

Подъ Темрюкомъ Кубань расходится въ равныя стороны многими рукавами, теряясь въ огромной и поистинѣ удручающей низинѣ; на огромное пространство кругомъ виднѣнъ только сѣдой прошлогодній камышъ, торчащій изъ какой-то словно вдавленной земли. Эта-то вдавленность земли и производитъ душное, удручающее впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ бы на какой-то глубинѣ, несоразмѣрно далеко упавшей внизъ, отъ высоты этого неба, этого солнца, отъ огромности всего этого воздушнаго пространства, которое, кажется, хочетъ навалиться на васъ и окончательно притиснуть къ притиснутой землѣ.

Нельзя не подивиться тѣмъ живымъ человѣческимъ существамъ, которые и здѣсь, въ этихъ мертвенныхъ мѣстахъ, почти у самаго края берега, высота котораго вершокъ, находятъ возможнымъ ютиться въ какихъ-то хибаркахъ изъ камыша и надѣются «жить землей» здѣсь, гдѣ Кубань иногда разливаема до такихъ размѣровъ, что сносить цѣлыя поселенія, стоящія на берегахъ ея сравнительно довольно высоко. Кто они, эти человѣческія существа? Какая адская нужда загнала ихъ сюда и заставляетъ въ потѣ лица трудиться тамъ, гдѣ Кубань каждую минуту грозитъ уничтоженіемъ, въ мгновеніе ока, плодовъ многолѣтнихъ и неустанныхъ усилій труда? Несмотря на явную очевидность невозможности жить здѣсь, передъ вашими глазами и папья видна, и пахарь, и баба, и мальчонка безъ штановъ и безъ шапки, и камышовое лукошко, вмѣстѣ избы, и, наконецъ, тотъ самый «Шарикъ», у котораго еще тогда, когда таинственные его хозяева жили еще гдѣ-нибудь въ Тульской губерніи, кошка выцарапала глазъ и телѣгой переѣхало лапу. Все это волею судебъ занесено сюда, въ эти бесплодныя, втиснутыя въ землю долины, копошится въ этихъ непривѣтливыхъ низинахъ, трудится въ потѣ лица, охраняемое отъ всѣхъ напастей единственно только тѣмъ же старымъ другомъ Шарикомъ, который и теперь съ такимъ же лаемъ, какъ бывало на родинѣ, бросается уже не на «прохожаго», а на чудовище—пароходъ, который, проходя мимо камышоваго шалаша, такъ взбалтываетъ грязныя воды Кубани, что онѣ грозятъ снести съ лица земли все только что устроенное человѣкомъ на берегу. Какъ же не лаять изъ всѣхъ силъ на это чудовище? И Шарикъ дѣлаетъ, что можетъ—заливается лаемъ изъ всѣхъ силъ.

Люди, хорошо знающіе эти мѣста, говорятъ, что десять лѣтъ назадъ берега Кубани были пустыня. Теперь, проѣзжая на пароходѣ въ воскресный день, мы на каждомъ шагу встрѣчали по берегамъ народъ, глазѣвшій на пароходъ, постоянно видны хутора, большіе и малые, одинокіе домики, жалкіе поселки въ два-три двора, а затѣмъ, какъ я уже сказалъ, начали встрѣчаться камышовыя хибарки и плетушки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже мысль о возможности вообще «жить», да еще и земледѣльскимъ тру-

жомъ, не могла бы придти въ голову, если бы во всемъ этомъ не сказывалась крайняя нужда безземельнаго человѣка.

Подъ самымъ Темрюкомъ эти шалаши изъ камыша и камышовыя хибарки начинаютъ попадаться все чаще и чаще, но обитатели ихъ уже не безземельные скитальцы, а темрюкскіе мѣщане - рыболовы. Проѣзжая на маленькомъ пароходѣ къ взморью, гдѣ останавливаются большіе морскіе пароходы, идущіе въ Керчь и далѣе до Ростова, вы дѣлаете много поворотовъ по рукавамъ изливающейся въ море Кубани и во многихъ мѣстахъ встрѣчаете эти плетушки изъ камыша, двухъ-трехъ человѣкъ, оперирующіихъ что-то надъ только что пойманною рыбой, и безчисленное множество лодокъ, разбросанныхъ повсюду, по всей поверхности широко разлившихся водъ. И все это большею частью какіе-то одинокіе рыболовы: вотъ чистый бородатый русакъ копошится съ своею сѣтью, опущенною въ воду, охраняя ее отъ набѣга парохода, а вотъ въ другой лодкѣ какой-то турокъ или грекъ въ фескѣ, а тамъ совершенно явственный «николаевскій» служака, у котораго когда-то бритое лицо заросло сѣдою, топырящею щетиной. Эти на лодкахъ. А по берегамъ, тоже съ какими-то хитрыми ручными сѣтями, плетутся и мужчины, и женщины, и даже дѣти, и все одинъ по одному, «сами-по-себѣ». И, глядя на эти одинокія, разнословныя, разнохарактерныя фигуры, еще разъ убѣждаешься въ обилии «оригиналовъ» и «характерныхъ людей», которыхъ Русская земля высылаетъ сюда вмѣстѣ съ «толпами» переселенцевъ, исключительно ищущихъ земли. И точно, много здѣсь типичныхъ русскихъ людей, которые хотятъ жить «на свой образецъ», которые могутъ сказать про себя: «я самъ себѣ голова!» Но объ этомъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Теперь пойдемъ къ тому же Черному морю другою дорогою и, выйдя изъ Екатеринодара, по направленію къ Новороссійску, сдѣлаемъ небольшою, верстъ въ сорокъ, крюкъ, южнѣе обыкновенной фургонной дороги, идущей почти постоянно до поворота къ Новороссійску отъ Ольгинской переправы по берегу Кубани, — и мы опять въ совершенно новой, удивительно прекрасной мѣстности. Правда, и здѣсь уже чувствуется та «низина», которая далѣе переходитъ въ темрюкскія болота, но здѣсь эта низина постоянно перемежается съ отрогами Кавказскаго хребта и вмѣстѣ съ нимъ покрыта роскошною растительностью. Могучіе дубовые лѣса идутъ на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ и, проѣзжая ими, я тысячу разъ вспоминалъ И. И. Шишкина: «вотъ, — думалось мнѣ, — гдѣ было бы раздолье его перу и кисти!»

Особенность этихъ вѣковыхъ дубовыхъ лѣсовъ та, что они, закрывая васъ отъ солнца и отъ неба своими густыми развѣсистыми зелеными вершинами, даютъ много простора по сторонамъ; чувствуешь надъ собою зеленый куполъ, а по сторонамъ просторныя широкія залы, съ безчисленными, но широко, просторно разставленными и величественными колоннами. Вѣковые дубы, могучіе, дышащіе обиліемъ и разцвѣтомъ силъ, стоятъ

рѣдко другъ отъ друга, и стоить только взглянуть на этихъ гигантовъ, чтобы понять, почему вокругъ нихъ такъ просторно, почему нѣтъ порослей молодняку и всякаго непригляднаго бурьяна, котораго такъ много въ здѣшнихъ степяхъ: гиганту нужно «самоу» такъ много, что онъ ужъ не даетъ никому поживиться тѣмъ, что ему надобно; солнечные лучи не добѣгутъ до земли,—гигантъ съѣсть ихъ самъ, своею зеленою вершиной; да и влагой земли тоже не придется поживиться никакому тощему переселенцу-зерну: «самъ» пьеть за двадцатетырехъ, — скоро ли нальешь «эту прорву»? Вѣдь, въ этой прорвѣ шесть обхватовъ, сотни гигантскихъ сучьевъ, вѣтвей толщиной съ хорошее строевое бревно, вѣтокъ толщиной въ руку и сучковъ не тоньше самой толстой проволоки. А миллионы листьевъ? А миллионы желудей? И все это хозяйство надо прокормить, напоить, одѣть,—и все это дѣлаетъ одинъ, этотъ шести-обхватный насосъ, и вотъ почему эти гиганты стоятъ такъ просторно другъ отъ друга, жѣшаясь въ вышинѣ только вершинами, но далеко отстоя корнями и стволами; вотъ почему такъ чисто въ этихъ просторныхъ залахъ, застланныхъ по-низу зеленымъ ковромъ мелкой травы...

И вотъ въ такихъ-то чудныхъ лѣсахъ разбросаны хутора, станицы, деревни, разноплеменные, своеобразныя, живущія каждая на свой образецъ.

Продолжая идти этою дорогой далѣе, мы придемъ уже въ пустынный, но красивыя и живописныя горы, о которыхъ я писалъ въ первомъ письмѣ, черезъ горы очень скоро доберемся до Новороссійска, о которомъ также было говорено, а послѣ него передъ нами Черноморское побережье, многосложная исторія пустынности и необитаемости котораго также уже рассказана мною выше.

И такъ, вотъ какъ много разнообразія въ томъ крошечномъ уголкѣ, который только мелькомъ довелось оглядѣть мнѣ не болѣе какъ въ теченіе одного мѣсяца... А какое разнообразіе людей и какое удивительное обиліе оригиналовъ всякаго рода!...

II.

Обиліе людей всякаго званія и въ особенности «оригиналовъ» также всякаго образца стало поражать меня съ той самой минуты, когда я, оставивъ станцію Тихорѣцкую и доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до другой станціи, откуда шла старая почтовая дорога на Екатеринодаръ, очутился, наконецъ, въ фургонѣ, въ обществѣ цѣлыхъ трехъ попутчиковъ, которые весьма скоро всѣ до одного оказались каждый на свой образецъ.

— Что новенькаго въ газетахъ?—едва фургонъ тронулся по пыльной дорогѣ станичнаго базара, спросилъ меня человекъ цыганскаго типа, оказавшійся моимъ сосѣдомъ. Спросилъ онъ меня о газетахъ потому, что, сядя въ фургонъ, я сунулъ газету за подушку.

Я недоумѣвалъ, что можетъ быть интересно знать изъ газетъ этому цыгану, въ казакинѣ, въ мерлушечьей шапкѣ, «при цѣпочкѣ» и при золотыхъ кольцахъ, дающихъ право думать о незнакомецѣ какъ о тенорѣ или баритонѣ цыганскаго хора. Не помню, что я отвѣтилъ на его вопросъ.

— Хотѣлось бы мнѣ узнать насчетъ маршала С—но,—какъ бы привадумавшись о чемъ-то, проговорилъ онъ...

Фамилія извѣстнаго испанскаго генерала, маршала, политическаго дѣтеля въ устахъ этого цыгана изумила меня.

— Да что же вамъ надо о немъ знать?

— Да такъ собственно. Поди ужъ старичекъ сталъ?... Они, вѣдь, съ Прижомъ какъ орудовали, пора и на покой!...—Я вспомнилъ, что, кажется, въ газетахъ было напечатано о смерти этого дѣтеля и сказалъ:

— Умеръ онъ!

— Умеръ? Ну, царство небесное! Помutilъ на своемъ вѣку довольно, а ничего старичекъ!...

— Да какъ же вы его знаете?

— Нашъ баринъ на его дочери женатъ... Изабелла, кажется, Андревна... Ужъ забылъ я... Очень хорошая дама!... Ну, да лучше ужъ и не вспоминать! Прошли эти времена!

Онъ съ грустью махнулъ своею коричневою съ перстнями рукой и, нѣкоторое время задумавшись о чемъ-то, молча смотрѣлъ въ окно фургона.

— Не далъ мнѣ Богъ послужить имъ, хорошимъ господамъ! Потому что я былъ дуракъ! Вотъ отчего! Безкорыстіе во мнѣ, въ дуракѣ, было, честность!... Отъ честности своей безкорыстной нахожусь я теперь, вотъ какъ видите... ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ... Догадало меня, по глупости моей, не молодому барину съ барыней предать себя на услуженіе, а напротивъ—дядѣ ихнему, чорту существу я вѣрой и правдой служилъ... Вотъ въ чемъ! Господь меня помutilъ! И не баринову руку держалъ, а его сестры, племянницы, стало быть, моего-то чорта... А кто она, племянница-то? Мотовка! А я все ее передъ чортомъ-то огораживалъ, потому надѣялся, что поддержитъ она меня передъ дядей и тотъ въ завѣщаніи не забудетъ меня... Пятнадцать лѣтъ я такъ-то прозудилъ! И чего только ни натерпѣлся!

И понемногу онъ разсказалъ весьма любопытную исторію жизни своей у одного крупнѣйшаго малороссійскаго помѣщика, знаменитаго скряги, превосходящаго Плюшкина, и необычайнаго клязника въ малѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ, превосходящаго самого Гудушку. Описавъ тысячи уловокъ, безъ которыхъ рѣшительно нельзя было ступить шагу, живя около этого человѣка и проживъ даромъ потраченныя пятнадцать лѣтъ, онъ сказалъ съ грустью:

— Съ тѣхъ поръ вотъ и маюсь—то сюда, то туда! Отъ одного дѣла къ другому, а толку все нѣтъ!

Разсказалъ онъ про «хлѣбное дѣло», къ которому онъ присталъ послѣ

того, какъ молодой баринъ отказалъ ему отъ мѣста, но въ скоромъ времени прогорѣлъ.

— Были у меня кое-какія крохи, тысячь пять,—всѣ ухнули! Повѣрите ли? Даже посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ!

Затѣмъ разсказалъ про винное дѣло, про разныя операціи съ визиркой, про всякія поддѣлки станичныхъ винъ,—и опять вышло плохо,—такъ плохо, что, горюя о неудачѣ, цыганообразный человѣкъ, по забывчивости, окончилъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ уже сказанными ранѣе словами:

— Повѣрите ли? Посѣдѣлъ даже съ тѣхъ поръ!

Много дѣлъ, по его разсказамъ, предпринималъ и все выходило такъ, что оставалось только посѣдѣть... Наконецъ, онъ умолялъ на нѣкоторое время, глубоко о чемъ-то вздыхалъ и вдругъ съ оживленіемъ и какъ бы рѣшительностью спросилъ меня:

— Не посоветуете ли вы мнѣ, какъ тутъ быть?—Пучегъ бумагъ быстро былъ вытащенъ изъ бокового кармана казакина.

— Замучила меня эта погань... слѣдствіе! Окружной судъ оправдалъ, а прокуроръ подалъ на апелляцію,—опять дѣло начинается вновь!

Бумагъ была такая пропастъ, что я не рѣшился и трогать ихъ, а спросилъ:

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Да такъ... чепуха!—пряча бумаги въ карманъ и слегка сконфузившись, сказалъ онъ.—Такъ... просто ерунда... Подняли газеты...

— Однако?

— Н-ну...

Онъ помолчалъ, возясь рукою съ бумагами въ карманѣ.

— Н-ну... Читали въ газетахъ про *народный одеколонъ*?

— А!...

— Ну, вотъ!... Такъ, ерунда! А какое дѣло подняли!... До того измучили,—даже, кажется, посѣдѣлъ отъ этого...

Но въ этотъ разъ, кажется, и самъ расказчикъ услышалъ собственное свое привирање и чтобы загладить впечатлѣніе этого троекратнаго «сѣдѣнія» по случаю трехъ разныхъ плутней, поспѣшилъ вновь возвратиться къ началу собственныхъ несчастій.

— Нѣтъ! Дуракъ, дуракъ былъ я! Чортъ-то мой умеръ скоропостижно, въ домѣ былъ одинъ я да дьячокъ... А въ шкатулкѣ было сто девяносто восемь тысячь... Чего бы стоило? Дьячокъ-то рвался отъ злобы! «Боже мой! Давай! Карьера! Чортъ! Бери!...» Нѣтъ! Была глупость,— не взялъ ни копѣйки! Каждый Божій день себя за это проклинаю. Мыкайся вотъ!

— А теперь куда вы ѣдете?

— Въ Екатеринодаръ.

— Что же, дѣло есть какое-нибудь?

— Дѣло-то есть... только далъ бы Богъ... да вотъ!

Онъ порылся въ своихъ бумагахъ и далъ мнѣ какой-то печатный ли-

стокъ. Въ величайшему сожалѣнію, листокъ этотъ затерялся во время моихъ разъѣздовъ, но содержаніе его было слѣдующее:

Въ верху листка было напечатано: «*Амстердамъ. Банкирскій домъ* (такой - то). А далѣе слѣдовало на русскоиъ языкѣ подробное изложеніе порядка подписки на пятипроцентные выигрышные билеты. Желающій участвовать въ извѣстной части выигрыша, имѣющаго выпасть на десять билетовъ, постепенно выплачиваетъ семьдесятъ пять рублей, а когда на какой-нибудь изъ десяти билетовъ выпадетъ выигрышъ, то подписчикъ получаетъ изъ него соотвѣтственную своему взносу часть. Деньги (до 75 р.) вносятся постепенно по пяти рублей въ мѣсяць, не менѣе; номера билетовъ будутъ извѣстны подписчику тогда, когда онъ уплатитъ половину подписной суммы. Вопросы, пересылка денегъ и проч.,—все это дѣлается чрезъ агента, каковымъ и состоитъ цыганскаго типа человекъ, посѣдѣвшій въ плутовствѣ до трехъ разъ.

— И берутъ?—спросилъ я.

— Да какъ же не брать-то? Это дѣло законное. Въ Амстердамѣ, вѣдь, нашъ посланникъ существуетъ. Ужь онъ не дозволитъ плутовать! Амстердамская держава, все одно какъ Россія, — та же имперія, — обману не допустить.

Получая понемногу взносы, онъ пользуется ими для своихъ оборотовъ, пока не набѣжитъ до половины, и затѣмъ также пользуется и взносами за вторую. Со всей же суммы 75 рублей онъ получаетъ извѣстный процентъ. При нынѣшнемъ колеблющемся умонастроеніи какъ общества, такъ и народныхъ массъ является множество охотниковъ «сыграть въ темную», рискнуть «на счастье», и человекъ цыганскаго типа не хулитъ своего предпріятія.

Есть у него еще и другіе планы, гораздо болѣе капиталныя, чѣмъ амстердамскія операціи съ выигрышными билетами. Въ Ростовѣ живетъ агентъ другой иностранной банкирской фирмы и раздаетъ деньги *крестьянамъ* подъ общественные приговоры за 18 процентовъ въ годъ. Вотъ и къ этому дѣлу желалъ бы примазаться человекъ цыганскаго типа. Крестьянъ-переселенцевъ, нуждающихся въ кредитѣ уже послѣ покупки земли, теперь масса на Кавказѣ и на югѣ вообще, да и осѣдлымъ козакамъ также кредитъ необходимъ для разныхъ оборотовъ.

— Что же, — спросилъ я, — выдавали уже ссуды кому - нибудь *изъ крестьянъ*?

— Пока еще нѣтъ. Пока наберется извѣстное количество приговоровъ (не помню, сколько именно), тогда и будутъ выдавать. Теперь же пока взимаютъ съ крестьянъ по десяти рублей за представленіе приговора.

Сколько можно судить, и эти десять рублей, въ ожиданіи начала операціи, не лежатъ даромъ въ карманахъ иностранныхъ агентовъ, а идутъ также въ оборотъ, на покупку хлѣба, вина, скота и т. д.

Все это, рассказанное цыганскаго типа человекомъ, положительно капля

въ морѣ всевозможныхъ стремленій со стороны рубля, идущаго за наживой въ распатанныя народныя массы,— стремленій, о которыхъ слышишь постоянные разговоры и на которыхъ сосредоточены мечтанія массы темныхъ личностей, повсюду кипящихъ на новогъ мѣстѣхъ.

Человѣкъ цыганскаго типа былъ, такимъ образомъ, первымъ обращеніемъ людей такого сорта и первымъ неординарнаго свойства человѣкомъ, котораго мнѣ пришлось встрѣтить, едва я сѣлъ въ фургоны. Но и второй «типъ» былъ не за горами.

Лицомъ ко мнѣ и спиной къ фургоны сидѣлъ молоденькій мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, армянскаго типа и, повидимому, очень хорошо воспитанный или выдрессированный. Во время нашего разговора съ авторомъ *народнаго одеколона* онъ иногда дѣлалъ какой-нибудь вопросъ, всегда самаго практическаго свойства и всегда на самомъ лучшемъ литературномъ языкѣ. Эта благовоспитанность, умѣнье себя хорошо и прилично держать и прекрасный языкъ заставили меня спросить его:

— Вы учились?

— Какже. Я вышелъ изъ четвертаго класса классической гимназіи.

— Зачѣмъ же вы бросили гимназію?

— Да какъ вамъ сказать? У моего дяди есть ресторанъ и лѣтній садъ (онъ назвалъ одинъ изъ большихъ кавказскихъ городовъ). Ну, какъ-то лѣтомъ, во время каникулъ, онъ и пригласилъ меня вести счеты за буфетомъ. Я самъ изъ *** (онъ назвалъ другой кавказскій городъ), тамъ и моя мать. Думаю, отчего мнѣ не поѣхать въ Т.? Туда учителя изъ нашей гимназіи не пріѣзжаютъ, за буфетомъ меня не увидятъ и, стало быть, мнѣ стыдно не будетъ. Кончатся каникулы — и я опять буду въ классѣ... И пятьдесятъ рублей, которыя дядя обѣщалъ, тоже деньги... Но дядя меня обидѣлъ,—около перваго августа рассчиталъ и далъ только тридцать; это меня разсердило. А я уже привыкъ къ буфету и мнѣ понравилось... На минеральныхъ водахъ сезонъ еще не кончился... Подумалъ я — куда: въ гимназію или въ Кисловодскъ? да и сбѣжалъ въ Кисловодскъ... Здѣсь заработалъ въ одинъ мѣсяцъ до восьмидесяти рублей. Потануло въ Ялту... Тутъ случился эпизодъ съ одною барыней: втроемъ (насъ гуляло трое: я, нѣмецъ и грекъ) мы съ нее взяли двѣсти рублей. Съ этими деньгами я поступилъ въ самую лучшую ялтинскую гостиницу: купилъ отличнѣйшій фракъ, все платье, бѣлье лучшаго сорта. Ну, конечно, доходы—говорить нечего! Собралось у меня денегъ восемьсотъ рублей; сошелся я съ поваромъ, сняли въ Н. лѣтній садъ. Привезъ я изъ Харькова четырнадцать арфистокъ; посуду, мебель,—все магазины даютъ въ долгъ, съ уплатой каждый день изъ кассы. Все бы хорошо. Арфистки подобрались бойкія, на подборъ; четырнадцать столовъ ужъ это каждый Божій день до бѣла свѣта ужинаютъ. Отлично было пошло, только вдругъ начались проливные дожди! И представьте: безъ перерыва полтора мѣсяца! Пришлось бросить все и просто бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ... Попробовалъ было я въ

Ростовѣ,—тамъ надо самому еще платить хозяину гостиницы 50 коп., — много народа. Вотъ теперь ѣду въ Е.,—кажется, тамъ будетъ поживѣе... Три шантана уже открыто и насчетъ женскаго пола тоже... приѣзжихъ очень много... Можетъ быть, и поправлюсь.

Въ началѣ рѣчи этого мальчика, когда онъ говорилъ о гимназiи и о томъ, что учителя и товарищи не увидятъ его за буфетомъ, въ его голосѣ слышалось что-то тоскливое и стыдливое; но по мѣрѣ того, какъ рассказъ продолжался, и по мѣрѣ того, какъ «деньги» начинали въ немъ играть первенствующую роль (благодаря толчку въ этомъ направленiи, данному обманомъ дяди), никакой застѣнчивости и ни малѣйшихъ признаковъ скромности не звучало уже въ его рѣчи. О «скандальныхъ» ягтинскихъ эпизодахъ, объ успѣшной «торговлѣ арфистками», о томъ, что въ городѣ Е., къ счастью, кажется, уже начался развратъ,—обо всемъ этомъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, ученикъ четвертаго класса гимназiи, говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлахъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнiю и критикѣ. И опять повторяю, нѣтъ числа въ этихъ новыхъ мѣстахъ толпамъ всякаго темнаго народа, идущаго «на рубль», какъ «на огонекъ».

Что-то глубоко-оскорбляющее чувствуется на сердцѣ всякій разъ, когда придется хотя нѣкоторое время побыть въ одномъ изъ такихъ «новыхъ», на рублѣ и для рубля возникающихъ человѣческихъ общежитiй. Повидимому, въ этихъ городахъ съ рублевымъ корнемъ въ основанiи общежитiя жизнь выражается въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ городахъ, постепенно выросшихъ изъ деревень и разросшихся до размѣровъ большихъ торговыхъ центровъ; и тамъ, и тутъ—суды, церкви, гостиницы, базары, театръ, трактиръ, газетка, воръ, нищiй, проститутка. Все то же тамъ и тутъ; но при первомъ же внимательномъ отношенiи къ собственному вашему ощущенiю чего-то оскорбительнаго, что возникаетъ при посѣщенiи этихъ «новыхъ» городовъ, вы ясно видите, что тутъ все хотъ и то же, да не то.

Городъ, выросавшiй постепенно изъ маленькаго трудового зерна—деревни, жилъ одинаково всѣми достоинствами и недостатками собравшихся сюда людей; рядомъ съ богачомъ появлялся и святой; хорошее и худое выросло *невольно* для собравшихся здѣсь людей. Если появилась гдѣ-нибудь «на тычкѣ» отчаянная дѣвка Мареутка, то появилась потому, что «характерная», «нравная», и крутитъ на свой страхъ. Параллельно съ безстыжными поступками Мареутки шли и разговоры о томъ, какъ и отчего все это съ нею вышло. Происхожденiе вора Антошки также было у всѣхъ на глазахъ; дѣло его обсуждалось, разбиралось всѣмъ обществомъ, и всѣмъ было ясно, отъ какихъ причинъ и ошибокъ Антошка погубилъ свою жизнь. Надо всѣмъ этимъ можно было, а, главное, *нельзя* было не думать всему обществу, начавшему жить и живущему вмѣстѣ съ Антошкой.

И совсѣмъ не то происходитъ, когда города вырастаютъ сразу, во имя только рубля.

Вчера еще здѣсь было совершенно дѣвственное мѣсто; о дѣвственнѣйш

берегъ плескалась дѣвственная морская волна, а по берегу шумѣлъ дѣвственный лѣсъ. Но въ то же самое время, когда ни единый живой человекъ не помышлялъ поселиться здѣсь,— тамъ здѣсь даго и страшно одному,—гдѣ-то въ Берлинѣ, Лондонѣ, въ Парижѣ, Вѣнѣ, въ банкирскихъ финансовыхъ мозгахъ уже созрѣвалъ планъ эксплуатаціи этой мѣстности; уже сосчитано количество милліоновъ франковъ, милліоновъ марокъ, нужныхъ для того, чтобы положить начало *жизни* въ этихъ мѣстахъ безжизненныхъ. И вотъ приходятъ сюда милліоны (въ Новороссійскъ, наприм., милліонъ пришелъ отъ г. Фрейсине) и только во имя ихъ начинаютъ стекаться сюда люди. «Тамъ деньги»,—думаютъ техники, механики, инженеры, и ѣдутъ сюда. «Тамъ деньги»,— слышать рабочіе, слышать темные люди, слышать всякая гольтыба. «Тамъ деньги»,—чуютъ носомъ аферисты всѣхъ сортовъ, и все это идетъ сюда къ деньгамъ, и за деньгами и во имя денегъ. Здѣсь вы видите, что не только *невозможно порицать* Мареутку за ея поведеніе, но, напротивъ, *надобно съзидить* въ Харьковѣ, Ростовѣ, закупить тамъ Мареутокъ и привезти ихъ сюда и «организовать проституцію», какъ такое дѣло, безъ котораго нельзя жить въ современномъ обществѣ. Здѣсь, ничего не видя, *надобно* уже почти на пустомъ дѣвственномъ мѣстѣ строить острогъ, потому что воры придуть непременно, нельзя безъ этого. *Надобно* строить кафе-шантанъ, потому что также невозможно безъ этого; *надобно* открывать гостиницы съ номерами, *надобно* заблаговременно отводить мѣста подъ труппы и публичные дома. Словомъ, здѣсь, въ этихъ новыхъ городахъ, люди *сознательно* тащатъ на чистую, невинную землю всевозможный мусоръ, сами, своею волей, *должны* заводить грязь и всякую гадость и, такимъ образомъ, будучи, во-первыхъ, чужды другъ другу совершенно, чужды по національностямъ, по личной жизни, по личнымъ планамъ относительно своего будущаго, они сходятся въ какое-то явобы общество во имя только рубля, одинаково какъ капиталистъ, такъ и рабочій, адвокатъ, техникъ, проститутка, журналистъ, воръ, даже монахъ, и, сойдясь на рублѣ, они начинаютъ жить уже съ нечистоплотною душой: всѣ они сами завели всѣ эти язвы и потому всякая причина этихъ язвъ съ ихъ стороны—фальшь и ложь. По совѣсти имъ нельзя критиковать ничего: всѣ знаютъ, что безъ этихъ язвъ, безъ этой гадости, нанесенной на дѣвственную почву, *нельзя жить*, что такъ-то именно, съ грязью-то, *нарочно* организованно, и неизбежно жить, и вотъ почему даже журналистъ, появляющійся съ газетой въ такихъ *новгахъ*, бойкихъ, оживленныхъ капиталомъ мѣстахъ и самъ желающій оживить свой капиталъ, неминуемо начинаетъ дѣло, вводя и въ него язву сознательной неправды. Онъ беретъ для своей газеты самый послѣдній газетный шаблонъ, точь-въ-точь какъ содержатель кафе-шантана устраняетъ его по послѣднему петербургскому образцу: онъ бурчитъ въ передовыхъ статьяхъ о французскомъ министерствѣ, радуется возрожденію флота, печатаетъ анекдоты скоромнаго свойства, дѣлаетъ замѣтки съ восклицательными знаками о самоубійствѣ, ку-

вырывается въ фельетонѣ, печатаетъ пикантные рассказы, гражданскою скорбью скорбитъ о неправдѣ, — словомъ, одѣтъ по послѣдней модѣ; но *нѣтъ въ немъ возможности* быть искреннимъ, — онъ искренно имѣлъ только за рубль, искренно зналъ, что безъ грязи и неправды *невозможно* обойтись, что даже *нужна она*, эта грязь, что ее *нужно* принести въ корзину, выписать по почтѣ и положить на чистое мѣсто для того, чтобы жизнь не имѣла прорѣхъ и была *какъ вездѣ*. Всѣ свои шаблоны прессы такого рода беретъ готовыми; на пять верстъ вокругъ рубля, который возродилъ ее, она не видитъ ничего для себя важнаго и интереснаго и, несмотря на вѣнскій лоскъ и блескъ, мертва внутренно, безжизненна, холодна, какъ трупъ. Она не оживитъ, не разовьетъ ни одного дарованія, не окрылитъ ничьей мысли; она родилась безъ крыльевъ или сознательно оборвала ихъ, искренно помирившись съ необходимостью грязи и неискренно протестуя противъ нея.

Почти въ каждомъ человѣкѣ, пришедшемъ на новое мѣсто изъ-за рубля, вы только съ огромными усилиями можете добраться до его настоящей человѣческой сущности, и всегда она будетъ чуждая вамъ. Даже въ семейной жизни, въ любви, не поручитесь вы за то, что рубль не участвовалъ въ ней или не участвуетъ. Задушевные ноты начинаютъ прорываться только тогда, когда дѣло коснется интимнѣйшихъ сторонъ біографій каждаго, будь то журналистъ, рабочий, капиталистъ. И тогда вы видите, что искренно мыслить всякъ изъ нихъ не о томъ, что здѣсь, кругомъ него, а о чемъ-то далеко. Берлинскія, вѣнскія, орловскія, петербургскія, бердичевскія горести, надежды и упованія, — вотъ гдѣ они настоящія; здѣсь онъ чужой, среди чужихъ, здѣсь онъ вѣритъ только въ рубль, и всѣ красивыя слова, которыя онъ говоритъ вамъ, всѣ только для того, чтобы не видна была (даже и ему самому) его холодная, быть можетъ, только временно, но умершая во имя рубля душа.

Это «ненастоящая» жизнь, и переносить ее, даже послѣ самаго короткаго соприкосновенія съ народною жизнью, гдѣ личная забота неразрывна съ душевнымъ настроеніемъ такъ же, какъ и со всѣмъ обиходомъ жизни, положительно невозможно.

Однако, не въ этомъ дѣло, и мнѣ уже давно слѣдовало бы возвратиться къ моимъ попутчикамъ.

Я рассказалъ только про двоихъ, но въ фургонѣ было, кромѣ пишущаго это письмо, еще два человѣка: мужичокъ, сидѣвшій рядомъ съ извозчикомъ, и, наконецъ, самъ извозчикъ.

Мужичокъ, съ длинными волосами, висѣвшими длинными косами изъ-подъ теплой шапки и падавшими на широкій воротникъ широкаго армяка, имѣлъ въ лицѣ что-то не вполне крестьянское; эти волосы и борода, впалыя щеки, и тонкій голосъ, — все это заставляло думать, что если онъ и не изъ духовныхъ и не знакомъ съ клиросомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ и не мужикъ.

Покуда мой цыганскаго типа сосѣдъ и литературнымъ языкомъ излагающій всякія гадости мальчикъ рассказывали мнѣ свои біографіи и планы, мужичокъ велъ непрестанные разговоры съ извозчикомъ.

— Во какіе! Груши, наприимѣръ! Яблоки! Господи Боже мой! Рубль серебромъ—сто мѣръ! Подъ Майкопомъ—даромъ бери, сколько хощь! Передъ Богомъ, я самъ ѣдиль. Орѣховъ—бери, сдѣлай одолженіе, хоть сто возовъ,—никто слова не скажетъ!

Такія слова и полужазы, произносимыя какимъ-то напряженно выглагольнымъ теноромъ, поминутно доносились до меня, въ промежуткахъ рассказовъ объ испанскихъ маршалахъ, одеколонѣ, Амстердамѣ, арфистахъ и т. д. И когда эти рассказы были окончены, дошла очередь и до мужичка. Можно было вполнѣ слышать все, что онъ толковалъ, можно было и просить, куда и зачѣмъ онъ ѣхалъ.

Онъ былъ дѣйствительно не мужикъ, но *сдѣлался музыкомъ*, хотя очень педавно. Отецъ его былъ портной и тому же портняжному мастерству обучилъ и сына. Уроженцы и жители они были Курской губерніи. По смерти отца сынъ продолжалъ отцовское ремесло, но его увлекло переселенческое движеніе его односельчанъ, и онъ, подъ впечатлѣніемъ рассказовъ о привольныхъ мѣстахъ, присталъ къ переселенческой партіи безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ надеждъ,—и ушелъ на новыя мѣста. Это былъ нервный, впечатлительный человекъ. Выбравшись изъ своей душной портновской каморки на вольный свѣтъ, онъ былъ до высшей степени возбужденъ новизною и разнообразіемъ впечатлѣній; эта возбужденность не пропала въ немъ и сейчасъ: о чудесахъ кавказскихъ горъ и лѣсовъ онъ рассказываетъ съ увлеченіемъ сказочника, вѣритъ всякимъ легендамъ о богатствахъ, скрывающихся тамъ, въ глубинѣ этихъ горъ и лѣсовъ. Широка, просторъ и воля, а, главное, свобода мечтанія припелись ему, очевидно, по вкусу; онъ пристрастился къ земледѣльческому труду, полюбилъ его, вошелъ во вкусъ мельчайшихъ подробностей этого труда и трудовой жизни; наблюдений у него масса — относительно земли, травы, пахоты, дождей, засухъ, скотины. Земледѣльская жизнь заполонила его всего; изъ работниковъ онъ выбился въ хозяева, женился и вотъ теперь ѣдетъ въ Екаторинодаръ, ходякомъ отъ всего общества, хлопотать за мужицкія права, пошпраемая козакомъ. Впоследствии я подробно расскажу о томъ, что творится здѣсь между такъ называемыми «иногородними», т. е. пришлыми крестьянами, и мѣстными жителями, козаками,—теперь же скажу, что общество крестьянъ, притѣсняемыхъ козаками, сдѣлало удачный выборъ: этотъ неофитъ въ земледѣльческомъ трудѣ, крайне впечатлительный отъ природы и весь проникнутый любовно воспринятыми впечатлѣніями привольной, разнообразной, повѣческой, трудовой жизни,—этотъ ходатай постоитъ за тѣ 500 семействъ, которыя его послали хлопотать объ ихъ дѣлѣ; этотъ не уступитъ, «вопъется» и уже добьется своего, дойметъ однимъ своимъ теноромъ, дребезжающимъ, какъ колокольчикъ.

Этот оригиналь «сдѣлался мужикомъ», и радъ этому *весь*, радъ до мозга костей, а вотъ извозчикъ, который везетъ этотъ фургоны, наполненный, какъ видите, оригиналами, — такъ тотъ *не хочетъ быть мужикомъ*.

— Что,—спрашиваетъ онъ меня, когда къ этому представилась возможность,—не слышали, какъ желѣзная дорога, не пойдетъ на Анапу?

— Кажется, не пойдетъ.

Начинаются продолжительные общіе разговоры о новой дорогѣ, причемъ человѣкъ цыганскаго облика принимаетъ большое участіе: онъ знаетъ дѣло хорошо. Дорога будетъ проведена непремѣнно въ Новороссійскъ; г. Фрейсине затратилъ тамъ уже большія деньги; даже войны въ Греціи не будетъ, потому что тогда г. Фрейсине не проѣдетъ съ своимъ керосиномъ, братъ-министръ этого не допуститъ; и если Греціи нельзя получить Олимпа изъ-за керосина г. Фрейсине, то Анапа уже и думать ни о какихъ полученіяхъ не должна.

— А тебѣ чего такъ въ Анапу-то непремѣнно захотѣлось?—спросилъ фургонщика цыганскаго обличья человѣкъ, доказавъ ему всю несостоятельность его надеждъ.

— Да домшко у меня тамъ есть. Кабы прошла дорога, продалъ бы, купилъ бы земли, дѣтей бы пристроилъ къ серьезному дѣлу, а теперь съ чѣмъ начать? Начать не съ чѣмъ!...

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Ужъ сколько я твердилъ: возмитесь за дѣло, будетъ вамъ шарлатанить! Надобно имѣть постоянное занятіе,—нѣтъ, куда! Старшій у меня сынъ тоже съ фургономъ ѣздитъ, ну, и въ карты любить... все думаетъ разжиться легко... Какже! Я седьмой десятокъ живу—не разжился!... Теперь вотъ все Новороссійскъ у всѣхъ на языкѣ... Мой Казиміръ задумываетъ виномъ торговать. Изобрѣлъ такое средство, что изъ подсолнуховъ будетъ дѣлать ромъ, коньякъ. «Жареные подсолнухи, говоритъ, со спиртомъ большія деньги дадутъ»... Вотъ какія затѣи!... Я ужъ говорилъ, говорилъ,—ничего нѣтъ толгу!

— Плохо внушаешь!—правоучительно сказалъ цыганскаго вида человѣкъ.—Надобно съ дѣтми поступать строго, безъ послабленія...

— Такъ-то оно такъ!

Старикъ замолчалъ и молчалъ довольно долго.

— Оно такъ!—сказалъ онъ, наконецъ.—Это справедливо, что я самъ слабъ... Да, вѣдь, что будешь дѣлать, кровь-то во мнѣ дворянская! Ничего не подѣлаешь! Какъ задумаю о крестьянствѣ—лучше ничего нѣтъ; а какъ вспомню, что во мнѣ дворянская кровь, такъ руки и опускаются.

— Нѣтъ ничего худаго пахать!

— Чего худаго: первое дѣло!... Навѣки человѣкъ спокоенъ... Я, вѣдь, это понимаю!... Да, вѣдь, дворянинъ я, кровь во мнѣ дворянская! Какъ же я въ мужики-то оборочусь? Это ужъ мнѣ должно быть обидно!...

— Ты откуда будешь?

— Я полякъ! У меня всё документы дворянскіе, такъ какъ же мнѣ за сохой-то ходить?... Вотъ и сыновья тожъ не согласны...

— Да, дворянину трудно за соху браться!

— Не трудно, а обидно! Дворянская кровь препятствуетъ...

— Такъ, стало быть, коньякъ изъ поджаренныхъ подсолнуховъ будемъ пить?

Бѣдный старикъ горько усмѣхнулся, вздохнулъ и не отвѣчалъ. И точно, трудно ему: ему болѣе шестидесяти лѣтъ, а онъ все мыкается въ фургоны, стараясь набрать какъ можно больше пассажировъ, и самъ, поэтому, помѣщается всегда на самомъ неудобномъ мѣстѣ, на подножкѣ у козелъ, подложивъ подъ сидѣнье мѣшокъ съ овсомъ и трясясь всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ на каждомъ толчкѣ. Но и въ этомъ неудобномъ положеніи онъ старается сохранить свое достоинство. Онъ не побѣжитъ къ рѣчкѣ налить для пассажира воды въ бутылку,—это не его дѣло; остановится, чтобы сойти и напиться воды—не сразу, и не тамъ, гдѣ ему велятъ, а непременно подальше или поближе; лошадей онъ не колотитъ «по мордѣ» кнутомъ, когда онѣ нейдутъ, и не оретъ на нихъ, а слѣзетъ и подойдетъ какъ-то особенно, не спѣша, разставивъ локти, какъ пѣвецъ, приближающійся къ рампѣ, чтобы пропѣть грозную арію; «на чай» не просить, къ столу, гдѣ пьютъ пассажиры, не подсаживается и вещей не вытаскиваетъ изъ тарантаса на своей спинѣ. Но, при всѣхъ этихъ проявленіяхъ какихъ-то своихъ особенностей, онъ еле-еле перебивается, непрерывно ломая свои кости въ ежедневной ѣздѣ. При страшной дороговизнѣ корма, трехдневная ѣзда, съ остановками, едва даетъ ему два рубля чистаго заработка. Проѣздивъ непрерывно всю Страстную недѣлю, онъ повезъ къ празднику домой въ Анапу всего восемь рублей.

Самый завалачій козакъ и самый обиженный судьбою мужикъ живутъ покойнѣе и лучше его. Но что прикажете дѣлать,—«дворянская кровь препятствуетъ!» и старикъ, родившійся дворяниномъ, не хочетъ умереть мужикомъ, хотя завидуетъ ему въ глубинѣ души.

Вотъ первые попутчики перваго *полдня* моей поѣздки. Прибавьте къ этимъ четыремъ біографіямъ, ни въ чемъ другомъ другъ на друга не похожимъ, пятую біографію, т. е. біографію пишущаго эти строки, намеки на которую были сдѣланы въ первой главѣ, и вы сразу получите такой букетъ оригиналовъ, жизни и цѣли которыхъ рѣшительно не имѣютъ ничего общаго, что маленькій фургонъ долженъ представиться вамъ большимъ романомъ, не уступающимъ *Пиквикскому клубу*.

Но это только «попутчики» перваго *полдня*.

Глѣбъ Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О стремленіяхъ народовъ къ миру.

Наше время богато всякими противорѣчіями: печать всѣхъ странъ на всѣ лады вторитъ намъ о вождедѣльности и необходимости для народовъ мира. То же заявляютъ члены правительствъ, какъ частныя лица и какъ официальные органы, въ палатахъ, въ дипломатической перепискѣ и даже въ заключаемыхъ ими трактатахъ *). Но, въ то же самое время, правительства ежегодно увеличиваютъ свое вооруженіе, вводятъ все новые налоги, заключаютъ займы и чрезмѣрно увеличиваютъ свои долги, предоставляя будущимъ поколѣніямъ разсчитаться со всѣми ошибками нашей безумной политики. Какое вопиющее противорѣчіе между словами и дѣлами! Правда, правительства въ оправданіе свое приводятъ *исключительно оборонительный* характеръ всѣхъ этихъ затратъ и вооруженій, но для каждаго безпристрастнаго человѣка непонятно, откуда взялся нападателю, если всѣ великія державы единодушно преслѣдуютъ въ своей политикѣ однѣ лишь оборонительныя цѣли? Очевидно, на самомъ дѣлѣ, каждая изъ нихъ ежеминутно готова напасть на другихъ и отсюда — общее недовѣріе и эти нечеловѣческія усилія каждаго государства перегнуть своими боевыми силами всѣ остальные. Подобное соревнованіе само по себѣ представляетъ величайшую опасность войны: народы не могутъ продолжать его до безконечности и должны будутъ, рано или поздно, предпочесть войну напряженности, въ которой они теперь живутъ, и всѣмъ имъ угрожающему разоренію. Тогда пустѣйшаго предлога будетъ достаточно, чтобы пламенемъ войны зажечь всю Европу съ конца въ конецъ. И напрасно думаютъ этимъ кризисомъ излечить насъ отъ удручающихъ насъ политическихъ и экономическихъ бѣдствій. Опытъ войнъ послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что каждая изъ нихъ дѣлала ненависть между народами только глубже, тягости милитаризма невыносимѣе и общее положеніе, политическое и экономическое, Европы печальнѣе и запутаннѣе.

*) Въ недавно опубликованномъ австро-германскомъ союзномъ договорѣ 7 октября 1879 г. оба союзныя правительства заявляютъ, что они, *обуздаемныя чисто-оборонительными цѣлями*, руководятся въ своей политикѣ стремленіемъ *сохранить миръ* и по возможности устранить все, что можетъ способствовать его нарушенію.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что если бы великія державы на самомъ дѣлѣ серьезно и дружно захотѣли установить въ Европѣ миръ, онъ осуществился бы и никакая опасность ему не угрожала бы.

Посмотримъ, однако, что сдѣлано въ этомъ направленіи за послѣдніе годы и какія мѣры предполагаются для достиженія этой цѣли.

I.

Рядомъ съ войною и съ дипломатіею въ нашемъ столѣтіи для рѣшенія споровъ между государствами стали чаще обращаться къ *третьейскому суду*. Въ цѣломъ американскія республики держатся за этотъ способъ болѣе рѣшительно, нежели государства Европы. Можно отмѣтить нѣсколько случаевъ избранія въ третейскіе судьи монарховъ. Императоръ австрійскій постановилъ въ 1881 г. третейское рѣшеніе между Великобританіею и Никарагуей по поводу ихъ разногласія насчетъ заключеннаго ими, въ Манагуѣ, трактата (1860 г.) *) Латинскія республики Америки, какъ бы въ воспоминаніе своего прошлаго, охотно обращаются за подобными рѣшеніями къ Испаніи. Венецуэла и Колумбія предоставили ей монарху рѣшеніе ихъ давняго спора о границахъ. Даже смерть Альфонса XII не уничтожила ихъ соглашенія на этотъ счетъ, ибо они избрали въ судьи не столько лицо монарха, сколько главу государства, какъ юридическаго цѣлаго. Въ договорѣ между Боливіею и Перу 1886 г. спорныя между ними границы должны опредѣлить смѣшанная коммиссія, которая, въ свою очередь, въ случаѣ разногласія между ея членами, должна избрать въ третейскіе судьи правительство Испаніи, которая, будучи связана съ американскими республиками общимъ духовнымъ родствомъ, заинтересована въ поддержаніи между ними мира и братскаго согласія. Примѣръ, доказывающій, — замѣчаетъ Прадье-Фодере, — что народы не знаютъ вѣчной обоюдной ненависти, когда они представлены самимъ себѣ и не возбуждаются искусственно другъ противъ друга агитаторами. Такъ же поступили Колумбія и Италія въ дѣлѣ итальянскаго подданнаго Черутти **).

Много надѣлало шуму рѣшеніе папою Львомъ XIII, въ 1885 г., спора о Каролинскихъ островахъ между Германіею и Испаніею. Папа призналъ верховенство надъ этими островами за Испаніею, которая должна позаботиться о немедленномъ тамъ введеніи правильной администраціи и прочнаго порядка. Но Германіи предоставляется тамъ полная свобода судоходства, торговли и рыболовства. Она можетъ имѣть станцію для своихъ кораблей и для снабженія ихъ углемъ. Нѣмецкіе граждане во всемъ уравниваются съ испанцами и могутъ заводить на этихъ островахъ плантаціи и другія хозяйственныя предпріятія. Англичане успѣли и для себя выговорить подобныя

*) *Revue de droit intern.* 1884, p. 99.

***) Тамъ же. 1887, p. 198—199.

же права и вольности *). Счастливый исходъ этого дѣла сильно поднялъ духъ католиковъ, увидѣвшихъ въ папѣ того высшаго надъ государствами, безличнаго и безпристрастнаго судью, котораго именно недостаетъ для мирнаго рѣшенія ихъ несогласій. Въ этомъ возврѣнн много преувеличенія: папа, который донынѣ не можетъ примириться съ правительствомъ Италіи, ставитъ и теперь, согласно традиціямъ своихъ предшественниковъ, на первый планъ своей дѣятельности интересы политики и земные расчеты, а не вѣчные нравственные идеалы Христа, безъ чего и немисляма для него эта дѣйствительно высшая роль посредника и судьи между народами.

Выше мы сказали, что идеѣ *третейскаго суда* особенно сочувствуютъ юныя республики Новаго Свѣта. Онѣ мечтаютъ о возведеніи его въ постоянный и организованный способъ рѣшенія между ними споровъ. Онѣ ласкаютъ и другую болѣе широкую идею—о введеніи *федерации*, которая, уважая ихъ внутреннюю автономію, обняла бы, однако, ихъ широкою, общею связью. Черезъ это онѣ избѣгли бы опасностей милитаризма и могли бы жить полною и свободною внутреннею жизнью. Но пока это—мечты немногихъ лучшихъ людей Америки, разбивающіяся о рознь и неразвитость этихъ республикъ, но мечты, имѣющія несомнѣнно предъ собою великую, блестящую будущность.

Перейдемъ къ частностямъ. Въ трактатѣ Парагвая съ Урагуаеми о мирѣ, дружбѣ и признаніи обоюдныхъ долговъ, стороны обязываются, въ случаѣ возникновенія между ними серьезныхъ разногласій, угрожающихъ добрымъ отношеніямъ, обратиться до принятія крайнихъ мѣръ къ третейскому суду одного или нѣсколькихъ дружественныхъ государствъ **). Разсмотрѣніе убытковъ, причиненныхъ гражданамъ Франціи и Италіи республикою Чили во время ея войны съ Перу и Бولیвіей (1879—82), было предоставлено, въ силу специальныхъ конвенцій между этими правительствами (1882 г.), третейскому суду.

Президентъ Венецуэлы, Гуцманъ Бланко, въ свое время протестовалъ противъ неслыханной жестокости, съ которою Чили велъ эту войну противъ своихъ двухъ соперницъ и навязалъ имъ тяжкій миръ ***). Въ виду насильственной политики Чили, угрожающей независимости всѣхъ остальныхъ республикъ южной Америки, нельзя не найти мудрою мысль Бланко объ учрежденіи между ними федерации ****). Этими онъ думалъ всего до-

*) Довольно обстоятельное изложеніе этого случая и главные документы см. у *Лентнера*: „Das internationale Colonialrecht im neunzehnten Jahrhundert“. 1886, S. 117.

**) *Revue* 1884, p. 293.

***) Объ этомъ Падде-Фодере представилъ докладъ мюнхенскому съѣзду института межд. права: *La guerre du Pacifique* (*Revue* 1884, p. 510).

****) Еще ранѣе ходили толки объ объединеніи, также въ федерацию, 5 республикъ центральной Америки: Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, Никарагуи и Коста-Рики, но противодействие особенно послѣдней не дозволило осуществленіе такого плана и между тремя первыми былъ просто заключенъ общій трактатъ о мирѣ и дружбѣ.

стойнѣ почтить столѣтній юбилей освободителя своей родины, Боливара. Но лишь Сальвадоръ отнесся къ этому предложенію сочувственно. Остальные республики либо прямо отвергли его, либо выговорили себѣ свободу дать окончательный отвѣтъ впоследствии. Съ другой стороны, президентъ Сѣверн. Штатовъ, Гарфильдъ, не задолго предъ своею кончиной помышлялъ о созваніи въ Вашингтонѣ въ 1882 г. большого конгресса мира. Блену, въ качествѣ государственнаго секретаря, было поручено выработать программу его. Всѣ американскія республики получили приглашеніе послать делегатовъ на этотъ сѣздъ, имѣвшій заняться, между прочимъ, устройствомъ обще-американскаго третейскаго суда. Преемникъ его, Арчеръ, отказался отъ этого плана, но, говоритъ одинъ публицистъ, будучи священнымъ завѣтомъ президента-мученика, онъ не будетъ оставленъ совершенно, особенно южныя республики нуждаются въ помощи, которую оказалъ бы имъ предполагавшійся мирный конгрессъ *).

Два не менѣе интересныхъ предложенія были сдѣланы различными путями Сѣверн. Штатамъ на этотъ разъ изъ Европы.

Въ 1883 г. правительство Швейцаріи обратилось къ нимъ съ нотой, въ которой, ссылаясь на слова президента въ посланіи 4 декабря 1882 г., что онъ готовъ оказать содѣйствіе всякой мѣрѣ, направленной къ поддержанію мира вездѣ на землѣ и что, по его мысли, не далеко то время, когда всѣ споры между государствами будутъ рѣшаться не оружіемъ, а третейскимъ судомъ,—предлагаетъ заключить между обѣими странами трактатъ о такомъ постоянномъ судѣ (*traité général d'arbitrage*), въ силу котораго всѣ между ними разногласія, не оконченныя полюбовно, рѣшались бы этимъ судомъ. Вслѣдствіе сочувственнаго отвѣта и приглашенія составить проектъ конвенціи, Швейцарія указала на слѣдующіе главные пункты: третейскій судъ вѣдаетъ всѣ споры между обоими государствами, каковы бы ни были ихъ причины, характеръ и предметъ. Онъ составляется изъ трехъ членовъ. Каждое правительство назначаетъ по одному члену, но не изъ своихъ гражданъ или лицъ, живущихъ на его территоріи. Оба эти члена выбираютъ сами общаго посредника. Въ случаѣ разногласія между ними, выборъ дѣлается нейтральнымъ правительствомъ, указаннымъ ими, или жребіемъ. Судъ, созданный общимъ посредникомъ, составляетъ актъ о соглашеніи (компромиссъ), въ которомъ опредѣляются: предметъ спора, составъ суда и срокъ его полномочій. Этотъ актъ подписывается представителями сторонъ и судьями. Судъ самъ опредѣляетъ свое производство. Онъ пользуется всѣми способами дознанія истины, причемъ стороны обязываются ему помогать. Рѣшеніе его, имъ сообщенное, вступаетъ по праву въ законную силу мѣсяцъ спустя по сообщеніи. Каждый контрагентъ обязывается честно повиноваться его рѣшенію. Настоящій договоръ заключается

*) *Revue* 1885, p. 175.

на 30 лѣтъ, по истеченіи коихъ, если онъ не отмѣненъ, онъ продолжается снова на такой же срокъ *).

На этомъ дѣло и стало.

По поводу пререканій между Англіею и Соединенными Штатами изъ-за рыболовства въ канадскихъ водахъ въ англійской печати раздались голоса о рѣшеніи третейскимъ судомъ не только этихъ, но и всякихъ другихъ, могущихъ возникнуть между ними, споровъ. Лавэле обратился въ *Pall-Mall Gazette* со статьею, въ которой горячо поддерживаетъ эту мысль **). «Оба эти государства,—говоритъ онъ,—составляющія двѣ великія вѣтви одной англо-саксонской расы, только чрезвычайно выиграли бы, если бы согласились впредь обращаться къ этому способу. Что значать потери стороны, проигравшей процессъ, сравнительно съ бѣдствіями, вызываемыми войной? Ошибочно думать, будто всѣ споры можетъ уладить дипломатія. Къ ней легко примѣшиваются вопросы о чести, національномъ достоинствѣ. Тогда соглашеніе становится невозможнымъ. Эти подводные камни будутъ обойдены, если напередъ позаботятся о введеніи третейскаго суда (*Cour arbitrale*). А какой примѣръ былъ бы этимъ поданъ остальнымъ странамъ!» По мысли Лавэле, судъ слѣдовало бы составить изъ пяти членовъ: по двое (изъ юристовъ) назначала бы каждая страна, а пятого, въ качествѣ предсѣдателя, выбирало бы какое-либо дружественное правительство, наприм., Германія.

Въ августѣ 1887 г. мысль эта нашла себѣ уже нѣкоторый отголосокъ въ англійскомъ парламентѣ. Джонъ Брайтъ и 173 члена нижней палаты рѣшили послать въ указанномъ смыслѣ записку президенту и конгрессу Соединенныхъ Штатовъ. Вообще же говоря, идея третейскаго суда встрѣчаетъ менѣе сочувствія въ Европѣ, нежели въ Америкѣ. Изъ великихъ державъ одна Италія часто помѣщаетъ въ заключаемые ею договоры условіе о компромиссѣ ***).

Въ концѣ 1886 г. депутатъ Бойе, поддержанный Фредерикомъ Пасси, представилъ французской палатѣ проектъ закона, съ цѣлью побудить правительство взять на себя починъ въ созваніи международной конференціи, которая изыскала бы средства для приступленія государствамъ къ общему и одновременному разоруженію и для введенія международного третейскаго суда. Пасси предлагалъ палатѣ мотивировать свое рѣшеніе слѣдующими соображеніями: всѣ сознаютъ неудовлетворительное состояніе современнаго международного порядка и живо чувствуютъ потребность достигъ, наконецъ, болѣшей безопасности и мира. Съ другой стороны, обращеніе къ посред-

*) *Journal du dr. intern. privé* 1885, p. 478—79.

***) *Laveley: „Cour arbitrale Anglo-Americaine“ (Revue 1886, p. 300).*

***) Мы перечисляемъ многіе изъ этихъ договоровъ въ нашей статьѣ: *Объ идеѣ мира между народами (Русская Мысль 1884 г., кн. VII)*. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить трактатъ Италіи съ Черногоріею о торговлѣ и судоходствѣ 1888 г. (*Journ. du dr. intern. privé* 1884, p. 219).

ничеству и третейскому суду оказалось за послѣдніе годы на практикѣ не разъ благотворнымъ и въ пользу этого часто слышались заявленія кабинетовъ, палатъ и дипломатіи. Франція не можетъ отстранить себя отъ столь великаго дѣла. Пусть же палата, слѣдуя въ этомъ примѣру многихъ другихъ представительныхъ собраній Европы и Америки, постарается оказать вліяніе на правительство, чтобы оно пригласило другія государства вмѣстѣ съ нимъ позаботиться серьезно объ укрѣпленіи между ними справедливости и мира и чрезъ это предоставить каждому возможность, безъ слабости и страха, приступить къ удаленію всѣхъ ихъ подавляющаго бремени.

Коммиссія парламентскаго почина въ засѣданіи 28 февраля 1887 г. постановила отвергнуть оба проекта Боше и Пасси, не видя никакой «настоятельной нужды» въ обсужденіи ихъ палатою. Но доводы, на которые она ссылается въ своемъ рѣшеніи, не выдерживаютъ критики. Оба проекта признаются «важными и соответствующими тому горячему желанію мира, которое всѣхъ насъ одушевляетъ». Бѣдствія войны называются «непоправимыми», но рядомъ съ этимъ дѣлается оговорка, что нельзя же оставаться «исключительно на почвѣ философіи и социологіи». Не слѣдуетъ рекомендовать Франціи дипломатическую инициативу по дѣлу, которое слѣдствіемъ своимъ должно имѣть «болѣе или менѣе неотложное общее разоруженіе» *). Какъ могло бы ея правительство рассчитывать на успѣхъ среди бряцанія оружіемъ и непрерывныхъ военныхъ приготовленій всѣхъ окружающихъ ея народовъ? Даже страны нейтрализованныя напрягаютъ всѣ свои силы въ этомъ направленіи. Правда, авторы разбираемыхъ проектовъ просятъ правительство «пользоваться лишь удобными для переговоровъ случаями», но дѣлаемые ими усилія «способны не предотвратить международныхъ столкновеній, а, напротивъ, ихъ ускорить. Что же касается мирныхъ способовъ ихъ окончанія, не слѣдуетъ забывать, что всѣ они были вызваны соображеніями пользы, а не готовностью чѣмъ-либо пожертвовать требованіямъ разума и филантропіи» **).

Именно *утилитарныя* соображенія настоятельнѣе всего рекомендуютъ заняться обѣими реформами, о которыхъ говоритъ проектъ французскихъ депутатовъ. Палатамъ придется рано или поздно взяться за это дѣло серьезно и склонить въ пользу его правительства, обязанныя дѣйствовать не отъ своего имени лично, а дружно и совмѣстно со всѣми тѣми, которымъ дороги высшіе интересы цивилизаціи.

Впрочемъ, проектъ, подобный французскому, почти въ то же время потерпѣлъ крушеніе и въ англійскомъ парламентѣ. 25 іюля 1887 г. въ палатѣ лордовъ маркизъ Бристоль предложилъ, чтобы «палата признала, въ виду вооруженій, непрерывно увеличивающихся, европейскихъ народовъ,

*) Боше и Пасси въ мотивахъ указываютъ на „постепенное и одновременное сокращеніе вооруженій“.

***) *L'arbitrage international devant les Parlements (Journ. du dr. intern. privé 1887, p. 417).*

крайне желательнымъ введеіе международнаго суда, имѣющаго рассматри- вать въ первой инстанціи споры между государствами». Еще лѣтъ 30 тому назадъ, во время выставки 1851 г., можно было, — говорилъ маркизъ, — мечтать о приближеніи для Европы такой новой эры, когда всѣ ея народы будутъ тѣсно соединены между собою узамъ дружбы и согласія. Нынѣ вездѣ слышишь только шумъ оружія и видишь лихорадочныя приготовленія къ войнѣ. Въ виду этого, не слѣдуетъ жалѣть никакихъ усилій, чтобы умень- шить и, если можно, искоренить современный милитаризмъ.

Въ поддержаніе этой мысли лордъ Стенлей Ольдерлей упомянулъ о томъ, что было бы полезно возобновить прежнюю практику обращенія къ папѣ, какъ посреднику, способному своимъ вмѣшательствомъ предотвратить не- справедливыя войны.

Имъ отвѣчалъ, въ подробной рѣчи, министръ иностранныхъ дѣлъ, мар- кизъ Салисбюри, отвергнувшій ихъ предложеніе въ самомъ основаніи. Въ этой рѣчи мы встрѣчаемся опять съ ходячими возраженіями противъ меж- дународнаго суда, дѣйствующими на массу, но неизбѣжно вращающимися въ логическомъ кругу.

Какъ бы сильно ни желали мы всѣ укрѣпленія мира, — сказалъ благо- родный лордъ, — но условія для введенія третейскаго суда въ международ- ной области для насъ теперь менѣе достижимы, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Любовь къ миру не усилилась и шансы избѣжать войны не возросли. Причина, почему правительства считаютъ предложенія, вродѣ разсматриваемаго, непрактичными, заключается въ томъ, что осуществле- ніе ихъ предполагаетъ такое настроеніе умовъ въ населеніяхъ, которое, если бы было въ дѣйствительности, сдѣлало бы совершенно излишними предлагаемыя реформы. Невозможно установить такой судъ, въ безпристра- стіе котораго увѣровали бы всѣ народы. Гдѣ такая компетентная власть, которая для его дѣятельности начертала бы законы? Какая сила поддер- жала бы его рѣшенія? Очевидно, бытіе его было бы чисто-номинальное, для одной формы. Намъ говорятъ, что правительство, недовольное рѣше- ніемъ такого суда, не было бы лишено права прибѣгнуть къ войнѣ. По- добный исходъ, оттянувъ начало войны отъ возникновенія спора, далъ бы возможность государству менѣе готовому на верстать своего болѣе приго- товленнаго противника. Когда же послѣдній согласится на такое искус- ственное парализованіе его силъ?

Въ заключеніе Салисбюри отвергъ даже существованіе международнаго права или «закона», по англійской терминологіи (International Law). Право это не имѣетъ будто бы другаго основанія, кромѣ мнѣнія составителей различныхъ учебниковъ.

Такимъ невѣрующимъ, конечно, нечего разъяснять догмы религіи. Но самоувѣренность благороднаго лорда не есть признакъ и знанія. Обозвавъ постановленіе палаты на эту тему «безплоднымъ» и сказавъ, что желае- мыхъ результатовъ не дождутся не только наши дѣти, но и внуки, онъ

предложилъ своему «благородному другу» взять обратно его резолюцію, что и было сдѣлано съ разрѣшенія палаты *)).

Не вдаваясь въ подробную критику этой рѣчи, отмѣтимъ только, что дѣйствительно миръ между народами будетъ одною пустою фразой, пока руководители ихъ будутъ держаться принциповъ, которыми хвастаются Бисмаркъ и Салисбюри. Народы тысячелѣтіе воспитывались для войны и въ идеяхъ войны; нужно долгое и серьезное ихъ перевоспитаніе для мира. Въ этомъ дѣлѣ учрежденія, и особенно подобныя предлагаемымъ, играютъ не послѣднюю роль. Но для успѣшности ихъ необходимо, чтобы они стали не орудіями политики и дипломатіи, а органами права. Элементы международного права можно найти не въ однихъ «учебникахъ», а въ различныхъ положительныхъ нормахъ и историческихъ прецедентахъ, собрать и согласовать которые не мѣшало бы правительствамъ. Какъ бы ни были несовершенны третейскіе или иные суды, но рѣшенія ихъ предпочтительнѣе, чѣмъ окончаніе споровъ дипломатіей или войной. По мѣрѣ того, какъ международная юстиція будетъ пускать корни въ жизни, довѣріе къ ней будетъ только расти и область ея станетъ быстро расширяться. Бездѣятельностью же и скептицизмомъ въ столь серьезномъ дѣлѣ ничего не достигнешь.

Наконецъ, напомнимъ, по занимающему насъ теперь вопросу, постановленія берлинской конференціи 1885 года: «при возникновеніи серьезныхъ разногласій между договаривающимися сторонами по поводу или въ предѣлахъ земель, составляющихъ бассейнъ Конго или Нигера, онѣ обязываются, до открытія враждебныхъ дѣйствій, обращаться къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ. Въ тѣхъ же случаяхъ эти государства предоставляютъ себѣ право обратиться, по усмотрѣнію, и къ третейскому суду (ст. 12). Кроме того, если возникнутъ споры по поводу примѣненія началъ, высказанныхъ въ берлинскомъ актѣ 1885 г., заинтересованныя государства могутъ прибѣгнуть къ добрымъ услугамъ учрежденной надъ Конго международной комиссіи и просить ее о разъясненіи фактовъ, поведшихъ къ недоразумѣніямъ» (ст. 8).

Представитель Испаніи, гр. Беномаръ, въ запискѣ, представленной конференціи о примѣненіи осмотра кораблей вдоль западнаго побережья Африки, рекомендовалъ устроить тамъ международный судъ изъ консуловъ, которые судили бы капитановъ задержанныхъ кораблей на основаніи правилъ, установленныхъ съ общаго согласія державъ **).

II.

Надо желать расширенія третейской практики. Болѣе частое къ ней обращеніе поведетъ къ убѣжденію, что въ третейскіе суды должно избѣ-

*) *Journ. du dr. intern. privé*, ib.

**) *Archives diplomatiques* 1885, août — sept. (*Protocoles de la Conférence de Berlin*).

ратъ не папу, не правителей (хотя бы дружественныхъ народовъ) и не дипломатовъ, а юристовъ, специально для этого подготовленныхъ по своему образованию и нравственнымъ качествамъ. Можно бы изъ такого служенія праву сдѣлать призваніе жизни. Тогда третейскіе суды сдѣлались бы организованными и довѣріе къ нимъ стало бы расти. Въ сущности, они явились бы подготовительною формою къ настоящему *международному суду*, учрежденіе котораго потребовало бы принятія со стороны государствъ и *международнаго кодекса*. Объемъ этимъ реформамъ посвящена недавно вышедшая книга одного французскаго писателя Пей: *О международномъ соглашеніи* *).

Многія положенія автора покажутся парадоксальными или недостаточно обоснованными, но сочиненіе его отиѣчено высоко-гуманными идеями и чуждо всякой ломки существующихъ учрежденій, а также желанія перекроить всю политическую карту Европы, чѣмъ такъ отличались его предшественники, авторы многочисленныхъ проектовъ вѣчнаго мира. Авторъ едва ли правъ, когда осуждаетъ безразлично всякую войну, полагаетъ, что эра мира настала уже теперь и будто кодификація международного права есть дѣло легкое, скоро осуществимое и могущее быть поручено, хотя отчасти, дипломатамъ. Съ нимъ также нельзя согласиться, когда дѣятельность международного суда онъ не ограничиваетъ Европою и Америкою, а желалъ бы сдѣлать этотъ судъ мировымъ. Очевидно, онъ не вездѣ считается съ условіями дѣйствительности и недостаточно обращаетъ вниманія на законъ постепенности, сказывающійся въ ростѣ всякой органической и духовной жизни, но при всемъ томъ его нельзя считать утопистомъ и ядро его ученія вѣрно. Прежде всего, онъ указываетъ, что въ занимающей его международной реформѣ нечего всего ожидать отъ правительства: инициатива должна произойти отъ насъ (членовъ общества), и когда мы придемъ за это дѣло разумно и дружно, мы можемъ рассчитывать на болѣе или менѣе счастливый результатъ. Давно пора также отъ словъ перейти къ дѣлу. Миръ, какъ величайшая реальность, долженъ быть противопоставленъ войнѣ. Вотъ почему, не теряясь въ туманныхъ и неопредѣленныхъ пожеланіяхъ, Пей намѣчаетъ ясно два конкретныхъ пункта, осуществленіе которыхъ должно составить нашу прямую цѣль: введеніе *кодекса* и *суда* въ международной области. Лишь при этихъ условіяхъ мыслима настоящая международная юрисдикція,—и справедливость значительно замѣнитъ политику во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ.

Надъ составленіемъ *кодекса* долженъ работать *постоянный комитетъ*, составленный изъ юристовъ, публицистовъ и дипломатовъ. Онъ заботится о привлеченіи къ этой работѣ всѣхъ силъ, содѣйствіе которыхъ найдетъ для себя полезнымъ. Съ этою цѣлью онъ обратится къ академіи нрав-

* *Guillaume Pays: „Le Contrat international“.* Сочиненію дано и другое заглавіе: *La Paix. Abolition de la guerre par une Juridiction internationale“.* 1886.

ственных и политических наук и особенно къ институту международного права. Но не менѣ цѣнны были бы для него и указанія юридических факультетовъ университетовъ. Авторъ упоминаетъ о содѣйствіи дипломатовъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и консуловъ, но съ общемою оговоркой, что двѣ послѣднія категоріи лицъ, какъ *практическіе дѣятели*, призваны доставлять комитету положительный матеріалъ, но не принимать участія въ самой редакціонной работѣ. Если нужно, комитетъ назначить для составленія кодекса конкурсъ.

Относительно самой работы авторъ полагаетъ, что нужно какъ можно менѣ мѣнять существующіе трактаты и законы и стремиться лишь къ приспособленію ихъ нормъ къ новымъ условіямъ мира. Онъ излагаетъ нѣкоторыя изъ основныхъ началъ. Проектъ кодекса поступаетъ на разсмотрѣніе правительствъ и утверждается затѣмъ судомъ.

Переходя къ *суду*, авторъ говоритъ, что не столько важенъ вопросъ объ его устройствѣ, сколько о томъ, чтобъ онъ былъ признанъ и приступилъ къ дѣйствію. Сначала на это могли бы согласиться лишь нѣкоторыя изъ великихъ державъ; ихъ примѣръ, вѣроятно, нашелъ бы себѣ подражателей. Въ виду практическихъ затрудненій, вначалѣ можно бы ввести нѣсколько судовъ, по одному на часть свѣта, и они назначили бы извѣстное число депутатовъ на общій конгрессъ или высшій кассационный судъ, но авторъ, какъ мы уже замѣтили, высказывается въ пользу одного—міроваго суда. Каждое государство избираетъ въ него извѣстное число членовъ, смотря по своему значенію, а послѣднее опредѣляется внѣшней торговлей, бюджетомъ и числомъ жителей каждой страны. Такимъ образомъ, онъ насчитываетъ 46 государствъ, которыя избираютъ 112 судей, располагающихъ 942 голосами.

Мы находимъ необходимымъ на долгое время ограничить дѣйствіе этого суда, какъ замѣчено, одною Европой и развѣ Америкой *), причѣмъ отъправляться должно не отъ политическаго неравенства государствъ, а отъ принципа ихъ *юридическаго равенства*.

Самый способъ назначенія судей разнообразится по политическому строю государствъ и производится либо государями, либо палатами, либо, наконецъ, народными собраніями. Но еще было бы лучше избрать, на основаніи указанныхъ авторомъ признаковъ, делегатовъ, на которыхъ и возложить назначеніе судей. Эта мысль Пей счастливая, но современемъ избраніе судей естественно должно перейти въ руки международного органа (конгресса), самостоятельно поставленнаго. Пей особенно рекомендуетъ при этомъ систему конкурса, но не останавливается на условіяхъ, которыми должны соотвѣтствовать лица, желающія явиться на состязаніе **).

Засѣданія суда не публичны, но во всеобщее свѣдѣніе печатаются про-

*) Мысли наши объ этомъ ми имѣли уже случай изложить подробнѣе въ нашемъ соч. *О международномъ судѣ*. 1881 г., стр. 519.

***) Дѣла, впрочемъ, одну оговорку, чтобъ они были не моложе 30 лѣтъ.

токолы его засѣданій и его рѣшенія. Послѣднія принимаются по большинству голосовъ. Судъ вѣдаетъ одни международныя дѣла и ни въ какіе внутренніе вопросы государствъ не мѣшается. По собственному почину, впрочемъ, онъ не приступаетъ къ разбирательству, а лишь по ходатайству заинтересованныхъ правительствъ, которыя не лишаются возможности кончить своей смерью полюбовно. Судьи получаютъ содержаніе не отъ своихъ правительствъ, а изъ общей кассы, составленной изъ взносовъ всѣхъ участвующихъ въ этомъ народовъ и представляющихъ незначительный налогъ, сравнительно съ современными военными бюджетами.

Дипломатическіе агенты и консулы удерживаются, но ихъ дѣятельность расширяется, такъ какъ имъ поручается надзирать за примѣненіемъ международного кодекса и, въ случаяхъ его нарушенія, возбуждать о томъ дѣло предъ судомъ либо прямо, либо чрезъ посредство своего правительства *)).

Судьи назначаются пожизненно. Къ этой должности не допускаются: главы государствъ, члены царствующихъ домовъ, министры, депутаты представительныхъ собраній. Они пользуются неприкосновенностью и не отвѣтственны за мнѣнія, высказанныя ими въ средѣ суда. Лишь судъ можетъ привлечь ихъ къ отвѣтственности, въ случаѣ правонарушеній съ ихъ стороны.

Судъ примѣняетъ къ разбираемымъ имъ дѣламъ, смотря по роду ихъ, нормы или международного кодекса, или національныхъ, для сторонъ, законовъ. Онъ не пользуется никакою принудительною властью, но довольствуется честнымъ словомъ правительствъ, которыя, обращаясь къ нему, обязываются напередъ повиноваться его рѣшеніямъ. Послѣднія, по существу, будутъ внушать довѣріе, ибо, изданныя сообразно съ закономъ, они не будутъ продуктомъ политическихъ происковъ или дипломатическихъ компромиссовъ, но, въ крайнемъ случаѣ, непослушный приговору суда объявляется внѣ всякаго общенія и съ нимъ прекращаютъ сношенія всѣ другіе народы. Эта санкція не могла бы не имѣть для него внушительнаго нравственнаго и самаго тяжкаго практическаго дѣйствія.

Авторъ хорошо выставляетъ на видъ превосходство *международнаго постояннаго суда* какъ надъ *конференціями*, такъ и надъ *третейскою практикой* въ смыслѣ рѣшенія споровъ между государствами. И *обращеніе* къ конференціямъ и третейскому суду, и *составъ* ихъ, а равно и *способъ веденія* ими дѣлъ и ихъ *рѣшенія* — все случайно, не организовано, крайне субъективно. Поэтому ихъ рѣшенія, будучи, главнымъ образомъ, произведеніемъ политическихъ теченій и сдѣлокъ, а не строгимъ голосомъ права, никому не внушаютъ большаго довѣрія и государства предпочитаютъ имъ дѣйствія по одиночкѣ и на собственный страхъ.

*) Въ одномъ мѣстѣ своей книги Пен предлагаетъ даже брать судей изъ дипломатовъ, но на это послѣдніе рѣшительно неспособны.

Все глубоко измѣняется съ введеніемъ и въ международной области *настоящей организованной юстиціи*. А безъ таковой немислимо никакое цивилизованное общество, и надо сознаться, что сожитіе государствъ доселѣ остается отмѣченнымъ многими, наиболѣе грубыми чертами варварства, что бы ни говорили иные поклонники нашей цивилизаціи.

Цей останавливается также на наиболѣе распространенныхъ *возраженіяхъ* противъ самой идеи международного суда. Напрасно толкуютъ, будто этотъ судъ несовмѣстимъ съ *суверенитетомъ* народовъ. Послѣдніе обладаютъ несомнѣннымъ *правомъ* добровольно установить между собою судъ, а при теперешнихъ обстоятельствахъ они даже къ этому *обязаны*. Чѣмъ далѣе развивается наша цивилизація, тѣмъ болѣе война становится къ ней въ самое вопіющее противорѣчіе. Войною не оканчиваются споры между народами, но ею нарождаются лишь новыя несогласія и ненависть. Можетъ быть, правительства будутъ упорствовать въ своей боязни приступить къ указываемой нами реформѣ, но ихъ не преминетъ увлечь общественное мнѣніе, если только оно будетъ единодушно и настойчиво.

Подчиняясь добровольно признаннымъ надъ собою законамъ и суду, народы не отказались бы отъ принадлежащей имъ свободы и не поступились бы своимъ національнымъ достоинствомъ. *Свобода* для человѣка въ юридическомъ смыслѣ обозначаетъ жизнь подъ сѣнію законовъ, возможно-обезпеченную отъ посягательствъ даже сильнѣйшихъ властей на землѣ, а *достоинство*—не призрачное, но настоящее — народовъ только возростетъ, если они, въ рѣшеніи своихъ споровъ, откажутся отъ варварскаго самоуправства и перейдутъ, наконецъ, къ *юстиціи*, для всѣхъ *равной* и ото всѣхъ заслуживающей *доверія*.

Но судьи въ международной инстанціи не возвысятся, говорятъ намъ, до безпристрастія, являющагося первымъ долгомъ для ихъ собратій по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Отчего? Воспитаніе и время тутъ также многое могутъ сдѣлать. Кромѣ того, громадный перевѣсъ въ составѣ международного суда *нейтральныхъ элементовъ* всегда поведетъ къ рѣшеніямъ и болѣе справедливымъ, и болѣе безпристрастнымъ, нежели рѣшенія дипломатовъ или приговоры войны.

Автора не пугаютъ, съ ослабленіемъ войнъ, чрезмѣрное умноженіе *населенія* или приведеніе его къ нравственному косненію и разложенію. Земля можетъ прокормить населеніе въ пятнадцать разъ болѣе многочисленное, нежели теперешнее, не говоря уже о болѣе совершенныхъ приемахъ ея воздѣлыванія, а для сохраненія физическаго и нравственнаго здоровья народовъ придется, конечно, обратиться ко многимъ новымъ и серьезнымъ *мѣрамъ*, но на это у правительствъ достанетъ тогда вполне и времени, и средствъ.

Это приводитъ Цей и къ вопросу о *послѣдствіяхъ* отсаяваемой имъ реформы. Однимъ изъ высшихъ ея благъ будетъ, съ обезпеченіемъ безопасности народовъ, почти полное упраздненіе внѣшней политики. Вотъ по-

чему,—добавимъ отъ себя,—это повлечетъ и къ упраздненію посольствъ. Достаточно будетъ удержать тогда однихъ консуловъ, какъ постоянныхъ представителей между государствами. Можно будетъ тогда также серьезно заняться разоруженіемъ. И эту мѣру чрезвычайной важности для благосостоянія всѣхъ слѣдуетъ проводить постепенно, по общему соглашенію и сообразно укрѣпленію между государствами взаимнаго довѣрія. Въ области экономической послѣдствіями, можно ожидать, будутъ уменьшеніе налоговъ и долговъ, свобода размѣна товаровъ и даже прекращеніе таможенъ. Соперничество народовъ въ этой сферѣ, нерѣдко питаемое искусственно, можетъ быть лучше сглажено и прекращено мирными способами и по началамъ права, нежели современными тарифными войнами. Наконецъ, получалась бы возможность ограничить пауперизмъ также безъ насильственныхъ потрясеній *).

Относительно колоній авторъ высказывается за сохраненіе до поры до времени *statu quo*, хотя и не сомнѣвается, что всѣ онѣ призваны въ будущемъ къ внутренней автономіи и эмансипаціи. Установленіе новыхъ протекторатовъ не должно бы совершаться безъ разрѣшенія суда.

Отъ вниманія Пей не ускользаетъ практическая сторона дѣла: въ интересахъ его распространенія онъ рекомендуетъ самую разнообразную и настойчивую *пропаганду* и созданіе для нея *денежныхъ средствъ*. Пропаганда должна вестись во всѣхъ странахъ и обращаться ко всѣмъ слоямъ общества. Для этого слѣдуетъ устраивать чтенія, издавать брошюры и книги, объединять и направлять дѣйствіе существующихъ обществъ мира. Было бы весьма полезно основать постоянный печатный органъ *Международный Судъ*, который издавался бы на многихъ языкахъ и печаталъ бы все, относящееся до мира, войны, дипломатіи и т. п. Современемъ онъ превратился бы въ официальный органъ суда, какъ учрежденія. Комитетъ, составленный для выработки кодекса, будетъ центромъ этой агитации. Прежде всего, надо обратиться къ правительствамъ, ибо они могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ громадное вліяніе. Укрѣпленіе мира представляетъ для нихъ такой же жизненный интересъ, какъ и для народовъ, и достаточно, чтобъ одно изъ нихъ взяло рѣшительно это дѣло въ свои руки,—и оно восторжествуетъ надъ всѣми препятствіями. Комитетъ долженъ обращаться съ возваніями къ населенію и постараться воздѣйствовать на палаты. Можно надѣяться на живую поддержку со стороны духовенства безъ различія вѣроисповѣданій, ибо религія призвана проповѣдывать людямъ миръ и стараться объ облегченіи ихъ бѣдствій. Къ этой пропагандѣ слѣдуетъ особенно привлечь женщинъ. Авторъ напоминаетъ, что ихъ общество для освобожденія французской территоріи успѣло собрать въ 1872 г. 20 мил.

*) Авторъ высказываетъ мысль объ учрежденіи, изъ полученныхъ сбереженій, особыхъ стипендій въ пользу бѣдныхъ, которыя и выдавать каждому ребенку немущихъ, при достиженіи имъ совершеннолѣтія и подъ условіемъ полученія известнаго нравственнаго и умственнаго образованія.

франковъ, а другое въ Америкѣ—вспомоществованія больнымъ и раненымъ въ междуусобной войнѣ—собрало до 400 мил. фр.

Финансовыя средства для этой пропаганды получились бы отъ добровольныхъ приношеній, которыя стали бы тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе и шире развивалась бы идея мира. Всякое пожертвованіе принималось бы съ благодарностью, но и здѣсь требуется, чтобы финансовая часть получила правильную и однообразную организацію и чтобы всѣ формы приношеній и денежныхъ оборотовъ были примѣнены. Такъ, допустимы: подписки, отказы по завѣщанію, лотереи, кредитъ и т. д.

Авторъ желаетъ, чтобы починъ этой великой реформы взяла на себя Франція. Этимъ она самымъ достойнымъ образомъ ознаменовала бы празднованіе столѣтней годовщины революціи, впервые провозгласившей принципы независимости и равенства народовъ и осудившей какъ завоевательныя войны, такъ и политику вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ.

III.

Увѣренія, что миръ составляетъ общую и настоятельную потребность народовъ, въ области политики противостоятъ: *милитаризмъ*, возростающій не по годамъ, а почти по днямъ, и различные жгучіе вопросы, требующіе рѣшенія и представляющіе самыя опасныя *политическія причины* войны въ современной Европѣ *).

Но не лучше положеніе вещей и въ области собственно *экономическихъ отношеній*. Здѣсь въ полномъ смыслѣ слова господствуетъ анархія, угрожающая принять все большіе размѣры. Талантливый публицистъ Швейцаріи, Ньюма Дрозъ, въ статьѣ, жѣтко озаглавленной *Экономическая анархія въ Европѣ* **, высказываетъ по этому поводу мысли, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія.

Напряженность переживаемаго нами вооруженнаго мира,—говоритъ авторъ,—значительно усиливается вслѣдствіе безначалія, господствующаго въ мирѣ экономическихъ сношеній народовъ. Куда мы ни посмотримъ, отовсюду раздаются горькія жалобы на застои въ дѣлахъ или на предстоящее разореніе. Небезпечность и неувѣренность царствуютъ въ мирѣ торговли не менѣе, какъ и въ области политики. Съ 70 годовъ торговыя конвенціи между государствами стали уступать мѣсто такъ называемой охранительной системѣ (протекціонизму), предоставляющей каждому изъ нихъ право автономнаго тарифа и обложенія иностранныхъ товаровъ какими бы то ни

*) О милитаризмѣ ср. *Мысли о разоруженіи* въ нашемъ соч. *Обзоръ современной литературы по международ. праву*. 1887, стр. 847. На главныя политическія причины войны мы указываемъ въ статьѣ, печатаемой въ *Учен. Записк. Москов. Университета*, Юридич. отдѣл. Вып. VI-й 1888 г.

***) *Numa Dros*: „L'Anarchie économique en Europe“ (*Biblioth. Univ. et Rev. Suisse* 1888, janvier).

было высокими пошлинами, единственно на основаніи собственныхъ усмотрѣній. Такимъ образомъ, національная исключительность стремится вытѣснить тутъ идею свободы разнѣна и экономической солидарности. Князь Бисмаркъ, съ одной стороны, и Тьеръ и его совѣтники—съ другой, отличаясь всегда яркими протекціонными идеями, позаботились объ ихъ распространеніи въ Европѣ послѣ франкфуртскаго мира 1871 г. Россія и Соединенные Штаты держатся искони тѣхъ же идей. Штаты, наводя своими продуктами рынки Европы, облагаютъ европейскіе товары пошлинами въ 25% ихъ стоимости. Россія вводитъ новыя повышенія пошлинъ болѣею частью сюрпризами и непрерывно. Подобная экономическая автономія народовъ объясняется какъ финансовыми нуждами ихъ правительствъ, такъ и стремленіемъ ихъ охранить, поднять ту или иную отрасль національной промышленности. Последняя цѣль самая почтенная, но и тутъ необходима мѣра; финансовыя же нужды ничѣмъ и никогда не будутъ удовлетворены, пока милліоны и милліарды будутъ расточаться на военныя потребности. Государство, отстаивающее автономный тарифъ, конечно, остается въ предѣлахъ стараго права. Но тѣмъ же правомъ пользуются, по отношенію къ нему, и другія государства. Отсюда—неизбѣжное между ними враждебное соревнованіе и тарифная война. Каждое изъ нихъ старается узвѣить противника въ экономически самое болѣе его мѣсто и репрессивнымъ мѣрамъ правительствъ, въ этой взаимной экономической войнѣ, не предвидится конца. Но вѣрна ли самая ихъ исходная точка? Между тѣмъ какъ по многимъ вопросамъ международнаго права они признають свою общность и солидарность, между тѣмъ какъ они вводятъ свободу для своихъ торговыхъ сношеній въ Китаѣ, Японіи и центральной Африкѣ, они въ Европѣ и между собою знать ничего не хотятъ объ этомъ великомъ законѣ солидарности, умѣряющемъ принципъ ихъ полновластиа. Въ настоящее время духъ протекціонизма обуялъ большинство европейскихъ государствъ. Лишь Англія и нѣкоторыя второстепенныя страны держатся еще свободы торговли и требуемыхъ ею договорныхъ тарифовъ.

При существованіи экономической вражды немислишь между народами и политическій миръ. Вотъ почему полна интереса критика протекціонизма, дѣлаемая Дрозомъ.

Высокія охранительныя пошлины, которыя такъ любятъ современныя государства, строго говоря, не уничтожаютъ ввоза иностранныхъ товаровъ, но онѣ развиваютъ контрабандную торговлю и, искусственно поднимая какую-либо отрасль промышленности на счетъ другихъ, ведутъ къ вздорожанію товаровъ и къ общему обѣднѣнію. Потребители платятъ за все дороже, получаютъ предметы, имъ нужныя, худшаго качества, а протекціонисты никогда не бываютъ довольны и непрерывно требуютъ новыхъ повышеній. Кромѣ того, внутри самого государства эта система не можетъ удовлетворять въ равной степени различныя его мѣстности или классы населенія. Въ Италіи, наприм., промышленность, искусственно поднятая

въ сѣверныхъ ея областяхъ, требуетъ высокаго обложенія иностранныхъ продуктовъ, но даваемая ей охрана вызываетъ, со стороны другихъ государствъ, репрессалии противъ сельскаго хозяйства, сильно нуждающагося для своихъ произведеній въ иностранныхъ рынкахъ. Иное видимъ въ Германіи: ея землевладѣльцы слышать не хотятъ о ввозѣ иностранныхъ хлѣбовъ, а фабриканты, также ярые протекціонисты, стремятся все къ большому захвату иностранныхъ рынковъ. Тотъ же антагонизмъ между промышленною Австріей, не хотящею ввоза нѣмецкихъ товаровъ, и земледѣльческою Венгріей, стремящеюся къ сбыту своихъ хлѣбовъ, винъ и скота. Однимъ словомъ, хотя въ наше время протекціонизмъ принято отождествлять съ патриотизмомъ и въ пользу его ловко умѣютъ склонять симпатіи даже рабочихъ классовъ, но безпристрастный человекъ долженъ сознаться, что имъ, въ сущности, ничего не охраняется. Финансовые интересы, вѣроятно, долго будутъ его поддерживать. Впрочемъ, быть можетъ, общая война побудила бы правительства обратиться къ болѣе умѣренной и мудрой экономической политикѣ. По окончаніи таковой они, можно предположить, рѣшились бы приступить хотя къ частичному разоруженію, вследствие чего могли бы уменьшить и свои таможенные сборы. При теперешнихъ же условіяхъ авторъ желаетъ, чтобы Германія подала другимъ государствамъ примѣръ: отказавшись отъ своей абсолютной таможенной автономіи, ей слѣдовало бы стать на сторону договорныхъ тарифовъ.

Въ интересахъ добрыхъ отношеній между цивилизованными государствами они, по мысли Дроза, не должны взаимно облагать привозимые къ нимъ товары пошлиною свыше 10% съ ихъ стоимости, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ чисто-фискальныхъ предметовъ вродѣ спирта и табаку. Напротивъ, предметы первой необходимости и сырье для фабричныхъ производствъ должны быть обложены какъ можно менѣе. Авторъ, отстаивая идею свободы обмѣна, не абсолютнаго, а относительнаго, полагаетъ возможнымъ установленіе между государствами *экономическаго союза*, подобнаго такимъ же соединеніямъ по другимъ социальнымъ вопросамъ и раздѣленнаго на національныя секціи.

Вмѣстѣ съ авторомъ полагаемъ, что мысль его—не мечта, но пока осуществленіе ея далеко, особенно въ наши дни все усиливающейся между правительствами розни. Въ послѣдней нельзя не видѣть одной изъ главныхъ опасностей для мира. Очевидно, серьезность нашего положенія требуетъ, какъ сказано выше, не словъ и прекрасныхъ рѣчей, а дѣлъ. Миръ изъ мечты превратится въ реальность, когда къ достиженію его дружно направятся всѣ факторы общественной жизни: религія, школа, наука, печать. Общественное же мнѣніе народовъ, въ этомъ пунктѣ единодушное, способно въ свою очередь оказать нужное давленіе на палаты и правительства. Вслѣдствіе стремиться путемъ общихъ переговоровъ къ устраненію главныхъ спорныхъ пунктовъ, постепенно проводить идею разоруженія, установленіе международной юстиціи посредствомъ третейской практики и введенія суда

и кодекса, наконецъ, обращеніе къ болѣе умѣренной и здоровой экономической политикѣ,—такова великая программа мира, обязательная въ наши дни для каждаго европейскаго правительства. Принимая ее и настойчиво стараясь объ ея осуществленіи, государства Европы всего успѣшнѣе предохранять себя отъ ужасовъ какъ внутреннихъ переворотовъ, такъ и внѣшнихъ войнъ, грозными тучами нависшихъ на ихъ небосклонѣ. Въ указываемыхъ реформахъ лежитъ, безспорно, ихъ высшій общечеловѣческій и, въ равной степени, національный долгъ.

Гр. Л. Камаровскій.

Крестьянскій банкъ и малоземелье.

I.

Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ русскому обществу пришлось сдѣлать для многихъ неожиданное и весьма неприятное открытіе. И печать, и земство, близко стоящее къ народной жизни, почти одновременно заговорили о крестьянскомъ объединѣніи и о главной причинѣ его—недостаточности надѣловъ. Разуmъется, мысль эта встрѣтила на первыхъ порахъ ожесточенныхъ противниковъ, но имъ не удалось оказать серьезнаго вліянія на общественное мнѣніе въ этомъ вопросѣ. Причины крестьянскаго объединѣнія, угаданныя сначала отдѣльными наблюдателями народной жизни и затѣмъ подтвержденные добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ, были сразу поняты общественнымъ сознаниемъ.

Починъ въ постановкѣ этого вопроса на практическую почву принадлежалъ земству. Начиная съ 1875 года и до первыхъ лѣтъ текущаго десятилѣтія на земскихъ собраніяхъ не сходить съ очереди вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ приобрѣтеніи земли покупкою. Это дѣло не забыто земствомъ и въ настоящее время, но съ учрежденіемъ правительственнаго крестьянскаго поземельнаго банка получило нѣсколько иное направленіе. До тѣхъ же поръ земство дѣлало попытки организаціи помощи крестьянамъ въ дѣлѣ приобрѣтенія земли путемъ учрежденія земскихъ банковъ, образованіемъ особыхъ капиталовъ для ссудъ крестьянамъ на покупку земли и т. п.

Тѣмъ не менѣе, въ земствѣ, также какъ и въ обширной литературѣ вопроса о крестьянскомъ малоземельи, жило сознаніе, что помощь земства въ этомъ дѣлѣ не можетъ идти въ уровень съ потребностями народа въ землѣ и что задача увеличенія крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть разрѣшена только при дѣятельномъ участіи государства.

Наконецъ, въ 1883 году открылъ свои дѣйствія крестьянскій поземельный банкъ, уставъ котораго былъ утвержденъ еще 18 мая 1882 года. Открытіе этого учрежденія было встрѣчено сторонниками мысли о необходимости расширить крестьянское землевладѣніе, разуmъется, съ удовольствіемъ; но къ этому чувству примѣшивалось и другое, прямо противополож-

ное. Дѣло въ томъ, что уставъ новаго банка производилъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе, прежде всего, тѣмъ, что операціи его были весьма ограничены: ему разрѣшенъ былъ выпускъ залладныхъ листовъ лишь на 5 миліон. руб. въ годъ. Это обстоятельство, также какъ и нѣкоторые другіе недостатки въ организациіи крестьянскаго банка заставляли думать, что новое учрежденіе не только не способно благополучно разрѣшить вопросъ о крестьянскомъ малоземельи во всей его широтѣ, но и, всего вѣроятнѣе, окажется малополезнымъ для бѣднѣйшей части крестьянскаго сословія. Но въ виду той связи, какая существовала между возникновеніемъ банка и литературно-общественнымъ движеніемъ въ пользу расширенія крестьянскаго землевладѣнія, впоследствии стали забывать о дѣйствительномъ значеніи банка и нерѣдко предъявляли къ нему требованія, которыхъ онъ удовлетворить не можетъ. Теперь, по истеченіи пятилѣтія существованія банка, о его значеніи можно судить на основаніи фактовъ. Мы и сдѣлаемъ это, пользуясь недавно вышедшимъ четвертымъ отчетомъ крестьянскаго банка.

II.

При ознакомленіи съ дѣятельностью такого молодаго учрежденія, какъ крестьянскій банкъ, естественно, прежде всего, возникаетъ вопросъ, какъ идутъ его дѣла, развивается оно, или, напротивъ, приходитъ въ упадокъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ служить сопоставленіе свѣдѣній о размѣрахъ операцій банка за все время его существованія. Выше было сказано, что при самомъ учрежденіи банка ему былъ разрѣшенъ выпускъ свидѣтельствъ лишь на 5 мил. рублей ежегодно. Впоследствии эта цифра была увеличена вдвое. Операціи банка, благодаря этому, были поставлены въ довольно тѣсные предѣлы. Кроме того, на первыхъ порахъ помѣхою развитію дѣятельности банка должны были, разумеется, служить и новизна дѣла, и отсутствіе у крестьянъ свѣдѣній о существованіи банка. Однако, въ первый же годъ въ банкъ поступило 633 заявленія о ссудахъ на покупную сумму въ 9.806,237 р. Въ слѣдующіе два года число заявленій и сумма требованій на ссуду прогрессивно возростали: въ 1884 году было заявлено 1,233 сдѣлки на 20.091,827 руб. и въ 1885—1,983 сдѣлки на сумму въ 26.848,200 руб. Переходя къ четвертому году существованія банка, приходится, къ сожалѣнію, констатировать и уменьшеніе требованій на ссуды изъ банка, и сокращеніе его операцій. Число заявленныхъ въ 1886 году сдѣлокъ равняется лишь 1,647 на покупную сумму въ 16.621,747 рублей. Число разрѣшенныхъ ссудъ падаетъ съ 1,527 (въ 1885 г.) на 1,300 (въ 1886 г.); сумма же ссудъ, разрѣшенныхъ въ 1886 году, сразу уменьшается на 40%. Въ 1886 году она равняется лишь 10.790,291 руб., тогда какъ въ 1885 году она достигла 17.666,323 руб. Къ сожалѣнію, сокращеніе операцій крестьянскаго банка не ограничилось однимъ только 1886 годомъ. Въ прошломъ году банкъ по-

шелъ еще далѣе въ томъ же направленіи. Въ 1886 году ссудъ, по которымъ были выданы деньги изъ банка, было 1,209; въ 1887 г., по свѣдѣніямъ *Вѣстника Финансовъ*, лишь 1,035. Сумма, выданная въ ссуду изъ крестьянскаго банка въ 1886 году, равнялась 11.148,850 руб.; въ прошломъ же году она составляла лишь 7.495,127 руб.

Сокращеніе операций банка, начавшееся въ 1886 году, совпало съ расширеніемъ сѣти его отдѣленій, такъ какъ въ этомъ году къ 26 отдѣленіямъ, открытымъ ранѣе, было прибавлено, 8 новыхъ самостоятельныхъ и 5 отдѣленій, состоявшихъ до того времени при учрежденіяхъ государственнаго банка, были преобразованы въ самостоятельныя.

Является вопросъ, чѣмъ обусловлено такое печальное явленіе въ жизни крестьянскаго банка, какимъ слѣдуетъ считать сокращеніе его операций? Отчетъ указываетъ на цѣлый рядъ причинъ, повліявшихъ на сокращеніе операций крестьянскаго банка. Сюда, прежде всего, относится общее паденіе цѣнъ на хлѣбъ, ослабившее покупательныя силы населенія, два послѣдовательныхъ неурожая въ степныхъ губерніяхъ, гдѣ была особенно развита дѣятельность банка, уменьшеніе предложенія земель, подъ вліяніемъ кредита, открытаго землевладѣльцамъ на льготныхъ условіяхъ дворянскимъ банкомъ, а за нимъ и другими земельными банками, и, наконецъ, новое направленіе дѣятельности совѣта банка, выразившееся въ томъ, что къ сдѣлкамъ, поступающимъ на разрѣшеніе совѣта, послѣдній сталъ относиться «еще сдержаннѣе прежняго». Поступать такимъ образомъ совѣтъ нашелъ полезнымъ потому, что, какъ говорится въ отчетѣ, «подъ вліяніемъ неурожая произошла заминка въ платежахъ, особенно въ степныхъ губерніяхъ». Указанныя отчетомъ обстоятельства не всѣ въ одинаковой мѣрѣ оказали вліяніе на сокращеніе операций банка. Такъ, пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ не могло оказать сильнаго вліянія на уменьшеніе числа сдѣлокъ, такъ какъ оно существовало и въ предшествовавшее 1886 году трехлѣтіе, когда число заявленій о ссудахъ прогрессивно возростало. Дѣятельность дворянскаго банка, безъ сомнѣнія, оказалась болѣе дѣйствительною причиною сокращенія операций крестьянскаго банка; но въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ которыхъ приходится дѣйствовать крестьянскому банку, эта конкуренція дворянскаго банка не могла бы принести большаго ушерба, если бы не существовало другихъ обстоятельствъ, повліявшихъ на уменьшеніе числа заявленій о ссудахъ изъ крестьянскаго банка.

Новое направленіе въ дѣятельности совѣта банка отразилось на размѣрахъ операций банка весьма замѣтно. Это обстоятельство, по многимъ соображеніямъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Вліяніе этой причины сокращенія операций крестьянскаго банка легко выдѣлится изъ ряда другихъ. Въ то время, какъ всѣ остальные причины, перечисленныя выше, вызываютъ исключительно уменьшеніе заявленій о ссудахъ, увеличившаяся требовательность совѣта банка оказываетъ, главнымъ образомъ, вліяніе на

сокращеніе числа разрѣшенныхъ ссудъ. Изъ сопоставленія цифръ заявленій и разрѣшенныхъ ссудъ въ 1885 и 1886 гт. можно увидѣть, что отношеніе разрѣшенной ссуды къ просимой въ отчетномъ году нѣсколько упало (съ 65,9% въ 1885 г. на 64,9% въ 1886 г.). Для губерній, пострадавшихъ отъ неурожая и оказавшихся въ числѣ наиболѣе недоимочныхъ, разниа, соотвѣтствующихъ цифръ оказывается еще болѣе значительною. Въ разрядъ такихъ губерній отчетъ заноситъ пять: Екатеринославскую, Пензенскую, Полтавскую, Ставропольскую и Таврическую. Въ 1885 году во всѣхъ этихъ губерніяхъ испрашивалось изъ банка въ ссуду слишкомъ 6.101,000 рублей, а разрѣшено къ выдачѣ совѣтомъ банка 5.821,000 р., что составляетъ болѣе 95% перваго числа; въ отчетномъ же году въ тѣ же отдѣленія банка поступило требованій на 2.361,000 р., а было разрѣшено выдать лишь 1.689,000 рублей, т.-е. 71% просимой суммы.

За отсутствіемъ подробныхъ свѣдѣній, трудно, конечно, судить, насколько основательно поступалъ совѣтъ банка, отказывая въ ссудѣ въ томъ или другомъ случаѣ; но нельзя не отмѣтить, что изъ 90 случаевъ, въ которыхъ было отказано въ ссудѣ, въ 28 причиной отказа послужило признаніе необезпеченности ссуды. Конечно, совѣтъ банка не можетъ разрѣшать ссудъ, по его мнѣнію, не обезпеченныхъ; но, въ виду заявленій совѣта банка объ усиленіи его «сдержанности» въ выдачѣ ссудъ, позволительно поставить вопросъ: не слишкомъ ли далеко заходить эта «сдержанность»? Вѣдь, и раньше, нѣтъ сомнѣнія, банкъ разрѣшалъ ссуды, только основательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла.

Представляется ли, въ то же время, «заминка въ платежахъ», побуждавшая банкъ относиться еще сдержаннѣе къ ссудамъ, такимъ грознымъ симптомомъ, въ виду котораго не приходится останавливаться предъ сокращеніемъ операций банка? Недоимки, какъ утверждается отчетомъ, вызваны неурожаемъ, охватившимъ степныя губерніи,—районъ, гдѣ банкъ особенно много дѣйствовалъ въ первые годы своего существованія, и падежами рогатаго скота, обнаружившимися также и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. По срокамъ 1886 года подлежало къ поступленію платежей всего на 2.172,000 руб. Къ концу года осталось въ недоимкѣ 21,32% этой суммы. Большая часть недоимки легла на губ. Екатеринославскую, гдѣ она составляетъ 40% оклада, Пензенскую—48,35%, Полтавскую—24,31%, Ставропольскую—62,32% и Таврическую—24,31%, т.-е. именно на тѣ мѣстности (за исключеніемъ Полтавской губ.), которыя болѣе другихъ пострадали отъ неурожая и падежа скота. Въ тѣхъ же губерніяхъ—Полтавской, Екатеринославской, Таврической, съ прибавленіемъ еще Курской—лежатъ и 21 участокъ, назначенные въ 1886 г. въ продажу за невность платежей банку. Владѣльцамъ 10 участковъ изъ 21 удалось избѣжать продажи купленной ими земли, а остальные 11 участковъ продавались съ публичныхъ торговъ въ различные сроки 1886 и 1887 гт. И такъ, благодаря неуро-

жаю и падежу скота, являются недоимки; затѣмъ продажи съ аукціона, за ними—намѣренное сокращеніе операций банка. Случайное обстоятельство оказывается способнымъ поколебать положеніе заемщиковъ банка,—поколебать въ такой мѣрѣ, что банкъ считаетъ себя вынужденнымъ приступить къ крайнему средству—продажѣ имущества заемщиковъ съ публичнаго торга. Не странно ли это? Положимъ даже, что совѣтъ могъ бы и не прибѣгать къ этой мѣрѣ, могъ бы ограничиться разсрочкой платежей. Но фактъ останется фактомъ. Положеніе заемщиковъ банка непрочно, находится въ полной зависимости отъ всякой случайности. Невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли только указанныя въ началѣ этой главы причины вызываютъ и сокращеніе операций банка, и накопленіе недоимокъ и проч.? Не дѣйствуютъ ли на ряду съ ними и другія и, быть можетъ, болѣе могущественныя? Не коренится ли главная неудача крестьянскаго банка въ недостаткахъ самой его организаци, въ тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ, согласно своему уставу, можетъ выдавать крестьянамъ ссуды на покупку земли? Въ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, дать утвердительный отвѣтъ.

III.

Однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ въ дѣятельности крестьянскаго банка и вмѣстѣ однимъ изъ наиболѣе неблагоприятныхъ условій пріобрѣтенія земли съ помощью его является требованіе предварительнаго соглашенія между продавцами и покупателями. Такое соглашеніе сравнительно легко удается только въ тѣхъ случаяхъ, когда между покупателями и продавцами существуютъ давнія связи, знакомство, сосѣдство, или если продавецъ руководится добрымъ желаніемъ передать свою землю именно крестьянамъ. Но чаще случается, что продавецъ заботится лишь о томъ, чтобы скорѣе сбыть съ рукъ свою землю. Ему некогда возиться съ крестьянами, тратить время на увѣщанія и переговоры. Подвернется случай, и онъ сбудетъ свою землю помимо крестьянъ. То же положеніе порождаетъ и другое зло. Если у продавцовъ, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ охоты долго возиться съ покупателями-крестьянами, а у этихъ послѣднихъ недостааетъ умѣнья быстро придти къ соглашенію, то является цѣлый разрядъ посредниковъ, которые дѣлаютъ своею спеціальностью вершеніе сдѣлокъ по продажѣ земли съ помощью крестьянскаго банка. Конечно, эти люди руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ побужденіями далеко не филантропическаго свойства. Одно время въ газетахъ, а затѣмъ и въ третьемъ отчетѣ крестьянскаго банка указывалось, что посредничество этого рода сильно развилось и приняло вполне хищнической характеръ. Крестьяне вовлекались въ невыгодныя для нихъ сдѣлки, опутывались всевозможными казуистическими условіями и шли къ разоренію. Въ большинствѣ случаевъ, банкъ не могъ разрѣшить ссудъ по сдѣлкамъ, совершеннымъ при помощи

посредниковъ, и крестьяне теряли свои задатки, нерѣдко достигавшіе значительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, посредничество породило спекуляцію землею и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ повліяло на повышеніе земельныхъ цѣнъ. Были даже случаи, когда владѣльцы земли устраивали съ помощью посредниковъ сдѣлки съ единственною цѣлью воспользоваться задатками крестьянъ. Въ послѣднемъ отчетѣ крестьянскій банкъ о дѣятельности посредниковъ умалчиваетъ. Но прекратилась ли она,—это вопросъ. По крайней мѣрѣ, спекуляція на задатки еще и теперь существуетъ, наприм., въ Псковской губ., какъ недавно сообщилъ *Псковскій Листокъ*.

Наконецъ, въ позднѣйшемъ по времени официальномъ документѣ, опубликованномъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ (*Отчетъ* члена совѣта крестьянскаго поземельнаго банка, Ѳ. Ѳ. Воропонова, объ исполненіи дѣломъ 1887 года командировки въ губерніи Бессарабскую, Кіевскую и Таврическую. Спб., 1888 г.), снова находимъ указаніе, что дѣятельность подобныхъ посредниковъ продолжается. Г. Воропоновъ, между прочимъ, говоритъ объ одномъ изъ такихъ ходатаевъ по устройству земельныхъ покупокъ съ помощью крестьянскаго банка, нѣкогда мѣщанинъ Телисовъ, который имѣлъ обширную практику въ Черкасскомъ и др. уѣздахъ Кіевской губ. По словамъ крестьянъ, посредничество его обошлось имъ весьма дорого. «За комиссію Телисовъ требовалъ по 9 р. отъ покупаемой десятины, но крестьяне дали только по 6 руб., засчитавъ въ остальное вознагражденіе проценты съ тѣхъ суммъ, которыя держалъ у себя Телисовъ. Хотя земля куплена крестьянами по 150 руб. за десятину, но, въ дѣйствительности, обошлась имъ, считая всѣ понесенные расходы, почти по 200 руб.» (*Отчетъ* чл. с. кр. поз. бан. етс., стр. 38).

Ограниченіе компетенціи банка только готовыми сдѣлками имѣетъ еще другое дурное вліяніе. Дѣятельность крестьянскаго банка, естественно, повліяла на повышеніе земельныхъ цѣнъ. Но это повышеніе не было бы столь значительнымъ, если бы ссуды изъ банка выдавались также на покупку земель, наприм., идущихъ въ продажу съ аукціона. Тогда и поле дѣйствія банка было бы шире, и крестьянамъ представилась бы возможность покупать земли на болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Конечно, вліяніе этого обстоятельства на сокращеніе операций банка и на благосостояніе его клиентовъ трудно измѣрить. Въ тому же, банкъ оказывается почти безоружнымъ не только въ борьбѣ съ этимъ вреднымъ вліяніемъ, но даже и въ опредѣленіи его размѣровъ. Онъ знаетъ только готовые сдѣлки, иногда даже и знаетъ — то о нихъ лишь, какъ говорилось въ третьемъ отчетѣ, «по бумагамъ, полученнымъ по почтѣ». Но дѣло, которому служить крестьянскій банкъ, въ такихъ обстоятельствахъ несомнѣнно много проигрываетъ.

Другая важная причина неудачъ крестьянскаго банка—доплаты. Она должна была дать себя знать, особенно въ неурожайный годъ. Противъ доплатъ имѣются вѣскіе доводы. Крестьянскій банкъ созданъ для содѣй-

ствія приобрѣтенію земли крестьянами малоземельными и безземельными. А эти именно группы крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, наименѣе состоятельныя. Уплатить добавочную къ банковской ссудѣ сумму изъ своихъ средствъ по бѣльшей части они не могутъ. Поневолю приходится имъ идти ради доплаты въ кабалу къ кулакамъ, что, разумеется, не можетъ благоприятно отразиться на благосостояніи кліентовъ банка.

Насколько чувствительны должны быть для крестьянъ доплаты къ банковской ссудѣ, можно видѣть изъ того, что въ 1886 году, при средней покупной суммѣ въ 100 р. 24 к. на душу мужскаго пола, доплата составляла 16 руб. 98 коп., и при средней цѣнѣ каждой купленной съ помощью банка десятины въ 45 руб. 55 коп., доплата покупателей изъ собственныхъ средствъ равнялась 7 р. 72 к. на дес. Представляя эти данныя въ процентахъ, мы увидимъ, что доплата покупателей въ 1886 году составляла 16,94% продажной цѣны земли. Печально еще и то, что относительный размѣръ доплаты въ отчетномъ году увеличился, хотя и незначительно, такъ какъ въ 1885 году доплата составляла въ среднемъ лишь 16,8% всей продажной цѣны. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ доплаты достигали въ отчетномъ году $\frac{1}{3}$ и даже болѣе покупной цѣны; таковы губерніи: Тверская, Гродненская, Могилевская, Таврическая. Въ Бѣвской же губ., какъ видно изъ отчета г. Воропонова, имѣли мѣсто даже такіе случаи, когда доплаты достигали половины покупной цѣны земли.

Для выясненія значенія доплатъ надо принять еще во вниманіе, что не для всѣхъ категорій заемщиковъ крестьянскаго банка онѣ одинаковы. Какъ извѣстно, покупать земли при помощи банка крестьяне могутъ цѣлыми обществами, товариществами и отдѣльными хозяйствами. Наиболѣе многочисленною группой изъ трехъ этихъ разрядовъ кліентовъ крестьянскаго банка являются товарищества. Въ 1886 году на долю ихъ изъ 1,300 разрѣшенныхъ ссудъ пришлось 708, т.-е. болѣе половины. Товариществами приобрѣтено съ помощью банка 150 тыс. десят. земли, цѣнностью въ 7 милл. рублей слишкомъ, а всѣми вообще заемщиками банка куплено въ 1886 г. всего 275 тыс. десят. земли за 13,33 милл. рублей. И вотъ этотъ наиболѣе многочисленный разрядъ покупателей земли съ помощью банка принужденъ приплачивать къ ссудѣ банка въ среднемъ 21,37% оцѣночной стоимости земли. Всѣми вообще покупателями земли черезъ банкъ въ 1886 году приплачено къ ссудамъ 2.273,000 рублей. Изъ этой суммы 77,33% уплачено до совершенія купчихъ или въ моментъ ихъ совершенія; остальная часть доплатъ разсрочена за извѣстный процентъ (отъ 3 до 12) на 3—6 и болѣе лѣтъ. Такимъ образомъ, главная масса этого добавочнаго платежа вносится заемщиками крестьянскаго банка въ первый же годъ покупки. Въ четвертомъ отчетѣ крестьянскаго банка отмѣчено, къ тому же, фактъ постепеннаго увеличенія разиѣра одновременныхъ доплатъ: въ 1886 году, какъ мы видѣли, единовременныя доплаты составляли 77,33%

всей суммы доплатъ, въ 1885 году онѣ достигали лишь 75,28%, въ 1884 году даже 63,24%.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что доплаты ложатся тяжелымъ бременемъ на покупателейъ земли при помощи крестьянскаго банка. И онѣ тѣмъ еще тяжелѣе, что кредитъ вообще представляетъ большое мѣсто нашей деревни. Нѣтъ сомнѣнія, что необходимость приплачивать къ ссудѣ изъ банка заставляетъ многихъ крестьянъ отказываться отъ пріобрѣтенія земли при его помощи.

Прямое подтвержденіе этихъ заключеній находимъ также въ цитированномъ выше отчетѣ г. Воропонова. Онъ говоритъ, что вѣнось значительныхъ доплатъ могъ быть выполненъ крестьянами Киевской губ. только при помощи чрезвычайныхъ усилій. Ради этого приходилось продавать необходимое имущество или кредитоваться у частныхъ лицъ по 3%—4% въ мѣсяцъ. «Разорительныхъ займовъ не дѣлали только тѣ, которымъ приходилось вносить сравнительно немного». И эти слова относятся къ мѣстности, находившейся въ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ. Благодаря присутствію въ краѣ сахарныхъ заводовъ, крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Киевской губ. съ большою для себя выгодой занимались послѣдніе предъ покупкой земли годы разведеніемъ свекловицы, часто даже снимая для этой цѣли земли, впоследствии пріобрѣтенныя въ собственность. Но и въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ крестьяне, по свидѣтельству г. Воропонова, нерѣдко принуждены бывали сдавать въ аренду ту самую землю, которую покупали,—слѣдовательно, должны были вносить платежи банку за то земельное пространство, которымъ фактически не пользовались (*Отчетъ* чл. с. кр. пов. бан. етс., стр. 10). Понятно, что необходимость доплачивать къ банковской ссудѣ весьма нерѣдко наклоняетъ вѣсы въ сторону богачей. Г. Воропонову приходилось слышать подтвержденіе этого даже отъ среднесостоятельныхъ или, какъ онъ выражается, «рядовыхъ» крестьянъ. «Пока мы соберемся со средствами,—говорили они,—богатые успѣютъ выдать задатокъ и перебьютъ покупку» (*Отчетъ* чл. сов. етс., стр. 10).

Еще болѣе вѣскій аргументъ въ пользу этого заключенія представляютъ данныя о распредѣленіи земли, купленной съ помощью крестьянскаго банка, между товарищами по покупкѣ. Согласно цифровымъ даннымъ отчета г. Воропонова, въ тѣхъ изъ изслѣдованныхъ имъ товариществъ, которыя внесли доплаты въ одну треть и болѣе покупной цѣны земли, она распредѣлена наиболѣе неравномѣрно. Въ одномъ и томъ же товариществѣ, случалось, оказывались лица, получившія по 1 десятинаѣ, на ряду съ такими, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось по 17,22 и даже 32 десятины. Въ одномъ изъ такихъ товариществъ неравномѣрность распредѣленія земли дошла до того, что у 26% всѣхъ покупателейъ оказалась почти половина купленной земли (49%); въ другомъ такая же часть купленной мелкой собственности попала къ пятой части (21%) всѣхъ членовъ товарищества; наконецъ, въ третьемъ случаѣ 17% покупателейъ завладѣли 54%.

Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ земско-статистическихъ изданій также свидѣтельствуютъ о разорительности, съ которою сопряженъ для крестьянъ взносъ доплаты къ ссудѣ крестьянскаго банка. Такъ, составитель вышедшаго недавно статистико-хронологическаго описанія Евгеніевской волости, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи, говоритъ, что тираспольскимъ крестьянамъ приходилось иногда, чтобы осилить доплату, продавать скотъ, даже фургоны, сдавать купленную землю въ аренду, занимать деньги подъ высокіе проценты (до 120% въ годъ). Благодаря тому, что нѣкоторые изъ крестьянъ Тираспольскаго уѣзда, купившихъ землю съ помощью банка, не могли внести доплаты, — они передали землю своимъ болѣе богатымъ сотоварищамъ по покупкѣ: въ Джугастровскомъ, наприм., товариществѣ земля куплена 96 хозяевами, а пользуются ею всего лишь 53 лица. За остальными остается надежда воспользоваться землею въ будущемъ, но «врядъ ли, — какъ справедливо замѣчаетъ херсонскій статистикъ, — сильно измѣнится указанное выше распредѣленіе, такъ какъ хозяевамъ, не способнымъ внести доплату при самой покупкѣ, несомнѣнно, труднѣе будетъ внести эту сумму послѣ, съ процентами за нѣсколько лѣтъ» (*Евгеніевская волость* etc., стр. 50).

Два-три факта, отмѣченныхъ провинціальною прессой, стоящею ближе къ закулисной сторонѣ дѣла, представляютъ его еще нагляднѣе.

Самарское губернское земское собраніе прошлаго года, пораженное чрезвычайно малымъ количествомъ ссудъ, разрѣшенныхъ мѣстнымъ отдѣленіемъ банка (отдѣленіе открыто въ Самарѣ въ 1885 году и до конца 1886 года въ него поступило всего 14 заявленій), постановило поручить земской управѣ изслѣдовать причины этого явленія. Скромные размѣры операций отдѣленія крестьянскаго банка въ Самарѣ были тѣмъ болѣе неожиданны для мѣстныхъ земскихъ дѣателей, что потребность въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія сильно ощущается въ Самарской губерніи. Мѣстная газета припоминаетъ по этому поводу, что когда, въ 1883 г., на земскомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ объ открытіи самарскаго отдѣленія крестьянскаго банка, было заявлено, что у земства имѣется «цѣлый рядъ всевозможныхъ ходатайствъ и приговоровъ, въ которыхъ крестьяне выражаютъ свою неотложную и вопіющую нужду въ землѣ, особенно въ выгонахъ и лугахъ, и просятъ посодѣйствовать имъ относительно кредита», что «изъ тѣхъ же ходатайствъ видно, какъ трудно крестьянамъ, сравнительно съ другими сословіями, приобрести при нынѣшнихъ условіяхъ землю», и что, наконецъ, «единственно возможною, наиболѣе плодотворною и желательною формою кредита для крестьянъ можетъ быть только поземельный банкъ». А, между тѣмъ, теперь, когда отдѣленіе крестьянскаго банка открыто, покупки крестьянами земли совершаются помимо банка. По увѣренію той же *Самарской Газеты*, членъ управы, г. Лавровъ, заявилъ на земскомъ собраніи, что за время существованія самарскаго отдѣленія крестьянами было заключено въ Самарской губерніи болѣе 300 сдѣ-

логъ помимо банка. Что это за покупши, кто явился въ нихъ покупателями, на какихъ условіяхъ состоялись сдѣлки—газета не поясняетъ, такъ что трудно даже предположительно сказать, что побудило крестьянъ обойти банкъ. Но вотъ на последнемъ самарскомъ земскомъ собраніи обсуждался уже докладъ губернской управы о мѣрахъ для развитія дѣятельности самарскаго отдѣленія крестьянскаго банка. Собраніе рѣшило ходатайствовать о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ уставѣ банка. Намъ въ этомъ случаѣ занимаетъ лишь то, что земское собраніе, согласно предложенію управы, изслѣдовавшей вопросъ о причинахъ медленнаго развитія операций самарскаго отдѣленія крестьянскаго банка, признало доплаты къ ссудамъ банка изъ собственныхъ средствъ покупателейъ нецѣлесообразными и высказалось за необходимость выдачи ссудъ въ размѣрѣ всей оцѣночной стоимости земли (*Казан. Лист.*).

Другой фактъ, на которомъ не мѣшаетъ остановиться, опубликованъ *Одесскимъ Вѣстникомъ*. Рассказъ херсонскаго корреспондента этой газеты, основанный на официальныхъ документахъ, служитъ превосходною иллюстраціей мысли о вредномъ вліяніи доплатъ. Приводимъ это сообщеніе почти съ буквальною точностью:

«Крестьяне деревни В—вы, отстоящей отъ Херсона на разстояніи 30 верстъ, купили у мѣстнаго землевладѣльца К—на, при посредствѣ крестьянскаго банка, 360 десятинъ земли и вотъ точный, хронологическій перечень всѣхъ экономическихъ «фактовъ», относящихся къ этой покупкѣ, какъ они записаны въ мірскихъ приговорахъ товарищества!»

1883 годъ.

17 мая на совершеніе купчей крѣпости занято у николаевскаго мѣщанина Петра Турчина 500 р. подъ общую круговую поруку.

27 октября. Въ виду того, что ссуды, выдаваемой крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ для покупки земли у К—на, недостаточно, уполномочить трехъ крестьянъ занять 2,000 рублей сер., гдѣ и у кого будетъ возможно, за круговую порукой.

4 ноября приговорили: занять, гдѣ возможно, 823 рубля передъ самою покупкой земли.

Того же числа занято у Семена Ткаченко 550 р. на 11 мѣсяцевъ, съ обязательствомъ выдѣлить 80 десят. въ вѣчное владѣніе, а у Авдѣя Лысого занято 275 руб., съ обязательствомъ выдѣлить 40 десят. земли (150 саж. ширины, 320 саж. длины).

1884 годъ.

Земля куплена.

17 августа 8 крестьянъ, состоявшихъ членами товарищества, просили общество уплатить за нихъ общими средствами причитающіеся съ нихъ сборы, каковыя деньги они обязываются возвратить обществу въ теченіе одного года (къ 1 сентября 1885 г.); за взносъ же обществомъ за ихъ землю денегъ упомянутыя лица изъявили согласіе землю свою отдать въ

общее пользованіе или кому общество пожелаетъ отдать распоряженіемъ своимъ изъ односельцевъ своихъ въ безвозмездное пользованіе срокомъ на 3 года. Въ случаѣ, если они не уплатятъ долга обществу къ 1 сентября 1885 г., земля поступаетъ въ распоряженіе общества въ вѣчность, деньги же, причитающіяся въ банкъ за ту землю въ теченіе 3 лѣтъ, обязываются уплатить сами лица, которые согласятся дать ссуду въ 1,000 руб.

Того же числа общество постановило: совершить вексель на 1,000 р. съ Евтухомъ Безроднымъ и заключить условіе на 30 десятинъ.

14 ноября отъ купленной земли отказались еще 4 хозяина: «не имѣли средствъ внести за оную причитающуюся съ нихъ сумму».

1885 годъ.

8 сентября 9 крестьянъ передали въ распоряженіе общества 40 десят. земли, вслѣдствіе того, что не могли уплатить 1,000 руб. Безродному, а общество, съ своей стороны, передало ихъ кредитору въ «вѣчное владѣніе» съ тѣмъ, чтобы онъ вносилъ въ банкъ поземельный долгъ. Если же, добавлено въ приговорѣ, кто пожелаетъ отнять у Безроднаго землю, платить ему 4,000 руб.

1886 годъ.

2 августа 9 крестьянъ заняли у крестьянина Орловской губ., Работковской вол., с. Бродино, Устина Шленикова, 1,000 на 2 года (1886—1888), «а за таковое его благодѣяніе даютъ ему 30 дес. купленной земли на 3 года». Общество поручилось за своихъ крестьянъ. По истеченіи 3 лѣтъ кредиторъ долженъ дать своимъ должникамъ за землю 90 руб. Въ случаѣ неуплаты крестьянами долга, общество вносить за нихъ 1,000 р., а земля (30 дес.) поступаетъ въ его полное владѣніе. Изъ 28 хозяевъ, числящихся членами товарищества по купчей, въ дѣйствительности пользуются купленною землею всего лишь 12 человекъ; остальные 16, то-есть 57% всего числа хозяевъ, не имѣя возможности уплачивать лежащій на нихъ банковскій долгъ, —плюсъ государственный поземельный сборъ, плюсъ земскіе (губернскіе и уѣздные) налоги, плюсъ волостные и сельскіе сборы, — начали занимать огромныя ссуды, а «за таковыя благодѣянія» кредиторы ихъ пользуются, въ видѣ процента, землею».

Еще при самомъ учрежденіи банка высказывалось, что выдача ссудъ ниже полной оцѣночной стоимости земли можетъ дать въ руки деревенскихъ кулаковъ сильное оружіе и что, благодаря доплатамъ, платежи заемщиковъ банка окажутся болѣе тяжелыми, сравнительно съ тѣми, какіе потребовались бы, если бы ссуда изъ крестьянскаго банка равнялась стоимости земли. Къ сожалѣнію, опасенія эти оправдались. Основательное указаніе печати на то, что банкъ, выдавая ссуду, равную полной оцѣнкѣ земли, крестьянамъ-земледѣльцамъ, ничѣмъ не рискуетъ, не было принято во вниманіе. Послѣдствія этой ошибки теперь налицо.

IV.

Въ виду условій, стѣсняющихъ дѣятельность банка, становится весьма вѣроятнымъ, что ссудами изъ него всего труднѣе пользоваться именно наиболѣе нуждающейся въ землѣ части населенія. Данными, которыя могли бы освѣтить этотъ вопросъ, отчетъ не богатъ. Но кое-чѣмъ въ немъ можно воспользоваться для этой цѣли. Всѣ покупщики (133,905 душъ) банка въ 1886 г. разбиты въ отчетѣ, по своему хозяйственному положенію, на три группы: безземельныхъ и имѣвшихъ до покупки менѣе $1\frac{1}{2}$ дес. на душу, имѣвшихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 дес. на душу и владѣющихъ болѣе чѣмъ 3 дес. земли на душу. Въ первой категоріи—безусловно необезпеченныхъ землею—относится 50,570 покупщиковъ или 37,7% всего числа ихъ; во второй—малообезпеченные землею—46,036 душъ или 34,4; къ третьей—какъ болѣе обезпеченные—37,299 душъ или 27,9%. На каждую душу въ 1886 г. куплено съ помощью крестьянскаго банка, въ среднемъ, 2,20 дес. Такія же среднія для каждой изъ названныхъ выше группъ выражаются слѣдующими цифрами. Бѣднѣйшіе покупатели земли съ помощью банка, отнесенные къ первой группѣ, купили лишь по 2,00 дес. на душу; во второй группѣ то же отношеніе выражается цифрой—2,16 дес.; такимъ образомъ, обѣ экономически-слабыя группы приобрѣли земли меньше, чѣмъ приходится въ среднемъ для всѣхъ покупщиковъ. Третья же группа купила съ помощью банка относительно больше, а именно по 2,40 дес. на душу. Бѣднѣйшей части кліентовъ банка пришлось приобретать землю на условіяхъ болѣе тяжелыхъ, нежели покупщикамъ третьей категоріи. Средняя покупная сумма на каждую душу мужскаго пола равнялась въ 1886 году 100 р. 24 к., для покупщиковъ первыхъ двухъ категорій эта сумма достигаетъ 110 р. 85 коп., а для третьей группы кліентовъ банка—лишь 72 р. 78 к. Средняя покупная цѣна за десятину для всѣхъ покупщиковъ съ помощью банка—45 р. 55 к.; покупщикамъ же первыхъ двухъ категорій десятина обошлась въ среднемъ въ 52 р. 27 к., а имѣвшимъ до покупки болѣе трехъ десятинъ на душу—въ 30 р. 21 к. То же самое и относительно доплаты: она была выше средней для покупателей первыхъ двухъ группъ и ниже—для третьей; доплата безземельныхъ и малоземельныхъ покупщиковъ банка равнялась 17 р. 59 к. съ души или 8 р. 29 к. съ десятины купленной земли; наиболѣе же состоятельной части покупщиковъ съ помощью банка пришлось доплачивать по 15 р. 37 к. съ души или по 6 р. 38 к. съ десятины. При этомъ надо помнить, что среднія доплаты со всѣхъ покупщиковъ банка равняются 16 р. 98 к. съ души или 7 р. 72 к. съ десятины.

Приведенныя цифры наглядно показываютъ, что, благодаря современной своей организаци, крестьянскій банкъ если и можетъ содѣйствовать наиболѣе нуждающейся въ землѣ части крестьянскаго населенія, то лишь на условіяхъ сравнительно весьма тяжелыхъ для нея. Во всякомъ случаѣ, для болѣе состоятельной группы крестьянъ, не принимая даже во вниманіе ея большую кредитоспособность внѣ банка и потому самому болѣе благо-

приятное положеніе по отношенію къ приобрѣтенію денегъ на доплаты, условія помощи изъ банка оказываются болѣе легкими, нежели для малоземельной части крестьянскаго населенія. Конечно, всю третью группу нельзя признать многоземельною, такъ какъ въ нее входятъ крестьяне такихъ мѣстностей, гдѣ даже болѣе трехъ десятинъ на душу немного, но большая часть этой группы, по признанію самого отчета, должна считаться обезпеченною землею, все-таки, сравнительно въ значительной мѣрѣ.

У.

Раньше было упомянуто, что товарищескія покупки преобладаютъ въ средѣ покупокъ съ помощью крестьянскаго банка. Данныя за три года дѣятельности банка показываютъ, что покупки этого рода имѣютъ тенденцію брать перевѣсъ надъ покупками обществами. Въ самомъ дѣлѣ, число товарищескихъ покупокъ составляло въ 1884 г. 162% общественныхъ, въ 1885 году — 181% и въ 1886 г. — даже 226%. Не опредѣляя, за недостаткомъ матеріала, причинъ этого явленія, отчетъ дѣлаетъ предположеніе, что развитіе товарищескихъ покупокъ вызывается, съ одной стороны, тѣмъ, что «начала обособленности все болѣе и болѣе берутъ верхъ» въ крестьянскомъ населеніи губерній подворнаго типа, съ другой — тѣмъ, что, въ виду общаго экономическаго упадка, «болѣе сильные хозяева неохотно идутъ на крупное дѣло вмѣстѣ со слабыми, и потому покупки группируются въ товарищества людей болѣе или менѣе равной экономической состоятельности». Помнится, еще при учрежденіи крестьянскаго банка высказывались опасенія, что допущеніе къ покупкамъ земли при помощи крестьянскаго банка на ряду съ обществами товариществъ и отдѣльныхъ домохозяевъ можетъ вызвать конкуренцію изъ-за земли между разными категоріями заемщиковъ банка и — къ невыгодѣ обществъ. Въ отчетѣ нѣтъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ. Но путемъ нѣкоторыхъ сопоставленій можно убѣдиться, что и эти опасенія не были напрасными. Общества только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ купить землю вдали отъ мѣста своего поселенія. И дѣйствительно, 87,2% сдѣланныхъ ими покупокъ лежатъ смежно съ ихъ владѣніями. Но изъ всей смежно лежащей земли, купленной съ помощью банка обществами, было приобрѣтено всего 63,33%; стало быть, 36,67% даже смежной земли отошло къ товариществамъ и отдѣльнымъ покупателямъ. Въ отчетѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить объ имущественномъ положеніи товариществъ, купившихъ земли по смежности со своими владѣніями. Что же касается отдѣльныхъ покупателейъ, то ихъ имущественная состоятельность врядъ ли можетъ быть сомнительна. Слѣдующія цифры краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ: куплено земли съ помощью банка отдѣльными домохозяевами въ среднемъ по 4,30 дес. на душу; покупная сумма на душу у этихъ кліентовъ банка равняется 191,22 руб., а доплата достигаетъ размѣра, возможнаго только для весьма состоятельныхъ крестьянъ — 83,07 руб. на душу.

Въ покупкахъ по смежности товарищества и отдѣльныя лица являются,

такимъ образомъ, опасными конкурентами обществъ. А если принять во вниманіе ростъ товарищескихъ покупокъ, то эта опасность становится еще болѣе серьезною. Но слѣдуетъ оговориться, что увеличеніе товарищескихъ покупокъ должно быть отчасти отнесено и на счетъ переселеній.

Часть отчета, повѣствующая о переселенческихъ покупкахъ, представляетъ много интересныхъ данныхъ. Въ этой группѣ пріобрѣтателей земли чрезъ банкъ преобладаютъ товарищества, что и понятно, такъ какъ общества лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ переселяться во всемъ составѣ *); такъ же мало удобствъ представляется для переселенія отдѣльными домами. Значеніе банка въ дѣлѣ содѣйствія переселеніямъ ограничивается тѣсными рамками. Это происходитъ частью оттого, что нѣтъ отдѣленій банка въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда направляется главнѣйшій потокъ переселенцевъ (Сибирь, Кавказъ, кромѣ Ставропольской губерніи), и, во-вторыхъ, стремленіемъ банка къ сокращенію своихъ операций по содѣйствію переселеніямъ, въ виду обнаружившихся во многихъ переселенческихъ товариществахъ неурядицъ. Къ этому прибавился еще неурожай въ Оренбургской, Уфимской, Самарской, Ставропольской и друг. губ., куда особенно много переселяются при помощи банка. Въ общемъ число покупокъ для переселенія сократилось даже значительно, чѣмъ все вообще операции банка. Въ 1886 году переселенческія покупки составляли лишь 10% всехъ покупокъ, а въ 1885 г.—11%. Всѣхъ переселенческихъ сдѣлокъ въ 1886 году было лишь 122. По этимъ сдѣлкамъ 13,625 переселенцами куплено 63,860 десятинъ земли. Достоинно вниманія, что переселенческія покупки совершаются, въ общемъ, на условіяхъ еще менѣе благоприятныхъ, чѣмъ все остальныя. Такъ, доплаты въ губерніяхъ съ значительнымъ числомъ переселенцевъ, купившихъ землю при помощи банка, вездѣ превышали среднюю норму и достигали слѣдующихъ размѣровъ: въ Уфимской — 17,5%, въ Харьковской (1/3 всехъ переселенцевъ)—20,5%, въ Елатеринославской—21,2%, въ Херсонской—22%, въ Донской области—36,5% и въ Могилевской—45,5%.

Ясно, что уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы ограничить небольшими размѣрами число переселенцевъ, прибѣгающихъ къ помощи банка. Если переселенцы часто располагаютъ болѣе значительными личными средствами, чѣмъ покупающіе землю вблизи своего мѣстожительства, то надо помнить, что эти средства пріобрѣтаются путемъ продажи инвентаря и земли на мѣстѣ прежняго жительства. Большія доплаты, истощивъ собственныя средства переселенца, заставятъ его для перваго обзаведенія на новомъ мѣстѣ обратиться за деньгами къ тому же кулаку. Положеніе малосостоятельнаго заемщика банка—переселенца въ виду этого такъ же стѣснительно, какъ и купившаго землю при помощи банка на родинѣ.

*) Въ практикѣ крестьянскаго банка въ 1886 году встрѣтился только одинъ случай переселенія дѣлага общества, вызванный совершенно исключительными обстоятельствами. *Дет.*

VI.

Бѣглый обзоръ дѣятельности крестьянскаго банка, сдѣланный нами по официальнымъ источникамъ, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Операциі банка, поставленныя съ самаго начала въ тѣсныя предѣлы, сокращаются. Ближайшими причинами этого сокращенія являются неблагоприятныя обстоятельства, въ которыя было поставлено у насъ въ послѣднее время крестьянское хозяйство. Но эти обстоятельства могли оказать столь значительное вліяніе на ходъ операций крестьянскаго банка, во-первыхъ, потому, что въ самой организаціи его существуютъ серьезные недостатки, и, во-вторыхъ, потому, что совѣтъ банка слишкомъ преувеличивалъ опасность, грозящую отъ накопленія недоимокъ, и повелѣ дѣла банка съ излишнею сдержанностью. Затѣмъ, благодаря тѣмъ же недостаткамъ въ организаціи банка, онъ оказывается неспособнымъ, въ большинствѣ случаевъ, приходить на помощь бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія, особенно страдающей отъ малоземелья. Далѣе, нерѣдко банку содѣйствуетъ въ дѣлѣ приобрѣтенія земли такимъ элементомъ крестьянскаго сословія, которые могли бы безъ ущерба для себя и для общаго дѣла обойтись и своими средствами или воспользоваться кредитомъ изъ другихъ источниковъ. Роль банка въ переселенческомъ дѣлѣ оказывается также—и по тѣмъ же причинамъ—малозначительною. Наконецъ, если даже въ дальнѣйшемъ будущемъ совѣтъ банка найдетъ возможнымъ не сокращать, а расширять операциі его, наиболѣе нуждающаяся въ землѣ часть крестьянскаго населенія получить возможность пользоваться кредитомъ банка не подѣ угрозой полнаго разоренія только тогда, когда банку будетъ предоставлено право выдавать ссуды въ размѣрѣ полной оцѣночной стоимости земли.

Что же касается рѣшенія вопроса о малоземельи, то крестьянскій банкъ можетъ подойти къ нему лишь подѣ условіемъ почти полной реорганизаціи. Силы крестьянскаго банка слишкомъ незначительны по сравненію съ размѣрами этой задачи, а его организаціа неудовлетворительна для этой дѣли, какъ мы старались показать въ третьей главѣ настоящей статьи. Опытъ крестьянскаго банка показалъ, чего можно достигнуть съ учрежденіемъ, созданнымъ съ самыми благими намѣреніями, но не снабженнымъ достаточными средствами для достиженія своей цѣли. На встрѣчу народной нужды въ землѣ нужно пойти съ широкою программой мѣропріятій, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ должна стоять правильная организаціа переселеній и правительственная помощь крестьянамъ, остающимся на прежнемъ мѣстѣ, въ приобрѣтеніи земли для расширенія надѣловъ. Жертвъ на борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ жалѣть не слѣдуетъ, такъ какъ всякія затраты въ такомъ дѣлѣ окупятся въ не далекомъ будущемъ сторицей.

Владимір Резенбергъ.

Новая попытка органическаго построения исторіи человѣческой культуры *).

(Lippert: „Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau“. 1887. 2 B.)

Изученіе остатковъ первичной организаціи человѣческихъ обществъ, — организаціи, родственной по крови семьи на почвѣ материнскаго права, у народовъ разныхъ расъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что формы такихъ организацій господствовали у народовъ всѣхъ расъ безъ исключенія и потому приводятъ къ весьма важному социологическому выводу, что развѣтвленія семейныхъ организацій не совпадаютъ съ развѣтвленіями расъ. Наоборотъ, расы созданы вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ при господствѣ одинаковыхъ организацій; только тогда, когда расы уже дифференцировались, каждая изъ нихъ начала дифференцироваться и въ области общественныхъ организацій.

«На комбинаціи этихъ двухъ родовъ прогресса, — говоритъ Липпертъ, — и основанъ мотивъ историческаго развитія. Благодаря такой комбинаціи, возможенъ тотъ фактъ, что красная раса рядомъ съ типомъ краснокожаго Америки могла произвести египтянина, замѣчательнаго своими организаторскими талантами, а бѣлая раса поставила на арену исторію римлянина, и кельта, и сармата».

Однимъ словомъ, изученіе рудиментовъ приводятъ къ выводу, что расовыя отличія по своему вліянію на историческое развитіе человѣчества играютъ весьма подчиненную роль сравнительно съ вліяніемъ общественныхъ организацій, построенныхъ на общественной экономикѣ.

Первичная семья, построенная на представленіи единства крови всѣхъ происходящихъ отъ одной матери, характеризуется, прежде всего, полнымъ равенствомъ ея членовъ, единствомъ интересовъ и труда, что пока исключаетъ необходимость какой-либо дифференцированной организаціи для болѣе усложненной заботы о жизни. Появляется сначала только одинъ поводъ къ такому дифференцированію. Когда накапливается нѣкоторый опытъ

*) *Русская Мысль*, кн. V.

въ трудовой жизни, направленный на приобретение средств къ существованію, появляется и первое раздѣленіе первичной человѣческой группы на учащихъ и учащихся, на старыхъ и молодыхъ. Языкъ сохранилъ остатки этой первоначальной дифференціаціи, примѣняя это понятіе къ совершенно другимъ общественнымъ формамъ. Отсюда происходятъ всѣ титулы власти: старосты, старѣйшины, сенаторы, Meister'a и т. д., которые сводятся къ представленію старшинства. Внутри такой вполнѣ единой общественной группы, какъ существенный признакъ ея, господствуетъ общность женщинъ. Стало быть, браки въ такой общинѣ-семьѣ, находящейся подъ главенствомъ матери, если только такую форму отношеній можно назвать бракомъ (что было бы ошибочно, какъ мы уже замѣтили раньше) было строгою эндогаміей. Какъ въ позднѣйшее время общность огня и воды обозначаетъ принадлежность къ одной общественной группѣ, такъ при этой формѣ то же значеніе имѣетъ общность женщины. При этомъ тутъ совсѣмъ отсутствуетъ представленіе о правѣ собственности на женщину, а понимается только право пользованія ею, совершенно аналогичное съ понятіемъ о правѣ пользованія землей, собственности на которую не знаетъ первичная общественная организація. Сразу выступаетъ и принципъ, ограничивающій проявленіе такого права членовъ семьи: мать исключается изъ пользованія въ силу самаго своего материнства. Тутъ уже въ самомъ началѣ человѣческихъ обществъ выступаетъ передъ нами тотъ чрезвычайно важный социологическій принципъ, что «право строится не на теоріяхъ, а на фактахъ». Изъ этого перваго ограниченія общности женщинъ вслѣдствіе чисто-физическихъ причинъ (долгій срокъ между рожденіемъ ребенка и его самостоятельностью) вытекало первое исключеніе конкубинатнаго права: исключеніе права молодыхъ мужчинъ на пользованіе женщинами старѣйшихъ генераций. Это чисто-человѣческое и чисто-соціальное положеніе изъ факта дѣлается правовымъ положеніемъ. Такъ что половое общеніе ограничивается предѣлами одного возрастнаго слоя первичной группы людей, т.-е. братьевъ и сестеръ. На этой почвѣ развивается полиандрія, которую мы находимъ весьма развитой и теперь еще у нѣкоторыхъ народовъ. Понятіе о нарушеніи брака существуетъ и при этой формѣ половыхъ отношеній, но оно имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ въ позднѣйшее время: это просто нарушеніе права членовъ кровной семьи чужими мужчинами. У сосѣдей скифовъ (у которыхъ остатки общности женщинъ существуютъ также, какъ и у другихъ народовъ), массагетовъ, каждый мужъ не можетъ имѣть свою жену, но всѣмъ позволено жить съ ней. При этомъ мужчина вѣшалъ на палатку свой колчанъ или втыкалъ въ землю посохъ, — знакъ своей индивидуальности, — какъ знакъ своего временнаго пользованія, чѣмъ давался миръ этому временному обладанію. Но это пользованіе, дозволенное *своему*, было уже преступленіемъ для *чужаго* (Геродотъ). Въ позднѣйшихъ общественныхъ организаціяхъ это право каждаго мужчины племени на каждую женщину того же племени

сохраняется въ видѣ права каждаго на женщину, пока она невѣста. Въ дальнѣйшемъ развитіи остается право на невѣсту каждаго, приносящаго ей подарки. Выходъ изъ этой формы отношеній происходитъ уже при появленіи власти мужчины, и, притомъ, въ пользу этой власти, сначала въ пользу той мужской власти, которую греки очень удачно называли тираніей. У троглодитовъ (Геродотъ) господствуетъ еще общность женщинъ и дѣтей, но троглодиты уже номады и подчиняются предводителю, котораго положеніе и значеніе основаны уже не на старой семейной конституціи, а на необходимости новой формы организаціи труда. Этотъ же предводитель, *тиранъ*, выдѣляетъ для себя женщинъ своего племени, тогда какъ,—по свидѣтельству Страбона,—остальные живутъ еще по старому материнскому праву. То же наблюдается и у нѣкоторыхъ изъ теперь живущихъ народовъ, напримѣръ, у негровъ западной Африки. На берегу Лоанго принцы могутъ выбирать для себя дѣвушку, а всѣ остальные приобрѣтаютъ себѣ жену только изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя исполнили свои обязанности относительно племени. Для этого у нихъ существуютъ особыя дѣвичьи хижины: *casas di tintas*, гдѣ достигшія зрѣлости дѣвушки обязаны отдаваться всякому, просящему ихъ милостей за подарки. Быть желаемой многими изъ мужчинъ племени, кромѣ выгоды получить богатое приданое изъ этихъ подарковъ, представляется еще и особымъ почетомъ, отличіемъ. У одного изъ ливійскихъ племенъ,—по разсказу Геродота,—женщины носили известное количество кожаныхъ ножныхъ браслетъ, указывающихъ на количество удовлетворенныхъ искателей ихъ любви (тоже у эфиоповъ и древнихъ египтянъ). Эти остатки общности женщины отнюдь не ограничиваются предѣлами черной или красной расы. У вавилонянъ существовали такія же хижины: *Sukkoth-Vepoith*, у арабовъ тоже, хотя родственные имъ евреи, какъ явившіеся въ исторіи истыми номадами, стоящими подъ властью патріарха, относятся съ негодованіемъ и отвращеніемъ къ такому обычаю, что, конечно, не значитъ, чтобы они сами не пережили такой формы развитія. Насколько культъ сохраняетъ вообще явленія, присутія старымъ, уже давно отжившимъ организаціямъ,—это видно изъ отчета Геродота о культѣ вавилонянъ. Обычай былъ тяжелъ для народа той степени развитія, какой достигли вавилоняне, но культъ, тѣмъ не менѣе, удержалъ его. Мы увидимъ дальше, что права и притязанія известной группы людей переходятъ къ ея божественнымъ представителямъ. Такъ, у вавилонянъ права народа на всѣхъ его женщинъ унаслѣдовала Милита; ей, правящей матери, принадлежитъ искупленіе всѣхъ дѣвъ; ей, хранительницѣ стараго права, должны онѣ пожертвовать собой. Насколько противенъ былъ экономическому строю вавилонскаго общества и ихъ новымъ нравственнымъ понятіямъ этотъ обычай, указываютъ слова Геродота: «разъ вавилонянка, такимъ образомъ, уладила съ богиней, она не отдастъ себя больше ни за какую цѣну».

У бѣлой расы рудименты такой формы отношеній весьма многочисленны;

достаточно вспомнить брачные и другіе обычаи славянъ (роль деверя, свата; вечеринки сѣверной Россіи и Сибири и проч.), чтобы убѣдиться въ этомъ. Даже германскій утренній даръ (Morgengabe) представляетъ просто переносъ правъ членовъ семьи пользоваться милостями невѣсты на самого жениха,—переносъ, совершившійся благодаря господству мужской общественной организаціи.

Когда мы говоримъ о материнскомъ правѣ, о власти или господствѣ матери въ первичной общественной организаціи, мы невольно употребляемъ термины, заимствованные изъ кадра идей, присущихъ новѣйшимъ организаціямъ. Собственно говоря, гинеократія никогда не существовала; рѣчь собственно можетъ идти не о власти, понятіи чуждомъ первичной организаціи материнскаго права, а только о верховенствѣ, о главенствѣ. «Мы должны понять и помнить,—говоритъ Липпертъ,—что тѣ организаціонныя формы, типъ которыхъ мы невольно соединяемъ съ нашимъ понятіемъ о власти, не формы материнскаго права, что онѣ установились въ позднѣйшее время. Материнское же право господствовало,—если ужъ употребляють это выраженіе,—своими особыми средствами и въ предѣлахъ своихъ особыхъ организацій и только соединеніе этихъ средствъ съ этими организаціями составляетъ настоящую картину этого типа господства».

Существенныя характерныя черты материнскихъ организацій—это ихъ пространственное ограниченіе. Онѣ не выходятъ изъ предѣловъ кровной семьи. Представленіе объ искусственномъ единствѣ крови появляется при посредствѣ мужской власти. И когда древніе писатели говорятъ объ очень большихъ народахъ, состоящихъ подъ материнскою властью, подъ гинеократіей, то нужно представить себѣ единую народность при множествѣ организаціонныхъ группъ, а отнюдь не единство государственное. Такіе народы не могутъ быть сильною и единою историческою группою.

Поводомъ къ дифференцированію и прогрессу въ такой семейной организаціи могъ быть только прогрессъ въ раздѣленіи жизненной заботы, въ образѣ жизни, въ добываніи средствъ существованія. Съ этимъ прогрессомъ появляются и новыя общественныя формы, хотя не выходящія еще изъ предѣловъ материнскаго права. Мы уже говорили, что безответственность мужчины и материнскій инстинктъ породили различіе хозяйства, мужскаго и женскаго. Привлеченіе союза обоихъ половъ во власть и интересы этого двойнаго хозяйства, а потомъ разложеніе этого хозяйства и составляютъ содержаніе дальнѣйшаго общественнаго развитія. Мы можемъ представить, какъ при одомашненіи огня и при начаткахъ земледѣлія созданіе специально-женскаго дома повліяло на общественныя формы. Чѣмъ больше женщина могла предложить мужчинѣ, кромѣ себя самой, тѣмъ больше освобождалась она отъ права на нее всѣхъ членовъ семьи, тѣмъ сильнѣе выступала въ семьѣ принципъ ея выбора, ея воли и принципъ договора. Въмѣсто инстинкта, фактора естественнаго, управляющимъ дѣлается факторъ чисто-человѣческій—личный и общественный подборъ. Мужчина въ домѣ женщины является го-

темъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служебнымъ членомъ этого дома. Типическій примѣръ такого примитивнаго экономическаго и социальнаго прогресса представляетъ, по Ливингстону, народецъ Балонда къ сѣверу отъ Замбези. Этотъ народецъ не дошелъ до скотоводства и потому именно и сохранилъ свои старыя формы. Балонда соединяется не съ одной, а со многими женщинами, живущими въ одномъ краалѣ подь главенствомъ матери. Онъ входитъ въ краалъ и заключаетъ съ матерью женщины договоръ, въ силу котораго снабжаетъ женское хозяйство топливомъ; за это онъ имѣетъ право получать отъ женщины пищу. Образуется отношеніе полигамическое для мужчины и полиандрическое для женщины. И это неизбежно въ силу экономическихъ отношеній, такъ какъ одна женщина не можетъ прокормить мужчину и наоборотъ. Власть матери при этой общественной формѣ достаточно велика; дѣти при разрывѣ отношеній остаются подь ея главенствомъ, и даже по отношенію къ мужчинамъ она имѣетъ власть наказанія, уменьшая ему порцію пищи или даже совсѣмъ отказывая въ ней. Подобныя общественныя формы существуютъ у тодовъ, и остатки ихъ встрѣчаются у индѣйцевъ Америки. При такой стадіи развитія устраивается семья, состоящая изъ деверей и невѣстокъ подь главенствомъ матери; существеннымъ отличіемъ такой семьи отъ первичной формы семьи служитъ то, что ее связываетъ уже не общность крови, а договоръ; въ ней управляетъ искусственный и сознательный общественный мотивъ, тогда какъ въ первичной семьѣ — естественный и бессознательный, инстинктъ. Преобразование въ предѣлахъ материнскаго права могло произойти только благодаря прогрессу женскаго хозяйства при отсталости мужскихъ средствъ добыванія пищи. Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что когда мы говоримъ о прогрессѣ, то имѣемъ въ виду не абсолютныя, а относительныя понятія. Вся сущность реформы общественныхъ формъ на этой стадіи ихъ развитія состоитъ въ томъ, чье хозяйство, мужское или женское, относительно прогрессируетъ. Сообразно съ этимъ отношеніемъ и устанавливается главенство того или другаго общественнаго элемента и создается та или другая общественная организація. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что у большинства такъ называемыхъ дикихъ народовъ положеніе женщинъ очень высоко; причѣмъ у нихъ мужчины ненавидятъ работу, а женщины, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно прилежны. У австралійцевъ мы видимъ обратное отношеніе, то-есть угнетенное положеніе женщины, что зависитъ, конечно, не отъ ихъ особенной дикости, а просто отъ отношенія совсѣмъ неразвитаго женскаго труда сравнительно съ уже достаточно развитымъ мужскимъ. У сравнительно высоко стоящихъ делаверовъ часть работы уже перешла къ мужчинамъ и договоръ измѣнился. Женщина, въ силу этого договора, воздѣлываетъ поле, хранитъ огонь и приготовляетъ пищу; мужчина приноситъ мясо и шкуры. За это онъ имѣетъ право на пищу два раза въ день. «Большинство супруговъ, — говоритъ Лоскиль, — согласились, что все, добытое мужчиной, принадлежитъ женщинамъ. Какъ ско-

ро онъ принесъ домой мясо и шкуры, онъ смотритъ на нихъ, какъ на собственность жены». Жена можетъ раздать все это чужимъ и мужъ не имѣетъ права возражать. Изъ власти женщины исключаются только орудія мужчины, его дѣятельность на его специальномъ поприщѣ, охотѣ и войнѣ. Ясно, что господство женщины уменьшится тотчасъ же, или какъ только увеличится дѣятельность мужчины на его поприщѣ, или какъ только онъ будетъ вынужденъ оставить свое презрѣніе къ женской работѣ и взяться за нее.

На этой ступени развитія общественныхъ формъ, бракъ по самой сущности отношеній не проченъ: женщина—просто хозяйка, отношеніе съ которой разрывается при первомъ хозяйственномъ поводѣ. Индѣецъ прямо говоритъ, что «моя жена—не мой другъ», т. е. что союзъ уже не тотъ, какъ въ старой кровной семьѣ. Для мужчины домъ женщины только мѣсто отдыха, куда онъ приходитъ изъ своихъ охотничьихъ и военныхъ экспедицій, продолжающихся иногда по нѣскольку мѣсяцевъ. Тамъ у него другая организація, подъ главенствомъ вождя-мужчины.

Разложеніе формы семьи пуналуа на отдѣльныя хозяйства было естественнымъ и неизбѣжнымъ процессомъ при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, а именно тогда, когда одна или малое число женщинъ могутъ, благодаря развитію своего хозяйства, прокормить мужчину. У наиболее прогрессивныхъ племенъ,—ирезовъ и делаверовъ, гдѣ развито было земледѣліе женщины,—это разложеніе началось быстро. У нихъ безъ всякаго правоваго ограниченія число женъ, рѣдко превосходило двухъ.

Наибольшее количество рудиментовъ этой формы мы находимъ у красной расы, гдѣ прогрессъ женскаго земледѣлія уравнивалъ прогрессъ мужскихъ промысловъ. Но такіе же рудименты существуютъ и у народовъ другихъ расъ.

У малайцевъ существуетъ еще старая семейная организація и наследство по матери. Отдѣльный бракъ появился и у нихъ чрезъ посредство брака деверей и невѣстокъ. При старѣйшей формѣ брака «*ambil anak*» мужъ поселяется въ домъ жены и занимаетъ положеніе, «среднее между положеніемъ ребенка и должника»; то же у Кассія въ Индіи и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ у японцевъ.

Эта вторичная форма организацій материнскаго права не исключаетъ столь абсолютно, какъ первичная, возможности образованія крупныхъ государственныхъ организацій. Представленіе, что безоружность женскаго господства препятствуетъ этому, основано на ложномъ пониманіи отношеній. Древніе, знавшіе народы съ такими общественными организаціями, утверждали противное. Аристотель говоритъ, что «большая часть воинственныхъ и храбрыхъ народовъ находится подъ господствомъ женщинъ». Это, въ сущности, весьма понятно и зависитъ отъ строгаго раздѣленія труда, отъ освобожденія мужчины отъ заботъ по организаціи дома, отъ возможности слѣдовать вполне своему военному призванію. Стало

Быть, дѣло тутъ не въ воинственности женщинъ, не въ амазонствѣ ихъ, а въ самомъ экономическомъ основаніи такой культуры. Несомнѣнно, что въ Африкѣ существовали большія организациі на почвѣ материнскаго права. Эфіопы управлялись женщиной, королевой Кондакой. Этотъ титулъ одно и то же, что титулъ королевы-матери, стоящей рядо́мъ и даже выше короля, такъ что тутъ мы имѣемъ дѣло съ двойственными правительствами, соотвѣтствующими двойственному хозяйству. Такая форма двойственнаго правительства была чрезвычайно распространена, какъ это доказываетъ огромное количество рудиментовъ у народовъ всѣхъ расъ. «Пока представленіе о единствѣ крови было основаніемъ всякой организациі,—такъ описываетъ Липпертъ процессы развитія такой правительственной формы,—до тѣхъ поръ женщина была средоточіемъ организациі. Такое ея положеніе наследовалось независимо отъ факта, что одинъ изъ ея сыновей руководилъ занятіями мужчинъ семьи. Но при томъ преобладаніи мужскаго промысла, который повелъ къ переходу старыхъ формъ къ позднѣйшимъ, съ образованіемъ большихъ государствъ, этотъ руководитель мужчинъ выступаетъ на первый планъ, приче́мъ материнская власть все еще переходитъ по наследству въ силу стараго принципа. И, наконецъ, она такъ соединяется съ позднѣйшею властью, что существеннымъ дѣлается только наследство власти мужчины и мать государя имѣетъ значительную власть только по традиціи».

При той формѣ организациі, о которой мы теперь говоримъ, брачныя отношенія часто изъ эндогамическихъ превращаются въ экзогамическія. Отдѣльному мужчине́ было часто выгодно выйти изъ состава своей семьи и примкнуть къ другой кровной семьѣ; материнскому дому было тоже иногда выгодно привлечь свѣжія силы чужихъ мужчинъ. Принципъ общественаго подбора начинаетъ играть все большую и большую роль. И, въ концѣ-концовъ, у многихъ народовъ экзогамія дѣлается закономъ, исключаящимъ браки въ средѣ семьи или клана, стоящаго еще на почвѣ материнскаго права, считающаго родство по матери, приче́мъ дѣти еще чужія отцу. Принципъ полового подбора, на который указываетъ Морганъ, для объясненія явленія, тутъ, собственно говоря, не играетъ еще никакой роли, такъ какъ родственные браки въ нашемъ смыслѣ слова (родные по отцу) совсѣ́мъ не исключаются. На установленіе экзогаміи, какъ закона, влияют просто хозяйственные результаты этой системы. «Если племя удерживаетъ эндогамію,—говоритъ Липпертъ,—его счастье дѣлается игрой случая, не подверженнаго контролю человѣческой дѣятельности; всякое неблагоприятное отношеніе половъ можетъ служить поводомъ къ физическимъ и социальнымъ недочетомъ, неблагоприятно дѣйствующимъ на сохраненіе общества. Въ экономическомъ отношеніи невозможно полное напряженіе силъ при посредствѣ договоровъ. Напротивъ, племена съ экзогамическимъ бракомъ вступаютъ въ экономическое соревнованіе съ другими. Взаимны́й покой настаетъ прогрессивное движеніе; раса изъ положенія пас-

сивности переходить къ активности; у ней происходит накопленіе капитала и труда. Съ образованіемъ большихъ организацій и съ борьбой, собственно говоря, начинается исторія. Гинеократія еще внѣ ея. Но и въ историческое время сумма представленій и учреждений, принятыхъ человѣчествомъ, какъ наслѣдіе первой стадіи ея исторической жизни, играетъ чрезвычайно важную роль. Эти представленія мы называемъ рудиментами, остатками, но они не вымерли и не вымираютъ. Напротивъ, они господствуютъ въ послѣдующей стадіи развитія, какъ жизненные историческіе факты, и при этомъ ихъ особенная характеристическая черта та, что они приобретаютъ идеальную независимость отъ условій своего происхожденія и импонируютъ человѣчеству просто фактомъ своего существованія. Мысль отдѣльнаго человѣка никогда не достигаетъ такого господства, какъ подобное общее представленіе, оторвавшееся отъ взростившей его почвы. Дѣло не въ качествѣ представленій, а въ способѣ ихъ происхожденія и роста. Представленія, появившіяся въ ту эпоху, когда человѣчество, какъ единая раса, слѣдуя одинаковымъ импульсамъ, формировалось по отдѣльнымъ группамъ, необходимо остались, какъ наслѣдіе всѣхъ организацій и ихъ развѣтвленій, тогда какъ представленія позднѣйшія, не имѣя подъ собою такой широкой основы, не имѣли и такой силы. Поэтому, чѣмъ дальше въ глубь сѣдой старины уходитъ происхожденіе представленія, тѣмъ оно могущественнѣе. Вслѣдствіе этой-то причины мы и находимъ многочисленныя и разнообразныя слѣды материнскаго права среди прогрессивныхъ организацій. Къ такимъ рудиментамъ принадлежитъ особое уваженіе матери, счетъ принадлежности къ племени по матери и наслѣдство по материнской линіи, права племянника и многія изъ представленій культа.

Права племянниковъ примыкаютъ къ роли мужчины, какъ защитника. Эта роль представляетъ въ организаціяхъ материнскаго права звено, связующее два типа хозяйства, а съ другой стороны она же была однимъ изъ ближайшихъ поводовъ перехода этихъ организацій къ организаціямъ отцовскаго права. При экзогаміи мстителъ женщины не мужъ, который не ея крови; его право—право на общность хозяйства, огня и воды, но не на защиту. Защита—право брата женщины. Изъ этого отношенія, существовавшего, какъ видно изъ рудиментовъ, у всѣхъ народовъ, создалось близкое отношеніе между дядей и племянникомъ въ то время, когда между отцомъ и сыномъ еще не существовало никакого отношенія. Въ Африкѣ право племянника еще безусловно. На берегу Лоанго принцессы рождаютъ принцевъ, хотя бы они и были замужемъ за пролетаріемъ, тогда какъ принцы, при существующей экзогаміи, производятъ пролетаріевъ. У Бангали въ южной Африкѣ защитительная власть дяди надъ племянниками переходитъ даже въ права собственности надъ ними; дядя можетъ продать племянника, чтобы заплатить свои долги. Въ египетскихъ мелкихъ общинахъ, предшествующихъ государству и создавшихъ его, удерживалась эта старая конституція; должность номарха переходила по старо-египетскому закону

къ старшему племяннику по матери. «У индѣйцевъ;—говоритъ Лэббокъ,—родство съ дядей важнѣе всѣхъ другихъ связей. Дядя—глава семьи своей сестры въ настоящемъ смыслѣ этого слова». Въ культурномъ государствѣ Мехико избирали наследника короля изъ его братьевъ и племянниковъ. Ясно потому, насколько вообще неосновательно объяснять происхожденіе всѣхъ государственныхъ организацій генетическимъ развитіемъ отеческой власти. Что защита не падаетъ на долю отца и мужа, легко объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что первичная форма брака, какъ мы сказали, отличается непрочною, тогда какъ, наоборотъ, связи родства по крови представляются единственно прочною связью, на которой могли строиться общественныя отношенія. Въ противоположность краснокожимъ, такъ и не вышедшимъ изъ предѣловъ организаціи материнскаго права, семиты являются въ исторіи номадами и представителями отцовскаго права. Но что и они не миновали первичной стадіи развитія, это видно изъ того высокаго положенія, какое занимала у нихъ королева-мать, а также и изъ того, что у родственныхъ имъ арабовъ существуетъ представленіе, что человѣкъ наследуетъ свойства свои не отъ отца, а отъ дяди. Тацитъ знаетъ на сѣверо-востокѣ Германіи племена съ первичною организаціей, у которыхъ государственный культъ—культъ материнскаго божества. Внутри же круга римскаго вліянія существуютъ только слабые слѣды права племянниковъ вродѣ того, что заложниками брали не дѣтей, а племянниковъ.

Если въ организаціяхъ материнскаго права понятіе о власти имѣетъ не то содержаніе, какое мы привыкли придавать этому термину, то въ организаціяхъ отеческаго права, напротивъ, принципъ власти играетъ преобладающую роль. Представленіе о кровномъ родствѣ сына съ отцомъ, какъ основѣ общественныхъ формъ, появляется значительно позже. Причина перехода отъ общественныхъ организаціи материнскаго права къ этимъ позднѣйшимъ организаціямъ таилась въ самой сущности первичныхъ формъ. Материнское право для внѣшней своей власти должно было въ своихъ организаціяхъ опираться на руку мужчины; мужчина устраивалъ внѣшнія, не-домашнія организаціи и расширялъ ихъ, присоединя чужихъ, путемъ ли договора, путемъ ли ввода въ домъ, въ семью. Въ Америкѣ, гдѣ у большей части племенъ появившееся отеческое право лишь уравнивало материнское, только инки и ацтеки вели войны для цѣлей созданія большихъ организаціи. Большинство же племенъ вело войны междуплеменные, причѣмъ свирѣпость и убійства плѣнниковъ были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого характера войны. Понятно, какая опасность для материнскаго права лежала въ защитительной обязанности мужчины. Эта обязанность сама собой должна была перейти въ господство. Эфіопы, стоявшіе подъ главенствомъ Кондаки, королевы-матери, организуютъ для своей защиты въ междуплеменной войнѣ мужчинъ и предводительство надъ ними поручаютъ тоже мужчинѣ. Достаточно, чтобы военное положеніе было болѣе или менѣе продолжительнымъ, чтобы такой предводитель сдѣлался фактически

главой народа. Если эту должность занималъ сынъ королевы, то появлялась форма двойственнаго правительства. Въ другихъ случаяхъ образуются семейныя группы, стоящія подъ главенствомъ отца, хотя этотъ отецъ и не отецъ въ нашемъ смыслѣ слова. Эти двѣ формы власти не противорѣчатъ еще принципу материнскаго права, а стоятъ на его почвѣ. Однако, и не-кровная власть мужчины, и кровная власть женщины, власть дяди и власть предводителя,—хотя они еще раздѣлены,—переходятъ обѣ у индѣйцевъ, наприм., въ руки мужчины.

Сахемъ, мирный глава, представитель власти женщины, выбирается на основаніи принциповъ материнскаго права, какъ братъ или племянникъ прежняго сахемъ. Это король въ настоящемъ смыслѣ слова такой же, какъ нѣмецкій Köpping.

Военный глава, вождь, выбирается, напротивъ, иногда даже не изъ своего племени, а иногда и выбора совсѣмъ нѣтъ, а просто извѣстное лицо собираетъ дружину и начиняетъ на свою отвѣтственность военную и охотничью дѣятельность.

Въ Старомъ Свѣтѣ культъ, какъ увидимъ дальше, дажъ положенію отца или короля прочность, которою отличалась сама организациа номадства. У индѣйцевъ Америки организациа мужчинъ не была постоянной, не была постоянна и культъ, и поэтому не могъ дать освященія отцовской власти. Но прочность власти коренится въ самомъ ея принципѣ. Даже ирокезскій король если и не назначаетъ своего преемника, то указываетъ на него, а такое указаніе достаточно уже авторитетно, чтобы быть обязательнымъ. Лоскиль говоритъ, что у «делаверовъ наследникомъ главы обыкновенно бываетъ лицо, бывшее при немъ и знакомое съ дѣломъ,—такъ должно быть по праву».

Съ прирученіемъ животныхъ, какъ рабочаго скота, и съ образующимся номадствомъ, роль мужчины въ приобрѣтеніи средствъ жизни и связанная съ этимъ власть все растетъ. Появляется при этомъ и чрезвычайно важная новая институція—институція частной собственности. Индѣйцу-охотнику принадлежитъ только убитое животное, а номадъ создаетъ себѣ собственность изъ живыхъ животныхъ, какъ орудій труда. Такъ какъ чужой человекъ стоитъ въ томъ же отношеніи къ племени, какъ и животное, то номад захватываетъ и его, и дѣлаетъ рабомъ. Появляется война, уже какъ средство приобрѣтенія рабовъ. Вслѣдствіе такихъ крупныхъ переибы въ общественной экономикѣ, женщина теперь становится тоже предметомъ владѣнія, и такимъ же предметомъ владѣнія дѣлаются и ея дѣти. Новое понятіе объ отцѣ не совсѣмъ совпадаетъ съ нашимъ: имя отца дается человеку, которому принадлежитъ власть надъ другими. Отецъ въ этомъ смыслѣ слова господинъ патриархъ. Расширяется и понятіе о дѣтяхъ.

Въ эту категорію входятъ всѣ находящіяся во власти отца. Такая простая схема усложняется въ различныхъ формахъ вліяніемъ закона согласованія, такъ какъ множество учреждений материнскаго права не вымира-

ють, а остаются; сюда же приводить новый ряд осложнений и, наконецъ, получаются первыя представленія о родствѣ по крови.

Въ силу самаго принципа организаціи отеческаго права бракъ дѣлается экзогаміей. Мы уже говорили, что экзогамія существуетъ при организаціяхъ материнскаго права, но тамъ она появляется въ силу особыхъ экономическихъ условий, при отеческой же власти она неизбежна. Женщина приобрѣтается мужчиной; и женщина рабыня, и женщина жена—его собственность. Приобрѣсти ее въ средѣ своей семьи (племени) нельзя,—этому воспротивился бы глава семьи; ее можно приобрести тѣмъ или другимъ способомъ только изъ чужой, сначала враждебной, а потомъ союзной семьи. Бедуинская гордость людей, живущихъ подъ отеческою властью, скоро начинаетъ считать постыднымъ бракъ въ средѣ своего племени. Экзогамія дѣлается уже не чистою случайностью, какъ при материнскомъ правѣ, а обязательнымъ правовымъ положеніемъ. Приобрѣсти рабыню для себя и для всего племени, конечно, можетъ каждый, безъ всякаго спеціальнаго разрѣшенія отца. Не то съ приобретеніемъ жены. Тутъ уже нужна уступка со стороны патриарха, отреченіе его отъ своихъ правъ. Все, вѣдь, что находится подъ его властью, его собственность,—и женщина, и рабочій скотъ,—дать разрѣшеніе на бракъ одному изъ дѣтей значить отказаться отъ права пользованія женщиной (рудиментъ такого права—*ius primaе noctis*) и предоставить это право въ исключительную собственность одного изъ дѣтей. На этомъ основано распространенное у всѣхъ народовъ сѣвера Азіи, истыхъ номадовъ, отчужденіе женщины и ея свекра, доходящее до того, что они обязаны избѣгать встрѣчъ.

Женщина, приобретенная въ собственность, освобождается отъ своихъ обязательствъ передъ племенемъ. Освобожденіе происходитъ чрезъ средства полнаго подчиненія. Таковы вообще законы естественнаго прогресса въ отличіе отъ прогресса искусственнаго, производимаго разумною волей человѣка. Чтобы добиться освобожденія, человѣчество прошло чрезъ стадію рабства. Естественные законы, дѣйствующіе съ принудительною силой, заставляли его думать, что вообще рабочая организація возможна только при принципѣ владѣнія. Дальнѣйшій прогрессъ состоялъ въ разрушеніи этого представленія. Римляне въ послѣднюю эпоху своего развитія дошли до этого разрушенія; они освобождали женщину, создавая свободный бракъ, вродѣ своего древняго, заимствованнаго изъ старой организаціи материнскаго права,—бракъ *per usus* и, однако, существенно различный отъ него, потому что въ основѣ его лежали положенія другой экономической организаціи; они уже доходили до разрушенія понятія о рабствѣ, права собственности одного человѣка на другаго. Не даромъ Ульпіанъ предвидѣлъ конечную цѣль этого прогресса—идеаль «естественнаго права», равенство людей. Этотъ великій процессъ освобожденія, процессъ чисто-человѣчскій, т.-е. искусственный, исходъ котораго мы можемъ представить себѣ только на основаніи историческихъ аналогій, былъ прерванъ грубымъ наше-

ствіемъ варваровъ. Величайшая ошибка многихъ ученыхъ состоитъ въ предположеніи, что германцы приняли наслѣдіе римлянъ въ значительной, если не полной, мѣрѣ достигнутой римлянами цивилизаціи. По отношенію къ области брачныхъ формъ, также какъ и по вопросу о рабствѣ эта ошибка очевидна. Въ то время, когда Римъ стремился уже къ созданію свободнаго брака, для германцевъ бракъ посредствомъ купли былъ и признавался великимъ прогрессомъ. На это указываютъ ихъ древніе законодательные акты. Вообще, огромная разниа между заимствованіемъ внѣшнихъ формъ высшей культуры и усвоеніемъ ея внутренняго содержанія. До такого внутреннего содержанія варвары дошли значительно позже, почти на нашихъ глазахъ. Во всю средневѣковую исторію даже свои прогрессивныя общественныя формы (городскія, наприм., коммуны) они строили на старомъ началѣ организаціи, не доходя до мысли объ организаціи безъ начала власти. Только теперь крупная индустрія пробуетъ рѣшить этотъ вопросъ на другомъ началѣ—началѣ уравниванія интересовъ. Но борьба освобожденія не кончена, проба оказывается неудачной. Лицомъ къ лицу и теперь стоятъ еще двѣ великія борящіяся силы—творящая сила индивидуума и его счастье и регулирующее государство. Въ борьбѣ этихъ двухъ силъ, въ исходѣ ея, въ примиреніи ихъ посредствомъ союза—всѣ задачи будущаго. Приобрѣтеніе въ собственность женщины давало семьѣ только женщину; чтобы она была женой, для этого нужны были представленія материнскаго права о высокомъ положеніи матери. И тутъ, какъ это часто бывало въ исторіи человѣчества, явленія старая, отжившія сослужили ему службу. Какъ дальнѣйшій прогрессъ организаціи патріархата, слѣдуетъ отмѣтить окончательное исчезновеніе полиандріи, какъ противорѣчащей самому принципу патріархата. Появляются извѣстныя нравственныя положенія о брачной вѣрности женщины; расширяясь, они переходятъ въ моральное представленіе о женской чистотѣ вообще. Какъ бы возвышенными ни представлялись намъ эти положенія, несомнѣнно, что они очень медленно развились изъ поводовъ и представленій чисто-матеріальныхъ. Этими высокими представленіями человѣчество всецѣло обязано патріархату и его невольному браку посредствомъ купли. Нахтигаль сообщаетъ о жителяхъ Борну любопытный обычай, достаточно объясняющій это утвержденіе. Въ силу значительной близости общественныхъ формъ къ основамъ материнскаго права, женщины свободны въ своей добрачной жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для отца они уже представляютъ значительный капиталъ. Утрата этого капитала очень чувствительна, и вотъ образовался обычай, что при выдачѣ замужъ принцессъ отцы временно отклоняютъ исканія претендентовъ на ихъ руку, пока опытная женщина не убѣдится въ неприкосновенности капитала. Въ этомъ случаѣ бракъ состоится и отецъ продаетъ свою дочь, иначе принцесса выдается замужъ за бѣдняка, не могущаго имѣть такихъ претензій, и отецъ несетъ убытки. Бракъ посредствомъ купли—форма, характеризующая патріархатъ—

строится именно на началѣ экономической выгоды и на томъ же началѣ строятся и нравственные понятія о чистотѣ женщины и ея брачной вѣрности. Общее свойство человѣческихъ представленій состоитъ въ томъ, что они легко отрываются отъ своего матеріальнаго базиса, начинаютъ вести самостоятельную жизнь и сами дѣлаются могущественными историческими факторами.

Это отступленіе отъ изложенія взглядовъ Липшера казалось намъ необходимымъ, чтобы указать на руководящую нить въ лабиринтѣ разнообразныхъ формъ и учреждений, характерныхъ для экономическо-соціальной организациі патриархата и о которыхъ мы должны упомянуть теперь хоть въ короткихъ словахъ. Сообразно закону, согласованія, вездѣ дѣйствующему въ исторіи, въ патриархатѣ вошли многіе остатки старой организациі. Этими остатками особенно богаты черная и красная расы; но и позднѣйшія расы человѣчества не лишены ихъ. Къ такимъ брачнымъ устарѣлымъ формамъ, подобнымъ самымъ новѣйшимъ брачнымъ формамъ, появившимся только въ наши дни и различнымъ отъ этихъ новыхъ формъ тѣмъ, что онѣ составляли результатъ совѣсмъ другой, первобытной организациі,—къ такимъ формамъ принадлежитъ свободный бракъ. Въ Индіи этотъ бракъ, *gandhara*, законодательствомъ Ману описывается слѣдующихъ образомъ: «Соединеніе мужчины и женщины называется *gandhara*. Цѣль его—наслажденіе и любовь». Этотъ бракъ годится только для низшихъ кастъ, вайсій и судръ, тогда какъ арійскіе воины-покорители держались, свойственной первой стадіи патриархата, формы воровскаго брака, брака гахава, о которомъ Ману говоритъ, что это «уводъ изъ дому дѣвушки съ оскорбленіемъ, взломомъ и похищеніемъ плачущей и жалующейся». Брамины, т.-е. та общественная группа, которая уже сконцентрировалась въ касту, перешли отъ воровскаго брака (*гахаса*) къ браку посредствомъ купли; этотъ бракъ, впрочемъ, въ исторіи браминизма сократился до рудимента (брака Арша): брамины перешли къ болѣе свободнымъ договорнымъ формамъ.

Изъ одного этого примѣра уже видны тѣ разнообразныя наслоенія брачныхъ формъ, чрезъ которыя прошелъ патриархатъ въ своемъ историческомъ развитіи. Этотъ примѣръ типиченъ. Римляне также знали старую свободную форму брака—это ихъ бракъ *per usus*, исчезнувшій уже во времена Гая. Какія бы, однако, формы ни имѣлъ бракъ при патриархатѣ, эта общественная организациі усваиваетъ ихъ и пользуется ими сообразно своему основному принципу. Такъ, у римлянъ бракъ *per usus* давалъ мужу власть надъ женой; выходъ изъ этой власти давался женѣ только посредствомъ обхода, фиктивного разрыва брака, посредствомъ такъ наз. *tripsitium*, т.-е. жена должна была въ теченіе года 3 ночи пребывать внѣ дома мужа,—такимъ только способомъ она сохраняла свободу. У славянъ форма свободнаго брака и была, и осталась до значительной степени преобладающею. Въ свободныхъ, мало подверженныхъ различнымъ причинамъ разложенія общинахъ Сибири такой бракъ (убѣгомъ) еще значительно распространенъ, причемъ онъ уже

строится на новой экономической подкладѣ. Но въ этихъ же общинахъ особенно давно и, навѣрное, не только какъ результатъ подражанія инородцамъ—номадамъ, у которыхъ бракъ посредствомъ купли (калыма) единственная форма брака, а и въ силу тоже экономическихъ соображеній (выгода отца), съ старою формою брака борется и побѣждаетъ бракъ посредствомъ купли. Свободныя общины Сибири, стоящія внѣ предѣловъ патриархата, разлагаясь на отдѣльныя семьи, выдвигаютъ принципъ позднѣйшей стадіи патриархата—власть отца. Съ этимъ же связанъ и индивидуализмъ сибирскаго крестьянина, и его стремленіе къ личной поземельной собственности. Германцы, также какъ и іудеи, выступившіе на историческую арену какъ истые номады и бедуины, т.-е. въ эпоху разцвѣта патриархата, менѣе другихъ народовъ знаютъ старую форму свободнаго брака,—у нихъ преобладаетъ бракъ чрезъ куплю. Что они пережили и форму свободнаго брака, также какъ и первую свойственную патриархату форму воровскаго брака, это доказывается борьбой древняго германскаго законодательства противъ этихъ обѣихъ формъ и строгими наказаніями, налагаемыми за нарушение экономическихъ интересовъ мужа и отца. Для нихъ бракъ посредствомъ купли былъ новымъ и дорогимъ прогрессомъ, который они и отстаивали всѣми силами. У іудеевъ остатковъ свободнаго брака мало, они почти отсутствуютъ, что объяснимо ихъ историческими судьбами. Привдя номадами, съ своими формами брака чрезъ куплю, въ страну красной пунійской расы, они натолкнулись въ этой вообще враждебной имъ по культурѣ расѣ на свободный бракъ въ полномъ его цвѣтѣ. Для нихъ такая инсти-туція стала слишкомъ ненавистной, именно какъ инсти-туція враждебной культуры и враждебной организаціи; они описываютъ эту форму брака съ негодованіемъ и отвращеніемъ, какъ полную половую распущенность. И понятно, что они отдѣлялись отъ всѣхъ остатковъ такой брачной формы совершенно аналогично тому, какъ египтяне, наприм., отдѣлялись отъ употребленія въ пищу мяса свиньи: у нихъ патриархатъ въ своемъ первомъ разцвѣтѣ распоряжался женщиной такъ же, какъ распоряжался, наприм., въ 1815 г. Mosheshwe, глава африканскаго племени боссутовъ. Тотъ роздалъ свой скотъ, чтобы купить женъ бѣднымъ своего народа,—и это руководясь соображеніями своей выгоды. Какъ глава народа, отецъ и патриархъ его, онъ получалъ права собственности на этихъ женщинъ и ихъ потомство и устраивалъ потому (продажу женщинъ. Такимъ образомъ, онъ просто отдавалъ въ ростъ свой живой капиталъ. Дальнѣйшее освобожденіе іудейской женщины отъ власти патриарха имѣло причиной два историческихъ момента: одинъ—старый, другой—новѣйшій. Несомнѣнно, что іудеи пережили эпоху учрежденій материнскаго права и изъ нихъ они вынесли представление о высотѣ положенія женщины, какъ матери (высокое положеніе королевы-матери въ іудействѣ). Съ другой стороны, для іудеевъ, какъ народа обособленнаго, рано явилась необходимость конкубинатныхъ союзовъ между племенами, кланами, колѣнами и въ созданіи новѣйшей формы бра-

ка безъ покупки, по договору; римская форма этого брака *confaeteatio*. Эта форма брака вообще характеризуетъ развитую форму патріархата у тѣхъ народовъ, которые создавали первыя крупныя государственныя группы не посредствомъ войны и завоеванія, а посредствомъ договора между родами. Потому при римскомъ *confaeteatio* требуется присутствіе 10 свидѣтелей, какъ представителей 10 родовъ курии, причемъ раньше это, вѣроятно, были главы семей курий, также какъ въ соответствующей *confaeteatio* формѣ брака у аеннянъ новобрачная представлялась фраторамъ своего мужа (фратрія соответствуетъ римской курии). Очевидно, что, въ отличіе отъ чисто-патріархальной формы брака посредствомъ покупки, такой договорный бракъ былъ бракомъ государственнымъ. Государство, устроившись на федеративномъ началѣ слиянія родовъ и ихъ вторичныхъ соединеній (курий и трибъ, фратрій и филъ), беретъ на себя роль патріарховъ, слишкомъ слабыхъ для полного и послѣдовательнаго развитія въ жизни основныхъ принциповъ патріархата, и беретъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ опеку, надзоръ и защиту столь важную институцію, какъ бракъ. При этомъ происходитъ извѣстный договоръ между родами. Они желаютъ обезпечить своимъ дочерямъ болѣе свободное положеніе и въ Римѣ патриціанка является почти свободною, полноправною женщиной, какъ *gaja*, госпожа, хозяйка. Бракъ ея изъ вѣдѣнія домашнихъ боговъ переходитъ въ вѣдѣніе боговъ общинныхъ, федеративныхъ. Плебейскій бракъ посредствомъ купли *coemptio* скоро прилаживается хоть отчасти къ такимъ представленіямъ. Жена уже не рабыня мужа, а находится къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ и ребенокъ—*in filliae loco*. Первичная форма брака, свойственная началу патріархата, бракъ воровской не могъ продержаться особенно долго. Но, все-таки, онъ былъ первичною и потому самую распространенною формою брака, потому и оставилъ послѣ себя такое огромное количество рудиментовъ даже до настоящаго времени и даже у культурныхъ народовъ. Описывать эти рудименты мы не будемъ, чтобы не растягивать статью. Они въ большомъ количествѣ собраны и описаны у Лѣббока, Тейлора, Вайца, М'Лениана, Моргана и др. Скоропреходящимъ этотъ бракъ былъ потому, что очень невыгоденъ въ экономическомъ отношеніи для патріарха. Вызывая кровавое ищеніе рода похищенной, войну, естественно онъ долженъ былъ повести къ какимъ-либо соглашеніямъ, чтобы избѣжать столь нежелательныхъ результатовъ. Онъ потому иногда переходилъ въ бракъ обмѣна, т.-е. два племени входятъ въ соглашеніе обмѣниваться дѣвушками бесплатно. Даже у австралійцевъ, народа съ наименѣ развитою заботой о жизни, съ наименѣ развитымъ раздѣленіемъ труда, а потому съ наиболѣе первобытными и непрочными общественными организаціями,—даже у такого народа настоящій воровской бракъ дѣлается скоро исключеніемъ и переходитъ въ рудименты, въ брачныя символы. Причемъ, впрочемъ, остается не безъ вліянія и введеніе огнестрѣльнаго оружія бѣлыми, т.-е. усиленіе

мужского промысла и мужской власти. Появляется выкупъ за похищенную дѣвушку или обмѣнъ дѣвушками между племенами.

Наивыгоднѣйшимъ для патріархата выходомъ изъ этой первичной формы брака и потому самымъ характернымъ для этой общественной организаціи былъ бракъ посредствомъ купли. Эта форма существовала и еще существуетъ положительно у всѣхъ народовъ, прошедшихъ, проходящихъ или только вступающихъ въ эту фазу развитія. Всѣ выгоды такого брака были на сторонѣ мужчины и власти. Женщина изъ этого процесса вышла обдѣленной и обиженной—не только какъ жена, но и какъ мать. Ни въ одномъ случаѣ, извѣстномъ этнологин, мать не получаетъ платы за невѣсту, а всегда или отецъ при развитой формѣ патріархата, или дядя и братъ при организаціяхъ переходныхъ отъ материнскаго права. Мать борется и протестуетъ противъ такой урѣзки своихъ правъ. Извѣстно то положеніе, которое въ брачныхъ обрядахъ и символахъ, а также и въ семейныхъ обычаяхъ занимаетъ теща у всѣхъ народовъ. Это положеніе или прямо враждебное, или, по крайней мѣрѣ, молчаливо-протестующее. Обманутая, обдѣленная и прямо-таки ограбленная мужчиной для его выгодъ, въ пользу его всевластія, она не желаетъ входить ни въ какую сдѣлку съ этимъ новымъ, враждебнымъ ей явленіемъ. Соглашеніе съ ея правами, какъ матери, въ видѣ выдачи приданого, появляется въ эпоху разложенія патріархата. До тѣхъ поръ идетъ борьба, и что эта борьба не пустынная, это доказывается нѣкоторыми явленіями культа. Отеческая или вообще мужская власть въ переходныхъ къ патріархату организаціяхъ еще слишкомъ слаба; она строится на слишкомъ еще не широкой основѣ недостаточнаго перевѣса мужской хозяйственной организаціи надъ женской, чтобы произвести такой громадный переворотъ силой только своей экономической и общественной власти. За помощью она прибѣгаетъ къ культу, и культъ, освящающій какое угодно экономическое отношеніе, освящаетъ и эту брачную форму. Мужчина выбираетъ одного спеціальнаго бога, которому посвящаетъ бракъ, т. е. отдаетъ женщину въ собственность этого бога. Бастіанъ передаетъ, что у негровъ западной Африки такимъ богомъ считается Лемба. Бракъ Лемба—очень дорогой и потому пригодный только для богатыхъ и сильныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самый счастливый. Мужчина строитъ отдѣльную хижину для этого бога и отдаетъ ему свою жену, обявывая ее культомъ этого бога, т. е. налагая на нее извѣстное Quixilles, жертву и постъ. Богъ наказываетъ невѣрность жены, ложь и обманъ съ ея стороны—болѣзнью и смертью. Въ Африкѣ много такихъ спеціальныхъ боговъ брака; существуютъ они и у народовъ позднѣйшихъ расъ. У германцевъ женщина посвящалась богу общины, присущему въ общинномъ алтарѣ, столбѣ (Mal), стоящемъ при входѣ въ деревню или среди ея. При вѣздѣ въ деревню невѣста три раза обводилась вокругъ этого столба, послѣ, при введеніи христіанства, замѣненнаго крестомъ. Кое-гдѣ въ Германіи и теперь существуетъ этотъ обычай. Римлянки при входѣ въ

домъ приносили жертву духу дома, обмазывая двери свинымъ саломъ и т. д., и т. д. Рудиментовъ посвященія женщины духу дома или духу общины, во власть которой она вступаетъ, множество. Помощь духа считается существенно нужною для приведенія женщины въ подчиненіе новымъ, противнымъ для нея общественнымъ и экономическимъ организаціямъ. Но дѣло не останавливается на такомъ посвященіи,—къ нему присоединяется страхъ предъ наказующимъ духомъ, предъ проявленіемъ перенесенной въ царство духовъ отеческой или вообще мужской власти. Въ западной Африкѣ мужчины - отцы составляютъ тайный орденъ, задача котораго задавать страху еще непримиреннымъ, непокорнымъ и протестующимъ общественнымъ элементамъ—женщинѣ, рабу, вообще всѣмъ, состоящимъ подъ властью мужчины. Орденъ появляется время отъ времени въ разныхъ ужасныхъ костюмахъ и маскахъ и съ насиліемъ, крикомъ, какъ военная банда, проходитъ мѣстечки своего округа. Женщины, дѣти, рабы—всѣ подвластные прячутся. Встрѣча съ грознымъ и мстительнымъ богомъ Лемба, Муанза, вообще какъ бы ни назывались эти боги мужской власти, стремящейся къ патриархату, грозитъ подвластнымъ смертью и уничтоженіемъ. Рудименты такихъ явленій существовали и отчасти теперь еще существуютъ въ германскомъ и славянскомъ мірѣ.

Какими бы варварскими съ нашей точки зрѣнія ни представлялись сопутствующія патриархату, какъ экономической организаціи, формы брака, мы не можемъ не признать въ этихъ формахъ сторонъ, повліявшихъ на жизнь человѣчества въ смыслѣ прогресса. На одну такую сторону—на развитіе нравственныхъ идей—мы уже указали. Но есть и еще одна сторона, прямо повліявшая на экономическій прогрессъ человѣчества. Бракъ патриархата и, прежде всего, бракъ посредствомъ купли совершенно уничтожаетъ пассивную заботу о существованіи, о которой мы говорили въ предъидущей статьѣ, т. е. дѣтоубійство и, въ особенности, убійство дѣвочекъ. Явленіе, бывшее экономически необходимымъ, почти неизбѣжнымъ при господствѣ организаціи материнскаго права, дѣлается не только лишнимъ, но и прямо экономически вреднымъ при патриархатѣ. Женщина становится слишкомъ дорогой и приносящей слишкомъ много выгодъ,—однимъ словомъ, она становится живымъ капиталомъ для главы-мужчины, чтобы было расчетомъ такъ отдѣлываться отъ нея, такъ расточать этотъ капиталъ. У многихъ народовъ Африки живой капиталъ протестуетъ противъ такой формы общественной экономии всѣми средствами, онъ даже откупается отъ этой экономии извѣстнымъ количествомъ дѣтей. Во внутренней Африкѣ женщина дѣлается опять свободной при 5 дѣтяхъ. Но, съ другой стороны, она нигуда не годна, какъ капиталъ, когда она безплодна,—бракъ разрывается и скотъ, уплаченный за нее въ ея родъ, возвращается имъ. Вообще же она капиталъ, находящійся въ распоряженіи патриархальной экономической организаціи, которая и дорожитъ ею, какъ всякимъ капиталомъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ народонасе-

леніе имѣеть стремленіе увеличиваться въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, раздѣленіе труда растетъ и обладаніе человѣка, власть его надъ землей — этотъ характерный признакъ всякаго человѣческаго прогресса—увеличивается. Въ этомъ существенная заслуга патріархата и его формъ брака предъ человѣчествомъ.

Намъ необходимо теперь перейти опять къ вопросамъ культа и хотя бы только въ общихъ положеніяхъ уяснить его значеніе, какъ историческаго фактора. Значеніе его огромное: онъ сохраняетъ давно отжившія представленія и учрежденія среди общества, построеннаго уже на началахъ новой экономики,—онъ даетъ освященіе и опору какъ учрежденіямъ, борющимся за господство, такъ и не имѣющимъ уже почвы въ новомъ общественномъ строѣ.

«Историческое развитіе организацій чѣловѣчества, — говоритъ Липпертъ,—на которомъ основано все дальнѣйшее развитіе заботы о жизни и, слѣдовательно, всякая культура, не могло бы произойти безъ вліянія культа. Безъ устройства союза культа простой «законо», основанный на жизни и существованіи общества, поддерживался бы только въ небольшой организаціи властью главы—отца. Но такъ какъ эта власть получила санкцію союзнаго бога, то страхъ культа, какъ стражъ союза, выходилъ изъ области отцовской власти. Созданія союза культа сдѣлались основами государства, и потому не существовало ни одного большаго государства безъ государственнаго культа и послѣднее изъ большихъ античныхъ государствъ пало въ борьбѣ за этотъ принципъ, на которомъ было построено. И, все-таки, несмотря на это паденіе, принципъ культа побѣдилъ. Христіанство и исламъ еще разъ попробовали на новомъ основаніи всемірной идеи о Богѣ осуществить старый идеалъ единства культа и власти. Изъ новыхъ идей о единствѣ Бога въ связи со старымъ представленіемъ о необходимости единенія культа и организаціи исходило притязаніе на мировое господство».

Понятія культа, также какъ и понятія нравственныя, и въ еще болѣе-шей степени, чѣмъ они, обладаютъ свойствомъ отрываться отъ своей матеріальной почвы и вести существованіе, повидимому, совершенно самостоятельное, развиваясь по своимъ особымъ, чѣловѣческой психиіи свойственнымъ законамъ. Такимъ образомъ, они дѣлаются представленіями sui generis и, какъ таковыя, начинаютъ играть роль творческаго фактора въ исторіи. Липпертъ со свойственною нѣмецкому чѣловѣку основательностью почти половину втораго тома своего сочиненія посвящаетъ изслѣдованію этихъ представленій культа, причѣмъ проводитъ мысль, что развитіе этихъ представленій шло по психологическимъ законамъ, независимымъ отъ отличія расъ, но зависимымъ отъ общественныхъ экономическихъ организацій, чрезъ которыя прошли эти расы. Мы не можемъ слѣдовать за авторомъ по этому лабиринту мифологическихъ представленій, но отмѣтить наиболѣе выдающіеся пункты развитія культа мы находимъ не бесполезнымъ.

Трауръ и разные погребальныя обычаи, даже такія, сдѣлавшіяся у насъ уже рефлексивными, движенія, какъ удары въ грудь и рванье на себѣ волюсъ при сильномъ горестномъ возбужденіи, ведутъ свое начало изъ представленій первичнаго защитительнаго культа, отъ страха предъ духомъ, жертвнымъ. Принципъ такого культа въ прятаньи себя, въ скрытіи отъ духа, чтобы онъ не узналъ человѣка, — отсюда измѣненіе платья изъ разноцвѣтнаго (украшеніе, какъ помнитъ читатель, старше платья) на какое-нибудь одноцвѣтное: бѣлое или черное; отсюда обезображиваніе лица, груди и т. д. ранами; отсюда обрѣзаніе волосъ, послѣ переходящее въ жертву. Изъ этой же области первичнаго культа происходятъ и формы изгнанія духовъ, демоновъ, посредствомъ огня и воды, — отсюда, наприм., погруженіе въ воду дѣтей и взрослыхъ или обмываніе и опрыскиваніе. У алфуровъ сакраментальными словами при погруженіи ребенка въ воду сдѣланы: «да утекутъ съ водой болѣзни». Болѣзнь человѣка — дѣло враждебнаго духа; прогнать духа значитъ прогнать и болѣзнь, — при дальнѣйшемъ развитіи этой мысли является отреченіе отъ демоновъ при погруженіи въ воду. Защитительный культъ при развитіи заботы о жизни уступаетъ мѣсто культу умиловительному. Начинается борьба непрерывно растущей экономической заботы о жизни, съ задерживающими обязательствами культа. Борьба эта имѣла громадное, еще мало оцѣненное значеніе для исторіи культуры. Фазы этой борьбы въ высшей степени разнообразны; ихъ обезпечивалъ рядъ выкуповъ, компромиссовъ и конкордатовъ. Разрѣшеніемъ было созданіе новыхъ религій въ Сиріи и Индіи. Раньше всецѣло переданныя въ вѣдѣніе духа средства существованія теперь остаются въ вѣдѣніи живыхъ. Имущества духа, его поля и охотничьи тропы брались въ управленіе людьми и ему давали только часть того, что было, по принципу, его собственностью. Эта фактическая уступка богу части того, что, по теоріи культа, принадлежитъ ему всецѣло, есть жертва. Появляется жертвенный культъ, причемъ жертва стоитъ въ неразрывной связи съ господствующими формами хозяйства. Жертвы іерусалимскаго храма представляютъ крупное хозяйство съ правильными убиваніями скота и печеніемъ хлѣба, причемъ, сообразно хозяйственному типу номадовъ, мясная мужская жертва преобладаетъ надъ женскою земледѣльческою. Сопровождаемыя пѣснопѣніемъ жертвы браминовъ вполне отражаютъ ихъ молочное хозяйство.

При патриархальномъ господствѣ женщины и дѣти не имѣютъ значенія, культъ о нихъ не беспокоится и имъ нѣтъ мѣста въ іерархіи боговъ. Но и судьба духа патриарха находится въ зависимости отъ судьбы его рода; съ нимъ онъ растетъ и съ нимъ падаетъ. Культъ имѣетъ существенное вліяніе на іерархическое значеніе духа. Человѣкъ посредствомъ культа можетъ извѣстнаго духа сдѣлать богомъ, но можетъ и оставить его въ бродячемъ, необезпеченномъ состояніи, при которомъ онъ находится во власти всякаго, умѣющаго приручить его, знающаго человѣка. Вторая форма

культы—форма шаманизма, самостоятельного, энергического жречества—соответствует хозяйственному положению народовъ, не достигшихъ большихъ, прочныхъ общественныхъ организацій: индѣйцевъ Америки, негровъ, сѣверныхъ монголовъ. Первая форма соответствуетъ высшимъ организаціямъ прогрессивныхъ расъ. Величіе ихъ боговъ растетъ съ блескомъ культа, а этотъ послѣдній зависитъ отъ благосостоянія и силы организаціи. Отсюда естественное желаніе государей увеличать богатство алтарей и храмовъ, что даетъ имъ, какъ, напримѣръ, Крезу и египетскимъ царямъ, право требовать благодарности и услугъ боговъ. Погибель родовыхъ организацій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и погибель боговъ, если только послѣдніе не найдутъ убѣжища у побѣдителей.

Въ Греціи обѣ формы культа уравновѣшены; въ Индіи боги имѣютъ преобладающую власть, благодаря организовавшемуся въ господствующую касту жречеству; въ Римѣ и Египтѣ господствуютъ государственные боги, сгруппированные изъ боговъ старыхъ, доисторическихъ родовъ, ихъ союзовъ и изъ новыхъ боговъ преобладающихъ группъ, т.-е. боговъ династическихкихъ. Во всякомъ же случаѣ въ высшихъ организаціяхъ божественный тронъ занимаетъ не историческая личность, какъ объектъ историческихъ воспоминаній,—хотя и это иногда случается,—а абстракція соотношенія социальныхъ силъ.

Идея силы получаетъ особенное значеніе въ большихъ государственныхъ организаціяхъ, при господствѣ позднѣйшихъ династическихкихъ боговъ, значеніе которыхъ растетъ съ ростомъ государствъ. Эта идея представляетъ контрастъ съ понятіями о божествѣ, существующими въ области слабыхъ организацій. У дикаря напряженность страха сильнѣе, чѣмъ у культурнаго человѣка, но послѣдній наполняетъ идею силы все увеличеннымъ содержаніемъ и на этомъ пути происходитъ разложеніе политизма. Такое разложеніе есть одинъ изъ результатовъ культурнаго прогресса и этотъ прогрессъ въ чисто-духовной области обуславливается прогрессомъ социальныхъ формъ.

Съ ростомъ патріархата, развитіемъ и преобразованіями его увеличивается и значеніе культа. Для брамина «плодъ или созрѣвшій результатъ жертвы есть цѣлый міръ». Только жертвы поддерживаютъ жизнь на землѣ. «Приношеніе, брошенное въ огонь, идетъ необходимо къ Aditija (духу въ солнцѣ); отъ него исходитъ дождь, отъ дождя пища, изъ пищи же все живое». Въ концѣ-концовъ, изъ жертвы происходитъ все—и небо, и земля, солнце, луна, звѣзды, люди, животныя и растенія. Высшая жертва—жертва жреца. Съ такимъ увеличеніемъ значенія культа увеличивается и ея тяжесть для человѣка. Пока для объясненія причинности явленій не существовало другихъ объясненій, кромѣ демонистическихкихъ, съ каждымъ культурнымъ приобрѣтеніемъ увеличивается и тяжесть обязательствъ культа. Культъ всасываетъ въ себя всю силу народа, когда культурная жизнь достигаетъ такой высоты и прочности, какъ въ Египтѣ; мертвые совершен-

но высасывают живых. Сбереженный капиталъ народа, его жизнь и трудъ почти цѣликомъ идутъ на поддержку культа, большая часть имущества падаетъ во владѣніе «мертвыхъ руки», весь блескъ, все богатство скапливается въ городахъ мертвыхъ и въ храмахъ—и народъ остается голымъ и ограбленнымъ. Привилегированные классы, власть которыхъ освящается культомъ и которые при помощи этого ореола святости все больше и больше группируются въ касты, пользуясь обезпеченіемъ и досугомъ, достигаютъ новыхъ культурныхъ пріобрѣтеній, создаютъ письмо, искусство и науки. Но такой умственный прогрессъ человечества покупается дорогою цѣной нищеты, рабства и вырожденія человѣческихъ массъ. Государства, построенныя на началахъ культа, получаютъ неподвижныя, окаменѣлыя формы, исключая возможность дальнѣйшаго прогресса. Законы естественнаго прогресса, создающіе такія формы, оказываются недостаточными, требуются другіе принципы, другой прогрессъ—искусственный, цѣлесообразный, чтобы человечество достигло высшаго идеала жизни.

Тяжесть обязательства увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что объектомъ жертвы былъ самъ человѣкъ. Въ первой статьѣ мы упоминали объ антропофагіи и ея экономическо-соціальныхъ причинахъ. Культъ сохранилъ эту первую стадію защитительной заботы о жизни и превратилъ простой каннибализмъ въ человѣческую жертву. Андре въ своемъ подробномъ изслѣдованіи объ антропофагіи, какъ результатъ, представляетъ такое общее положеніе: «теперь еще существующая антропофагія есть только остатокъ когда-то повсемѣстно существовавшей». Рудименты человѣческой жертвы, сохранившіеся въ культахъ почти всѣхъ народовъ, подтверждаютъ такое положеніе. У пунійцевъ, народа съ культурой, корни которой лежатъ въ организаціяхъ материнскаго права, выдающіяся хозяйственныя заслуги которой: культура пальмы, масляничаго дерева, винограда и т. д.,—принадлежатъ кругу женскаго хозяйства,—у пунійцевъ культъ сохранилъ въ огромныхъ размѣрахъ человѣческія жертвы въ то время, когда расы, стоящія много ниже ихъ на ступени культурнаго развитія, но прошедшія чрезъ стадію номадства, уже исключили такую жертву изъ своихъ культовъ и искупили ее. Любопытенъ тотъ фактъ, что у инговъ въ эпоху завоеванія количества человѣческихъ жертвъ уже уменьшались, что, вѣроятно, стояло въ нѣкоторой связи съ прирученіемъ ламы.

Патріархатъ, благодаря своему хозяйственному строю, исключаетъ эту жертву посредствомъ ея искупленія. Но за то онъ знаетъ другія человѣческія жертвы, неизвѣстныя еще материнскому праву, а именно жертвы подневольныхъ людей, женщинъ и рабовъ. Остатокъ ихъ въ Индіи, сожженіе вдовы, часто добровольное, общензвѣстенъ. У номадовъ-скифовъ за тѣломъ умершаго ихъ короля слѣдовала жертва вооруженныхъ юношей (Геродотъ). Рудименты жертвы и материнскаго права и патріархата существуютъ долгое время и различать ихъ необходимо, потому что проис-

хождение и социальное ихъ значеніе различны. Тѣмъ не менѣе, въ жертвахъ, свойственныхъ патриархату, представленія культа имѣютъ существенное значеніе. Духи, по мнѣнію первобытнаго человѣка, привязываются къ тѣмъ предметамъ, обладаніемъ которыхъ они пользовались при жизни, постоянно возвращаются къ нимъ послѣ смерти и дѣлаютъ ихъ нечистыми и опасными для живыхъ. Въ кругъ такихъ предметовъ патриархатъ ставитъ и женщину, и рабу. У индѣйцевъ Америки вдова впадаетъ въ крайнюю нищету, — страхъ духа заставляетъ всѣхъ избѣгать ее. «Мясо она не можетъ получать даже за плату, — говоритъ Лоскиль. — Индѣецъ полагаетъ, что испортится ружье, если вдова будетъ ѣсть убитое имъ мясо». Еще Апулей не совѣтуетъ до конца траура жениться на вдовѣ, потому что духъ ея покойнаго супруга будетъ раздраженъ и повредитъ второму мужу. Что эти представленія были господствующими вездѣ, доказываютъ обычаи вдовьяго траура, служащіе ихъ рудиментами. Понятно, что добровольное самосожженіе вдовы при подобныхъ условіяхъ было естественнымъ исходомъ. Для вдовы была выгоднѣе роль слуги мужа въ загробной жизни, чѣмъ роль брошеннаго всѣми, негоднаго и нищаго существа, не имѣющаго даже права въ теченіе опредѣленнаго срока показаться въ деревнѣ своего покойнаго мужа (у нѣкоторыхъ изъ племенъ индѣйцевъ). Что сдѣлалось добровольнымъ позже, при принудительномъ господствѣ идеи культа было обязательнымъ.

Патриархатъ довольно быстро долженъ былъ придти къ мысли о выкупѣ жертвы материнскаго права: жертвы подневольныя, коренящіяся въ принципахъ власти, не искупаются. Дѣти и извѣстные разряды подневольныхъ становятся для него значительнымъ капиталомъ. Само божество въ своихъ откровеніяхъ тѣмъ или другимъ способомъ давало указанія о замѣнѣ жертвы дѣтей другими жертвами. Замѣна жертвы была бы неразрывно связана съ прогрессомъ матеріальной культуры. Первые попытки выкупа человѣческой жертвы состояли въ постѣ и кровопусканіи. Первоначально постъ былъ просто отреченіемъ въ пользу мертваго отъ извѣстныхъ пищевыхъ средствъ. Чтобы избавиться себя отъ обязательства приносить въ жертву союзному божеству своихъ дѣтей, человѣкъ сначала отдаетъ ему извѣстные плоды, рыбу и пр.; это — та форма поста, которая въ Африкѣ извѣстна подъ названіемъ Quixilles.

Кровопусканіе, какъ выкупъ жертвы, имѣетъ еще болѣе широкое пространство и въ своихъ развѣтвленіяхъ имѣло значительное вліяніе на общественныя формы. Уже строго антропофагный культъ Мехико пробуетъ искупленіе. Самая страшная для мексиканца богиня — это божественная бабушка Центеотль въ дни ея праздниковъ, и вотъ выдумываютъ средства спасти свою жизнь жертвой части жизни, жертвой крови. Разрѣзываютъ себѣ уши, носъ, руки, бедра, вытекающую кровь собираютъ въ свѣжіе листья и вывѣшиваютъ ихъ на воротахъ дома. Такою же искупительною жертвой было и помазваніе кровью воротъ дома, когда ангелъ смерти шелъ по Египту, избывая перворожденныхъ. По мнѣю египтянъ, жертва

жроби тоже первая искупительная жертва. Богъ Ра обманывает богиню смерти Сухеть. Онъ примѣшиваетъ кровь къ пиву и его рабыни готовятъ 7,000 большихъ кружекъ такого напитка. «И радуется сердце богини; она начинаетъ пить и ей стало хорошо и ушла она, не замѣчая людей». Ту же роль, какъ это кровавое пиво египтянъ, играютъ кровавый медъ (Blutmed) у сѣверныхъ германцевъ и кровавое вино у грековъ и итальянковъ. Всякій народъ приноситъ, какъ искупительную жертву, плоды своей культуры. У мексиканцевъ болѣе прогрессивною формою искупления человѣческой жертвы были приношенія печеныхъ хлѣбныхъ изображеній съ примѣсью человѣческой крови. Китаецъ при полномъ искупленіи кровавыхъ обязательствъ культа замѣнилъ жертву самымъ дешевымъ и простымъ матеріаломъ—вырѣзками изъ бумаги.

Представленіе о значеніи кровопусканія, какъ жертвы духу, богу, сохранялось очень долго у многихъ народовъ. Они знаютъ, что боги приходятъ и проглатываютъ капли выпущенной крови. Сенека говоритъ о жителяхъ Арголисса, что они во время града приносятъ жертву, укалывая палецъ, чтобы «пролить кровь». Это пролитіе крови, соединенное у взрослыхъ съ питьемъ ея, фактическимъ или символическимъ, дѣлается символомъ союза съ патронирующимъ богомъ и чрезъ него другъ съ другомъ, т. е. символомъ союза братства и дружества. Маймонидъ говоритъ о цабійцахъ, такъ называемыхъ Іоанновыхъ христіанахъ или мандійцахъ на Евфратѣ: «Цабійцы имѣютъ отвращеніе къ крови, но, тѣмъ не менѣе, ѣдятъ ее, такъ какъ считаютъ ее пищей дьявола и полагаютъ, что тотъ, кто ѣлъ кровь, дѣлается братомъ и товарищемъ демоновъ, которые приходятъ къ нимъ и пророчатъ будущее. Для другихъ питье крови неприятно и они убиваютъ животное, собираютъ кровь въ сосудъ или ямку и ѣдятъ мясо, полагая, что въ это время демоны пьютъ кровь. И они думаютъ, что тогда заключенъ союзъ дружбы». Пожертвованіе крови дѣтей и юношей было при отеческой власти естественнымъ средствомъ замѣны стараго кровнаго союза новымъ союзомъ культа, который давалъ свое освященіе новымъ общественнымъ формамъ патриархата. Магометанскіе кушцы въ Африкѣ и теперь еще употребляютъ эту форму союза съ тѣми племенами, чрезъ области которыхъ имъ приходится проходить. Юноша, жертвующій частью своей крови и покупающій такъ свою жизнь, вступаетъ въ кровную связь съ принимающимъ кровь божествомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ родство со всѣмъ племенемъ. Получается поправка ограниченныхъ, узкихъ развитленій материнскихъ организацій и создается новое, болѣе широкое, пространственное, право. Даже іудеи, очень настаивающіе на единствѣ своего происхожденія, принимали въ свой союзъ чужаго, приобретеннаго раба. Такой актъ культа часто представлялъ символическую смерть стараго челоука и второе его рожденіе. Челоукъ получаетъ даже другое имя. У баймунда и другихъ племенъ Африки существуютъ особые институты для посвященія приходящей свободно къ какому-нибудь вождю дружины въ

союзъ культа. Вождь устраиваетъ особый домъ, квимба, куда и сходится дружина. Церемонія вступленія юношей въ союзъ мужей состоитъ, кромѣ жертвы крови, еще и въ разныхъ жертвахъ воздержанія, въ Quixilles. Юноши, по рассказамъ негровъ Бастіану, погребаются въ этихъ Quimba и, пробуждаясь, забываютъ свое прошлое, родство, родителей и даже свое имя. Этотъ обычай въ сокращенной, такъ сказать, формѣ существовалъ и въ Америкѣ. У инковъ Перу и подвластныхъ имъ народовъ при рожденіи ребенка давали ему имя. Это—освященіе материнскаго права и оно годится только для союза матери. Когда ребенокъ вступалъ въ возрастъ отрочества, ему отрѣзали волосы и ногти, которые жертвовали защищающимъ духамъ, и давали ему другое имя, имя союза отцовской власти. У принцевъ дома Инкаба прокалывали уши и вдѣвали серьги. Вообще жертва волосъ, вмѣсто крови, появляется у наиболѣе прогрессивныхъ народовъ, совершенно искупившихъ обязательства культа отъ кровавой жертвы и идеализировавшихъ свой культъ. У буддистовъ знакомъ союза монашескихъ орденовъ съ божествомъ служатъ выбритыя макушки, постриженіе.

Союзы съ божествомъ, смотря по развитію организціонныхъ формъ, или переходятъ въ союзъ культа всего племени, получившаго государственное устройство, или остаются на стадіи отдѣльныхъ, разорванныхъ союзовъ: сектъ, мистерій. «Въ Греціи изъ старыхъ союзовъ культа развились политическіе и дружескіе союзы; въ другихъ мѣстахъ религіозныя общины, по свободному выбору, сдѣлались знаменитыми при развитіи мистерій. У іудеевъ не существуетъ мистерій, потому что ревнивый государственный культъ не терпѣлъ этихъ свободныхъ союзовъ. Въ Римѣ не было почвы для нихъ, потому что прочныя родовыя и общинныя организаціи господствовали надъ культомъ. Но въ Греціи, съ ея разнородными и подвергаемыми непрерывному разложению посредствомъ колонизацій общинами, при всякой подвижности и ассимиляціи ея населенія съ финикійскими, карійскими, фракійскими, скифскими и др. народными элементами, процвѣтали свободныя союзы культа. Цѣль каждаго союза та же, что и цѣль каждаго культа вообще — защита отъ болѣзни и зла, уменьшеніе тяжелаго гнета заботы культа, подъ которой стонетъ имѣющее демонистическія воззрѣнія человѣчество, и, наконецъ, приобрѣтеніе увѣренности въ своемъ загробномъ бытіи». По указаніямъ Платона, Павзанія и др., участники въ Элевзинскихъ мистеріяхъ, хотя они и принадлежали къ разнымъ племенамъ эллиновъ, дѣлались родственниками жрецовъ. Жречество же было наследственно и представляло родъ, домашнимъ культомъ котораго былъ сдѣлавшійся союзнымъ культъ. Постепенно только изъ этой искусственной кровной связи развилось абстрактное понятіе «братства» и постепенно же наполнялось оно все новымъ и новымъ содержаніемъ, въ результатѣ котораго является или, вѣрнѣе сказать, предвидится, какъ идеаль, «на землѣ міръ, человѣцетъ же благоволеніе». Но этотъ идеаль достигнуть можетъ быть не на почвѣ де-

монистических мировозрѣній, т.-е. не на почвѣ культа. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что, несмотря на причины, указанныя въ вышеприведенной цитатѣ, т.-е. на преобладаніе государственнаго культа, идея свободныхъ общеній съ божествомъ, идея секты не была задавлена окончательно ни въ Иудей, ни въ Римѣ. Въ первой, при полномъ разцвѣтѣ теократическаго государства, тѣмъ не менѣе, существовала протестующая, хотя и стоящая на почвѣ «закона» секта фарисеевъ, съ ихъ идеями мессіанизма, секта національно-демократическая, а въ Галилеѣ появлялось время отъ времени свободное, независимое отъ государственнаго культа жречество. Въ Римѣ, кромѣ стараго культа, *Dea Diu*, мистеріи котораго находились въ распоряженіи Арвальскихъ братій, въ эпоху разложенія государственнаго культа, образуется или еще чаще заимствуется у присоединенныхъ народовъ множество мистерій, прокладывающихъ дорогу идеѣ полного искупленія культа.

Фетишизмъ многими изъ ученыхъ (между прочимъ, Фрицъ Шульце: *Der Fetischismus*. 1871 г.) разсматривался какъ особая форма первобытной религіи, какъ особое мировозрѣніе, въ основѣ котораго лежитъ «антропатическое пониманіе объекта». Историческое изученіе вопроса приводитъ Липшера къ другимъ взглядамъ. Впрочемъ, еще Спенсеръ отвергаетъ то представленіе, что фетишизмъ появился вслѣдствіе ложнаго обобщенія своихъ житейскихъ опытовъ. Исторія культовъ говоритъ намъ, что фетишизмъ совсѣмъ не такое обособленное и оторванное отъ культурной жизни человѣчества и совсѣмъ не первичное только религіозное мировозрѣніе. Напротивъ, онъ проникаетъ насквозь все религіозное мышленіе всѣхъ народовъ, всѣ представленія культа. Отъ самыхъ реальнѣйшихъ объектовъ культа: земли, горы, гроба, камня, растенія, животнаго и прочихъ объектовъ теллургическаго культа, онъ проходитъ чрезъ стадію культа ураническаго до крайняго метафизическаго идеализированія, до столь идеальныхъ объектовъ культа, какъ изображеніе, слово, сказанное или написанное. Однимъ словомъ, фетишизмъ — это просто форма демонистическаго мировозрѣнія. Процессъ его развитія записанъ въ исторіи культовъ и имѣетъ непосредственную связь съ формами общественныхъ организацій, причемъ онъ подвергается дѣйствию того же закона согласованія, вліянію котораго подвержены и другія, болѣе матеріальныя общественныя явленія. Уже краснокожіе Америки переходятъ къ ураническому культу, но только храбрые получаютъ мѣсто на солнцѣ. У аптеговъ завоеватели принимаютъ солнечный фетишъ и старыи животный фетишъ соединяется съ этимъ новымъ фетишемъ власти тѣмъ представленіемъ, что на солнцѣ герой, превратившись въ колибри, ведутъ блаженную жизнь. Вообще старѣйшая форма раздѣленія людей—это раздѣленіе властвующихъ и подчиненныхъ, воиновъ и людей мирныхъ. Павшіе въ битвѣ воины Германіи идутъ на Одину въ небесную Валгалу, а мирные люди подпадаютъ власти Тора, какъ вкнхты. Греція не достигла формы исключительнаго уранизма; для всѣхъ формъ культа было мѣсто, государствен-

ная власть не ограничивала конкуренцію жрецовъ, но и у нихъ «религія свѣта», воплощенная въ культъ Аполлона, принадлежитъ завоевателямъ дорійцамъ; а массы народа продолжаютъ прибѣгать къ старымъ богамъ, съ которыми и вступаютъ въ вольные союзы мистерій. Въ Персіи ураническій культъ завоевателей утвердился не безъ кровавой борьбы; исторія отмѣчаетъ реакціонную попытку «мага Смердиса», преданіе говоритъ о праздникѣ убійства маговъ. Тутъ завоеватели, чтобы доставить торжество своему единому государственному культу, соединились для борьбы противъ старыхъ историческихъ наслоеній и ихъ культовъ съ жрецами ураническаго культа Зороастра.

Въ основѣ фетишистскаго (демонистическаго) мировоззрѣнія лежить совѣзмъ не антропатическое пониманіе объекта, не одухотвореніе неодушевленнаго, а та идея «одержанія» духомъ, на которую намъ уже приходилось указывать. Фетишисть всѣхъ эпохъ развитія этого мировоззрѣнія прекрасно понимаетъ это: для него фетишь, будетъ ли это животное: аписъ египтянь, кондоръ мексиканцевъ, собака или пѣтухъ древнихъ персовъ и т. д., или болѣе утонченный фетишь: изображеніе, картина, статуя и т. д., или идеализированный фетишь: слово, сказанное или написанное, или, наконецъ, самъ человекъ,— все равно, всякій фетишь «одержимъ» духомъ, находится въ его обладаніи, представляетъ его сѣдалище и потому его живой образъ. Въ Греціи знаменитыя картины и статуи, представляющія чудо искусства, не были фетишами, разъ онѣ не получили освященія или не были фетишами изстари—и таковыми были какія-нибудь древнія грубыя статуйки. Фетишь до тѣхъ поръ фетишь, пока въ немъ сидитъ богъ: разъ богъ оставитъ свое сѣдалище, броситъ свой фетишь, онъ перестаетъ быть таковымъ. Въ Индіи существовала особая церемонія—пранапратишта, посредствомъ которой «идолы одарялись жизнью». Когда король Вашмира Гурша пожелалъ воспользо-ваться золотыми и серебряными идолами храма, онъ розыскалъ браминновъ, нашедшихъ средства лишить этихъ фетишей ихъ силы, выманить изъ нихъ боговъ. Дикарь отлично знаетъ это искусство лишать фетишей ихъ божественной силы; при его слабой, непрочной организаціи, не построенной еще на принципѣ власти, онъ просто выбрасываетъ фетишь, оказавшійся негоднымъ и бесполезнымъ. Съ исторической точки зрѣнія на фетишизмъ, какъ мировоззрѣніе демонистическое, легко объяснить происхожденіе тѣхъ странныхъ на нашъ взглядъ и возбуждающихъ отвращеніе и негодованіе изображеній боговъ, которыхъ мы находимъ у древнихъ историческихъ народовъ. Культъ этихъ народовъ, составленныхъ изъ наслоеній различныхъ семей и племенъ, имѣющихъ каждое свое отдѣльное, родовое или союзное божество и потому своего фетиша, свой тотемъ, при сляніи всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ въ одно общественное, а иногда и государственное цѣлое, удержалъ всѣ эти божества со всѣми ихъ фетишами *) и слилъ ихъ всѣ въ одно

*) Причемъ у одного божества могло быть нѣсколькихъ фетишей.

изображеніе. Особенно часто попадаетея сліяніе разнородныхъ животныхъ фетишей съ самыми старыми животными фетишемъ змѣи, гробоваго червя, питающагося прахомъ гроба, фетишемъ организацій материнскаго права. Гробъ, т.-е. тѣло мертваго, земля, гора, камень, озеро, море и т. д. тоже первичныя фетиши по своему отношенію къ мертвому, какъ поля мертвыхъ, уступленныя имъ живыми въ ихъ собственность. Этимиъ объясняются кажущіеся намъ странными мнѣя о происхожденіи народовъ, какъ дѣтяхъ камня, горы, пещеры, озера и т. д. и какъ землерожденныхъ. Во всей Америкѣ господствуютъ именно такія мнѣологическія представленія. Для даготовъ разрисованный камень (баба)—ихъ дѣдъ. Онеиды, каменные индѣйцы, происходятъ отъ камня. То же и въ Перу, отсюда же и мнѣя Девкаліона. У мексиканцевъ и фетишемъ, и общею ихъ матерью была гора. Фетишь дерева былъ еще распространѣнѣе и, благодаря способности дерева получать надрѣзы и изображенія, еще болѣе способенъ къ развитію. Дамара въ Африкѣ рассказываетъ слѣдующій мнѣя: «въ началѣ вещей было дерево и изъ него вышли дамара, бушменъ, зебра и быкъ. Дерево дало начало всему сущему». То же представленіе лежитъ и въ основѣ мнѣя о происхожденіи людей отъ животныхъ. Собственно говоря, всѣ эти мнѣя говорятъ не о происхожденіи челоуѣка отъ того или другаго объекта, а отъ предка, духъ котораго владѣетъ этимъ предметомъ, какъ своимъ фетишемъ.

Основная мысль фетишизма, мысль объ одержаніи духомъ какъ челоуѣка, такъ и какого угодно предмета, чрезвычайно плодотворна въ своемъ развитіи. Она создаетъ не только новыя идеи, новые обычаи культа, но и цѣлыя общественныя учрежденія. Таковы, наприм., тотемизмъ, т.-е. соединеніе людей въ одну группу предполагаемымъ ихъ происхожденіемъ отъ общаго предка. Знакомъ такого соединенія и служить тотемъ, изображеніе фетиша. Другое порожденное фетишизмомъ явленіе—это шаманизмъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, явленіе, для объясненія фізіологической основы котораго наука доходитъ только теперь изученіемъ явленій гипноза, сомнамбулизма и пр. Демонистическое воззрѣніе объ одержаніи челоуѣка духомъ, о способности души выйти изъ тѣла во время сна и экстаза и видѣть невидимое, слышать неслышимое, при присоединеніи фізіологическихъ моментовъ, производить цѣлый рядъ возвышеннѣйшихъ представленій объ экстазѣ, внушеніи, видѣніи, откровеніи и т. д.

Въ мировоззрѣніи же фетишизма включается и распространенное и ведущее къ сложнымъ общественнымъ учрежденіямъ понятіе о переселеніи душъ. Ликантропія, оборотничество, —первичная, неорганизованная, такъ сказать, форма такого понятія. Насколько общественная организація подвержена вліяніямъ основныхъ идей культа и сама вліяетъ на него, это доказываетъ разница представленій о переселеніи душъ у двухъ различныхъ по развитію своихъ институцій и по своему происхожденію конгломератовъ, Египта и Индіи. Египетъ представлялъ государство, образовавшееся изъ

слиянiя разнородныхъ общинъ на федеративныхъ началахъ съ различными культами. Въ конгломератѣ этихъ общинъ, до значительной степени удержавшихъ свою самостоятельность, удержали самостоятельность и ихъ культы. Всякая человѣческая душа можетъ быть Озирисомъ, Ра, Тум'омъ, чѣмъ ей угодно; сложный государственный культъ своими блестящими институтами позаботился объ обезпеченiи всѣхъ душъ, получившихъ оправданiе: онѣ свободны въ загробной жизни и могутъ выбирать себѣ такое мѣсто-пробыванiе, какое имъ нравится. Только неоправданныя, проклятыя души погибаютъ второю смертию и пожираются ужасною «поглотительницею душъ», Тифономъ. Не то въ Индiи. Создавшiеся путемъ послѣдовательныхъ завоеванiй, путемъ наслоенiя угнетенныхъ завоевателями народовъ, построенная на рабствѣ ихъ и захваченная, въ концѣ-концовъ, во власть одной касты жрецовъ преобладающаго культа, — Индiя даетъ представленiю о переселенiи душъ характеръ мрачный, фаталистическiй, жестокий. Это — рядъ страшныхъ паденiй души съ огромной духовной лѣстницы и рядъ поднятiй по ней. Удержаться на достигнутой высотѣ и души, и сами боги могутъ только жертвами, непрерывными и страшными, несмотря на идеализацію культа, на выкупъ кровавыхъ жертвъ экономическими пожертвованiями. Сами боги непрочно сидятъ на своихъ тронахъ. Аваторы Будды выше старыхъ боговъ Индiи, но и ихъ положенiе непрочно, и имъ для того, чтобы удержаться на высотѣ духовной лѣстницы, нужна спасающая, непрерывная и разорительная жертва. Экономика народа разстраивается культомъ до крайнихъ предѣловъ. Бѣдному потомку покореннаго племени нѣтъ мѣста на лѣстницѣ духовъ, у него нѣтъ «браминской коровы». Только буддизмъ дошелъ до того, что далъ имъ такое мѣсто, но достигъ жестокимъ путемъ самоотреченiя бѣднаго отъ всѣхъ благъ жизни, идеей нирваны, какъ высочайшаго блаженства. И, однако, культъ браминизма дошелъ до высочайшей степени идеализаціи, до какой только можетъ дойти демонистическое мировоззрѣнiе. Его фетишемъ стало крылатое, безтѣлесное «слово». Для него слово стало богомъ. Въ представленiи о словѣ, какъ фетишѣ, лежитъ, однако, все-таки, матеріальное воззрѣнiе: на мексиканскихъ изображенiяхъ слово изображается летучимъ облачкомъ; это душа человѣка въ его влажномъ дыханiи. «Слово» — это Брама, и самъ богъ и его фетишъ. Агни, Сома, Брама — огонь, жертвенный напитокъ и жертвенное изреченiе — божества высшiя въ культѣ Индiи. Но выше всѣхъ ихъ Брама, безтѣлеснѣйшiй, одухотворенный въ своемъ изображенiи, словѣ, богъ. «Полетъ фантазіи, выразившiйся въ такомъ понятiи, — говоритъ Липпертъ, — заставилъ бы насъ забыть, что подъ ногами человѣка земля, если бы и до этой высоты не долетали земные звуки жреческаго ремесла». Браминъ не забываетъ земнаго, матеріалистическаго происхожденiя своего культа; своему духовному фетишу, слову, онъ предпосылаетъ воззванiе: «Я могу изрекать слова, дающiя коровъ». Жертва при этой высочайшей формѣ культа превращается въ милостыню, — столь же

обязательный и потому самому столь же, если не больше, разорительный актъ культа, какъ и жертва. Законъ Ману гласитъ: «кто даритъ платье—приобрѣтаетъ мѣръ луны; кто даритъ лошадь—мѣръ Асуна; кто даритъ быка—приобрѣтаетъ богатство; кто корову—мѣръ солнца». Милостивно получаетъ не бѣдный, не нищій, а культъ и его представитель, браминъ. Культъ «слова», какъ бога и фетиша его, конечно, свойствененъ не одной только Индіи; онъ принадлежитъ всѣмъ культамъ, достигшимъ въ развитіи демони-стической мысли до стадіи перехода ея въ метафизическую. Такими были культъ зендскій и греческій въ ученіяхъ неоплатонизма.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о взглядахъ Липперта на ту идеализи-рованную религію, которая своимъ появленіемъ обязана измѣненіямъ са-мага понятія о культѣ, на религію буддистовъ. Эти взгляды въ подробно-сти Липпертъ изложилъ въ другомъ своемъ сочиненіи — *Geschichte der Priestertums*. Мы передадимъ только то, что онъ говоритъ объ этомъ пред-метѣ въ реферлируемомъ сочиненіи: «Мы не скроемъ отъ читателя, — говоритъ авторъ, — что въ нашемъ воззрѣніи о томъ, что собственно со-ставляетъ историческую сущность этого блестящаго явленія, мы пока сто-имъ одиноки. Буддизмъ въ своей родной странѣ уничтоженъ, и то, чѣмъ онъ сдѣлался на чужбинѣ, гдѣ не было потребностей, поведшихъ къ его появленію, то не только не указываетъ пути къ его пониманію, а, напро-тивъ, затрудняетъ пониманіе его. Множество мифовъ, легендъ, монашескихъ анекдотовъ и умозрѣній скрываютъ его сущность». Два обстоятельства ха-рактеризуютъ эту религію. Она, съ одной стороны, представляетъ радикаль-ную революцію противъ культа, какъ спасающаго и поддерживающаго мѣръ элемента; но, съ другой стороны, она не стоитъ на томъ пути, на кото-рый вступила греческая философія, на пути изслѣдованія и познаванія реальной природы; она оставляетъ существующимъ весь пантеонъ старыхъ объектовъ культа, т.-е. стоитъ все на той же почвѣ демони-стическаго воззрѣнія. Существенно тутъ то, что она все содержаніе своихъ широкихъ умозрѣній строитъ изъ элементовъ старыхъ представленій и, вмѣсто «дѣлъ» культа (жертвы), только ставитъ созерцаніе, которое, какъ ни смотрѣть на него, свои корни имѣетъ просто въ шаманскомъ бреду, посредствомъ ко-торого чело-вѣкъ получаетъ представленіе о вещахъ изъ внутреннихъ от-кровеній. Пусть это мировоззрѣніе буддизма сдѣлалось философіей, — важно то, что оно не допускало контроля чувствъ. «Подобнымъ же образомъ Платонъ съ кажущимся видомъ научности привелъ въ систему не факты, опредѣляемые познаваніемъ, а представленія, происходящія изъ метафизи-ческой мыслительной дѣятельности многихъ генерацій. Подобнымъ же обра-зомъ работали и александрійскіе іудеи и неоплатоники». Гаутама былъ не первый реформаторъ этого рода. Чрезмѣрное напряженіе идеи о важности жертвы вызывается этою идеей. Эксплуатація государей, — народъ уже былъ давно высосанъ, — должна была повести къ реакціи и къ разрыву власти съ культомъ. Даже наиболѣе проникательные люди изъ касты жре-

повъ въ VII вѣкѣ до Р. X. сдѣлались противниками господствующей системы. Буддйская легенда рассказываетъ о жрецѣ огня Кисара, который бросилъ свое дѣло и, спрошенный о причинѣ своего поступка, отвѣчалъ, что онъ понялъ, что мотивы людей, хвалящихъ жертвенный культъ, жорыстные. Таково было общественное настроеніе и таковы, воплотивъ матеріальные, были мотивы переворота. Гаутамо не отрицаетъ старыхъ боговъ народа, Индру, Вишну, Брахму и др., но положеніе ихъ въ мірѣ болѣе подчиненное, чѣмъ полагаютъ. Они «сдѣланные» боги, они были когда-то въ человеческихъ тѣлахъ и не кончили еще своего круговорота. Выше ихъ Буддизмъ и Будда. Будда—это познаніе, будда—просвѣщенный. Гаутама сталъ буддой и на немъ лежитъ новая задача: распространеніе познанія посредствомъ поученія людей. Онъ прозрѣлъ,—какъ говоритъ легенда,— прошлое и настоящее и получилъ знаніе дѣли причинъ и слѣдствій. Это познаніе есть искупленіе человѣка; дѣль причинности, а не демонизмъ величайшій агентъ въ мировомъ дѣломъ. Но этотъ принципъ индйскій философъ получилъ въ монашеской интуиціи, а не индуктивно. Для дальнѣйшей постройки нѣтъ основанія. Прогрессъ тутъ только въ понятіи, что зло создано въ мірѣ не атомистическимъ присутствіемъ міра демоновъ, а лежитъ въ самой причинности жизни. Роль культа, спасающаго отъ зла, отпадаетъ самъ собой; не культъ и дѣло культа, а познаніе причинности спасаетъ отъ зла. Однако, нельзя полагать, чтобы такая радикально-революціонная мысль наполняла весь буддизмъ,—тогда бы онъ сдѣлался религіей только просвѣщенныхъ классовъ общины. «Та философія пессимизма, съ которой у насъ связываютъ буддизмъ, совсѣмъ не народная черта буддистическихъ народовъ. Бастіанъ (*Buddhismus in seiner Psychologie*. 1882 г.) справедливо отрицаетъ эту черту. «Буддизмъ уничтожилъ касты и раздѣленіе народовъ; онъ былъ первый союзомъ культа этого рода, но онъ не уничтожилъ стараго индйскаго воззрѣнія о ступеняхъ загробнаго существованія, потому для народа остались и на землѣ ступени благочестія. Народу этого было мало, ему былъ нуженъ «законъ». И явился такой «законъ» Дарма, на основаніи котораго устроился новый союзъ культа Санга, общеніе съ Буддой, какъ союзнымъ богомъ, безъ жертвъ и жрецовъ, безъ раздѣленій кастъ и племенъ.

Въ первыя столѣтія своего существованія этотъ новый союзъ культа поставилъ себѣ превосходную задачу. Забота правительства обращается теперь къ низшимъ классамъ народа; даже животныя пользуются защитой кроткаго закона, «уничтожающаго всякое страданіе». Назначены чиновники для надзора за благосостояніемъ народа, начаты улучшенія въ большомъ масштабѣ, и король посылаетъ учителей въ деревни, къ презираемымъ бдьякамъ. То же вліяніе оказалъ благотѣльный принципъ буддизма въ Кампирѣ и на Цейлонѣ. Всѣ короли, отличаемые какъ покровители буддизма, являются вообще друзьями земледѣльческаго населенія. Принципъ причинности, повидимому, начинаетъ господствовать надъ практической жизнью;

отъ улучшенія земледѣлія какъ будто начинаютъ ждать того же, чего раньше ждали отъ жертвы. Но это только повидимому, только какъ будто. Соперничество браминовъ вытѣсняетъ изъ Индіи буддизмъ. Но и среди самаго буддизма, пришедшаго къ народамъ-фетишистамъ, появляется культъ, учителя закона дѣлаются жрецами его, какъ культа... Исторія повторялась не разъ и эти возвраты отмѣчены и въ исторіи Китая, гдѣ Конфуцій, вмѣсто культа, подставлялъ моральный «законъ», и въ другихъ извѣстныхъ историческихъ явленіяхъ. Корни такого явленія лежатъ глубоко, не въ одномъ только демонистическомъ воззрѣніи населеній, къ которымъ приходитъ реформирующій «законъ», а и въ томъ, что самъ-то законъ не далеко еще ушелъ отъ почвы демонистическаго міровоззрѣнія, что онъ цѣль причинности ищетъ не въ реальностяхъ природы и жизни, а въ рядѣ представленій, не особенно много отличающихся, какъ мыслительныя категоріи, отъ демонистическихъ. Возможность цѣлесообразнаго, разумнаго прогресса чело-вѣчества лежитъ не на этомъ пути. Расширенная забота о жизни, расту-щая и пространственно, и во времени экономика народовъ ведутъ ихъ на другой путь, на путь познанаія причинности ихъ реальностей, научными положительными методами. На этомъ пути лежитъ прогрессъ—къ обладанію землей, къ власти надъ ней, къ активному воздѣйствію чело-вѣка на общественное устроеніе, къ праву личности на счастье на землѣ, какъ па его истинный и настоящій удѣлъ. Пропастъ между демонизмомъ и научностью расширяется все глубже и не метафизическимъ системамъ построить мость между ними.

Изложеніе взглядовъ Липперта на буддизмъ завело насъ такъ далеко, что теперь представляется даже нѣсколько затруднительнымъ вернуться къ изложенію формъ очень грубаго фетишизма, объектомъ котораго былъ самъ чело-вѣкъ. А вернуться необходимо потому, что эти формы фетишизма давали освѣщеніе институціямъ патріархата и до значительной степени влияли на его развитіе въ государственныя единицы. Отецеская власть тѣмъ болѣе нуждалась въ опорѣ представленій культа, что у нея для поддержки не было еще опоры въ представленіи о единствѣ крови. Власть имѣла основаніе въ правѣ владѣнія, въ фактѣ, но не имѣла опоры въ представленіи. Организация, основанная только на правѣ владѣнія у древнихъ прогрессивныхъ народовъ, едва ли имѣла бы достаточную силу, со-отвѣтствующую своему правовому принципу, безъ помощи культа. И вотъ появляется мысль, коренящаяся въ самыхъ основахъ культа, что вла-дѣніе и управленіе людьми, въ сущности, принадлежитъ божественно-му предку ихъ, представляемому въ жизни его потомствомъ. Мысль эта въ разныхъ культурныхъ очагахъ раздваивается. Правящій богъ избираетъ своимъ мѣстомъ иногда экзувіальные фетиши (коронныя инсигніи, жезлы и пр., и пр.) и потому находится при томъ, кто владѣетъ ими. Эти владѣльцы обязываются въ извѣстныя времена года надѣвать ихъ, чтобы на страну сошло благословеніе бога. Долгое время въ Богеміи величайшимъ праздникомъ въ году былъ день осмотра этихъ инсигній, къ

которымъ сходился народъ, чтобы получить отпущеніе. Въ другихъ случаяхъ правящій богъ избиралъ своимъ сѣдалищемъ самого человѣка, главу рода или союза; тогда тотъ дѣлается фетишемъ божества, его образомъ на землѣ или, иначе, сыномъ его. Съ этимъ уже связывается и вопросъ о правѣ наслѣдства. По общему представленію народовъ, наслѣдникомъ главы дѣлается тотъ, кому глава передастъ знаки своей власти; въ родовомъ союзѣ на эту волю главы, правда, еще продолжаютъ вліять желанія членовъ союза, но уже начинается борьба двухъ принциповъ, исходъ которой весьма различенъ.

Если глава—«образъ» божества, то онъ, также какъ и всякій образъ, требуетъ посвященія, введенія духа. Для племенъ низшей культуры вопросъ о посвященіи не играетъ особенно важной роли; въ родственныхъ семьяхъ глава обыкновенно и жрецъ. Но у народовъ съ болѣе развитою организаціей, у которыхъ культъ создалъ постоянныя институціи, появляется уже раздѣленіе работы и власти. Культъ требуетъ все болѣе непрерывной дѣятельности и постоянного надзора, а положеніе главы не позволяетъ ему такой дѣятельности. Для исторіи человѣческихъ обществъ это раздѣленіе функций духовной и свѣтской становится столь важнымъ, что часто наполняетъ всю исторію. При немъ глава, получая освященіе чрезъ жреца, получаетъ, правда, приращеніе авторитета, но могутъ произойти обстоятельства, при которыхъ ему напоминаютъ, что этотъ авторитетъ заимствованный. Какъ и всякій фетишъ, онъ можетъ быть оставленъ духомъ. Пораженія, неурожаи и всякія другія несчастія служатъ знаками такого оставленія. Этою мыслью о человѣкѣ, какъ фетишѣ божества, объясняются многіе историческіе курьезы. Правительство можетъ, наприм., находиться въ рукахъ человѣка, а затѣмъ принадлежать какому-либо безжизненному предмету.

У правящаго божества много фетишей. Такъ, Паулаго, король Тонго, когда онъ уѣзжалъ посѣтить другіе острова, оставлялъ вмѣсто себя правителемъ кубокъ. Въ Африкѣ въ Каонго во время нѣмецкой экспедиціи господствовалъ духъ покойнаго короля. Въ Бонинѣ положеніе короля совершенно одинаково съ положеніемъ любого фетиша; его держать подъ надзоромъ и поклоненіемъ лишаютъ всякой свободы дѣйствій. Кромѣ того, онъ находится постоянно въ опасности быть ниспровергнутымъ. Если жатва или рыболовство въ Лоанго не удастся, обвиняютъ короля, что онъ не добрый, и низлагаютъ его. Въ такомъ королѣ нѣтъ благодѣтельнаго духа. Подъ вліяніемъ все той же основной мысли, на Таити, наприм., появляется идея о возрожденіи души предка въ наслѣдникѣ, откуда странный обычай, что съ рожденіемъ ребенка у короля онъ перестаетъ быть королемъ, а дѣлается только регентомъ за своего сына, настоящаго бога, получающаго поклоненіе.

Въ Мексикѣ король при посвященіи его жрецомъ, «божественнымъ властелиномъ», давалъ обѣщаніе, что онъ заставитъ солнце двигаться, облака давать дождь, рѣки течь и плоды зрѣть. Въ Перу Инка не только фе-

тишъ господствующаго бога, властелинъ народа и имперіи, который, какъ таковой, принимаетъ жертвы и поклоненіе, но онъ, благодаря установившейся вслѣдствіе браковъ въ одномъ родѣ наследственности, самъ глава культа, верховный жрецъ. Самъ Инка—сынъ солнца и братъ другаго фетиша, солнечнаго каменнаго столба. Въ Египтѣ Ра, богъ солнца, властвуетъ въ образѣ короля. Одинъ изъ королей, Аменофисъ IV, разсорившись съ жрецами бога Аммона — Ра, перевелъ резиденцію въ Фивы, назвалъ себя «духомъ въ солнцѣ», что было возможно, при разнообразіи культовъ, принадлежащихъ общинамъ, изъ которыхъ составилось государство. Вообще имя божества мѣняется смотря по мѣсту господства, но мысль остается та же: король—сынъ божества и его живой образъ и потому самъ богъ. Божество говоритъ ему: «Ты властелинъ, какъ и солнечный богъ Ра; боги и богини славятъ твои благодѣянія и приносятъ жертвы твоимъ изображеніямъ. Я даю тебѣ твердь и все, что на ней, я даю тебѣ землю и все, что есть на ней». Понятно, что, при господствѣ такой мысли, придворный церемоніаль есть просто культъ божества. Богъ Аммонъ говоритъ Тутмезу III: «Моя корона на твоей головѣ, она—пожирающій огонь». Все дають боги такому королю, кромѣ свободы и безопасности. По идеѣ, король, какъ образъ божества, выше жрецовъ этого божества. Но не то на практикѣ именно потому, что не онъ одинъ образъ его. Въ Мерое короли были назначаемы и низвергаемы жрецами. Они состоятъ подъ надзоромъ, хотя и считаются защитниками всѣхъ.

Вообще идея короля, какъ фетиша, и раздѣленіе властей вели разныхъ народовъ къ очень разнообразнымъ отношеніямъ и формамъ власти. Въ Тибетѣ Далай-Лама: въ 17 вѣкѣ долженъ былъ назначать «короля закона». Съ этой минуты начинается борьба, кончившаяся присоединеніемъ Тибета къ Китаю и передачей функціи «короля закона» китайскимъ мандаринамъ. Та же борьба въ Японіи шла между микадо, котораго роль долго ограничивалась тѣмъ, что онъ долженъ былъ каждое утро сидѣть нѣскольکو часовъ неподвижно, какъ статуя, чтобы даровать своему государству миръ и благоденствіе, и тайкуномъ.

Въ Греціи, гдѣ представленіе о фетишѣ-королѣ тоже существовало, оно, однако, скоро разрѣшилось переходомъ этихъ фетишей къ роли наследственныхъ жрецовъ; тогда какъ функціи судьи и полководца развились въ положенія, не находящіяся въ связи съ мыслями культа. Это было въ связи съ тѣмъ, что въ греческой жизни вообще многія области ея вышли изъ вѣдѣнія демонистическаго мировоззрѣнія.

У сѣверныхъ германцевъ мы находимъ то же развитіе демонистическаго воззрѣнія на правительство, какъ и у инковъ, наприм. «Бто подробно изучаетъ позднѣйшую исторію сѣверныхъ государствъ,—говоритъ Липпертъ,—тотъ не можетъ избѣжать мысли, что всѣ эти внутреннія войны, истощавшія силы народа, наследство древняго времени. Между тѣмъ какъ христіанство взяло на себя всѣ священническія функціи и выдѣлило эти

историческія категоріи изъ народной и государственной жизни, едва можно понять, чѣмъ собственно былъ въ Швеціи и Норвегіи король. Что у него не было *imperium*, это одно ясно изъ всей внутренней борьбы; эту *imperium* народъ удерживаетъ за собой и выражаетъ ее чрезъ регента, который не король; и, однако, для него недостаточно этого непосвященного регента, онъ ищетъ среди всѣхъ главъ страны помазаннаго владыку. Найдеть его—и борьба начинается снова. Въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ старая народная вѣра, что для народа чрезвычайно важно имѣть короля—не какъ государя и правителя, а какъ мистическій объектъ, какъ ручательство счастья и благосостоянія».

Этотъ цитатой мы можемъ заключить краткій историческій обзоръ представлений; уже изъ него, какъ онъ ни недостаточенъ, видно, какое важное значеніе въ исторіи патріархата и выросшихъ изъ него сложныхъ общественныхъ и государственныхъ организацій имѣло демонистическое міровоззрѣніе.

Этимъ мы можемъ закончить реферированіе взглядовъ Липперта, хотя мы и не кончили еще изложеніе всего кадра историческихъ явленій, описываемыхъ имъ. Собственно говоря, съ появленіемъ и развитіемъ патріархата, его разложеніемъ на отдѣльныя семьи, съ переходомъ отъ номадно-бедуинскаго хозяйства къ хозяйству общинному, съ появленіемъ личной недвижимой собственности и т. д. только и начинается исторія. Въ двухъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія Липпертъ и говоритъ объ этихъ явленіяхъ, но, къ сожалѣнію, именно эти-то главы и есть самыя слабыя въ его книгѣ. Читая ихъ, получаешь впечатлѣніе, что имѣешь дѣло съ авторомъ, положимъ, очень начитаннымъ и имѣющимъ оригинальные взгляды на предметъ, о которомъ онъ пишетъ, но который, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть названъ специалистомъ предмета, причѣмъ часто и источники, которыми онъ пользуется, не вполне доброкачественны. Такъ, наприм., говоря о славянской и преимущественно русской общинѣ, о русской колонизаціи, о происхожденіи крѣпостнаго права, онъ ссылается только на Гакстгаузена, что, конечно, и старо, да и маловато. Изъ этого недостатка эрудиціи по такимъ сложнымъ и запутаннымъ вопросамъ, какъ разложеніе патріархата на отдѣльныя семьи и образованіе новыхъ общественныхъ и государственныхъ организацій, происходятъ недосмотры и ошибки, часто весьма грубые. Такъ, наприм., говоря о нѣмецкой колонизаціи, какъ вольной и этимъ самымъ разлагающей патріархатъ на отдѣльныя семьи, стоящія подъ главенствомъ отдѣльныхъ отцовъ и выборныхъ старшинъ, Липпертъ противопоставляетъ ее русской жизни, не знавшей будто бы такой колонизаціи, а потому не знавшей вольной общины, личнаго начала и т. п. Но наша задача заключалась лишь въ ознакомленіи читателя съ попыткой нѣмецкаго ученаго построить исторію человѣческой культуры изъ ея основныхъ элементовъ.

Петрарка, какъ политикъ *).

I.

Изъ всѣхъ сферъ теоретической дѣятельности человѣка политическая мысль имѣетъ наиболѣе тѣсную связь со всѣми сторонами дѣйствительной жизни. Въ дѣйствительности коренятся ея начала: выходя положительно или отрицательно изъ существующаго порядка вещей, она стремится привести его въ возможно полную гармонию съ религиозными и нравственными идеалами личности, и вслѣдствіе этого, въ одно и то же время, отражаетъ и политическую дѣйствительность, и отношеніе къ ней отдѣльной личности со всѣми мотивами, обуславливающими это отношеніе. Съ другой стороны, теоретическая мысль въ области политики всегда имѣетъ тенденцію сдѣлаться практической программой, предписывать реформы и мѣропріятія и по временамъ если не прямо вызываетъ событія, то, по крайней мѣрѣ, оказываетъ на нихъ сильное вліяніе и создаетъ для нихъ теоретическое оправданіе. Чтобы иллюстрировать творческую дѣятельность политической мысли, достаточно указать итальянскіе походы средневѣковыхъ императоровъ, или роль легистовъ въ исторіи французской королевской власти, или значеніе просвѣтительной литературы въ политической дѣятельности революціонныхъ собраній конца прошлаго вѣка. Такимъ образомъ, она является не только историческимъ источникомъ для изученія дѣйствительности, но и могущественнымъ ея факторомъ, безъ пониманія котораго останутся непонятными и самыя событія.

Съ этой точки зрѣнія, политическіе взгляды итальянскаго Возрожденія представляютъ особенный интересъ. Въ эту эпоху въ Западной Европѣ происходила крупная ломка во всѣхъ сферахъ общественной и индивидуальной жизни. Старая политическая теорія о двухголовомъ единствѣ хри-

*) Francisci Petrarcae, Epistolae de rebus familiaribus, libri XXIV, Variarum, liber 1, et Appendix litterarum. Edit. Josephi Fracassetti 3 vol. Florentiae. 1859—63.— Francesco Petrarca. Lettere Senili volgarizzate da Giuseppe Fracassetti. Firenze. 1869.— Francisci Petrarcae, Opera, quae extant, omnia. Basileae 1554. Per Sebastianum Henricpetri.—Petrarca. Scritti inediti publ. ed. illustr. da A. Hortis. Trieste, 1874.—Petrarca. Rime sopra argomenti storici, morali e diversi ed. Carducci. Livorno. 1876.

стианскаго міра никогда не стояла въ болѣе рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью, чѣмъ въ это время. Духовный глава завязъ во французскомъ городишкѣ. Жалкая игрушка въ рукахъ лицъ, обладающихъ реальною силой, онъ дрожалъ за Римъ въ Авиньонѣ и не смѣлъ вернуться въ одичавшій Вѣчный городъ. Чтобы приготовить себѣ возвращеніе, папы наводнили Италію чужеземными войсками, которыя вскорѣ увеличили собою и безъ того огромное количество туземныхъ разбойничьихъ шаекъ, что наносило тяжелый ударъ авторитету и духовной власти Христова намѣстника. Кромѣ этого, единственнымъ проявленіями папской дѣятельности были злобныя анафемы, надъ которыми повсюду смѣялись, и вопіющіе пороки куріи, которые вызывали всеобщее презрѣніе. Не менѣе далеко отъ идеала стояли и свѣтскіе главы христіанскаго міра. Въ лучшемъ случаѣ они пользовались своимъ универсальнымъ положеніемъ въ интересахъ фамиліальныхъ владѣній, а чаще всего торговали императорскими прерогативами, иногда вслѣдствіе печальной необходимости собрать кое-какія средства, чтобы покрыть издержки коронованія, или даже чтобы заплатить мяснику. По мѣрѣ ослабленія папства и имперіи усиливалась національная монархія съ абсолютною властью, которой принадлежало непосредственное будущее. Но въ концѣ XIV вѣка монархическій принципъ въ однихъ государствахъ переживалъ тяжелый, хотя и временный, кризисъ, въ другихъ еще не развился окончательно. Во Франціи преемники Филиппа IV и предшественники Людовика XIV владели жалкое существованіе; Англія была еще очень далека до могучаго, хотя и кратковременнаго деспотизма Тюдоровъ и Стюартовъ. Въ Германіи происходила взаимная борьба всѣхъ политическихъ силъ, причѣмъ будущая окончательная побѣда князей едва обозначалась въ Золотой буллѣ Карла IV. Еще неопредѣленнѣе было политическое положеніе Италіи. Страна распадалась на массу мелкихъ областей съ двумя господствующими политическими формами: республиканской и монархической. Между этими многочисленными государствами происходила непрерывная борьба; такая же борьба шла внутри каждаго изъ нихъ, такъ что въ общемъ Италія находилась въ естественномъ состояніи, какъ его понималъ Гоббсъ: тамъ былъ homo hominі lupus (человѣкъ челоуѣку волкъ); тамъ господствовало bellum omnium contra omnes. Но среди этого хаоса у лучшихъ людей не умирала старая вѣра въ возможность всемірнаго владычества Рима и появилась новая надежда на политическое объединеніе Италіи. Это была мечта, но мечта лестная для національнаго самолюбія и дорогая для патріотизма, какъ вѣрное средство установить политическій порядокъ и поднять народное благосостояніе. Неудивительно поэтому, что энтузіасты дѣлали попытки осуществить эту мечту и даже увлекали за собою подвижную, въ особенности на югѣ, толпу. Но это были только минутные порывы, безнощадно разбиваемые дѣйствительностью. Не только всемірное господство, но и первый шагъ къ нему—политическое объединеніе было отдаленною цѣлью, для достиженія которой нужно было

пользоваться наличными политическими силами. Но на какую изъ нихъ можно было положиться? Городскія республики находились въ несомнѣнномъ упадкѣ; но и монархіи не представляли гарантій прочности: онѣ были основаны на насиліи, насиліемъ держались и не имѣли ни юридическаго, ни нравственнаго авторитета въ обществѣ. Поэтому выборъ между обѣими силами представлялъ серьезныя затрудненія. Аналогичное движеніе, особенно сильное въ это время въ Италіи, происходило и въ социальномъ строѣ. Средневѣковый феодализмъ, раздробившій западно-европейскіе народы на микроскопическія государства *sui generis*, распадался на такое же огромное количество мелкихъ корпорацій. Населеніе феодальной сеньоріи, хотя бы немногочисленное, было очень разнообразно по своимъ правамъ и обязанностямъ; горожане дѣлились на огромное количество цеховъ, въ составъ которыхъ входили не только различные промышленники и ремесленники, но и немногіе представители весьма бѣдной тогда научной и художественной дѣятельности. Корпоративный духъ проникалъ все, господствовалъ даже въ такихъ индивидуальныхъ проявленіяхъ жизни, какъ религія и поэзія. Каждый цехъ имѣлъ своего святаго, каждое сословіе имѣло свою литературу. Въ рыцарской поэзіи враждебно относилось духовенство, городскіе фавориты осмѣивали и представителей церкви, и дворянскіе романы, а низшій классъ воспѣвалъ только свое горе и свои радости и игнорировалъ литературу другихъ сословій. Такимъ образомъ, вся—и матеріальная, и духовная жизнь личности обуславливалась корпораціей, къ которой она принадлежала по рожденію. Самъ по себѣ человекъ не имѣлъ значенія: оно цѣликомъ зависѣло отъ его класса. Это было настоящее закрѣпощеніе личности, изъ котораго былъ одинъ только выходъ—въ монахи, т.-е. отреченіе отъ жизни.

Въ XIV вѣкѣ въ особенности въ Италіи эти средневѣковые устои распались. Личность, духовный ростъ и развитіе которой такъ же органически необходимы, какъ ростъ и развитіе физическіе, переросла ранѣе созданныя ею культурныя формы. Мысль и чувство отказались повиноваться церковному авторитету, появилось свѣтское искусство, показали первые признаки самостоятельной науки. Въ то же время начались удачныя попытки перебираться черезъ социальныя перегородки: крестьяне начинаютъ предводительствовать войсками, ремесленники занимаются наукой, банкиры захватываютъ государственную власть и разночинцы входятъ въ придворный штатъ государей, среди которыхъ точно также бывали политическіе проходимцы. И эти попытки личности восторжествовать надъ устарѣвшимъ порядкомъ вещей встрѣтили сочувствіе даже со стороны представителей тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были заинтересованы въ его сохраненіи. Лучшею иллюстраціей такого отношенія можетъ служить всеобщій почетъ, которымъ былъ окруженъ Петрарка.

Петрарка былъ сынъ флорентійскаго потаріуса, изгнаннаго изъ роднаго города и подвергшагося конфискаціи имущества,—слѣдовательно, происхож-

деніе не давало надежды на почести. Не оправдывало подобныхъ ожиданій и его собственное положеніе въ обществѣ. Онъ былъ священникъ и, какъ духовная особа, не внушалъ большаго уваженія: въ весьма поэтическихъ стихотвореніяхъ онъ воспѣвалъ свою несчастную любовь къ замужней женщинѣ и открыто жилъ съ другою, отъ которой имѣлъ дѣтей, что одинаково не подобало его сану. Единственнымъ основаніемъ его славы была молва о его поэтическомъ талантѣ и выдающейся учености, и эти чисто-индивидуальныя свойства оцѣнивались обществомъ чрезвычайно и даже черезъ-чуръ высоко.

Самымъ могущественнымъ государемъ того времени въ Италіи былъ Робертъ Неаполитанскій. Передъ нимъ дрожали папы; благодаря его вліянію, императоры попадали въ самое критическое положеніе, и съ его стороны былъ осыпанъ Петрарка почестями. Передъ своимъ поэтическимъ коронованіемъ первый гуманистъ выразилъ желаніе подвергнуться экзамену короля, чтобы оправдать свои лавры передъ цѣлымъ міромъ, и старый Робертъ въ теченіе трехъ дней съ полудня до вечера экзаменовалъ поэта. Результаты этого экзамена въ высшей степени характерны. Король уговаривалъ Петрарку короноваться въ Неаполѣ и остаться при его дворѣ; несмотря на всю щекотливость отказа, поэтъ настаивалъ на своемъ желаніи получить лавры на Капитоліи. Тогда Робертъ, не будучи въ состояніи по старости лично присутствовать на торжествѣ, послалъ въ Римъ своего представителя и написалъ римскому сенату посланіе, въ которомъ до небесъ превозносилъ ищущаго лавровъ Петрарку. На прощаніи король поцѣловалъ поэта и далъ ему свою пурпуровую мантию, какъ наиболѣе подходящій для коронованія костюмъ. Это былъ единственный подарокъ Роберта, другіе казались неприличны для поэта, котораго королевскій пурпуръ ставилъ наравнѣ съ монархомъ. Передъ такимъ почетомъ могущественнѣйшаго изъ государей Италіи блѣднѣли почести, которыми осыпали Петрарку второстепенные властители: Корреджи, Висконти и Баррара.

Еще характернѣе отношеніе къ первому гуманисту республиканскихъ правительствъ. Господствовавшіе тамъ представители правящихъ классовъ обнаруживали преклоненіе предъ человѣкомъ, успѣхъ котораго былъ проявленіемъ упадка того самаго строя, на которомъ они держались. Гвельфская Флоренція, изгнавшая отца Патрарки, приглашала къ себѣ поэта-монархиста крайне лестною государственною грамотой и съ нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ возвратила ему конфискованныя имущества, предварительно выкупивши ихъ на государственныя средства у частныхъ владѣльцевъ. Аристократическая Венеція государственнымъ актомъ признала, что демократъ Петрарка «обладаетъ теперь такою славой во всей вселенной, что, насколько запомнятъ люди, между христіанами не было ни одного моралиста, ни одного поэта, который могъ бы съ нимъ сравняться». Неудивительно поэтому, что мелкія республики считали одно посѣщеніе Петрарки для себя небывалою честью.

Отъ правительства не отставали представители отдѣльныхъ классовъ. Достаточно перелистовать обширную переписку Петрарки, чтобы составить себѣ представленіе, какое огромное количество почитателей имѣлъ онъ въ различныхъ слояхъ средневѣковаго общества. Одинъ графъ приглашаетъ его въ свои владѣнія, чтобы «имѣть счастье коснуться его священныхъ ногъ». Докторъ правъ изъ Пармы называетъ его въ своемъ стихотвореніи «солнцемъ, затмѣвающимъ другія звѣзды», вторымъ Гомеромъ, который возвратитъ золотой вѣкъ. Даже августинскій монахъ-эремитъ увлекается общимъ восторгомъ и заявляетъ, что при одной мысли о Петраркѣ онъ забываетъ этотъ міръ и дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Еще сильнѣе очарованіе въ тѣхъ классахъ, которымъ индивидуализмъ открывалъ широкіе горизонты, пролагалъ новые пути къ недоступнымъ прежде сферамъ дѣятельности. Школьные учителя обоготворяли Петрарку. Одинъ изъ нихъ, слѣпой старикъ изъ южной Италіи, хотѣлъ навѣстить его въ Неаполь; но, не заставъ его въ этомъ городѣ, пѣшкомъ прошелъ до самой Пармы, опираясь на плечо единственнаго сына, чтобы коснуться поэта и услышать звукъ его голоса. Благоговѣніе передъ первымъ гуманистомъ проникло даже и въ городское населеніе. Въ Бергамо, около Милана, жилъ одинъ старый ювелиръ. Познакомившись съ сочиненіями Петрарки, онъ рѣшился просить поэта посѣтить его жилище. Петрарка исполнилъ его просьбу и получилъ въ Бергамо чисто-королевскій приемъ. Власти и почетные жители города устроили ему торжественную встрѣчу, а очарованный хозяинъ убралъ весь домъ вензелями Петрарки, отдѣлалъ золотомъ всю отведенную ему комнату и устроилъ пурпуровое ложе.

Увлеченные общимъ потокомъ, сами представители средневѣковаго строя, папа и императоръ, осыпали Петрарку почестями. Авиньонскіе папы, а ихъ Петрарка пережилъ 5, обезпечили его средства выгодными синекурами, не разъ предлагали ему видное и доходное мѣсто апостольскаго секретаря и есть извѣстіе, что пѣвца Лауры и отца по меньшей мѣрѣ двоихъ незаконныхъ дѣтей хотѣли сдѣлать кардиналомъ римской церкви и такимъ образомъ открыть путь къ папскому престолу. Такія награды вовсе не соответствовали отношенію Петрарки къ папству. Въ стихотвореніяхъ и перепискѣ онъ говорилъ такимъ тономъ о представителяхъ церкви, каковой мы встрѣчаемъ только у позднѣйшихъ реформаторовъ. Такъ, между его сочиненіями находятся такъ называемыя *Письма безъ адреса* (*Epistolae sine titulis*). Новѣйшій издатель его переписки, католикъ Джузепе Фракассетти, счелъ нужнымъ выпустить, по религіознымъ соображеніямъ, эти письма изъ своего собранія, вышедшаго въ половинѣ нашего столѣтія. Дѣйствительно, въ этомъ маленькомъ сборникѣ разсказаны самыя вопіющіе факты скандальной хроники папскаго двора, причемъ разоблаченія сопровождаются столь рѣзкими нападками, что Петрарка счелъ нужнымъ скрыть имена своихъ адресатовъ, чтобы не навлечь на нихъ неприяностей. Тѣмъ не менѣе, папская курія, которую Петрарка задолго до Лютера называлъ Вавилономъ, выслушивала все это съ удивительнымъ благодушіемъ. Точно

также относился къ нему трезвый, холодный, чуждый какихъ бы то ни было увлеченій Карль IV. Онъ не только посылалъ пошту цѣнные подарки, приглашалъ къ своему двору, но и отвѣчалъ на его письма, возвелъ даже въ достоинство пфальцграфа. Между тѣмъ, Петрарка умѣлъ даже безъ улыбки говорить царямъ то, что онъ считалъ истиной. Карль IV вернулся изъ Италіи въ Германію и, недовольный такою политикою, поэтъ написалъ ему замѣчательное по своему тону письмо (XIX, 12). Онъ называетъ это отступленіе бѣгствомъ, упрекаетъ императора въ отсутствіи воли, которая составляетъ «источникъ всякихъ дѣйствій», и прямо обвиняетъ въ неумѣнн пониматъ свое положеніе и даже въ варварствѣ. «Ты покидаешь,—пишетъ Петрарка,—что съ такимъ трудомъ приобрѣли твои предки, и возвращаешься въ варварскую страну. Весьма трудно передѣлать натуру!»—иронически замѣчаетъ онъ по этому поводу. Продолжая далѣе параллель между Карломъ и его предками, Петрарка формулируетъ еще болѣе оскорбительный для императора выводъ, что «доблесть—не наследственное благо». Характерно самое заключеніе этого коротенькаго письма, служившаго своеобразнымъ отвѣтомъ на любезность императора, приславшаго привѣтствіе поэту. «Мой Лелій,—пишетъ онъ,—принесъ мнѣ поклонъ отъ тебя, который былъ для меня ножомъ острымъ и смертельною раной, а также императорское изображеніе весьма старой работы. Если бы оно могло говорить, или ты могъ посмотрѣть на него, то оно удержало бы тебя отъ этого безславнаго, чтобы не сказать—позорнаго, пути. Будь здоровъ, Цезарь, и подумай, что ты оставляешь и къ чему стремишься». Несмотря на все это, Карль IV продолжалъ посылать дерзкому писателю подарки и приглашать его къ себѣ въ Богемію.

Этотъ ошеломляющій почетъ представляется нѣсколько загадочнымъ и для современнаго изслѣдователя. Какъ поэтъ, Петрарка занимаетъ сравнительно очень не выдающееся мѣсто въ исторіи всемірной литературы; да и не итальянская поэзія составляла источникъ его славы у современниковъ. Афрѣя, его главная латинская поэма, осталась неоконченною; большинство его эялогъ были непонятны публикѣ. Его краснорѣчіе весьма сомнительной цѣны: въ его рѣчахъ гораздо больше грамматическихъ ошибокъ, чѣмъ изящества. Прозаическія сочиненія перваго гуманиста имѣютъ, конечно, огромное культурное значеніе; но ихъ главная важность не въ содержаніи, а въ индивидуалистической тенденціи, которая пробивается чрезъ средневѣковое благочестіе. По объему знаній Петрарка не многимъ превосходилъ своихъ современниковъ; а, кромѣ того, его главное ученое сочиненіе *De viris illustribus* (о знаменитыхъ людяхъ) осталось неоконченнымъ, да и другіе трактаты вышли уже въ самый разгаръ его славы. Остается его страсть къ изученію древности: она была, дѣйствительно, заразительна; но самое ея существованіе у Петрарки и импонирующее вліяніе на современниковъ объясняются тѣмъ, что въ античной литературѣ вычитывали свои чувства, находили идеи, оправдывающія современное настроеніе. Единственное объясненіе огромной, притомъ, неоправдываемой фактами, популярности Петрарки заключается

въ полусознательномъ чувствѣ симпатіи къ человѣку, стремившемуся разрушить стѣнявшія личное развитие корпоративныя перегородки и ниспровергнуть вѣдущій авторитетъ, давившій и мысль, и чувство, и волю отдельной личности. Почести Петраркѣ были выраженіемъ инстинктивного сочувствія первому борцу индивидуализма со стороны общества съ вполне развившимися уже индивидуалистическими потребностями. Вотъ почему бессознательно радовалась репутация Петрарки, вотъ почему лавры на Капитоліи даны были ему въ кредитъ, только на основаніи слуховъ объ имѣющемъ появиться великомъ произведеніи, незначительные отрывки изъ котораго были извѣстны только неаполитанскому королю.

При такомъ торжествѣ индивидуальныхъ стремленій среди разрушающихся старыхъ и нарождающихся новыхъ общественныхъ порядковъ политическая мысль представляетъ особенный интересъ. Ея творческая дѣятельность вызывается самымъ положеніемъ дѣлъ; ея вліяніе особенно сильно чувствуется въ тотъ моментъ, когда слагаются новыя учрежденія. Съ другой стороны, для цѣлесообразной политической программы она должна опираться на тѣ наличныя общественныя силы, которыя считаются въ данное время наиболее жизненными. Съ этой точки зрѣнія трудно найти болѣе характернаго для своей эпохи политическаго мыслителя, чѣмъ былъ Петрарка.

II.

Въ XIV вѣкѣ жили два болѣе крупныхъ дѣятеля въ этой сферѣ, которые занимаютъ видное мѣсто во всемірной исторіи политическихъ ученій. Это соотечественники Петрарки, Данте Алигьери и Марсилій Падуанскій. Но великій поэтъ остается на средневѣковой почвѣ и въ политическихъ теоріяхъ, какъ въ своей бессмертной поэмѣ. Его трактатъ о монархіи представляетъ собою такую же лебединую пѣснь въ области политическихъ идеаловъ, какъ *Божественная Комедія* вообще въ сферѣ средневѣковаго міросозерцанія. Марсилій Падуанскій—новый мыслитель; онъ требуетъ секуляризаціи государства, но полагаетъ въ основу своей программы идею народовластія въ то время, когда повсюду развивался деспотизмъ. Данте возводилъ въ идеалъ отжившую мечту о средневѣковой имперіи; Марсилій мечталъ о порядкахъ, для осуществленія которыхъ далеко еще не наступило время. Одинъ былъ слишкомъ старъ, другой—слишкомъ молодъ для своей эпохи; но оба одинаково были мечтательными теоретиками, оба игнорировали современность и оба мало имѣли на нее вліянія. Совѣзмъ другимъ характеромъ отличался Петрарка.

Петрарка былъ родоначальникомъ гуманизма, стоялъ во главѣ того теченія, которое уже въ XIV вѣкѣ охватило всю Италію и позже проникло далеко за ея предѣлы. Онъ былъ, слѣдовательно, настоящимъ сыномъ своего вѣка, истиннымъ представителемъ реальныхъ потребностей современнаго общества, радовался его радостями, страдалъ его горемъ. Съ дѣйствительностью связанъ былъ Петрарка и самымъ характеромъ стремленій,

которые разделяли и его современники. Онъ былъ гуманистъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. индивидуалистъ самой чистой воды. Критеріумомъ всего существующаго была для него личность. Въ философіи онъ отрицалъ метафизику и признавалъ только мораль, т.-е. ту ея сторону, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ человѣку. Точно такъ же относился онъ и къ положительному знанію: по его мнѣнію, главнымъ объектомъ науки долженъ быть человѣкъ; изученіе же внѣшняго міра имѣетъ смыслъ лишь по столько, по сколько онъ касается человѣка, и достойны изученія только тѣ стороны окружающей среды, которая имѣютъ вліяніе на личность. Съ этой точки зрѣнія политическіе порядки тѣмъ болѣе напрашивались на вниманіе, что ихъ слабыя стороны чувствовались, и чувствовались чрезвычайно болѣзненно, въ силу того же индивидуализма. Выше всего онъ ставилъ личную независимость. Чтобы жить на полной свободѣ, онъ много лѣтъ провелъ въ деревенскомъ уединеніи; чтобы по желанію предаваться любимымъ занятіямъ, онъ отказывался отъ самыхъ выгодныхъ и почетныхъ должностей и всю жизнь оставался частнымъ человѣкомъ, а чтобы добиться экономической безопасности, онъ выпрашивалъ себѣ синекуры въ томъ самомъ Авіньонѣ, который такъ сурово порицалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Съ такою же заботливостью охранялъ Петрарка и духовную независимость. Онъ страстно любилъ античную литературу, въ которой находилъ отзвуки собственнаго настроенія, но тщательно остерегался ея вліянія. «Я предпочелъ бы лучше обойтись безъ вожда, чѣмъ быть принужденнымъ во всемъ слѣдовать за нимъ»,— пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей (XXII, 2). Его щепетильность доходитъ до того, что онъ боится подражать даже стилю классиковъ, хотя и пишетъ на латинскомъ языкѣ. По его мнѣнію (и это мнѣніе имъ впервые было сформулировано въ новое время), стиль долженъ быть индивидуаленъ, какъ походка, жестъ, выраженіе лица. «Я предпочитаю свой стиль,—пишетъ онъ,—хотя бы необработанный и ужасный, чѣмъ чужой изящный отъ изысканныхъ украшеній». И этому-то индивидуалисту не разъ приходилось убѣдиться на себѣ, и иногда въ высшей степени оскорбительно, что на его родинѣ не обезпечена даже личная безопасность. Повсемѣстные разбои и бродячія шайки наемныхъ войскъ, результатъ господствовавшей тогда анархіи, не разъ давали себя чувствовать Петраркѣ, не разъ разрушали его планы. По винѣ разбойниковъ, оноедагъ на торжественное коронованіе поэта въ Капитоліи представитель неаполитанскаго короля; самъ Петрарка почти тотчасъ послѣ торжества едва избѣжалъ ограбленія и плѣна вооруженной шайки почти у самыхъ воротъ Рима, долженъ былъ вернуться въ городъ и взять съ собою вооруженныхъ провожатыхъ. Общественные беспорядки и позже не разъ разстраивали его планы. Въ 1349 году два друга Петрарки, жившаго тогда въ Пармѣ, посѣтили его по дорогѣ изъ Авіньона во Флоренцію и не застали его дома. Между тѣмъ, у поэта возникъ планъ устроить дружеское общежитіе, нѣчто вродѣ гуманистическаго монастыря, и для его осуществленія онъ есо-

бенно рассчитывалъ именно на этихъ друзей. Поэтому, изложивши очень обстоятельно свой проектъ въ письмѣ, онъ немедленно отправилъ повара догонять друзей, но вернувшійся посланный сообщилъ, что въ Аппенинахъ на нихъ напали разбойники, и одинъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, а другой былъ убитъ. Даже свобода передвиженія была крайне затруднена политическими неурядицами, что было особенно тяжело для Петрарки, такъ какъ путешествія доставляли ему огромное наслажденіе. Въ 1362 году онъ хотѣлъ посѣтить Авиньонъ послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Италіи и долженъ былъ вернуться назадъ, потому что всѣ дороги были заняты вооруженными шайками. По этой же причинѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія побывать при дворѣ Карла IV. Подобные факты не могли не наталкивать Петрарку на размышленія о печальномъ положеніи современной дѣйствительности. А кромѣ того, еще по двумъ причинамъ, онъ хотѣлъ быть не только зрителемъ, но и актеромъ итальянской политики: во-первыхъ, вслѣдствіе горячей любви къ родинѣ и, во-вторыхъ, въ силу глубокой вѣры въ могущество личности въ дѣлѣ устройства политическаго порядка.

Въ исторіи итальянскаго Возрожденія былъ довольно продолжительный періодъ политическаго и національнаго индифферентизма—это та эпоха, когда предшественники новой интеллигенціи боролись за свое личное экономическое и общественное положеніе. Но это случилось позже, когда продолжительная борьба за существованіе атрофировала любовь къ родинѣ. Родоначальникъ гуманистовъ былъ искренній патриотъ. Въ этомъ убѣждать, прежде всего, безусловно лучшее изъ его стихотвореній *Italia mia*, которое представляетъ собою болѣзненный вопль, выходящій изъ самой глубины сердца поэта и, въ то же время, поэтической комментарий къ его политическимъ стремленіямъ. «О, моя Италія! словами нельзя описать смертельныя раны, которыми покрыто твое прекрасное тѣло,—такъ начинается онъ свою канцону и, прежде всего, обращается съ молитвой къ Богу:—Царь Небесный, я умоляю твое милосердіе, которое низвело тебя на землю, обрати свой взоръ на благословенную тобою страну, мою родину. Взгляни, всемиловитый Боже, отъ какихъ ничтожныхъ причинъ возгораются жестокія войны! Открой, Отецъ, смягчи, освободи отъ ложныхъ увлеченій сердца, которыя гордый и дикий Марсъ замкнулъ и ожесточилъ! Дай туда доступъ твоей истинѣ, возвѣщаемой моимъ слабымъ языкомъ». Далѣе Петрарка обращается къ тѣмъ, «кому судьба дала въ руки управленіе прекрасными землями, къ которымъ они не имѣютъ никакого состраданія», и упрекаетъ ихъ за чужеземныя наемныя войска. «Зачѣмъ тамъ много чужеземныхъ шаекъ? Зачѣмъ зеленыя поля обгагрятся варварскою кровью?» Властители напрасно полагаются на такихъ солдатъ, напрасно ищутъ «любви и вѣрности въ продажномъ сердцѣ,—тѣмъ у кого больше такого народа, тѣмъ болѣе окруженъ онъ врагами». «Природа,—продолжаетъ Петрарка,—хорошо позаботилась о насъ, поставивши Альпы преградой между нами и нѣмецкою свирѣпостью, но, ослѣпленные страстями, мы сами привели за-

разу къ здоровому тѣлу». По поводу этихъ «дивныхъ звѣрей», «народа безъ закона», поэтъ припоминаетъ славное прошлое, когда Марій и Цезарь носили нѣмцамъ тяжкія пораженія. Теперь все наоборотъ, и «это случилось благодаря вамъ,— снова обращается Петрарка къ современнымъ властителямъ.—Ваши раздоры испортили наилучшую часть міра. По какому предпрѣленію, по какому соображенію и за какую вину ненавидите вы бѣднаго сосѣда, разграбляете его истощенное и разстроенное состояніе, ищете солдатъ и содѣйствуете тому, чтобы они проливали кровь и продавали за золото свою душу?» «Я говорю это,—заключаетъ поэтъ,—не изъ презрѣнія и не изъ ненависти къ кому-нибудь, а только ради истины». Убѣждая сеньоровъ позаботиться объ устраненіи этихъ бѣдствій, Петрарка настоятельно совѣтуетъ имъ подумать и о родинѣ. «Развѣ не этой земли коснулся я впервые? Развѣ не здѣсь то гнѣздо, гдѣ я съ такою любовью былъ воспитанъ? Развѣ не это моя родина, на которой покоятся всѣ мои упованія, любящая и благодѣтельная мать, охраняющая прахъ моихъ родителей? Боже мой! Вотъ тѣ мысли, которыя должны руководить вами! Взгляните съ сожалѣніемъ на слезы страдающаго народа, который на васъ послѣ Бога возлагаетъ свои надежды. Обнаружьте только какой-нибудь признакъ любви къ нему, и добродѣтель возьмется за оружіе противъ неистовства и быстро одержитъ побѣду. Въ душѣ итальянцевъ не умерла еще античная доблесть». Напомнивъ ради этой цѣли сеньорамъ о загробной жизни, Петрарка заключаетъ канцону восклицаніемъ: «*Guo gridando расе, расе, расе!* Я призываю, миръ, миръ и миръ!» И такъ, внутренніе раздоры властителей, кровопролитныя войны и шайки наемныхъ чужеземцевъ—вотъ главные бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ столь любимая поэтомъ родина. Этотъ патріотизмъ и подобныя же жалобы мы найдемъ и въ его латинскихъ сочиненіяхъ. Въ обширной перепискѣ Петрарки цѣлая масса писемъ посвящена изображенію современной дѣйствительности. Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ и тонѣ этихъ писемъ, достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Петрарка относится къ тогдашнему положенію Италіи съ крайнимъ пессимизмомъ. «Знай,—пишетъ онъ къ одному другу,—что едва ли было что-нибудь печальнѣе и бѣдственнѣе нашего времени. Одно меня утѣшаетъ, что если должно было родиться, если было рѣшительно необходимо, чтобы неумолимая Клото толкнула насъ за несчастный порогъ этой жизни и если не суждено было увидѣть свѣтъ раньше, то меньшее зло быть рожденнымъ теперь, чѣмъ послѣ» (XX, 1). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще рѣзче: «Что бы ни доводили до нашего свѣдѣнія трудъ историковъ и вопль трагедій,—говоритъ онъ,—все это ниже того, что мы видимъ своими глазами. Преступленіе, которое у нихъ считалось достойнымъ сцены, у насъ сдѣлалось ходячимъ порокомъ» (Ер. sine titulis III). Главнѣйшія бѣдствія, которыя угнетаютъ Италію, Петрарка характеризуетъ такъ: «власть погребена, свобода подавлена и никогда не кончатся войны» (XXII, 14). Въ одномъ письмѣ онъ подробнѣе характеризуетъ положеніе дѣлъ. Въ Пизѣ и Сіенѣ народный бунтъ, рево-

люція въ Болоньѣ, «плачь въ Римѣ, Неаполь боится, что его провинце *Terra laboris* будетъ вполне соответствовать положенію дѣлъ», въ Сициліи съ страшною ненавистью кипитъ борьба партій, Мантуя среди затрудненій проводитъ бессонныя ночи, въ Феррарѣ господствуетъ ужасъ, «Верону, какъ несчастнаго Актеона, рвутъ собственныя собаки», «Авивлея и Тридентъ открыты для непрерывныхъ варварскихъ набѣговъ и, наконецъ, къ величайшему позору, шайки разбойниковъ бродятъ по Италіи, такъ что она изъ госпожи провинцій сдѣлалась провинціей рабовъ» (XIX, 9). «Кто бы ни рассказалъ о тенерешнемъ положеніи дѣлъ потомкамъ, если только останутся потомки,—говоритъ онъ,—все равно, рассказъ покажется басней» (XI, VII). Такое тягостное состояніе Италіи внушаетъ Петраркѣ глубокое огорченіе. «Повсюду причина къ скорби,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—и каждое настоящее зло служить признакомъ будущаго, еще болѣе тяжкаго». По поводу землетрясенія въ Римѣ онъ пишетъ: «Меня страшно тревожитъ общее положеніе политическихъ дѣлъ и движенія не столько земли, сколько людей внушаютъ мнѣ печальныя предсказанія не для Рима только, но и для всей Италіи».

Такая горячая любовь къ родинѣ, такое болѣзненное сознаніе ея бѣдствій должны были вызывать у патриота попытки къ улучшенію положенія отечества, къ устраненію терзающихъ его золъ. Петрарка чувствовалъ эту обяванность. «Благосостояніе всей моей родины и нашей общей, матери,—пишетъ онъ одному другу,—находится въ опасности, и тотъ не сытъ, кого не трогаютъ обиды, причиняемыя любящей матери» (XI, 16). Но если патриотизмъ побуждалъ къ политической дѣятельности и давалъ для нея общую программу, то взглядъ на значеніе личности въ обществѣ указывалъ для нея средства и внушалъ вѣру въ возможность благопріятныхъ результатовъ.

Несмотря на обширныя lamentации о слабости человѣческой природы, которыми переполнены философскіе трактаты Петрарки, несмотря на эти слабыя отзвуки умирающаго аскетизма, онъ высоко цѣнилъ разумъ человѣка. Въ трактатѣ *De remediis utriusque fortunae* (о средствахъ противъ счастья и несчастья) онъ доказываетъ, между прочимъ, что тѣло—тюрьма, а заключающійся въ ней духъ—образъ и подобіе Божіе, перлъ созданія и царь природы. Могущественный разумъ человѣка долженъ и можетъ господствовать надъ самимъ собою и надъ другими. Прилагая эту точку зрѣнія къ политическимъ отношеніямъ, Петрарка приходилъ къ вѣрѣ во всемогущество личности въ этой сферѣ и къ глубокому убѣжденію въ цѣлительность и вліяніе человѣческаго слова. Въ исторіи онъ не видѣлъ ничего, кромѣ личности. Задумавъ изобразить судьбы античнаго Рима, древнюю исторію своей родины, какъ понимали и теперь понимаютъ эту эпоху итальянцы, Петрарка написалъ рядъ біографій знаменитыхъ людей отъ Ромула до Цезаря. Характерно, что, несмотря на страстную любовь къ литературѣ и философіи, онъ не внесъ въ эту книгу ни одного писателя.

Тамъ фигурируютъ исключительно полководцы и государственные дѣятели, что стоитъ въ связи съ его общими взглядомъ на политическую жизнь. Въ этомъ отношеніи Петрарка стоитъ на античной точкѣ зрѣнія. Отговаривая отъ монашества одного изъ своихъ друзей, онъ пишетъ ему: «Изъ Цицерона извѣстно небесное изреченіе моего Сципіона: что всѣмъ тѣмъ, которые сохранили или усилили родину или помогли ей, обезпечено опредѣленное мѣсто на небѣ, гдѣ они, блаженные, будутъ наслаждаться вѣчною жизнью; а также и слѣдующее: для верховнаго Бога, говоритъ Цицеронъ, который управляетъ всѣмъ міромъ, нѣтъ ничего болѣе пріятнаго изъ того, что совершается на землѣ, какъ совѣты и собранія людей съ общественнымъ правомъ, которыя называются государствами» (III, 12). Приведа эту цитату въ другомъ мѣстѣ, Петрарка замѣчаетъ: «хотя это говорить и язычникъ, но его мнѣніе не противно христіанской истинѣ и религіи». Но непосредственное участіе въ государственныхъ совѣтахъ и собраніяхъ не соответствовало его вкусамъ; поэтому онъ нашелъ другой путь служить своей родинѣ. Если люди, — думаетъ Петрарка, — создаютъ общественные порядки, то они же ихъ и разстраиваютъ. Изображая въ одномъ письмѣ современныя бѣдствія, онъ говоритъ: «Все это не могло случиться безъ согласія рода человѣческаго; поэтому я съ гнѣвомъ и негодованіемъ оплакиваю не столько свою, сколько общественную скорбь» (XIX, 9). Людскія забужденія и страсти — источникъ политическихъ бѣдъ; на нихъ и рѣшилъ Петрарка дѣйствовать своимъ авторитетнымъ словомъ и *сдѣлался первымъ публицистомъ, какова знаетъ новая исторія*. Онъ глубоко вѣровалъ въ могущественное вліяніе человѣческаго слова. «Часто простое слово бывало благотворно для благоденствія государствъ, — говоритъ онъ, — и не авторъ этого слова, а само оно въ состояніи привести въ движеніе умы, могущественно развивая свою скрытую силу» (Senil. VII, 1). Поэтому всѣ его сочиненія имѣютъ болѣе или менѣе публицистическій характеръ: онъ морализируетъ въ историческихъ произведеніяхъ, проповѣдуетъ въ философскихъ трактатахъ, пишетъ политическіе памфлеты и является настоящимъ журналистомъ въ своей перепискѣ. Письма Петрарки рѣдко имѣютъ только личный или дѣловой характеръ, — въ большинствѣ случаевъ, это или нравственныя поученія, или историческія справки, или политическіе проекты, или докладныя записки, или газетныя передовыя статьи. Въ послѣднемъ случаѣ адресатъ ставился иногда на удачу, или письмо адресовалось къ неизвѣстному, или цѣлый сборникъ получалъ названіе «писемъ безъ адреса». Съ писемъ всегда снимались копіи, и они распространялись въ обществѣ иногда раньше, чѣмъ доходили по адресу. Кроме того, самъ авторъ ихъ тщательно собиралъ и время отъ времени выпускалъ ихъ въ видѣ сборника. Словомъ, это былъ настоящій суррогатъ политической прессы.

М. Корелингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

XXVI.

Нынѣшнею весной мнѣ пришлось провести въ Петербургѣ ровно мѣсяць. Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о своихъ впечатлѣнiяхъ, я напомию читателю недавнее прошлое того же Петербурга.

Я помню Петербургъ 1848 года и Петербургъ Крымской войны; помню, какииъ онъ былъ сейчасъ же послѣ смерти Императора Николая; помню, какииъ онъ былъ, когда готовилось освобожденiе крестьянъ и когда была объявлена свобода; помню Петербургъ въ самомъ концѣ семидесятихъ годовъ и въ самомъ началѣ восьмидесятихъ. Это были совсѣмъ разные Петербурги,—до того разные, точно между ними лежали цѣлыя столѣтiя.

Петербургъ Императора Николая былъ щеголеватый, шикарный и вполне гвардейскiй городъ. Казовою его улицей былъ Невскiй проспектъ, на которомъ *весь* Петербургъ собирался отъ 2 до 3-хъ часовъ. Это было дѣйствительно что-то блестящее, нарядное, праздничное. Особенный блескъ Невскому придавали кавалергарды, кирасиры, гвардейскiе гусары, вообще разноцвѣтная, яркая гвардейская кавалерiя съ ея золотыми и серебряными касками, медвѣжьими шапками гусарь, цвѣтными киверами уланъ, лязгомъ сабель, которыя для шикю кавалеристы волочили по землѣ, звономъ шпоръ. Штатскiе тогда на Невскомъ какъ-то совсѣмъ не были замѣтны. Они исчезали среди военныхъ, преобладавшихъ повсюду,—у Доминика, Излера, въ театрахъ, на гуляньяхъ.

Невскiй оканчивался тогда Аничковымъ мостомъ, и блестящiй Петербургъ, высыпавшiй на Невскiй для прогулки, за Аничковъ мостъ не переходилъ. Полиции на Невскомъ почти не было (да ея и нигдѣ не было видно). У Аничкова моста, у Гостиного двора, да у Полицейскаго моста стояли три будки (три на весь Невскiй), а у нихъ три будочника въ сермягахъ, съ алебардами. Будочники отъ будокъ отходить не смѣли и порядокъ тогда соблюдался самъ собою. Кучера и извозчики знали свои правыя и лѣвыя стороны, публика тоже установила свой порядокъ, и кто выходилъ на Нев-

скій для прогулки, направлялся по солнечной сторонѣ, а кто по дѣлу — шель по сторонѣ Гостиного двора. Эта сторона была рабочая, дѣловая, такъ сказать, гражданская. Если женщина (и именно вечеромъ) желала пройти безъ авантюръ, то шла по сторонѣ Гостиного двора и могла быть увѣрена, что ее никто не побеспокоитъ. Направляясь же по солнечной сторонѣ (опять же вечеромъ), она давала этимъ знать, что ищетъ приключеній, и въ нихъ, конечно, недостатка не встрѣчала. Вообще тогдашній Петербургъ былъ городъ самоуправлявшійся, какимъ еще продолжаетъ быть Москва, съ установившимися обычаями и порядками, которые были всѣмъ извѣстны и которыхъ всѣ держались.

Послѣ Крымской войны и особенно послѣ освобожденія Невскій, этотъ главный нервъ Петербурга, утрачиваетъ свой праздничный, «парадный» характеръ. Блестящія каски начинаютъ понемногу исчезать, сабли по тротуарамъ не волочатся, звонъ шпоръ не раздается, праздничная сторона Невскаго перестаетъ быть праздничною, прогуливающагося блестящаго и яркаго кавалериста смѣняетъ дѣловикъ и разночинецъ и Невскій становится обыкновенною городскою улицей, по которой, уже не различая сторонъ, снуютъ и бѣжитъ петербургскій человекъ новой формациі, новаго фасона и новаго вида. Блестящія металлическія каски и ярко-разноцвѣтные мундиры смѣнили теперь шляпы котелкомъ и неопредѣленнаго цвѣта пальто, которыя никогда не могутъ быть достаточно дурны, чтобы устыдиться Невскаго проспекта.

Но какъ бы Петербургъ ни мѣнялся прежде внѣшнимъ образомъ, въ немъ была одна особенность, которую онъ создавалъ и которой гордился: Петербургъ считалъ себя головой Россіи и это главенство Россія за него признавала. Когда Невскій блестялъ касками и бряцалъ шпорами, когда магазины его были выставками модъ и бесполезныхъ дорогихъ бездѣлушекъ, — Петербургъ имѣлъ для провинціи обаятельность «чего-то» утонченнаго, изящнаго, аристократическаго, и это «что-то» онъ, вмѣстѣ съ шляпами и ботинками новаго фасона, разсылалъ въ провинцію въ видѣ новыхъ фигуръ въ полькѣ или мазуркѣ или новыхъ изящныхъ приемовъ въ разговорахъ, поклонахъ, въ держаніи себя въ гостиныхъ. Все это было тогдашними «идеями» Петербурга, которыми онъ просвѣщалъ и культивировалъ полудикую крѣпостную провинцію, обучая ее внѣшнимъ европейскимъ манерамъ.

Затѣмъ наступило другое время. Петербургъ сталъ «умственною» головой Россіи и въ немъ явились уже настояція, такъ сказать, «идейныя» идеи. Теперь отъ Петербурга, какъ отъ яркаго солнца, стали расходиться по всей Россіи теплые лучи и этими умственно согрѣвающими лучами были новыя, невѣдомыя до того понятія, знанія, мысли. Никогда еще Петербургъ не былъ такою умною и мыслящею головой Россіи, какою онъ сталъ теперь, и никогда онъ не былъ такъ богатъ мыслями, стремленіями, надеждами, блестящими идеями и даже общественными мечтаніями. Кн. Мещер-

ский, не особенно благорасположенный къ этому времени, говорить, что тогда «все кипѣло жизнью, и именно духовною жизнью, что тогда въ каждомъ рускомъ человѣкѣ билось сильно сердце, что тогда либералы создали цѣлую Ниагару мыслей, стремлений, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызывали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана» (*Гражд.*, № 138).

Петербургъ уже и раньше обнаруживалъ магнитныя свойства и тянулъ къ себѣ тѣхъ, кто хотѣлъ думать и учиться. Тяготѣніе началось еще во время Бѣлинскаго, который изъ Москвы убѣждалъ въ Петербургъ. Но особенно выросла притягательная сила Петербурга послѣ Севастополя. Теперь потянулся въ Петербургъ всякій живой человѣкъ, всякій, кто чувствовалъ въ себѣ Ниагару. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, можно было лучше учиться и лучше думать, и лучше чувствовать, и лучше стремиться, какъ не въ тогдашнемъ Петербургѣ! И вотъ изъ этихъ-то притянувшихся къ Петербургу изъ разныхъ концовъ Россіи людей — изъ Саратова, изъ Нижняго, изъ Тулы, изъ Костромы, изъ Сибири — Петербургъ создалъ своихъ знаменитыхъ публицистовъ, критиковъ, профессоровъ, ученыхъ. Когда, впоследствии, запасъ ихъ началъ иссякать, Петербургъ уже былъ не въ силахъ создать что-нибудь равное имъ на смѣну.

Умственный обликъ Петербурга за все это время постоянно мѣнялся и Петербургъ въ этихъ переменахъ являлся все инымъ и инымъ, пока, наконецъ, не сдѣлался и совсѣмъ инымъ. Перемены эти были дѣйствительно живымъ теченіемъ Ниагары, волны которой, какъ ни мѣнялись, а, все-таки, текли. При всѣхъ переменахъ Петербургъ оставался головой Россіи, къ нему прислушивались, у него учились, отъ него исходилъ всякій умственный свѣтъ, отъ него ожидали всего, да и въ дѣйствительности получили очень много. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство, всеобщая воинская повинность, — однимъ словомъ, все, что создало болѣе широкій просторъ для развитія матеріальныхъ и духовныхъ силъ Россіи, — все это вышло изъ Петербурга.

Вотъ недлинная исторія былой умственности Петербурга.

Въ одно время со мною пріѣхалъ въ Петербургъ, изъ нашихъ же мѣстъ, латышъ-мельникъ. Самый большой и культурный городъ, который онъ видѣлъ до сихъ поръ, былъ Рига. Теперь ему хотѣлось посмотреть на Москву и Петербургъ, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ онъ пробылъ по два дня. «Ну, какъ вамъ понравились Петербургъ и Москва?» — спросилъ я мельника, провожая его на желѣзную дорогу. — «Въ Москвѣ чувствуешь себя гораздо легче, а въ Петербургѣ точно связанъ», — отвѣтилъ мельникъ. И это впечатлѣніе испытываетъ въ Петербургѣ всякій пріѣзжающій, особенно изъ деревни.

Когда поѣздъ приходитъ въ Москву, пріѣзжающіе высыпаютъ изъ вагоновъ трубой и такою же трубой идутъ по платформѣ, спѣша и обгоняя другъ друга. У выхода стоитъ толпа кондукторовъ съ мѣдными бляхами

на фуражках и каждая изъ этихъ бляхъ протягиваетъ руку къ вашему дорожному мѣшку и наперерывъ выкрикиваетъ: «Лоскутная», «Славянскій Базаръ», «Метрополь», «Гостиница Рояль» и т. д. Спустившись по лѣстницѣ на дворъ, вы опять попадаете въ шумную толпу. Со всѣхъ сторонъ протягиваются къ вамъ руки, которыя вамъ что-то сузуть, пытаются овладѣть вашимъ мѣшкомъ, а вдали легковые извозчики, приподнявшись на дрожкахъ, что-то кричатъ и манять къ себѣ. Весь этотъ шумъ, и гамъ, и выкрикиванія, и протягиваемыя руки, несмотря на кажущуюся безтолковую беспорядочность, имѣетъ что-то стройное, оживляющее. Послѣ вагонной тѣсноты и неподвижнаго сидѣнья цѣлыя сутки, а особенно, когда и утро то солнечное, вамъ просто становится весело; гамъ, шумъ, движеніе васъ возбуждаютъ, вы чувствуете себя въ большомъ городѣ, васъ охватываетъ его городская, шумная жизнь, вы рады и довольны и нетерпѣливо ждете, когда васъ довезутъ, наконецъ, до гостиницы, чтобъ умыться и переодѣться и уже совсѣмъ отдаться этому оживляющему движенію, въ которомъ вы чувствуете себя легко и свободно.

Въ Петербургѣ, выйдя изъ вагона, вы сейчасъ же вступаете въ порядокъ. Пассажиры пропускаются черезъ сортировку, фильтруются. Чистые идутъ прямо и выходятъ на Невскій параднымъ выходомъ, нечистые — Ш-й классъ — съ мѣшками и кузовами направляются налѣво и выходятъ на дворъ. На площади, передъ вокзаломъ, опять все стройно и установлено, все размѣрено и предопредѣлено. Извозчики стоятъ въ линію, никто изъ нихъ не кричитъ, не зазываетъ, не машетъ вамъ рукой, никто не тянетъ вашего мѣшка, — все чинно, спокойно и тихо, совершенно какъ въ Берлинѣ.

На Невскомъ вы чувствуете тотъ же стройный порядокъ. Извозчики мчатъ васъ по правой торцовой полосѣ; тутъ же мчатся, обгоняя другъ друга, дрожки, кареты, коляски, и всѣ онѣ катятся въ одномъ направленіи, не путаясь, не толкаясь, не задѣвая другъ друга. Точно такую же стройною линіей мчатся дрожки, кареты, коляски вамъ на встрѣчу, но уже по лѣвой торцовой полосѣ, а по срединѣ между двумя торцовыми полосами тянется узенькая каменная полоса съ рельсами для конки и стоятъ съ игелочки одѣтые полицейскіе въ бѣлыхъ перчаткахъ. Полицейскіе стоятъ только для того, чтобъ управлять извозчиками, въ особенности на разѣздахъ и перекресткахъ. Однихъ, слишкомъ шустрыхъ и торопливыхъ, они сдерживаютъ, другихъ указываютъ проѣзжать скорѣе, и все это дѣлается молча, однимъ мановеніемъ бѣлыхъ перчатокъ. Особенно изумительно это стройное дирижированіе за Полицейскимъ мостомъ, гдѣ Невскій пересѣкается Большою Морскою. Это самое бойкое мѣсто Петербурга составляетъ апогею стройности полицейскихъ петербургскихъ порядковъ и спокойнаго, самообладающаго мановенія бѣлыхъ перчатокъ. Одной преподнятой полицейской руки бываетъ совершенно достаточно, чтобы сразу замерла на мѣстѣ вся масса мчащихся дрожекъ, каретъ, колясокъ и чтобы затѣмъ онѣ стали

дефилировать шагомъ, то останавливаясь, то опять медленно подвигаясь, и распределяться по четыремъ направленіямъ (не припомню, какъ въ этомъ бойкомъ мѣстѣ Невскаго свершались разъѣзды экипажей лѣтъ сорокъ назадъ, когда у Полицейскаго моста стояла всего одна полицейская будка, и будочникъ не смѣлъ отходить отъ нея, а на углу Невскаго и Большой Морской и совѣзмъ не было будочника).

Пріѣзжающіе по варшавской или балтійской дорогѣ испытываютъ иное первое впечатлѣніе. Тѣ поѣзда останавливаются въ глухихъ мѣстахъ, и пріѣзжающаго везутъ по скверной, избитой и пыльной мостовой Обводнаго канала. Московскіе же поѣзда останавливаются совѣзмъ въ центрѣ Петербурга и пріѣзжающій, прямо изъ вагона, вступаетъ на выглаженный, выметенный, политый водою Невскій, уставленный, какъ вѣхами, полицейскими. Въ человѣкѣ, пріѣхавшемъ изъ провинціи, эти повсюду торчащіе полицейскіе, въ перчаткахъ безукоризненной бѣлизны и въ короткихъ дамскихъ накидахъ (изъ которыхъ каждый изъ нихъ выросъ) и, въ то же время, вооруженные револьверами и шашками, вызываютъ смѣшанное ощущеніе. Петербургскій житель ко всему этому уже приглядѣлся, но человѣкъ свѣжій, деревенскій, привыкшій жить среди мирныхъ, невооруженныхъ людей, чувствуетъ себя не совѣзмъ легко въ сосѣдствѣ съ револьверами и шашками, назначеніе которыхъ остается для него загадочнымъ и возбуждаетъ только сторожливое, сдержанное безпокойство. Пренія алебарда, которую будочники обыкновенно приставляли къ будкѣ и брали въ руку, чтобы отдать честь проходящему мимо офицеру, имѣла мирное символическое значеніе и ясно говорила о безобидной роли тогдашняго будочника. Алебарда была только знакомъ полицейскаго достоинства, но въ нынѣшнемъ револьверѣ, кромѣ достоинства, есть еще шесть пуль.

Въ свѣжемъ человѣкѣ не малую тревогу возбуждаютъ еще и петербургскіе швейцары. Это совѣзмъ особенная порода людей, созданная Петербургомъ. Старшій дворникъ и швейцаръ знаютъ всю подноготную жильцовъ своего дома и своей лѣстницы. Каждому изъ нихъ въ точности извѣстно: откуда вы, сколько вамъ лѣтъ, живете ли вы съ своею женой или разъѣхались, сколько у васъ дѣтей, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, гдѣ они учатся или служатъ, кто къ вамъ ходитъ и у кого вы бываете, какой образъ жизни ведете. Это обязательное всезнайство выработало въ петербургскихъ швейцарахъ (и дворникахъ) пронизательный, пытливый, колючій взглядъ, и, въ то же время, сдержанность и молчаливость, неизбѣжную, впрочемъ, въ каждомъ, кому приходится хранить въ себѣ такъ много чужихъ тайнъ. Всѣ петербургскіе швейцары очень внимательны и вѣжливы, даже почтительно-вѣжливо. Всякій разъ, отворяя дверь, швейцаръ непременно снимаетъ фуражку, но не кланяется (кланяется швейцаръ только почетнымъ лицамъ и домохозяину, передъ которыми онъ стоитъ даже безъ фуражки, но все это дѣлается съ достоинствомъ, безъ униженія или заискиванія), и всякій разъ вы чувствуете себя неловко

подъ пытливымъ, всматривающимся въ васъ взглядомъ и старается проскользнуть скорѣе на улицу. Съ своими постоянными жильцами швейцары, конечно, этого не дѣлають, тѣмъ-то и неприятели бытъ прїѣзжимъ, незнакомымъ, чужимъ. Опытный швейцаръ никогда не спроситъ, къ кому вы приходите, но замѣтитъ это сразу и запомнитъ ваше лицо. Онъ никогда не дастъ звонка не въ-время, чтобы не заставить васъ торопиться по лѣстницѣ и не заставить прислугу ждать съ отворенною дверью. Выжидая внизу, онъ слѣдитъ за «маршами» («маршей» на языкѣ швейцаровъ называется лѣстница отъ площадки до площадки), отлично слышитъ, въ какой вы идете этажъ, и дастъ звонокъ какъ разъ къ тому времени, когда вы поднимаетесь по послѣдней маршѣ. Тотъ же опытный швейцаръ всегда васъ предупредитъ, что «такого-то» нѣтъ дома, чтобы не заставить васъ подниматься по лѣстницѣ.

У швейцаровъ трактировъ и ресторановъ пытливости во взорѣ не замѣчается и они развиваютъ въ себѣ другую привычку глаза. Домовый швейцаръ запомнитъ лицо, а трактирный—общій обликъ и платье. У трактирныхъ швейцаровъ считается особеннымъ щегольствомъ повѣсить на вѣшалку ваше платье и не дать вамъ номерка. Если вы ему скажете: «а номерокъ?»—онъ отвѣтитъ: «не беспокойтесь, я васъ знаю». И дѣйствительно, онъ никогда не ошибется. Трактирные швейцары знаютъ фамиліи своихъ болѣе частыхъ посѣтителей, и какъ они ихъ узнають—это ихъ секретъ.

Въ Петербургѣ есть еще одинъ любопытный уличный типъ, котораго тоже не замѣтишь въ Москвѣ, а ужъ тѣмъ болѣе въ провинціальныхъ городахъ. Очень часто на улицѣ, обыкновенно у воротъ домовъ, вы увидите стоящихъ безъ всякаго дѣла, точно на посту, людей особеннаго фасона, приспособленныхъ къ ходьбѣ. На нихъ надѣты короткія пальто и сапоги военнаго образца (не мужицкіе, не бураками); этихъ праздно стоящихъ у воротъ людей, приспособленныхъ къ хожденію, мнѣ чаще всего привелось видѣть въ Пушкинской улицѣ. Въ этой короткой и узкой улицѣ, отличающейся громадными шестизэтажными домами вѣнской архитектуры, проживаетъ, какъ говорятъ, населеніе цѣлаго уѣднаго города. Приспособленный къ хожденію субъектъ обыкновенно стоитъ молча и одиноко, въ воротахъ дома, и смотритъ на домъ противоположной стороны, не обращая, какъ мнѣ казалось, вниманія на проходящихъ.

Петербургскіе внѣшніе порядки производятъ такое общее впечатлѣніе, точно Петербургъ занятъ только одною думою, какъ бы у него все было тихо, спойно, безъ всякихъ исторій. И Петербургъ, дѣйствительно, работаетъ въ себѣ изумительный порядокъ. Уличная жизнь его течетъ до того стройно и безшумно, что вы не услышите даже человѣческаго голоса. Все это спуетъ и бѣжитъ взадъ и впередъ, торопливо, молча, не останавливаясь, и только въ воздухѣ стоитъ мертво-однозвучный грохотъ каменной мостовой, отъ котораго Петербургъ тоже ужъ старается избавиться, одѣвая колеса экипажей резиною.

Уличный Петербургъ есть дѣйствительно только нескончаемое движеніе, движеніе стройное, точно водная система съ рѣками и впадающими въ нихъ ручейками. Съ колокольни Исакиевскаго собора вы можете наблюдать и законъ этого движенія, безконечнаго, стройнаго, цѣльнаго, массоваго, то стремящагося къ центру отъ окраинъ, то отъ него отливающаго. И въ то же время, вы замѣтите, что въ этомъ цѣльномъ, массовомъ движеніи, повинующемся одной общей силѣ, отдѣльныя частички, составляющія уличные струи, ничѣмъ не связаны между собою. Каждый изолированъ, каждый бѣжитъ своею дорогой, не останавливаясь, никого не останавливая и теряясь въ общемъ движеніи, котораго онъ составляетъ частичку, какъ и всѣ остальные.

Стройная общность петербургскаго движенія именно и поражаетъ полною изолированностью своихъ отдѣльныхъ единицъ. Каждый идетъ по своему дѣлу, идетъ самъ по себѣ, и, въ то же время, всѣ эти изолированныя и свободныя единицы, сливаясь въ одно общее движеніе, образуютъ какую-то захватывающую васъ силу, завлекающую своимъ движеніемъ и подвижностью отдѣльныхъ частицъ, которыя на каждомъ шагѣ приковываютъ вашъ взглядъ и мѣняются, какъ разноцвѣтныя стеклушки въ калейдоскопѣ, привлекая ваше вниманіе своими постоянными перемѣнами.

Въ Петербургѣ безъ всякой усталости можно пройти по улицамъ пять, десять верстъ, т.-е. сдѣлать то, чего вы никогда не сдѣлаете въ деревнѣ, если бы вздумали идти только для прогулки. Въ деревнѣ нельзя ходить для хожденія, а въ Петербургѣ можно слоняться по улицамъ безъ всякаго дѣла цѣлые часы. И убивающему свое время человѣку будетъ казаться, что онъ дѣлаетъ какъ будто и дѣло, что онъ чувствуетъ, думаетъ, живетъ. Это неустанное движеніе является для петербургскаго человѣка источникомъ всяческаго самообмана и, въ то же время, составляетъ его спасеніе.

Петербургъ самый дѣятельный, подвижный и трудящійся русскій городъ, но его, какъ и волна, кормятъ только ноги. Оттого-то Петербургъ такъ много и ходитъ. Петербургъ ничего не создаетъ и ничего не производитъ; онъ только потребляетъ. Населеніе его составляютъ два основныхъ слоя. Верхній—его главное ядро, цвѣтъ, сила и блескъ—есть интеллигенція. Какъ нѣкогда въ Афинахъ вся жизнь сложилась для двухсотъ тысячъ независимыхъ гражданъ, а остальное все работало на нихъ, такъ и теперешній Петербургъ существуетъ лишь для своей интеллигенціи. Для нея и итальянская опера, и театры, и маскарады, и балы, и Аркадіи, и Ливадіи, и библіотеки для чтенія, и газеты, и журналы, и рестораны, и магазины, и кареты, и коляски, и посыльные, и газетчики; для нея строятъ изумительные дома, для нея дѣлаютъ торцовую мостовую, для нея электрическое освѣщеніе. Едва ли какой-либо другой городъ въ Европѣ дѣлаетъ столько для своей интеллигенціи, сколько Петербургъ.

Утромъ интеллигентный Петербургъ спускается изъ своихъ седьмыхъ

и всякихъ другихъ этажей и, высыпавъ на улицы, спѣшить пѣшкомъ, на конкахъ, на извозчикахъ, въ коляскахъ, каретахъ—къ своимъ мѣстамъ: въ канцеляріи, комиссіи, засѣданія, конторы, редакціи, бібліотеки, студіи, мастерскія, вообще къ своимъ «либеральнымъ профессіямъ», къ «своему» дѣлу. Здѣсь онъ пишетъ, сочиняетъ, переписываетъ, докладываетъ, считаетъ, переводитъ, телеграфируетъ, телефонируетъ—и все это спѣшно, порывисто, нервно, суетливо, едва успѣвая справиться съ тѣмъ, что ему нужно непременно передѣлать и окончить до обѣда.

И въ то время, какъ «господинъ» Петербурга занять этими спѣшными дѣлами, которые ему непременно нужно передѣлать, въ ресторанахъ и трактирахъ (а у домовитыхъ людей дома) готовятся ему завтраки и обѣды, въ театрахъ и загородныхъ гуляньяхъ идутъ репетиціи для вечернихъ развлеченій этого новаго афинскаго гражданина и служащій ему Петербургъ работаетъ всеми своими мускулами, чтобы приготовить все, что нужно, чтобы поднять и подкрѣпить упавшія отъ нервнаго напряженія силы «гражданина». Въ 5—7 часовъ гражданинъ обѣдаетъ, потомъ онъ развлекается, ужинаетъ, въ 2 часа ночи онъ спитъ, а утромъ опять спѣшить въ свои конторы и канцеляріи, чтобы писать, сочинять, считать, телеграфировать и телефонировать. И это повторяется изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ.

Петербургъ сложился и сорганизовался въ очень стройное, законченное и самодовлѣющее цѣлое, но это цѣлое не создаетъ никакихъ матеріальныхъ богатствъ. Мускульный Петербургъ только перерабатываетъ то, что производительная Россія высылаетъ въ Петербургъ со всѣхъ своихъ концовъ, а интеллигентный все это переботанное для него потребляетъ.

Въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи тянутся то непрерывные обозы, то безконечные товарные поѣзда, биткомъ набитые всякими предметами потребленія, а по всѣмъ воднымъ системамъ плывутъ нескончаемой вереницей судовые караваны съ зерномъ, мукой, дровами, углемъ, пескомъ, кирпичомъ, камнемъ. И все это Петербургъ въ себя втягиваетъ и уничтожаетъ. Въ Петербургъ каждый годъ доставляется до 180,000 головъ крупнаго скота, болѣе 100 тыс. телятъ, 30 тыс. свиней, 15 тыс. поросятъ и 14 тыс. барановъ. Битой говядины привозится до 1½ миллионъ пудовъ и свинины до 600 тыс. пудовъ. Петербургъ поѣдаетъ не одинъ миллионъ штукъ разной дичины и едва ли не больше домашнихъ гусей, утокъ, индѣекъ, куръ. Въ Петербургъ приходитъ 70.000,000 штукъ сельдей, 50 т. пудовъ семги, 250 тысячъ пудовъ трески, 100.000,000 пудовъ хлѣба, 10.000,000 раковъ, 2,000 вагоновъ яблокъ, 350 вагоновъ арбузовъ, 500,000 фунтовъ винограда, 6.000,000 апельсиновъ и т. д., и т. д., и т. д. О прокормленіи Петербурга заботятся не только Россія, но и Европа.

А сколько приходитъ въ Петербургъ мануфактурнаго товара, разныхъ матерій и предметовъ для одежды, всякихъ этихъ ситцевъ, кисей, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, шлягъ и шляпокъ, разныхъ предметовъ мо-

ды, украшений, часовъ, посуды, бронзовыхъ и золотыхъ издѣлій! Петербургъ любить и покушать хорошо, и одѣться хорошо, и жить свѣтло и весело. Въ Петербургѣ существуетъ цѣлое населеніе портныхъ и портницъ, сапожниковъ; башмачниковъ, шляпниковъ и шляпницъ, модистокъ, прачекъ, бѣлошвейекъ, работающихъ исключительно на «чистую» публику, т.-е. интеллигенцію.

Петербургъ собралъ въ себѣ миллионное населеніе, не создающее для Россіи никакихъ матеріальныхъ цѣнностей. Сравнительно съ земледѣльческою Россіей Петербургъ въ смыслѣ производительности пустое пространство. Онъ только пользуется сырьемъ, чтобы переработать его для своего потребителя, и создалъ въ себѣ громадный классъ посредниковъ, стоящихъ между потребителемъ и производителемъ. Всѣ нижніе этажи по всѣмъ улицамъ Петербурга заняты лавками и магазинами, и если бы всѣ эти лавки и магазины вытянуть въ одну улицу, то она дотянулась бы до Москвы. Необыкновенно громадное развитіе лавочной и магазинной торговли петербургскому жителю кажется очень удобнымъ, потому что, не выходя изъ своей улицы, онъ можетъ получить все, что ему нужно и въ сей жизни и даже то, что ему понадобится только послѣ смерти, т.-е. начиная повивальною бабкой и молочною фермой и кончая докторомъ, аптекой и гробовщикомъ. Такъ называемое промышленное населеніе Петербурга, т.-е. все то, что сидитъ въ лавкахъ и магазинахъ и торгуетъ или работаетъ на «господствующій» классъ, составляетъ 450,000 человекъ.

Отношенія между этими двумя слоями населенія чисто-денежныя: нижній слой работаетъ на верхній, а верхній ему платитъ. Верхній слой тоже работаетъ (умственно) и за свою работу получаетъ плату. Вообще Петербургу известны только способы денежныхъ пріобрѣтеній и только денежное хозяйство. Жить и работать для петербургскаго человѣка значить тѣмъ или другимъ способомъ добывать себѣ деньги. И Петербургъ только тѣмъ и занятъ, что добываетъ ихъ на всякіе лады и манеры. Это его экономическій законъ, его способы экономически-производительной дѣятельности, его теорія и практика богатства. Богатство для Петербурга—деньги, и того онъ считаетъ богаче, у кого ихъ больше, все равно, какимъ бы способомъ онъ ихъ ни получалъ: жалованьемъ ли, игрою ли въ карты, отрѣзываніемъ купоновъ или наживой.

Такъ какъ Петербургъ живетъ въ практикѣ денежнаго хозяйства и думаетъ исключительно въ денежномъ направленіи, то его экономическое мышленіе нѣсколько однобоко. Ему ближе и понятнѣе всего денежные комбинаціи, такъ сказать, головные способы пріобрѣтенія, поэтому онъ по преимуществу финансистъ, банкиръ, аферистъ, дѣлецъ. Поэтому же онъ недолюбливаетъ еврея, которому тоже известны лишь головные способы пріобрѣтенія и математическія комбинаціи, который тоже финансистъ, банкиръ, аферистъ и дѣлецъ, но у котораго, кромѣ числовыхъ способностей, есть и еще нѣкоторыя особенности, дѣлающія еврея опаснымъ кон-

куррентомъ: ловкость, умѣнье обойтись съ человекомъ, терпѣніе, выдержка, способность угадать минуту, выждать моментъ. Еврей—только крайній выводъ того же денежнаго мышленія, того же денежнаго развитія понятій и той же денежной практики, но только болѣе утонченной и совершеннѣе опоражнивающей.

Потому что Петербургъ ничего не производитъ, а только потребляетъ и умѣетъ лишь «добывать» деньги, ему мало понятна вся остальная производительная Россія. У него для пониманія ея просто нѣтъ способо́въ, нѣтъ привычки глаза видѣть что-нибудь другое, кро́мѣ «оборота», а потому и недостаетъ «производительныхъ» понятій. Отъ этого Петербургъ былъ всегда изобрѣтателемъ только на кредитные способы развитія жизни, онъ любилъ поощрять торговлю, привозъ и вывозъ, онъ придумывалъ самыя разнообразныя формы кредита—земельнаго, городскаго, взаимнаго, международнаго, крестьянскаго, дворянскаго, онъ покрылъ Россію сѣтью банковъ, въ долгахъ которымъ Россія, наконецъ, и запуталась. И самъ Петербургъ въ нихъ до того запутался, что не видитъ теперь ужъ никакого выхода.

Способами экономическаго существованія Петербурга опредѣляются и всѣ его остальные отношенія. Петербургу неизвѣстна никакая совмѣстность, да она ему и не нужна. Деревня, напримѣръ, связана землей, на которой она живетъ, которую она дѣлитъ по душамъ, за которую она несетъ общія тягости. Въ деревнѣ всякій связанъ съ своимъ сосѣдомъ совмѣстною работою, которую и невозможно вести въ одиночку. И пахать, и сѣять, и косить, и жать земля всѣхъ вызываетъ въ одно и то же время, въ одно и то же полѣ. Каждый съ пеленокъ приучается видѣть себя вмѣстѣ съ другими и на работѣ, и на деревенскомъ совѣтѣ, и въ мірскихъ платежахъ, и въ мірскихъ невзгодахъ. Даже семейныя дѣла деревни рѣшаетъ міромъ, вмѣшиваются она и въ личное поведеніе своихъ односельчанъ.

Какое же есть подобное общее въ Петербургѣ, что бы связывало его жителей? Никакого подобнаго общаго нѣтъ. Въ Петербургѣ живутъ люди по 10—20 лѣтъ въ одной квартирѣ, не зная, кто живетъ съ ними рядомъ, на одной площадкѣ. Имъ и знать этого совсѣмъ не нужно. Въ Петербургѣ каждый составляетъ свой личный и семейный особнякъ. Люди, правда, собираются въ общія конторы, канцеляріи, редакціи, вообще въ разныя помѣщенія, въ которыхъ несутъ совмѣстную службу, но каждый знаетъ только свой столъ, свой стулъ, свою чернильницу, свой аппаратъ (въ банкирскихъ конторахъ людей запираютъ даже въ отдѣльныя кѣтки) и каждый дѣлаетъ только свое личное дѣло, за которое онъ лично и отвѣчаетъ, каждый получаетъ за свой отдѣльный трудъ отдѣльную плату и ничѣмъ не связанъ съ своимъ сосѣдомъ, кро́мѣ общей комнаты, въ которой онъ съ нимъ работаетъ. Въ деревнѣ каждая семья изъ поколѣнія въ поколѣніе сидитъ на своей землѣ и никакая сила согнать эту семью съ ея земли не

снѣтъ. Но петербургскія канцеляріи и конторы не составляютъ ничьей общественной собственности. Это только помѣщенія, въ которыя являются люди какъ на фабрики, чтобы отработать свой урокъ и въ концѣ мѣсяца получить заработанное жалованье. Годится человѣкъ для работы и здорѣвъ—его держать; не годится или болѣнъ—его уволить. Въ деревнѣ человѣкъ зависитъ отъ земли, она всѣми и всѣмъ повелѣваетъ и всѣхъ ставитъ въ равныя условія. Въ Петербургѣ человѣкъ зависитъ только отъ человѣка, у него всегда есть начальникъ или хозяинъ, который сегодня его держитъ, а завтра можетъ отпустить. Въ деревнѣ человѣкъ чувствуетъ себя во власти неустрашимыхъ стихійныхъ силъ. Въ Петербургѣ командуешь всегда человѣкъ, чужой умъ, чужая воля и внѣшняя единоличная сила. Каждый растетъ и живетъ въ постоянномъ ощущеніи своего я, то въ томъ, что ему приказываютъ, то въ томъ, что онъ и самъ можетъ приказывать. Петербургскому человѣку и нельзя быть другимъ, потому что у него умъ такой экономическій режимъ. Всѣ дѣла онъ свершаетъ на свой личный страхъ, все его благосостояніе зависитъ отъ его личныхъ силъ; его счастье, его положеніе, которое онъ долженъ себѣ создать, отвоевать, взять отъ жизни съ бою, зависитъ отъ его ума, способностей, энергіи. Только сильный и ловкій выплываетъ въ Петербургѣ, слабый и неловкій останется на днѣ или погибнетъ. Оттого-то петербургскій человѣкъ и чувствуетъ въ такой степени свое я, и это я разрастается нерѣдко до полной неспособности рѣшать дѣла сообща и говорить иначе, какъ монологами.

Но никакое я не можетъ жить только собою. Не живетъ оно собою и въ Петербургѣ, а развивается въ ближайшую общественную форму—кружокъ, въ которомъ около одного болѣе центрального человѣка группируются другіе, менѣе центральные люди. Петербургу пока извѣстна только кружковая жизнь и никакой другой онъ выработать еще не успѣлъ. Кружки состояются обыкновенно изъ людей общихъ занятій или однороднаго преподаванія времени.

Петербургскіе кружки—это маленькія изолированныя общественныя тѣла, между которыми нѣтъ ничего общаго. Нѣкоторые изъ нихъ очень малы, никому неизвѣстны и совершенно теряются въ петербургскомъ странствѣ; другіе—больше, пользуются нѣкоторою извѣстностью (даже популярностью,—конечно, въ своемъ общественномъ слоѣ) и обыкновенно называются по имени своего центрального солнца. Центральнымъ солнцемъ чаще (кажется) бываютъ женщины, чѣмъ мужчины.

Особенность кружковыхъ петербургскихъ тѣлъ въ томъ, что они не только изолированы, но и враждебны одно другому. И это совершенно понятно, потому что у каждого кружка свои дѣла, свои интересы, своя сплетенная паутина отношеній, къ которой каждый привыкъ; а къ тому же и центральныя солнца кружковъ не переносятъ свѣта другъ друга. Въ сущности, тутъ нѣтъ вражды идей или принциповъ, а скорѣе соперничество

иметь и игра въ первенство. Но и это неизбежно, если кружокъ есть ближайшая общественная форма выскочившаго изъ одиночества я.

Когда деревня обрабатываетъ свои поля, каждый видитъ сейчасъ же и результаты своего труда. Проходить ли мужикъ плугомъ свою полосу,—у него тутъ же, на глазахъ, получается пашня. Начнетъ онъ сѣять,—черезъ три дня является зелень. Косить ли онъ, жнеть ли, молотить ли,—опять у него въ рукахъ очевидный результатъ его труда въ видѣ травы, сноповъ, хлѣба. А осенью деревня считаетъ и видитъ и общіе результаты всей своей совокупной деревенской работы. Тутъ не только очевидно участіе отдѣльнаго личнаго труда въ общемъ трудѣ, но эта очевидность создаетъ еще мужику извѣстный кругозоръ и ясно ставитъ ему цѣль общихъ усилій.

Петербургъ такого непосредственнаго, осязательнаго результата своего труда не видитъ. Люди, строчащіе въ канцеляріяхъ бумаги, считающіе въ банкирскихъ конторахъ на счетахъ или пишущіе передовыя статьи въ газетахъ, видятъ только то, что они настрочили, насчитали, написали. Это просто только отдѣльныя дѣйствія. Для рѣшительнаго большинства петербургскихъ людей, получающихъ за свои дѣйствія плату или жалованье, это самое дѣйствіе составляетъ уже и результатъ, ради котораго они трудятся. Никакого другаго результата для этого рѣшительнаго большинства не видно и не осязательно, и о немъ у него не является даже и мысли. Люди пишутъ, читаютъ, считаютъ, ходятъ, исполняютъ приказанія совершенно такъ же механически, какъ исполняютъ порученія посыльные. Отнесеть посыльный письмо, получить двугривенный и для него этотъ двугривенный и есть результатъ, а какія тамъ послѣдствія могутъ возникнуть изъ письма: умереть ли, оживетъ ли кто—какое до этого дѣло посыльному? Петербургъ въ этомъ отношеніи похожъ на громадный заводъ, въ которомъ каждый видитъ и знаетъ только свою работу и не видитъ общей работы. Отъ этого Петербургъ—самый механическій городъ изъ всѣхъ столицъ въ мірѣ, а петербургскій человѣкъ—самый механическій русскій человѣкъ, относительный кругозоръ котораго гораздо уже кругозора деревенскаго человѣка.

Слишкомъ тѣсная механическая жизнь Петербурга создала даже особенную, собственно «петербургскую» породу людей съ двойною душой. Человѣкъ съ двойною душой, когда стоитъ на своемъ дѣлѣ, сухъ, формаленъ, строго исполнительнень, не думаетъ дальше того дѣла, которое дѣлаетъ, и не знаетъ, что изъ этого дѣла выйдетъ. Онъ вколачиваетъ порученный ему гвоздь или завинчиваетъ свой винтъ—и только. Но, окончивъ къ четыремъ, пяти часамъ дня вколачиваніе или завинчиваніе и снявъ свое рабочее платье, онъ внезапно оживаетъ. Гуттаперчевый человѣкъ становится живымъ человѣкомъ и, какъ всякій живой человѣкъ, радуется солнцу и природѣ, и цвѣтамъ, и людямъ любить, и жизнь чувствуетъ, и жизни проситъ и ищетъ. А на утро, надѣвъ свой рабочій фартукъ, онъ снова ста-

новятся гуттаперчевою машиной и съ задеревенѣлымъ видомъ опять вкочлачиваетъ порученный ему гвоздь.

О формализмѣ, сухости и безучастности петербургскаго человѣка говорилось и писалось много и больше всѣхъ И. Аксаковымъ, связывавшимъ этотъ формализмъ, будто бы чуждый русской жизни, только съ петербургскими канцеляріями. Это мнѣніе нѣсколько тѣсно и поддерживалось Аксаковымъ ради бѣльшей наглядности его протеста противъ петербургскихъ западническихъ заимствованій. Люди петербургскихъ канцелярій (какъ и вообще всѣ исполнители) отличаются дѣйствительно сухимъ и безучастнымъ формализмомъ. Но развѣ нѣмецкіе или французскіе чиновники менѣе формальны и болѣе участливы? Сухой, черствый, послѣдовательный педантизмъ нѣмцевъ вошелъ даже въ пословицу и для насъ, русскихъ, онъ былъ всегда недостижимымъ идеаломъ, котораго приглашавшимся на русскую службу нѣмецкимъ администраторамъ водворить у насъ такъ и не удалось.

Двойная душа есть общій петербургскій признакъ, и эта двойная душа сидитъ въ каждомъ петербургскомъ интеллигентѣ. Интеллигента съ одною душою въ Петербургѣ нѣтъ. Но двойная душа—не двоедушіе. Этой черты тоже нѣтъ у петербургскаго человѣка. Интеллигентъ оттого и создалъ себѣ двойную душу, что неспособенъ на двоедушіе. Душа петербургскаго интеллигента развилась оттого, что у него нѣтъ характера примирить свои личныя стремленія съ общими условіями жизни, которыя всегда были сильнѣе его и всегда его себѣ подчиняли. Оттого онъ и выработалъ въ себѣ особую механическую половинку души, которою живетъ при однихъ обстоятельствахъ, а другою половинкой, но уже живой души, живетъ, когда снимаетъ свой рабочій фартукъ и приходитъ домой.

Самая коренная и главная особенность петербургскаго человѣка, основная черта его общественной и личной фізіономіи, есть безхарактерность. Петербургскій человѣкъ ни въ чемъ твердо не увѣренъ, ничего онъ не знаетъ точно, не имѣетъ никакихъ основныхъ знаній, которыхъ ему и приобрести-то было негдѣ, потому что онъ всегда учился кое-гдѣ, кое-какъ и всегда очень лѣнливо, только чтобы отбыть повинность. Поэтому-то петербургскій интеллигентъ, не чувствуя отъ того никакихъ затрудненій, можетъ легко ходить по двумъ дорожкамъ. Петербургскій человѣкъ собственно оппортунистъ, онъ всегда плыветъ по теченію и, какъ всѣ безхарактерные люди, считаетъ себя человѣкомъ съ твердыми убѣжденіями и правилами и очень высокаго мнѣнія о своей сознательности и о своемъ умѣ.

Теперешнее время выдвинуло въ петербургской жизни одно любопытное умственное явленіе, намѣтившееся настолько опредѣленно, что о немъ въ Петербургѣ уже говорятъ. Это явленіе—«молодые писатели» (ихъ такъ и называютъ), выступающіе въ качествѣ умѣренныхъ представителей поколѣнія 80-хъ годовъ, слагающагося при условіяхъ новѣйшей дѣйствительности (преимущественно петербургской). Нѣкоторые петербургскіе литературные круги относятся очень враждебно къ «молодымъ писателямъ»:

они не признаютъ въ нихъ ни силы, ни даровитости, ни таланта; говорить, что «молодые писатели» сами себя раздуваютъ и сами себя рекламируютъ и потому ихъ нужно замалчивать. Едва ли это вѣрно. Если «молодые писатели» — будущая сила, то ихъ не замолчишь, а если они — безсиліе и пустой пробный шаръ, то одними разговорами о нихъ не создашь имъ того, чего у нихъ нѣтъ. Крупное или мелкое, сильное или слабое, но «молодые писатели» выражаютъ несомнѣнно новое теченіе въ петербургскомъ мышленіи, и отмѣтить его для публицистики обязательно, тѣмъ болѣе, что «молодые писатели» имѣютъ уже и своего молодого критика. Бригиттъ этотъ г. Р. Д. въ *Недѣль*.

Его попыткой отвести «молодымъ писателямъ» опредѣленное мѣсто, объяснить ихъ какъ преемственное явленіе, даже какъ поправку предыдущему литературному мышленію, я теперь и воспользуюсь. Мнѣніе г. Р. Д. не простая оцѣнка того или другаго молодого писателя. Нѣтъ, г. Р. Д. группируетъ ихъ въ *Новое литературное поколѣніе* (подъ этимъ заглавіемъ написана имъ въ *Недѣль* статья) и въ подробностяхъ устанавливаетъ законъ этого новаго литературнаго поколѣнія, являющагося на смѣну поколѣнію предыдущему и прокладывающему русскому художественному творчеству новый путь.

Наша реальная школа, — говоритъ г. Р. Д., — была отрицательною, но ея отрицаніе не распространялось на всю жизнь, какъ европейскій пессимизмъ, а было только отрицаніемъ русскаго «варварства» во имя просвѣщенія и человѣчности. Литература того времени извлекала изъ русскаго быта только такіе типы, которые она хотѣла осмѣять или заклеймить (Фамусовы, Собакевичи, Ноздревы, Обломовы, Хлестаковы и т. д.).

Правда, было въ русской дѣйствительности (все это говоритъ г. Р. Д.) и еще явленіе, тоже привлекавшее вниманіе литературы и на которое тогдашнее время возлагало всѣ свои управленія. Это была небольшая группа людей, преемственно смѣнявшихъ другъ друга и воспитавшихся на общечеловѣческихъ идеяхъ, которыя дали нашей литературѣ типы Онегина, Чацкаго, Печорина, Рудина, Базарова и проч., г. Р. Д. называетъ ихъ невольными протестантами, отщепенцами, чужаками на родинѣ, всемірными святальцами. Изображая эти типы, наши художники сами же и развѣнчивали ихъ, показывая ихъ несостоятельность передъ жизнью, но это всегда были типы героическіе.

Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную мысль, въ человѣчскій разумъ, въ героя просвѣщенія, но оно не сочинило этого героя изъ головы, а довольствовалось только тѣмъ, что изображало «ванушъ» предполагаемаго пришествія настоящихъ людей.

Но поколѣніе шестидесятыхъ годовъ на этомъ не остановилось и г. Р. Д. характеризуетъ его такъ: «Оно совершенно отдалось головнымъ, теоретическимъ идеаламъ. Недовольное природой и исторіей, оно рационалистически построило «новаго человѣка», весьма мало похожаго на дѣйствитель-

наго, и нашло въ себѣ способность увѣрять въ этого своеобразнаго го-шункула; для возведенія реальнаго человѣка въ идеалъ, оно опорожнило его отъ всего того содержанія, какимъ наполнили его природа и органи-ческая жизнь наци, и вложила въ него заново-придуманную, новую душу. О такой операци несомнѣнно свидѣтельствуютъ всѣ оставшіеся отъ того времени идеалы. Припомните, напримѣръ, Лопухова, Рахметова, Свѣтлова, Стожарова и т. п.».

Содержаніемъ идеаловъ сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ до самаго послѣдняго времени было стремленіе къ героическому (это все говорить г. Р. Д. и я его цитирую очень подробно, потому что иначе бу-детъ читателю недостаточно ясно «новое» движеніе петербургской мысли). Человѣкъ, къ которому направлялись идеальные помыслы эпохи, неизмѣ-но противопологался толпѣ, массѣ общества, представлялся всегда героємъ, и непремѣнно героємъ особенной жизни, не похожей на обычную, съ ея «естественнымъ счастьемъ и горемъ, радостями и печалаями. Такая простая жизнь объявлялась жалкимъ удѣломъ толпы, мѣщанствомъ, пошлымъ су-ществованіемъ. Герой долженъ быть чуждъ этой жизни и всецѣло отдаться своей высокой цѣли и своему великому дѣлу. Въ сороковыхъ годахъ это великое дѣло заключалось въ служеніи истинѣ, въ проповѣди любви и правды, въ борьбѣ со зломъ и насиліемъ, а въ шестидесятыхъ и семиде-сятыхъ годахъ оно заключалось въ служеніи народу. Это было героическое настроеніе, понимавшее жизнь только какъ борьбу за идеалы,—словомъ,— говорить г. Р. Д.,—то фанатическое настроеніе, которое заставляетъ че-ловѣка отрѣшиться отъ всѣхъ благъ и примановъ жизни и позволяеть ему совершать чудеса героизма и самоотверженія въ сферѣ общественной дѣятельности».

Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаеть обязанности быть героємъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы—«сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли» и для но-ваго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему сужде-но жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно приняло сознаниемъ, что все въ жизни вы-текаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросо-зерцанію.

Молодыхъ писателей пока еще немного, пишутъ они недавно «и сре-ди нихъ не нашлось еще никого, кто подарилъ бы насъ крупнымъ ху-дожественнымъ произведеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова», но, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ наша новѣйшая художественная литература проникнута однимъ и тѣмъ же духомъ, «однимъ и тѣмъ же стремленіемъ реабилитировать дѣйствительность». Нѣкоторые изъ нихъ, правда, были

еще одушевлены идеальными стремлениями прежнего времени, например, Надсонъ, Всеволодъ Гаршинъ, печать того же идеализма лежитъ и на некоторыхъ произведеніяхъ г. Короленко.

«Но рядомъ съ этими писателями, продолжавшими традиціи прошлаго (я сдѣлаю теперь большую выписку, потому что дѣло идетъ о квинтэссенціи «новаго» направленія), въ современной литературѣ уже довольно ясно обособилась группа представителей новаго направленія. Въ числѣ ихъ можно отмѣтить гг. Чехова, Ясинскаго, Дѣдова, Баранцевича, Щеглова, поэта Фофанова. Всѣ они проникнуты духомъ признанія, а не отрицанія дѣйствительности. Г. Чеховъ по самой натурѣ своей — пантеистъ-художникъ. Для него въ мірѣ нѣтъ ничего недостойнаго искусства. Все сущее интересно уже потому, что оно есть, и все можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія. Достаточно прочесть небольшой томикъ рассказовъ г. Чехова (*Въ сумеркахъ*), чтобы убѣдиться, что ничто въ жизни не имѣетъ для него, какъ для художника, особаго преимущества и всякое ея явленіе можетъ вдохновить его на творчество... Г. Ясинскій работаетъ на томъ же новомъ пути. Его послѣдній романъ *Старый другъ* и замысломъ своимъ, и исполненіемъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о намѣреніи автора поднять внутреннее значеніе супружеской любви и всей вообще стихіи брачной жизни... Гг. Баранцевичъ, Щегловъ, Дѣдовъ относятся точно также объективно и свободно къ фактамъ жизни и трактуютъ ихъ совершенно независимо. Творчество молодыхъ беллетристовъ носитъ еще, правда, характеръ случайности, но это потому, что у новаго поколѣнія нѣтъ еще установившихся практическихъ идеаловъ, которые бы ясно ставили цѣли для его дѣятельности и опредѣляли его отношеніе къ дѣйствительности. Новому поколѣнію (г. Р. Д. говорить «современному человѣку») чужды всѣ условныя точки зрѣнія и категоріи, которыми люди предшествующаго времени мѣрили достоинство различныхъ явленій жизни. Онъ (т.-е. современный человѣкъ) проникнуть только духомъ безгранично-свободнаго и терпимаго пантеизма. Онъ не морализируетъ надъ жизнью, не судитъ ея съ точки зрѣнія идеаловъ гражданственности, но относится къ ней совершенно свободно, исключительно созерцательно, стараясь только постигнуть ея таинственную сущность. Вотъ почему современные художники наши и относятся такъ безразлично къ дѣйствительности. Какъ опредѣлить, подъ какую общую категорію можно подвести тѣ явленія, въ которыхъ вдругъ откроется художнику тайна жизни, творческая мысль природы? Тутъ нѣтъ границъ и предѣловъ».

Если все то, что говоритъ г. Р. Д., перевести на простой обыденный языкъ, не употребляя маскирующихъ литературныхъ словъ, то получится вотъ что: «бросьте, господа, всѣ эти завиральныя идеи, которыя не привели ни къ чему, будьте людьми практическими, сидите каждый подъ своею смоковницею, любуйтесь на природу, а тамъ что будетъ, то и будетъ».

А что же будетъ? Г. Р. Д., въ качествѣ толкователя «идей» новаго по-

покоління, говорить, что то, что будетъ, никому неизвѣстно; что будущее составляетъ тайну природы и что эту тайну природы можетъ открыть независимо любой «молодой беллетристъ», сидящій подъ своею смоковницею въ молчаливомъ созерцаніи природы и занимающійся «пантеизмомъ».

Ну, а нужно ли что-нибудь для этого знать? Знать—тоже ничего не нужно, потому что откровеніе, которое снизойдетъ само собою, сниметъ завѣсу со всѣхъ тайнъ бытія (молодые беллетристы, какъ разсказываютъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ, дѣйствительно все это утверждаютъ). Отрицаютъ они будто бы и образованіе, и науку,—вѣроятно, подъ вліяніемъ Л. Толстаго. А что эти толки о «молодыхъ беллетристахъ» недалеки отъ истины, можно заключить и изъ характеристики г. Р. Д., подтверждающаго ихъ вѣру въ наитіе).

Не выяснится ли лучше произвольная характеристика нарождающагося новаго петербургскаго поколѣнія и его «молодыхъ беллетристовъ»; нѣсколько затѣненная у г. Р. Д. способомъ его изложенія, слѣдующими сопоставленіями? Я только повторю отрицательный приѣмъ г. Р. Д.

Г. Р. Д. говорить, что всѣ прежніе идеальные (художественные) типы или люди были несостоятельны, но они всегда знали, чего хотятъ; теперешніе, значить, будутъ состоятельными, потому что не знаютъ, чего они хотятъ, и не имѣютъ никакого опредѣленнаго общественнаго плана въ жизни.

Поколѣніе сороковыхъ годовъ вѣрило въ индивидуальную мысль, въ человѣческій разумъ, въ героя просвѣщенія; теперешніе (молодые беллетристы) не вѣрятъ ни въ какого героя и ни въ какое просвѣщеніе.

Поколѣніе шестидесятыхъ годовъ сочинило теоретическій идеалъ и выдумало «новаго человѣка», опорожнивъ его отъ всего того содержанія, какимъ наполнила его природа и органическая жизнь націи; молодые беллетристы никакого человѣка не выдумываютъ, а изъ прежняго вынимаютъ его содержаніе и въ такомъ опорожненномъ видѣ заставляютъ его ждать, когда на нихъ (молодыхъ беллетристовъ) снизойдетъ откровеніе и имъ станетъ ясна тайна бытія.

По идеалу сороковыхъ и всѣхъ послѣдующихъ годовъ человѣкъ представлялся героємъ: въ немъ были гражданскія стремленія, онъ или проповѣдывалъ любовь, правду, справедливость, боролся со зломъ и насиліемъ, или же, какъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, хотѣлъ служить народу. Новому человѣку героємъ быть не полагается,—ему позволено только обзавестись молодою и красивою женою, уѣхать на лѣто на дачу и разводить цвѣты.

Идеалы 40-хъ и 60-хъ годовъ были лишь «сухими логическими произведеніями индивидуальной мысли», у новаго же поколѣнія (молодыхъ беллетристовъ) никакихъ индивидуальныхъ мыслей нѣтъ и для нихъ осталась «только дѣйствительность», въ которой имъ суждено жить, а потому все дѣйствительное они признаютъ справедливымъ и очень имъ довольны.

Признавъ, что ничто не можетъ быть лучше дѣйствительности, «моло-

дые беллетристы» задалась цѣлью ее «реабилитировать» и пропагандировать свои принципы беллетристическими произведениями.

Г. Р. Д., отрицая совершенно серьезно и убѣжденно все предъидущее движеніе русской мысли, даетъ, однако, такую характеристику «новаго поколѣнія» и «молодыхъ беллетристовъ», что, право, не знаешь, за что ее принять,—такъ она похожа на иронию. Но несомнѣнно, что все, что пишетъ г. Р. Д. о молодомъ поколѣніи и молодыхъ беллетристахъ, такъ и есть въ дѣйствительности. Они опорожнили себя отъ всего предъидущаго и эту пустоту еще ничѣмъ не заполнили.

Упадокъ мысли «молодыхъ беллетристовъ» видѣнъ въ тѣхъ ничтожныхъ темахъ, которыя они разрабатываютъ. Темы эти берутся болѣею частью изъ газетныхъ корреспонденцій и дневника происшествій, и потому имѣютъ преимущественно полицейскій характеръ. Беллетристическія произведения молодыхъ беллетристовъ чаще всего художественный перифразъ газетныхъ сообщений о какомъ-нибудь мѣстномъ происшествіи или случаѣ,—перифразъ, сдѣланный иногда даже вовсе и не талантливо. Мальчикъ скралъ у родителей деньги и удралъ съ дѣвочкой-гимназисткой въ Петербургъ, собака съѣла котятъ, церковнаго старосту обманули воры, трусливый дѣшникъ не вышелъ изъ своей хаты на крикъ о помощи,—вотъ темы для художественнаго творчества молодыхъ беллетристовъ. Ужь будто бы это пантемамъ? Ужь будто бы вся Россія до того опорожнилась, что для мыслящаго человѣка въ ней нѣтъ ничего, что хотѣлось бы ему понять и объяснить?

Да хотя бы и сами «молодые беллетристы»! Развѣ они не такое явленіе, надъ которымъ, прежде чѣмъ возводить его въ «перлъ созданія», какъ это дѣлаетъ г. Р. Д., слѣдовало бы призадуматься посерьезнѣе? Вѣдь, нельзя же превращать въ нуль всю умственную работу предъидущихъ поколѣній, выдвинувшихъ дѣятелей, которыхъ признаетъ и чтитъ вся просвѣщенная Россія и умственнымъ трудомъ которыхъ обновилась вся русская жизнь, и вмѣсто ихъ пропагандировать новыхъ вождей, рекомендуя ихъ, какъ людей, у которыхъ внутри пока еще ничего нѣтъ, которые еще ничего не сдѣлали и ничего не сказали, но которые современемъ (если ихъ посѣтитъ наптіе), можетъ быть, что-нибудь и скажутъ! А, кажется, только такую рекомендацію «молодымъ беллетристамъ» и сдѣлалъ г. Р. Д.

«Молодые беллетристы»—вполнѣ петербургское явленіе и продуктъ исключительно петербургскаго мышленія, для котораго весь міръ наблюдений ограничивается Зоологическимъ садомъ, Аркадіей, Базанской улицей и Невскимъ проспектомъ съ ихъ вышними порядками и благоустройствомъ. Это тотъ опорожненный Петербургъ, который теперь рѣшительно растерялся, весь ушелъ въ себя и ничего не видитъ, кромя себя. И, въ то же время, онъ сохранилъ всѣ свои основныя петербургскія черты: сильно развитое чувство личности (при безхарактерности и безличности), всегдашнюю свою способность плыть по теченію и наклонность мѣнять и сообразовать свое

настроение съ новыми временами и новыми вѣяніями. Въ этомъ отноше-
ніи Петербургъ уже, конечно, самый безличныи городъ: это какая-то опа-
ра или тѣсто, которое всегда принимаетъ форму горшка, въ который его
положить. Даже ин. Мещерскій обозвалъ теперешній Петербургъ «размаз-
нею, которая ничего не можетъ дать, кромѣ прозябанія». Но этотъ Пе-
тербургъ опять только кружовой Петербургъ, и обобщать его нельзя ни
въ «новое поколѣніе», ни въ «Россію».

Теперешній Петербургъ меньше всего имѣетъ умственныхъ возможно-
стей возводить себя въ какую-либо идею, которую бы приняла Россія. Его
«новое», что нашло себѣ даже и литературное представительство въ лицѣ
«молодыхъ беллетристовъ», и ихъ критика, настолько чуждо тѣхъ вопро-
совъ, на которые Россія ждетъ отвѣтовъ, что теоретическія оправданія
дѣйствительности (индифферентизмъ и полное отчужденіе отъ жизни подъ
красивымъ литературнымъ названіемъ «пантеизма»), за которое взялись
«молодые писатели», сослужить плохую службу Петербургу. Прежде отъ
Петербурга Россія ждала идей и ихъ дѣйствительно получала, Петербургъ
будилъ мысль, изъ него шла жизнь и живое слово; теперешній же Петер-
бургъ рассказываетъ Россіи, какія у нея прекрасныя поэтическія степи,
какъ собаки поѣдаютъ котятъ и какъ мальчики дѣлаютъ не только всякія
глупости, но и всякія пакости. Такой Петербургъ, конечно, убѣдить скоро
Россію, что отъ него никакихъ идей и ничего особенно умнаго ждать не
слѣдуетъ.

Теперешнему Петербургу едва ли даже и возможно установить свой ум-
ственный авторитетъ, потому что онъ находится въ положеніи улья, поте-
рѣвшаго матку. У Петербурга нѣтъ умственного центра, нѣтъ никакой об-
щей связывающей всѣхъ идея, нѣтъ общаго дѣла. И когда Петербургъ
очутился въ положеніи улья безъ матки, когда онъ рассыпался на свои
единичныя части, то каждая такая отдѣльная частица ухватила въ свои
жестингаты своего умственного самосохраненія за ближайшую и един-
ственно оставшуюся ей доступною общественную форму—форму кружка. А
такъ какъ каждый кружокъ имѣетъ передъ своими глазами только то об-
щее, которое его соединяетъ, то онъ это свое общее превратилъ во все-
россійское и мушку, которая его вылечила, желаетъ налѣпить на всю Рос-
сію. Тѣ, кто нашель свою мушку въ винтѣ, совѣтуютъ и всей Россіи
играть въ винтѣ; кто нашель свою мушку въ «Арадіи»,—готовы всю Рос-
сію покрыть Арадіями или превратить ее въ одинъ большой трактиръ
Палина. Этого же закона обобщенія не избѣгъ и кружокъ «молодыхъ бел-
летристовъ», превратившій себя тоже во всероссійскую идею и даже въ
цѣлое молодое поколѣніе.

А, между тѣмъ, свою кружковость «молодое поколѣніе» могло бы легко
усмотрѣть изъ того, что Надсонъ разошелся чуть ли не въ десяти изда-
ніяхъ, могло бы усмотрѣть и въ тѣхъ симпатіяхъ, которыми пользовался

Вс. Гаршинъ и которыми пользуется г. Короленко, и какими не пользуется ни одинъ изъ остальныхъ молодыхъ писателей. Причина этого, конечно, не въ меньшей талантливости этихъ остальныхъ. Г. Р. Д. называетъ Надсона, Вс. Гаршина и г. Короленко единственными изъ молодыхъ писателей, «продолжавшихъ традиціи прошлаго». Въ этомъ, конечно, только и причина ихъ успѣха. Очевидно, что «старое» лучше «новаго».

Петербургъ несомнѣнно утратилъ свое значеніе головы Россіи, какъ чего-то дѣльнаго и однодумнаго, и, распавшись на кружки, напоминаетъ голову, думающую въ разбродъ отдѣльными своими способностями и нервно-головными центрами. Дѣло пошло еще и дальше. Въ петербургской журналистикѣ, — чего никогда въ ней прежде не было, — стало обнаруживаться такое «дифференцированіе», что сами кружки внутри себя начали распадаться на свои составныя части, стараясь освободить себя отъ собственныхъ центровъ. Въ одной изъ рецензій майской книжки *Свермяго Вѣстника* явилось даже и оправданіе подобнаго журнальнаго дифференцированія теоріей «солистовъ», какъ противопоставленіемъ теоріи «хороваго начала».

Это тоже преимущественно петербургское явленіе. Въ деревнѣ человѣкъ чувствуетъ себя свободнѣе и шире, онъ находится въ зависимости почти исключительно отъ силъ природы, онъ только ихъ во всемъ и видитъ и только съ ними и соображаетъ свои дѣйствія. Отъ этого-то деревенскій человѣкъ и по преимуществу консерваторъ. Въ петербургскихъ же каменныхъ катакомбахъ, гдѣ нѣтъ никакой природы, гдѣ все узко и тѣсно, — тѣсно до того, что люди и ходить-то должны въ извѣстномъ порядкѣ, въ линію, только впередъ и назадъ и громѣ этихъ двухъ направленій имъ нѣтъ другаго выбора, — человѣку, наконецъ, становится уже очень тягостно, ему претятъ всѣ эти указки и, стараясь освободиться, онъ начинаетъ съ того, что ему легче сбросить, т. е. съ ближайшихъ личныхъ отношеній. Вѣроятно, отъ этого же и семейная жизнь идетъ въ Петербургѣ не союзомъ, а враждой, и люди женятся какъ будто только для того, чтобы потомъ весь вѣкъ освобождать себя другъ отъ друга. Катакомбная жизнь и два направленія, по которымъ людямъ только и предоставляется ходить, дѣлаютъ то, что петербургскій человѣкъ, увлекаая мечтою о лучшемъ, становится «пантеистомъ» и «солистомъ».

Но это исходъ только лучшихъ и мыслящихъ людей. Немыслящіе (интеллигенція физиологическая или зоологическая), какъ пишетъ въ одной заграничной нѣмецкой газетѣ ея петербургскій корреспондентъ, получаютъ въ Петербургѣ совсѣмъ особый обликъ и образуютъ особый національный типъ — петербургскій: «Разсмотрите ихъ поближе, — говоритъ корреспондентъ, — и вы увидите нѣсколько внѣшнихъ признаковъ, хотя опредѣлить ихъ словами очень трудно. Блѣдные, скучающіе, наводящіе скуку и ищущіе наслажденій, во что бы то ни стало, но наслажденій варварской цивилизаціи...»

Эту нервную породу, которой петербургская жизнь не дает никакого умственного и душевного содержания, могут шевелить только сильные нервные возбужденія, и понятно, что она за ними гонится.

Требовалось особое искусство, чтобы выдумать такую тягостную жизнь, какую выдумалъ себѣ Петербургъ. Въ немъ жизни нѣтъ и люди стараются только забыться на разныхъ ея суррогатахъ. Нервная торопливость, вѣчная суета, масса «дѣлъ», которую каждому приходится передѣлать въ день въ конторахъ и канцеляріяхъ, бѣготня по улицамъ, огромные «концы» и физическое утомленіе, слѣдующее за всѣми этими безтолковыми, суетливыми и слѣпными движеніемъ, настолько поглощаетъ силы петербургскаго человѣка, что ему совсѣмъ не остается времени подумать, что и для чего онъ все это дѣлаетъ. Но отнимите отъ Петербурга его суетливое движеніе и уличную бѣготню, на которыхъ онъ забывается, и Петербургъ сталъ бы городомъ самыхъ несчастныхъ и скучающихъ людей въ мірѣ.

Суррогатное существованіе всегда очень томилло Петербургъ и онъ постоянно придумывалъ одно за другимъ средства къ выходу въ настоящую жизнь. Но все, что онъ ни придумывалъ, было не средствами къ выходу, а только указаніемъ на то, чѣмъ онъ болѣетъ. Его вѣчный вопросъ: «что дѣлать» и его разселеніе интеллигенціи по деревнямъ, и его протестъ противъ «иѣсть» и «жалованья», и его теперешній «пантеизмъ», и его новѣйшая теорія «солистовъ» — только указанія на то, чего ему недостаетъ. Ему же недостаетъ только дѣла и возможностей для дѣла. Всѣхъ томить безцѣльность и безплодность существованія.

Даже крайніе петербургскіе консерваторы почувствовали, что они рассыпаются какъ песокъ морской, что у нихъ исчезъ умственный цензъ, что ихъ «партія впала въ безначаліе», что ей нуженъ новый Катковъ. На это въ томъ же консервативномъ *Гражданинѣ*, кажется, самъ редакторъ отвѣчаетъ: «Явился теперь новый Катковъ, съ болѣе сильнымъ даже талантомъ, и тотъ оказался бы бессильнымъ. Катковъ былъ сыномъ своего времени и поэтому былъ бы немислѣнъ теперь, ибо онъ явился бы не въ свое время и обреченъ былъ бы на безсиліе... Катковъ сумѣлъ своимъ сильнымъ талантомъ публициста воспользоваться духовною мощью своего общества, — это безспорно; но не будь этой духовной мощи въ то время въ русскомъ обществѣ, Катковъ не могъ бы имѣть ни своей силы, ни своего положенія, ни своего обаянія. Это было въ самый разгаръ возрожденія русской жизни, два года послѣ 1861 года, когда все кипѣло жизнью, и именно жизнью духовною, когда лучшіе люди шли на общественную службу, когда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, когда либералы создали цѣлую Ниагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самыми вызывали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана, — словомъ, когда все, что дремало до того, проснулось и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла, на борьбу жи-

вую и, можно без преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы Русскаго государства, эпохою создавшихся... Но съ тѣхъ поръ мы прожили болѣе ста лѣтъ по духовному содержанію... Это теперь зовутъ Каткова въ смыслѣ руководителя? Ничто, потому что теперь нечего было бы Каткову дѣлать: нѣтъ мыслей и чувствъ, изъ которыхъ могла бы слагаться духовная мощь для его вдохновенія и укрѣпленія... Мы всё были тогда его силою и его броней. А теперь что мы стали? Мы стали размазней, которая ничего не можетъ дать, кромѣ прозвонія...»

Очевидно, что Петербургъ переживаетъ теперь умственный кризисъ, и не только его переживаетъ, но и начинаетъ его сознавать.

Н. Ш.

Литература и жизнь.

(Критическія замѣтки).

На нынѣшній разъ я поведу бесѣду о двухъ вопросахъ, которые давно и сильно мучаютъ многихъ. Отчего у насъ такъ мало личнаго почина? Отчего у насъ такъ слабо развито чувство законности? На мой взглядъ, между этими вопросами существуетъ тѣстѣйшая связь: при господствѣ чувства законности, въ обществѣ открывается широкій просторъ для личной дѣятельности; энергія отдѣльныхъ людей создаетъ условія, благопріятныя для упроченія и развитія въ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ правильныхъ юридическихъ воззрѣній, укрѣпляющихъ и уясняющихъ то, что должно называть чувствомъ законности и чувствомъ справедливости. Надо жить по правдѣ,—нерѣдко слышимъ мы отъ многихъ. Необходимо, чтобы въ жизни не было произвола и насилія,—говорятъ другіе,—слѣдуетъ, чтобы въ обществѣ царствовалъ законъ. Да, конечно. Только при этихъ условіяхъ многообразіе жизненныхъ теченій и личныхъ интересовъ, составляющихъ содержаніе и красоту общежитія, не перейдетъ въ хаосъ взаимно враждебныхъ силъ, въ грубую борьбу за существованіе. Стало быть, не только нельзя избѣгать обсужденія того, какія юридическія начала положены въ основу общественной жизни, но какъ разъ наоборотъ—безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ нельзя сознательно и правильно относиться ни къ одному изъ фактовъ ежедневной жизни, выходящихъ за предѣлы простаго удовлетворенія или неудовлетворенія обыденныхъ житейскихъ потребностей.

Въ чемъ до сихъ поръ проявлялась инициатива русскаго человѣка? Мы не заходимъ въ глубь исторіи и имѣемъ въ виду лишь нынѣшній вѣкъ. Отвѣтъ несомнѣненъ: въ искусствѣ вообще, въ литературѣ, въ наукѣ. Въшнія условія были то болѣе, то менѣе благопріятны для развитія русской научной и художественной жизни, но они не подѣлали, такъ сказать, корней ея существованія, и нашими художественными произведеніями въ особенности, нашею наукою отчасти мы можемъ гордиться впередъ цивилизованнаго міромъ. И покуда опытъ не докажетъ противнаго, мы утверждаемъ, что относительно меньшій успѣхъ общественныхъ наукъ соотвѣт-

ствуетъ относительно менѣе благоприятнымъ условіямъ для ихъ развитія въ Россіи. Въ смыслѣ юридическомъ, мы еще очень молодой народъ, но тѣ результаты, которыхъ мы и въ этой области достигли, даютъ полное основаніе не сомнѣваться въ возможности быстрого и правильнаго дальнѣйшаго роста. Я остановлюсь на одномъ фактѣ, который въ моихъ глазахъ имѣетъ большое симптоматическое значеніе. 13 марта нынѣшняго года московское юридическое общество публичнымъ засѣданіемъ скромно отпраздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія. Общество это пользуется прочнымъ сочувствіемъ образованныхъ слоевъ московскаго населенія. Оно основано и держится личнымъ починомъ и честно служить, въ теченіе четверти вѣка уже, развитію русскаго правосознанія. Въ апрѣльской книжкѣ органа общества, — въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, — напечатаны рѣчи, которыя читались на публичномъ засѣданіи 13 марта, и тѣ привѣтствія, которыя общество получило въ этотъ день. И въ томъ, и въ другомъ много поучительнаго. Предсѣдатель общества, С. А. Муромцевъ, такъ достойно занимающій этотъ постъ съ 1880 года до настоящаго времени, рассказалъ исторію возникновенія и развитія московскаго юридическаго общества. Учреждено было оно нѣсколькими профессорами юридическаго факультета (С. И. Баршевымъ, В. Н. Лешковымъ) и нѣсколькими юристами-учеными (Н. В. Калачовъ) и юристами-практиками. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, неизбѣжныхъ въ каждомъ новомъ и трудномъ дѣлѣ, общество установилось, и его плодотворная дѣятельность по разработкѣ вопросовъ какъ теоретической, такъ и практической юриспруденціи доставила ему симпатіи и уваженіе всѣхъ безпристрастныхъ людей, къ какому бы направленію по своимъ убѣжденіямъ они ни принадлежали. По инициативѣ общества, въ іюнѣ 1875 года въ зданіи Московскаго университета состоялся *Первый съѣздъ русскихъ юристовъ*.

Этотъ съѣздъ былъ поистинѣ событіемъ въ нашей общественной жизни. Не буду останавливаться на работахъ юристовъ, собравшихся тогда въ Москву. Интересующихся отсылаю къ *Трудамъ* съѣзда, изданнымъ московскимъ юридическимъ обществомъ, и къ апрѣльской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника* за нынѣшній годъ. Скажу только, что занятія съѣзда шли очень оживленно и успѣшно, что ими былъ данъ сильный толчокъ развитію нашего правосознанія.

Въ дальнѣйшей своей дѣятельности, отводя значительное мѣсто теоретическимъ вопросамъ, общество никогда не теряло изъ вида насущныхъ юридическихъ потребностей нашей жизни. Такъ, въ средѣ его разрабатывались вопросы желѣзно-дорожнаго и фабричнаго законодательства, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти труды принесли свою долю пользы, отразившись на послѣдующемъ законодательствѣ. Московское юридическое общество приняло дѣятельное участіе и въ обсужденіи проекта общей части уголовного уложенія. Впослѣдствіи членъ правительственной коммиссіи о составленіи уголовного уложенія, профессоръ Н. С. Таганцевъ,

отъ своего имени и отъ имени другихъ членовъ комиссіи выразилъ признательность московскимъ юристамъ. «Комиссія,—говорилъ Н. С. Таганцевъ,—много разъ пользовалась указаніями и замѣчаніями московскаго юридическаго общества».

При громъ рукоплесканій массы посѣтителей, собравшихся въ актовъ залъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ, были прочитаны многочисленныя привѣтствія, которыя получило въ день своего двадцатипятилѣтняго юбилея московское юридическое общество отъ другихъ нашихъ юридическихъ обществъ, отъ ученыхъ и отъ юристовъ-практиковъ. Прислали поздравленія и иностранные ученые: Терингъ, Лоренцъ, фонъ-Штейнъ, Ломброзо. Знаменитый Лоренцъ Штейнъ высказалъ особенно теплое сочувствіе обществу. Онъ пишетъ, что, къ великому сожалѣнію, преклонный возрастъ (72 года) и другія обстоятельства мѣшаютъ ему пріѣхать на юбилей, въ которомъ принимаетъ участіе вся русская интеллигенція и который свидѣтельствуемъ, что духовная научная жизнь связываетъ всѣ европейскіе народы, переступааетъ всѣ границы, которыми эти народы раздѣлены.

Остается пожелать московскому юридическому обществу дальнѣйшихъ успѣховъ въ томъ же направленіи. Это общество является убѣдительнымъ доказательствомъ того, что мы вовсе не такъ бѣдны умственными силами, какъ это склонны многіе думать, что эти силы, при благоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, растутъ и крѣпнутъ, что въ русскомъ обществѣ жива и значительна потребность въ правѣ и законности. О томъ же говорить и несомнѣнный успѣхъ книги г. Кони: *Судебныя рѣчи*. Книга эта вызвала очень сочувственные отзывы со стороны поврежденной печати разныхъ направленій и быстро расходуется. Судебныя дѣла являются показателемъ многихъ общественныхъ отношеній. Благодаря великому началу гласности, благодаря суду присяжныхъ, который требуетъ со стороны и обвиненія, и защиты вдумчиваго изученія всѣхъ условій и обстоятельствъ преступленія, — передъ обществомъ раскрываются нерѣдко на судѣ такія явленія, которыя имѣютъ глубокой смыслъ и указываютъ на скрытыя жизненныя теченія. Только судъ присяжныхъ, судъ по совѣсти—можетъ повести къ тому, что раскроется вся бытовая сторона преступленія и на судѣ предстанетъ не дѣяніе преступное, а человекъ, его совершившій. Не менѣе важна и роль коронныхъ судей, которые должны просвѣтлять правосознаніе присяжныхъ и разъяснять имъ тѣ высокіе принципы, безъ которыхъ немислимо правосудіе. Съ этой точки зрѣнія рѣчи г. Кони пріобрѣтаютъ особое значеніе, въ виду того авторитета, которымъ онъ пользуется въ юридическомъ мирѣ. Такъ, для нашего общества далеко не бесполезна проповѣдь равенства всѣхъ и cadaго передъ закономъ и судомъ. Въ рѣчи по дѣлу объ игорномъ домѣ штабъ-ротмистра Колемина г. Кони говорилъ слѣдующее: «Законодатель и судья не могутъ смотрѣть лицемерными глазами на то, что происходитъ вокругъ. Они не могутъ закрывать глаза на зло потому только, что оно не попадаетъ на глаза, не выставляется нару-

жу, а существуетъ гдѣ-то тайно, прятаясь и помякывая. Разъ зло существуетъ, будетъ ли оно на площади, въ подвалѣ или въ раззолоченной гостиной, оно, все-таки, останется зломъ и его слѣдуетъ преслѣдовать». Законъ,—продолжалъ г. Кони,—«не знаетъ сословныхъ преступленій, не знаетъ различій по кругу лицъ, въ средѣ коихъ совершается его нарушеніе. Онъ ко всѣмъ равно строгъ или равно милостивъ». Только, добавимъ мы, для того, чтобы это высокое начало осуществлялось въ дѣйствительности, необходимы многія благоприятныя условія. О гласности судопроизводства и о судѣ присяжныхъ мы уже упоминали. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить незасимность коронныхъ судей и отъ администраціи, и отъ временныхъ общественныхъ теченій;—иными словами, несмѣняемость этихъ судей.

Обвиняя лицъ, давшихъ ложную присягу въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ (здѣсь присутствовала интрига мужа), г. Кони говорилъ про подсудимыхъ: «Подобные дѣятели опасны въ обществѣ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они становятся опаснѣе, потому что составляютъ компаніи и товарищества взаимнаго вспоможенія. Поэтому обществу примечательнее всего защищаться отъ нихъ своими собственными средствами. Однимъ изъ лучшихъ такихъ средствъ долженъ быть вашъ судъ, и. присяжные засѣдатели...» Золотыя слова, тѣмъ болѣе вѣскія, что ихъ произнесъ прокуроръ окружнаго суда, а повторяетъ въ печати оберъ-прокуроръ сената.

Я не опасаясь утомить вниманіе читателей этою «сухою матеріей», потому что вопросы права переплетаются со всѣми жизненными потребностями, съ наиболѣе дорогими нашими интересами, потому что безъ охраны правосудіемъ человѣческаго достоинства немислимо сколько-нибудь сносное общежитіе. Только недостатокъ умственного развитія, непростительная вялость или растерянное малодушіе побуждаютъ многихъ изъ российскихъ обывателей отказываться отъ борьбы за право.

Очень характерно дѣло о коллежскомъ секретарѣ Андреевѣ, который обвинялся въ несоблюденіи (при постройкѣ желѣзной дороги) необходимыхъ правилъ осторожности, послѣдствіемъ чего была смерть крестьянина Липоваго. Г. Кони такъ говорилъ, заключая свое обвиненіе: «Настоящее дѣло приподнимаетъ покровъ съ картины постройки желѣзной дороги. Видѣнь лишь кончикъ картины, но уже и по нему можно догадаться, что картина содержанія невеселаго... Всмотриваясь въ нее, мы видимъ, что тамъ, гдѣ теперь идетъ, весело пыхтя и посвистывая, локомотивъ съ поѣздомъ, ложился костями рабочіе, пришедшіе издалека, принесшіе съ собой свою бѣдность, свой голодъ и свой трудъ. Они погибли вслѣдствіе грубаго нарушенія правилъ осторожности, вслѣдствіе того, что ихъ жизнь вѣнялась въ ничто предъ *ускореніемъ* работъ. При мысли объ этомъ, сердце, любящее русскій народъ, болѣзненно сжимается и въ головѣ возникаетъ настойчивая мысль, что это не можетъ, не должно быть терпимо, что виновные, если они есть, должны быть наказаны. Намъ, быть можетъ, скажутъ,

что во всемъ этомъ виновна дѣлая система, вся желѣзно-дорожная организація; виновно стремленіе строить дорогу скоро, во что бы то ни стало. Вотъ что виною, вонъ кого надо карать, а не несчастнаго подсудимаго, сидящаго на скамьѣ! Но судъ не судить систему, судъ на караетъ отвлеченныхъ понятій, суду нѣтъ дѣла до юридическихъ лицъ, судъ имѣетъ дѣло съ живыми лицами, по отношенію къ которымъ онъ является исполнителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ закона! Законъ требуетъ, чтобы всякій относился къ жизни ближняго съ уваженіемъ и осторожностью. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ подлежитъ карѣ закона, судебному осужденію. Ссылки на систему будутъ не болѣе, какъ искусственнымъ отводомъ по неподсудности. *Если система дурна, то не нужно ей служить, а тотъ, кто служитъ—долженъ нести и кару, вызываемую системою*.

Почаще бы раздаваться такимъ рѣчамъ въ нашихъ судахъ! Въ предисловіи, посвящая свою книгу памяти знаменитаго профессора Московскаго университета Никиты Ивановича Крылова, г. Кони говоритъ: «Обнародованіе, въ 1864 году, судебныхъ уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ сердечною радостью. Онъ видѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для отысканія и присужденія, какъ онъ выражался, правды *жизненной* взамѣнъ правды *приказной*; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго уголовного процесса, а когда уставы были введены въ дѣйствіе, живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ. Вотъ почему одинъ изъ такихъ слушателей, собравъ воедино отголоски своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, съ благодарнымъ чувствомъ обращается къ памяти Крылова и ставитъ его имя на первой страницѣ настоящей книги».

Привѣтствуя въ г. Кони одного изъ лучшихъ судебныхъ дѣятелей, одного изъ талантливейшихъ защитниковъ независимаго и гласнаго суда, мы не можемъ не отмѣтить въ его книгѣ не совсѣмъ правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда на клевету въ печати и диффамачію. По этому поводу своевременно было сказано во внутреннемъ обзорѣнн *Русской Мысли*. Мы имѣемъ въ виду кассаціонныя заключенія г. Кони по дѣлу подполковника Соболевскаго и по дѣлу редактора газеты *Новое Время* г. Федорова. Г. Соболевскій, въ своей книгѣ *Правосудіе и правовыи порядокъ въ войскахъ*, говоря о личномъ составѣ военно-судебнаго вѣдомства, о нравахъ этого вѣдомства и въ особенности о прокуратурѣ, указываетъ на стремленіе военнаго начальства руководиться своекорыстными побужденіями, объясняетъ, что чрезвычайно скучное общество военныхъ юристовъ оживляется лишь разговорами о повышеніяхъ, погонѣ за наживою и о тактѣ, способствующемъ карьерѣ. Этотъ *тактъ* на бюрократическомъ языкѣ обозначаетъ, по удостовѣренію г. Соболевскаго, удержаніе за собою должности и полученіе повышеній путемъ всевозможныхъ подлостей, шпіонства, измѣны дружбѣ, пожертвованія чести своей, своихъ женъ и дочерей, и взятками подъ видомъ займа». Въ книгѣ г. Соболевскаго были указаны иници-

алами лица, тажъ, по его свѣдѣнiямъ, дѣйствовавшiя. Лица эти возбуждiли преслѣдованiе противъ подполковника Соболевскаго за клевету. Вотъ по этому поведy г. Кони и выставилъ такое опредѣленiе клеветы въ печати, которое, по нашему мнѣнiю, можетъ сильно повредить раскрытiю темныхъ подвиговъ различныхъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей, а въ раскрытiи подобныхъ подвиговъ заключается одна изъ важныхъ задачъ печати.

Правительствующiй сенатъ, въ 1875 году, въ рѣшенiи по дѣлу Ватсона и Суворина, призналъ, что «не можетъ быть признанъ клеветникомъ и подвергнутъ наказанiю, по 1535 ст. Улож. о наказ., тотъ, кто распространялъ о комъ-либо ложное извѣстiе, *полагая*, что онъ распространяетъ свѣдѣнiе объ истинномъ происшествiи». Само собою разумѣется, что сенатъ имѣлъ при этомъ въ виду серьезныхъ людей, дѣйствующихъ по серьезнымъ поводамъ въ интересахъ общественной правды. Всякiй общественный дѣятель, всякiй добросовѣстный человекъ, затронутый оскорбительнымъ обвиненiемъ въ печати, имѣетъ полную возможность печатнымъ же путемъ и разъяснить все дѣло. Г. Кони, истолковывая рѣшенiе сената, требуетъ *уверенности* въ истинѣ того, что оглашается; необходимо, — говорятъ онъ, — чтобы факты и данныя, бывшiе въ распоряженiи автора или редактора, «исключали возможность сомнѣнiя въ истинѣ того, что онъ сообщалъ». Но при этомъ требованiи, повторяемъ, газеты не имѣли бы возможности давать извѣстiя о самыхъ вопiющихъ случаяхъ, и надо надѣяться, что суды наши не примутъ такого узкаго толкованiя приведеннаго сенатскаго рѣшенiя.

Въ той же рѣчи г. Кони есть опредѣленiе диффамаци, заключающее въ себѣ какъ бы, и признанiе цѣлесообразности этого преступленiя печати, заимствованнаго, къ сожалѣнiю, нашимъ законодательствомъ изъ наполеоновской Францiи. Читателямъ не-юристамъ напомнимъ, что диффамацией называется оглашенiе какого-либо позорящаго факта, причеиъ наказанiе полагается за самый фактъ оглашенiя, хотя бы рассказанный случай и былъ въ дѣйствительности. Эту статью давно слѣдовало бы исключить изъ нашего уголовного кодекса.

Напрасно г. Кони ссылается на статью покойнаго И. С. Аксакова. Знаменитый публицистъ говорилъ въ ней (эти слова приведены и въ *Судебныхъ рѣчахъ*), что необходимо, чтобы редакторъ «доказалъ, по крайней мѣрѣ, *искренность* своего убѣжденiя въ томъ, что извѣстiе, чернящее честь частнаго лица, дѣйствительно *правдиво*». А г. Кони требуетъ знанiя, исключающаго всякое сомнѣнiе. О томъ, что извѣстiе должно быть правдиво и что редакторъ долженъ печатать его, руководствуясь только соображенiями общественной пользы, — объ этомъ и спорить нечего. Всего менѣе склонны мы желать безнаказанности печати, когда она, дѣйствительно, повинна въ правонарушенiи. Печать эта давно уже ждетъ, чтобы законодатель далъ ей прочную и правильную постановку, чтобы она была

поставлена лицомъ къ лицу съ обществомъ и съ нелицепріятнымъ судомъ въ случаѣ вольнаго или невольнаго нарушенія постановленій закона. Конечно, наши литературные нравы не представляютъ образца совершенства, но не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого заключается именно въ недостаточной независимости нашей печати, благодаря чему личные счеты и самолюбіе разыгрываютъ совсѣмъ не подобающую имъ роль. О довольно характерномъ обращеніи такого самолюбія мнѣ приходится, самозащиты ради, сказать нѣсколько словъ.

Читатели, быть можетъ, помнятъ мой отзывъ въ мартовскихъ замѣткахъ о рѣчи г. Грота въ засѣданіи психологическаго общества, посвященномъ памяти Шопенгауэра. Тенерь всѣ рѣчи, тогда произнесенныя, съ присовокупленіемъ біографическаго очерка Шопенгауэра, составленнаго г. Штейномъ, съ переводомъ автобіографической замѣтки нѣмецкаго философа и указателемъ литературы о Шопенгауэрѣ, вышли отдѣльною книгой *). Въ предисловіи профессоръ Гротъ говоритъ, между прочимъ, что въ сборникѣ «напечатаны статьи людей, выходящихъ изъ различныхъ философскихъ и научныхъ точекъ зрѣнія, и приговоры ихъ о философіи А. Шопенгауэра съ намѣреніемъ не подводились къ одному знаменателю, такъ какъ философы должны первые показывать примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ взглядамъ и убѣжденіямъ».

И вотъ представьте, читатель, именно въ этомъ сборникѣ самъ профессоръ философіи г. Гротъ обнаруживаетъ и неуваженіе къ чужому мнѣнію, и довольно комическое высокомеріе, свойственное, впрочемъ, многимъ изъ цеховыхъ ученыхъ. Почтеннаго профессора задѣли за живое мои замѣчанія въ упомянутой статьѣ. Прежде всего, г. Гротъ заявляетъ, что я не знаю «исторіи мысли», потому что не читалъ прежнихъ статей нашего философа о методахъ и задачахъ философіи. Ужъ будто бы нельзя знать *исторіи мысли* изъ другихъ источниковъ? Бромъ того, я прибавлю, что мнѣ пришлось прочесть упоминаемыя г. Гротомъ его произведенія и о нѣкоторыхъ изъ нихъ мною были напечатаны рецензіи. Можетъ быть, мои свѣдѣнія по исторіи мысли и недостаточны; можетъ быть, нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній и основаны на неправильномъ пониманіи идей г. Грота. Но на какомъ основаніи философъ, который *долженъ первый показывать примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ взглядамъ и убѣжденіямъ*, рѣшился напечатать слѣдующую фразу: «я (г. Гротъ) считаю *недобросовѣстными* упреки въ противорѣчіяхъ, которыхъ у меня нѣтъ и допущеніе которыхъ основано на небрежности и легкомысліи моихъ критиковъ»? Нехорошій это приѣмъ, господинъ Гротъ, совсѣмъ нехорошій, недостойный науки, виднымъ представителемъ которой долженъ являться профессоръ философіи въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ. Я при-

*) *Труды московскаго психологическаго общества*. Выпускъ I. *Артуръ Шопенгауэръ. Очеркъ его жизни и ученія*. М., 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к. Съ портретомъ Шопенгауэра.

веду нѣкоторыя любопытныя справки по вопросу о томъ, встрѣчаются ли въ философствованіяхъ г. Грота противорѣчія, и, не имѣя подъ рукою всѣхъ его книгъ и статей, буду дѣлать выписки по статьѣ архіепископа Никанора: *Направленіе и значеніе философіи Николая Грота (Православное Обзорніе, октябрь 1886 г.)*.

Г. Гротъ говорилъ прежде: «Субъектъ ощущать себя не можетъ, онъ только чувствуетъ себя, а чувство не можетъ быть источникомъ познанія». «Отсюда и общій выводъ: все познаніе наше (научное) основано на объективномъ опытѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ». Между этими утвержденіями и утвержденіемъ, что «истинное существо міра и смыслъ жизни познаются человѣкомъ не внѣ его, глазомъ или осязаніемъ, а *отутри*, въ себѣ самомъ, и не *разсудкомъ*, а *какъ-то иначе*»,—я продолжаю видѣть противорѣчіе.

Ученый авторъ статьи въ *Православномъ Обзорніи* подмѣтилъ колебанія мысли г. Грота. Онъ говоритъ, что въ рѣчи *Объ отношеніи философіи къ наукѣ и искусству* и въ трактатѣ *О классификаціи наукъ* у г. Грота оказывается «какъ бы противорѣчіе». Сочиненіе *Джордано Бруно и Пантеизмъ* «представляетъ сильный поворотъ отъ идеи современнаго научнаго отрицанія къ философскому созерцанію, сродному съ господствующею философіею прежнихъ вѣковъ, не чуждающемся соглашенія и съ релігиознымъ міросозерцаніемъ, въ чемъ и самъ онъ (г. Гротъ) сознается».

Въ отвѣтъ на эту статью архіепископа Никанора г. Гротъ писалъ: «Что мои первыя сочиненія имѣли по преимуществу *отрицательный* характеръ, а послѣднія являются, главнымъ образомъ, выраженіемъ *положительныхъ* взглядовъ,—этого я не отвергаю». Однако, въ концѣ отвѣта сказано, что г. Гротъ будетъ развивать тѣ основныя положенія и принципы, которые были установлены въ самыхъ первыхъ его сочиненіяхъ. Отметимъ одно изъ главныхъ положеній магистерской диссертациі г. Грота (*Психологія чувствованій*): «психическія явленія, — говорилось тамъ, — представляютъ особыя измѣненія въ организмѣ». Какъ естественный выводъ изъ этого положенія, вытекало *тогда* у нашего философа и признаніе *превращенія физическихъ явленій въ психическія*. Такъ понимаю я стр. 429—430 названнаго трактата г. Грота; такъ понимаетъ это мѣсто и профессоръ философіи въ Киевскомъ университетѣ, г. Козловъ *). Впослѣдствіи г. Гротъ высказывалъ противоположный взглядъ (въ напечатанныхъ тезисахъ реферата о свободѣ воли, прочитаннаго въ московскомъ психологическомъ обществѣ). Въ отвѣтъ на статью *Православнаго Обзорнія* есть удивительное признаніе г. Грота. Онъ говоритъ: «*несмотря на отсутствіе всякаго поворота (курсивъ подлинника)*, я по отношенію къ точкѣ исхода незамѣтно и постепенно сталъ своимъ антиподомъ». Ну,

*) Ср. его: *Критическій этюдъ по поводу книги г. Грота: Психологія чувствованій*, стр. 88 и 89.

и въ добрый часъ. Только что же мы назовемъ противорѣчiемъ, если мыслитель, становясь антиподомъ самому себѣ, высказываетъ *не* противоположные взгляды? Г. Гротъ не стѣсняется въ выраженiяхъ: отрицая (стр. 17 отвѣта, вышедшаго и отдѣльною брошюрой) *всякій* поворотъ въ своихъ мнѣнiяхъ, онъ, на стр. 16, спокойно пишетъ: «Въ каждомъ слѣдующемъ сочиненiи, сравнительно съ прежнимъ, есть *маленькій* поворотъ и нигдѣ нѣтъ *рѣзкаго* поворота». Да, у г. Грота много маленькихъ поворотовъ и изворотовъ... «Философiя,—продолжаетъ нашъ мыслитель,—идетъ впередъ по своего рода окружности и съ каждымъ шагомъ своимъ одновременно опускается внизъ и поднимается вверхъ, видитъ новые горизонты и покидаетъ старые, какъ путешественникъ, идущiй вокругъ земли». Мы съ искреннимъ уваженiемъ относимся ко всякому добросовѣстному исканiю истины. Пусть г. Гротъ «одновременно опускается внизъ и поднимается вверхъ» и идетъ, такъ сказать, по обручу, вокругъ да около истины. Но отъ философа, отъ профессора мы вправѣ требовать добросовѣстнаго отношенiя къ противнику, спокойствiя, терпимости, «такъ какъ философы должны первые показывать примѣръ терпимости и уваженiя къ чужимъ взглядамъ и убѣжденiямъ».

Т.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Наши рѣки.

Отличіе нашихъ рѣкъ отъ западно-европейскихъ, величина и правильность весенняго половодья.—Неустройство нашихъ рѣкъ. — Отсутствие предупрежденія отъ наводненія. — Примѣры.—Французская система изученія рѣкъ. — Прилѣженіе къ Москвѣ-рѣкѣ.—Изученіе снѣжнаго покрова.—Сѣть метеорологическихъ станцій и предупрежденіе о времени таянія.—Осеннее половодье и наводки въ другое время года.—Мѣры для обезпеченія отъ наводненій и увеличенія количества воды лѣтомъ.—Заботы о сохраненіи лѣсовъ.—Вліяніе глубокой пашни на уменьшеніе воды въ рѣкахъ.—Неизбѣжность этого явленія въ черноземной полосѣ. — Успѣхи волжскаго судоходства. — Дешевизна провозной платы.—Что сдѣлано для волжскаго судоходства правительствомъ.—Изученіе рѣки, обстановка фарватера.—Количество протекающей воды.—Случайный характеръ мѣръ къ углубленію Волги.—Польза запрудъ и водохранилищъ.—Необходимость предупрежденія объ осеннемъ ледоходѣ.—Метеорологическія станціи. — Важность знанія того, выпалъ ли снѣгъ на сѣверъ отъ Волги.—Страхованіе отъ поврежденія судовъ ледоходомъ.—Судоходный сборъ; его неудобства.—Какъ ихъ устранить.—Соразмѣрность сбора съ услугой.—Примѣры донскихъ гирь.—Среднее теченіе Дона и вопросъ соединенія Дона съ Волгой.

Наши рѣки имѣютъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ рѣками Западной Европы, всего лучше изученными до сихъ поръ. Двѣ главныя изъ этихъ особенностей суть: малое паденіе и правильность половодья весной.

То, что мы имѣемъ постоянно передъ глазами, мало насъ поражаетъ и для того, чтобы показать, какое значеніе имѣетъ первое явленіе, приведу отзывъ французскихъ инженеровъ, пріѣхавшихъ для изученія Москвы-рѣки и приведенія ея въ судоходное состояніе; они, какъ специалисты, очень интересовались нашими рѣками и приходили въ восторгъ отъ того, что видѣли. По ихъ словамъ, достаточно семи запрудъ для того, чтобы привести Оку въ состояніе, удобное для судоходства на значительномъ пространствѣ отъ устьевъ Москвы-рѣки до Нижняго-Новгорода.

«Ваши рѣки просто сокровище,—говорили они. — Мы работали десятки лѣтъ, истратили десятки милліоновъ франковъ на приведеніе въ судоходное состояніе Луары и Роны и, все-таки, не достигли цѣли, до такой степени трудно справиться съ нашими горными рѣками.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что французы правы, и что если большинство нашихъ рѣкъ находится въ состояніи далеко не удо-

влетворительномъ, то не потому, чтобъ нельзя было ничего сдѣлать, а потому, что не хотѣли или не умѣли сдѣлать. Впрочемъ, къ этому вопросу мы еще возвратимся.

Весеннее половодье нашихъ рѣкъ—явленіе въ высшей степени важное, и здѣсь опять—таки мы часто не обращаемъ вниманія на него потому, что оно намъ слишкомъ знакомо. Кто изъ насъ не читалъ о величественномъ явленіи, представляемомъ половодьемъ тропическихъ рѣкъ, какъ Нилъ, Амазонка, Гангъ и т. д.? Но, однако, рѣки нашей равнины, особенно Волга, представляютъ нѣчто подобное, а разливы большихъ сибирскихъ рѣкъ, Оби и Енисея, превосходятъ все, что въ этомъ отношеніи представляютъ рѣки тропическихъ странъ.

Чтобы показать, какъ измѣняется у насъ количество воды въ рѣкахъ, достаточно упомянуть о томъ, что, наприм., Москва-рѣка, въ обыкновенное весеннее половодье, несетъ слишкомъ во сто разъ болѣе воды, чѣмъ въ межень *); что же касается Волги, то тамъ ежегодно встрѣчается подъемъ воды столь значительный, что ничего подобнаго не бываетъ въ Западной Европѣ. Такъ, наприм., за три года 1878—80 средняя разность между самымъ высшимъ и низшимъ стояніемъ воды за годъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 5, ¹⁵/₁₆ саж. въ Самарѣ 5, ⁵⁴/₆₄, въ Астрахани 1, ⁶³/₆₃. Нужно замѣтить, что въ Астрахани Волга разливается слишкомъ на 40 верстъ, половодье въ Астрахани продолжается около двухъ мѣсяцевъ.

Изъ всѣхъ большихъ рѣкъ Европейской Россіи, это явленіе всего янѣе представляется на Волгѣ и здѣсь весеннее половодье до такой степени преобладаетъ, что возвышенія воды лѣтомъ и осенью слишкомъ впятеро меньше весеннихъ, между тѣмъ даже въ значительныхъ рѣкахъ Западной Европы наводненія исключительно или почти исключительно происходятъ отъ дождей и бываютъ въ разное время года, а правильнаго колебанія уровня воды въ Западной Европѣ почти нѣтъ: такъ, наприм., Эльба у Магдебурга имѣетъ правильное годовое колебаніе менѣе двухъ аршинъ, слѣдовательно, почти въ двѣнадцать разъ мѣнѣе, чѣмъ Волга у Самары, между тѣмъ у Магдебурга Эльба заключена въ набережныи и не можетъ широко разливаться. Впрочемъ, и въ Западной Европѣ бываютъ значительныя наводненія и они тѣмъ вреднѣе, что нарушаютъ правильное теченіе жизни и что на нихъ не рассчитываютъ, поэтому случающіеся тамъ изрѣдка большіе разливы рѣкъ производятъ опустошенія не только въ городахъ и селеніяхъ, но въ поляхъ, садахъ, огородахъ и т. д. Мы въ этомъ отношеніи находимся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, хотя, впрочемъ, иногда до такой степени не умѣемъ пользоваться средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, что даже весеннее половодье застаётъ насъ врасплохъ. Достаточно указать на слѣдующій случай въ нынѣш-

*) Исслѣдованія гг. Астракова, Рожкова и Левачева. См статью А. Н. Петунникова въ *Извѣстіяхъ Московской Городской Думы* за 1882 г.

немъ году. Разливъ рѣки Днѣпра не только произвелъ опустошенія въ городѣ Кременчугѣ, но и засталъ жителей врасплохъ, такъ что они едва успѣли спастись отъ наводненія и даже не спасли всего своего имущества. Мы знаемъ, однако, что высокая вода въ Кременчугѣ могла быть произведена лишь верхнимъ теченіемъ Днѣпра и тѣхъ его притоковъ, которые впадаютъ въ него выше Кіева, особенно Десны и Припяти. Въ этомъ городѣ есть водомерный постъ министерства путей сообщения, откуда по телеграфу можно было давать знать въ Кременчугъ о времени и размѣрѣ возвышенія воды. Днѣпръ уже довольно хорошо изученъ описанными партіями министерства путей сообщения. По сдѣланнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ измѣреніямъ, средняя скорость во время половодья между Кіевомъ и Кременчугомъ $\frac{2}{3}$ саж. въ секунду. Положимъ даже, что въ нынѣшнемъ году она была равна полусажени въ секунду, слѣдовательно, вода могла проходить не болѣе 86,4 версты въ сутки, а все пространство отъ Кіева до Кременчуга слишкомъ въ $3\frac{1}{2}$ сутокъ, поэтому если бы потрудились въ-время телеграфировать объ угрожающемъ наводненіи изъ Кіева, то жители Кременчуга имѣли бы возможность спасти жизнь и имущество.

Совсѣмъ иначе устроено дѣло въ Западной Европѣ, въ особенности во Франціи, въ бассейнѣ Сены, между тѣмъ тамъ дѣло труднѣе, такъ какъ возвышеніе воды въ рѣкахъ зависитъ отъ дождей, затѣмъ—отъ того, что бассейны рѣкъ тамъ небольшіе и рѣки имѣютъ гораздо болѣе быстрое теченіе, чѣмъ наши; поэтому для того, чтобы достигнуть успѣха, потребовались очень значительныя работы и нужны постоянныя наблюденія во многихъ пунктахъ.

Весь бассейнъ Сены изслѣдованъ подробно въ геологическомъ отношеніи, причѣмъ обратили особенное вниманіе на проницаемость почвы, такъ какъ чѣмъ менѣе проницаема для воды почва, тѣмъ быстрѣе дождевая вода достигаетъ рѣкъ и вызываетъ въ нихъ наводненіе и обратно. Кромѣ изученія породъ и ихъ проницаемости для воды, французскіе инженеры изслѣдовали рѣки и количество воды, несомое ими при разныхъ условіяхъ, затѣмъ ими устроены многочисленныя дождемерныя станціи и наблюденія надъ высотой воды въ рѣкахъ; все это даетъ имъ возможность вести, такъ сказать, приходо-расходную книгу водъ, обращающихся въ бассейнѣ Сены, и предсказывать совершенно безошибочно дни возвышенія воды въ Парижѣ и; вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлять высоту съ ошибкою, не превосходящею 30 сантиметровъ (7 вершковъ). Такимъ образомъ, жители Парижа могутъ быть совершенно спокойны, что наводненіе не застанетъ ихъ врасплохъ.

Передъ нами послѣдній отчетъ по бассейну Сены за 1886—87 годъ *).

*) *Resumé des observatoires centralisées par le service hydrométrique de la Seine. Annuaire Soc. Meter. de France 1888, стр. 45.*

Изъ него видно, что съ декабря по мартъ было послано 26 предостереженій о высокой водѣ, относительно времени наступленія не было ни одной ошибки, а относительно высоты средняя ошибка 14 сантиметровъ (около $3\frac{1}{2}$ вершковъ), наибольшая 30 сантиметровъ (около 7 вершковъ). А нужно еще замѣтить, что для Парижа дѣло усложняется тѣмъ, что Юнна и Марна, т. е. два главные притока Сены, впадаютъ въ нее въ недалекомъ разстоянїи выше города.

Подобныя же учрежденія существуютъ и для другихъ рѣкъ Франціи; послѣ Парижа всего лучше дѣло организовано въ Лионѣ. Этотъ городъ находится, какъ извѣстно, у слиянїя Роны и главнаго ея притока Соны. Первая рѣка протекаетъ черезъ Женевское озеро и не представляетъ опасности, вторая же производитъ иногда губительное наводненіе, тѣмъ болѣе опасное, что русло искусственно стѣснено набережными.

У насъ пока для предупрежденія о наводненїяхъ можно обойтись болѣе простыми средствами, въ особенности для береговъ болѣе значительныхъ рѣкъ, напримѣръ, Волги и Днѣпра, гдѣ возвышеніе воды приходитъ издалека и, слѣдовательно, жители могутъ быть предупреждены о немъ во время по телеграфу, нужны только водомѣрные посты, которые и существуютъ на многихъ изъ нашихъ значительныхъ рѣкъ, а, главное, своевременное пользованіе телеграфомъ; затѣмъ изъ наблюденій нѣсколькихъ лѣтъ весьма легко вывести отношенія между возвышенїями воды въ двухъ мѣстахъ.

Единственный городъ, для котораго уже и теперь необходимо сдѣлать нѣчто подобное тому, что существуетъ для Парижа и Лиона, это—Москва. Такъ какъ наша древняя столица стоитъ на небольшой рѣчкѣ, то и лѣтнїе, и осеннїе паводки иногда бываютъ опасны, а что касается весенняго половодья, то нельзя получить по телеграфу достаточно быстро извѣщенїя о возвышенїи воды, и что возможно сдѣлать въ этомъ отношенїи, то уже сдѣлано компанїей Москворѣцкаго пароходства, которое имѣетъ корреспондента въ Можайскѣ, предупреждающаго по телеграфу о возвышенїи воды въ верховьѣ Москвы-рѣки.

Въ виду особенности нашего климата и другихъ условій, дѣло должно вестись нѣсколько иначе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ снѣговое половодье, все-таки, гораздо важнѣе тѣхъ, которыя бываютъ отъ дождей. Поэтому для Москвы можно бы ограничиться менѣе подробными геологическими свѣдѣнїями, чѣмъ тѣ, которыя имѣются для бассейна Сены; но нужно обратить особенное вниманіе на снѣгъ, его высоту, условія его залеганія и распределеніе лѣсовъ для сужденія о высотѣ весенняго половодья. Особенно важно знать, сколько находится снѣга на землѣ передъ началомъ его таянїя. Для этого нужны измѣренія въ разныхъ мѣстахъ, а также опредѣленіе вѣса снѣга, выпавшаго на данную площадь. Подобныя опредѣленія недавно стали дѣлаться въ поляхъ и лѣсахъ Петровской земледѣльческой академіи и обязательно присланы имѣ профессоромъ Турскимъ. Весьма

полезны также дождевѣрные наблюденія, посредствомъ дождевѣра, снабженнаго защитой Нифера.

Свѣдѣнія о количествѣ снѣга могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для сужденія о половодѣ, но этого, однако, далеко еще недостаточно для той цѣли, которую мы имѣемъ въ виду. Даже при небольшомъ количествѣ снѣга рѣка вродѣ Москвы можетъ сильно разлиться, если весна будетъ дружная, и большое количество снѣга будетъ безопасно, если онъ таетъ медленно.

Поэтому весьма полезно имѣть большую сеть метеорологическихъ станцій, съ передачей ихъ наблюденій по телеграфу. При хорошей организаціи дѣла можно за сутки, иногда и болѣе, знать о времени наступленія оттепели. Это дастъ возможность довольно близко знать о времени таянія снѣга и возвышенія воды и въ-время предупредить жителей и принять мѣры къ охраненію плотинъ, набережныхъ и т. д.

Кромѣ времени наступленія тепла, очень важно знать, предвидится ли дождь, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что оттепель съ дождемъ вызываетъ таяніе снѣга почти въ такой же мѣрѣ въ лѣсу, какъ и въ полѣ. Деревья, особенно хвойныя, защищаютъ снѣгъ отъ таянія, поэтому обыкновенно снѣгъ долго еще лежитъ въ лѣсу, когда почти весь стаялъ уже въ полѣ и остался лишь въ немногихъ затѣненныхъ мѣстахъ. Поэтому при оттепели съ солнцемъ можно ожидать тѣмъ болѣе быстрого таянія снѣга, чѣмъ болѣе въ рѣчной области безлѣсныхъ пространствъ. Если весь бассейнъ рѣки покрытъ лѣсомъ, то таяніе будетъ сначала медленное, но затѣмъ можетъ быть очень дружное, наприм., послѣ сильнаго теплаго дождя. Такимъ образомъ, обѣ крайности представляютъ опасность относительно наводненій и всего лучше, если поля чередуются съ лѣсами. Въ этомъ отношеніи рѣчная область Москвы находится въ довольно благоприятныхъ условіяхъ.

Москвичи знаютъ, что паводки ихъ небольшой рѣчки бываютъ не только весной послѣ таянія зимняго снѣга и лѣтомъ послѣ сильныхъ дождей, но иногда и въ ноябрѣ и декабрѣ, когда послѣ замерзанія рѣки и установленія саннаго пути наступаютъ оттепели. Эти паводки бываютъ тѣмъ губительнѣе, что къ нимъ не готовятся, какъ къ весеннимъ. Такъ, наприм., 6 ноября 1879 г. подобный паводокъ разрушилъ Бабьегородскую плотину, хотя вода поднялась гораздо менѣе, чѣмъ въ обыкновенный весенній разливъ. О наступленіи подобныхъ паводковъ можно также знать заранѣе, если имѣть хорошо организованную сеть метеорологическихъ станцій, какъ указано выше.

Городъ, подобный Москвѣ, нуждается не только въ знаніи времени паводковъ, но и въ мѣрахъ къ ограниченію наводненій, а также обезпеченіи достаточной глубины воды лѣтомъ и осенью.

Извѣстно, какія жалобы раздаются на уменьшеніе воды въ рѣкахъ почти повсемѣстно въ Европѣ; извѣстно также, сколько гипотезъ было предложено для объясненія этого явленія. Въ Западной Европѣ этому несо-

инѣнно содѣйствовало регулированіе теченія рѣкъ и осушеніе болотъ. Во- да теперь менѣе прежняго застаивается, стекаетъ быстрѣе, поэтому даже при одинаковомъ количествѣ рѣчной воды уровень ея долженъ быть ниже прежняго. Наши рѣки не регулированы, т.-е. ихъ теченіе не спрямлено и не заключено въ неизмѣнные берега плотинами (за исключеніемъ небольшо- го пространства въ нѣкоторыхъ городахъ), осушеніе болотъ въ боль- шихъ размѣрахъ произведено лишь въ области Припяти. Поэтому пониже- ніе уровня нашихъ рѣкъ лѣтомъ и осенью зависитъ отъ другихъ причинъ, именно, главнымъ образомъ, отъ вырубки лѣсовъ, расширенія полей и успѣ- ховъ сельскаго хозяйства.

Вырубка лѣсовъ способствуетъ болѣе быстрому стоку снѣговыхъ водъ, какъ потому, что таяніе идетъ быстрѣе, такъ и потому, что земля промер- заетъ на большую глубину внѣ лѣса, чѣмъ въ лѣсу, и большая часть снѣговой воды скатывается по мерзлой землѣ, не впитываясь въ нее. Въ лѣсу снѣгъ сохраняется долѣе и въ большой степени проникаетъ въ глу- бокіе слои почвы, питая родники.

Наши воздѣлываемыя растенія испаряютъ много воды, и точными опы- тами дознано, что для образованія фунта сухаго вещества растенія должно испариться 250—300 фунтовъ воды. Извѣстно также, что вода надолго удерживается въ пахотномъ слое и идетъ на испареніе растеній. Чѣмъ глубже пашня, тѣмъ болѣе почва удерживаетъ влаги, тѣмъ менѣе воды до- стигаетъ рѣкъ. Особенно много воды требуютъ широколиственныя расте- нія, напр., клеверъ, люцерна и т. д.

Отсюда довольно безотрадное заключеніе, что чѣмъ болѣе будутъ успѣ- хи хозяйства, тѣмъ менѣе будетъ воды въ нашихъ рѣкахъ, проходящихъ по полямъ, такъ какъ эти успѣхи сопряжены не только съ распашкой зе- мель, но съ углубленіемъ пахотнаго слоя и большими посѣвами широко- лиственныхъ растеній.

Москва-рѣка не испытала еще въ большой степени уменьшенія коли- чества воды лѣтомъ именно потому, что сельское хозяйство въ Московской губерніи сдѣлало мало успѣховъ. Лѣса, правда, вырубаются, но рѣдко корчуются, такъ что на мѣсто вырубленныхъ вырастаютъ новыя деревья, затѣмъ на старыхъ пашняхъ во многихъ мѣстахъ выросли рощи. Но, вѣро- ятно, не далеко то время, когда и въ Московской губерніи хозяйство ста- нетъ интензивнѣе и увеличится площадь, занятая кормовыми травами, кото- рыя здѣсь растутъ превосходно. Тогда значительно уменьшится количество воды въ рѣкахъ лѣтомъ и осенью и увеличится весеннее половодье. Послед- нее, конечно, будетъ опасно для жителей, а сохраненіе достаточнаго количе- ства воды въ рѣкахъ очень важно для Московской губ., для питья людей и скота, многоразличныхъ промышленныхъ цѣлей, поливки садовъ и огоро- довъ, тушенія пожаровъ, наконецъ, для судоходства и сплава. Въ настоя- щее время изъ рѣкъ, оба берега которыхъ находятся въ Московской гу- берніи, судоходна лишь одна Москва внизъ отъ столицы; весьма возможно

и желательное приведение в судоходное состояние верховья Москвы-рѣки, ея притоковъ и Вязьмы.

Для приведения рѣки Московской губерніи в судоходное состояние, придется, конечно, прибѣгнуть къ запрудамъ, которыя оказались столь полезными в низовьяхъ Москвы-рѣки, но нужно подумать о томъ, чтобы количество воды не слишкомъ уменьшалось лѣтомъ и осенью.

Для этого представляется два способа: увеличеніе или, по крайней мѣрѣ, сохраненіе нынѣшней лѣсной площади и задержка части весенней воды, съ тѣмъ, чтобы ее выпускать понемногу в сухое время года.

Для охраненія лѣсной площади можно много сдѣлать теперь, при сравнительно небольшихъ расходахъ: стоить казнѣ скупить вырубленные лѣса и небольшія заросли, которыхъ такъ много в верховьяхъ Москвы-рѣки и ея притоковъ, и которыя, вообще, стоить теперь не дороже 30 р. за десятину. Пространство рѣчной области Москвы-рѣки выше города около 7,500 квадратныхъ верстъ. Вѣроятно, около 2,000 кв. верстъ, т.-е. 200 тысячъ десятинъ, казна могла бы приобрести по вышеозначенной цѣнѣ, т.-е. всего за 6 миллионъ рублей. Казна в убытокъ не будетъ: при правильномъ хозяйствѣ, десятина лѣса в Московской губ. должна дать не менѣе 2 р. чистаго дохода, а в такомъ случаѣ будетъ около трети пространства подъ лѣсами, такъ какъ окажется не менѣе 50 тыс. десятинъ подъ лѣсами, принадлежащими казнѣ, удѣлу, крупнымъ владѣльцамъ, уже теперь ведущимъ правильное лѣсное хозяйство (напр., гр. Уваровы), наконецъ, подъ парками и небольшими рощами; этого вполне достаточно для цѣли, которую мы имѣемъ в виду.

Затѣмъ, в этихъ казенныхъ лѣсахъ могли бы быть устроены запруды для задержки части весенней воды и постепеннаго выпуска ея лѣтомъ и в началѣ осени, когда воды в рѣкахъ станетъ мало. Тѣ же запруды уменьшили бы опасность паводковъ поздней осенью и в началѣ зимы и весной. Опораживая ихъ какъ только начнутся морозы, можно ихъ наполнять вновь во время оттепелей съ дождями, а опораживая передъ началомъ весенней оттепели, наполнять весеннею водою.

Покупка казною лѣсовъ и земель, не приносящихъ дохода, могла бы практиковаться и в черноземныхъ губерніяхъ, для охраненія и восстановления лѣсовъ и регулированія рѣкъ, но тамъ лишь очень незначительная площадь могла бы быть приобретена такимъ образомъ по дешевой цѣнѣ,—въ самыхъ плодородныхъ и густо-населенныхъ губерніяхъ врядъ ли болѣе $\frac{1}{10}$ пространства. Тамъ лишь крутые склоны овраговъ и пески должны быть непременно подъ лѣсомъ. Борчѣвка и обращеніе в пашню лѣсовъ, растущихъ на плодородной почвѣ, на ровныхъ мѣстахъ и небольшихъ склонахъ, вѣроятно, будетъ продолжаться, а приобретение такихъ земель в казну стоило бы очень дорого. Затѣмъ впередъ пахать будутъ глубже, удобрять болѣе, будутъ сѣять болѣе нынѣшняго широколиственныхъ растений. Все это неизбежно поведетъ къ уменьшенію воды в рѣ-

кахъ лѣтомъ и осенью. Поэтому для черноземной полосы остается система запрудъ на рѣкахъ, нужныхъ для судоходства, и накопленіе весенней воды въ небольшихъ рѣкахъ и оврагахъ.

Нужно замѣтить еще слѣдующее. Въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ нашей черноземной полосы подобныя запруды уже теперь существуютъ въ большомъ количествѣ, но, конечно, не для регулированія рѣкъ и судоходства, а для мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній. Есть рѣчки, обращенныя въ рядъ прудовъ. Здѣсь дѣло идетъ, слѣдовательно, не объ устройствѣ запрудъ на рѣчкахъ, а о регулированіи существующихъ. Теперь не задерживаютъ весеннюю воду, а спускаютъ ее всю, да при извѣстномъ устройствѣ плотины и не могутъ дѣлать иначе.

Весной, благодаря своевременнымъ мѣрамъ, плотины обыкновенно остаются цѣлы; лѣтніе паводки опаснѣе, такъ какъ часто наступаютъ неожиданно. Для задержки значительнаго количества весенней воды придется прибѣгнуть къ запрудамъ овраговъ, не имѣющихъ постоянныхъ водотеконъ. Подобныя запруды были бы полезны и для охраненія существующихъ плотинъ отъ напора воды.

Дурная сторона нынѣшнихъ плотинъ еще та, что онѣ по большей части и непрочныя, и вредныя для здоровья. Такія плотины существуютъ и тамъ, гдѣ водяная сила имѣетъ большую цѣнность и гдѣ можно бы обязать владѣльцевъ выстроить прочныя каменные плотины на гидравлическомъ цементѣ. Въ такомъ случаѣ необходимымъ былъ бы кредитъ на такія постройки, такъ какъ владѣльцы часто не имѣютъ средствъ затратить сразу большую сумму.

Другая мѣра, необходимая не только для защиты рѣкъ черноземной полосы отъ засоренія, но и для другихъ цѣлей,—регулированіе овраговъ. Трудно себѣ представить, какъ великъ вредъ, причиняемый оврагами и какъ велика безпечность сельскихъ хозяевъ черноземной полосы. Крупные и мелкіе хозяева, кажется, соперничаютъ другъ съ другомъ въ этомъ отношеніи. Человѣкъ не только не борется со зломъ, но еще усиливаетъ его, вырубая деревья по верховьямъ овраговъ, стравляя скотомъ молодую поросль и распахивая крутые склоны. Между тѣмъ, остановить ростъ овраговъ очень нетрудно и недорого, но для этого требуется то, чего у насъ всего менѣе,—постоянная заботливость и вниманіе. Остановка роста овраговъ была бы полезна для рѣкъ тѣмъ, что избавила бы ихъ отъ большаго количества песку и гальки.

Волга имѣетъ такое значеніе въ нашей народной экономіи, что, казалось бы, можно было ожидать, что она приведена въ превосходное состояніе. Между тѣмъ, для нашей главной рѣки сдѣлано очень мало существеннаго, хотя проектовъ и попытокъ, скоро оставляемыхъ, было множество; на Волгу не истрочена и сотая доля казенныхъ денегъ, которыя поглотили желѣзныя дороги, и, однако, грузовое движеніе по ней не только гораздо дешевле, но и правильнѣе. До какой степени дешева перевозка, видно изъ

того, что изъ Самары въ Рыбинскъ уже давно установилась цѣна 5 коп. съ пуда, т.-е. $\frac{1}{210}$ коп. съ пуда и версты, а въ нынѣшнемъ году даже $3\frac{1}{2}$ коп. съ пуда, т.-е. $\frac{1}{340}$ коп. съ пуда и версты. Еще дешевле сравнительно фрахты отъ Нижняго до Астрахани, гдѣ въ обыкновенное лѣто самыя большія баржи проходятъ безпрепятственно. Въ этомъ нужно видѣть вліяніе благопріятныхъ условій и смѣтливости русскаго человѣка, который умѣетъ хорошо устроиться тамъ, гдѣ есть просторъ для его дѣятельности. Въ такихъ условіяхъ смѣтливость идетъ на пользу дѣла. Иное дѣло на желѣзныхъ дорогахъ, хозяева которыхъ являются монополистами, черпающими изъ казеннаго кармана; здѣсь также просторъ для смѣтки и изобрѣтательности, но здѣсь они прилагаются чаще во вредъ дѣлу.

У насъ часто встрѣчается мнѣніе, что волжское судоходство сильно отстало отъ современныхъ требованій, дѣйствуетъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, такъ что можно будто бы отмѣтить лишь два крупныхъ успѣха—введеніе паровыхъ двигателей въ 40-хъ и 50-хъ годахъ и въ послѣднее время пароходовъ американскаго типа.

Это несправедливо. Пароходы американскаго типа очень удобны для пассажировъ, они ускорили и удешевили доставку болѣе цѣнныхъ грузовъ, но для массы товаровъ, обращающихся на Волгѣ, они не имѣютъ значенія; эти товары идутъ или безъ пароходовъ, сплавомъ по теченію, какъ лѣсъ, или въ баржахъ за пароходами обыкновеннаго типа, какъ хлѣбъ, желѣзо и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ, уже послѣ того, какъ на Волгѣ исчезла тяга судовъ бичевой и пароходы вошли во всеобщее употребленіе, сдѣлано много успѣховъ.

Пароходы, ходившіе 20—25 лѣтъ тому назадъ, были дороги и требовали много топлива, теперь они дешевле и расходуютъ менѣе топлива, причемъ большинство ихъ построено на Волгѣ. Большое значеніе имѣетъ и примѣненіе нефтяныхъ остатковъ. Теперь, благодаря имъ, не только расходъ на топливо уменьшился, но и сберегается много времени, шедшаго на нагрузку дровъ, и мѣста на ихъ помѣщеніе. Особенно выиграли кочегары,—ихъ трудъ на большихъ пароходахъ былъ истинно каторжный, а теперь очень легокъ.

Въ постройкѣ баржъ за послѣднія 20 лѣтъ также сдѣлано много усовершенствованій,—онѣ строятся цѣлесообразнѣе и съ меньшею затратой лѣснаго матеріала. Безъ усовершенствованія баржъ нынѣшніе фрахты на Волгѣ были бы немыслимы. Еще въ 60-хъ годахъ, когда, правда, судохозяева имѣли большіе барыши, чѣмъ теперь, фрахты были слишкомъ вдвое выше: плата отъ Самары до Рыбинска первымъ рейсомъ 14 коп., а вторымъ 12 коп., т.-е. отъ $\frac{1}{60}$ до $\frac{1}{100}$ к. съ пуда и версты *). Теперь баржи строятся гораздо большихъ размѣровъ, такъ что нерѣдко попадаются поднимающія свыше 80 тыс. пуд. груза, даже до 130 и болѣе. Какъ только убудетъ вода на перекатахъ

*) *Ботусланскій*: „Волга, какъ путь сообщенія“. Спб., 1887 г., стр. 49.

выше Казани, эти баржи не могут ходить вполне нагруженными, — онѣ должны, какъ говорятъ на Волгѣ, «паузиться», т. е. сдавать часть груза на другія суда.

Но самыя большія баржи невелики въ сравненіи съ *блантами*, громадными судами, идущими по теченію только въ половодье, везущими лѣсъ и дрова. Онѣ поднимаютъ до 400 тысячъ пудовъ. Достаточно указать на то, что это около 6,400 тоннъ вмѣстимости, а океанскій пароходъ въ 5,000 тоннъ считается уже очень большимъ.

Волга имѣетъ, очевидно, первостепенное значеніе для государства и его заботы о ней могутъ выразиться въ трехъ видахъ:

1) Изученіе рѣки во всѣхъ отношеніяхъ, какъ основанія для всѣхъ дальнѣйшихъ мѣръ.

2) Обстановка фарватера знаками и фонарями.

3) Обеспеченіе достаточной глубины разными работами.

Въ первомъ и второмъ отношеніяхъ въ последнее время сдѣлано довольно много, а въ третьемъ было болѣе попытокъ и добрыхъ намѣреній, чѣмъ дѣйствительно полезныхъ работъ, и Волга, конечно, наименѣе устроенная изъ большихъ рѣкъ Европы.

Для изученія Волги, т. е. съемки рѣки и ея береговъ, опредѣленія глубины и расхода воды и т. п., посылались въ послѣднія 12 лѣтъ навигаціонно-описныя партіи министерства путей сообщенія, затѣмъ во многихъ мѣстахъ на Волгѣ и ея главныхъ притокахъ существуютъ *водоизмерныя станціи*, на которыхъ отмѣчается высота воды; эти работы дали уже драгоценный матеріалъ.

Слѣдующія цифры даютъ понятіе о расходѣ воды въ Волгѣ и нѣкоторыхъ ея притокахъ, въ кубическихъ саженьяхъ въ секунду. Изъ большаго числа опредѣленій привожу лишь наибольшее и наименьшее за данный годъ:

ВОЛГА.	1881 г.		1882 г.		1883 г.		1884 г.		1885 г.	
	Набол.	Наижен.	Набол.	Наижен.	Набол.	Наижен.	Набол.	Наижен.	Набол.	Наижен.
Ярославль	258	43	171	24	171	—	—	—	—	—
Дер. Плохово, выше Унжи	—	—	—	—	—	56	559	68	652	80
Васильсурскъ	—	—	—	—	—	95	1,245	141	1,624	81
Екатериненштадтъ (ниже Вольска).	—	—	—	339	2,351	353	4,159	446	—	332
Дубовка.	—	—	—	—	—	—	—	—	2,740	—
Унжа у устья	—	—	—	—	—	5	38	3	—	—
Ока у устья	—	—	613	29	521	46	—	—	—	—
Кама у Перми *).	—	75	—	—	—	—	—	—	—	—
Кама у Чистополи *).	—	—	—	153	—	—	—	—	—	—

Отсюда видно, какъ колеблются количества воды изъ года въ годъ, но, тѣмъ не менѣе, никогда не нарушается правильность въ томъ смыслѣ, что

*) Опредѣленія начались съ іюля, когда весенняя вода уже сбѣла. Въ Перми было 405 21 сентября, послѣ сильныхъ дождей.

весной послѣ таянья снѣга (въ низовьяхъ Волги даже въ июнѣ) бываетъ половодье, а въ остальное время воды менѣе. Изъ годовъ, приведенныхъ выше, 1882 и 1885 извѣстны какъ самые маловодные лѣтожь, а въ 1884 г. вода держалась всего лучше. Что же слѣдуетъ сдѣлать, дабы обезпечить достаточную глубину въ Волгѣ во все время судоходства, а, слѣдовательно, и безпрепятственную, дешевую доставку товаровъ, безъ убытка для судохозяевъ?

Поговорите объ этомъ съ практиками, и они вамъ скажутъ: стѣбить затопить баржи, наполненные камнемъ, и перекаты станутъ проходимы, и сейчасъ же приведутъ примѣры.

Инженеры, всего болѣе знакомые съ водяными сооружениями, говорятъ: стѣсная теченіе рѣки, можно, дѣйствительно, увеличить глубину въ данномъ мѣстѣ, но, усиливая теченіе, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, способствуемъ размыванію дна и осадки (песокъ, глина) отлагаются далѣе, гдѣ рѣка уже не стѣснена, образуя новую мель. Придется и тамъ стѣснить теченіе и такъ далѣе, т.-е. прибѣгнуть къ регулированію рѣкъ, стоившему въ Западной Европѣ сотни милліоновъ и не принесшему особой пользы судоходству.

Изъ этого нельзя еще заключать, чтобы регулированіе рѣкъ было бесполезно въ Западной Европѣ, но польза его совсѣмъ иного рода: посредствомъ регулированія оказалась возможность обработать и обратить въ цвѣтущіе сады, поля и огороды прибрежные болота и пески. При цѣнности земли работа окупилась. Иное дѣло у насъ,—по всему теченію Волги цѣнность земли низка.

Впрочемъ, ниже впаденія Камы, гдѣ воды всегда очень много, стѣсненіе русла можетъ быть полезно для устраненія немногихъ перекатовъ.

Выше устья Камы лучшіе авторитеты признаютъ водостѣснительныя работы, какъ онѣ велись до сихъ поръ, лишь палліативами, могущими принести пользу на короткое время, а полное регулированіе очень дорогимъ и не оправдываемымъ условіями мѣстности.

Остается два способа, которые лучше всего употребить совмѣстно: шлюзование самой Волги и ея главныхъ судоходныхъ притоковъ и накопленіе воды въ болѣе мелкихъ рѣкахъ и верховьяхъ большихъ.

Паденіе Волги тамъ, гдѣ ходять большія баржи, т.-е. отъ впаденія Шексны, такъ незначительно, что потребуется небольшое количество шлюзовъ и можно будетъ, вѣроятно, удовольствоваться такъ называемыми *нолузапрудами*, вмѣсто полныхъ запрудъ. Эта система еще не испытана на Волгѣ, но въ ея успѣхъ сомнѣваться нельзя.

Накопленіе воды въ верховьяхъ большихъ рѣкъ и въ малыхъ рѣкахъ полезнее тѣмъ, что уменьшаетъ количество запрудъ, а также даетъ возможность уменьшить вредъ отъ наводненій, особенно когда ихъ наступленіе легко предвидѣть, какъ, наприм., наше весеннее половодье. Выпуская воду изъ запрудъ передъ весной и задерживая часть весенней воды, тѣмъ самымъ можно уменьшить количество воды, могущей произвести наводненія.

Система запрудъ уже испробована на Волгѣ, именно устроены такъ называемый *Верхневолжскій бейшлотъ* въ 1843 году, нѣсколько выше впаденія Селижаровки въ Волгу. Когда ворота шлюза закрыты, вода поднимается на разстояніи до 35 верстъ вверхъ. Къ сожалѣнію, берега высоки и затопляемая площадь не велика. Наблюденія показали, что когда выпускаютъ 5 куб. саж. въ секунду, т.-е., приблизительно, $\frac{1}{8}$ воды, которую несетъ Волга у Ярославля въ самую крайнюю засуху, то вода поднимается на 6 вершковъ у Твери, отстоящей отъ бейшлота на 320 верстъ, на $3\frac{1}{2}$ вершка у Калязина, на 477-й верстъ отъ бейшлота, и на $1\frac{1}{2}$ вершка у устья Мологи, на 607-й верстъ.

Еще въ 1805 году генералъ Герардъ предлагалъ запрудить Селижаровку ниже ея истока изъ оз. Селигеръ. Этимъ путемъ можно было бы накопить гораздо болѣе воды, чѣмъ въ верхневолжскомъ бейшлотѣ, а искусственнымъ пониженіемъ истока озера можно было бы воспользоваться, для волжскаго судоходства, значительную часть воды этого большого озера. Такимъ образомъ, когда нужно копить воду, уровень озера возвышался бы, а когда воды въ Волгѣ мало, то пониженіе уровня Селигера помогало бы бѣдѣ. Поверхность Селигера около 175 кв. верстъ, а самое большое изъ искусственныхъ водохранилищъ на нашихъ водныхъ путяхъ—заводское—близъ Вышняго Волочка, на водораздѣлѣ Мсты и Тверцы, питающее обѣ эти рѣки, всего 60 кв. верстъ, т.-е. втрое менѣе.

На большихъ лѣвыхъ притокахъ Волги, впадающихъ выше Камы—Мологъ, Шекснѣ, Бостромѣ, Унжѣ, Ветлугѣ и ихъ притокахъ—можно бы устроить множество подобныхъ запрудъ или водохранилищъ и выпускомъ воды изъ нихъ значительно увеличить количество воды въ Волгѣ въ сухіе годы, лѣтомъ и осенью.

Есть лишь одно существенное возраженіе—то, что судоходство на Волгѣ, по преимуществу, взводное, т.-е. что грузы движутся противъ теченія, поэтому выпускъ воды изъ водохранилищъ менѣе полезенъ, чѣмъ при движеніи судовъ по водѣ. Въ послѣднемъ случаѣ суда движутся вмѣстѣ съ выпущенною водой и сравнительно небольшое количество ея можетъ принести большую пользу судоходству. Чтобы принести такую же пользу взводному судоходству, очевидно, потребуется гораздо болѣе воды. У насъ выпускъ воды изъ водохранилищъ для сплаваго судоходства происходитъ въ большомъ размѣрѣ на р. Чусовой, лѣвомъ притока Камы; на этой рѣкѣ и ея притокахъ существуютъ огромныя заводскіе пруды. Весной по ней сплавляются баржи съ желѣзомъ, причѣмъ пруды спускаются одинъ за другимъ для обезпеченія достаточной глубины воды; здѣсь полезное дѣйствіе велико, ибо баржи плывутъ вмѣстѣ съ водой.

Волга и Западная Двина имѣютъ свои истоки очень близко одна отъ другой, и теченіе Западной Двины можетъ быть разсматриваемо какъ продолженіе верховьевъ Волги. Наконецъ, водораздѣлъ между ними ровный и очень богатый водами—озерами и болотами. Слѣдовательно, соединеніе обѣихъ

рѣкъ каналомъ вполнѣ возможно и принесло бы большую пользу, давъ волжскимъ грузамъ болѣе близкій выходъ къ Балтійскому морю. Затѣмъ и продолжительность судоходства здѣсь болѣе, чѣмъ на каналахъ, соединяющихъ притоки Волги и Невы: сравнительно съ Маринскою системою разница мѣсяца на полтора.

Волжское судоходство нуждается не только въ томъ, чтобы была обеспечена достаточная глубина воды во весь періодъ судоходства,—онъ такъ коротокъ въ верховьяхъ Волгѣ и особенно на Камѣ и на каналахъ, соединяющихъ системы Волги и Невы, что, во всякомъ случаѣ, желательно пользоваться имъ вполнѣ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, это далеко не достигается. Даже весной раннее вскрытіе застаётъ иногда волжанъ врасплохъ,—баржи не готовы къ сплаву. Еще хуже дѣло осенью. Время ледохода очень измѣняется изъ года въ годъ и судохозяевамъ предоставляется выборъ между Сциллою и Харибдой, т.-е. или окончить навигацію рано, а въ случаѣ поздняго ледохода лишиться фрахтовъ иногда за мѣсяць, или же продолжать плаваніе по возможности долго и рисковать цѣлостью пароходовъ, баржей и грузовъ. Дѣло ухудшается еще тѣмъ, что на Волгѣ мало вполнѣ безопасныхъ *затонговъ*, гдѣ баржи могутъ зимовать, не рискуя быть затертыми весеннимъ ледоходомъ. Хорошіе затоны болѣею частью принадлежатъ пароходнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ и за зимовку въ нихъ берется значительная плата. Это еще ограничиваетъ время судоходства, заставляя отказываться осенью отъ грузовъ въ города, близъ которыхъ нѣтъ хорошихъ затоновъ или гдѣ они очень дороги, даже если грузъ можетъ быть доставленъ безъ опасенія.

Дѣлу, казалось бы, можно помочь двоякимъ образомъ: 1) такъ какъ судоходныя рѣки — государственная собственность, то никто не имѣетъ права ввзимать плату за стоянку судовъ въ затонѣ, если не пришлось возводить искусственныхъ сооружений для защиты отъ ледохода. Въ последнемъ случаѣ плата справедлива, но справедливо и нормировать ее; 2) могутъ быть устроены затоны казной или городами, какъ недавно сдѣлано въ Сормовѣ, около Нижняго.

Но для волжскаго судоходства мало еще увеличенія числа безопасныхъ затоновъ; оно вправдѣ требуетъ большаго: нужно организовать въ широкихъ размѣрахъ предупрежденіе о наступленіи осенняго ледохода. Онъ можетъ быть внезапнъ лишь для людей, не пользующихся съѣтью метеорологическихъ станцій, съ передачей ихъ наблюдений по телеграфу.

Замерзаніе рѣкъ, даже образование большаго количества льда на нихъ не могутъ наступить сразу. Для этого нужно, чтобы морозы продолжались нѣсколько дней или же сразу начались сильные морозы при ясномъ небѣ и очень прозрачномъ воздухѣ. Последнее бываетъ очень рѣдко поздней осенью на верхней Волгѣ и ея притокахъ.

При хорошо организованной метеорологической службѣ можно обыкновенно предупредить о наступленіи перемѣны погоды за сутки. Въ дѣлѣ

образованія льда имѣеть значеніе не самая переменна погоды, а ея послѣдствіе, наступающее не сразу. Поэтому въ очень многихъ случаяхъ судохозяева могли бы имѣть гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ теперь, и избавиться отъ многихъ неудобствъ, которыя теперь терпятъ.

Въ дѣлѣ предвидѣнія морозовъ нужно сдѣлать шагъ далѣе существующей рутины, именно получать свѣдѣнія о паденіи снѣга, образованіи снѣжнаго покрова, его глубинѣ и т. д. Морозы безъ снѣга въ началѣ зимы обыкновенно непрочны. Поэтому если къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Волги и ея притоковъ еще нѣтъ снѣжнаго покрова, то нечего опасаться скорого замерзанія, а если выпалъ довольно глубокой снѣгъ, то опасаться слѣдуетъ.

Еслибъ у насъ были подобныя свѣдѣнія, то волжское судоходство могло бы продолжаться очень долго въ 1877, 1878 и 1886 годахъ, когда далеко на сѣверѣ не было снѣга до декабря и въ эти годы судохозяева избавились бы отъ потерь отъ бездѣйствія своихъ судовъ, а въ 1880 г. они были бы предупреждены о томъ, что морозы со снѣгомъ начались въ Архангельской и сѣверной части Тобольской губерніи въ концѣ сентября и поэтому нужно ожидать ранняго ледохода и на Волгѣ, что и случилось.

Въ предлагаемыхъ здѣсь предувѣдомленіяхъ о погодѣ, какъ и въ тѣхъ, которыя уже существуютъ теперь, конечно, есть лишь вѣроятія, но довольно большія. Здѣсь они еще болѣе, чѣмъ въ предувѣдомленіяхъ о погодѣ, такъ какъ данное явленіе, — образованіе льда, — не можетъ наступить сразу, а для этого требуется нѣкоторое время.

Въ данномъ случаѣ намъ кажется, что существуетъ обширное поле для страхованія. Разъ устроена передача извѣстій о погодѣ и о ея вѣроятныхъ измѣненіяхъ, очевидно, можетъ существовать страхованіе судовъ и грузовъ отъ опасностей, грозящихъ отъ льда. Премія должна быть тѣмъ выше, чѣмъ болѣе опасность. Судохозяинъ тогда будетъ въ состояніи соображаться съ размѣромъ фрахта и страхованія и дѣйствовать навѣрняка.

Страховыя общества будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы получать своевременныя извѣстія о погодѣ, между прочимъ, и о состояніи снѣжнаго покрова, а со стороны главнаго управленія почтъ и телеграфовъ можно, думаемъ, надѣяться на содѣйствіе, въ видѣ пониженія платы за телеграммы о погодѣ и передачи ихъ «срочными». Центральное мѣсто для полученія и передачи извѣстій о погодѣ всего удобнѣе устроить въ Нижнемѣ, какъ центръ волжскаго судоходства.

Тамъ же могли бы собираться свѣдѣнія о зимнихъ снѣгахъ въ рѣчной области Волги. Это имѣеть большое значеніе какъ для сужденія о размѣрахъ весенняго половодья, такъ и о высотѣ воды лѣтомъ.

Особенно рано судоходство прекращается на каналахъ Маринской системы, и это раннее прекращеніе имѣеть особенно вредное вліяніе на волжское судоходство, разъ оно наступило: рыбинская ж. д. и главное об-

щество вступаютъ въ права монополистовъ по доставкѣ волжскаго хлѣба къ Петербургу,

Вспомнимъ, однако, что каналы узки, что теченія въ нихъ нѣтъ, что, слѣдовательно, здѣсь являются условія, при которыхъ, вполнѣ возможно устраненіе препятствій, представляемыхъ льдомъ. Можно просто разбить и разбросать образовавшійся ледъ и напускомъ теплой воды изъ паровиковъ препятствовать образованію новаго льда. Страховыя общества, берущія на себя страхованіе убытковъ отъ льда, будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы не платить крупныхъ премій страхователямъ, и для достиженія этой цѣли могутъ взять на себя расходы по устраненію льда на каналахъ. Разъ это будетъ достигнуто, волжское пароходство будетъ продолжено на 10 дней, а, можетъ быть, и на 2 недѣли, а это очень важно именно поздней осенью, такъ какъ этимъ часто рѣшается, можетъ ли быть хлѣбъ урожая даннаго года доставленъ къ портамъ, или ему придется зимовать на дорогѣ.

Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что будь только люди, заинтересованные въ дѣлѣ, а средства сократить на нѣсколько дней остановку судоходства непременно найдутся.

На Волгѣ, какъ и на другихъ нашихъ рѣкахъ, официально признанныхъ судоходными, собирается сборъ съ товаровъ въ $\frac{1}{4}\%$ ихъ оцѣнки. Назначеніе сбора—служить для расходовъ по улучшенію рѣкъ. Теоретически дѣло обстоитъ отлично; тѣ, кто заинтересованы въ улучшеніи судоходства, и платятъ за него. Практика, однако, далеко не такъ красива. Сборъ взимается независимо отъ того, расходуется ли правительствомъ что-либо на работы по устройству данной рѣки, основанія для оцѣнки не установлены, наконецъ, несправедливо, чтобы плата взималась сообразно оцѣнкѣ, независимо отъ пройденнаго разстоянія. Въ результатѣ является множество уловокъ для уменьшенія и избѣжанія сбора, судозозяева жалуются на злоупотребленія со стороны чиновъ министерства путей сообщенія, нерѣдко справедливо, и вообще сборъ далеко не достигаетъ своей цѣли.

Правильно было бы сдѣлать нѣкоторые измѣненія въ этомъ дѣлѣ. Сборъ долженъ бы взиматься и расходоваться подъ контролемъ депутатовъ отъ судозозяевъ, и, притомъ, на потребности судоходства по данной рѣкѣ или рѣчной области. Это, несомнѣнно, уменьшило бы утайку сбора: отъ людей, знаемыхъ съ дѣломъ и заинтересованныхъ въ правильномъ поступленіи его, не легко уберечься. Затѣмъ необходимо ввести сборъ не только соразмѣрно съ пройденнымъ разстояніемъ, но и съ величиной оказанной услуги.

Поэтому справедливо если не совершенно избавить отъ сбора, то, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить сборъ съ судовъ, идущихъ по теченію во время половодья. Такія суда пользуются лишь природными условіями и ихъ слѣдовало бы облагать лишь сборомъ на рѣчную полицію.

Слѣдующая степень сбора, для системы Волги, должна бы быть при-

иѣнена къ судамъ, плавающимъ между Астраханью и устьями Камы, т.-е. на значительномъ участкѣ рѣки, гдѣ не сдѣлано и не требуется сколько-нибудь значительныхъ работъ, а расходъ правительства въ интересахъ судоходства ограничивается изученіемъ рѣки, содержаніемъ водозѣрныхъ постовъ и обстановкой фарватера знаками и фонарями.

Гораздо значительнѣе можетъ и долженъ быть сборъ какъ ниже Астрахани, такъ и выше устьевъ Камы. Здѣсь для судоходства требуются, а частью и производятся, гораздо болѣе значительныя работы. Если только дѣло дѣлается, т.-е. достигается требуемая глубина и на это можно разсчитывать, то судохозяевамъ есть изъ чего платить, такъ какъ при недостаточной глубинѣ, заставляющей паузиться, расходы по доставкѣ грузовъ часто удвояются и утраиваются.

Было бы справедливо установить сборъ не только сообразно пройденному разстоянію и цѣнности товара, но и осадкѣ судовъ. Если, напр., и въ нынѣшнемъ, неустроенномъ состояніи Волги глубина пережатъ на данномъ разстояніи не менѣе 6 четвертей (1½ аршина), то несправедливо взимать большой сборъ съ судовъ, сидящихъ не глубже того, и совершенно справедливо взимать сборъ съ болѣе глубоко сидящихъ, въ случаѣ, если, благодаря произведеннымъ работамъ, они могутъ всегда проходить безпрепятственно.

Чтобы доказать справедливость замѣченнаго выше, приведемъ обмѣръ баржи, т.-е. глубину ея осадки, при разныхъ количествахъ груза *):

20,450 пуд.	груза,	осадка	1 аршинъ	8 вершковъ.
39,620	»	»	2	» —
55,420	»	»	2	» 8
80,322	»	»	3	» 4

Слѣдовательно, при возможности осадки на лишнихъ 1¾ аршина, или, какъ говорятъ на Волгѣ, на 7 четвертей, т.-е. 13, вмѣсто 6, баржа поднимаетъ вчетверо болѣе груза. Слѣдовательно, если нѣсколько пережатъ на данномъ пространствѣ будутъ имѣть около 1½ аршинъ (6 четвертей) глубины, то придется распредѣлить грузъ въ 80 тысячъ пудовъ на 4 баржи, или производить мѣшкотныя и дорогія перегрузки (паузки) нѣсколько разъ, а если глубина вездѣ не менѣе 3¼ аршинъ (13 четвертей), то одна баржа съ 80 тысячами пудовъ груза пройдетъ безпрепятственно. Не справедливо ли взять и большую плату съ хозяина такой баржи?

Такое общее основаніе для судоходнаго сбора несомнѣнно облегчитъ сужденіе о дальнѣйшихъ работахъ углубленія рѣкъ и каналовъ. Несомнѣнно, что судохозяева вездѣ стремятся увеличить размѣры судовъ, такъ какъ въ большихъ судахъ перевозка обходится дешевле. Если глубина не позволяетъ увеличить размѣры судовъ, то судохозяева хлопочутъ о производствѣ ра-

*) *Бюллетень*: „Волга“, стр. 22.

божь по углубленію до желаемыхъ размѣровъ. Правильно было бы поставить вопросъ такъ: «сколько груза можетъ пойти въ баржахъ большой осадки, и согласны ли вы платить сборъ, окупающій проценты на капиталъ и расходы по ремонту новыхъ сооруженій?» Размѣры волжскаго судоходства такъ велики, важность безпрепятственнаго прохода судовъ большой осадки настолько очевидна, что расходы на проценты и погашеніе по многимъ работамъ навѣрное бы окупились.

Мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь общія положенія и не думаемъ утверждать, чтобы государство должно было всегда соразмѣрять расходы съ ожидаемымъ барышомъ. Есть случаи, когда необходимо смотрѣть на дѣло шире и не останавливаться передъ расходами, не окупающимися сразу.

Мы имѣемъ уже въ Россіи примѣръ, доказывающій пользу надзора судохозяевъ за устройствомъ водныхъ путей, это—*ирловской комитетъ* въ Ростовѣ, который заботится о судоходствѣ въ устьяхъ (гирлахъ) Дона. Дѣло идетъ правильно и хорошо, и при сборахъ, нетяжелыхъ для судовъ, достигается глубина, достаточная для большинства ихъ. Инженеры путей сообщения, завѣдующіе технической стороной дѣла, вполне довольны гирловымъ комитетомъ, надзоръ со стороны послѣдняго побуждаетъ министерство быть строгимъ въ назначеніи инженеровъ, а послѣднихъ—дѣлать съ своей стороны все возможное.

Устройство дѣла на Дону представляетъ замѣчательную противоположность между устьями (гирлами), гдѣ сдѣлано все возможное безъ несоразмѣрно-большихъ расходовъ, и среднимъ теченіемъ рѣки, т.-е. отъ Калача до Воронежа и немного выше. Странно сказать, и наши потомки не повѣрили бы, еслибъ не осталось документовъ, что это пространство одной изъ большихъ рѣкъ Россіи, гдѣ при Петрѣ Великомъ сплавливались суда военнаго флота, построенныя въ Воронежѣ, затѣмъ долгое время считалось не судоходнымъ, пока не явился предприимчивый человекъ, смелый предводитель дворянства Бехтѣевъ, который доказалъ, что отъ устья Сосны и въ особенности отъ Воронежа могутъ плавать суда съ такою же осадкой, какъ между Калачомъ и Ростовомъ. Дѣло въ томъ, что на нижнемъ Дону ширина увеличивается несоразмѣрно съ количествомъ воды, что встрѣчаются мели съ меньшей глубиной, чѣмъ между Воронежемъ и Калачомъ. Новое общество пароходства по Дону поэтому намѣрено имѣть на этомъ плесѣ баржи съ нѣскольکو болѣею осадкой, чѣмъ между Калачомъ и Ростовомъ.

Недавно вновь возникъ проектъ соединенія Волги съ Дономъ, причѣмъ за это дѣло берется французскій инженеръ Леонъ Дрю. Такъ какъ на водораздѣлѣ нѣтъ воды, то предполагается качать воду изъ Волги. Способъ перекачки воды паровыми машинами для питанія водораздѣльнаго водохранилища уже испытанъ во Франціи и въ возможности его примѣненія въ данномъ случаѣ нечего сомнѣваться, но, конечно, нельзя ожидать,

чтобы большія волжскія баржи проходили черезъ каналъ и по нижнему Дону. Каналу, если онъ состоится, придадутъ, вѣроятно, небольшіе размѣры, да и по Дону съ его глубиной въ 2 или 2¹/₂ фута въ межень большія баржи ходить не могутъ.

Новый каналъ въ проектированныхъ теперь размѣрахъ не можетъ, такъ сказать, замѣнить впаденіе Волги въ открытое море и направить большинство волжскихъ грузовъ внизъ по рѣкѣ, а не вверхъ. Это невозможно уже потому, что идущіе вверхъ волжскіе грузы далеко не всѣ назначаются къ вывозу за границу, а, наприм., важнѣйшій изъ нихъ, хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ, идетъ на продовольствіе губерній: Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Олонецкой, Петербургской со столицей и Финляндіи; наконецъ, рожь и овесъ отправляются на сѣверъ Европы, куда они врядъ ли когда-нибудь пойдутъ изъ Азовскаго моря. Впрочемъ, соединеніе Волги съ низовьями Дона имѣетъ очень большую важность, но оно достижимо съ дѣйствительною пользою для страны инымъ путемъ, чѣмъ нынѣ предлагаемый.

А. Всеиковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Иностранная печать сообщила по смерти императора Фридриха III много свѣдѣній, характеризующихъ свѣтлую личность этого государя. Широко образованный и гуманный наслѣдный принцъ прусскій, въ мучительной болѣзни процарствовавшій только девяносто девять дней, оставилъ за собою замѣтный слѣдъ въ движеніи нѣмецкой государственной мысли. Управление смертельно больного императора встрѣтило ожесточенную оппозицію. Все, что милитаризмъ и ханжество воспитали въ нѣмецкомъ обществѣ темнаго и злаго, все это искренне возненавидѣло императора, вступившаго на престолъ къ всеобщему удивленію реакціонныхъ партій, которыя были увѣрены въ неминуемой смерти сына Вильгельма I. Однимъ только крупнымъ фактомъ ознаменовалось, въ практическомъ отношеніи, царствование Фридриха III: отставкою одного изъ отъявленнѣйшихъ руководителей реакціоннаго движенія, прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Путтаммера. Императоръ прочелъ тотъ № *Freisinnige Zeitung*, гдѣ была напечатана блистательная рѣчь вождя свободномыслящихъ, изобличавшая продѣлки Путтаммера, и написалъ на ея столбцахъ: *мѣткое слово въ-время*. Мудрое отношеніе покойнаго государя вообще къ печати доказывается множествомъ фактовъ, которые были пересказаны и русскими газетами. Какъ относился Фридрихъ III къ наукѣ, видно, напримѣръ, изъ его привѣтственнаго письма ректору Болонскаго университета по поводу празднованія восьмисотлѣтняго юбилея этого университета.

Императоръ Фридрихъ III при вступленіи на престолъ изложилъ, въ формѣ письма къ имперскому канцлеру, передъ германскимъ обществомъ свою либеральную политическую программу. Новый императоръ началъ свою государственную дѣятельность обращеніемъ къ арміи, признавая ее первенствующею силой имперіи. Въ торжественной рѣчи въ рейхстагѣ были развиты Бисмарковскіе взгляды на международныя отношенія Германіи и на экономическую роль государства.

И вотъ мы присутствуемъ при новой *эволюціи* политики прослав-

леннаго имперскаго канцлера. Франція оказалась гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали германскіе дипломаты и генералы. Ея военная организація получила неслыханное прежде развитіе. Опасность новаго нашествія нѣмецъ и настойчивое стремленіе возвратить Мецъ и Страсбургъ вызвали постройку грознаго ряда укрѣпленій и стратегическихъ путей сообщенія. Значительная доля изумительныхъ способностей и знаній французскаго народа пошла на усовершенствованіе техническихъ военныхъ средствъ. Философъ-моралистъ и всякій здравомыслящій человѣкъ съ печалью отмѣтитъ, что всѣ эти усилія, всѣ эти средства назначены для наиболѣе быстрого истребленія наибольшаго числа людей; но—не подлежитъ сомнѣнію—на эти жертвы Франція вызвана была безпощадною жестокостью побѣдоносной гогенцоллернской имперіи.

И такъ, опасность возмездія со стороны Франціи совсѣмъ не устранена. Фельдмаршалъ Мольтке сказалъ какъ-то, что Германія должна стоять подъ ружьемъ пятьдесятъ лѣтъ, чтобъ обезпечить за собою отнятое въ войну 1870—71 годовъ. Простояла Германія въ такомъ положеніи семнадцать лѣтъ, и ея правители начинаютъ чувствовать, что эта позиція очень утомительная. Попытка новаго разгрома Франціи, когда она еще не оправилась отъ страшныхъ послѣдствій наполеоновскаго режима, не удалась, какъ знаютъ читатели, благодаря своевременному вмѣшательству Императора Александра II и князя Горчакова. Князь Бисмаркъ, чтобъ высвободиться безусловно отъ вліянія Россіи, заключаетъ тѣсный союзъ съ Австро-Венгріей. Къ союзу этому присоединяется потомъ Италія, маленькіе Макиавелли которой всегда ищутъ случая половить рыбки въ мутной водѣ. Эта тройственная *миа мира* получила поддержку со стороны враждебнаго нашему отечеству консервативнаго англійскаго кабинета.

Князь Бисмаркъ, казалось, могъ торжествовать: на защиту добытаго политикою крови и желѣза стали четыре первоклассныя европейскія государства. Благодаря искусству величайшаго дипломата нашихъ дней, эгоистическіе интересы Германіи были признаны правительствами Австро-Венгрии и Италіи существеннѣйшими интересами и этихъ странъ.

При такихъ условіяхъ Россіи и Франціи оставалось либо подчиниться требованіямъ германской политики, либо вступить въ ужасающую по своимъ послѣдствіямъ борьбу съ средне-европейскою коалиціей. Князю Бисмарку, повидимому, очень хотѣлось завязать русскія силы на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ мы встрѣтили бы противъ себя не только австро-мадьяръ, но и болгаръ, и сербовъ, и румынъ, и, пожалуй, турокъ въ союзѣ съ англичанами. Чтобы сражаться съ нами, приплыло бы нѣсколько итальянскихъ ротъ, и дипломаты Итальянскаго королевства потребовали бы потомъ за это великодушное содѣйствіе Албаніи или какого-либо иного аппетитнаго территориальнаго вознагражденія. Къ великому благу для русскаго народа и, — смѣло можно сказать, для міровой цивилизаціи, — русское пра-

вительство отказалось от мысли насильственно водворять какіе бы то ни было порядки въ Болгаріи. Тогда въ неудачное положеніе попала Австро-Венгрія: эта разноплеменная государственная нескладница, эта политическая амфибія, въ которой борются непримиримыя начала народнаго самоуправленія и бюрократическаго строя, также истощалась въ вооруженіяхъ. Она должна была подчинить своему вліянію славянскія племена Балканскаго полуострова, стать во главѣ этихъ племенъ, чтобы дать рѣшительный отпоръ посягательствамъ русскаго правительства на самостоятельное политическое существованіе болгаръ и сербовъ. Но русское правительство такихъ посягательствъ не обнаруживаетъ. Время идетъ, Австро-Венгрія все вооружается, ея финансовое положеніе становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Военные расходы расшатываютъ благосостояніе государства, созданное конституціоннымъ управленіемъ послѣ 1866 г. Съ другой стороны, ростъ политическаго самосознанія среди австро-венгерскихъ славянъ также не представляетъ для видовъ князя Бисмарка ничего утѣшительнаго. Союзъ съ Германіей и въ особенности съ Австріей, у которой еще остаются во владѣніи Триестъ и Трентино, не по душѣ значительной части итальянскаго народа. Положеніе консервативнаго кабинета Салисбюри не особенно прочно, и возможная побѣда либеральной партіи поведетъ къ сближенію Англіи съ Франціей и Россіей. Гладстонъ опять можетъ сказать Австро-Венгріи: руки прочь! Нельзя ли перемѣнить фронтъ? Нельзя ли добиться сближенія Германской имперіи съ Россіей цѣною кое-какихъ мелочныхъ уступокъ и церемоніальныхъ заявленій? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оффиціальная печать князя Бисмарка вела противъ Россіи ожесточенную войну, осыпала насъ всевозможными оскорбленіями. Противъ русскихъ бумажныхъ денегъ, противъ нашихъ бумажныхъ цѣнностей велась настойчивая борьба. Ввозъ русскихъ товаровъ затруднялся пошлинами, и наши финансы, какъ и наше народное хозяйство, не мало потерпѣли отъ желавшаго смирить насъ *честнаго маклера*. Нельзя ли добиться подобнаго же результата иными средствами?

Въ Австро-Венгріи одна часть печати забила тревогу по поводу признаковъ новаго сближенія между Германіей и Россіей. Это сближеніе, еслибъ оно произошло въ дѣйствительности, могло бы сопровождаться очень невыгодными послѣдствіями и для Габсбургской монархіи, и, въ особенности, для Франціи. Но лучше освѣдомленные австрійскія газеты разсуждаютъ иначе: онѣ вѣрятъ въ прозорливость и искусство германскаго имперскаго канцлера, знаютъ, что князь Бисмаркъ *не въ состояніи* (если бы даже и захотѣлъ) отказаться, вопреки желанію нѣмецкаго народа, отъ тѣснаго союза съ нѣмецко-мадьярскою имперіей Габсбурговъ. При такихъ условіяхъ отъ сближенія съ Россіей могутъ выиграть только Германія и Австро-Венгрія, а несомнѣнно потеряетъ Россія. Намъ уже много разъ приходилось указывать на то, что русскіе интересы повелительно требуютъ суще-

ствования сильной Франціи, какъ противовѣса нестерпимому владычеству германскаго милитаризма. Допустить князя Бисмарка нанести тяжкій ударъ Франціи было бы актомъ величайшаго неблагоразумія: это значило бы подготовить противнику почву для нападенія на нашъ собственный докъ. Никакихъ завоеваній намъ не нужно, никакихъ завоеваній намъ невозможно дѣлать. Только близорукіе люди, которыхъ ослѣпляетъ кровавая военная слава и внѣшнее величіе, могутъ желать увеличенія предѣловъ и безъ того величайшаго въ мірѣ государства. Намъ необходимо пробудиться отъ апатіи и снаять культурнымъ развитіемъ и политическою мыслью всё страны, вошедшія въ составъ Россіи. Для правильнаго рѣшенія славянскаго вопроса (правильнѣе, вопросовъ) гораздо важнѣе удержать Германію, такъ успѣшно оиѣмчивающую славянскія земли, отъ нападенія на Францію, чѣмъ изгнать какого-нибудь принца Кобургскаго изъ Софіи. Съ нашимъ внутреннимъ ростомъ къ намъ вернутся и симпатіи славянскихъ народовъ. Наша историческая роль между ними должна заключаться въ примиреніи ихъ интересовъ, въ правильномъ распредѣленіи ихъ самостоятельности. Насиліе и интриги пусть пускаютъ въ ходъ австро-венгерскіе дипломаты: плоды того и другаго горькіе. Такъ, напримѣръ, австро-мадьярскій намѣстникъ въ Бѣлградѣ, глаголемый сербскій король Миланъ, несмотря на всё свои усилія, не можетъ подчинить народа мадьярскимъ и спеціально-габсбургскимъ интересамъ. Весьма вѣроятно, что недалеко то время, когда недовольство сербскаго народа австрофильскою политикой короля приметъ болѣе осязательныя формы. А покуда король Миланъ поставилъ на политическую сцену новый фарсъ: *Divorcions (Разведетмя)*. Королева Наталія, какъ извѣстно, не раздѣляетъ политическихъ воззрѣній своего супруга, такъ позорно побитаго болгарами въ затѣянную было имъ войну.

Миланъ потребовалъ отъ своей супруги развода и возвращенія сына. На то и на другое послѣдовалъ отказъ. Тогда Миланъ обратился къ германскому правительству съ просьбою отнять сербскаго наследнаго принца у матери. Просьба эта была, конечно, поддержана Австро-Венгріей (иначе князь Бисмаркъ не обратился бы на нее вниманія). И вотъ нѣмецкія оффиціозныя газеты заговорили о международномъ правѣ, чуть ли даже не о справедливости, этой наивной идеѣ, изгнанной изъ предѣловъ германской имперіи. Органы князя Бисмарка любятъ ссылаться на науку, когда какии-нибудь параграфомъ изъ трактата авторитетнаго ученаго можно прикрыть некрасивое дѣяніе. Такъ и въ данномъ случаѣ явились ссылки на Блунчли. Несмотря на протестъ королевы Наталіи, не дождавшись даже постановленія сербскаго суда, нѣмецкая полиція отняла сына у сербской королевы, а ей самой предложила уѣхать изъ Висбадена и изъ предѣловъ Германіи. За что же преслѣдуется, въ чемъ обвиняется королева Наталія? Единственною виной ея является русскія симпатіи королевы. Князь Бисмаркъ полицейскою расправой успѣшнѣе успокоить своихъ вѣрныхъ и послушныхъ

союзниковъ въ Вѣнѣ и Пештѣ. Россіи—любезныя фразы; Австро-Венграмъ—любезныя услуги.

Король Миланъ признаетъ свое положеніе критическимъ. Только, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, собственные затрудненія онъ отождествляетъ съ затрудненіями отечества. *L'état—c'est moi*,—это раздается и въ Сербіи. Необходимо, по словамъ короля Милана, произнесеннымъ на банкетѣ въ честь и во славу новаго министерства, поставленнаго королемъ, не теряя времени, приступить къ леченію болѣзни, которая охватила въ Сербіи «не только весь сербскій народъ, но *даже* проникла въ армию,—этотъ надежнѣйшій оплотъ престола». Плохъ тотъ престолъ, замѣтимъ мы, надежнѣйшимъ оплотомъ котораго является войско; ненормальны и печальны порядки въ той странѣ, гдѣ престолъ и армія противопоставляются народу. И зачѣмъ это генераль Черняевъ такъ хлопоталъ произвести сербскаго князя въ короли? Хорошій князь, во всякомъ случаѣ, предпочтительнѣе плохаго короля.

Очень можетъ быть, что даже короля Милана тяготитъ чрезмѣрная зависимость отъ австро-венгерскихъ правителей. Требования съ этой стороны все возрастаютъ и задрѣваютъ самые существенные національно-сербскіе интересы. Газеты передавали одно, не совсѣмъ правдоподобное, но очень характерное, извѣстіе: мадьяры и вѣнское центральное правительство желаютъ будто бы перенесенія столицы Сербіи изъ Бѣлграда въ Нишъ. Несомнѣнно, что такое перенесеніе имѣло бы большую выгоду для Австро-Венгрии: Бѣлградъ—столица представляетъ болѣе серьезную силу сопротивленія экономическимъ и национальнымъ захватамъ, чѣмъ Бѣлградъ—провинціальный городъ. Рельсовые пути, которые прорѣзываютъ теперь славянскія земли Балканскаго полуострова, послужатъ прежде и больше всего на пользу Австріи и Германіи. Кромѣ экономическаго владычества, распространеніе нѣмецко-мадьярскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ ведетъ къ расширенію тамъ и римско-католической пропаганды. Князь Бисмаркъ, зашедшій въ Каноссу, и Левъ XIII, помогшій имперскому канцлеру провести въ рейхстагъ военный септеннатъ, во многихъ случаяхъ идутъ рука объ руку. Взгляды римскаго первосвященника на свободу заслуживаютъ полного одобренія руководителя германской политики. Въ новой энциклопедіи *De libertate* (о свободѣ) глава римско-католическаго міра рѣшительно возстаетъ противъ основы современнаго европейскаго государственнаго строя,—противъ народнаго верховенства, выражающагося во всеобщей подачѣ голосовъ. Руководитель, — и, притомъ, по догмату, непогрѣшимый,—могущественной церковно-бюрократической организаціи не можетъ, конечно, допустить свободнаго развитія отдѣльныхъ народовъ, свободнаго развитія такихъ возрѣній, которыя не подчиняются указаніямъ изъ Ватикана. Рационализмъ въ философіи и либерализмъ въ политической жизни — это, по ученію римскаго первосвященника, все отъ дьявола.

Естественно поэтому, что Левъ XIII не можетъ допустить и свободы вѣроисповѣданія. Онъ возстаетъ противъ того, что личная совѣсть, личное убѣжденіе въ вопросахъ религіозныхъ не подчиняется въ современномъ государствѣ законодательнымъ предписаніямъ. Отдѣленіе церкви отъ государства,—одно изъ требованій европейскаго либерализма,—папа считаетъ совершенною негѣпостью: государство—тѣло, его духъ—церковь, и отдѣлять ихъ другъ отъ друга, освободить государство отъ подчиненія церкви—дѣло невозможное. Невозможное дѣло, съ другой стороны, чтобы римскій первосвященникъ высказывалъ иныя воззрѣнія: между римско-католическою церковью съ ея организаціею, которая опирается на непогрѣшимого, вопреки здравому смыслу, папу, и современною демократіею не можетъ быть примиренія. Какъ ловкіе дипломаты, папы отъ времени до времени расточаютъ льстивыя слова то одному, то другому народу. Ватиканскій престолъ ловитъ даже случаи выступить защитникомъ страдающихъ народныхъ массъ. Но какъ только отъ подобнаго вмѣшательства почувствуется неудобство для святаго престола, Макиавелли въ тиарѣ начинаетъ отступать, искусно замѣтая слѣдъ неудавшагося вмѣшательства. Бываетъ и наоборотъ, какъ въ послѣднее время въ ирландскомъ вопросѣ. Сторговавшись съ консервативнымъ правительствомъ протестантской Англіи, папа, какъ извѣстно читателямъ, обратился къ духовенству и народу католической Ирландіи съ осужденіемъ борьбы за національную самостоятельность. Какъ ни предано своему церковному главѣ ирландское духовенство, какъ ни религіозенъ ирландскій народъ, однако, въ данномъ случаѣ папское посланіе встрѣтило почтительное, но твердое сопротивленіе. Надо было принять мѣры, чтобы вслѣдствіе этого не пострадало обаяніе папскаго авторитета. Новымъ окружнымъ посланіемъ Левъ XIII разъясняетъ ирландскому народу, что онъ не желалъ вмѣшиваться во внутреннія отношенія Ирландіи, что онъ имѣлъ въ виду своимъ первымъ посланіемъ только отдѣлить *правое дѣло Ирландіи* отъ революціонныхъ предпріятій. Иными словами: теперь папа одобряетъ *цѣли* борьбы ирландскаго народа съ англійскими консерваторами, но не даетъ одобренія тѣмъ *средствамъ*, которыя пускаются въ ходъ въ этой борьбѣ. Но, вѣдь, именно римско-католическая церковь усердно и долго проповѣдовала, что цѣль оправдываетъ средства.

Оживленіе и усиленіе реакціоннаго духа, главными представителями котораго являются въ настоящее время Ватиканъ и Пруссія, доходятъ до удивительныхъ размѣровъ и обнаруживаются иной разъ въ не менѣе удивительныхъ формахъ. Мы говорили уже о нападеніяхъ на покойнаго императора Фридриха III. Отиѣтимъ по этому поводу статью извѣстнаго историка, профессора Трейчке, въ *Preussische Jahrbücher* (книжки этого журнала у насъ нѣтъ подъ рукою и мы пользуемся выдержками, напечатанными въ № 178 *Русскихъ Вѣдомостей*). Статья озаглавлена: *Два императора*. Она пренеполнена восторженными похвалами Вильгельму I. Объ императорѣ Фридрихѣ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царствованіе по-

койнаго императора могло быть только печальнымъ эпизодомъ отечественной исторіи, печальнымъ вслѣдствіе безпримѣрныхъ страданій высокаго больнаго, шарлатанскаго образа дѣйствій англійскаго врача и его грязныхъ газетныхъ сообщниковъ, вслѣдствіе дерзости партіи свободномыслящихъ, имѣвшихъ смѣлость утверждать, что императоръ принадлежитъ однимъ имъ, и дѣйствительно однажды добившихся успѣха—низверженія министра; между тѣмъ, монархическія партіи, по чувству долга и предвидя близкій конецъ, принуждены были молчать». Такъ говоритъ ученый профессоръ. Очевидно, онъ косвенно обвиняетъ императора Фридриха III въ измѣнѣ монархическому началу. Несчастливый государь, по мнѣнію Трейчке, потерялъ связь съ эпохой быстрого возрожденія отечества и не могъ болѣе слѣдовать за новыми идеями. За какими? Чтѣ именно возмущаетъ прусскаго профессора? Оказывается, что господинъ Трейчке не можетъ простить императору Фридриху того, что онъ, будучи наследникомъ престола, на юбилейномъ торжествѣ въ Кѣнигсбергѣ предостерегалъ студентовъ отъ шовинизма... И невольно вспоминаешь о старой Германіи, странѣ и высокаго патристическаго одушевленія, и сильной научной мысли, и великаго художественнаго творчества, странѣ Фихте-старшаго, Вильгельма Гумбольта, Гёте и Шиллера... Въ счастью, заявленія новаго германскаго императора звучатъ миролюбиво, а посѣщеніе Вильгельмомъ II Императора Александра III истолковывается большинствомъ нашей и нѣмецкой печати какъ важный залогъ этого мира. Но сомнительно, чтобы истиннымъ потребностямъ въ глубокомъ, обезпеченномъ мирѣ для плодотворнаго историческаго развитія могла въ чемъ-нибудь содѣйствовать римско-католическая церковь. А какъ силенъ еще клерикализмъ въ Западной Европѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ бельгійскіе парламентскіе выборы, упрочившіе реакціонное большинство въ палатѣ. Правда, этой побѣды клерикалы не одержали бы, если бы бельгійскіе либералы не распались на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ въ одномъ съ близорукимъ упрямствомъ не хотятъ признать необходимости для Бельгій всеобщей подачи голосовъ и значительныхъ экономическихъ реформъ въ интересахъ рабочаго класса. Вражда между этими двумя либеральными партіями дошла до того, что каждая изъ нихъ, не имѣя возможности провести своихъ кандидатовъ, устранилась отъ голосованія, вслѣдствіе чего побѣждалъ клерикальный кандидатъ. Это большая политическая ошибка, послѣдствія которой не легко устранить. Реакціонное большинство, въ рукахъ котораго теперь укрѣпляется власть, уже наложило свою тяжелую руку на школу, отдало ее подъ владычество римско-католическаго духовенства. Иной—и совершенно правильной—тактики держатся различныя группы французскихъ республиканцевъ: каждая группа выставляетъ своего кандидата, но если, въ виду противника-бонапартиста или вообще реакціонера, не побѣдилъ ни одинъ изъ республиканцевъ, всѣ республиканцы снимаютъ свою кандидатуру въ пользу того изъ нихъ, который получилъ относительное большинство голосовъ.

При такихъ условіяхъ различнымъ группамъ республиканскаго большинства не страшны будутъ настойчивые происки монархистовъ и назойливая агитація «браваго генерала» Буланже, вновь прославившагося въ роли комическаго цезаря въ палатѣ депутатовъ. Популярность президента республики, Карно, и министра - президента, Флоке, сильно возрастаетъ въ последнее время. Торжество открытія памятника Гамбеттѣ и національный праздникъ 2 (14) іюля прошли блистательно для республиканцевъ. Цезаризмъ, повидимому, отживаетъ во Франціи свой вѣкъ и страна имѣетъ много шансовъ вполне благополучно выйти изъ нынѣшняго кризиса.

В. Г.

Статистика передъ судомъ курскаго земства.

Въ концѣ 1886 года вышла въ свѣтъ моя книга *Итоги статистическаго изслѣдованія Курской губернии*, вызвавшая, какъ извѣстно, постановленіе губернскаго собранія о задержаніи ея. Постановленіе это встрѣчено было всеобщимъ удивленіемъ, тѣмъ болѣе понятнымъ, что задержанная книга представляла только сводку вышедшихъ раньше работъ по изслѣдованію Курской губернии (14 томовъ описанія отдѣльныхъ уѣздовъ, 1 томъ о грамотности и 2 тома о промыслахъ) и, притомъ, работъ, неоднократно одобренныхъ тѣмъ же земствомъ. Но ни самое постановленіе, ни проникавшія въ печать сообщенія не давали удовлетворительнаго отвѣта на возникавшіе по этому поводу вопросы. Это постановленіе возбуждало еще большее удивленіе послѣ того, какъ совѣтъ Московскаго университета присудилъ мнѣ премію имени Ю. Θ. Самарина за книгу, изъятую изъ обращенія земствомъ.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году появился рядъ разоблаченій, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ странный «инцидентъ». Курское земство поняло, что приостановленіе книги, разрѣшенной цензурою, не есть семейное дѣло, которое можно порѣшить келейно, а потому постановило «составить подробную мотивировку принятой противъ книги г. Вернера мѣры, для того, чтобы изытіе ея изъ обращенія было понятно публикѣ и правительству». Эта мотивировка заключается въ вышедшихъ въ свѣтъ докладѣ комиссіи, разсматривавшей мою книгу, особой брошюрѣ, разсланной во всѣ земства и редакціи періодическихъ изданій, и, наконецъ, въ статьѣ г. Роштока, появившейся на страницахъ майской книги *Русскаго Вѣстника*.

Упомянутые доклады, брошюра и статья являются не только тождественными по своему содержанию, но представляютъ дословную перепечатку, а потому авторомъ ихъ необходимо признать предсѣдателя комиссіи, г. Роштока. Отвергнувъ это предположеніе, пришлось бы допустить, что г. Роштокъ, печатая за своею подписью докладъ комиссіи, совершилъ плагиатъ,—а для такого обвиненія не представляется достаточныхъ основаній.

Обстоятельства, сопровождавшія возникновение и дальнѣйшее существование статистическаго бюро курскаго земства, также подтверждаютъ, что именно г. Роштокъ, а не кто-либо иной, имѣлъ возможность составить «подробную мотивировку» принятой противъ моей книги мѣры. Вопросъ о необходимости учредить статистическое бюро былъ впервые поднятъ въ курскомъ земствѣ г. Роштокомъ еще въ 1880 году; его предложеніе было принято сочувственно и въ томъ же году онъ принялъ на себя завѣдываніе учрежденнымъ бюро, а въ 1881 году издалъ свое изслѣдованіе двухъ волостей Курскаго уѣзда. Соглашаясь съ программой и планомъ этой работы, заимствованными у московскаго статистическаго бюро *), собраніе не одобрило способъ выполненія и постановило для продолженія работъ пригласить завѣдующаго бюро изъ Москвы.

Несмотря на эту неудачу, г. Роштокъ не покинулъ мысль быть «лидеромъ» той либеральной части собранія, которая настаивала на необходимости произвести статистическое описаніе губерніи, а потому къ экстренному собранію представлялъ докладъ, въ которомъ устанавливалъ программу предстоящихъ работъ и основанія для соглашенія съ приглашеннымъ изъ Москвы завѣдующимъ статистическимъ бюро. Поздѣе, во время производства работъ новымъ составомъ бюро, г. Роштокъ постоянно дѣлалъ собранію сообщенія о вновь вышедшихъ сборникахъ и напечаталъ, также для руководства собранію, двѣ брошюры, въ которыхъ подробно разобралъ достоинства и недостатки вышедшихъ въ свѣтъ работъ и проектировалъ содержаніе будущаго своднаго сборника. Къ этой послѣдней брошюрѣ намъ придется еще возвратиться, такъ какъ коммиссія и самъ г. Роштокъ упрекаютъ меня въ томъ, что я позволилъ себѣ отступить отъ ея указаній.

Признавая г. Роштока авторомъ названныхъ выше трехъ разоблаченій, мы въ послѣдующемъ изложеніи, возражая коммиссіи, тѣмъ самымъ будемъ имѣть въ виду перепечатанную за его подписью статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и, наоборотъ, возраженія г. Роштоку должны быть отнесены также къ докладу коммиссіи. Здѣсь же считаемъ необходимымъ отмѣтить нѣсколько отступленій противъ доклада коммиссіи, допущенныхъ въ статьѣ г. Роштока.

Издавая исторію возникновенія курскаго бюро, г. Роштокъ говоритъ: «Г. Вернеръ обязался изслѣдовать губернію, состоящую изъ 15 уѣздовъ, въ два года, и вотъ закипѣла работа; статистики являлись въ уѣзды и въ три мѣсяца производили изслѣдованіе его... Къ каждому очередному собранію подгонялись выпуски поуѣздныхъ сборниковъ и, притомъ, такъ, что раздавались во время засѣданій самаго собранія» (*Русск. Вѣстн.* 1888 г.,

*) Хотя въ предисловіи къ своей книгѣ г. Роштокъ утверждаетъ, что онъ самостоятельно выработалъ программу, но Л. С. Личковъ тогда же печатно обвинялъ г. Роштока въ плагиатѣ и доказалъ, что программа эта цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, заимствована изъ сборниковъ московскаго бюро.

№ 4-й, стр. 140). Тонъ и содержаніе выписки показываютъ, что г. Роштокъ не одобряетъ такой спѣшности въ работѣ, а, между тѣмъ, онъ самъ является виновникомъ этой спѣшности. Я обязался произвести описаніе 14 уѣздовъ (а не 15) въ три года (а не въ 2), по предложенію г. Роштока, выраженному въ напечатанномъ за его подписью докладѣ экстренному губернскому собранію 1882 года. Въ слѣдующемъ году я ходатайствовалъ предъ собраніемъ о продленіи этого срока, но оно не согласилось, опираясь на мнѣніе г. Роштока, что въ дѣлѣ статистическаго изученія мѣстности краткость періода изслѣдованія имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ даетъ возможность сравнивать различныя мѣстности. Подчинившись обязательному для меня требованію, я долженъ былъ производить въ годъ изслѣдованіе 5 уѣздовъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что сборники выходили только къ концу года. Несмотря на эти препятствія, мнѣ удалось нѣсколько сборниковъ выпустить въ свѣтъ ко времени уѣздныхъ собраній, т.-е. къ октябрю (въ томъ числѣ сборникъ по Львовскому уѣзду, отъ котораго губернскимъ гласнымъ состоитъ г. Роштокъ),—слѣдовательно, гласные являлись въ губернское собраніе достаточно ознакомленные съ ними. Наконецъ, упрекъ г. Роштока теряетъ свое значеніе еще потому, что бюро существовало въ Курскѣ 4 года,—слѣдовательно, съ первыми пятью сборниками гласные достаточно могли ознакомиться въ теченіе 4 лѣтъ, для ознакомленія со второю серіею изъ 5 сборниковъ они имѣли 3 года и т. д. Несмотря на утвержденіе г. Роштока, что сборники не встрѣтили сочувствія въ уѣздныхъ земствахъ, большинство уѣздовъ выразило чрезъ своихъ гласныхъ полное одобреніе произведеннымъ работамъ, а три уѣздныхъ собранія прислали на имя бюро изъявленія благодарности. Изъ 14 изслѣдованныхъ уѣздовъ только одно (фатежское) земство представило рядъ возраженій противъ V выпуска сборника; для разсмотрѣнія этихъ возраженій губернскимъ собраніемъ была избрана коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. Роштока, который на томъ же собраніи торжественно прочелъ приговоръ коммиссіи, признавшей почти всѣ возраженія неосновательными.

Во второмъ своемъ отступленіи отъ текста доклада г. Роштокъ говоритъ: «Трудъ, возложенный на коммиссію, былъ нелегкій,—надо было свѣрить общій сборникъ съ 15 поуѣздными, чтобъ убѣдиться, насколько первый составляетъ итогъ послѣднихъ, и затѣмъ навести не мало справокъ и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, и въ разныхъ печатныхъ источникахъ, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ видѣ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ изобразилъ его г. Вернеръ въ своей книгѣ» (стр. 142). Всю эту тираду необходимо признать несогласною съ истиной. Коммиссія именно не дѣлала того, что обязана была сдѣлать, не свѣрила сводный сборникъ съ поуѣздными, потому что такая свѣрка показала бы, что каждая цифра, фактъ, выводы своднаго сборника своевременно были проведены въ одномъ изъ поуѣздныхъ выпусковъ. Что же

касается справокъ «въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и печатныхъ источникахъ» *), то нужно сожалѣть, что г. Роштокъ и комиссія не сообщили своевременно земству о существованіи такихъ источниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какъ «обстоитъ дѣло въ дѣйствительности»; тогда земство, съ меньшею денежною затратой, поручило бы г. Роштоку собрать эти свѣдѣнія и не затѣвало бы дорого-стоющаго мѣстнаго статистическаго изслѣдованія.

На стр. 174 *Русскаго Вѣстника* г. Роштокъ признаетъ украшеніемъ моей книги отдѣлъ о грамотности, но при этомъ прибавляетъ, что «этотъ отдѣлъ принадлежитъ, надо полагать, перу г. Кислякова». Я, съ своей стороны, думаю, что если авторъ литературнаго произведенія называетъ себя Вернеромъ, то отнюдь не надо полагать, что онъ именуется г. Кисляковымъ. Вслѣдъ за этимъ г. Роштокъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отдѣлъ таблицы въ моей книгѣ: «Таблицы разбираемаго сборника представляютъ безсвязное къ нему приложеніе и совершенно неудобное для провѣрки тѣхъ рѣшительныхъ выводовъ, которые въ немъ сдѣланы. Трудно найти что-либо болѣе ненаучное!» (стр. 174). И больше ни одного слова, несмотря на то, что безжалостный приговоръ касается цѣлаго отдѣла книги. Такая безапелляціонность, можетъ быть, была бы уместна въ устахъ всеми признаннаго авторитета статистической науки, но—quod licet Jovi non licet bovi.

Свою статью г. Роштокъ заключаетъ слѣдующею импровизаціей: «Не является ли эта ненаучность (?) маской, которая прикрываетъ негодное содержаніе, и не обращается ли эта пресловутая земская статистика, при случаѣ, въ пропаганду идей извѣстнаго пошиба, которыя, потерпѣвъ фiasco подъ однимъ знаменемъ, явились подъ другою фирмой и кличкой?» Читатель, вѣроятно, согласится, что эта тирада относится къ той литературѣ, которой не возражаютъ, а отъ которой съ негодованіемъ отворачиваются. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, подъ какимъ «флагомъ» выступалъ мой оппонентъ незадолго до изятія моей книги.

Перехожу къ возраженіямъ противъ моей книги, сгруппированнымъ въ докладѣ комиссіи и статьѣ г. Роштока.

Комиссія курскаго земства признаетъ слѣдующіе главнѣйшіе недостатки въ моей книгѣ: 1) планъ и содержаніе ея не соответствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя мнѣ были предъявлены земскимъ собраніемъ, а потому

*) Между прочимъ, доказательствомъ того, какъ дѣлала комиссія справки въ печатныхъ источникахъ, можетъ служить слѣдующій курьезъ: въ моей книгѣ, вслѣдствіе корректурной ошибки, проф. *Левановскій* названъ *Левановскимъ*; г. Роштокъ, въ докладѣ собранію, въ разосланной всюду полемиической брошюрѣ и въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, нѣсколько разъ упоминаетъ о трудѣ этого профессора, каждый разъ называя его *Левановскимъ*. Позволяю себѣ думать, что онъ только изъ моей книги и знаетъ о существованіи почтеннаго профессора.

она не может служить для практических цѣлей земства; 2) сдѣланные мною выводы неправильны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному хозяйственному положенію Курской губерніи и 3) многія мои сужденія не обладаютъ надлежащею объективностью и грѣшатъ своею явною тенденціозностью.

По первому изъ этихъ обвиненій г. Роштокъ въ докладѣ и своей статьѣ говоритъ: «Курское губернское земство, предпринявъ статистическое изслѣдованіе губерніи и организовавъ у себя статистическое бюро, имѣло въ виду произвести болѣе правильнѣй учетъ имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, и, провѣривъ основанія существующей системы обложенія, выработать новую, основанную на болѣе современныхъ данныхъ, къ которой и приступить по окончаніи статистическихъ изслѣдованій губерніи. Въ періодъ производства работъ не разъ объ этомъ заявлялось въ собраніи; завѣдующій бюро, г. Вернеръ, былъ объ этомъ отлично освѣдомленъ и производилъ нѣкоторыя подготовительныя для этого работы (*Записка г. Вернера о способахъ и основаніяхъ переоценки фабрикъ, заводовъ, торговопромышленныхъ заведеній и земель*); передъ самымъ рѣшеніемъ вопроса объ общемъ сборникѣ по губерніи, въ собраніи было весьма ясно высказано, какимъ характеромъ долженъ отличаться проектируемый сборникъ и даже намѣчена программа. Позднѣе губернскимъ гласнымъ, г. Роштокомъ, была написана специальная для этого брошюра *Курская земская статистика*, которая предварительно была сообщена къ свѣдѣнію завѣдующему бюро и гдѣ были установлены во всѣхъ подробностяхъ планъ и содержаніе общаго сборника».

И такъ, все изслѣдованіе было предпринято для установленія новой системы обложенія и моя послѣдняя книга должна была отвѣчать исключительно этому назначенію, а, между тѣмъ, она наполнена такими свѣдѣніями, какъ распредѣленіе земли, количество населенія, опредѣленіе размѣра его благосостоянія и тому подобными ненужными данными.

Это утвержденіе г. Роштока, какъ предсѣдателя комиссіи и какъ автора журнальной статьи, совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ. Въ постановленіи 1880 года необходимость произвести статистическое изслѣдованіе губерніи мотивировано тѣмъ, что земство не имѣетъ для своихъ практическихъ мѣропріятій никакихъ точныхъ свѣдѣній о хозяйственномъ положеніи населенія, о числѣ населенныхъ мѣстъ, о количествѣ земли и ея распредѣленіи, о разрядахъ крестьянъ и тому подобныхъ фактахъ. Вотъ почему первое изслѣдованіе г. Роштока составлено было по программѣ московскаго бюро, вотъ почему оно имѣло цѣлью характеризовать матеріальное положеніе населенія и, наконецъ, почему въ него не введены оцѣночныя данныя.

Г. Роштокъ такъ и начинаетъ свою статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*: «Правительственная статистика не удовлетворяла земство; оно пожелало пойти дальше и добраться до материка предмета—войти въ самую глубь народ-

наго хозяйства». Но черезъ 10 строкъ онъ забываетъ объ истинныхъ цѣляхъ земства при учрежденіи бюро и говорить, что желанія земства ограничивались переоцѣнкою предметовъ обложенія. Въ виду такой забывчивости, необходимо документально возстановить истину. Какъ упомянуто было выше, программа изслѣдованія губерніи была предложена въ 1882 году г. Роштокомъ въ докладѣ, который и послужилъ основаніемъ для моего соглашенія съ курскимъ земствомъ. Вотъ что говоритъ г. Роштокъ въ этомъ докладѣ о задачахъ статистическаго изслѣдованія: «Главное, постоянное назначеніе земской статистики должно состоять въ томъ, чтобы придавать надежное и твердое основаніе всѣмъ мѣропріятіямъ земства въ главнѣйшихъ отрасляхъ его вѣдѣнія: статистикой и ея данными должно руководиться, на нихъ основываться и ими провѣряться все текущее земское хозяйство. Статистика—тамъ, гдѣ земство сознало, что безъ нея немыслимо рациональное земское хозяйство — должна быть не гостьей въ кругу земскаго семейства, призванной оказать временную услугу, а должна войти въ составъ этого семейства, съ тѣмъ, чтобы вести и развѣивать одно общее земское дѣло на болѣе рациональныхъ и широкихъ началахъ, чѣмъ это практиковалось до сихъ поръ; она должна имѣть свой самостоятельный служебный персоналъ, связанный постоянною организаціей статистическихъ учрежденій въ уѣздахъ и губерніи, которыя должны правильно функціонировать, опредѣляя и раскрывая все разнообразіе явленій въ экономической жизни подлежащаго имъ района» (докладъ курск. губ. земск. собранію по земской статистикѣ 1882 г., стр. 2). Далѣе, говоря о неполнотѣ организациі текущей статистики, онъ прибавляетъ: «Она (текущая статистика) вызываетъ необходимость произвести основное статистико-экономическое описаніе подлежащей мѣстности всякій разъ, когда возникаетъ потребность провѣрить существующую экономическую систему въ хозяйствѣ даннаго земства, или рядъ экономическихъ явленій своимъ влияніемъ на общій строй земскаго хозяйства понудительно подвигаетъ къ переустройству его на новыхъ началахъ, къ открытію новыхъ областей въ ономъ и разнымъ общественно-экономическимъ мѣрамъ» (тамъ же, стр. 3).

Читатель согласится, что здѣсь говорится далеко не то, что въ цитированныхъ выше словахъ доклада комиссіи. Последняя утверждаетъ, будто статистика учреждена для переоцѣнки имущества и цѣлей обложенія, а собраніе, по докладу г. Роштока, мотивируетъ приглашеніе московскихъ статистиковъ такими доводами, въ которыхъ статистическому изслѣдованію придается необъятно-широкое значеніе.

Нѣсколькими строками далѣе г. Роштокъ выясняетъ свою мысль уже гораздо опредѣленнѣе. Произнеся длинный дифирамбъ статистическимъ работамъ московскаго губернскаго земства и перечисливъ всѣ губерніи, въ которыхъ изслѣдованія ведутся по программѣ этихъ работъ, онъ прибавляетъ: «Совершеннымъ особнякомъ среди земскихъ губерній въ этомъ отношеніи является Черниговская губернія, которая производитъ свои стати-

стическія работы по самостоятельной программѣ и труды которой озаглавлены: *Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій*. Цѣль этихъ работъ, какъ гласитъ текстъ постановленія собранія, состояла въ томъ, чтобы выработать основанія раскладки на данныхъ, которыя будутъ собраны статистическимъ изслѣдованіемъ. Достаточно сказаннаго, чтобы замѣтить односторонность черниговскихъ статистическихъ трудовъ, достоинства которыхъ имѣютъ значеніе чисто-относительное и не могутъ идти въ сравненіе съ трудами московскими, болѣе многосторонними и потому плодотворными» (стр. 6). Далѣе онъ предлагаетъ въ будущіе сборники включать 7 отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ долженъ давать свѣдѣнія для опредѣленія цѣнности и доходности земель на основаніи продажныхъ и арендныхъ цѣнъ. Эта программа будущихъ сборниковъ была, какъ и весь докладъ г. Роштова, принята собраніемъ.

И такъ, коммиссія, разбиравшая мой послѣдній сборникъ, и г. Роштокъ ввели въ заблужденіе земское собраніе и сообщаютъ «публикѣ» невѣрные свѣдѣнія. При возникновеніи статистическаго бюро земство не только не имѣло въ виду произвести изслѣдованіе губерніи для переоцѣнки предметовъ обложенія, но, наоборотъ, оно, устами г. Роштова, совершенно опредѣленно высказалось противъ оцѣночной статистики, какъ исключительной задачи изслѣдованія. Ставя за образецъ работы московскаго бюро, оно тѣмъ самымъ говорило, что желаетъ опредѣлить матеріальное положеніе губерніи и всесторонне ознакомиться съ крестьянскимъ хозяйствомъ и платежными средствами крестьянскаго населенія. Въ обязательную программу сборниковъ оно ввело чисто-оцѣночныя данныя лишь какъ второстепенный отдѣлъ, для котораго никакъ не рѣшилось бы производить подворной переписи всего населенія, ибо свѣдѣнія о продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ на земли оно могло бы добыть и другимъ, легчайшимъ путемъ.

Примѣняясь къ этимъ требованіямъ, я и приступилъ къ изслѣдованію Курской губерніи. Всѣ поуѣздные сборники совершенно соответствовали типу московскихъ работъ, т.-е. заключали преимущественно свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ то время курское земство еще придерживалось того мнѣнія, что оно призвано къ жизни не для того только, чтобы облагать населеніе налогами, а что послѣдніе представляютъ лишь средство для выполненія возложенной на земство задачи— «заботиться о пользахъ и нуждахъ населенія», а потому черпало въ статистическихъ сборникахъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для опредѣленія этихъ пользъ и этихъ нуждъ. Земскія собранія, разсматривавшія первыя двѣ серіи курскихъ статистическихъ сборниковъ, единогласно вотировали свою благодарность статистическому бюро «за прекрасныя, добросовѣстно выполненныя работы».

При такомъ трогательномъ единомыслии между земствомъ и его статистическимъ бюро, при аплодисментахъ собранія, окончено было изслѣдованіе всѣхъ уѣздовъ и наступило время для составленія общаго своднаго сборника. Задача была нелегкая, въ виду того, что для этой работы

въ земской статистической литературѣ не было еще образца и курскому бюро предстояло сдѣлать первый шагъ въ установленіи типа такого своднаго сборника. На земскомъ собраніи (см. *Журналъ очередной сессіи 1885 г.*) я откровенно заявилъ, что программа этой работы въ деталяхъ еще не выработана мною, но я полагаю дать въ ней сводку не только таблицъ поуѣздныхъ сборниковъ, но и всѣхъ выводовъ, заключающихся въ нихъ,—словомъ, на основаніи мѣстнаго статистическаго изслѣдованія, представить общую картину хозяйственнаго положенія крестьянъ Курской губерніи. Нѣкоторыми гласными при этомъ выражено было, что они ждутъ не только итоговъ всѣхъ таблицъ, такъ какъ такую механическую работу можетъ сдѣлать бухгалтеръ, но также сводку того матеріала, который не могъ быть выраженъ цифрами.

Приступивъ къ составленію общаго сборника, я, естественно, находился въ зависимости отъ матеріала, заключеннаго въ поуѣздныхъ сборникахъ, причѣмъ самая программа послѣднихъ являлась единственно возможною при составленіи «итоговъ статистическаго изслѣдованія Курской губ.». Вотъ почему содержаніе его изложено было въ слѣдующихъ главахъ: «Почва и климатъ», «Населеніе», «Землевлѣдніе», «Земледѣліе и скотоводство», «Крестьянская аренда земель», «Внѣнадѣльные заработки», «Грамотность», «Крестьянскіе платежи», «Арендныя и продажныя цѣны земли» и «Переселенія». Остановившись на этой программѣ, какъ наиболее соотвѣтствующей тому матеріалу, который былъ въ моемъ распоряженіи, я полагалъ, что она вполнѣ удовлетворитъ земство, постоянно одобрявшее программу и содержаніе поуѣздныхъ сборниковъ. Наконецъ, въ сентябрѣ 1886 г., когда составленіе своднаго сборника близилось уже къ концу и настало время приступить къ печатанію, вышла въ свѣтъ брошюра г. Роштона *Курская земская статистика*, на которую ссылается комиссія, утверждая, что я обязанъ былъ руководствоваться указаніями, изложенными въ ней относительно своднаго сборника.

Я не имѣлъ основанія признавать г. Роштона компетентнымъ судьей въ разрѣшеніи статистическихъ вопросовъ, такъ какъ его единственный опытъ на поприщѣ статистики потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе и въ земствѣ, и въ литературѣ; тѣмъ не менѣе, я считалъ, что, какъ губернской гласный и лицо, постоянно выдвигающее свои заслуги въ дѣлѣ учрежденія статистическаго бюро, онъ можетъ быть близко знакомъ съ настроеніемъ и желаніями земства относительно своднаго сборника, а потому рѣшилъ еще разъ пересмотрѣть свою работу, передъ сдачею ея въ типографію.

Сопоставленіе моей работы съ брошюрою г. Роштона убѣдило меня въ томъ, что она соотвѣтствуетъ также его желаніямъ. Для доказательства приведу нѣкоторыя мѣста изъ этой брошюры, которую сама комиссія признаетъ непогрѣшимою. Сопоставленіе этой брошюры г. Роштона съ тѣмъ, что онъ говоритъ въ докладѣ комиссіи и въ статьѣ, напечатанной въ *Русск. Вѣстн.*, ясно показываетъ, какъ шатко положеніе статистики тамъ,

гдѣ учрежденіе ея не было сознательно принято и гдѣ поэтому судьба ея зависитъ отъ борьбы партій, отъ измѣнчивыхъ настроеній и даже произвола отдѣльныхъ лицъ.

Въ своей брошюрѣ г. Роштокъ, прежде чѣмъ перейти къ разсужденіямъ относительно своднаго сборника, находитъ необходимымъ обозрѣть тотъ «фундаментъ», на которомъ будетъ построенъ этотъ сборникъ, т. е. предшествовавшія работы по отдѣльнымъ уѣздамъ. Работы эти онъ дѣлитъ на три серіи, по группамъ уѣздовъ, послѣдовательно обследованныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ. «Въ первую серію,—пишетъ г. Роштокъ,—входитъ курскій сборникъ (изданный при участіи В. И. Орлова), представляющій собою первообразъ, шаблонъ; затѣмъ слѣдуютъ сборники второй серіи, по которымъ вырабатывался типъ поуѣднаго сборника и программа курскаго сборника получила теоретическую и практическую провѣрку; наконецъ, съ изданіемъ рыльскаго сборника, открывается третья серія, гдѣ первоначальная программа курскаго сборника получаетъ уже болѣе глубокую и многостороннюю разработку и типъ поуѣднаго сборника, окончательно признанный, *подходитъ съ каждымъ выпускомъ все ближе къ тѣмъ требованіямъ, которыя можно бы предъявить каждое земство своему сборнику* *). Далѣе выясняются требованія земства и совершенства третьей серіи сборниковъ. «Получивъ рыльскій сборникъ, мы были пріятно поражены разными существенными дополненіями и улучшеніями въ разныхъ отдѣлахъ сборника, которыя нельзя было отнести къ случайности, такъ какъ въ послѣдующихъ сборникахъ мы нашли то же самое; земская статистика, очевидно, ширилась и углублялась, тѣснѣе приближаясь къ дѣйствительности, и стремилась отвѣчать на живые вопросы и интересы. При такомъ отношеніи къ дѣлу ей должна предстоить завидная будущность» (!!).

«Въ рыльскомъ сборникѣ мы встрѣчаемъ рѣчь о расположеніи надѣльной земли, для чего даже приведена особая таблица объ удаленности земли отъ усадьбы, о системѣ крестьянскаго хозяйства, объ урожайности крестьянскихъ полей и т. п. *Явленія эти весьма интересны, почему бы не привести и анализировать ихъ и въ другихъ поуѣдныхъ сборникахъ. Щировскій сборникъ особенно богатъ такими частями и, надо признать, прекрасными отступленіями; въ нихъ анализируются, наприм., вновь такія явленія, какъ зависимость крестьянскаго благосостоянія отъ размѣра общины, о надѣленности крестьянъ землею и степени обезпеченія онаго съ таблицами и годовымъ бюджетомъ крестьянскаго хозяйства, зависимость арендованія земли отъ степени нужды крестьянъ въ оной и отъ ихъ благосостоянія, о формахъ крестьянскаго землевладѣнія съ народившимися признаками общиннаго землевладѣнія, о переселеніи крестьянъ и пр. Все это вопросы живые, доказывающіе, что заведующій бюро относится къ своему дѣлу не формально, что онъ стремится про-*

*) А. Роштокъ: „Курская земская статистика“. Курскъ, 1886 г., стр. 4.

никнуть и объять вглубь и вширь область крестьянскаго хозяйства *)). Ниже мы увидимъ, что именно за эти «надо признать прекрасныя отступленія» моя книга признана г. Роштокомъ и комиссіею тенденціозною, что за желаніе «проникнуть вглубь и вширь крестьянскаго хозяйства» она изъята изъ обращенія и заключена «вглубь» кладовыхъ земскою управы. Но послѣдуемъ дальше за г. Роштокомъ.

«Задача описанія крестьянскаго хозяйства наиболѣе удовлетворительно разрѣшена, кажется, въ бѣлгородскомъ сборникѣ, гдѣ дополненія въ текстѣ къ таблицамъ содержатъ въ себѣ то, что не могло быть выражено въ послѣднихъ цифрой. Въ этихъ частныхъ описаніяхъ каждой общины вскрываются подробности такихъ явленій въ области крестьянскаго хозяйства, которыя могутъ благотворно повліять на многіе предрасудки, напр., относительно общиннаго и подворно-наслѣдственнаго землевладѣнія въ ихъ сравнительныхъ частностяхъ; объясняются порядки передѣла земли съ его разновидностями и по отношенію къ разнымъ угодьямъ; *выясняется, что такое нормальный крестьянскій надѣлъ, и т. п.* Словомъ, дополненія эти представляютъ мозаику фактовъ, изъ которыхъ слагается полная и содержательная картина съ выводами, вытекающими изъ нея сами собою. Нельзя не упомянуть, что чтеніе ихъ весьма пріятно, написаны они живо, общедоступно и слогомъ вполне литературнымъ. *Желательно, чтобы въ послѣдующихъ сборникахъ сохранилась та же форма анализа крестьянскаго хозяйства, обогащаясь только въ своемъ содержаніи; къ тому же, она весьма удобна для проектируемаго общаго сборника по губерніи, облегчая его составленіе и подкрѣпляя его выводы» **).*

Хотя эти выписки относятся, главнымъ образомъ, къ поуѣзднымъ сборникамъ, тѣмъ не менѣе, онѣ ясно показываютъ, что г. Роштокъ тогда отнюдь не приурочивалъ значеніе статистическаго изслѣдованія исключительно къ дѣлямъ обложенія; изъ заключительной же фразы несомнѣнно вытекаетъ, что сводный сборникъ долженъ соответствовать поуѣзднымъ, что онъ долженъ быть составленъ по плану послѣднихъ и удовлетворять одинаковымъ цѣлямъ. Слѣдующая выписка показываетъ, что предположеніе мое совершенно правильно. Г. Роштокъ говоритъ, что сводный сборникъ будетъ заключать въ себѣ сводныя по губерніи таблицы; въ немъ «требуется сдѣлать широкое обобщеніе изъ собраннаго матеріала, избрать для анализа изъ многочисленныхъ рубрикъ такія, которыя характеризуютъ наиболѣе экономическое благосостояніе крестьянъ. Слѣдовало бы сдѣлать не бѣглый, безсодержательный анализъ всѣхъ рубрикъ таблицъ, а опереться на главнѣйшія изъ нихъ и дать по нимъ вполне развитые, строго обоснованные выводы, раскрывающіе собой важнѣйшія стороны жизни крестьянскаго населенія. Въ бѣлгородскомъ сборн. представленъ опытъ такого анализа;

*) Тамъ же, стр. 19.

**) Тамъ же, стр. 20.

тамъ обращено преимущественное вниманіе на землевладѣніе и земледѣліе крестьянъ и эти два признака служатъ какъ бы видовыми признаками для опредѣленія экономической силы каждой общины. *Въ общемъ сборникъ всею умъстивше повести рѣчь о формахъ землевладѣнія, провести на основаніи фактовъ параллель между ними, указать на степени обезпеченности крестьянъ землею, основавъ свой выводъ на выяснившейся нормѣ крестьянскаго надѣла, который можетъ обезпечить среднюю кр. семью, и пр.*». Я такъ и сдѣлалъ: землевладѣніе и земледѣліе приняты мною «какъ бы видовыми признаками для опредѣленія экономическаго благосостоянія» крестьянъ Курской губ., я «повелъ рѣчь» въ сборникѣ именно «о формахъ землевладѣнія, о степени обезпеченности крестьянъ землею, о нормальномъ надѣлѣ и пр.», за что г. Роштокъ предложилъ изъять изъ обращенія мою книгу и принять противъ меня цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ.

И такъ, изъ приведенныхъ выписокъ явствуетъ, что собраніе предприняло статистическое изслѣдованіе вовсе не съ исключительною цѣлью воспользоваться его данными для переоцѣнки, что постановленіе собранія, на основаніи котораго я былъ приглашенъ въ Курскъ, и обязательная для меня, по признанію комиссіи, брошюра г. Роштока требовали всесторонняго изслѣдованія условій крестьянской жизни,—требовали, чтобы я «вширь и вглубь проникъ и объялъ» причины, обуславливающія экономическое благосостояніе крестьянъ; все это необходимо было земству для того, чтобы придать «надежное и твердое основаніе всѣмъ мѣропріятіямъ земства», а не для того лишь, чтобы наилучше обложить населеніе налогами, какъ утверждаетъ комиссія. Слѣдовательно, планъ моихъ работъ и содержаніе своднаго сборника совершенно соответствовали цѣлямъ земства. Но, можетъ быть, выполненіе было неудовлетворительно? Это составляетъ вторую категорію обвиненій противъ меня.

Въ этомъ отдѣлѣ комиссія останавливается, главнымъ образомъ, на нѣсколькихъ моихъ общихъ выводахъ, которые раньше были установлены въ поуѣздныхъ сборникахъ, причѣмъ либо находятъ, что они недостаточно обоснованы, либо опровергаетъ ихъ на основаніи личнаго опыта и установившихся въ губерніи воззрѣній. Сводный сборникъ имѣлъ въ виду нарисовать общую картину матеріальнаго положенія губерніи на основаніи тѣхъ фактовъ, которые были сгруппированы и приведены въ раньше изданныхъ сборникахъ по 15 уѣздамъ. Само собою понятно, при этомъ предполагалось, что факты и явленія, констатированные въ одобренныхъ земствомъ поуѣздныхъ сборникахъ, совершенно вѣрны и, притомъ, извѣстны губернскимъ гласнымъ, или, во всякомъ случаѣ, всегда могутъ быть просмотрѣны вновь по этимъ сборникамъ. Вотъ почему въ сводномъ сборникѣ нѣкоторымъ выводамъ предшествуетъ только ссылка на поуѣздные сборники. Требовать, чтобы этимъ выводамъ предшествовало новое изложеніе всѣхъ частныхъ фактовъ—значитъ требовать повторенія той громадной работы, которая была произведена въ теченіе четырехъ лѣтъ и составила

17 томовъ; между тѣмъ, по признанію самой комиссіи, въ моемъ распоряженіи было слишкомъ мало времени и матеріальныхъ средствъ для такой работы. Что касается провѣрки моихъ выводовъ на основаніи личнаго опыта и установившихся воззрѣній, то такой способъ можетъ вызвать только улыбку: заслуга земской статистики именно заключается въ томъ, что она опровергла многія установившіяся воззрѣнія, въ данномъ случаѣ — предразсудки. Провѣрять данныя подворной описи *всего* населенія тѣми фактами, которые имѣются въ запасѣ одного наблюдателя, значить противупоставлять выводъ, сдѣланный изъ *всѣхъ* фактовъ, тому, который сдѣланъ на основаніи *одного* наблюденія, въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Такъ, наприм., простое знакомство съ жизнью нѣсколькихъ крестьянскихъ семей, или даже цѣлой деревни, можетъ привести сосѣдняго помѣщика къ убѣжденію, что смертность, рожденіе и средняя продолжительность жизни въ этой деревнѣ находятся въ совершенно нормальныхъ условіяхъ, а, между тѣмъ, систематическое изученіе показываетъ, что приростъ населенія въ этой деревнѣ ниже нормального и средняя продолжительность жизни меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Несомнѣнно, что всякій здравомыслящій человекъ придастъ больше значенія послѣднему выводу, какъ болѣе научному и правильному.

Впрочемъ, въ возраженіяхъ противъ моихъ выводовъ у г. Роштова и членовъ комиссіи не можетъ быть даже того оправданія, что они искренно были введены въ заблужденіе повседневнымъ опытомъ, такъ какъ мои выводы не настолько отвлеченны, чтобы могли расходиться съ очевидными фактами окружающей жизни. Если я говорю, что арендные цѣны чрезмерно высоки для крестьянина-сѣмщика, что весьма распространенная отработочная система частнаго хозяйства отвлекаетъ населеніе отъ обработки собственныхъ земель, что вообще земельныя условія курскаго крестьянина тяжелы, то это такіе факты, которые на каждомъ шагѣ бросаются въ глаза безпристрастнаго наблюдателя. Г. Роштокъ можетъ изливать на меня какіе ему угодно потоки брани, земское собраніе можетъ разсылать во всѣ концы Россіи свои объявленія о тенденціозности моей книги, — имъ никто не повѣритъ, такъ какъ противъ нихъ будутъ говорить такіе повседневные факты, какъ массовыя переселенія курскихъ крестьянъ. Эти факты, ежедневно сообщаемые газетами, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о тяжелыхъ земельныхъ условіяхъ въ Курской губ., но г. Роштокъ, — вѣроятно, на основаніи своихъ наблюденій, — дѣлаетъ изъ нихъ иной выводъ: онъ полагаетъ, что неблагоприятные и бессмысленные крестьяне «съ жиру бѣсятся», что имъ просто надобно жить привольно въ странѣ, гдѣ «млечныя рѣки текутъ въ кисельныхъ берегахъ», гдѣ земли раздаются даромъ, гдѣ заработную плату получаютъ крестьяне, не давая взаменъ никакихъ услугъ.

Слѣдующій шагъ за шагомъ, въ порядкѣ расположенія главъ въ моей книгѣ, комиссія, прежде всего, недовольна отдѣломъ о почвѣ и климатѣ. Въ этой главѣ мною приведены изслѣдованія гг. Борисяка, Леваковского и Докучаева о

геологическомъ строеніи курской почвы и свойствахъ пахотнаго слоя, а затѣмъ сгруппированы данныя мѣстнаго изслѣдованія. Разсмотрѣніе тѣхъ и другихъ данныхъ приводитъ меня къ раздѣленію губерніи на 5 крупныхъ почвенныхъ районовъ, съ оговоркою, что въ предѣлахъ каждаго изъ нихъ встрѣчаются разновидности, не имѣющія, впрочемъ, особеннаго вліянія на результаты сельскаго хозяйства. Коммиссія выражаетъ свое неудовольствіе по поводу того, что я позволилъ себѣ сопоставлять литературные источники съ результатами мѣстнаго изслѣдованія. «Тамъ производились,—говоритъ г. Роштокъ,—личные наблюденія и анализъ надъ предметомъ изслѣдованія и, притомъ, специалистами науки; тутъ дѣло ограничилось опросомъ мѣстныхъ лицъ, къ тому же, невѣжественныхъ или мало свѣдущихъ. Вѣдь, г. Вернеръ не осматривалъ и не изучалъ лично тѣхъ геологическихъ слоевъ почвы, о которой трактуетъ, не анализировалъ химически образцовъ этой почвы, какъ дѣлали это уважаемые ученые, имъ приводимые. Вотъ почему классификація почвы губерніи, съ распределеніемъ ее на 5 районовъ, сдѣланная г. Вернеромъ на основаніи мѣстнаго изслѣдованія, не имѣетъ ничего твердо обоснованнаго и подлежитъ провѣркѣ посредствомъ другихъ данныхъ» (стр. 6). Для того, чтобы произвести провѣрку, я и сопоставилъ данныя мѣстнаго изслѣдованія съ работами уважаемыхъ специалистовъ, «производившихъ химическій анализъ», и упрекать меня за это, слѣдовательно, не приходится. Черезъ нѣсколько строкъ г. Роштокъ, по обыкновенію, самъ себя опровергаетъ. Въ свой книгѣ я говорю, что установленные мною районы представляютъ различіе не въ химическомъ составѣ почвы, который на основаніи опросовъ опредѣлить нельзя, а въ тѣхъ общихъ различіяхъ, которыя опредѣляютъ значеніе почвы въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ. Коммиссія, устами г. Роштока, возражаетъ: «По мнѣнію г. Вернера, такія тонкія отличія, какъ суглинистый черноземъ, супесчаный черноземъ, суглинисто-супесчаный черноземъ и т. п., не могутъ быть съ точностью опредѣлены не только крестьянами, но и частными владѣльцами, и даже въ наукѣ, по его словамъ, нѣтъ точныхъ границъ для опредѣленія перехода одного смѣшенія въ другое. Это заключеніе совершенно неправильно: для классификаціи почвъ неслѣдуетъ подбирать безусловно однородныхъ почвъ,—ихъ также мало, какъ земель одинаковой глубины чернозема; неслѣдуетъ останавливаться на переходахъ,—важно опредѣлить общіе характерные признаки по составу почвы, которое (?) обуславливаетъ и ея качество. Различіе въ составѣ чернозема не столь тонко, что можетъ быть спорно, оно видно и на глазъ, доступно осязанію. Качество почвъ, главнымъ образомъ, обуславливаетъ различіе въ пѣнности земли, въ стоимости и приѣмѣ обработки, времени посѣва, культурѣ тѣхъ или иныхъ хлѣбовъ и т. д.». И я придерживался того же мнѣнія, когда въ программу изслѣдованія включилъ вопросы о почвѣ и когда въ сборникахъ группировалъ свѣдѣнія, добытыя на основаніи опроса. При такомъ трогательномъ единомысліи, кажется,

незачѣмъ было возражать, что данныя мѣстнаго изслѣдованія нигуда не годятся.

Сводя данныя поуѣздныхъ сборниковъ о естественной плодородности почвъ, я прихожу къ заключенію, что въ этомъ отношеніи почва Курской губ. довольно однородна и, при другихъ равныхъ условіяхъ, указанные мною 5 районовъ способны давать почти одинаковый сельско-хозяйственный доходъ. «Утверждать это, — возражаетъ г. Роштокъ, — также нѣтъ оснований. Обработка земель, напротивъ, далеко не одинаково вознаграждается. Это вознагражденіе въ зависимости не только отъ качества почвы, но и отъ климатическихъ условій, которыя въ губерніи неодинаковы. Кромѣ того, оно зависитъ отъ мѣстности, отъ сосѣдства заводовъ, отъ густоты населенія, отъ путей сообщенія и отъ близости желѣзной дороги; въ частности на количество вознагражденія имѣетъ влияние качество личнаго труда и оборотный капиталъ. Такимъ образомъ, и однородныя земли, но поставленныя въ разныхъ условіяхъ, могутъ дать совершенно обратные результаты» (стр. 8). Довольно странное возраженіе: я говорю о естественной плодородности почвъ при другихъ равныхъ условіяхъ, а мнѣ возражаютъ, что условія влияют на размѣръ вознагражденія сельскаго хозяина! Въ заключеніе отдѣла о почвѣ я говорю, что однородность ея привела къ тому, что всякій продаваемый участокъ рассматривается какъ годный къ воздѣлыванію — продаются не угодья, а вообще земля. Противъ этого г. Роштокъ возражаетъ слѣдующею патетическою тирадой: «Г. Вернеръ утверждаетъ, что въ Курской губерніи нѣтъ угодій, а только одна пахотная земля. Что за несчастная, подумаешь, губернія, которая изъ прежней лѣсистой, украшенной лугами, обратилась теперь въ какую-то *пахотную степь!*» (*Русскій Вѣстникъ*, стр. 148). Если бы я даже сказалъ то, что приписываетъ мнѣ г. Роштокъ, то изъ этого совсѣмъ не вытекало бы, что нужно проливать слезы и считать Курскую губернію несчастною.

Переходя къ приведеннымъ мною даннымъ о температурѣ, осадкахъ и вѣтрахъ за 28-ми лѣтній періодъ, комиссія выражаетъ свое неудовольствіе по поводу того, что я дѣлаю выводъ о климатѣ Кур. губ. на основаніи данныхъ, взятыхъ мною изъ сочиненія акад. Веселовскаго и наблюденій Г. О. Семенова. Очевидно, вопреки своему прежнему утверженію, она хотѣла бы, чтобы выводъ этотъ основывался на опросахъ крестьянъ и землевладѣльцевъ: желаніе совершенно невыполнимое, такъ какъ правильный выводъ о среднихъ климатическихъ условіяхъ данной мѣстности можетъ быть сдѣланъ только на основаніи ежедневныхъ точныхъ наблюденій за длинный періодъ времени, а такихъ наблюденій ни крестьяне, ни помещики не дѣлали. Разсмотрѣніе первой главы моей книги комиссія заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Заключенія г. Вернера о томъ, что естественныя условія Курской губерніи сложились крайне благопріятно для земледѣлія, слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, признать преувеличенными. Картина естественныхъ условій, нарисованная имъ не съ натуры, а скомпа-

нованная изъ отрывочныхъ наблюденій различныхъ изслѣдованій, далека отъ правды и представляетъ собою только одну фантазію автора на заданную тему». Для этого строгаго приговора у комиссіи и г. Роштока, вѣроятно, имѣются въ запасѣ фактическія основанія, которыя они тщательно скрываютъ отъ собранія и читающей публики; въ самомъ же докладѣ нѣтъ ни одного указанія, опровергающаго приведенные мною факты, которые послужили основаніемъ для моихъ выводовъ.

Переходя ко второй главѣ моей книги—о населенія, комиссіа, прежде всего, ставитъ мнѣ упрекъ за то, что я не сдѣлалъ частныхъ ссылокъ на тѣ источники, изъ которыхъ мною позаимствованы свѣдѣнія объ исторіи заселенія края. Признавая за собою эту тяжелую вину, могу увѣрить комиссію, что я былъ далекъ отъ горделивой мысли приписать себѣ честь открытія историческихъ фактовъ, извѣстныхъ всякому образованному чело-вѣку. Не менѣе тяжкое обвиненіе я вызвалъ тѣмъ, что позволилъ себѣ вкратцѣ изложить исторію четвертныхъ крестьянъ, изложенную «г. Орловымъ въ курскомъ сборникѣ». Глава о четвертныхъ крестьянахъ въ курскомъ сборникѣ написана мною, что и пропечатано всѣми буквами въ предисловіи; г. Роштокъ прекрасно это зналъ и не разъ расточалъ мнѣ свои похвалы за эту работу, а потому его стремленіе обвинить меня въ плагиатѣ довольно странно. Не менѣе странны сѣтованія его по поводу моихъ замѣчаній объ исторіи старозаимочныхъ земель. Онъ говоритъ, что иски владѣльцевъ старозаимочныхъ земель къ казнѣ, на основаніи закона 25 сентября 1883 года, по всей имперіи прекращены, а потому я не долженъ былъ «беречь этотъ щекотливый вопросъ», по которому я якобы высказалъ «сенсационную точку зрѣнія». Прежде всего, иски эти не прекращены, а приостановлены впредь до выясненія вопроса о правахъ на старозаимочныя земли; во-вторыхъ, я не понимаю, почему исторія этого землевладѣнія представляетъ щекотливый вопросъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, почему высказать на основаніи грамотъ, вошедшихъ въ полный сводъ нашихъ законовъ, предположеніе, что земли эти даны были на вотчинномъ правѣ, значить установить «сенсационную точку зрѣнія»? Пока комиссіа не отвѣтитъ мнѣ на эти вопросы, я позволю себѣ утверждать, что все это возраженіе, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно въ устахъ земской комиссіи, которую собраніе почтило своимъ избраніемъ, не давая ей много порученія, кромѣ разбора моей книги. Въ статьѣ, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, по поводу проведенной мною аналогіи между старозаимочными и частновладѣльческими землями, г. Роштокъ восклицаетъ: «Хороша аналогія! Мѣстному земству, которому извѣстна вся подноготная старозаимочныхъ земель, трудно согласиться съ *безшабашностью* такой аналогіи; научность же ея представляетъ явленіе *sui generis!*» Съ гораздо большимъ правомъ я могу перефразировать эту тираду слѣдующимъ образомъ: «Читающая публика, ознакомившись съ подноготною исторіи нареканій про-

тивъ моей книги, врядъ ли согласится съ безшабашностью возраженій г. Роштока; научность же ихъ представляетъ явленіе *sui generis*.

При обработкѣ данныхъ, собранныхъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, я неоднократно наталкивался на тотъ фактъ, что уровень благосостоянія населенія мелкихъ общинъ выше такого же уровня въ селеніяхъ особенно большихъ. Фактъ этотъ въ нѣсколькихъ сборникахъ былъ констатированъ и признанъ гг. гласными, съ г. Роштокомъ во главѣ, однимъ изъ тѣхъ «прекрасныхъ отступленій», которыя доказываютъ мое стремленіе «проникнуть вглубь и вширь явленій крестьянской жизни». Но стоило мнѣ перенести этотъ выводъ въ сводный сборникъ, какъ онъ тотчасъ сталъ излишнимъ, необыкновеннымъ, неправильнымъ, а самое приведеніе его—доказывающимъ мое ненадлежащее отношеніе къ дѣлу. Разгромивъ нѣсколькими сильными фразами этотъ выводъ, г. Роштокъ говоритъ: «Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы размѣръ общины не имѣлъ вліянія на ея благосостояніе; но чтобы опредѣлить размѣръ нормальной общины, требуется произвести большое число частныхъ опытовъ сравненія». Это очень мило сказано, но я и не пытаюсь опредѣлить нормальный размѣръ общины, а только говорю, что наблюденіе надъ общинами Курской губерніи показываетъ, что благосостояніе крестьянъ сравнительно выше въ мелкихъ общинахъ, а вліяніе размѣра общины на благосостояніе не отрицаетъ и сама коммиссія.

Перейдемъ къ важнѣйшимъ моимъ прегрѣшеніямъ. Въ 3-й главѣ моей книги, о землевладѣніи, я на 16 страницахъ привожу данныя о распредѣленіи земель въ губерніи по группамъ и сословіямъ. Резюмировавъ полученный выводъ, я дѣлаю небольшое отступленіе, въ которомъ говорю, что фактическое распредѣленіе земскаго представительства въ Курской губерніи не вполне соответствуетъ характеру землевладѣнія и что группы землевладѣльцевъ неравномѣрно представлены въ земствѣ, благодаря тому, что установленный имущественный цензъ высокъ для Курской губерніи. «Читая это,—говоритъ коммиссія,—подумаешь, что имѣешь дѣло съ какою-нибудь запискою-проектомъ или журнальною статьей, а не съ земско-статистическимъ сборникомъ». Я лично не вижу ничего предосудительнаго въ томъ, что инкриминируемое мѣсто моей книги напоминаетъ записку-проектъ,—конечно, при томъ условіи, если эта записка—дѣльная; что же касается сравненія съ журнальною статьей, то оно мнѣ даже льститъ и я за него весьма признателенъ коммиссіи. Если коммиссія полагаетъ, что такое сходство умаляетъ достоинство моей книги, то это дѣло вкуса, о которомъ спорить нельзя; но съ послѣдующимъ изложеніемъ доклада трудно согласиться. «То же отсутствіе объективности изложенія и серьезности изслѣдованія мы находимъ и въ отношеніи крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, которое составляетъ въ среднемъ по губерніи 8,» дес. на надѣльный дворъ. Задавшійся мыслью о нормальномъ надѣлѣ въ 9 дес. на дворъ, г. Вернеръ не удовлетворяется тѣмъ, что въ среднемъ по губерніи именно получается такая цифра, а предпринимаетъ цѣлый рядъ хитроумныхъ статисти-

*чески въ выкладокъ». Въ своей книгѣ я говорю, что средняя по губерніи цифра ничего не говоритъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ въ среднемъ на дворъ приходится 12 дес., въ другихъ — всего 5½, у государственныхъ крестьянъ—12 дес., у вышедшихъ на дарственный надѣлъ—2 дес., у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ домохозяевъ 30 и болѣе десятинъ, у другихъ менѣе 1 дес., и что поэтому для опредѣленія числа домохозяевъ, нуждающихся въ землѣ, надобно сдѣлать *подворный подсчетъ* всѣхъ крестьянъ. Въ необходимости этого подсчета бюро пришло съ перваго же года своего существованія, а потому въ поуѣздныхъ сборникахъ приводило особую таблицу такого распредѣленія всѣхъ крестьянъ на группы — менѣе 1 десят., отъ 1 до 3 дес., отъ 3 до 6 дес., отъ 6 до 9 дес., отъ 9 до 12 дес. и свыше 12 дес. Въ сводномъ сборникѣ я только подвелъ итогъ этимъ таблицамъ и получилъ по всей губерніи число домохозяевъ въ каждой изъ этихъ группъ. Базалось бы, что можетъ быть естественнѣе и разумнѣе этого приѣма? Но г. Роштокъ не согласенъ съ этимъ. Онъ находитъ, что, принимая такой приѣмъ, «можно утверждать что угодно, даже обратное тому, что показываютъ цифры»; онъ возмущенъ, что я осмѣливаюсь «при этомъ полемизировать съ гг. Васильчиковымъ, который, въ своемъ сочиненіи *Землеуладніе и земледѣліе*, относилъ Курскую губ. къ губерніямъ многоземельнымъ».*

По мнѣнію г. Роштока, я долженъ былъ оставить земство въ пріятномъ заблужденіи, что ничего незначащій ариметическій знакъ выражаетъ собою реальное явленіе, а моя попытка опредѣлить дѣйствительное распредѣленіе надѣльной земли является вредною тенденціей, «хитроумною статистическою выкладкой». При такомъ возрѣніи на задачи статистическаго изслѣдованія незачѣмъ было затрачивать на него десятки тысячъ рублей.

Да не подумаетъ читатель, что упрекъ относится къ моему дѣленію на двѣ группы—имѣющихъ менѣе 9 дес. на дворъ и болѣе этого количества. Правда, комиссія находитъ это дѣленіе неосновательнымъ, но въ своей таблицѣ я привелъ абсолютныя цифры домохозяевъ въ каждой изъ указанныхъ выше 6 группъ, а потому всякій, кто не соглашается со мною въ томъ, что нормальный надѣлъ долженъ составлять 9 дес., въ пять минутъ можетъ сдѣлать другой подсчетъ домохозяевъ въ губерніи, причемъ, конечно, получится иной выводъ. Что же касается принятаго мною для *средней семьи нормальнаго надѣла, при которомъ семья можетъ прокормиться, не прибывая ни къ арендѣ земель, ни къ заработкамъ*, то размѣръ этого надѣла въ 9 дес. установленъ былъ мною еще въ 6 выпускѣ и послѣдовательно принимался въ остальныхъ 8, ни разу не вызывая возраженія *); слѣдовательно, не было никакого основанія измѣнять въ сводномъ сборникѣ цифру, которую я считалъ правильною. Да и теперь комиссія

*) Кур. губ. по кр. д. присутствіе постановило давать разрѣшеніе на переселеніе тѣмъ самымъ, у которыхъ менѣе 10 дес. земли.

не находить возраженій противъ нея; она только полагаетъ, что нужно успокоиться на опредѣленіи средняго по губерніи размѣра владѣнія, полученнаго арифметическимъ путемъ, отъ раздѣленія общаго количества надѣльной земли на общее количество домохозяевъ, причеиъ частное даетъ именно 9 дес. Мое исчисленіе нормальнаго надѣла, между прочимъ, основывалось на цѣломъ рядѣ записанныхъ на мѣстахъ среднихъ крестьянскихъ бюджетовъ, о которыхъ одобрительно отзывается и г. Роштокъ въ своей брошюрѣ, цитированной выше. Такой обобщенный бюджетъ приведенъ и въ сводномъ сборникѣ, причеиъ вызвалъ слѣдующее замѣчаніе комиссіи: «Замѣчательно, что такимъ производительнымъ вычисленіемъ г. Вернеръ придаетъ практическое значеніе», и, кромѣ этого восклицанія, никакого возраженія! Этотъ бюджетъ, а также то обстоятельство, что я принимаю для расчета среднюю для всей губерніи крестьянскую семью и средній нормальный надѣлъ, приводятъ комиссію къ слѣдующему общему выводу относительно всей главы о землевладѣніи: «Въ разбираемомъ сборникѣ обработка эта должна быть признанною *тенденціозною*, не изображающею, а искажающею дѣйствительность. Тенденціозность эта проявляется и въ отношеніи такъ называемаго сельскаго пролетаріата (совершенно какъ на Западѣ!): сообщаются данныя объ экономическомъ положеніи группы безнадѣльныхъ домохозяевъ; оказывается, что 77% изъ нихъ безлошадныхъ, 52% безъ всякаго скота и 20% бездомовыхъ! Еще при изданіи поуѣздныхъ сборниковъ автору замѣчали, что эти безнадѣльные, состоя изъ бывшихъ дворовыхъ, николаевскихъ солдатъ, крестьянъ, отказавшихся отъ надѣла, и проч., по условіямъ своего быта не могутъ быть приравнены къ крестьянству и что для оцѣнки ихъ благосостоянія требуется избрать другіе признаки. Здѣсь повторяется та же ошибка, а потому получаются тѣ же выводы». Слову «тенденціозность» здѣсь, очевидно, придается специфическое значеніе, а потому уиѣстно будетъ спросить комиссію: въ чемъ же эта тенденціозность выразилась? Неужели въ томъ, что я привожу *цифры*, указывающія распредѣленіе земли среди крестьянъ, количество безлошадныхъ и бездомовыхъ хозяевъ? Что же касается остальныхъ разсужденій комиссіи, то они довольно наивны: указаніе на то, изъ какихъ крестьянъ составляется контингентъ безнадѣльныхъ, вовсе не умаляетъ ни числа безлошадныхъ, ни числа бездомовыхъ среди нихъ; если бы даже были другіе признаки, опредѣляющіе ихъ благосостояніе, то и тогда приведенные мною сохраняютъ свое значеніе, потому что крестьянинъ въ деревнѣ безъ земли, скота и дома—это несомнѣнно пролетарій и употребленіе со стороны комиссіи этого термина, можетъ быть, способно устрашить, но ничего не говоритъ ни противъ меня, ни противъ моей книги.

Въ главѣ о земледѣліи г. Роштокъ, прежде всего, ставитъ мнѣ въ вину то обстоятельство, что я позволяю себѣ дѣлать выводы о частновладѣльческомъ хозяйствѣ на основаніи данныхъ о 662 крупныхъ имѣніяхъ изъ числа 3,700. Здѣсь комиссіа допускаетъ маленькую ошибку въ счетѣ, ибо

изслѣдовано не 662, а 1,757 имѣній *) . Г. Роштокъ находитъ, что если методъ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства позволяетъ дѣлать какіе-нибудь выводы, то «противуположный» методъ изслѣдованія частныхъ имѣній совершенно отрицаетъ возможность такихъ выводовъ. Это утверждение г. Роштока обнаруживаетъ его полнѣйшее незнакомство съ предметомъ: въ томъ и другомъ случаяхъ способъ заключается въ томъ, что производится мѣстное описаніе всѣхъ элементовъ, составляющихъ единицу изслѣдованія—въ первомъ случаѣ крестьянскій дворъ, во второмъ—имѣніе; сопоставленіе и анализъ изслѣдованныхъ единицъ даютъ статистическій выводъ. Для правильности такого вывода вовсе нѣтъ необходимости, чтобы изслѣдованы были всѣ единицы, для этого нужно достаточно-большее число наблюденій, а 1,757 описаній изъ числа 3,500 крупныхъ имѣній, или половина всѣхъ имѣній, несомнѣнно достаточное число наблюденій для правильныхъ выводовъ. Если при изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства описываются всѣ общины, такъ это дѣлается не потому, чтобы меньшее число не могло дать правильныхъ выводовъ, а потому, что земству нужны абсолютныя, итожныя цифры. Подвергая описанію частныя имѣнія, я совсѣмъ не задавался цѣлью узнать, сколько всего у помѣщиковъ Курской губерніи плуговъ, ригъ, рабочихъ, — мнѣ нужны были общіе выводы о состояніи, характерѣ и направленіи частнаго хозяйства. Такъ понимало дѣло и курское земство, когда оно ставило мнѣ за образецъ очерки частнаго хозяйства московскаго бюро и сборникъ по Борисоглѣбскому уѣзду, составленные К. А. Вернеромъ. Та и другая работы составлены на основаніи описанія не всѣхъ, а лишь достаточнаго числа типическихъ имѣній (по Борисоглѣбскому уѣзду 108 изъ числа 516 имѣній, т.-е. относительно въ 2 $\frac{1}{2}$, раза меньше, чѣмъ въ Курской губ.). Такимъ же способомъ произведено, напримѣръ, описаніе скотоводства Курской губерніи проф. Чирвинскимъ, который изслѣдовалъ въ губерніи не болѣе 50 имѣній и на основаніи этихъ описаній составилъ прекрасную работу.

Но г. Роштокъ упорно настаиваетъ на томъ, что сдѣланныя бюро описанія частныхъ имѣній не давали еще основаній для какихъ-нибудь выводовъ о характерѣ частнаго землевладѣнія въ губерніи. «Въ общемъ сборникѣ, — говоритъ онъ, — гдѣ сводятся и обобщаются данныя по цѣлой губерніи, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу обязывало бы не вводить отдѣла частнаго землевладѣнія и не дѣлать преждевременныхъ выводовъ, въ особенности такого хлесткаго характера. Что терпимо въ журнальной статьѣ, то же самое лишаетъ сборникъ возможности пользоваться имъ и дѣлаетъ его по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ». Въ чемъ же заключаются мои хлест-

*) Г. Роштокъ забываетъ, что къ 662 имѣніямъ Рильскаго, Путивльскаго, Грайворенскаго и Щигровскаго уѣздовъ нужно прибавить еще 248 имѣній Обоянскаго уѣзда, которыя также изслѣдованы и описаны г. Тимошеевымъ, и 857 имѣній Курскаго, Льговскаго, Дмитріевскаго, Суджанскаго и Фатежскаго уѣздовъ, описанныхъ въ первой серіи сборниковъ.

кіе выводы? Исслѣдованіе 1,757 имѣній приводитъ меня къ заключенію, что центромъ тяжести въ частныхъ имѣніяхъ Курской губ. является не экономическая обработка земель, а сдача ихъ въ аренду, и что преобладающею системою обработки является не батрачная, а при посредствѣ крестьянскаго инвентаря. Вотъ факты, послужившіе основаніемъ этому выводу. Въ 662 имѣніяхъ изъ 296,544 дес. земли обрабатывается собственнымъ инвентаремъ только 32,220 дес.; въ 857 имѣніяхъ, изъ 240,000 дес. пахотной земли, сдается въ аренду (съ причитающимся паромъ) около 150,000 дес.; въ Обоянскомъ уѣздѣ изъ 248 крупныхъ имѣній въ 137 не ведется собственнаго хозяйства, въ 55—обработка всей земли исполная и отработочная, въ 9—вся земля обрабатывается крестьянскимъ инвентаремъ и лишь въ 37 имѣніяхъ батрачная обработка. Въ 871 имѣніи при 320 тыс. дес. земли—4,672 годичныхъ работника, что составляетъ на одно имѣніе (въ среднемъ 367 дес.) всего 5 работниковъ, изъ которыхъ на каждого приходится 68 дес. земли. Я могъ бы наполнить много страницъ подобными цифрами и всѣ онѣ показали бы, что сдѣланный мною выводъ не составляетъ случайнаго явленія въ какомъ-нибудь отдѣльномъ имѣніи, или даже уѣздѣ, а что онъ представляетъ нормальное, типическое явленіе для всей губерніи. Комиссія опровергаетъ меня слѣдующими аргументами: «Трудно допустить, что въ губерніи, гдѣ имѣется три сельско-хозяйственныхъ общества, дѣятельность которыхъ проявляется чуть не ежегодными сельско-хозяйственными выставками и гдѣ само земство, живо интересуясь предметами сельскаго хозяйства, доказало это, прежде всего, организовавъ у себя статистическое бюро, одного этого достаточно, чтобы усомниться, что въ области частнаго землевладѣнія все хозяйство выражается только въ фактѣ сдачи земли и чтобы оно не имѣло своихъ представителей въ дѣлѣ рациональной культуры, которые вліяли бы на окружающую ихъ среду. Вообще, видѣть въ земскомъ изданіи враждебное отношеніе къ предмету, прежде чѣмъ о немъ собраны достаточныя свѣдѣнія, можетъ быть объяснено только своеобразнымъ отношеніемъ автора къ цѣлямъ и задачамъ земской статистики». Чтѣ вы подѣлаете съ такими людьми? Имъ говорятъ, что исслѣдованіе 1,800 имѣній приводитъ къ такому выводу, а они вамъ отвѣчаютъ: «этому трудно повѣрить, такъ какъ у насъ три сельско-хозяйственныхъ общества и земство завело статистику!» Имъ приводятъ цифры о томъ, сколько десятинъ сдается въ аренду по собственному показанію владѣльцевъ, а они обижаются: «ты земскій статистикъ, производишь исслѣдованіе на наши деньги и позволяешь себѣ относиться къ намъ враждебно!» Спѣшу успокоить разгнѣванную комиссію: мой выводъ вовсе не исключаетъ возможности «представителей въ дѣлѣ рациональной сельско-хозяйственной культуры»: я лично видѣлъ въ Курской губерніи отдѣльныя имѣнія, которыя считались бы образцовыми даже въ Германіи... и, все-таки, мой выводъ совершенно правиленъ. Обиднаго въ немъ ничего нѣтъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ прямой раз-

счетъ заставляетъ даже хорошихъ хозяевъ сдавать свою землю въ аренду и получать по 30 руб. за десятину, не затрачивая никакого капитала и не подвергаясь риску неурожая.

Перечисляя причины низкаго уровня сельско-хозяйственной культуры у крестьянъ, я, между прочимъ, говорю, что извѣстное вліяніе оказываетъ распространенная въ губерніи отработочная система, отвлекающая крестьянъ отъ отработки собственной и арендованной земель. Зная громадную распространенность отработочной системы, этотъ выводъ можно сдѣлать даже а priori. Но комиссія и здѣсь усматриваетъ тенденціозность, причемъ возражаетъ мнѣ слѣдующимъ образомъ: при 9 дес. надѣла и одной лошади крестьянинъ затрачиваетъ на обработку своей земли всего 51 рабочій день, въ рабочую пору приходится 47 праздниковъ, слѣдовательно, изъ 210 дней у него остается совершенно свободныхъ 115 дней, которые онъ можетъ не только безъ вреда, но даже съ пользою для себя отдать на обработку экономическихъ земель. Въ этомъ расчетѣ все невѣрно. Невѣренъ счетъ дней, потребныхъ на обработку надѣла, невѣренъ общій счетъ дней сельско-хозяйственного періода, невѣренъ самый выводъ. На бороньбу, посѣвъ, вспашку и вторичную бороньбу 3 десятины яроваго поля комиссія считаетъ 5 дней, между тѣмъ какъ любой изъ тысячи опрошенныхъ домохозяевъ скажетъ вамъ, что одинъ работникъ потратитъ на это отъ 7 до 9 дней, такъ какъ крестьянское поле не представляетъ сплошнаго участка, а разбито на полосы, далеко отстоящія другъ отъ друга, такъ какъ часто яровое поле весьма удалено отъ усадьбы, такъ какъ на практикѣ всегда встрѣчаются проволоочки, такъ какъ крестьяне обрабатываютъ землю не першеронами, а заморенными клячами. Лѣтній періодъ работъ также уменьшенъ почти вдвое по тѣмъ же причинамъ: напримѣръ, комиссія считаетъ на вывозку и разброску 100 возовъ навоза 5 дней, что составляетъ по 20 возовъ въ день. Очевидно, составитель доклада полагалъ, что крестьянское поле расположено непосредственно за варкомъ и навозъ возится першерономъ; въ большинствѣ же случаевъ крестьянину приходится везти навозъ не ближе, какъ за 2 версты, слѣдовательно, лошадь должна сдѣлать 40 верстъ, нужно 20 разъ наложить возъ, столько же разъ разбросать навозъ по полю, нужно отдохнуть, два раза принять пищу. Если принять все это во вниманіе, окажется, что на вывозку навоза пойдетъ не 5, а 12—15 дней. То же съ пахотою, двоениемъ, жатвою. Потомъ комиссія упустила изъ вида сѣнокосъ, обработку огорода и вывозку на него навоза, обработку 2 дес. арендованной земли и т. п. Введя надлежащій коррективъ, окажется, что на обработку надѣла и арендованной земли нужно никакъ не менѣе 100 дней, къ которымъ нужно прибавить еще 47 праздничныхъ дней, итого—150; всего въ сельско-хозяйственномъ періодѣ не 210 дней, а лишь 180 (съ 1 апрѣля по 1 октября), слѣдовательно, свободныхъ дней остается 30, а не 115. Во всякомъ случаѣ, если даже при благоприятныхъ условіяхъ крестьянинъ управится скорѣе,

то не нужно забывать, что его рабочее время совпадаетъ съ тѣмъ, которое онъ долженъ отдать на обработку экономической земли, а частный владѣлецъ врядъ ли согласится, чтобы крестьянинъ посѣялъ ему яровое поле въ сентябрѣ, когда будетъ свободенъ, или чтобы онъ косилъ пшеницу въ маѣ, когда выдаться недѣля передышки. Примѣняя разсужденіе комиссіи, выходитъ такъ: въ сельско-хозяйственномъ періодѣ 210 дней, на полную обработку и уборку одной десятины нужно 8 дней (6 десят. въ 50 дней), слѣдовательно, одинъ работникъ при одной лошади можетъ свободно обработать 26 десятинъ... Вотъ до чего могутъ договориться опытные сельскіе хозяева, когда они одержимы полемическимъ жаромъ!

Цѣлый рядъ социальнo-экономическихъ факторовъ обусловилъ въ Курской губерніи наивысшія въ имперіи арендныя цѣны на землю. Эти цѣны возросли въ такой степени, что въ послѣднее время вызвали стремленіе у владѣльцевъ земли отказаться отъ собственной обработки и обратить почти всю площадь своей земли въ арендную статью. Еще въ 60-хъ годахъ арендная плата была такъ низка, что крестьяне находили выгоднымъ выходить на дарственный надѣлъ и арендовать частныя земли, а въ 80-хъ годахъ плата за одну десятину подъ рожь въ среднемъ по всей Курской губ. дошла до 20 р., въ отдѣльныхъ волостяхъ эта средняя плата доходитъ до 30 р., а въ отдѣльныхъ селеніяхъ до 42 р., то-есть равна продажной стоимости 4 дес. земли въ хлѣбородной Волынской губ. Группируя въ своей книгѣ многочисленныя факты, извлеченныя изъ поуѣдныхъ сборниковъ, относительно крестьянской аренды земель за деньги и за отработки, я прихожу къ заключенію, что, оцѣнивая условія аренды съ точки зрѣнія сельско-хозяйственнаго промысла, необходимо [признать, что они не приносятъ арендаторамъ выгоды при существующихъ способахъ обработки, при установившихся типахъ воздѣлываемыхъ хлѣбовъ и данныхъ среднихъ урожаяхъ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне находятъ еще выгоднымъ для себя арендовать земли, такъ какъ, съ одной стороны, при учетѣ этой выгоды они не принимаютъ въ расчетъ стоимость личной обработки, съ другой стороны—снятый хлѣбъ оцѣнивается не по рыночной цѣнѣ, а по его потребительному значенію, а солону для корма скота часто совсѣмъ нельзя пріобрѣсти при отсутствіи рынковъ. Тѣ же причины обусловили еще менѣе выгодную форму аренды—изъ $\frac{1}{3}$ урожая.

Этотъ объективный выводъ, нѣсколько разъ повторяемый мною въ одобренныхъ земствомъ поуѣдныхъ сборникахъ, вызываетъ со стороны комиссіи слѣдующее возраженіе: «Арендваніемъ земли занимаются всѣ разряды крестьянъ въ губерніи; это промыселъ, который подчиненъ общему закону спроса и предложенія и не зависитъ только отъ произвола и злой воли частныхъ лицъ. Арендный промыселъ существуетъ и среди частныхъ владѣльцевъ, снимающихъ имѣнія другъ у друга, а также среди крестьянства, сдающаго свою надѣльную землю одинъ другому, причемъ руководствуются не одною нуждой, но и условіями рынка... Частные владѣльцы, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ сами по себѣ установить арендныя цѣ-

ны; если они являются на рынкѣ главными предлагаателями земли, то цѣны не нее нормируются, между прочимъ, участіемъ въ арендованіи совершенно обеспеченныхъ землею государственныхъ крестьянъ, которые составляютъ *большую* половину крестьянскаго населенія въ губерніи. Лучше всего было бы, если бы авторъ сообщилъ весь богатый матеріалъ поуѣздныхъ сборниковъ; вмѣсто этого, разсматривая арендованіе только *со стороны нуждаемости земли* и останавливаясь на рядѣ фактовъ отрицательнаго свойства, отъ экономической точки зрѣнія на предметъ долженъ былъ невольно перейти на социальную, почему и изобразилъ такое распространенное среди крестьянъ явленіе, какъ аренду, съ совершенно превратной стороны. И такъ, въ этой главѣ мы усматриваемъ ту же тенденціозность направления, которую отмѣтили выше» (стр. 40).

Весьма трудно возражать противъ подобной тирады. По мнѣнію комиссіи, условія рынка, условія спроса и «нуждаемость земли»—это вещи совершенно противоположныя и сопоставлять условія аренды съ этою «нуждаемостью» значитъ изображать аренду «съ превратной стороны». Какъ убѣдить комиссію въ томъ, что если бы не было «нуждаемости», то не существовало бы ни самой аренды, ни арендныхъ цѣнъ, какъ нѣтъ арендныхъ цѣнъ на воздухъ подъ открытымъ небомъ? Какъ убѣдить ее въ томъ, что глава объ арендѣ въ моей книгѣ именно доказываетъ, что цѣны «нормируются участіемъ въ арендованіи» различнаго рода крестьянъ, въ томъ числѣ и болѣе обеспеченныхъ землею—государственныхъ, и что если бы послѣдніе не арендовали земель, то цѣны понизились бы, такъ какъ отношеніе между предложеніемъ и спросомъ измѣнилось бы въ пользу послѣдняго? Комиссія совершенно не подозреваетъ того, что своимъ возраженіемъ она наноситъ смертельный ударъ частновладѣльческому хозяйству, за которое ломаетъ копыя: я говорю, что крестьяне нуждаются въ землѣ, а потому предлагаютъ высокія цѣны за нее; при этихъ условіяхъ разумный хозяинъ можетъ найти, что ему выгодно сдать свою землю въ аренду, отказавшись на время отъ собственной обработки; если же повѣрить комиссіи, что арендныя цѣны низки, а крестьяне арендуютъ землю не потому, что нуждаются въ ней, а лишь потому, что могутъ дешево въ большомъ количествѣ приобрести ее у частныхъ владѣльцевъ, то придется заключить, что частное хозяйство въ Курской губ. совершенно несостоятельно, а частные владѣльцы, сами неспособные заниматься обработкой собственной земли, разоряютъ свои имѣнія невыгодною сдачей земли въ аренду. Помимо теоретической несостоятельности разсужденій комиссіи, я прошу обратить вниманіе на способъ ея доказательствъ, на эти маленькія словца, которыя, какъ змѣиное жало, проскальзываютъ всюду, чтобы смертельно ранить мою репутацію: «злая воля частныхъ владѣльцевъ», «социальная точка зрѣнія», «факты отрицательнаго свойства», «тенденціозность направленія»...

Я не послѣдую дальше по стопамъ доклада и статьи г. Роштока, какъ потому, что оставшіеся упреки не особенно существенны по мнѣнію самого

автора, такъ и потому, что боюсь злоупотребить терпѣніемъ читателей. И приведеннаго выше, надѣюсь, довольно для того, чтобы убѣдить лицъ, наиболѣе предубѣжденныхъ противъ моей книги постановленіемъ курскаго земства, что книга здѣсь не причесть. Я далека отъ мысли, что моя работа безупречна; она заключаетъ въ себѣ недостатки уже потому, что представляеть дѣло рукъ человѣческихъ. Но если лица, очевидно, окрыленные желаніемъ найти недостатки даже тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ, если эти лица могли выставить только приведенные выше упрёки, то это значитъ, что моя книга имѣеть нѣкоторыя достоинства. Какое, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣеть значеніе упрёки комиссіи въ отсутствіи у меня ссылокъ на историческіе источники, въ томъ, что я не производилъ опроса крестьянъ о климатическихъ условіяхъ губерніи, въ томъ, что я пользуюсь работами авторитетныхъ лицъ, изслѣдовавшихъ геологическое строеніе почвъ? Кого могутъ убѣдить lamentаціи по поводу цифровыхъ итоговъ въ моей книгѣ, когда благаемые не только не опровергались гласными уѣздныхъ и губернскаго земствъ, но въ теченіе 4 лѣтъ публично подтверждались? Не смѣшно ли видѣть вредное, «тенденціозное направленіе» въ томъ, что я сопоставляю распределеніе земельной собственности и земскихъ представительныхъ правъ, пытаюсь установить нормальный участокъ земли, способный прокормить среднюю семью, привожу фактическое распределеніе надѣльныхъ земель среди крестьянъ, говорю, что арендные цѣны на землю высоки? Чѣмъ, наконецъ, можетъ быть оправдана площадная брань, направленная противъ меня въ докладѣ комиссіи и статьѣ г. Роштоа, брань, которую гласные публично произносили въ земскомъ собраніи и которую не постыдились отпечатать въ разосланной всюду брошюрѣ? Да, «это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно»!

Грустно видѣть, что люди въ своей общественной дѣятельности позволяютъ себѣ ругаться надъ правдою, позорить то, что недавно ими восхвалялось, называть сегодня чернымъ то, что вчера еще признавалось бѣлымъ. Еще ужаснѣе имѣть дѣло съ такими людьми!

Выше мы указали на противорѣчія въ дѣйствіяхъ и словахъ собранія и губернскаго гласнаго, взявшаго на себя роль вожака въ вопросахъ земской статистики. Позволимъ себѣ привести еще одинъ обращеніе для характеристики положенія этой статистики въ курскомъ земствѣ. Собранію 1886 года, на которомъ постановлено было уничтожить мою книгу, предсѣдателемъ управы представленъ былъ докладъ, въ которомъ говорилось: «Къ обработкѣ данныхъ, заключающихся въ общемъ сборникѣ, бюро могло приступить лишь съ іюня настоящаго года, послѣ того какъ былъ сдѣланъ сводный подсчетъ по всей губерніи. Не ограничиваясь послѣднимъ, какъ это было установлено собраніемъ, бюро изготовило подробный анализъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые составляли программу изслѣдованія. Не касаясь оцѣнки достоинствъ всѣхъ произведенныхъ работъ, такъ какъ это составляетъ компетенцію собранія, управа считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, за все время существованія, бюро и завѣдующій

имъ прилагали все свое умѣніе и стараніе для добросовѣстнаго выполненія возложенной на нихъ работы, съ каждымъ годомъ совершенствовались приемы изслѣдованія и расширяли программу, выходя за предѣлы обязательныхъ работъ. Можно спорить относительно того, необходимы ли вообще для земства статистическія изслѣдованія, но, разъ признавъ эту необходимость, надлежитъ признать, что статистическія работы по Курской губерніи могутъ быть поставлены наравнѣ съ такими же работами по другимъ губерніямъ*). Это было написано 1 декабря, а 12 авторъ этихъ строкъ заявилъ собранію, что, по его мнѣнію, изслѣдованіе произведено недобросовѣстно, а мою книгу необходимо уничтожить...

Заканчивая статью, считаю необходимымъ сдѣлать два частныхъ замѣчанія. Въ постановленіи собранія сказано, что моя книга отпечатана «безъ просмотра лицъ, уполномоченныхъ на то земствомъ», т.-е. земской управы. Изъ этой редакціи какъ бы вытекаетъ, что я, до окончательнаго выхода въ свѣтъ, скрылъ свою книгу отъ управы. Во избѣжаніе такого толкованія считаю нужнымъ разъяснить, что книга моя печаталась въ типографіи губ. земской управы и что со времени сдачи ея въ типографію, т.-е. съ сентября мѣсяца, я проживалъ въ Москвѣ, слѣдовательно, управа пользовалась гораздо болѣею возможностью, чѣмъ я, просматривать отпечатанные листы. Второе замѣчаніе касается постановленія собранія сдѣлать представленіе министру народнаго просвѣщенія о томъ, что совѣтъ Московскаго университета неправильно присудилъ мнѣ за мою книгу *Итоги статистическаго изслѣдованія Курской губ.* премію имени Ю. Θ. Самарина. Какъ ни смѣшна претензія курскаго земства принять на себя роль судьи надъ университетомъ въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ,—постановленіе это могло бы еще имѣть какое-нибудь значеніе, если бы совѣтъ университета присудилъ премію за теоретическія достоинства книги, которая оказалась бы построенною на ложныхъ, выдуманныхъ фактахъ. Но оно теряетъ всякій смыслъ благодаря тому, что, какъ видно изъ доклада комиссіи по присужденію преміи, при обсужденіи достоинствъ моей книги принято было во вниманіе то обстоятельство, что она основана на достовѣрныхъ фактахъ, признанныхъ и подтвержденныхъ курскимъ земствомъ, постоянно одобрявшимъ работы статистическаго бюро.

Постановленіе это, въ то же время, безцѣльно, такъ какъ не можетъ вести къ практическимъ результатамъ: послѣ того, какъ моя книга признана была достойною присужденія преміи, этой чести не можетъ лишитъ ее никакое постановленіе, ибо признаніе достоинствъ не составляетъ матеріальнаго блага, которое можетъ быть отнято. Это признаніе достоинствъ моей книги навсегда останется за нею, точно также какъ отношеніе къ ней земства навсегда останется темною страницей въ исторіи курскаго земства.

Исполить Вернеръ.

*) Доклады губернскаго земск. упр. курскому 22 очередному собранію. Курскъ, 1866 г., стр. 998.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль

1888 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Философія. — Исторія. — Языкознаніе. — Политическая экономія. — Юридическія книги. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Естествознаніе. — Учебники и дѣтскія книги. — Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль. — «Сѣверный Вѣстникъ», май—июнь.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ *Θ. Θ. Тютчева.* — „Стихотворенія“ *В. Л. Лашкова.* — „Сказаніе о томъ, какъ построена церковь святаго великомученика Трифона въ Москвѣ“. *Лукияновскаго.*

Сочиненія *Θ. Θ. Тютчева.* Стихотворенія. Историческія повѣсти и рассказы изъ военнаго быта. Спб., 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к. Стихотвореній въ этой книгѣ немного, всего 42 страницы; но если бы ихъ совсѣмъ не было, то никакой потери ни для кого не оказалось бы. Въ стихотвореніяхъ г. Тютчева есть патриотическія и инныя добрыя чувства, только поэзія въ нихъ нѣтъ; по большей части, это—стихотворныя упражненія на разныя темы, придуманныя авторомъ то за счетъ индусовъ, какъ, напримѣръ: *изъ индійскихъ мотивовъ*, то для заявленія своего патриотизма—*Илья-богатырь*, то для „обличенія“ порока въ довольно, впрочемъ, наивной формѣ. Вотъ отрывокъ изъ *индійскихъ мотивовъ*:

„И время придетъ роковымъ платежамъ
За муки, за рабскія плечи,
За предковъ обиду; британскимъ сынамъ
Представать счетъ Индіи дѣти.

И будетъ ужасенъ тотъ счетъ! „Торгаша“
При видѣ его содрогнутся,
И страхомъ смертельнымъ на дѣхъ ихъ души
Былыя дѣла отзовутся...“ и т. д.

Въ предлинномъ стихотвореніи *Илья-богатырь* авторъ приписываетъ побѣду русскихъ надъ монголами на Куликовскомъ полѣ, освобожденіе Москвы и Россіи отъ поляковъ въ 1612 году и отъ французовъ въ 1812—невидимому и невѣдомому никому, кромѣ г. Тютчева, вмѣшательству въ дѣло Ильи Муромца:

„...Русь потеряла власть и силу;
И радость въ сердцахъ затаил,
Враги ей вырвали могилу...
Но въ этотъ часъ пришелъ Илья“.

Очень хорошо!...

Пылая мщеньемъ и грозой,
Онъ Сухорукову явился
И въ вѣщемъ сѣбѣ ему открылся
И мощно возсталъ за собой.
Никѣмъ невѣдомый мисникъ
Возсталъ, какъ ангель-исребитель,
И гласъ его въ сердца проникъ.
Страшнись, измѣнникъ и губитель!"

Далѣе оказывается, что въ тотъ день, когда войска князя Пожарскаго выжили, наконецъ, поляковъ изъ Кремля, то—

"И въ этотъ день на небесахъ
Надъ горделивою Варшавой
Свершенье былъ приговоръ кровавый
И на Суворовскихъ штыкахъ
Въ послѣднй разъ закатъ багровый
Пожаръ московскій отразилъ,
Былую славу славою новой
Запечатлѣлъ и закрѣпилъ".

Наполеону съ его „дванадцатью языками“ пришлось плохо въ Россіи, по мнѣнію г. Тютчева, не отъ кого другаго, какъ отъ того же Ильи Муромца, который и Соловья-разбойника сострунилъ, и „гордаго Мамаю“ сократилъ, и Струся съ Гонсевскимъ изъ Кремля прогналъ. Другой стихописатель, съ точно такимъ же правдоподобіемъ, можетъ тѣ же самыя дѣянія приписать таинственному вѣшательству Алеши Поповича или Микулы Селяниновича, или заступничеству святыхъ угодниковъ, но едва ли кто воспоетъ побѣды россиянь такими деревянными стихами.

Не лучше „стихотвореній“ и проза Э. Э. Тютчева. Его „историческія повѣсти“: *Кровавые дни* и *Семейная легенда*, а также рассказъ *Деньщикъ* написаны точь въ точь такъ, какъ писали сочинители двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ. Отъ его повѣстей такъ и повѣяло на насъ Марлинскимъ; разница лишь въ томъ, что романы Марлинскаго, все-таки, интереснѣе.

Въ повѣсти *Кровавые дни* расписывается съ легенькою романческою приправой бунтъ новгородскихъ военныхъ поселеній, причемъ начало этого бунта объясняется „польскою интригой“, польскимъ подкупомъ какаго-то русскаго офицера „изъ выслужившихся“ и необыкновенною дикостью солдатъ-поселенцевъ. Авторъ не рѣшается, впрочемъ, отрицать категорически, что причины, подготовившія бунтъ, ерлись въ самомъ устройствѣ военныхъ поселеній, хотя въ концѣ повѣсти выражаетъ довольно странныя и между собою несогласныя мысли. Онъ говоритъ: „окончательно уничтожено это сословіе вольныхъ ваторжниковъ (военныхъ поселенъ или нахотныхъ солдатъ) только при покойномъ Государѣ Александрѣ II. Такъ ничѣмъ и кончилась грандіозная затѣя, стоившая Россіи милліоновъ рублей (про рѣки крови и тысячи человѣческихъ жизней г. Тютчевъ умалчиваетъ),—затѣя гуманная въ своемъ основаніи, но... исполнителемъ ея былъ призванъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ“. Гуманная ваторга... Удивительная логика! И что всего страннѣе, самъ авторъ въ душѣ, повидимому, человѣкъ добрый и даже гуманный инстинктивно, какъ большинство русскихъ людей. Его гуманность чувствуется въ рассказѣ *Деньщикъ*; только гуманность-то эта какая-то бессознательная, и источникъ ея кроется въ доброй душѣ,

а не въ опредѣленныхъ убѣжденіяхъ, не въ высоко развитомъ пониманіи человѣческихъ отношеній. Для того же, чтобы гуманная идея выразилась ясно и съ достаточной полнотой въ литературномъ произведеніи, необходимъ большой талантъ и особенная чуткость въ томъ случаѣ, когда источникомъ гуманности автора оказывается только чувство.

Стихотворенія В. Л. Лашкова. Одесса, 1888 г. Ц. 1 р. Кто только нынче не пишетъ стиховъ, кто ихъ не печатаетъ,—отдѣльными изданіями и на свой счетъ, конечно. Разбирать всѣ такіа „отдѣльные изданія“ у насъ недостаетъ не только времени, но даже и мѣста въ журналѣ. Мы и не станемъ долго останавливаться на стихотвореніяхъ г. Лашкова, а приведемъ лишь нѣсколько отрывковъ и отдѣльныхъ стиховъ; читатель самъ опредѣлитъ мѣсто этого новаго стихотворца въ сонмѣ нашихъ виршеслагателей. На страницѣ 12, въ стихотвореніи *Назо(а)рей* мы находимъ такіе стихи:

„Тяжелый мигъ... Въ толпѣ ужъ спорн...
А онъ стоитъ, glavой поникъ...
Легъ цѣлой вѣчностью позора
Въ исторіи міра этотъ мигъ...“

И онъ распахъ... Въ вѣнцѣ терновомъ
Увидѣлъ міръ царя царей,
И въ святыхъ его отецъ
Слезу сорвалъ съдъ міръ суровый...“

На стр. 13:

„На взмыслиномъ, уставшемъ конѣ...“

На стр. 33, стихотвореніе *Моленіе (съ китайскаго)*:

„На устахъ моихъ улыбка,
Въ сердцѣ гадость и печаль:
Живни плодъ, любви ошибка
И развязки жданной даль...“

По-китайски это, можетъ быть, очень хорошо, а по-русски—„гадость“ и просто бессмыслица.

Сказаніе о томъ, какъ построена церковь св. великомученика Трифона въ Москвѣ. (Былина про царя Ивана Грознаго да про князя Трифона Патрикѣева). Лукьяновскаго. Москва, 1887 г. Ц. 25 коп. Несмотря на то, что *Сказаніе* г. Лукьяновскаго представляетъ собою явное подражаніе *Пѣснь про кутца Калашникова* Лермонтова, и что въ стихахъ автора замѣчается нѣкоторая неопытность, въ видѣ излишества подражанія народному стиху, — брошюра эта производитъ, однако, впечатлѣніе симпатичное: при внѣшнихъ недостаткахъ, она написана горячо и искренно, и это уже подкупаетъ въ ея пользу. Картины старины набросаны въ ней смѣло и красиво: вѣкъ Ивана Грознаго встаетъ передъ читателемъ съ историческою вѣрностью. Мы думаемъ, что юноши, которымъ попадется эта книжечка, прочитаютъ ее не безъ пользы.

Ф И Л О С О Ф І Я.

„Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка“. Н. Ланге.—„Die Philosophie Arthur Schopenhauers“ von Dr. R. Coeber.

Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Критическіе очерки философскихъ, социальныхъ и религіозныхъ теорій нравственности. Николая Ланге. Часть I. Нѣмецкія ученія. Спб., 1888 г. Въ кни-

гѣ г. Ланге можно различать два слоя. Первый, преобладающій, состоитъ въ изложеніи, мѣстами переходящемъ въ рядъ выносокъ, нравственныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ отъ Канта до Гартмана. Второй слой принадлежитъ собственно автору: это—либо кое-какія обобщенія, либо попытки установить кое-гдѣ историческія и логическія связи между теоріями, либо замѣчанія критическаго характера, либо проблескъ собственныхъ эстетическихъ воззрѣній автора, разъясненіе которыхъ онъ обыкновенно откладываетъ „до 3-го отдѣла“. Оставляя первый слой въ сторонѣ, остановимся ближе на второмъ.

„Первостепенную и чрезвычайную заслугу“ нѣмецкой философіи, по мнѣнію автора, составляетъ открытіе *субъективной* нравственности, выводящей нравственныя обязанности изъ непосредственно очевидныхъ и субъективныхъ требованій совѣсти, изъ факта нравственнаго долга. Основная идея протестантизма выразилась въ этомъ величайшемъ открытіи Канта. Но, къ сожалѣнію, Кантъ ошибочно отождествилъ нравственный долгъ съ *формальнымъ* требованіемъ всеобщности нравственнаго закона и *субъективизмъ* у него выродился въ *формализмъ*. вмѣсто того, чтобы исправить это заблужденіе Канта, сохранивши истину его теоріи, послѣдующіе нѣмецкіе философы (за исключеніемъ Гербарта) вступили на ложный путь *объективной* этики, для которой нравственное настроеніе и дѣятельность есть не цѣль сама по себѣ, но лишь средство къ осуществленію какого-нибудь высшаго блага, будь то мировое развитіе, или счастье людей, или сохраненіе какого-нибудь общественнаго строя. Авторъ указываетъ три главныхъ причины, заставившихъ нѣмецкую философію перейти отъ субъективной этики къ объективной и, такимъ образомъ, потерять все свое философское и практическое значеніе: это 1) увлеченіе недостаточною и ложною метафизикою; 2) ученія дарвинизма и эволюціонизма. Дарвинизмъ оказалъ печальное вліяніе на нравственность своимъ оправданіемъ права сильнаго и, не будучи въ силахъ доказать, „что борьба за существованіе есть единственный рычагъ прогресса, служилъ только оправданіемъ зла“; эволюціонизмъ же, „разрѣшающій всѣ трудности магическимъ словомъ *развитіе*“ („нѣчто вродѣ финикійскаго Молоха“, стр. 5), повелъ лишь къ тому, что человѣческое счастье и нравственность были объявлены игрушкой свирѣпаго, „бесознательнаго“ и не менѣе свирѣпаго „прогресса“; 3) „рядомъ съ фетишемъ развитія и ложною метафизикой занялъ мѣсто Молохъ государства“. Результатомъ этого было „неслыханное оправданіе, мало того—апологезъ войны, смертной казни, экономическаго рабства и вообще всего соціальнаго зла, которое (что?) эти философы противопоставляютъ „христіанской сантиментальности“, слишкомъ рано, впрочемъ, торжествуя свою побѣду, ибо „Мнѣ отмщеніе и Авъ воздамъ“. Таковы взгляды автора на сущность, общій ходъ и общіе результаты нѣмецкой нравственной философіи. Что касается самаго изложенія, то здѣсь читатель напрасно сталъ бы ожидать историко-генетическаго объясненія преемства тѣхъ системъ, которыя проходятъ передъ его глазами въ простомъ хронологическомъ порядкѣ. Тамъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ попытки показать генезисъ теорій, ихъ нужно признать крайне неудачными. Автору нужно, на примѣръ, объяснить происхожденіе нравственной философіи Канта и ея ошибочность. Онъ дѣлаетъ это слѣдующимъ образомъ. Кантъ, оправдавши принципъ индивидуализма, тѣмъ не менѣе, ясно чувствовалъ его недостаточность. Онъ видѣлъ, что „атомистическій либерализмъ“ долженъ быть дополненъ такимъ началомъ, которое

указывало бы на связь людей въ цѣломъ. Этимъ вторымъ принципомъ нравственности должна служить *любовь*. „Но Кантъ по самой своей природѣ, во времени, въ которое онъ жилъ, и по странѣ, къ которой принадлежалъ, былъ мало способенъ оцѣнить значеніе любви. Онъ былъ человѣкъ, строго исполнявшій свои обязанности, но холодный (онъ даже не зналъ семейной жизни)“; время, когда онъ жилъ, еще не видѣло пролетаріата, пониманіе котораго показало недостаточность либерализма и подняло значеніе любви къ людямъ. Все это виѣсть и вставило Канта искать соединяющаго начала не въ любви, а въ другомъ, и, какъ оказалось, ошибочномъ принципѣ (стр. 56—57). Въ другихъ случаяхъ г. Ланге принимаетъ отвлеченныя формулы за реальные историческіе факторы. Желая объяснить причину „почти неслышаннаго въ исторіи философіи крушенія“ нѣмецкаго идеализма,—причину, которая „еще весьма мало знакома и, кажется, только въ русской философіи была указываема правильно“, г. Ланге говоритъ: „причина эта можетъ быть выражена такъ: идеализмъ, непрерывно толкуя о свободѣ мысли (т.-е. внутренней свободѣ мышленія), въ дѣйствительности и по самому своему принципу не допускалъ этой свободы, и потому необходимо разошелся съ дѣйствительною наукой“ (стр. 88). Неужели этою голою формулой хоть сколько-нибудь объясняется тотъ любопытный фактъ, что „вънѣцъ нѣмецкаго идеализма“, философія Гегеля, потерявши свой кредитъ въ качествѣ философской *системы*, тѣмъ не менѣе, оказала громадное влияние, еще до сихъ поръ чувствующеся, на разработку цѣлага ряда областей знанія—философіи исторіи, исторіи церкви, исторіи философіи, политической экономіи, не говоря уже о философіи собственно (Гартманъ, Дюрингъ)? Въ другомъ мѣстѣ, желая найти „истинную причину услѣховъ пессимизма“, г. Ланге указываетъ—кромѣ реакціи „поверхностному оптимизму, сухому рационализму, формализму и узкому доктринѣрству“—еще на цѣлый рядъ „колебаній въ общественной жизни Европы“: „самодовольный парламентаризмъ смѣнился сомнѣніемъ въ возможность политическаго равновѣсія (?) вообще; принципъ *laissez faire, laissez passer* оказался „правомъ на голодную смерть“; національная политика привела къ милитаризму; социалистическія иллюзіи выродились въ проповѣдь всеобщаго разрушенія; просвѣщеніе обратилось въ „фабричную цивилизацію“, а искусство—въ забаву буржуазнаго общества (стр. 271). Думаемъ, что въ этомъ „объясненіи“ никто не увидитъ ничего, кромѣ трескучаго нагроможденія общихъ формулъ, граничащихъ съ общими фразами. Далѣе, *критическія примѣчанія*, которыми авторъ сопровождаетъ кое-гдѣ свое изложеніе, рѣдко возвышаются надъ уровнемъ поверхностности, а ихъ зазорный и развязный тонъ, неумѣстный въ ученомъ трудѣ*), отталкиваетъ читателя отъ книги. Нельзя, напримѣръ, третировать *en saпaille* Гегеля (стр. 166, 157), какъ бы ни была ложна его философія, и онъ, конечно, имѣетъ право хотя бы на историческое уваженіе. Иногда авторъ выходитъ за границы литературныхъ приличій. Систему Гартмана г. Ланге называетъ „недоноскомъ мысли“ (стр. 250). Говоря о философіи исторіи Гегеля, г. Ланге приводитъ его мнѣніе,—что славянскій міръ „до сихъ поръ еще не выступилъ какъ *самостоятельный* моментъ въ рядѣ *созданныхъ разума*“,—и возражаетъ на него только слѣдующею тирадой: „за-

*) Авторъ представилъ свое сочиненіе въ качествѣ магистерской диссертаци и получилъ степень.

жѣтимъ мимоходомъ, что когда Гегель писалъ это, прошло лишь 15 лѣтъ по освобожденіи „германскаго міра“ Россіей изъ-подъ ига Наполеона“ (стр. 163). Что касается, наконецъ, *собственныхъ нравственныхъ воззрѣній автора*, то, чтобы судить о нихъ, мы подождемъ „3-го отдѣла“ его книги; пока замѣтимъ лишь, что авторъ проповѣдуетъ субъективную, но не формальную этику, что онъ преклоняется передъ святостью и высотой нравственнаго закона, что на сознаніе долга онъ смотритъ, какъ на нѣчто божественное и сверхъестественное въ нашей природѣ, что нравственныя явленія для него „составляютъ исконную и неразрѣшимую тайну,—тайну, чрезъ которую человекъ связанъ съ міромъ и служитъ и долженъ служить великимъ, но непонятнымъ цѣлямъ Цѣлаго“ (стр. 19), и что въ угоду этой тайнѣ авторъ склоненъ отрицать законъ причинности въ психической сферѣ (стр. 12—14). Вообще, книга г. Ланге заставляетъ желать многого со стороны содержанія и формы. Очевидная спѣшность работы, несистематичность изложенія, непродуманность критики, риторическій тонъ, образцы котораго мы привели выше,—все это производитъ крайне невыгодное для книги впечатлѣніе. Можно съ увѣренностью сказать, что если дальнѣйшіе томы изслѣдованія г. Ланге будутъ таковаго же качества, какъ и первый, то оно не обѣщаетъ быть приобрѣтеніемъ даже для богатой русской литературы.

Die Philosophie Arthur Schopenhauers von Dr. R. Koeber. Heidelberg, 1888. Авторъ совершенно правильно смотритъ на свою книгу, какъ на „компендіумъ Шопенгауэровской философіи“. Было бы легко, замѣчаетъ онъ, представить міровоззрѣніе Шопенгауэра, какъ законченное и свободное отъ противорѣчій цѣлое, и, притомъ, совершенно въ духѣ его творца. Но авторъ не желалъ этого и выводитъ передъ читателями Шопенгауэра „со всѣми его недостатками и причудами“. Это отсутствие апологетическихъ или полемическихъ цѣлей дѣлаетъ книгу Кёбера весьма удобнымъ пособіемъ для объективнаго знакомства съ Шопенгауэромъ.

Авторъ сдѣлалъ извлеченіе изъ *всѣхъ* сочиненій философа и расположилъ свой матеріалъ въ систематическомъ и легко обозримомъ порядкѣ. Сначала идутъ общіе взгляды Шопенгауэра на задачи философіи и ея отношеніе къ религіи, естественнымъ наукамъ, искусству, исторіи, затѣмъ взгляды его на свое историческое положеніе, т. е. на свое отношеніе ко всѣмъ своимъ предшественникамъ въ исторіи философіи, и, наконецъ, его система теоріи знанія и метафизики. При изложеніи метафизики Кёберъ подробно останавливается на такихъ сторонахъ философіи Шопенгауэра, которыхъ другіе излагатели касаются лишь мимоходомъ: это теорія магіи, сомнамбулизма и ясновидѣнія (см. отд. „*Experimentalmetaphysik*“); они безспорно занимаютъ громадное мѣсто въ системѣ Шопенгауэра, и хотя лишь въ позднѣйшемъ ея видѣ они получили болѣе подробное развитіе, но покоются они несомнѣнно на ученіи о *воли* въ его ранней формѣ.

Такимъ образомъ, въ книгѣ Кёбера міровоззрѣніе Шопенгауэра является и во всемъ своемъ содержаніи, и въ своей исторической обстановкѣ, какъ ее представлялъ себѣ самъ философъ; изложеніе почти вездѣ даетъ собственные слова Шопенгауэра. Небольшой объемъ книги (320 стр.) дѣлаетъ ее очень удобной для тѣхъ лицъ, которыя не имѣли бы возможности ознакомиться со всѣми сочиненіями Шопенгауэра въ подлинникѣ.

И С Т О Р И Я.

„Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“. Кн. Щербатова.—„Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII в.“. А. А. Маркевича.—„A history of England in the XVIII century“ by W. E. Hartpole Lecky.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность по неизданнымъ источникамъ. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ князь Щербатовъ. Т. I, съ 23 картинами 1782—1826. Спб., 1888 г. Книга кн. Щербатова уже успѣла вызвать разборъ въ майской книжкѣ *Историческаго Вѣстника*. Авторъ этого разбора охарактеризовалъ сочиненіе кн. Щербатова, какъ панегирикъ, а карьеру Паскевича, какъ фантастическое сдѣленіе всевозможныхъ удачъ. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мы не можемъ согласиться. Разбираемая книга есть весьма добросовѣстное изслѣдованіе на основаніи значительнаго рукописнаго матеріала, впервые собраннаго авторомъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ; самую важную часть этого матеріала оказываются, впрочемъ, собственныя бумаги фельдмаршала и, прежде всего, его автобіографическія записки. Въ рецензіи г. В. К. П. гораздо больше обнаруживается недоброжелательства къ Паскевичу, чѣмъ въ книгѣ автора—увлеченія своимъ героемъ, хотя увлеченіе въ авторѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе извинительно, чѣмъ недоброжелательство въ рецензентѣ. По изображенію г. В. К. П., Паскевичъ—ловкій и умный карьеристъ, человѣкъ, которому во всемъ везло и который умѣлъ пользоваться благоприятными обстоятельствами въ своихъ личныхъ интересахъ. Кн. Щербатовъ не дѣлаетъ характеристики Паскевича, но личность фельдмаршала обрисовывается очень опредѣленно изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ, и обрисовывается болѣе благоприятно, чѣмъ представляетъ ее г. В. К. П. Прежде всего, безспорно, выдвигаются тѣ свойства, которыя упрочили за Паскевичемъ славу одного изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ: вѣрность взгляда и быстрая рѣшимость на полѣ битвы характеризуютъ уже самыя первыя военныя дѣла Паскевича (напримѣръ, сраженіе при Батикѣ). Но не только какъ боевой генералъ, а и какъ военный администраторъ, Паскевичъ выгодно выдѣляется изъ ряда современниковъ и сослуживцевъ; забота о солдатахъ, о его продовольствіи, возможное облегченіе людей отъ тонкостей тогдашней шагистики и „эзерцирмейстерства“ постоянно характеризуютъ военное управленіе Паскевича. Въ рамки этой военной дѣятельности, однако, нельзя уложить біографію Паскевича. Кн. Щербатовъ изображаетъ намъ его дѣятельность на другихъ поприщахъ. Всемилоствѣйшій манифестъ освободилъ смоленскихъ крестьянъ отъ недоимокъ за 1813 г., чтобы вознаградить ихъ за непріятельское разореніе; мѣстная же администрація собрала эти деньги, чѣмъ и вызвала волненія,—липецкое дѣло, возмутительное по своимъ подробностямъ. Паскевичъ былъ посланъ разслѣдовать на мѣстѣ причины волненій и высказался безусловно за крестьянъ противъ мѣстной администраціи, на сторонѣ которой стоялъ самъ министръ финансовъ графъ Гурьевъ. Вслѣдъ затѣмъ Паскевичъ получилъ новое назначеніе—сопровождать великаго князя Михаила Павловича въ его поѣздкѣ по Россіи и заграничій: Паскевича пригласили потому, что воспитатели великаго князя не имѣли на него никакого вліянія вслѣдствіе своей мягкости; еще до отъѣзда своенравный юноша обозвалъ ихъ Паскевичу дураками. Это порученіе было еще труднѣе

липецкаго; не даромъ Лагарпъ, познакомившись съ великимъ княземъ, писалъ Паскевичу: „connaisant Votre sèle et votre dévouement je crains, qu'ils ne soient mis à de trop rudes épreuves“. Наконецъ, въ 1824 г., послѣ известнаго наводненія въ Петербургѣ, Паскевичъ былъ назначенъ однимъ изъ трехъ военныхъ губернаторовъ, которыхъ обязанностью было помочь потерпѣвшимъ. Поведеніе Паскевича во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ жизни, не имѣвшихъ ничего общаго съ боевою славой, дорисовываетъ намъ его, какъ человѣка. Всегда мы видимъ въ немъ ясное пониманіе сути дѣла и умѣнье дѣйствовать самымъ прямымъ, хотя совсѣмъ нелегкимъ путемъ. Въ Смоленской губерніи онъ самъ объѣзжаетъ всѣ деревни и спрашиваетъ каждого крестьянина о его неудовольствіяхъ на администрацію, о его матеріальныхъ средствахъ и состояніи хозяйства. На Выборгской сторонѣ онъ ежедневно объѣзжаетъ всѣ дома, составляетъ списки пострадавшихъ и самъ дѣлаетъ отбѣтки о результатѣ своихъ посѣщеній, напримѣръ: „послать поскорѣе доктора“, затѣмъ: „докторъ былъ, больнаго нужно отвезти въ такую-то больницу, по справкамъ мѣста еще есть“, или: „послать по рецептамъ лѣкарства изъ аптеки такой-то“. Эта привычка самому входить во все, не останавливаясь передъ самою черною работой, врядъ ли была свойственна многимъ въ положеніи Паскевича.

Паскевичъ былъ нуженъ, даже болѣе—необходимъ правительству, благодаря этому сочетанію силы чернорабочаго съ распорядительностью и независимостью начальника. „Видишь ли ты,—говоритъ ему Императоръ Николай, отправляя его на Кавказъ въ 1826 г.,—около меня 40 генераловъ, и покажи мнѣ хоть одного, которому я могъ бы довѣрить это порученіе, на кого бы я могъ вполне положиться“. И Паскевичъ сознавалъ это свое значеніе и въ сознаніи его никогда не искалъ выставиться или выслужиться. Онъ не явился къ государю послѣ Лейпцига, когда его произвели въ генералъ-лейтенанты, и когда это не только можно, но и нужно было сдѣлать; онъ отказался официально похвалить полкъ Аракчеева, бывший подъ его командой при взятіи Парижа, и вызвалъ этимъ неудовольствіе временщика; онъ не послалъ поздравленія Императору Николаю при его вступленіи на престолъ, хотя это было бы естественно при дружественномъ расположеніи къ нему бывшаго великаго князя. И нужно связать, что этою сдержанностью онъ ничего не выигралъ; Императоръ Александръ относился къ нему довольно холодно и бывалъ любезенъ только когда этого требовали обстоятельства. Лестныя слова императора, при довольно неприятномъ для Паскевича назначеніи въ путешествіе съ великимъ княземъ Михаиломъ, вызвали слѣдующія горькія строки въ „воспоминаніяхъ“ фельдмаршала: „Мнѣ было больно, что система въ правительствѣ не перемѣняется; обольстить словами человѣка, когда онъ нуженъ, и въ той же пропорціи оказать неблагодарность и при малѣйшей кажущейся неисправности, безъ разбора, обижать и взыскивать, во всякомъ случаѣ, слишкомъ строго“ (Паскевичъ намекаетъ на полученный имъ по довольно ничтожному поводу высочайшій выговоръ). Константинъ Павловичъ, всѣми считавшійся наслѣдникомъ, относился къ Паскевичу даже прямо неприязненно. Въ виду всего этого, Паскевичу врядъ ли могла представляться надежда на блестящую и скорую карьеру. На основаніи сообщаемыхъ кн. Щербатовымъ данныхъ можно, кажется, утверждать, что блестящая карьера вовсе и не была жизненною задачей Паскевича. Онъ не думалъ о карьерѣ, когда въ битвахъ дѣйствовалъ вопреки прямымъ приказаніямъ (напр., при Арсис-

сюръ-объ), или когда читалъ строгія нотаци Михаилу Павловичу *), или когда сознательно раздражалъ великаго кн. Константина своимъ смѣлымъ и откровеннымъ сужденіемъ, или когда противился модному въ то время увлеченію шагистикой. Онъ не писалъ въ приказахъ по арміи, подобно другимъ старымъ и тоже боевымъ генераламъ своего времени, что аманенные унтеръ-офицеры „выбрасываютъ ногу безмѣрно высоко, слишкомъ твердо ставятъ на землю и долго выдерживаютъ на оной“, или что „у людей колѣни втянуты“; на одномъ клочкѣ бумаги нашлась слѣдующая карандашная замѣтка, характеризующая настроеніе и надежды на будущее Паскевича: „Не разъ, возвращаясь съ плаца, мнѣ приходило желаніе все бросить и въ отставкѣ вполнѣ предаться семейной жизни; но я предчувствовалъ, что скоро понадобится для серьезнаго дѣла. Россія, я тогда понималъ, безъ войны и скорой войны не обойдется. Волненіе въ Греціи—это начало разложенія Турецкой имперіи. Безъ войны—и турки изъ Европы не уйдутъ, и европейцы ихъ не пустятъ,—слѣдовательно, быть войнѣ. Вотъ почему я рѣшился все терпѣть и выжидать свое время“.

Дѣло, а не служебный успѣхъ было дѣлѣю Паскевича, и этимъ его карьера объясняется удовлетворительнѣе, чѣмъ постоянною удачей, опровергаемой, притомъ, только что приведенными фактами. Но одною этою способностью дѣлать дѣло не опредѣляется личность Паскевича. Это былъ дорогъ, какъ исполнитель, только потому, что умѣлъ быть иниціаторомъ. И Аракчеевъ въ извѣстномъ смыслѣ дѣлалъ дѣло и обладалъ твердостью духа; но Паскевичъ зналъ, въ чемъ состоитъ настоящее дѣло и гдѣ начинается „безтолочъ“. Для характеристики широты его взгляда нельзя не упомянуть о его заграничныхъ впечатлѣніяхъ. Среди культурныхъ и техническихъ чудесъ Англій онъ постоянно возвращается мыслію къ Россіи и приводитъ любопытныя параллели; его интересуется и картина Каррачи, и устройство машинъ на хлопчатобумажной фабрикѣ, и общественный строй Англій: „Когда видишь это равенство всѣхъ въ пользованіи благами цивилизаціи,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—тогда мысль погружается съ почтеніемъ въ учрежденія и законы государственные, воспитавшіе народъ таеъ, что порядоъ, трудолюбіе и законная свобода въ правильномъ сочетаніи развиваютъ всѣ ея силы и богатства страны. Дай Богъ нашимъ внукамъ дожить до этого въ Россіи. Англійскій народъ не столь способенъ, какъ русскій; но что значить воспитаніе не одними школами, но и государственными законами и учрежденіями!“

Посылкой Паскевича на Кавказъ заканчивается первый томъ сочиненія кн. Щербатова; теперь предстоитъ разсказъ о самой видной и самой блестящей порѣ его дѣятельности. Нельзя не пожелать, чтобъ „записки“ Паскевича, цитируемыя очень обильно авторомъ, были еще разъ напечатаны сплошь въ приложеніяхъ этого роскошнаго изданія.

Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII в. Ал. Маркевича. Одесса, 1888 г. Громадное изслѣдованіе это, занимающее съ приложеніемъ около 50-ти печатныхъ листовъ,

*) „Я сознавалъ,—пишетъ по этому поводу Паскевичъ,—что мои рѣзкости могутъ мнѣ повредить и что легко ими воспользуются, чтобы представить государю все въ превратномъ видѣ, отослать меня на прежнее мѣсто, но уже съ чернотою неспособности. Но если твердость духа часто вредитъ и выдерживаетъ возмущеніе по службѣ, то, по крайней мѣрѣ, она не возвращаетъ умъ человѣка до полной неспособности, какъ это почти всегда бываетъ при постоянной лѣтвости и искательствахъ“.

несомненно свидетельствует о выходящем изъ ряда трудолюбия автора, особенно если принять во внимание, что этому изслѣдованію предшествовалъ не менѣе обширный сборникъ матеріаловъ по мѣстничеству съ разборомъ теорій и мнѣній о немъ, появившійся въ печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Разбираемое теперь изслѣдованіе распадается на двѣ части—„представленіе о старшинствѣ въ древней (домосковской) Руси“ и мѣстничество въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII в. Авторъ, признавая источникомъ мѣстничества представленіе о старшинствѣ, разбираетъ различные виды этого старшинства, какъ въ примитивныхъ обществахъ вообще, такъ и въ древне-русскомъ обществѣ въ частности. На первыхъ страницахъ труда г. Маркевича, впрочемъ, дѣло идетъ еще о мѣстничествѣ по старшинству у животныхъ—по Брэмю, Немировичу - Данченко (стр. 6, примѣч. 2), Шиллеру (*Вильгельмъ Телль*, актъ I, сцена I) и собственнымъ свѣдѣніямъ автора о швейцарскихъ коровахъ (стр. 4, прим. 4). Неприготовленнаго читателя весьма поразятъ всѣ подобныя ссылки въ ученomъ разсужденіи. Но что-жъ дѣлать? Увлечение любимою идеей извиняетъ такое обращеніе автора ко всевозможнымъ источникамъ, разъ въ послѣднихъ находитъ якобы подтвержденіе этой идеи *). Дальше цѣлыя десятки страницъ посвящаются описанію различныхъ видовъ старшинства (по силѣ, старѣйшеству, богатству, родовитости и т. д.), тѣмъ проявленіямъ этого старшинства во вѣхъ (наприм., въ занятіи извѣстнаго мѣста и пр.), какія являлись въ различныхъ обществахъ, въ особенности нашемъ древне-русскомъ,—наконецъ, тому вліянію, какое оказало здѣсь на представленіе о старшинствѣ христіанство. Читая всѣ собранныя здѣсь и слишкомъ извѣстные факты, ждешь, по крайней мѣрѣ, вывода о томъ отношеніи, какое они имѣютъ къ вопросу о мѣстничествѣ. Но прямо и положительно такого вывода авторомъ, однако, не дѣлается, кажется, просто потому, что эти факты и не имѣютъ никакого почти отношенія къ мѣстничеству, какъ явленію, создавшемуся подъ вліяніемъ специальныхъ условій службы въ Москвѣ. Объ этомъ говоритъ даже и самъ авторъ въ началѣ I-й главы втораго отдѣла своей книги (мѣстничество въ Московскомъ государствѣ): „Мы не воснемся пока вопроса о тѣхъ обычныхъ видахъ старшинства, которые продолжали (а они-то и были описаны въ I-й части, добавимъ мы) существовать въ московскомъ обществѣ, такъ какъ въ общемъ существованіе ихъ не нуждается въ доказательствахъ (они и по нынѣ существуютъ), а нѣкоторыя частности будутъ указаны ниже; къ мѣстничеству же въ служебныхъ сферахъ они приложены почти не имѣли—и прямо перейдемъ къ вопросу о старшинствѣ родословномъ и служебномъ“ (стр. 116 и сл.). Однако, этимъ видамъ домосковскаго старшинства, не имѣющаго отношенія къ москов-

*) Такъ, г. Маркевичъ, указывая, что Брэмъ и др. передаютъ о томъ, что птицы совершаютъ свои перелеты въ известномъ порядкѣ (примеч., впрочемъ, авторъ долженъ сознаться, что еще неизвѣстно, связанъ ли этотъ порядокъ съ какимъ-либо старшинствомъ), въ заключеніе говоритъ: „Еще эффектиѣе наблюденіе г. Немировича-Данченко, въ разсказѣ *Соловки*: чайки выстраиваются на морскомъ берегу и начинаютъ охотиться за рыбою. Сперва одна полетитъ и вернется, затѣмъ сидящая съ ней рядомъ, потомъ слѣдующая и т. д.“ Но что отсюда слѣдуетъ? Неужели, что чайки мѣстничаютъ такъ же, какъ московскіе бояре между собою?... Вообще въ первой части разбираемаго труда разнообразіе и, такъ сказать, несомнѣтельность источниковъ, изъ коихъ авторъ беретъ свои свѣдѣнія, поразительны: Евангеліе, *Ежен. Новое Время*, Спенсеръ и Лаббокъ, *Недѣля*, „Золотой оселъ“ Апулея, *Русск. Литочисл.*, Библия и т. д., и т. д., и все это въ поэтическомъ безпорядкѣ.

скому мѣстничеству, посвящено болѣе ста страницъ, безъ всякой, по-видимому, необходимости. Доискиваясь причины этого, можно найти слѣдующее въ главѣ *О системѣ мѣстническихъ отношеній* (стр. 324): „Мы считаемъ, — говоритъ авторъ, — мѣстничество правомъ исключительно лицъ, принадлежащихъ къ служилому сословію. Мы много разъ говорили, да это и общезвѣстно, что *мѣстничество*, основанное на неопредѣленныхъ обычныхъ представленіяхъ о старшинствѣ, существовало всегда и вездѣ, а, слѣдовательно, и въ Россіи у всего русскаго народа; но *тогда видъ мѣстничества*, который, говоря короче, былъ основанъ на служебно-родовомъ старшинствѣ и который именно отличался точностью опредѣленія старшинства, *существовалъ* лишь въ служебныхъ сферахъ Московскаго государства“. Сопоставляя два указанные вывода, мы видимъ, что о видахъ „домосковскаго старшинства“ авторъ говоритъ потому, что считаетъ его *мѣстничествомъ*, а то, что обычно принято называть у насъ мѣстничествомъ, лишь *видомъ* мѣстничества, но затѣмъ, однако, въ противорѣчіе самому себѣ онъ говоритъ, что эти виды старшинства (или мѣстничество, основанное на старшинствѣ) не имѣютъ почти отношенія къ мѣстничеству въ служебныхъ сферахъ (что и правильно, конечно). Не говоря уже объ этой запутанности терминологіи, нельзя согласиться, что то явленіе, какое на Москвѣ носило названіе *мѣстничества*, было лишь его *видомъ*, а само оно существовало всегда и вездѣ; наоборотъ, это явленіе и въ своемъ обоснованіи, и практическомъ приложеніи кажется намъ специфически-московскимъ, выросшимъ изъ тѣхъ особыхъ исключительныхъ условій, въ какія на Москвѣ стали взаимно и верховная власть, и ея слуги. Факты, приводимые самимъ авторомъ изъ исторіи московскаго мѣстничества, достаточно подтверждаютъ это, а потому попытку находить мѣстничество всегда и вездѣ нельзя назвать вполнѣ удачною. Замѣтимъ, въ заключеніе, что вторая часть труда автора вообще кажется намъ болѣе интересною, особенно по массѣ матеріала, стоящаго на своемъ мѣстѣ, и по научной пригодности источниковъ, положенныхъ въ ея основаніе. Нельзя не сказать, однако, что многословіе, съ одной стороны, и изумительное неумѣнье автора давать сколько-нибудь пригодныя въ литературномъ отношеніи опредѣленія—съ другой—весьма вредятъ дѣлу *) и здѣсь. Прочитать поэтому книгу внимательно до конца—истинный подвигъ, на который не всякій-то рѣшится.

A history of England in the XVIII, century by W. E. Hartpole Lecky. Vol. 5 and 6. London, 1887. Вышедшіе въ прошломъ году два тома собственно заканчиваютъ объемистую исторію Англій XVIII вѣка,

*) Чтобы не быть голословными, приведемъ хотя бы опредѣленіе мѣстничества г. Марквичемъ: „Мѣстничествомъ въ это время (въ XV—XVII в.) мы называемъ право всякаго служилого лица, при назначеніи его на какую-либо совмѣстную съ иными служилыми людьми службу, претендовать на занятіе въ ней мѣста, соответствующаго служебной чести его или его родственниковъ, какъ эта честь опредѣлялась всеми предшествующими ихъ службами, начиная съ тѣхъ, которыя происходили незадолго до этого назначенія, и кончая бывшими въ самое отдаленное время, сравнительно съ опредѣленною тѣмъ же условіями служебною честью лицъ, назначенныхъ на совмѣстную съ этимъ лицомъ службу, или ихъ родственниковъ; причемъ взаимное отношеніе служебной чести назначенныхъ на совмѣстную службу лицъ обуславливается еще и степенью ихъ отдаленія отъ ихъ служившихъ родственниковъ,—и право этихъ лицъ возбудить споръ, если таковая претензія не удовлетворена“ (стр. 323). Написать книгу въ 60 листовъ, чтобы дать такое опредѣленіе предмета этой книги—это что-то очень странное и вѣсѣтъ грустное...

составленную Лекки. Разсказъ событій захватываетъ время отъ образованія министерства Питта младшаго въ 1784 году до начала войны съ Франціей въ 1793 г. Исторія этой многолѣтней борьбы уже примыкаетъ неразрывно къ событіямъ XIX вѣка. Авторъ, однако, намѣренъ заключить свой трудъ изложеніемъ ирландскихъ отношеній вплоть до 1800 года, т.-е. до времени законодательной уніи между Англіей и Ирландіей. Послѣднія двѣ главы VI тома уже посвящены Ирландіи, но доводятъ ея исторію только до 1793 года. Въ общемъ, какъ сказано, работа Лекки, по скольку она касается собственно исторіи Англіи, можетъ считаться оконченною. Сужденіе объ этомъ сочиненіи требуетъ всякій разъ оговорокъ и ограниченій не потому, чтобы трудно было составить себѣ понятіе объ его достоинствахъ и недостаткахъ, а потому, что едва ли было бы справедливо судить въ данномъ случаѣ безотностительно. Сама по себѣ работа вышла гораздо хуже, чѣмъ можно было ожидать въ виду массы интереснаго матеріала и многообъясавшихъ раннихъ работъ автора. И, тѣмъ не менѣе, томы Лекки на время, по крайней мѣрѣ, восполняютъ чувствительный пробѣлъ и должны быть поэтому приняты съ благодарностію. Остальное, что писано по общей исторіи этого времени, до такой степени слабо, что новая работа становится въ выгодное для себя освѣщеніе. Она, все-таки, представляетъ значительный прогрессъ передъ бездарными книгами Стенгопа. Читатель, конечно, не одинъ разъ съ сожалѣніемъ вспомнитъ Маколея или Ранке, особенно перваго, потому что Лекки иногда слѣдуетъ его внѣшнимъ приемамъ при изложеніи парламентскихъ столкновеній. Читатель, знакомый съ *Исторіей рационализма* и особенно съ *Исторіей нравственности*, съ недоумѣніемъ будетъ искать въ *Исторіи Англии XVIII вѣка* слѣдовъ способности, которая очень замѣтна въ первыхъ сочиненіяхъ Лекки,—способности выбирать факты, подчинять ихъ объединительной мысли, добывать обобщенія. Въмѣсто того, чтобы овладѣвать матеріаломъ, авторъ бесильно подчиняется ему, механически слѣдуетъ за всѣми случайностями внѣшняго хода исторіи, не продумываетъ событій, а безцѣлѣнно сообщаетъ о нихъ. Нѣтъ ни перспективы, ни порядка, нѣтъ ни краски, ни анализа, вообще вся работа производитъ впечатлѣніе чего-то необыкновенно спѣшнаго и безжизненнаго. И, все-таки, надо быть благодарнымъ и за то, что случайно и неловко освѣщается въ исторіи этого интереснаго періода. Томы Лекки могутъ служить подспорьемъ при изученіи другаго, гораздо болѣе живаго и интереснаго труда—*Исторіи мысли въ Англии XVIII вѣка* Лесли Стифена.

Эпоха, избранная Лекки, представляется необыкновенно содержательною и важною въ общемъ движеніи англійскаго развитія. Господство землевладѣльческой олигархіи, утвердившееся въ результатѣ борьбы XVII вѣка, вырабатывало если не принципы, то приемы и условности парламентаризма. Самое ограниченіе политической сферы сравнительно небольшимъ числомъ достаточныхъ людей представляло большія выгоды для выдѣлки техники парламентскихъ учрежденій, если можно такъ выразиться. Болѣе глубокое проникновеніе политическихъ интересовъ, болѣе широкое распредѣленіе силъ и болѣе сложныя отношенія партій, вѣроятно, значительно затруднили бы кристаллизацию представительнаго порядка. Но, между тѣмъ какъ землевладѣльческая олигархія устранила свое господство внутри и расширяла область англійскаго вліянія во всѣхъ странахъ свѣта, работа социальныхъ факторовъ подготовляла то общество, которое въ XIX вѣкѣ должно было выступить противъ

исключительнаго господства помѣщичьяго класса и овладѣть его политическимъ наслѣдіемъ. Необыкновенные успѣхи англійской торговли и промышленности, появленіе машинныхъ производствъ, улучшение средствъ сообщенія, ростъ городскихъ классовъ все сильнѣе и сильнѣе выдвигали людей средняго состоянія, не стоявшихъ въ связи съ землевладѣльческими группами; появлялись даже признаки сознательнаго отношенія низшаго класса къ своимъ интересамъ и правамъ. Въ духовной области совершался процессъ не менѣе любопытный и важный по своимъ послѣдствіямъ. Раціоналистическая культура XVIII вѣка съ ея господствомъ отвлеченной мысли, отвлеченнаго разсужденія надъ всѣми отношеніями, сформировалась въ значительной степени подъ англійскими вліяніями. Локкъ и Юмъ были не менѣе сильными проводниками ея, чѣмъ Вольтеръ и Гельвецій. Но раціонализмъ развивался въ Англии съ весьма характерными ограниченіями. Въ обществѣ онъ постоянно сталкивался съ могущественнымъ религіознымъ направленіемъ, которое Англія XVIII вѣка унаслѣдовала отъ религіозной борьбы въ XVII столѣтіи. Въ области политическаго мышленія благоприятное развитіе государственныхъ отношеній на островѣ не давало хода теоріямъ рѣзкаго и безусловнаго характера, историческая подкладка чувствовала даже среди самыхъ отвлеченныхъ разсужденій. Чтобы составить себѣ понятіе о глубокой разницѣ настроенія и пониманія между Англійей и материкомъ, стоить сравнить, наприм., сужденія и разсужденія Самуэля Джонсона, записанныя Босуелемъ, съ мнѣніями Вольтера или Руссо.

Лекки даетъ много фактовъ для оцѣнки какъ той, такъ и другой стороны XVIII вѣка. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на отношеніе партій и мнѣній къ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Два факта хорошо характеризуютъ положеніе, занятое англійскимъ обществомъ въ этомъ направленіи въ концѣ XVIII вѣка. Въ 1785 году вышла книга Пэли *), которая развивала идею религіозной терпимости полнѣе, чѣмъ какое-либо предшествовавшее произведеніе. Терпимость въ данномъ случаѣ вытекала не просто изъ уваженія къ внутренней силѣ убѣжденія, а изъ наблюденія за общимъ ходомъ религіознаго развитія. По мнѣнію Пэли, вѣроисповѣдныя требованія и символы всегда вредны, потому что сужденія человѣческаго рода по религіознымъ предметамъ постоянно жьваются, и разъ установившійся символъ вступаетъ въ противорѣчіе со взглядами церкви, которые она якобы должна выражать. При такой свѣтлицеской точкѣ зрѣнія Пэли расположенъ отнестись съ терпимостью даже къ атеистическимъ мнѣніямъ, если только они высказывались въ результатѣ серьезной аргументаціи (т. V, стр. 172). Если въ данномъ случаѣ формировался взглядъ, который долженъ былъ рано или поздно подкопать разнообразныя вѣроисповѣдныя ограниченія, то на практикѣ эти стѣсненія не вязались съ ними, предрасудки подавались довольно медленно. Въ 1791 г. удалось устранить нѣкоторыя изъ ограниченій, лежавшихъ на католикахъ, но диссентеры нивакъ не могли добиться отмены Testacte и корпорационнаго листа, устранявшихъ ихъ отъ должности. Даже такіа лица, какъ Бёркъ, высказывались противъ полнаго уничтоженія религіозныхъ стѣсненій. Послѣдній имѣлъ при этомъ, главнымъ образомъ, не старыя религіозныя системы, которыя онъ считалъ опасными въ политическомъ отношенія, а новыя воззрѣнія, пробивав-

*) *Moral and political Philosophy.*

ниая въ броженіи XVIII вѣка. Умѣренные стѣсненія, — доказывалъ онъ въ 1792 году, — часто избавляютъ отъ необходимости прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, потому что распространеніе крайнихъ и сумасбродныхъ ученій можетъ вызвать безпорядки и потребовать примѣненіе жестокости. Парламентъ никогда не держался въ этомъ отношеніи какъ-либо общихъ правилъ, а разсматривалъ возникновеніе жалобъ и устранять ихъ внимательно составленными законами. И впредь онъ долженъ держаться такой осторожной политики, особенно по отношенію ко вновь возникавшимъ религіознымъ партіямъ, которыя представлялись Бёрку какъ бы вулканами въ полномъ дѣйстви, въ противоположность старымъ церквамъ — вулканамъ потухшимъ.

Какъ по религіознымъ, такъ и по политическимъ вопросамъ Лекки особенно останавливается на взглядахъ Бёрка, котораго онъ считаетъ самымъ замѣчательнымъ представителемъ Англіи этого времени. Питтъ младшій пользовался большимъ матеріальнымъ вліяніемъ и снискалъ несравненно большую популярность, но его сила, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что онъ въ значительной степени сохранилъ качества, привлекательныя для толпы. Его заслуги вытекали изъ здраваго смысла и твердаго характера; но онъ не отличался ни дальновидностью, ни глубиной соображеній, ни оригинальностью замысловъ. Самое краснорѣчіе, которымъ онъ составилъ себѣ такую репутацію, сводится преимущественно къ звонкой фразѣ и упрямому повторенію основныхъ мотивовъ. Бёркъ, напротивъ, дѣйствительно обладалъ и способностью проинять до самаго корня вопросовъ, и оригинальностью пониманія, и почти пророческимъ даромъ предвидѣнія. Его мало слушали въ парламентѣ, но его рѣчи и памфлеты поражаютъ чисто-поэтической силой слова. Его политическіе взгляды заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, полного вниманія, какъ выраженіе опредѣленнаго политическаго строя — исторической олигархіи, которая создавалась въ Англіи, благодаря дѣлому ряду благоприятныхъ условій. Лекки придаетъ имъ даже слишкомъ большое значеніе. Онъ, очевидно, стоитъ не на сторонѣ чисто-демократической формы, мало-по-малу вырабатывающейся на почвѣ англійской конституціи: въ дѣятельности Фокса даже онъ подчеркиваетъ черты, отдѣляющія его отъ современной демократической школы. Ему не симпатично все то, что подрываетъ въ избирательной системѣ значеніе интеллигенціи и собственности. Поэтому, въ знаменитой полемикѣ Бёрка противъ французской революціи онъ видитъ замѣчательнѣйшее произведеніе англійской литературы XVIII вѣка. „Эти письма должны читать, перечитывать и изучать всякій, кто желаетъ приобрести обширное пониманіе политическихъ вопросовъ“. Большая часть предсказаній Бёрка оправдалась, главное — онъ создалъ политическую школу, съ которой приходится считаться, помимо нѣкоторыхъ ея увлеченій и преувеличеній. Общая оцѣнка Бёрка у Лекки представляется намъ очень пристрастной и односторонней, — она едва отмѣчаетъ значительныя недоборы всей школы, которая капитальный фактъ французской революціи объясняетъ изъ болѣе или менѣе случайныхъ причинъ и болѣе или менѣе непривлекательныхъ свойствъ французской націи. Предубѣжденія англичанина и сословный эгоизмъ играли не малую роль въ образованіи взглядовъ Бёрка, но, конечно, какъ голосъ опредѣленной партіи, его письма имѣютъ полное право на вниманіе и принадлежать къ числу важнѣйшихъ произведеній политической литературы. Внутренняя связь съ направлениемъ Бёрка сказывается, между прочимъ, и въ томъ

экскурсъ, который самъ Лекки посвящаетъ изслѣдованію о причинахъ и ходѣ французской революціи. Его главная мысль состоитъ въ томъ, что это событіе напрасно считаютъ какъ бы роковымъ послѣдствіемъ глубокихъ и неустранимыхъ причинъ; въ противоположность „историческимъ фаталистамъ“, Лекки настаиваетъ на возможности для правительства, даже незадолго до начала революціоннаго движенія, направить дѣло къ постепеннымъ реформамъ, — предположеніе, противъ котораго говорить все, что намъ извѣстно о подготовкѣ катастрофы и ея развитіи. Вообще, весь эпизодическій отдѣлъ, посвященный французскимъ событіямъ, столько же характеренъ для взглядовъ и манеры Лекки, сколько излишенъ по самому свойству предмета въ изложеніи англійской исторіи XVIII вѣка. Нельзя было касаться такихъ историческихъ фактовъ между прочимъ, а нашъ авторъ именно между прочимъ запутывается въ это неотносящееся къ дѣлу разсужденіе. Не послѣднею странностью при этомъ является его незнакомство съ такою капитальною книгой, какъ сочиненіе Сореля.

За то весьма важный отдѣлъ, которымъ открывается VI томъ, — о социальномъ состояніи Англии въ XVIII вѣкѣ, о классахъ, обычаяхъ, общественной жизни, — вышелъ весьма бѣднымъ и совершенно не отвѣчаетъ ожиданіямъ читателя, котораго авторъ предупреждаетъ въ началѣ, что въ этой главѣ собраны свѣдѣнія, оставшіяся по необходимости за предѣлами изложенія въ предшествовавшихъ томахъ, — свѣдѣнія, ради которыхъ первоначально предпринята была вся работа. По нѣкоторымъ вопросамъ даже поверхностная книга Аптоне даетъ больше, чѣмъ VI томъ Лекки. Во всякомъ случаѣ, къ послѣдней работѣ по XVIII вѣку приходится обращаться въ особенности для разъясненія политической стороны въ исторіи этого столѣтія и для освѣщенія тѣхъ фактовъ духовной жизни, которые стоятъ въ связи съ текущею политикой. Для общественнаго строя и нравовъ остается ожидать новыхъ попытокъ обработать матеріалъ, который въ такомъ количествѣ ожидаетъ разработки въ бібліотекахъ и архивахъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Характеристики“. Теофраста. — „Медея“. Эврипида. — „Иліада“. Гомера. — „Перся“. Эсхила.

Теофрастъ. Характеристики. Переводъ съ греческаго В. Алексѣева. Спб., 1888 г. Эта небольшая книжка (32 стр.) представляетъ отдѣльный оттискъ изъ журнала *Пантеонъ Литературы*. Она содержитъ въ себѣ введеніе, гдѣ сообщаются свѣдѣнія, касающіяся жизни Теофраста и его сочиненія *Характеристики*, и переводъ этого послѣдняго. Переводъ сдѣланъ довольно удачно, безъ большихъ ошибокъ, хотя и нѣсколько далеко отъ текста, но, очевидно, въ этомъ случаѣ авторомъ руководило желаніе дать читателямъ переводъ, исполненный, по возможности, хорошимъ русскимъ языкомъ. Переводъ, дѣйствительно, за исключеніемъ нѣсколькихъ неловкихъ оборотовъ, читается легко, но нѣкоторыя мѣста его современнымъ читателямъ окажутся совершенно непонятными, особенно при полномъ почти отсутствіи примѣчаній. Такъ, наприм., въ 6-й характеристикѣ *Правственный уродъ* авторъ употребляетъ греческое слово „хали“ („онъ обходитъ публику по одиночѣ и собираетъ хали“), хотя это слово вполне можетъ быть передано по-

русски словомъ „мѣдяки“ (мѣдная монета). Или вотъ, наприм., два мѣста, въ которыхъ, по нашему мнѣнiю, необходимо было бы сдѣлать примѣчанiя, чтобъ объяснить ихъ смыслъ. Въ одномъ изъ нихъ (2-я кар. *Лестецъ*) лестецъ (или скорѣе паразитъ) говоритъ своему патрону: „Эге, какъ посѣдѣла твоя борода! А отчего?—Оттого, что я два дня не видѣлся съ тобою“. Чтобы сдѣлать эти слова удобопонятными, слѣдовало бы указать на обычай греческихъ паразитовъ выдерживать сѣдые волосы у своихъ молодящихся патроновъ. Въ другомъ мѣстѣ (9-я кар. *Нахаль*) говорится: „Въ банѣ онъ (нахаль) подойдетъ къ мѣдному бутлу, зачерпнетъ шайку воды, окатится, не обращая вниманiя на крикъ банщица, объявить, что вымылся, и крикнетъ ему въ дверяхъ: нѣтъ тебѣ ничего“. Здѣсь, во-первыхъ, должно было сказать: „окатится самъ“, какъ и стоитъ въ подлинникѣ, а, во-вторыхъ, объяснить, за что слѣдовало платить банщицу. Дѣло въ томъ, что, по греческому обычаю, вымывшиеся въ банѣ подходили къ чану съ холодною водою; банщицы окачивали ихъ этою водою, за что и получали вознагражденiе; но нахаль, не соблюдая этого обычая, окачивается самъ и не только не платитъ банщицу денегъ, но даже вступаетъ съ нимъ въ перебранку.

Медея. Трагедiя Эврипида. Переводъ съ греческаго Е. Ф. Шнейдера. Спб., 1888 г. Эта книжка, подобно предъидущей, была напечатана первоначально въ журналѣ *Пантеонъ Литературы*. Она заключаетъ въ себѣ стихотворный переводъ трагедiи съ очень небольшими примѣчанiями и введенiемъ, гдѣ говорится объ отличii Эврипида отъ предшественниковъ его—Эскила и Софокла, излагается мнѣе объ Аргонавтахъ и содержанiе трагедiи; наконецъ, сообщаются свѣдѣнiя о времени постановки этой пьесы на сцену и ея судьбѣ въ послѣдующiе вѣка, о влiянii ея на умы, о подражанiяхъ ей въ древности (и новое время). Что касается перевода, то онъ исполненъ недурно, хотя, конечно, далеко не художественно; диалогъ переведенъ ямбами, хоры — смѣшанными размѣрами. Прежде всего бросается въ глаза то, что, вмѣсто строгого шестистопнаго размѣра подлинника, въ русскомъ переводѣ являются стихи разной длины: одни содержатъ 5, другiе—6, третьи—7 стопъ; въ подлинникѣ составъ стиховъ въ строфѣ и антистрофѣ совершенно одинаковъ, между тѣмъ какъ въ переводѣ эти стихи не представляютъ никакого соответствiя между собою. Кромѣ того, многiе стихи построены довольно нескладно, наприм.: „Правда и все въ мирѣ этомъ извратилось совсѣмъ“ (ст. 411, стр. 30). Въ переводѣ встрѣчаются также неловкiя выраженiя, вродѣ слѣд.: „Рабыня *дремля* владычицы моея“ (ст. 49, стр. 17), вмѣсто „давнишня“, или: „Вотъ какъ страждетъ, какъ *бъснуется* мать несчастная у васъ“ (ст. 98, стр. 19), тогда какъ въ греческомъ текстѣ говорится просто о гнѣвѣ Медеи. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрно передана по-русски мысль подлинника. Такъ, наприм., въ ст. 181 и слѣдующихъ хоръ, обращаясь къ кормилицѣ, проситъ ее сходить въ домъ къ Медеѣ и рассказать ей о расположенiи къ ней хора; въ переводѣ же сказано: „Но сходи въ домъ скорѣй, *утѣшенье* друзей передай“, хотя ни о какомъ утѣшенiи не было и рѣчи. Равнымъ образомъ, совершенно неправильно переведено и слѣд. мѣсто (ст. 190 и сл.):

„Видно правъ будетъ тотъ, кто пѣвцовъ уличитъ,
Что ни мудрости нѣтъ, ни разсуда у нихъ:

Про обѣдъ, яри иль съ сложили они.

Лишь веселье въ нихъ отзвукъ выходитъ себѣ.

Ни одинъ между нихъ не стуммалъ заглушить

Гласомъ лиры своей челоуѣка страдающа лика“.

Буквальный переводъ этого мѣста таковъ: „Не ошибся бы тотъ, кто назвалъ бы глупыми и нисколько не мудрыми прежнихъ людей, которые придумали пѣсни, чтобъ усладить слухъ въ этой жизни во время праздниковъ, шировъ и обѣдовъ; но никто изъ людей не придумалъ утишать музыкой и многогласными пѣснями печальную скорби смертныхъ“. Вотъ еще одинъ примѣръ такого же несоотвѣтствія перевода съ оригиналомъ (ст. 205 и сл.): „Въ тѣхъ вопляхъ пронзительныхъ, сердце гнетущихъ, коварнаго мужа, измѣнника ложу зоветь“. Въ соотвѣтствующихъ стихахъ подлинника говорится: „она обращается съ пронзительными, печальными воплями къ измѣннику ложу, коварному мужу“, но вовсе его не зоветь къ себѣ. Въ заключеніе считаемъ лишнимъ указать на то, что авторъ, говоря въ предисловіи (стр. 13) о судьбѣ *Меден* въ нашей литературѣ, упустилъ изъ вида русскій переводъ ея, сдѣланный въ 1863 году Шестаковымъ (*Учен. Зап. Каз.* Ун. 1863 г., вып. 2), переводъ гораздо болѣе близкій къ оригиналу, чѣмъ разбираемый нами.

Иліада Гомера. Кн. I—IV. Издалъ съ примѣчаніями И. Кирилловъ. Кіевъ, 1888 г. Авторъ не приложилъ къ своему труду никакого предисловія, изъ котораго бы видно было, какой кругъ читателей онъ имѣлъ въ виду при составленіи его; но, по всему судя, его книжка предназначается для учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Она заключаетъ въ себѣ текстъ первыхъ четырехъ пѣсней *Иліады* съ примѣчаніями къ нему внизу каждой страницы. Что касается текста, то, при отсутствіи всякихъ указаній со стороны автора, мы не можемъ сказать, изъ какаго изданія онъ взятъ. Примѣчанія составлены очень дѣльно: они заимствованы, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкихъ комментариевъ Лароша и Амейза. Значительная часть ихъ содержитъ переводъ или объясненіе болѣе трудныхъ для пониманія словъ и выраженій; другая часть касается реальной, грамматической и метрической стороны. Примѣчанія довольно обширны, по крайней мѣрѣ, вполне достаточны для чтенія текста и отличаются чрезвычайною краткостью выраженія: очевидно, авторъ старался въ самой сжатой формѣ дать какъ можно болѣе матеріала; но, надо сознаться, эта краткость выраженія кое-гдѣ дѣлаетъ ихъ нѣсколько темными. Однако, несмотря на полноту ихъ, мы думаемъ, что авторъ пропустилъ многія, которыя слѣдовало бы помѣстить. Такъ, наприм., сдѣлавъ къ 15 стиху I пѣсни примѣчаніе, что слово *χρυσέω* должно читать съ синизесой, онъ ничего не говоритъ о синизесѣ въ словѣ *Πηληϊάδεω* въ I стихѣ. Точно также онъ ничего не замѣчаетъ о словѣ *Ἄϊδι* въ 3 стихѣ, которое большая часть учениковъ пойметъ въ мѣстномъ значеніи „адъ“, а никакъ не въ смыслѣ „богъ ада“, какъ слѣдуетъ его понимать, и которое, кромѣ того, замѣчательно по своей формѣ, какъ метатлазмъ къ *Ἄϊδης*. Наконецъ, автора можно упрекнуть и за то, что онъ не предпослалъ своему труду никакого введенія—ни о Гомеровскомъ вопросѣ, ни о грамматикѣ или метрикѣ *Иліады*, но, подобно самому Гомеру, вводитъ своихъ читателей прямо *in medias res*. Съ внѣшней стороны изданіе производитъ очень пріятное впечатлѣніе: крупная и отчетливая печать, хорошая бумага и значительная исправность въ корректурномъ отношеніи дѣлаютъ эту книжку весьма пригоднымъ пособіемъ для учениковъ.

Персы. Трагедія Эсхила. Перевелъ В. Г. Аппельротъ. Москва, 1888 г. Г. Аппельротъ, извѣстный уже нашимъ читателямъ своими переводами двухъ трагедій Эсхила—*Прикованнаго Прометея* и *Семи про-*

тмъз Оиъз, недавно выпустилъ въ свѣтъ переводъ третьей трагедіи—*Персовъ*. Эта книжка, какъ и обѣ предыдущія, содержитъ въ себѣ краткое введеніе и стихотворный переводъ трагедіи съ небольшими примѣчаніями. Какъ и прежде, переводъ сдѣланъ не буквально, но онъ значительно точнѣе передаетъ мысль автора, читается очень легко, благодаря простому и ясному языку и правильности стиха. Переводъ отличается большою вѣрностью, хотя и встрѣчаются небольшія ошибки: наприм., ст. 609 переданъ такимъ образомъ: „Я опять вернулась, чтобы отцу отъ сына, съ кроткимъ сердцемъ, здѣсь возлѣять“ (слова Атоссы); между тѣмъ, въ подлинникѣ стоитъ *καὶδὸς πατρί*—„отцу моего сына“; Атосса намѣревается совершить возліаніе на могилѣ своего мужа Дарія отъ себя, а не отъ сына, о которомъ она еще не имѣетъ даже никакихъ извѣстій. Странны нѣсколько также, слѣдовательно, выраженія: „Такія уречанья часто слушаю отъ нихъ“ (стихъ 757, стр. 152), вмѣсто „поношенія“; „въ повозкахъ колесныхъ“ (стихъ 1001, стр. 162), чему у Эсхила соответствуетъ *ἀμφὶ σκηναῖς τροχλάτοισιν*—„около палатокъ, вѣдущихъ на колесахъ“ (разумѣется крытый экипажъ, называвшійся *ἀρμάμαξα*).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Le transport par les chemins de fer Histoire-Législation“ par Arthur T. Hadley.—
 „La dette américaine les finances des Etats Unis de 1861 à 1887“ par E. Masseras.—
 „Essai sur l'amortissement et sur les emprunts d'états“ par M. Cucheval-Clarigny.—
 „Die Städtische Sparkasse zu Berlin“ von L. Thiele.—„Parva economica“ von Otto Effertz. — „Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго бита государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“

Arthur T. Hadley. Le transport par les chemins de fer Histoire-Législation. Traduit par A. Raffalovich et L. Guérin. Précédé d'une préface par Arthur Raffalovich. Paris, 1887. Прекрасная работа талантливаго профессора и начальника промышленнаго и рабочаго статистическаго бюро въ Коннектикутѣ обратила сразу на себя вниманіе ученаго міра. Не ограничившись яснымъ изложеніемъ важнѣйшихъ событій изъ желѣзнодорожной исторіи и политики своего отечества, авторъ ознакомилъ въ своей книгѣ съ законодательствомъ главнѣйшихъ европейскихъ странъ. Въ началѣ книги онъ намѣчаетъ важнѣйшіе моменты въ исторіи постройки дорогъ и доводитъ свой историческій очеркъ до новѣйшаго поворота въ желѣзнодорожной политикѣ. До сихъ поръ, —говоритъ онъ,—законодательство имѣло въ виду интересы акціонеровъ, теперь оно имѣетъ въ виду интересы публики. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта реакція сама по себѣ явленіе здоровое, но еще болѣе вѣрно, что она была преувеличена. Можно съ увѣренностью сказать, что многіе законы, относящіеся къ желѣзнымъ дорогамъ, совершенно не могутъ быть примѣнены, а изъ остальныхъ законовъ значительное число принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы. Попытки защищать законодательнымъ путемъ интересы публики безъ всякаго вниманія къ интересамъ компаній есть такая же ошибка, какъ защищать компаніи безъ вниманія къ интересамъ публики. Примирить интересы этихъ двухъ сторонъ есть одна изъ самыхъ серьезныхъ проблемъ современной политики. Къ этимъ словамъ можно было бы присоединить нѣкоторыя мысли изъ послѣдней главы книги *Результаты государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ*, чтобъ убѣдиться, что если Геддей открыто признаетъ злоупотребленія,

существующія въ акціонерныхъ обществахъ, то онъ все же не принадлежитъ къ поклонникамъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ, онъ остается объективнымъ до конца и съ полнымъ безпристрастіемъ излагаетъ всѣ доводы, приводимые за и противъ государственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Главная часть книги посвящена Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Вѣдѣнная исторія желѣзныхъ дорогъ, — говорить Гедлей, — представляетъ наименѣе интересную часть картины прогресса, достигнутаго желѣзными дорогами въ Соединенныхъ Штатахъ. Гораздо больше интереса представляетъ внутренняя исторія, администрація дорогъ, ихъ организація, отношенія дорогъ къ ихъ владѣльцамъ, къ другимъ дорогамъ, къ публикѣ, наконецъ, къ правительству. Эти вопросы касаются самыхъ серьезныхъ проблемъ современной промышленной жизни. Чтобы понять отношенія, установившіяся между желѣзными дорогами и акціонерами, нужно обратиться къ развитію анонимныхъ обществъ, современныхъ формъ спекуляціи, къ исторіи коммерческихъ кризисовъ. Отношенія дорогъ къ публикѣ касаются не только вопросовъ промышленной географіи, но и теоріи конкуренціи, ученія объ ассоціаціи, о монополіи и ея послѣдствіяхъ. Наконецъ, отношенія дорогъ къ правительству имѣютъ важное политическое значеніе, которое съ теченіемъ времени можетъ еще болѣе возрасти. Соотвѣтственно съ этимъ въ книгѣ отведено нѣсколько главъ спекуляціи, ученію о соперничествѣ и т. д. Каждая изъ этихъ главъ читается съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ въ нихъ раскрываются весьма интересные детали изъ исторіи желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, разъясняются многія спекулятивные предпріятія, выясняется значеніе акціонерныхъ учрежденій, договоры, заключенные дорогами для возвышенія дохода, борьба между отдѣльными группами желѣзно-дорожниковъ, злоупотребленія, допускавшіяся съ цѣлью возвышенія цѣны акцій, и т. д. Словомъ, авторъ раскрываетъ самыя любопытныя стороны изъ исторіи американскихъ желѣзныхъ дорогъ, представляющія много совершенно оригинальныхъ явленій въ сравненіи съ установленными въ европейскихъ странахъ порядками. Монополія, думаетъ онъ, можетъ быть легальной, естественной или промышленной. Старыя монополіи исчезли, но то же самое движеніе, которое снесло легальныя монополіи и разрушило столько естественныхъ монополій, создало въ результатъ болѣе обширную и страшную систему промышленныхъ монополій. Если желѣзныя дороги представляютъ видъ естественной монополіи, которая выходитъ за предѣлы обычныхъ законовъ промышленной жизни, то на нашихъ глазахъ встрѣчаются коалиціи во многихъ такихъ отрасляхъ, которыя до сихъ поръ пользовались благодѣяніями свободнаго соперничества. Исторія крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ Соединенныхъ Штатахъ служитъ тому лучшимъ доказательствомъ; для строеваго лѣса, какъ и для бумаги, для скота, какъ и для молока, для патроновъ, какъ и для спичекъ, для всякаго рода товаровъ есть организованная коалиція, опредѣляющая цѣны и ограничивающая производство. Коалиціи, существующія теперь, не похожи на прежнія монополіи или средневѣковыя корпораціи, покровительствуемыя закономъ; онѣ возникаютъ по различнымъ причинамъ вопреки законамъ и разрастаются до неслыханныхъ размѣровъ. Приведенные въ книгѣ примѣры прекрасно иллюстрируютъ мысль автора о тѣсныхъ границахъ, въ какія поставлена на практикѣ конкуренція, о неправомерности господствующихъ на этотъ счетъ возрѣвнй, предполагающихъ повсюду дѣйствіе законовъ соперничества. Конвенціи желѣзно-дорож-

ныхъ обществъ pooling agreements, синдикаты промышленниковъ, картели,—все это говорить въ пользу защищаемыхъ въ книгѣ положеній. Вездѣ, гдѣ есть промышленная монополія,—продолжаетъ Гедлей,—являются особыя покровительственныя отношенія со стороны желѣзныхъ дорогъ, являются дифференціальныя тарифы. Въ желѣзныхъ дорогахъ, въ сущности, повторяется тоже самое, что во многихъ промышленныхъ предприятияхъ, но, во-первыхъ, монополія выражается въ болѣе полной формѣ и приняла болѣе широкіе размѣры; кромѣ того, желѣзныя дороги были предметомъ болѣе полного изученія и болѣе другихъ предприятий привлекали общественное вниманіе. Благодаря этому, задача правительственнаго контроля надъ анонимными компаниями, надъ современными крупными корпораціями сводится къ вопросу о правительственномъ контролѣ надъ желѣзными дорогами. Нельзя не отмѣтить, что эти выписки съ достаточною ясностью показываютъ, какъ глубоко понялъ Гедлей экономическія явленія, развившіяся въ его отечествѣ. Обзоромъ законодательства, доведеннаго до изданнаго въ прошломъ году *Inter State commerce bill*, заканчивается лучший, самый обстоятельный отдѣлъ книги. Главы, посвященныя европейскимъ странамъ, не отличаются такою пространностью, но въ нихъ въ краткихъ чертахъ схвачены наиболѣе характерныя особенности каждой страны. Это не парафраза того, что имѣется въ другихъ книгахъ, а умѣло составленное резюме, дающее полное представленіе о желѣзно-дорожной политикѣ и желѣзно-дорожномъ законодательствѣ отдѣльныхъ странъ. Особенно хорошо изложены двѣ главы, посвященныя Англіи. Гораздо меньше можно найти въ книгѣ о Германіи и Бельгіи, странахъ, въ которыхъ проведенъ принципъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Во французскомъ переводѣ книги имѣются дополненія, касающіяся французскихъ дорогъ, исторія законодательства доведена до прошлаго года и присоединена цѣлая глава о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Изъ краткой передачи содержанія книги легко можно видѣть, что она принадлежитъ къ высшей степени полезнымъ и поучительнымъ работамъ; ее съ удовольствіемъ можно рекомендовать лицамъ, желающимъ ознакомиться съ вопросомъ.

La dette américaine les finances des Etats Unis de 1861 à 1887 par E. Masseras Paris, Guillaumin, 1888. Безпримѣрная въ исторіи финансовъ европейскихъ государствъ финансовая политика Соединенныхъ Штатовъ, быстрый ростъ ихъ государственныхъ долговъ и еще болѣе быстрое ихъ уменьшеніе, особенно удачное восстановленіе металлческаго обращенія и, наконецъ, огромныя излишки въ бюджетахъ цѣлаго ряда лѣтъ,—все это представляетъ для насъ тѣмъ болѣе значительный интересъ, что почти во всѣхъ этихъ вопросахъ наше положеніе можетъ быть признано прямо противоположнымъ и достигнутае въ Соединенныхъ Штатахъ улучшеніе финансовъ должно для насъ быть отдаленнымъ идеаломъ. Въ 1865 году закончилась междоусобная война, увеличившая государственныя долги до 14 миллиардовъ франковъ, а уплата процентовъ отнимала въ 1867 году 715 милліоновъ; въ 1887 году долги доведены до суммы ниже 7 миллиардовъ, а уплата процентовъ отнимаетъ меньше 250 милліоновъ. Чтобы понять какимъ образомъ произошла такая перемѣна, авторъ останавливается на выдающихся моментахъ финансовой исторіи до междоусобной войны, знакомитъ съ займами, заключенными во время войны, съ условіями выпуска бумажныхъ денегъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „гринбаковъ“,

и съ тѣми финансовыми мѣропріятіями, которыя были произведены въ эту тяжелую эпоху. Разъяснивши положеніе Соединенныхъ Штатовъ къ концу войны, онъ далѣе приступаетъ къ вопросу о тарифахъ и возвышеніи налоговъ на потребленіе, поставившихъ бюджетъ на прочное основаніе и давшихъ государственнымъ людямъ возможность излишками отъ бюджетовъ погашать постепенно долги. Протекціонная политика, которой строго слѣдовали Сѣверо-Американскіе Штаты, въ связи съ финансовыми реформами послѣднихъ двухъ десятилѣтій, представляетъ значительный интересъ для изслѣдователя экономической исторіи и служить, въ то же время, однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ вліянія протекціонизма на все народное хозяйство. Исторія американскаго бюджета сводится къ слѣдующимъ тремъ цифрамъ: въ 1861 году весь бюджетъ составлялъ 210 милліоновъ, въ 1865 году доходы достигли $2\frac{1}{2}$ милліардовъ, въ настоящее время средній бюджетъ составляетъ 1,600 милліоновъ. Не меньше интереса представляетъ возстановленіе валюты, конверсія долговъ, постепенный выкупъ ихъ и т. д. Въ 1873 г. долги уменьшились на 50 милліоновъ, въ 1874 г.—на 60 милл., въ 1877 г.—уже на 215 м., въ 1881 г.—на 310 м., въ 1882 г.—на 340 милліоновъ, въ общемъ въ теченіе двадцати лѣтъ погашено свыше 5 милліардовъ. Къ 1865 г. долги простирались до 14 милліардовъ, средній размѣръ процента былъ $6,34\%$, что составляло на всю сумму 750 милліоновъ въ годъ. Въ 1868 г. долгъ уменьшился до $12\frac{1}{2}$ милліардовъ, средній размѣръ процента — до $5\frac{1}{2}\%$, годовой платежъ—до 650 милліоновъ, а въ 1884 г. долгъ сократился до 9 милліардовъ, средній размѣръ процента—до $3,92\%$, а годовой платы—до 300 милліоновъ. Въ настоящее время долгъ состоитъ изъ 1,250 милліоновъ $4\frac{1}{2}\%$, погашеніе которыхъ можетъ быть произведено не раньше 1891 г., 3,960 м. 4% съ погашеніемъ въ 1907 г. и 320 милліон. 3% . Если бы правительство не было связано ограниченіями относительно сроковъ погашенія займовъ, оно могло бы въ настоящее время, благодаря блистательному состоянію бюджета, погашать долги быстрѣе, чѣмъ это дѣлается. Что касается бумажныхъ денегъ, циркулирующихъ на 1,780 милліоновъ, то взаимѣнъ ихъ въ казначействахъ имѣется металла почти на такую же сумму. Таковы результаты финансовой политики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Посланіе президента Кливелэнда и попытки перейти отъ протекціонизма къ болѣе свободному отношенію въ тарифной политикѣ, предложенія понизить косвенные налоги для уменьшенія излишковъ въ бюджетахъ,—вотъ новѣйшіе факты изъ экономической исторіи этой страны. Со всѣми этими событіями въ краткомъ, ясномъ изложеніи знакомитъ очеркъ, заглавіе котораго мы приведемъ выше.

Essai sur l'amortissement et sur les emprunts d'états par M. Cucheval-Clarigny. Paris, Guillaumin, 1887. Въ виду сильнаго увеличенія государственныхъ долговъ почти во всѣхъ государствахъ Европы, всѣ, связанные съ этимъ явленіемъ, вопросы приобрѣтаютъ значительный интересъ; между этими вопросами способы погашенія долговъ имѣютъ немаловажное значеніе. Авторъ знакомитъ въ своей книгѣ съ погашеніемъ долговъ въ трехъ странахъ: въ Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Большая часть книги, впрочемъ, посвящена Англіи, въ которой раньше другихъ странъ былъ учрежденъ погасительный фондъ. Съ большою ясностью изложены въ книгѣ всѣ перемѣны, происходившія въ Англіи въ ростѣ и въ способахъ погашенія

долговъ, отмѣчены всѣ выдающіеся моменты этой въ высшей степени поучительной исторіи. Заключение автора сводится къ тому, что погашеніе долговъ возможно лишь подъ однимъ условіемъ, когда доходы страны превышаютъ ея расходы и когда для погасительнаго фонда не надо требовать отъ плательщиковъ чрезмѣрныхъ налоговъ. Если же погашеніе производится на счетъ новыхъ займовъ, оно становится невыгоднымъ, какъ это и имѣло мѣсто въ Англии. Исторія англійскаго погасительнаго фонда представляетъ, въ то же время, прекрасную иллюстрацію роста государственныхъ долговъ въ этой странѣ и полное безсиліе министерства придать погашенію реальный характеръ, пока для удовлетворенія потребностей страны приходится прибѣгать къ новымъ займамъ. При такихъ условіяхъ,—а такія именно имѣли не разъ мѣсто въ Англии,—погашеніе носить совершенно фиктивный характеръ,—оно не уменьшаетъ, а часто увеличиваетъ долгъ. Погасительный фондъ, вслѣдствіе связи своей съ финансовыми мѣропріятіями, приобретаетъ еще болѣшій интересъ, такъ какъ въ этой связи раскрываются любопытныя страницы изъ исторіи англійскихъ финансовъ. Прямую противоположность представляетъ финансовая исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, быстрое накопленіе долговъ, но еще болѣе быстрое погашеніе ихъ. Въ этомъ отношеніи Америка является чисто-феноменальною страной: въ ней доходы, въ теченіе многихъ лѣтъ, превышаютъ расходы, налоги не уменьшались, а излишекъ обращался на погашеніе долговъ, заключенныхъ преимущественно во время гражданской войны. Въ краткихъ чертахъ переданы въ книгѣ существенные моменты изъ исторіи американскихъ долговъ; исторія доведена до нашихъ дней. Особенное положеніе Американскихъ Штатовъ, сумѣвшихъ быстро избавиться отъ бумажныхъ денегъ, представляетъ значительный интересъ въ связи съ финансовымъ положеніемъ этой страны. Последняя глава посвящена способамъ заключенія займовъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, формулированы слѣдующимъ образомъ: займы въ формѣ вѣчныхъ рентъ должны имѣть мѣсто въ дни кризиса, когда деньги нужны безъ промедленія; занимать выгоднѣе изъ высокаго процента, чѣмъ жертвовать капиталомъ при низкомъ процентѣ, такъ какъ въ первомъ случаѣ возможна конверсія. Лучшій способъ заключенія займовъ—это практикуемые въ Англии займы на краткій срокъ, погашаемые изъ отставковъ бюджета, при посредствѣ временнаго возвышенія налоговъ. Постоянные долги должны быть связаны съ правильнымъ погашеніемъ, хотя бы незначительнымъ, но непрерывнымъ; увеличеніе погашенія должно имѣть своимъ источникомъ излишекъ въ доходахъ надъ расходами. При невозможности заключать займы на короткій срокъ, предпочтительнѣе заключать ихъ на болѣе долгій срокъ, въ крайнемъ только случаѣ заключать вѣчные займы безъ опредѣленія срока погашенія. Если погашеніе долговъ будетъ поставлено необходимымъ требованіемъ, правительства будутъ осторожнѣе относиться къ заключенію займовъ, не будутъ такъ легко тратиться на безплодныя войны и избавятъ плательщиковъ отъ лишнихъ тягостей.

Die Städtische Sparkasse zu Berlin in ihrer Einrichtung und Geschäftsführung dargestellt von L. Thiele. Berlin, 1887. Въ небольшой книгѣ авторъ представилъ исторію берлинской городской сберегательной кассы и всѣ измѣненія, какія, съ начала вѣка, со времени основанія кассы, произошли въ этомъ учрежденіи. Само по себѣ, это учрежденіе не внесло ничего новаго, оно поражаетъ только своими раз-

мѣрами, такъ какъ въ другихъ странахъ однѣ государственныя кассы сумѣли собрать такія большія суммы, какія стекаются въ берлинскую кассу. Уставъ кассы мало отличается отъ уставовъ другихъ сберегательныхъ кассъ; можно только отмѣтить слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, часть барышей кассы поступаетъ на устройство городскихъ школъ, а такъ какъ барыши достигаютъ большихъ размѣровъ, то, со времени существованія кассы, для этой цѣли было употреблено болѣе милліона марокъ. Вторая особенность заключается въ той особенной организаціи отдѣлений кассы, которая принята въ Берлинѣ. Кромѣ отдѣлений, въ которыхъ дѣлами кассы завѣдуютъ особые чиновники, въ различныхъ частяхъ города имѣется 72 отдѣленія, которыми завѣдуютъ пользующіеся почетомъ граждане, большею частью купцы, въ своихъ лавкахъ. Они безвозмездно берутъ на себя приемъ вкладовъ, выдачу квитанцій и такимъ путемъ не только избавляютъ кассу отъ излишнихъ расходовъ, но и въ значительной мѣрѣ сближаютъ гражданъ съ учрежденіями, созданными для общей пользы. Нельзя не отмѣтить еще, что касса эта является однимъ изъ многочисленныхъ учреждений, находящихся подъ вѣдѣніемъ городского управленія, сумѣвшаго съ теченіемъ времени охватить самыя разнообразныя стороны городской жизни и удовлетворять многимъ изъ самыхъ важныхъ потребностей. Съ этой стороны изученіе хозяйства города Берлина представило бы значительный интересъ и было бы весьма поучительно для друзей нашего городского самоуправленія, не умѣющаго еще справиться съ самыми незамысловатыми задачами. Кромѣ устава, въ книжкѣ Тила подробно объяснено управленіе кассой и ея фондами и приведены бланки всѣхъ документовъ, квитанцій и счетовъ, связанныхъ съ веденіемъ дѣлъ кассы.

Parva economica von Otto Effertz. Bonn. Verlag der Schönbuchhandlung (Otto Paul). 1888. Имя этого оригинальнаго писателя нѣсколько извѣстно нашей публикѣ; въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли* за 1885 г. мы помѣстили рецензію о другой его работѣ—*Объектъ политической экономіи*. Въ то время, какъ въ первой работѣ на ряду съ тяжелыми, запутанными схоластическими разсужденіями изрѣдка попадались весьма оригинальныя мысли о производительности капитала, о фондѣ рабочей платы, о различіи между частнымъ хозяйствомъ и народнымъ, объ издержкахъ производства, которыя авторъ изъ пристрастія къ древнегреческимъ писателямъ приписывалъ Аристотелю, мы въ настоящей книгѣ не встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, ни новыхъ мыслей, ни развитія прежде уже высказанныхъ. Если первый опытъ автора свидѣтельствовалъ о значительной силѣ логическаго мышленія, объ умѣньи схватывать самую существенную сторону наиболѣе запутанныхъ теоретическихъ вопросовъ, то всякій, незнакомый съ первымъ опытомъ и приступающій къ чтенію вновь вышедшей книги, не найдетъ въ ней ничего, кромѣ многообъясняющаго оглавленія и логическихъ сухихъ измышленій, какихъ-то логическихъ фокусовъ и противопоставленій, абстракцій, ни на чемъ не основанныхъ, съ трудно уловимою связью между отдѣльными частями и ряда совершенно произвольныхъ положеній, не вытекающихъ ни изъ основнаго воззрѣнія автора, усвоившаго себѣ въ главныхъ вопросахъ политической экономіи довольно ясный взглядъ, ни изъ раньше высказанныхъ имъ мыслей. Стоить только вспомнить глубокопродуманныя страницы о производительности капитала, остроумныя и вѣскія возраженія противъ этого ученія, умѣнье уловить противорѣчія у самыхъ послѣдовательныхъ писателей, чтобы увидѣть, какой шагъ назадъ представляетъ новая не-

давно изданная работа. Изъ оглавленія читатель видитъ, что книга обнимаетъ такія важныя ученія, какъ теорія цѣнъ, теорія квалифицированнаго труда, трудовая теорія Маркса, производительность капитала, теорія общественныхъ антагонизмовъ и теорія конкуренціи, но, вмѣсто изложенія, книга даетъ рядъ рубрикъ, тезисовъ, отрывистыхъ положеній,—словомъ, какой-то конспектъ безъ содержанія, афоризмы, подчасъ малопонятныя. Приведемъ, напримѣръ, его отзывъ о трудовой теоріи: „Марксъ отличается тѣмъ, что его послышки по существу болѣею частью невѣрны, а выводы болѣею частью формально правильны, а послѣднія заключенія даже по существу вѣрны. Это относится къ тѣмъ выводамъ, которые сдѣланы Марксомъ изъ его трудовой теоріи и изъ ученія о квалифицированномъ трудѣ. О теоріи цѣнности этого сказать нельзя,—я не знаю ничего менѣе удачнаго, чѣмъ эта теорія. Она производитъ впечатлѣніе чего-то рожденнаго при страшныхъ боляхъ, но она, все-таки, не больше, какъ выкидышъ. Замѣчательно, что выводы изъ нея вѣрны. Эта ошибочность посылокъ при правильности выводовъ встрѣчается въ литературѣ не рѣдко; это служить доказательствомъ, что доводы проистекаютъ отъ чувства, а не отъ разума. Такъ было и у Маркса“. Чтобы произнести сужденіе, такъ сильно идущее въ разрѣзъ съ общепринятымъ, слѣдовало бы подвергнуть тщательной критикѣ ученіе Маркса и показать, какъ этотъ по справедливости всѣми признанный весьма послѣдовательнымъ писатель могъ, исходя отъ невѣрныхъ посылокъ, придти къ вѣрнымъ выводамъ. Этого въ книгѣ нельзя найти, и отзывъ о Марксѣ, какъ и почти все, что встрѣчается въ книгѣ, носитъ характеръ какихъ-то афоризмовъ, малоубѣдительныхъ и даже малопонятныхъ. Интересъ, который вызвало въ насъ появленіе новой книги, нисколько не оправдывается ея содержаніемъ. Едва ли она можетъ получить какое-либо значеніе для теоретической политической экономіи.

Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края. Томъ III. Тифлисъ, 1888 г. Большую часть третьяго тома *Свода* занимаетъ трудъ г. Медвѣдева, разобравшаго отношенія государственныхъ крестьянъ Закавказья къ казеннымъ лѣсамъ. Во времена, предшествовавшія русскому управленію, лѣса Закавказья считались государственнымъ достояніемъ, но находились въ свободномъ пользованіи всего населенія. Россія дала преимущественныя права на лѣса лицамъ высшихъ сословій, и государственные крестьяне постепенно лишались своихъ выгодъ въ пользованіи лѣсами. Въ горныхъ мѣстностяхъ, къ каковымъ принадлежитъ большая часть Закавказья, лѣса имѣютъ особое значеніе и нуждаются въ особомъ государственномъ надзорѣ,—такому надзору и предполагается подвергнуть лѣса государственныхъ крестьянъ Закавказья при предстоящей реформѣ ихъ поземельнаго устройства. Предѣлы лѣсныхъ надѣловъ предполагаются тѣ же, какіе были приняты въ Европейской Россіи, а именно $\frac{1}{4}$ десятины и 4 десятины.

Во второй части третьяго тома помѣщены очерки гг. Егіазарова и Бахтадзе. Г. Егіазаровъ описываетъ сельскую общину въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ; община имѣетъ здѣсь всесословный характеръ, и основнымъ элементомъ общины болѣею частью является дымъ, т.-е. семья. Г. Егіазаровъ продолжаетъ (какъ и въ первыхъ томахъ) полемику съ собирателями первоначальныхъ статистическихъ матеріаловъ.

Въ очеркѣ г. Бахтадзе изображены нѣкоторыя черты быта кочев-

никовъ, преимущественно еурдовъ; попутно излагаются различные эксперименты русскаго законодательства по отношенію къ этимъ кочевникамъ; въ послѣднее время у закавказскихъ кочевниковъ сказывается замѣтное стремленіе къ осѣдлости.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права“. А. С. Павлова.—„Лекціи по вѣдѣній исторіи русскаго права“. В. Латкина.—„Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ“. Т. Флоринскаго.—„Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ или соединенный процессъ“. Д. Г. Тальберга.—„Правила и программы окончательныхъ испытаній въ комиссіи юридической“. Изд. А. В. Докотко.

50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. С. Павлова. Москва, 1887 г. Знаменитый канонистъ нашъ продолжаетъ блестяще и неустанно работать въ трудной области первоисточниковъ нашего церковнаго права. Указанное сочиненіе содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, въ высшей степени цѣнныя и новыя данныя объ источникахъ разбираемой главы *Кормчей*, представляющей собою большую важность для нѣкоторыхъ вопросовъ русскаго брачнаго права; во-вторыхъ, историко-каноническій анализъ содержанія этой главы и, въ-третьихъ, рядъ приложений (текстъ 50-й гл., параллельно съ ея источниками; греческую росписъ родства и свойства, въ которыхъ бракъ запрещенъ или дозволенъ; мнѣнія и рѣшенія по дѣламъ о бракахъ при родствѣ и другихъ условіяхъ и т. п.), изъ коихъ нѣкоторыя являются впервые въ печати. Какъ спеціальныя характеръ самаго изслѣдованія, такъ и тѣхъ источниковъ, на коихъ оно основывается, не позволяетъ намъ здѣсь подробно остановиться на разборѣ выводовъ почтеннаго ученаго. Скажемъ лишь, что эти выводы, по обыкновенію, новыя, строго продуманныя и научно обоснованныя, резюмируются самимъ авторомъ такъ: 50-я гл. *Кормчей* нашей происходитъ, какъ полагаю раньше учеными, не отъ римскаго папы Павла V, издававшего ритуальъ католической церкви, въ которомъ находится подлинникъ первой части — главы статьи *О тайнѣ супружества* и не отъ хартофилаеа константинопольской партіархіи Мануила Ксанфянина, которому принадлежатъ первоисточникъ 2-й части — *О средствахъ въ тайнѣ супружества*, а отъ кievскаго митрополита Петра Могилы, который внесъ ее въ свой требникъ, въ качествѣ *обязательно* для духовенства своей митрополіи руководства при совершеніи браковъ, и отъ св. патріарховъ Іосифа и Никона съ священнымъ соборомъ, которые приняли ее, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣла она въ кievскомъ требникѣ, въ составъ изданной отъ ихъ лица *Кормчей*. Значеніе этой главы опредѣляется рядомъ принятыхъ изъ нея или установленныхъ подъ ея вліяніемъ нормъ нашего брачнаго права. Сюда относятся такія постановленія дѣйствующихъ законовъ, церковныхъ и гражданскихъ, какъ, наприм., постановленіе о необходимости взаимнаго согласія жениха и невѣсты на бракъ, о невѣнчаніи единобрачныхъ нехристіанскихъ супруговъ, принявшихъ крещеніе, постановленія объ оглашеніи брака, о свидѣтеляхъ и т. п.; о невѣнчаніи браковъ, безъ архіерейскаго разрѣшенія, въ кровномъ родствѣ и извѣстныхъ степеняхъ свойства и пр. Глубокое знаніе первоисточниковъ церковнаго права даетъ далѣе пр. Павлову возможность показать, между прочимъ,

въ чемъ законодательство и практика св. синода отступаетъ отъ подлиннаго логическаго смысла правилъ церкви о видахъ родства, составляющихъ препятствіе къ браку. Отиѣтимъ еще требованіе почтеннаго ученаго о томъ, что родство физическое или незаконное (если, конечно, оно извѣстно), а также родство по усыновленію, должно признаваться препятствіемъ къ браку, до извѣстныхъ степеней. Наконецъ, по требованію пр. Павлова, новый способъ счисленія степеней свойства, по которому каждый изъ супруговъ въ отношеніи къ кровнымъ родственникамъ другаго принимается за особую степень, долженъ быть отвергнутъ однажды навсегда, какъ прямо антиканоническій (стр. 219—226). Вообще, повторяемъ, трудъ пр. Павлова—истинный вкладъ въ трудную науку источниковъ нашего церковнаго права.

Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Московское государство—Россійская имперія. В. Латкина. Спб., 1888 г. Читая означенныя лекціи, все время, несомнѣнно, находишься „въ средѣ умѣренности и аккуратности“ съ одной стороны, но и среди скуки и полнаго почти отсутствія оригинальной мысли—съ другой. Намъ кажется, что послѣднее, по крайней мѣрѣ, можетъ быть объяснено, между прочимъ, тою необычайною торопливостью, съ которою авторъ печатаетъ свои произведенія. Въ монографіяхъ, при трудолюбіи и иныхъ условіяхъ, эта торопливость не приноситъ еще особаго вреда хотя бы потому, что мысль, сосредоточенная на одномъ предметѣ, легче можетъ проявить тѣ или иные свойственныя ей у даннаго автора качества; совсѣмъ иное дѣло—лекціи, гдѣ невольно надо касаться цѣлаго ряда вопросовъ, притомъ, въ обширныхъ предѣлахъ цѣлыхъ вѣковъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ предметахъ историческихъ; тутъ уже нужна и большая общая подготовка, и просто достаточное количество времени, чтобы сужить обдуманно и самостоятельно отнестись къ матеріалу и литературѣ. То-го и другаго совсѣмъ недостаетъ у автора. Именно, обращаясь къ лекціямъ г. Латкина, мы видимъ, что онъ вѣрно передаетъ содержаніе и литературу памятниковъ, но укладываетъ все это въ довольно шаблонныя рамки, мало давая „своего“. Далѣе, во внѣшней исторіи права или въ исторіи законодательныхъ памятниковъ, какъ ее опредѣляетъ авторъ, первѣйшею задачей, конечно, должно быть уясненіе какъ общихъ причинъ, такъ и ближайшихъ поводовъ, вызывавшихъ изданіе того или другаго памятника права, въ особенности—кодекса или вообще какого-либо важнаго общаго законодательнаго акта. Эта задача въ лекціяхъ г. Латкина, однако, является, особенно по отношенію къ XVIII—XIX вѣкамъ, довольно мало развитою и совсѣмъ почти не приведенною въ связь съ тѣми общественными движеніями, которыя и у насъ, какъ вездѣ, вызывали пересмотръ законодательства. Отдавая много мѣста подробному обзору содержанія памятниковъ, обзору вообще въ его изложеніи мало интересному и слишкомъ формальному, авторъ на указанной задачѣ исторіи законодательныхъ памятниковъ останавливается и бѣгло, и недостаточно глубоко.

Въ „Библиографич. отдѣлѣ“ нашего журнала (май) былъ данъ уже отзывъ о новыхъ важныхъ матеріалахъ по уложенному собору, открытыхъ А. Н. Зерцаловымъ и частію напечатанныхъ имъ въ *Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ* В. Н. Латкина. Въ разбираемыхъ лекціяхъ г. Латкинъ говоритъ, однако, такъ о послѣднихъ: „эти документы найдены мною, благодаря указаніямъ А. Н. Зерцалова, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и изданы въ моихъ *Матеріа-*

лахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII в.“ (стр. 113). Намъ кажется не совсѣмъ-то понятнымъ выраженіе: „найденъ мною, благодаръ указаніямъ“ такого-то; не проще ли было бы сказать: „найденъ такимъ-то“?...

Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ. (Хрисовулы. Сербскій законникъ. Сборникъ византійскихъ законовъ). Изслѣдованіе Т. Флоринскаго. Кіевъ, 1888 г. Нельзя не остановиться съ чувствомъ большого удовольствія передъ обширнымъ и полнымъ новымъ матеріаломъ изслѣдованіемъ профессора Флоринскаго. Такія изслѣдованія служатъ у насъ двойную и хорошую службу. Во-первыхъ, они обогащаютъ исторію русскаго права массою матеріала, весьма важнаго для уясненія общихъ первоначальныхъ основъ славянскаго правосознанія. Во-вторыхъ, они лучше всего помогаютъ укрѣпленію свободнаго литературнаго единенія славянъ на почвѣ тѣхъ общекультурныхъ трудовъ и задачъ, которыя въ громадномъ количествѣ еще неразрѣченныя лежатъ предъ славянскимъ міромъ. И здѣсь-то русскіе славяне прежде всего и больше всего и должны бы были работать. Какъ извѣстно, по новому университетскому уставу, у насъ уничтожена каведра славянскихъ законодательствъ, т.-е., иначе говоря, прекращена официальная поддержка изученію славянскаго права. У насъ теперь почти одной общественной литературной самодѣятельности предоставлено разрабатывать то, что называется „славяновѣдѣніемъ“. Поэтому въ особенности нельзя не привѣтствовать громаднаго труда проф. Флоринскаго по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ сербской исторіи.

Обращаясь къ этому труду, мы видимъ, что онъ посвященъ по преимуществу такъ называемой внѣшней исторіи памятниковъ, связанныхъ съ законодательною дѣятельностью Ст. Душана. Поиски автора за рукописями и списками, произведенные имъ въ Россіи, Болгаріи, Сербіи, Хорватіи и др., дали ему возможность не только издать теперь рядъ грамотъ и различныхъ сербскихъ компиляцій византійскихъ законовъ, весьма важныхъ и для нашего древняго права, но и изучить самый законникъ Душана въ цѣломъ рядѣ редакцій, мало или вовсе неизвѣстныхъ (неизданныя помѣщены авторомъ въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими памятниками). Общій выводъ почтеннаго изслѣдователя тотъ, что „господствовавшій доселѣ взглядъ на объемъ и характеръ законодательной дѣятельности Душана требуетъ существенной поправки. Дѣятельность эта вовсе не ограничивалась изданіемъ такъ называемаго законника и грамотъ, какъ обыкновенно думаютъ; она выразилась въ явленіи еще болѣе крупномъ и важномъ: въ обнародованіи *полнаго кодекса сербскихъ законовъ*, въ которомъ собственно Душановъ законникъ представлялъ лишь *одну небольшую отдѣлъ* и главную основу котораго составляли сборники византійскихъ законовъ—сокращенная сянтагма М. Властара и „Законъ царя Юстиніана“. Последніе сборники впервые являются въ трудѣ г. Флоринскаго изслѣдованными со стороны ихъ исторіи и отношенія къ сербскому законнику. Что касается этого законника, то авторъ ограничивается сравнительно критическимъ изученіемъ многихъ его рукописей, ихъ классификаціею и рѣшеніемъ вопроса о редакціи. Всему этому критическому разбору предшествуетъ введеніе, которое посвящается общей оцѣнкѣ дѣятельности Ст. Душана въ управленіи и законодательствованіи. Авторъ смотритъ очень скромно на цѣль своей книги: „подготовить данные памятники для болѣе

подробнаго изученія ихъ содержанія славянскими историками и юристами“. Послѣднимъ обстоятельствомъ, надо, конечно, объяснить, что блистательно „подготовленному“ материалу авторъ не даетъ почти историко-юридическихъ, весьма необходимыхъ для полнаго пониманія издаваемыхъ узаконеній. Несомнѣнно, авторъ, при его эрудиции, могъ бы дать такіа объясненія, не дожидаясь славистовъ-юристовъ, особенно теперь, когда таковыхъ по штату и не полагается вовсе. Остается искренно пожелать, чтобы такіа объясненія и были имъ даны, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ терминологіи памятниковъ.

Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ или соединенный процессъ. Исслѣдованіе Д. Г. Тальберга. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к. Настоящее исслѣдованіе почтеннаго кіевского профессора, по своему предмету, представляетъ много интереснаго и весьма важно какъ для юриста-теоретика, такъ и для практика; до сихъ поръ значительная часть вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ, не получила еще удовлетворительнаго рѣшенія въ литературѣ, а въ судебной практикѣ и законодательствахъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются крайне неправильно. Сознвая это и чувствуя необходимость пополнить крупный пробѣлъ отечественной литературы, г. Тальбергъ и избралъ предметомъ своего новаго труда „соединенный процессъ“. Насколько выполнилъ онъ свою задачу, увидимъ изъ нижеслѣдующаго. Все сочиненіе разбито авторомъ на четыре главы: въ первой заключается общее ученіе о соединенномъ процессѣ; вторая отведена для изложенія историческаго хода развитія соединеннаго процесса и его постановки въ дѣйствующемъ законодательствѣ на западѣ Европы; двѣ послѣднихъ посвящены русскому законодательству, его исторіи и нынѣ дѣйствующему и составляютъ большую часть книги (изъ 212 стр.—142).

Что касается теоретическаго отдѣла труда (гл. I), то онъ насъ не удовлетворилъ: слишкомъ въ немъ мало самостоятельнаго, много повтореній, перифразъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень не полонъ. Неполнота его должна была сознаваться и авторомъ, ибо онъ, въ ущербъ систематичности, въ дальнѣйшемъ изложеніи принужденъ былъ неоднократно обращаться къ теоретическому обосноваію того или другаго вопроса; какъ на примѣры, укажемъ на стр. 112, 153 и 187. Въ ущербъ той же систематичности, по нашему мнѣнію, почтенный ученый сперва коснулся того, что соединенный процессъ принадлежитъ къ уголовному судопроизводству и составляетъ одну изъ его процессуальныхъ формъ, а потомъ уже занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, можно ли соединенный процессъ, какъ процессіонную форму, допускать вообще (стр. 19 и 21). Въ другихъ главахъ встрѣчаются также неудачныя мѣста. Такковы, наприм., слѣдующія: 1) передавая слова *Muyart du Vouglans* о правѣ гражданскаго истца, при невозможности требовать наказанія, просить о присоединеніи для представленія объ уголовной отвѣтственности заключенія прокуратуры, авторъ перевелъ *la jonction du ministère public* фразой „присоединеніе публичнаго министерства“ (стр. 55); 2) замѣчается нѣкоторое смѣшеніе понятій: „уголовное и гражданское дѣло“ и „розыскной и обвинительный процессъ“, причемъ разграниченіе того и другаго процесса въ московскій періодъ считается основаннымъ на „чисто-внѣшнемъ и случайномъ признакѣ“, между тѣмъ какъ таковыя признакомъ (стр. 71 и 72) является констатированіе очень важнаго факта: „вѣдомый лхой“ человекъ обвиняемый или человекъ „добрый“; 3) возстановленіе нарушеннымъ преступленіемъ правъ по русско-

му законодательству опредѣляется (стр. 130) проф. Тальбергомъ не совсѣмъ вѣрно: реституція касается не только предметовъ, изъятыхъ изъ владѣнія другаго противузаконнымъ образомъ, и не только вещественныхъ доказательствъ, но также и построекъ, наприм., введенныхъ противно *Строительному Уставу, Обязательнымъ постановленіямъ городской думы* и т. п.; 4) не допуская передачи и уступки права на гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ и говоря, что цессіонеры—лица, не имѣющія „нивакого отношенія къ факту преступленія“, авторъ, очевидно, забываетъ, что передача и уступка означеннаго права можетъ быть не всегда безвозмездна и что самъ гражданскій истецъ съ фактомъ преступленія связанъ, главнымъ образомъ, лишь матеріальнымъ интересомъ (стр. 157); 5) едва ли вѣрно и то, что нашъ законъ „непослѣдователенъ“, налагая гражданскую отвѣтственность на некущихся о малолѣтнихъ и сумасшедшихъ, если послѣдніе, благодаря небрежности первыхъ, причиняютъ кому-либо вредъ и убытки; утвержденіе исследователя (стр. 162), что и въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ признать „безотвѣтственность“ виновныхъ посредственно, совсѣмъ не выдерживаетъ критики.

Переходя отъ недостатковъ книги къ ея достоинствамъ, мы должны, прежде всего, заявить, что читается она весьма легко. Затѣмъ, интересующіеся достаточно оригинальною постановкой соединеннаго процесса въ Австріи и Франціи могутъ найти въ разбираемомъ изслѣдованіи довольно подробно и вполнѣ добросовѣстное изложеніе законодательныхъ постановленій этихъ странъ (на другихъ законодательствахъ авторъ останавливается меньше). Наконецъ, отечественные юристы увидятъ въ авторѣ знатока русскаго права и нашей судебной практики, не только хорошо изучившаго законы и ихъ примѣненіе, но и критически, въ большинствѣ случаевъ, вѣрно, на основаніи научно выработанныхъ положеній относящагося къ нимъ. Такимъ образомъ, настоящее произведеніе—если и не крупный вкладъ въ сокровищницу *науки*, то, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно пополненіе пробѣла въ *нашей* литературѣ.

Правила и программы окончательныхъ испытаній въ комиссіи юридической, съ указаніемъ руководствъ и пособій по всѣмъ входящимъ предметамъ. Изданіе А. В. Локотко. М., 1888 г. На грустныхъ размышленіяхъ наводитъ это изданіе г. Локотко. Какъ извѣстно, черезъ годъ студентамъ нашимъ предстоитъ явиться предъ испытательными государственными комиссіями. Программы испытаній въ комиссіи юридической только что появились. Но программы эти составлены вообще такъ неопредѣленно и по нѣкоторымъ предметамъ столь вкратце, что рѣшительно не даютъ ничего для сужденія о размѣрахъ требованій. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляется программа по гражданскому процессу, по исторіи русскаго права и др. Наприм., по многовѣковому вопросу о кодификаціи сказано буквально слѣдующее: „*Судебники* (указныя книги приказовъ), *Уложеніе 1649* г., *Сводъ Законовъ*“. Что именно надо знать здѣсь экзаменуемому, каковъ объемъ требованій по каждому изъ данныхъ столь обширныхъ, какъ *Уложеніе, Сводъ Законовъ, памятникы права*,—все это остается неизвѣстнымъ. Эта неизвѣстность, конечно, отчасти разсѣется,—достаточно будетъ знать составъ комиссій, чтобы до нѣкоторой степени понять и объемъ ихъ требованій по данному предмету. Года черезъ три-четыре, какъ это ни грустно, всѣ студенческія знанія, *volens-nolens*, сведутся на то, что спрашивается въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ. Но пока надо готовиться и въ виду не-

опредѣленности программъ надо хотъ имѣть списокъ учебниковъ. Это от- лично понялъ г. Локотко и согласно, вѣроятно, правилу „лови моментъ“, выпустилъ свое указаніе руководство и пособій. Однако, нельзя посо- вѣтовать пользоваться такимъ указаніемъ ни одному студенту, если только онъ хочеть приготовиться именно къ экзамену, а не просто про- четь изъ любознательности нѣсколько хорошихъ или плохихъ книгъ, указанныхъ г. Локотко. По нѣкоторымъ предметамъ указанія г. Локот- ко составлены до того странно, что можно сомнѣваться вообще въ ком- петентности составителя. Напр., по исторіи философіи права программа испытательной комиссіи требуетъ, какъ извѣстно, свѣдѣній по древней греческой философіи и, въ особенности, по ученіямъ Платона и Ари- стотеля, даже свѣдѣній объ ученіяхъ римскихъ стоиковъ, эпикурейцевъ, юристовъ и проч. Изъ философскихъ же системъ послѣдующаго време- ни ясно и опредѣленно указаны только ученіе Гуго Гроція объ есте- ственномъ правѣ, Монтескьё—о духѣ законовъ и ученіе Савиньи объ исторической школѣ въ правѣ. На этомъ и заканчивается программа. Что же указываетъ г. Локотко? Буквально слѣдующее: Кантъ—*Крити- ка чистаго разума*, Льюисъ—*Исторія философіи*, Тэнъ—*Объ умъ и по- знаніи*; его же: *Философія искусства и объ идеаль въ искусствѣ* со статьею Миля—*Значеніе искусства въ общей системѣ воспитанія*. Хо- рошія, конечно, это книжки, но за исключеніемъ Льюиса, да и то не вполне, ни по одной изъ нихъ къ экзамену по философіи права приго- товиться нельзя, а провалиться можно. Далѣе, по энциклопедіи права, авторъ указаній называетъ, кромѣ Реннекампа, только *Энциклопедію государственнаго права* Моля, книгу опять-таки не имѣющую почти ни- какого отношенія къ программѣ вопросовъ испытательной комиссіи. И нельзя сказать, чтобы не было у насъ по этимъ предметамъ вовсе книгъ, которыя имѣли бы дѣйствительно прямое отношеніе къ вопросамъ программъ. Такъ, по исторіи философіи права надо назвать Поля Жа- нэ: *Histoire de la science politique*, т. I, переведенный и по-русски Ва- сильевымъ; Чичерина—*Исторія политическихъ ученій*, т. I; политику Аристотеля, въ переводѣ Скворцова, и нѣкоторыя другія; по энцикло- педіи—Коркунова: *Лекціи по общей исторіи права*, книгу Деларова и друг. Въ указаніяхъ по международному праву пропущены г. Локотко такіе труды, какъ Мартенса или Гефтера (перев. Таубе). По финансо- вому праву, совершенно безъ всякаго отношенія къ программѣ, указаны: *Исторія финансовъ учрежденій* гр. Толстаго; *Финансы Россіи* Блю- ха и друг. Также очень случайны, притомъ, то слишкомъ подробны, то кратки, указанія и по другимъ предметамъ; исключеніе составляютъ развѣ указанія по исторіи русскаго права, да и то потому, вѣроятно, что здѣсь всего-то существуетъ два-три учебника, такъ что и ошибать- ся трудно. Вообще остается пожелать, чтобы указанія г. Локотко съ большою осторожностью или даже вовсе не принимались бы во внима- ніе студентами, готовящимися къ государственному экзамену.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Практическое земледѣліе“. А. Розенберга-Липинскаго. — „Овцеводство“. П. Кулешо- ва. — „Арденская лошадь и условия скрещиванія ея съ русскими лошадьми“. А. В. Арон- дара и П. А. Вильдерлина. — „О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ“. В. Г. Ко- телничкова. — „Хлѣбъ и его разведеніе въ Россіи и за границей“. Р. И. Шребера.

Практическое земледѣліе. А. Розенберга-Липинскаго. Переводъ нѣмецкаго П. Костычева, съ измѣненіями и дополненіями въ

примѣненіи къ Россіи. Изданіе четвертое, вновь просмотрѣнное и дополненное. Спб. Изд. Девріена. 1888 г. Цѣна 3 рубля. Кажется, это единственный примѣръ появленія на русскомъ языкѣ четвертымъ изданіемъ большаго сочиненія съ сельско-хозяйственнымъ содержаніемъ. Мы находимъ секретъ такого успѣха въ томъ, что книга Розенберга-Липинскаго отнюдь не компиляція, а совершенно оригинальное самостоятельное произведеніе, послѣдовательно и цѣльно проводящее основныя мысли автора. Многіе совѣты стараго практика идутъ въ разрѣзъ съ современными требованіями научнаго земледѣлія, и, тѣмъ не менѣе, руководство Розенберга не потеряло своего крупнаго педагогическаго значенія.

Дополненія и измѣненія переводчика слишкомъ ужъ тѣсно переплетены съ текстомъ, такъ что, не имѣя подъ руками оригинала, совершенно нельзя рѣшить, что принадлежитъ Розенбергу и что г. Костычеву. По сравненію съ третьимъ изданіемъ сдѣланы поправки и прибавленія къ главѣ о зеленомъ удобреніи, причемъ переводчикъ въ разрѣзъ расходится съ авторомъ, и затѣмъ еще вкратцѣ приведены результаты русскихъ опытовъ по удобренію фосфоритами.

Не сообщая почти никакихъ свѣдѣній объ орудіяхъ и машинахъ, переводчикъ напрасно указываетъ въ предисловіи на возможность пользоваться книгою г. Черныяева: книга эта давно уже разошлась въ продажѣ.

Начинающіе хозяева извлекутъ для себя большую пользу изъ внимательнаго знакомства съ *Практическимъ земледѣліемъ* Розенберга-Липинскаго.

Овцеводство. Составилъ П. Кулешовъ. Съ 63-мя рисунками и 3-мя раскрашенными таблицами. Спб. Изданіе Девріена. 1888 г. Цѣна 95 коп. *Учебникъ овцеводства*, составленный по порученію департамента земледѣлія доцентомъ Петровской академіи П. Н. Кулешовымъ, принадлежитъ къ той же серіи дешевыхъ учебниковъ, къ которой относятся ранѣе изданныя руководства по коневодству, свиноводству и общей зоотехніи. *Учебникъ овцеводства* написанъ вполне компетентнымъ практикомъ и по содержанію своему заслуживаетъ особеннаго вниманія южно-русскихъ хозяевъ. Въ литературномъ отношеніи *Учебникъ* отдѣланъ болѣе тщательно, нежели предшествовавшій по выходу *Учебникъ свиноводства*. Въ довольно подробномъ описаніи породъ, равно какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи приняты во вниманіе результаты капитальной работы по статистикѣ русскаго овцеводства, исполненной при министерствѣ государственныхъ имуществъ.

На первой страницѣ *Учебника* сдѣлана довольно смѣлая попытка исчисленія овецъ „на всемъ земномъ шарѣ“; къ сожалѣнію, не указаны источники этого исчисленія.

Шерстовѣдѣніе изложено сжато и ясно, хотя, конечно, теоретическое изложеніе подобнаго предмета не можетъ замѣнить практическихъ занятій.

Въ отдѣлѣ бонитировкѣ при выборѣ направленія для овцеводства подѣ „современнымъ“ направленіемъ разумѣется такое, которое наиболѣе удовлетворяетъ настоящимъ требованіямъ шерстянаго рынка. Кормленіе, уходъ, мойка, стрижеа и болѣзни овецъ изложены въ краткихъ основныхъ чертахъ.

Въ ветеринарномъ отдѣлѣ для насъ осталась непонятною фраза (стр. 153), гласящая, что болѣзни овецъ весьма трудно излечиваются вслѣдствіе слабой реакціи организма на гѣбарственныя средства (а эта слабая

реакція приписывается нѣжной конституціи и слабому развитію нервной системы).

Учебникъ г. Кулешова непременно найдетъ себѣ широкое распространѣніе какъ между учащимися, такъ и между хозяевами, и скоро потребуетъ новаго изданія.

Арденская лошадь и условія скрещиванія ея съ русскими лошадьми. Я. В. Арондара и П. А. Бильдерлинга. Спб., 1888 г. Цѣна 45 коп. Брошюра эта, изданная К. И. Масляниновымъ, представляетъ собою перепечатку двухъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ *Самскій Хозяинъ*. Оба автора горячо защищаютъ достоинства арденской породы и елико возможно унижаютъ другія породы, выбираемыя для улучшения русскихъ сельско-хозяйственныхъ лошадей. Г. Бильдерлингъ отваживается даже пустить камень въ англійскихъ рабочихъ лошадей, именую ихъ „слонами и чудовищами“, находя, что онѣ „недостаточно древни, а потому и мало представляютъ гарантій въ константности“ (стр. 7). Изъ приводимаго г. Бильдерлингомъ расчета (стр. 13 и 14) видно, что работа арденскихъ лошадей въ его собственномъ хозяйствѣ обходится вовсе не дешево, а именно одинъ лошадиный день стоилъ 98 копѣекъ. Замѣтимъ встаети, что убыточность арденскихъ лошадей для средне-русскаго хозяйства доказана долговременнымъ опытомъ ихъ содержанія на фермѣ Петровской академіи, хотя стоимость лошадиного дня на этой фермѣ около 90 коп., т.-е. меньше, чѣмъ у г. Бильдерлинга.

Подыскивая оправданія къ употребленію арденской лошади въ южно-русскомъ хозяйствѣ, г. Арондаръ не затрудняется утверждать, будто климатъ Арденской провинціи сходенъ съ климатомъ нашей Украйны (стр. 38—39).

Несмотря на нѣкоторую парадоксальность основныхъ положеній, брошюра читается съ интересомъ. Издана она изящно и снабжена тремя портретами арденскихъ лошадей.

О воадѣльваніи картофеля и корнеплодовъ. В. Г. Котельникова. Спб. Изданіе Деврїена. 1888 г. Цѣна 25 коп. Это новый выпускъ давно начатыхъ *Бесѣдъ по земледѣлію*; помѣщаемыя здѣсь бесѣды (съ 36-й по 41-ю) излагаютъ культуру картофеля, свекловицы сахарной, свекловицы кормовой, моркови и рѣпы. Все это такія культуры, которыя, помимо непосредственно промышленнаго значенія, представляются еще важными, какъ факторы сельско-хозяйственнаго прогресса. Изложеніе мало чѣмъ отличается отъ изложенія прежнихъ выпусковъ. Еще усилено цитированіе примѣровъ изъ современной русской практики, и мы находимъ такое усиленіе весьма умѣстнымъ и оживляющимъ чтеніе. Большая часть примѣровъ заимствована, повидимому, изъ министерскихъ изданій. Конечно, указаніе источниковъ совершенно ненужно для небольшой брошюры, но иногда отсутствіе указаній ставитъ читателя въ тупикъ: такъ, напримѣръ, мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда г. Котельниковъ могъ получить свѣдѣнія (стр. 36) о томъ, что „въ *большой части хозяйствъ* уѣздовъ: Лебединскаго, Сумскаго и Ахтырскаго сѣютъ свеклу на кормъ“; частнымъ путемъ собрать такія свѣдѣнія довольно трудно, а, между тѣмъ, никакое учрежденіе не производило, кажется, специальныхъ изслѣдованій по этому предмету.

Новый выпускъ *Бесѣдъ по земледѣлію* можетъ быть, во всякомъ случаѣ, названъ полезнымъ приобрѣтеніемъ нашей сельско-хозяйственной литературы.

Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницею. Сочиненіе

Р. И. Шредера. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. Изд. Девриена. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Маслитый ветеранъ русскаго садоводства справедливо называетъ свою книгу о хмѣлѣ не только наставленіемъ къ разведенію хмѣля, но и матеріаломъ для исторіи русскаго хмѣлеводства. Новое изданіе представляетъ собою не простую перепечатку втораго изданія (вышедшаго въ 1881 г.), но значительныя дополненія къ этому изданію, знакомящія, между прочимъ, и съ результатами послѣдняго сѣзда хмѣлеводовъ, происходившаго осенью 1887 года въ Москвѣ. Порядокъ экспертизы на этомъ сѣздѣ, приведшій къ столь сильнымъ раздорамъ между хмѣлеводами и пивоварами, представляется г. Шредеру неправильнымъ: авторъ высказывается противъ раздѣльной экспертизы хмѣлеводовъ и пивоваровъ и въ пользу смѣшанной экспертизы.

Описаніе гуслицкаго хмѣлеводства, сдѣланное г. Шредеромъ, плѣняетъ своею художественною простотою. Полагаемъ, что еще надолго Хмѣль Р. И. Шредера вмѣстѣ со 2-ю частью *Основъ полевой культуры* И. А. Стебута останется основнымъ руководствомъ для русскихъ хмѣлѣводовъ.

М Е Д И Ц И Н А.

„Архивъ психіатріи, нейралогіи и судебной психопатологіи“.

Архивъ психіатріи, нейралогіи и судебной психопатологіи, издаваемый подъ редакціей П. И. Ковалевскаго. Годъ 6-й. Томъ XI—№ 1. Т. XI—№ 2-й. Проф. П. И. Ковалевскій время отъ времени продолжаетъ свои нападки на земство по поводу постановки дѣла призрѣнія душевно-больныхъ въ заведеніяхъ послѣдняго, пользуясь всякимъ, иногда совсѣмъ неподходящимъ случаемъ. Обычный его приѣмъ заключается въ искусственномъ подборѣ фактовъ, въ группировкѣ темныхъ сторонъ и замалчиваніи свѣтлыхъ. Не довольствуясь этимъ, проф. Ковалевскій зачастую прегрѣшаетъ противъ истины и прямыхъ путемъ, утверждая невѣрные или несуществующіе факты.

Несправедливые упреки, обращенные огуломъ къ цѣлому общественному учрежденію, каково земство, должны быть осуждаемы тѣмъ строже, чѣмъ выше компетенція упрекающаго лица и чѣмъ больше способъ имѣть данное лицо для всесторонняго знакомства съ предметомъ. Г. Ковалевскій, проф. психіатріи въ русскомъ университетѣ и бывший завѣдующимъ врачомъ въ земскомъ домѣ для умалишенныхъ, по самому своему положенію долженъ и можетъ знать, въ какомъ состояніи находятся призрѣніе душевно-больныхъ въ Россіи вообще и въ земскихъ губерніяхъ въ частности. Между тѣмъ, не въ первый разъ приходится намъ констатировать на страницахъ этого отдѣла, очевидно, предвзятое и несправедливое отношеніе г-на профессора къ земству.

Въ статьѣ, озаглавленной: *Питаніе душевно-больныхъ* и помѣщенной въ № 1, тома XI-го, составленной весьма обстоятельно съ спеціальной точки зрѣнія, проф. Ковалевскій дѣлаетъ нѣчто вродѣ лирическаго отступленія, не связаннаго логически ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ изложеніемъ. На этихъ страницахъ авторъ направляетъ цѣлый рядъ обвиненій противъ „далеко непригляднаго“ положенія, въ которомъ находится вопросъ о питаніи душевно-больныхъ въ русскихъ заведеніяхъ и, особенно, въ земскихъ. По его мнѣнію, только „въ очень

немногих" обращено серьезное внимание на продовольствие больных, въ „большинствѣ же“ заведеній умалишеннымъ дають остатки отъ пищи общихъ больныхъ, „отбросы, недалекіе отъ помоевъ“. „Все это обвѣшивается и обмѣривается. Мясо дается самое худшее и то нерѣдко на натѣчках“ (?). Никакія жалобы больныхъ не принимаются во внимание, ибо ихъ заявляютъ „сумасшедшіе“. „Развѣ имъ можно вѣрить? Это бредъ“,—иронически прибавляетъ г-нъ профессоръ, описывая отношеніе администраціи заведеній къ такого рода жалобамъ. Не то по отношенію къ общимъ больнымъ: они „люди правоспособные, они въ правѣ требовать, если имъ дають что-либо неподходящее, и это нерѣдко исполняютъ на дѣлѣ. Въ случаѣ же неудовлетворенія ихъ требованій, они жалуются начальству и администраціи. За это влетаетъ“.

Не споримъ, быть можетъ, въ харьковскомъ отдѣленіи для душевно-больныхъ, бывшемъ въ завѣдываніи г-на Ковалевскаго, и наблюдалось такое положеніе дѣла, но отсюда еще далеко до утвержденія, что въ большинствѣ земскихъ больницъ существуетъ то же самое. Всякій, мало-мальски знакомый съ предметомъ, знаетъ, что, наоборотъ, въ значительномъ большинствѣ земскихъ губерній призрѣніе душевно-больныхъ поставлено на болѣе или менѣ правильную почву и согласовано съ требованіями науки и практики. Число же заведеній, выдѣленныхъ изъ общихъ больницъ, руководимыхъ специалистами-психіатрами и безусловно хорошо обставленныхъ, составляетъ болѣе трети всѣхъ домовъ для умалишенныхъ, находящихся въ вѣдѣніи земства. Въ виду этихъ данныхъ, знать которыхъ долженъ бы г-нъ профессоръ, обвиненія его противъ земства падаютъ сами собою.

Въ книгѣ 2-й XI-го тома помѣщена статья д-ра А. А. Токарскаго подъ заглавіемъ: *Гипнотизмъ и внушеніе*. Въ русской медицинсой литературѣ это почти первый опытъ *) научной разработки вопроса, продолжающаго производить много шума и привлекать вниманіе какъ публики, такъ и врачей. Въ указанной книгѣ помѣщено только начало работы г. Токарскаго, поэтому сужденіе о ней отлагаемъ до напечатанія статьи дѣлякомъ. Въ этой же книгѣ началъ переводъ весьма интересной и обстоятельной статьи д-ра Löwenfeld'a: *Современный способъ леченія нейрастеніи и истеріи*—болѣзней, получающихъ, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе распространеніе въ современномъ обществѣ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

„Собиратель грибовъ“. Д. Кайгородова.—„Драгоценные камни, ихъ свойства, происхожденіе и употребленіе“. М. И. Пыляева.

Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая въ себѣ описаніе важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскрашенными таблицами. Составилъ Дмитрій Кайгородовъ. Спб., 1888 г. Цѣна 1 р. 25 к. Небольшая книжка г. Кайгородова рассчитана на большой кругъ читателей. Авторъ, извѣстный популяризаторъ-ботаникъ, задумалъ собрать въ

*) Мы не говоримъ о книгѣ врача В. І. Михайлова: *Гипнотизмъ въ сравненіи съ явленіями жизни - магнетическими въ исключительномъ приложеніи послѣднихъ къ леченію больныхъ*,—книгѣ чрезвычайно туманной и сплоснъ наполненной мистическими и фантастическими бреднями.

ней всё важнѣйшія свѣдѣнія о нашихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибахъ, наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Въ *Собирателѣ грибовъ* читатели найдутъ, прежде всего, общія свѣдѣнія о грибахъ, съ указаніемъ ихъ главнѣйшихъ морфологическихъ и физиологическихъ особенностей и затѣмъ частное описаніе 45 отдѣльныхъ грибовъ, главнымъ образомъ, шляпочныхъ, т.-е. такихъ, которые и въ просторѣчи называются „грибами“. Такимъ образомъ, авторъ ограничиваетъ свою задачу довольно узкими предѣлами, оставляя въ сторонѣ всё остальныя многообразныя формы растений, составляющія обширный классъ грибовъ. Въ практическомъ отношеніи такое ограниченіе вполне умѣстно, но въ научномъ оно не совсѣмъ удачно. Слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе (см. 1 и 2 стр.) остановиться на выясненіи многообразія грибовъ и затѣмъ уже, обстоятельно выдѣливъ изъ нихъ собственно „грибы“, описать ихъ согласно тому плану, какой намѣтилъ себѣ авторъ. Отвлекаясь отъ этой подробности, мы должны признать, что *Собирателю грибовъ* въ остальномъ прекрасная и вполне безупречная книжка, особенно цѣнная для всякаго, кто умѣетъ любить и понимать природу. По языку она общедоступна, а по внѣшнему виду безупречна. Едва ли можно сомнѣваться, что она найдетъ въ публикѣ радужный пріемъ и широкое распространеніе, вполне оправдывая ожиданія автора. „У насъ,—говоритъ онъ,—такъ много охотниковъ собирать грибы, а хорошіе знатоки грибовъ встрѣчаются довольно рѣдко. Другой и радъ бы поучиться, да не у кого. Пословица говоритъ: умный товарищъ—половина дороги. Хочу надѣяться, что эта книжечка можетъ послужить для малоопытнаго охотника до собиранія грибовъ такимъ именно „товарищемъ“ въ его охотѣ“ (стр. V). Въ довершеніе всего, несмотря на четырнадцать таблицъ, приложенныхъ къ книгѣ и превосходно выполненныхъ въ хромофотографіи *Новаго Времени*, „товарищъ“ этотъ и не дорогъ, что дѣлаетъ книгу еще болѣе доступной для публики, обезпечивая за ней вполне заслуженный успѣхъ.

Драгоценныя камни, ихъ свойства, мѣстонахожденіе и употребленіе. М. И. Пыляева. Второе изданіе, значительно дополненное. Спб., 1888 г. Цѣна 2 р. 50 коп. Завлекательное по внѣшности, второе изданіе *Драгоценныхъ камней* г. Пыляева представляетъ родъ книжнаго „страза“, благодаря немалому числу довольно существенныхъ недочетовъ со стороны содержанія. Самый крупный недостатокъ въ этомъ отношеніи составляетъ чрезвычайно слабое развитіе минералогическихъ деталей какъ въ общей части, такъ и при описаніи отдѣльныхъ камней. Подобный недостатокъ тѣмъ болѣе страненъ, что, судя по характеру темы, главный интересъ книги долженъ быть сосредоточенъ именно на минералогической характеристикѣ драгоценныхъ камней. Между тѣмъ, авторъ не даетъ ни опредѣленія того, что такое называется „драгоценнымъ камнемъ“, ни подробнаго указанія на ихъ отличительныя свойства, ни раздѣленія ихъ по группамъ,—короче сказать, ничего такого, что характеризовало бы ихъ, какъ минералы. Въѣсть подробныхъ и вполне умѣстныхъ разъясненій по этому предмету, онъ ограничивается буквально нѣсколькими строками, замѣчая, между прочимъ, что „отличительными признаками всѣхъ драгоценныхъ камней, кромѣ химическаго состава, могутъ служить: цвѣтъ, твердость, удѣльный вѣсъ, электричество (?), изломъ и, главное, кристаллическая форма“ (стр. 60). Пропущены: блескъ, прозрачность, плеохроизмъ, сплѣтленіе, спайкость и нѣкоторыя другія не менѣе характерныя свойства. Мы

не говоримъ уже про то, что въ книгѣ г. Пыляева нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на генезисъ драгоцѣнныхъ камней и вообще на условія ихъ возникновенія въ природѣ. Изложенію общихъ минералогическихъ подробностей посвящено не болѣе 3 страницъ, послѣ чего авторъ поспѣшно заявляетъ: „Изложенный здѣсь очеркъ общихъ свойствъ и терминовъ драгоцѣнныхъ камней мнѣ кажется достаточнымъ для того, чтобы приступить къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ“ (стр. 67).

Вторымъ, не менѣе крупнымъ недостаткомъ *Драгоценныхъ камней* г. Пыляева является необыкновенное многословіе автора, благодаря чему книга растанулась на 24 печатныхъ листа, тогда какъ изъ нея можно было бы свободно выкинуть, по крайней мѣрѣ, листовъ 6, безъ всякаго ущерба для содержанія. Масса анекдотическихъ подробностей сомнительной правдивости совершенно излишня и только безъ нужды обременяетъ книгу. Какой, напримѣръ, интересъ по отношенію къ драгоцѣннымъ камнямъ можетъ представить рассказъ о томъ, что король Викторъ-Эммануилъ имѣлъ обыкновеніе въ теченіе цѣлаго года отращивать ногти на одномъ изъ пальцевъ ноги и отрѣзавъ его на новый годъ? Бриллианщикъ отполировывалъ отрѣзанный ноготь и потомъ обдѣлывалъ въ осипанную бриллиантами оправу, послѣ чего король дарилъ эту драгоцѣнность своей женѣ, графинѣ Розинѣ, владѣвшей 14-ю подобнаго рода вещами (стр. 305). Странны также справки о цѣнѣ живности въ одной изъ калскихъ алмазныхъ копей (Кимберли), изъ которыхъ оказывается, что индюшки здѣсь продаются по 7½ долларовъ за штуку, а куры отъ 1 до 2 долларовъ (стр. 134), или соображенія автора по поводу „консервативнаго лорнета“ Нерона (стр. 257) и т. п. Столь же неумѣстны и розыски о томъ, куда исчезъ перстень Пушкина (стр. 356) или описаніе игры макао въ прошломъ вѣкѣ (стр. 160).

Помимо двухъ указанныхъ, есть еще и третій недостатокъ въ книгѣ г. Пыляева, — полнѣйшая бессистемность изложенія, что крайне затрудняетъ чтеніе и приводитъ къ повтореніямъ даже въ предѣлахъ одной страницы. Недостатокъ этотъ не искупается даже описаніемъ драгоцѣнныхъ камней въ алфавитномъ порядкѣ. Есть промахи и въ редакціонномъ отношеніи. Авторъ, напримѣръ, говоритъ: „Только въ *мынтинемъ* году, послѣ двадцатилѣтнихъ хлопотъ, Россія получила учрежденіе, специальную задачу котораго составляютъ геологическія изслѣдованія“ (стр. 45). Рѣчь идетъ о геологическомъ комитетѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, который былъ учрежденъ въ 1882 году.

Наконецъ, послѣднимъ и далеко немаловажнымъ недостаткомъ *Драгоценныхъ камней* г. Пыляева является почти полное отсутствіе указаній на практическіе приемы ихъ распознаванія и на условія ихъ нахожденія въ природѣ, что дѣлаетъ книгу ничего не стоящую въ практическомъ отношеніи. Въ ней нѣтъ даже дѣльныхъ указаній на способы обработки драгоцѣнныхъ камней, кромѣ краткаго и поверхностнаго описанія одной изъ шлифовальныхъ фабрикъ Амстердама. Взамѣнъ всего этого книга г. Пыляева отмѣчена яркою печатью диллетантизма, нѣрѣдко ясно сквозящаго даже въ слогѣ автора. Такъ, полевой шпатъ, по словамъ г. Пыляева, считается однимъ изъ *протеевъ* или *началъ* минеральнаго царства“ (стр. 336), а „жемчуги, какъ и люди, *подвержены болѣзнямъ*“, которыя начинаются съ ихъ *сердца* (стр. 231). На стр. 21 г. Пыляевъ замѣчаетъ, что *культура драгоценныхъ камней у насъ*

положилъ начало Петръ I, а на стр. 294 увѣряетъ, что красный кораллъ выростаеъ изъ глубины морской *цѣлыми островами* и даже *цѣлыми каменными стѣнами*, которыя иногда окружаютъ сушу на разстоянн нѣсколькихъ миль. Странно только, почему же при такомъ обидн красный кораллъ такъ рѣдокъ и дорогъ у насъ?

Впрочемъ, не будемъ утомлять читателей дальнѣйшими выдержками и замѣчаніями относительно *Драгоценныхъ камней* г. Пыляева; скажемъ только, что по внѣшности книга эта вполне прилична, хотя рисунки, особенно цвѣтные, могли бы быть и лучше, а цѣна значительно скромнѣе.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Русская исторія въ русской поэзіи“. П. Вейнберга.—„Сказка о двухъ елкахъ“. А. Н. Салтыкова.—„Родная рѣчь“. В. Соколова.—„Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“. В. Мартыновскаго.—„Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ“. К. Мазуринъ и В. Высоцкаго.—„Ариметическій задачникъ“. П. Татаринова.—„Записки по методикѣ элементарной ариметики“. Г. М. Вишневецкаго.—„Учебникъ ариметики для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. А. А. Михайлова.

Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ Петръ Вейнбергъ. Спб., 1888 г. Мы всегда готовы отнестись съ теплымъ сочувствіемъ ко всякой книгѣ, служащей для иллюстраціи и оживленія сухаго учебнаго курса, особенно по такимъ его предметамъ, которымъ, какъ, наприм., литературѣ, исторіи, надлежитъ войти важнымъ и необходимымъ элементомъ въ образованіе каждаго, хотя бы мало-мальскія просвѣщеннаго человѣка. Изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ курса, пропущеннаго въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, исторія какъ-то особенно не везетъ въ смыслѣ учебниковъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы въ нашей педагогической литературѣ вовсе не было удовлетворительныхъ руководствъ по исторіи,—нѣтъ; но, по крайней мѣрѣ, тѣ учебники по этому предмету, которые введены въ употребленіе въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за весьма малыми исключеніями, отличаются сухостью и бездарностью; а ужъ русская исторія очень обижена въ этомъ отношеніи, тогда какъ, казалось бы, слѣдовало бы обратитъ особенно пристальное и неустанныя вниманіе на серьезное и по возможности глубокое ознакомленіе русскаго юношества съ его отечественною исторіей, изученіе которой (и кто съ нами не согласится въ этомъ?) должно составлять собою краеугольный камень національнаго воспитанія. Спасибо, впрочемъ, и за то, что, при отсутствіи въ педагогической литературѣ удовлетворительнаго учебника по русской исторіи, въ ней можно насчитать нѣсколько чрезвычайно полезныхъ и прекрасно составленныхъ пособій, какъ, наприм.: *Историческіе рассказы* Разина и Лавина, *Родная старина* (отечественная исторія въ разсказахъ и картинкахъ) г. Синовскаго, *Отголоски старины* покойной С. М. Макаровой, *Историческая хрестоматія* г. Гуревича. Такія книги, конечно, способны уяснять юношеству его родную исторію, внушать ему интересъ къ прошлому его родины и любовь къ ней самой: изъ нихъ она, кромѣ голой номенклатуры, да хронологіи, да сухаго перечисленія фактовъ, почерпаетъ историческіе и политическіе взгляды; такія книги помогаютъ образованію и развитію въ юношахъ гражданскаго духа.

Къ такимъ книгамъ, по замыслу составителя, долженъ относиться и сборникъ г. Вейнберга *Русская исторія въ русской поэзіи*. П. И. Вейнбергъ возымѣлъ намѣреніе представить въ цѣломъ рядѣ образцовъ русской поэзіи весь ходъ нашей отечественной исторіи и, такимъ образомъ, дать сплошную поэтическую иллюстрацію къ этой послѣдней. Въ виду высканныхъ выше соображеній, признаемъ, что замыселъ этотъ прекрасный. Но, разсматривая сборникъ г. Вейнберга, приходимъ къ заключенію, что прекрасному замыслу составителя, къ сожалѣнію, не вполне соотвѣтствуетъ выполненіе. Первая ошибка г. Вейнберга состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ соединилъ въ своемъ сборникѣ два далеко разнствующіе между собою элемента—поэзію народную съ художественною. Вслѣдствіе самой сущности этихъ двухъ элементовъ, получается двойкій взглядъ на изображаемыя въ поэтическихъ произведеніяхъ историческія событія. Рядомъ съ образами культурной поэзіи, осмысленными глубокимъ изученіемъ старины и сознательнымъ, объективнымъ, пронизаннымъ лучами исторической критики, освѣщеніемъ, поставлены въ сборникѣ тринадцать наивныхъ народныхъ пѣсней, которыя уже по одному тому, что онѣ *тѣсны*, субъективны и къ общему, объективному духу и тону книги не подходятъ. Затѣмъ само содержаніе сборника оставляетъ желать болѣшей полноты. Укажемъ, наприм., на то, что изъ историческихъ хроникъ Островскаго пропущена драма *Василиса Мелентьева* и что для иллюстраціи отечественной войны двѣнадцатаго года можно было бы у Лермонтова, Жуковскаго, Щербина найти еще нѣсколько стихотвореній, кромѣ тѣхъ семи, что включены въ сборникъ, наприм.: *Споръ, Волшебный корабль, Ночной смотръ, Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*. А, между тѣмъ, въ сборникѣ г. Вейнберга есть излишества, обойдась безъ которыхъ онъ ничего бы не потерялъ. Не можемъ, наприм., понять, зачѣмъ было включать сюда стихотвореніе И. Дмитріева *Ермакъ*, которое своимъ устарѣвшимъ стихомъ способно возбудить въ читателѣ только улыбку:

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря:
Разсипавъ стрѣлы всѣ изъ тула
И вядимъ жаромъ возгора,
Извелъ онъ саблю смертоносну.
„Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносу!
Взачитъ мнѣ въ плѣнѣ!“ онъ сказалъ—
И вмгнѣ на Ермака напалъ.

По недосмотру, Дмитрій Донской помѣщенъ хронологически раньше Александра Невскаго.

Сказка о двухъ елкахъ. А. Н. Сальникова. Спб., 1888 г. Сказка г. Сальникова отличается въ двухъ отношеніяхъ, совершенно другъ другу противоположныхъ. Во-первыхъ, она шаблонна и подражательна, напоминая собою множество подобныхъ же разсказовъ о двухъ елкахъ, красивой и некрасивой, но служащихъ одной цѣли увеселенія дѣтей въ праздникъ Рождества Христова, и, какъ и большинство этихъ сказокъ, она отличается безцвѣтностью и большими претензіями. Но, будучи подражательною, книжечка г. Сальникова, въ то же время, не лишена и оригинальности: продается она съ придѣланною къ ней лентой и съ колечкомъ, такъ что ее можно вѣшать на елку... Получается, такимъ образомъ, не просто книжка, а нѣчто вродѣ книжки-игрушки. Года два тому назадъ тотъ же г. Сальниковъ выпустилъ сказочку *Доб-*

рый Морозко, которая продавалась свернутою въ трубочку и таже съ колечкомъ и въ силу таковой своей оригинальности называлась „книж-вой-бомбоньеркой“. Къ чему это? Для того ли, чтобъ товаръ ходчѣе съ рукъ шелъ, или, можетъ быть, г. Сальниковъ и въ самомъ дѣлѣ наивно воображаетъ, что ленточки и колечки придають оригинальности его шаблоннымъ пересказамъ?

Родная рѣчь. Русская хрестоматія для двухъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Соколовъ, преподаватель Лаазаревскаго института восточныхъ языковъ и шестиклассной прогимназіи въ Москвѣ. М., 1888 г. Ц. 70 к. Всякій, кому попадется въ руки *Родная рѣчь* г. Соколова и кто прочтетъ предисловіе къ ней, непременно отнесетъ ее къ числу „новыхъ погудокъ на старый ладъ“. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль *Родной рѣчи*, какъ хрестоматіи, мало чѣмъ отличается отъ цѣлей другихъ учебниковъ въ этомъ родѣ. Распредѣленіе матеріала на четыре отдѣла, какъ замѣчаетъ г. Соколовъ, „для большаго удобства при пользованіи книгой“ (предисловіе, стр. IV) вовсе не заключаетъ въ себѣ чего-нибудь необходимаго и стройнаго, а самъ матеріалъ, если заглянуть въ оглавленіе, покажется на первый взглядъ очень старымъ и давно истасканнымъ, таже какъ, прежде всего, здѣсь бросятся въ глаза статьи, уже не разъ побывавшія въ хрестоматіяхъ. Таково будетъ первое впечатлѣніе; но первое впечатлѣніе не всегда бываетъ самымъ вѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что въ книгѣ г. Соколова очень много вполне содержательныхъ и доступныхъ для дѣтскаго пониманія стихотвореній такихъ поэтовъ, какъ Плещеевъ и гр. А. Толстой, много удачно выбранныхъ мѣстъ изъ произведеній такихъ писателей, какъ гр. Л. Толстой, Тургеневъ и проч., а все это, какъ оно ни странно, далеко не часто встрѣчается въ хрестоматіяхъ. Имѣя подъ руками въ классной книгѣ цѣнныя вещи нашихъ новѣйшихъ первоклассныхъ писателей, учитель легче, чѣмъ при другихъ условіяхъ, разовьетъ эстетическій вкусъ въ своихъ ученикахъ, а ученики очень скоро вынесутъ изъ класса и любовь къ хорошей книгѣ, и стремленіе къ хорошему чтенію. Именно своимъ матеріаломъ и интересна *Родная рѣчь* г. Соколова, и потому очень жаль, что предисловіе къ ней слишкомъ кратко, а авторъ слишкомъ мало выдвинулъ выдающіяся стороны своей книгѣ.

Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Жуковский, Крыловъ, Дмитріевъ, Пушкинъ, Дельвигъ, Лермонтовъ, Кольцовъ. Книга для занятій по отечественному языку въ I, II и III (въ первомъ полугодіи) классахъ средне-учебныхъ заведеній и въ городскихъ училищахъ. Приложенія: I. Руководящая статья для преподающихъ. II. Произведенія народной словесности. III. Словарь. В. Мартыновскаго, инспектора тифлисской прогимназіи. Тифлисъ, 1887 г. Ц. 90 к. Книга г. Мартыновскаго отличается очень многими достоинствами. Авторъ, какъ видно изъ его „руководящей статьи для преподающихъ“, далеко не можетъ согласиться съ общепринятымъ у насъ веденіемъ занятій по русскому языку въ низшихъ классахъ и предлагаетъ центромъ этихъ занятій сдѣлать объяснительное чтеніе. Однако, это объяснительное чтеніе, съ точки зрѣнія г. Мартыновскаго, вовсе не должно принимать энциклопедическій характеръ; тѣмъ менѣе, оно должно вытѣснять собой занятія грамматикой или орфографическія и стилистическія упражненія: нужно только, чтобы и грамматика, и стилистика, и орфографія шли рука объ руку съ объяснительнымъ чте-

ниемъ, а это вполне достижимо. Когда подъ руководствомъ и съ помощью учителя составляется учениками пересказъ прочитанной и разъясненной басни, а этотъ пересказъ повторяется хоромъ въ классѣ и затѣмъ заносится въ тетради съ доски, на которой онъ пишется наиболѣе грамотнымъ ученикомъ, то тутъ участвуютъ и орфографія, и стилистика; что же касается грамматики, то и ей можно обучать на той же баснѣ. Этимъ устраняется скука отъ спеціальнаго изученія грамматики; но г. Мартыновскій идетъ дальше въ своемъ стремленіи сдѣлать изучаемый предметъ живымъ; онъ считаетъ возможнымъ сообщать въ низшихъ классахъ біографію всякаго писателя, съ произведеніями котораго знакомятся ученики.

Правда, эти біографіи у г. Мартыновскаго черезъ-чуръ коротки и иной разъ представляютъ изъ себя перечень самыхъ крупныхъ моментовъ въ жизни писателя, что не можетъ показаться очень интереснымъ для учениковъ, но замѣчательна уже самая мысль о біографіяхъ, и г. Мартыновскому нельзя не сочувствовать въ его начинаніяхъ. Конечно, нѣсколько скептической читатель съ трудомъ повѣритъ тѣмъ блестящимъ результатамъ, которыхъ г. Мартыновскій достигаетъ, по его разсказу, въ концѣ перваго же года занятій съ дѣтьми, но его увлеченіе вполне искупается массой тонкихъ замѣчаній, попадающихся чуть ли не на каждой страницѣ разсказа. Что касается хрестоматическаго матеріала, то удачно выбранныя произведенія русскихъ писателей представлены здѣсь, дѣйствительно, въ обработкѣ. Многія стихотворенія и статьи Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова и проч. снабжены необходимыми и очень толковыми примѣчаніями; наконецъ, при книгѣ есть словарь съ объясненіемъ малопонятныхъ старинныхъ, областныхъ и иностранныхъ выраженій, а такой словарь составляетъ большое подспорье въ хрестоматіи, за исключеніемъ, разумѣется, нѣсколько неосмотрительныхъ замѣчаній вродѣ того, что „кануть да свѣчалъ—*приятствіе* во время похоронъ“ (словарь, стр. XII).

Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи (прямолинейной и сферической), высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. К. Мазурина и В. Высоцкаго. Москва. Цѣна 50 к. Книжка гг. Мазурина и Высоцкаго можетъ принести большую пользу учащимся. Въ очень небольшомъ объемѣ она содержитъ почти всѣ важнѣйшія формулы, встрѣчающіяся при рѣшеніи задачъ. Книжка формулъ совершенно избавляетъ учащихся отъ необходимости дѣлать справки по руководствамъ. Изданіе очень опрятно. Опечатокъ сравнительно мало, да и тѣ исправлены.

Ариѳметическій задачникъ, заключающій въ себѣ 1648 задачъ и 444 численныхъ примѣровъ на цѣлыя, отвлеченныя и именованныя числа и на дроби. Для одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ „Руководству ариѳметики“ Латышева начальный учитель П. Татариновъ. Феодосія, 1888 г. Ц. 30 к. *Задачникъ* г. Татаринова отличается нѣсколько оригинальнымъ построеніемъ. Въ немъ задачи подобраны такимъ образомъ, что ученики народной школы имѣютъ полную возможность въ теченіе 3-хъ лѣтъ освоиться со всѣми числовыми выкладками, какія могутъ встрѣтаться имъ въ практической жизни. Есть задачи и на дроби, и на разныя правила, и на вычисленіе площадей и объемовъ. Составитель на основаніи своего педагогическаго опыта считаетъ вполне возмож-

нымъ пройти все это въ 3 года. Преслѣдуя утилитарную цѣль, онъ, въ то же время, разнообразиѣмъ предлагаемыхъ задачъ возбуждаетъ болѣе интересъ въ ученикахъ и заставляеть ихъ болѣе думать и соображать. Если все это дѣйствительно достижимо, то нельзя не сочувствовать взглядамъ г. Татаринова. Полезность швольныхъ занятій въ глазахъ крестьянъ есть наиболѣе вѣскій аргументъ въ пользу образованія. Дѣло начального училища не только развить мышленіе, но и дать мальчикамъ извѣстный запасъ практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни.

Записки по методикѣ элементарной ариеметики. Руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ, VIII класса женскихъ гимназій, учителей и учительницъ начальныхъ школъ. По программѣ учительскихъ семинарій составилъ Г. М. Вишневскій, преподаватель самарской учительской семинаріи. Самара, 1888 г. Ц. 75 к. Путемъ 9-ти лѣтняго педагогическаго опыта, читаемъ въ предисловіи, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что основой обученія ариеметикѣ должно служить не „изученіе чиселъ“ (методы Грубе и Евтушевскаго), а „изученіе счета и дѣйствій“, какъ это рекомендуется въ новыхъ руководствахъ по методикѣ Мартынова, Житкова, Шохоръ-Троцкаго и Гольденберга.

Введеніе посвящено общимъ разсужденіямъ о самомъ предметѣ методики ариеметики, о необходимости для учителя знанія методики, о значеніи ариеметики въ курсѣ начальныхъ училищъ и о подраздѣленіи курса на элементарный и систематическій. Затѣмъ авторъ весьма пространно излагаетъ сущность метода Евтушевскаго, съ цѣлью лучшаго уясненія его недостатковъ. Въ концѣ книги указаны „источники по начальной ариеметикѣ и ея методикѣ“. Книжка г. Вишневскаго составлена не дурно, хотя изложеніе мѣстами шероховато и не достаточно ясно. Наконецъ, въ виду того, что руководство предназначается для учителей, можно было бы избѣжать многихъ излишнихъ подробностей, повтореній и разъясненій. Записки по методикѣ представляютъ собою какъ бы шаблонъ, по которому учитель долженъ автоматически вести преподаваніе. Цѣлыя страницы заняты вопросами вроде того, сколько будетъ 2 да 8, трижды три и т. п. Думать надо, такого рода примѣры совершенно излишни.

Учебникъ ариеметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. А. Михайловъ, преподаватель владимірской губернской гимназіи. 1888 г. Ц. 50 коп. Учебникъ г. Михайлова въ сжатомъ и довольно ясномъ изложеніи основныхъ ариеметическихъ истинъ даетъ ученикамъ хорошій конспектъ необходимыхъ свѣдѣній, надлежащее усвоеніе котораго невозможно, однако, безъ извѣстной самостоятельности. Требуется постоянное вниманіе въ классѣ и значительная самостоятельность въ домашнихъ занятіяхъ. Есть масса руководствъ по ариеметикѣ, до такой степени расплывающихся во всевозможныхъ разъясненіяхъ, что, пользуясь ими, ученики совершенно теряются въ подробностяхъ и не могутъ отличить главное отъ второстепеннаго, важное отъ менѣе важнаго. Авторы подобнаго рода учебниковъ забываютъ, что „разжевывая“ и „кладя въ ротъ“, они приучаютъ не думать и работать, а готовить уроки, запоминать, зубрить безъ разумія. Учебникъ ариеметики долженъ представлять собою, прежде всего, толковый конспектъ. Все остальное—дѣло классныхъ занятій и самодѣтельности учащихся. Пускай внимательно слушаютъ, сообража-

ють, сами додумываются до многого. При такихъ условіяхъ оживляется и самое преподаваніе, возбуждается бѣльшій интересъ къ занятіямъ и, безъ всякаго сомнѣнія, возвышается ихъ услѣбность. Съ особенною подробностью авторъ излагаетъ рѣшеніе задачъ на вычисленіе времени, такъ какъ во многихъ учебникахъ и задачникахъ предлагается невѣрный способъ рѣшенія этого рода задачъ.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Практическій путеводитель по Крыму“. Изд. Москвича.

Практическій путеводитель по Крыму, съ приложеніемъ алфавитнаго указателя мѣстностей, карты гористой части Крыма, поименнаго спискомъ владѣльцевъ плана города Ялты, росписаній рейсовъ пароходовъ и поѣздовъ и проч. Изд. ялтинскаго книгопродавца Москвича. 1888 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Не везетъ по части „путеводителей“! Правда, *Практическій путеводитель* г. Москвича несравненно лучше *Путеводителя* г. Фейгина, но послѣдній настолько уже плохъ, что слышкомъ мало нужно, чтобы довольно выгодно отличаться отъ него. Правда также, что въ *Путеводителѣ* г. Москвича не мало дѣйствительно практическихъ свѣдѣній, имѣющихъ нѣкоторое значеніе для прїѣзжихъ въ Крымъ, но все это сопровождается такими недочетами, которые нивонимъ образомъ не могутъ быть терпимы въ мало-мальски серьезномъ и толковомъ *Путеводителѣ*.

Взять хотя бы приложенную къ нему карту гористой части Крыма. Въ предисловіи издателя относительно ея, между прочимъ, говорится, что она снята съ лучшей изъ существующихъ, а именно съ карты Оберга и Бетева, и затѣмъ дополнена на основаніи официальныхъ источниковъ. Между тѣмъ, карту Оберга и Бетева далеко нельзя считать лучшей изъ крымскихъ картъ, благодаря ея схематичности. Сверхъ того, она крайне неудачно скопирована для *Путеводителя* г. Москвича: нѣтъ, напримѣръ, Балаклавской бухты; устье Черной рѣчки продолжено за берегъ Севастопольскаго рейда; Новый Свѣтъ показанъ не къ западу, а къ востоку отъ Судака; многія рѣчки не поименованы, напримѣръ—Салгиръ, Карасу и др.; названія нѣкоторыхъ мѣстностей искажены—Сагатка, вмѣсто Саватка; Перкезъ-Керманъ, вмѣсто Черкезъ-Кермень и т. п.; не показаны такія интересныя мѣста, какъ Чуфуть-Кале, Тепе-Кермень, Мангушь-Кале и др.; общій видъ карты какой-то грязный, и, наконецъ, при довольно крупномъ масштабѣ, около 5 верстъ въ дюймѣ, даже слышкомъ мало названій, отчего вся карта изображаетъ скорѣе какую-то пустыню, чѣмъ одну изъ населеннѣйшихъ частей Крыма. Подобная нелѣпая карта только безъ нужды обременяетъ *Путеводителѣ*, не имѣя рѣшительно никакого практическаго значенія.

Помимо карты, многія топографическія указанія въ текстѣ *Путеводителя* также невѣрны. Такъ, Ялтинскій заливъ замыкается съ востока вовсе не Аюдагомъ, а Никитскимъ мысомъ (стр. 92); три деревни Каралезовъ расположены въ долинѣ, по которой р. Бельбекъ не протекаетъ (стр. 79); дер. Варукта лежитъ не въ Байдарской, а въ Варуктской долинѣ (стр. 89); мысъ Меганаскъ находится не между деревнями Куру-Узень и Кучунъ-Узень, а около мѣстечка Судака (стр. 178); изъ Оріанды нельзя видѣть Кютебельскихъ горъ (стр. 142) и т. п. Есть и пропуски,—не описаны, напримѣръ, источники р. Салгира, около

дер. Аянъ, а также чрезвычайно эффектное Каралезское ущелье у подошвы Мангупъ-Кале. Разстояніе и размѣры мѣстами показаны не точно. Такъ, отъ Бахчисарая до Мангупъ - Кале по меньшей мѣрѣ 25, а вовсе не 15 верстъ (стр. 80); гора Могаби, около Ялты, не выше 2,500 футовъ, вмѣсто 5,000, показанныхъ въ *Путеводитель* г. Москвича (стр. 109); водопадъ Учанъ - Су далеко ниже 150 саж. (стр. 136); обрывы Чуфутъ - Кале не имѣютъ и 1,000 ф., вмѣсто 2,000 (стр. 75); бездонныхъ пропастей совсѣмъ нѣтъ въ Крыму и т. д. Относительно же нѣкоторыхъ маршрутовъ можно замѣтить, что направляться изъ Коккоза въ Бахчисарай черезъ Угенбашъ (какой?—ихъ два), Улу-Сала, Кременчикъ (Керменчикъ), Лакки, Стилю, Біа-Сала и Тепе-Керменъ (стр. 154) значитъ просто блуждать зря по горамъ и доламъ, почти безъ всякой надежды попасть когда-нибудь въ Бахчисарай; точно также ни одинъ здравомыслящій извозчикъ не повезетъ васъ изъ Судака въ Теодосію сначала черезъ Отузъ, затѣмъ Эльбузлы, Старый Крымъ и Кринички (стр. 54).

Смѣемъ также увѣрить составителя *Практическаго путеводителя*, что дно моря у береговъ Алушты вовсе не песчаное и не усыпано ракушками (стр. 176), а Чатырь-Дагъ не круглый годъ бываетъ покрытъ снѣгомъ (стр. 85 и 88). Въ довершеніе всего языкъ *Практическаго путеводителя* довольно рогатый,—попадаютъ, наприм., такія выраженія: „церковь орандская во имя *Покрова*“ (стр. 144); „въ обыкновенное время здѣсь (скитъ св. Анастасія) есть только 2—3 *полумонаха*“ (стр. 87); „къ ней (дер. Паргенитъ) обращенъ *лицомъ мысъ*“ (стр. 71); „*русскій Америко-Вестни Крыма—Марковъ*“ (стр. 5); „здѣсь (въ Евпаторіи) дно моря, постепенно *понижающееся къ берегу*“ (стр. 30); „Арабатская стрѣла... вмѣстѣ съ Перекопскимъ перешейкомъ *отлаютъ Крымскій полуостровъ совершенно недоступнымъ съ суши*“ (стр. 48) и т. д. Вообще же *Практическій путеводитель* г. Москвича принадлежитъ къ числу такого рода изданій, которыя рассчитаны на удовлетвореніе практическихъ интересовъ не столько публики, сколько самихъ господъ издателей, а потому и приобрести его можно только при лишнихъ деньгахъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, июль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, май—июнь.

Вѣстникъ Европы, июль. Изъ законченныхъ серьезныхъ статей данной книги журнала единственной и наиболѣе значительной по содержанию является статья г. Русова *Донецкіе углекопы*, представляющая сводъ и обработку земско-статистическаго матеріала о положеніи и бытѣ донецкихъ углекоповъ, главнымъ образомъ, въ Славяносербскомъ у. Екатеринославской губ. Предметъ этого изслѣдованія вообще весьма мало разработанъ и рѣдко привлекаетъ вниманіе печати, а, между тѣмъ, трудъ нашихъ углекоповъ и обстановка его представляютъ одну изъ самыхъ ужасныхъ, мрачныхъ картинъ, на которую слѣдовало бы чаще и настойчивѣе указывать русскому обществу. Будучи самъ по себѣ „калорно-тяжелымъ“, трудъ углекопа на частновладельческихъ рудникахъ Донецкаго бассейна обставленъ, какъ это видно изъ статьи г. Русова, такими условіями, которыя могутъ показаться положительно невѣроятными въ наше культурное время. Угольная промышленность этого края, какъ извѣстно, находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ крупныхъ

частныхъ предпринимателей и акціонерныхъ компаній, и только незначительная часть угля разрабатывается самими мѣстными крестьянами кустарнымъ способомъ. Преобладающая форма найма рабочихъ въ угольной промышленности—это наемъ конторами или чрезъ посредство подрядчика рабочихъ артелей,—форма, по многимъ причинамъ представляющая наиболѣе выгоду для предпринимателя, нежели наемъ одиночекъ. Заработная плата членовъ артели (по-пудно или по-саженно) равняется въ среднемъ 21—22 руб. въ мѣсяцъ на человѣка и можетъ съ перваго взгляда показаться довольно сносною, по крайней мѣрѣ, для безсемейныхъ рабочихъ, которыхъ здѣсь большинство. Но дѣло въ томъ, что въ интересахъ предпріятія, для удержанія рабочаго въ этомъ каторжномъ производствѣ, администрація рудниковъ всячески задерживаетъ выдачу заработной платы. Наприм., на одномъ изъ самыхъ богатыхъ рудниковъ, Голубовскомъ, артели по пяти, по шести мѣсяцевъ не получаютъ своей заработной платы, такъ что у многихъ рабочихъ долгъ на хозяинѣ достигаетъ до 210 р. Вслѣдствіе этого, рабочіе обязательно забираютъ въ кредитъ припасы и одежду въ лавкахъ, принадлежащихъ шахтовладѣльцамъ, гдѣ дѣны на эти предметы значительно выше базарныхъ, результатомъ чего является еще болышая прибыль для хозяевъ, еще болышая кабала для рабочихъ. Человѣческихъ жилищъ для углекоповъ на рудникахъ не существуетъ, ибо они помѣщаются въ ими же самими вырытыхъ землянкахъ. „Размѣры, воздухъ, нечистота такихъ помѣщеній поистинѣ ужасны даже лѣтомъ. На Голубовскомъ рудникѣ, въ землянкѣ въ 10 саж. длиной и 9 арш. шириной, лѣтомъ помѣщаются 18 человѣкъ, а зимой, по словамъ рабочихъ, въ ней бываетъ до 60 чел. Есть землянки гораздо меньше описанной. Въ самый жаркій лѣтній день въ этихъ помѣщеніяхъ царитъ полумракъ. Во время дождей внутреннія стѣны протекають, воздухъ постоянно сырой съ запахомъ гнили. Просидѣвши въ такомъ помѣщеніи одинъ часъ, выходишь изъ него точно одурѣлый, съ головными болями“. Такъ описываетъ „жилища“ углекоповъ земско-статистическій сборникъ. Работа же углекоповъ производится на глубинѣ отъ 16 до 60 саженой въ сыромъ, душливомъ воздухѣ, наполненномъ копотью лампочекъ, производится „забойщиками“ въ согбенномъ положеніи, на корточкахъ или лежа на боку, а „саночниками“, вывозящими уголь, ползкомъ на колѣняхъ. И вотъ, пробывъ въ такомъ положеніи и въ такой атмосферѣ отъ 14 до 20 часовъ, углекопъ идетъ отдыхать въ свою темную, грязную, холодную землянку, гдѣ его ждетъ изможденная жена въ рубищѣ и куча грязныхъ, полунагихъ и больныхъ дѣтей. „Нечего и говорить, что здѣсь ни школъ, ни больницъ, ни учителей, ни врачей, ни фельдшеровъ *совсѣмъ нѣтъ*, несмотря на то, что у семейныхъ рабочихъ достаточное количество дѣтей, несмотря на серьезную потребность въ медицинской помощи, хотя бы уже въ виду частыхъ „обваловъ“ и др. несчастныхъ случаевъ въ шахтахъ“,—говоритъ г. Русовъ. Пища рабочихъ состоитъ изъ припасовъ, забираемыхъ ими въ долгъ въ лавкахъ хозяевъ и подрядчиковъ, и о доброкачественности ея можно судить по одному приведенному авторомъ факту, что „на рудникѣ г. К., вмѣсто баранины или говядины, для рабочихъ было засолено собачье мясо“.

Такова обстановка жизни и труда донецкаго углекопа! Неудивительно, что и физически, и нравственно онъ совершенно теряетъ образъ человѣка, что единственнымъ развлеченіемъ и забвеніемъ въ его горькой земной юдоли служить для него безпробудное, ужасное пьян-

ство. „Прожились совсѣмъ, только жены, у кого онѣ есть, и поддерживаютъ мало-мальскіе“,—говорятъ сами углеконы. Интересно бы знать, какой палліативъ противъ этого зла въ рудокопной средѣ могли бы придумать наши публицисты, ратующіе за искорененіе пьянства, и какіе результаты принесло бы въ данномъ случаѣ предлагаемое ими устройство обществъ трезвости?

Понятно, что при такой постановкѣ труда частновладѣльческіе рудники обрабатываются преимущественно пришлыми рабочими изъ сѣверныхъ губерній, т.-е. тою частью населенія, которую нужда и недостатокъ гонять на какой угодно нечеловѣчскій трудъ, на какихъ угодно условіяхъ. Мѣстное населеніе участвуетъ въ немъ въ незначительномъ числѣ и, притомъ, часть его занимается кустарною углекопною промышленностью, въ которой трудъ обставленъ иначе. Около 500 чел. кустарей Славяносербскаго у., занимающихся разработкой угля на собственныхъ или арендуемыхъ участкахъ и также организующихся для этой цѣли въ артели по 5—6 чел., состоятъ почти исключительно изъ мѣстной крестьянской молодежи, принимающей за этотъ промыселъ лишь въ зимнее, свободное отъ земледѣльческихъ работъ время. Инструменты, затраты по производству, пища и проч.,—все это покупается на общій счетъ, продуютъ дѣлится на равныя доли по числу участниковъ въ устройствѣ шахты, а въ работѣ соблюдается строгая равномерность, такимъ образомъ, чтобы всѣ члены артели по очереди исполняли всѣ, какъ трудныя, такъ и болѣе легкія работы внутри и на поверхности шахты. Главная цѣль кустарнаго промысла—не продажа, а удовлетвореніе собственной потребности крестьянъ въ углѣ для отопленія хатъ, вслѣдствіе чего этотъ промыселъ еще пока незначителенъ, но, по словамъ автора, онъ будетъ имѣть большое значеніе для мѣстнаго населенія въ будущемъ.

Изъ беллетристики *Вѣстника Европы* можно остановиться лишь на окончаніи очерка г. Крестовскаго-псевдонима *Жить, какъ моды живутъ*, хотя оно не прибавляетъ рѣшительно никакихъ новыхъ штриховъ къ типамъ, обрисованнымъ въ первой части разсказа, помѣщенной въ прошлой книгѣ журнала и представлявшей собою вполне законченное цѣлое; даже болѣе—эта заключительная глава очерка лишаетъ его прежней сжатости и силы впечатлѣнія.

Главная героиня, швея Паша, какъ и слѣдовало ожидать, окончательно сошла со сцены; она „заработалась“ тамъ гдѣ-то въ своей каморкѣ за швейною машинкой, и горе и трудъ не сегодня - завтра сведутъ ее въ могилу. Судьба же героя, Ивана Николаевича, о неинтересныхъ и однообразныхъ похожденияхъ котораго нынѣ исключительно ведется разсказъ, является нѣсколько иной, нежели можно было ожидать. Благодаря полученному наслѣдству, онъ теперь живетъ „какъ люди живутъ“ и неукоснительно слѣдуетъ режиму богатой, празднои свѣтской жизни. Но, потерпѣвъ неудачу въ своей завѣтной мечтѣ—завязать интригу съ неприступною великосвѣтскою дамой, Иванъ Николаевичъ, неожиданно для себя и читателя, позволяетъ своей тетушкѣ женить себя на ея протежѣ—некрасивой, небогатой и сварливой старой дѣвѣ. Последняя такъ же, какъ и онъ самъ, обнаруживаетъ полное отсутствіе сердца, ума и развитія и отличается тѣмъ же невѣроятнымъ эгоизмомъ и хищническими инстинктами, какими обладаетъ И. Н., но за то съ придачей болѣе сильнаго, нежели у него, характера и цинизма. Такимъ образомъ, очеркъ оставляетъ читателя подъ впечатлѣніемъ, что И. Н.

найдетъ себѣ жестокую казнь подъ фѣрулой своей будущей супруги и самъ въ свою очередь обратится изъ тирана въ жертву.

Этотъ искусственный конецъ, не вытекающій изъ первоначальной постановки характеровъ дѣйствующихъ лицъ, весьма невыгодно отзывается на очеркѣ въ его цѣломъ.

Сѣверный Вѣстникъ, май — июнь. Въ майской книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* законченъ большой романъ г-жи Шабельской *Три течения*. Это, такъ сказать, „идейный“ этюдъ, представляющій собою въ романической формѣ критику извѣстнаго ученія новыхъ русскихъ „буддистовъ“, надѣлавшаго столь много шума въ недавнее время; но на ряду съ буддизмомъ въ романѣ обрисовываются и другія направленія и идеи, пробивающіяся въ современномъ русскомъ обществѣ. Было бы слишкомъ долго останавливаться на подробной передачѣ содержанія крупнаго произведенія г-жи Шабельской; поэтому мы ограничимся лишь характеристикой его главныхъ типовъ, олицетворяющихъ намѣченныя авторомъ „теченія“.

Представителемъ буддистскаго теченія является нѣкій блудный сынъ суроваго генерала Мальвинскаго, по смерти отца вернувшійся кающимся грѣшникомъ къ матери въ родительскій домъ послѣ многихъ лѣтъ бурной и безцѣльной жизни, въ которой онъ истрепалъ въ конецъ небольшой запасъ воли и несомнѣнно добрыхъ чувствъ, отпущенныхъ ему природой. Мягкая, талантливая, незлобивая, но, въ то же время, крайне безхарактерная и поверхностная натура Мальвинскаго легко поддается влиянью среды, влиянью тѣхъ или иныхъ людей, той или иной „идеи“, но быстро устааетъ отъ всякаго сколько-нибудь сильнаго напряженія ума или чувства. Послѣдняя прочитанная имъ книжка о буддизмѣ въ мигнугу сознанія пустоты собственнаго существованія внезапно обращаетъ его изъ прожигателя жизни, срывавшаго лишь цвѣты наслажденія, въ проповѣдника суровой морали смиренія и отреченія отъ всякихъ благъ земныхъ, хотя въ дѣйствительности, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, продолжавшаго пользоваться ими. Кромѣ того, Мальвинскій въ душѣ артистъ-диллетантъ, котораго безразлично привлекаетъ все красивое, мощное, широкое, а главное—новое, его просвѣщенной душѣ еще незнакомое. Воображеніе его поражается личностью Будды, имя котораго не сходитъ у насъ съ языка, поражается, главнымъ образомъ, рѣзкими, яркими контрастами въ жизни этого человѣка, рожденнаго въ знатности и богатствѣ и ушедшаго отъ нихъ, чтобы проповѣдывать моральные истины. Эффектная роль проповѣдника новаго слова, туманно-широкія идеи, звучныя слова, интеллигентная дѣвушка, копающая грады у бѣдной крестьянки, цѣльная и сильная личность молодого техника Васильева, принадлежащаго къ совершенно иному направленію,— все это одинаково увлекаетъ и восхищаетъ Мальвинскаго, — увлекаетъ искренно, хотя и не глубоко. Но послѣшно принявъ увлекшую его теорію, не провѣривъ серьезно ея основныхъ положеній и не соразмѣривъ съ нею собственныхъ силъ, Мальвинскій не можетъ отстоять ее отъ натиска жизненныхъ фактовъ и критики людей противоположныхъ направленій и взглядовъ, не говоря уже о томъ, что собственная драблность и бессиліе не позволяютъ ему хоть отчасти слѣдовать ей на практикѣ. Оказавшись несостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ дѣлаетъ массу ошибокъ, даже мерзостей, сознаетъ это, бичуетъ себя и, наконецъ, окончательно запутавшись въ противорѣчіяхъ, скидаетъ мантію проповѣдника и снова уходитъ изъ родительскаго дома, отдав-

шисъ другому, противоположному вліянію. Автору можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ томъ, что, вложивъ проповѣдь новой теоріи въ уста безхарактерной и мелкой личности, онъ этимъ слишкомъ облегчилъ себѣ задачу доказать несостоятельность этой теоріи, обнажить ея противорѣчія. Но, несмотря на видимую предвзятость мысли автора, нужно признать, что Мальвинскій, какъ характеръ и какъ проповѣдникъ, является въ романѣ г-жи Шабельской чрезвычайно живою и удачно схваченною съ натуры личностью. Мы не хотимъ сказать, чтобы онъ олицетворялъ собою исключительно человѣка того направленія, къ которому примкнулъ, спасаясь отъ внутренней пустоты и пресыщенія прежнею своею жизнью. Типъ Мальвинскаго вообще шире типа человѣка извѣстной партіи; такіе характеры могутъ попадаться въ различныхъ общественныхъ теченіяхъ и группахъ, одинаково внося всюду свое легкомысліе и безсиліе и профанируя дѣло, которому берутся служить. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ кажется вполне психологически вѣрнымъ то обстоятельство, что Мальвинскаго, прежде всего, прельщаетъ дѣятельность мирнаго проповѣдника, что авторъ изобразилъ его въ данномъ случаѣ поклонникомъ именно того ученія, которое провозгласило своимъ основнымъ догматомъ непротивленіе злу, ненужность борьбы съ нимъ, которое отвергаетъ научное знаніе и ставитъ такія положенія, какъ отрицаніе войны и суда, практическое осуществленіе чего должно пова неминуемо ограничиться лишь областью проповѣди и безобидныхъ словесныхъ турнировъ съ противниками. Извѣженному баричу, помятому жизнью, не умѣющему бороться даже съ собственными страстями, каковъ Мальвинскій, на-руку такое ученіе, которое, удовлетворяя нѣкоторые духовные запросы его доброжелательной натуры, въ то же время, не ставитъ его въ рѣзкій, боевой конфликтъ съ окружающей средой,—которое не вноситъ въ его жизнь начала борьбы, страданія и безпокойства, а, напротивъ, успокоиваетъ духъ, санеціонируя пассивность и словесную проповѣдь большею частью даже приблизительно неосуществимыхъ въ нашей современности вещей. Съ другой стороны, людей слабыхъ волею и духомъ, людей умственной лѣни и апатіи должна инстинктивно привлекать теорія, не требующая отъ нихъ усидчиваго научнаго труда и тяжелой работы мысли, а предлагающая готовые, неоспариваемые догматы.

Конечно, Мальвинскіе—крайность, отклоняющаяся въ одну сторону, тогда какъ, съ другой стороны, среди послѣдователей теоріи есть люди широкаго всепрощающаго чувства, отклоняющаго ихъ отъ какой бы то ни было борьбы, или люди глубокаго убѣжденія, стойко слѣдующіе ея догматамъ, быть можетъ, вопреки собственному темпераменту и способностямъ. Но,—если оставить даже въ сторонѣ эти два крайніе полюса послѣдователей русскаго буддизма,—психологическая подкладка послѣдняго сохраняетъ свое значеніе вообще для большинства людей, выбирающихъ то или иное „теченіе“. Теоріи, требующія активнаго воздѣйствія на жизнь, идеалы, возникшіе изъ борьбы со зломъ, нуждаются и привлекаютъ къ себѣ сильныхъ душой, людей протеста и серьезнаго критическаго анализа, почерпаемаго въ наукѣ. Онѣ оставляютъ менѣе простора самообману и самоослѣпленію, такъ какъ не взваливаютъ непосильнаго бремени внезапнаго нравственнаго перерожденія на плечи единой, обособленной и слабой личности, а ожидаютъ его отъ солидарныхъ, дружныхъ дѣйствій на почвѣ взаимопомощи, поддержки и борьбы съ неблагоприятными внѣшними условіями, мѣшающими нрав-

ственному развитію личности; онѣ не дають мѣста пассивному индифферентизму, могущему свободно развиться на почвѣ чувства отвращенія къ борьбѣ, возведеннаго въ сознательный, непреложный догматъ. Большинство людей активнаго, горячаго чувства, которые не могутъ спокойно созерцать совершающееся зло безъ попытки противодрѣствовать ему, большинство тѣхъ, кто видитъ въ научномъ знаніи могущественное орудіе въ борьбѣ съ невѣжествомъ, этимъ сознательнымъ и безсознательнымъ покровителемъ зла,—не можетъ пойти за ученіемъ, отвергающимъ борьбу и науку; люди послѣдовательной воли и логической мысли не могутъ надолго отдаться во власть теоріи, въ которой столько противорѣчій между широкими положеніями и узкими средствами для ихъ достиженія; нечего говорить о томъ, что большинство людей вообще не стануть внимать проповѣди о пассивномъ подставленіи собственнаго хребта внѣшнему врагу, а до послѣдней капли крови будутъ защищать отъ него свое отечество и свою семью.

Такимъ образомъ, помимо другихъ слабыхъ сторонъ современнаго буддизма, о которыхъ подробно трактуются въ произведеніи г-жи Шабельской и которыхъ мы не касаемся, въ этомъ ученіи кроется органическая слабость, осуждающая его на безплодіе, ибо движеніе челоувѣчества впередъ совершается, главнымъ образомъ, съ помощью людей энергіи и протестующаго энтузіазма, съ помощью людей знанія или тѣхъ, кто запечатлѣваетъ идею своими страданіями и кровью, чего нельзя опасаться для современныхъ проповѣдниковъ буддистскихъ догматовъ. А, между тѣмъ, именно только эти догматы придали ученію видъ опредѣленной системы, возвели его на степень новой теоріи, а не та высокая истина о любви къ ближнему и самопожертвованіи, которая служить ему точкой отпавленія, но которая раздѣляется многими системами морали и извѣстна міру съ незапамятныхъ временъ. Явившись въ эпоху колебаній и сомнѣній, въ эпоху нравственной и умственной приниженности, новый русскій буддизмъ со своимъ квітизмомъ отвѣчалъ господствующему настроенію; онъ привлекъ къ себѣ вниманіе самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ, иславшихъ въ немъ отвѣтовъ на разнородные же вопросы, но общимъ преобладающимъ стремленіемъ которыхъ было успокоеніе личности на нейтральной почвѣ отъ неотвязныхъ и слишкомъ острыхъ злобъ дня. Тѣмъ паче схватились за него всѣ разочарованные, нервнителиные, слабые, не говоря уже о массѣ неискреннихъ и фарисеевъ, которые для постороннихъ цѣлей могутъ выгодно эксплуатировать высокую идею, благодаря тому, что она облечена въ догматы, далекіе отъ непосредственныхъ злобъ дня и не угрожающіе ихъ ближайшимъ интересамъ.

Между тѣмъ, эта идея, въ своемъ чистомъ видѣ, жила, живетъ и можетъ жить въ сердцахъ людей, которые во всемъ остальномъ принадлежатъ къ совершенно иному направленію. Таковы, напримѣръ, тѣхникъ Васильевъ и родственница Мальвинскаго, Лидія,—представители другихъ „теченіи“ въ романѣ г-жи Шабельской. Но обѣ эти личности начинаютъ свое вступленіе въ жизнь уже прямо съ поступковъ. Лидія, еще до проповѣди Мальвинскаго, любить и понимаетъ бѣдныхъ и трудящихся и помогаетъ имъ по мѣрѣ своихъ силъ. Она сначала увлекается Мальвинскимъ и вѣритъ въ силу ученія, которое могло такъ быстро переродить этого челоувѣка. Какъ серьезная, глубокая натура, она страстно привязывается къ мягкому и кающемся проповѣднику, ожидая отъ него такихъ же прекрасныхъ дѣлъ, какъ и словъ. Но, раз-

очаровавшись въ немъ, она находитъ въ себѣ силу поборотъ личное чувство и выходитъ изъ этой внутренней борьбы закаленная въ своей прежней рѣшимости не задаваться никакими широкими планами и надеждами, а посвятить себя принесенію посильной пользы въ томъ уголкѣ, гдѣ она выросла. Васильевъ, и безъ того ранѣе работавшій для содержанія матери и родныхъ, начинаетъ самостоятельную жизнь съ благороднаго поступка, отказываясь отъ большей части наслѣдства своего дѣдушки-ростовщика. Остальное же онъ хочетъ употребить на самобразование и какое-либо дѣло благотворное для тѣхъ, среди кого онъ прежде жилъ—для рабочаго люда. Онъ горячо ненавидитъ зло и хочетъ бороться съ нимъ; онъ любитъ науку и хочетъ вооружиться ею, чтобы внести свѣтъ знанія въ ту среду, гдѣ онъ собственными глазами видѣлъ, „какъ люди пожираютъ другъ друга во тьмѣ“. Мы видимъ, что, какъ Лидія, такъ и Васильевъ, прежде всего, люди дѣйствія и дѣятельной, а не умозрительной любви къ ближнему. Они не задаются широкими, яркими задачами проповѣдничества, а отмежевываютъ себѣ небольшое, за то вполне опредѣленное, поле дѣйствія, соразмѣряя съ нимъ собственныя силы. Они не зовутъ и не уходятъ отъ грѣшнаго міра въ пустыню для дѣла личнаго спасенія, для оздоровленія собственной души и тѣла; не прибѣгаютъ къ физическому труду, лишь какъ къ гигиеническому средству противъ разннченности нервовъ и умственной усталости; они остаются или выбираютъ тѣ условія, въ которыхъ наилучшимъ образомъ могутъ примѣнить свои силы на общую пользу, ни пригибая своихъ способностей и влеченій лишь къ одному роду занятій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставя трудъ необходимымъ условіемъ своего существованія. То, что есть самаго жизненнаго въ буддійской теоріи, любовь къ ближнему и къ труду, уже есть въ нихъ самихъ и руководитъ ихъ желаніями и поступками. Проповѣдь же меньшей братія, которой они хотятъ помочь, о необходимости труда, смиренія, о раздачѣ имѣнія нищимъ, о непротнвленіи злу и вредѣ умственнаго просвѣщенія, звучала бы въ ихъ устахъ жестокою ироніей для тѣхъ, кто вѣчно трудится и борется съ нуждой, кого со всѣхъ сторонъ обступили и развращаютъ зло и тьма. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ романа г-жи Шабельской менѣе всѣхъ удачнымъ можно назвать образъ Лидіи, представляющей изъ себя сколокъ съ Тургеневской Маріанны. Типъ этотъ весьма мало выдержанъ, отличается неясностью, и въ обрисовкѣ его замѣчается ошибка, не разъ повторявшаяся въ нашей литературѣ при попыткахъ изображенія такъ называемыхъ „новыхъ“ людей, а именно—эксцентричность нѣкоторыхъ поступковъ или выходовъ героини; какъ будто поступать „по новому“ означаетъ поступать „по странному“. Эксцентричность эта, доходящая, напримѣръ, до полной необщительности и дикости въ обращеніи Лидіи съ окружающими, лишаетъ ея поведеніе простоты и естественности. Но, кромѣ того, Лидія зачѣмъ-то представлена невѣроятно наивнымъ существомъ, — до такой степени наивнымъ, что это позволяетъ заподозрить ея умственные способности, ибо она не знаетъ и не подозреваетъ, что больныхъ дѣтей лечатъ, что для этого существуютъ медицина и медики, что лѣкарства раздѣляются на наружныя и внутреннія и т. п. Вслѣдствіе такого незнанія, она отравляетъ крестьянскаго ребенка, давъ ему наружное лѣкарство, вмѣсто внутренняго. Благодаря хорошему, но одностороннему воспитанію, всѣ поступки Лидіи отличаются непосредственностью чистаго и прекраснаго чувства, но природный сильный умъ ея

мало развитъ жизненнымъ опытомъ и критическимъ анализомъ явленій, тѣмъ она и отличается отъ Васильева. Такимъ образомъ, авторъ, быть можетъ, на эпизодѣ съ ребенкомъ и вообще хотѣлъ показать, что одни добрыя чувства безъ знанія и опытности, безъ стремленія приобрести ихъ, могутъ иногда на практикѣ обращаться во зло, какъ гордость объ этомъ и сама Лидія. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ иллюстраціяхъ этой справедливой мысли, авторъ, можно сказать, хватилъ черезъ край. Несмотря, однако, на эти ошибки и на усиленную романичность дѣйствія въ произведеніи г-жи Шабельской, оно въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ отличается умомъ, талантомъ и тонкою наблюдательностью.

Очеркъ г. Чехова *Они* передаетъ содержаніе разговора, свидѣтелемъ котораго былъ авторъ, когда, однажды, заблудившись ночью, онъ случайно попалъ въ баракъ инженеровъ, строившихъ новую желѣзнодорожную линію. Поводомъ къ разговору о матеріяхъ важныхъ послужилъ рядъ огней рабочихъ бараконъ, безконечною лентой тянувшійся вдоль сооруженной насыпи. Одному изъ собесѣдниковъ, помощнику инженера, мрачно-кислому студенту фонъ-Штенбергу, съ печатью какой-то „мозговой лѣни“ на челѣ, эти огни напомнили ставъ амалекитянь и филистимлянъ, давно исчезнувшихъ съ лица земли, какъ исчезнетъ съ нея все живущее и нынѣ. На это замѣчаніе, старшій инженеръ, добродушный и жизнерадостный человѣкъ, разражается филиппикой противъ пессимистическаго міросозерцанія нашей молодежи, у которой оно является не продуктомъ собственной мысли и жизненнаго опыта, а схвачено готовымъ извѣмъ, отравляетъ молодую жизнь, лишаетъ ея жизненной энергіи и ведетъ къ „виртуозности“ въ области мысли. Инженеръ до того увлекается, что начинаетъ утверждать даже, будто „эту виртуозность, игру въ серьезную мысль наше поколѣніе внесло въ науку, въ литературу, въ политику и всюду, а съ виртуозностью оно внесло свой холодъ, скуку, односторонность и, какъ мнѣ кажется, уже успѣло воспитать въ массѣ новое, до сихъ поръ небывалое отношеніе къ серьезной мысли“.

Жаль, что почтенный инженеръ не пояснилъ, какое собственно новое и небывалое отношеніе къ мысли явилось въ наше время, и оставилъ читателя на этотъ счетъ въ потемкахъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что, въ назиданіе своему противнику и для доказательства вреда мыслей о превратности судебъ и смерти, инженеръ рассказываетъ одинъ весьма северный анекдотъ изъ своей жизни. Собственно этотъ-то анекдотъ или „любовный эксперимтъ“ и составляетъ главное содержаніе очерка г. Чехова. Рассказъ инженера гласитъ, что въ дни молодости онъ очутился проѣздомъ въ родномъ городѣ. Находясь въ то время во власти того же пессимистическаго міросозерцанія, какимъ зараженъ нынѣ его молодой товарищъ, онъ сидѣлъ въ уединенной бесѣдкѣ на берегу моря и предавался меланхолическимъ мыслямъ о превратности всего земнаго, о безцѣльности жизни и т. под. Однако, эти мысли, страннымъ образомъ, все время переплетались въ его головѣ съ другою неотвязною мыслью, а именно: „хорошо бы сойтия тутъ на сегодня съ какою-нибудь женщиной!“ Мысль эта, якобы вытекавшая изъ общаго строя его тогдашняго пессимистическаго настроенія, сдѣлалась доминирующей и привела его, въ концѣ-концовъ, къ безобразному и подлому поступку съ товарищемъ его дѣтства, бывшей гимназисткой „Кисочкой“, которую онъ случайно встрѣтилъ, но встрѣтилъ уже глубоко несчастною, замученною неудачнымъ бракомъ женщиною, потерявшею свои юношескія надежды на лучшую, болѣе осмысленную для

себя жизнь. Поступокъ былъ до такой степени пошлъ и безнравствененъ, что бѣжавшій было отъ Кисочки герой самъ ужаснулся впоследствии и вернулся испросить прощенье отъ напрасно поруганнаго имъ человѣка. Къ сожалѣнiю только, послѣдней и самой важной сцены разсказчикъ не коснулся, предоставивъ слишкомъ много мѣста описанiю донъ-жуанскихъ подвоховъ для оболъщенья своей жертвы. Мораль разсказа каюцагося инженера такова, что схваченная на-лету философская мысль о бренности всего мiра и загробныхъ потемкахъ можетъ привести иногда на практикѣ къ очень сквернымъ результатамъ. Но, признаться, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы пессимизмъ, или какой другой философскiй измъ, былъ бы причеиъ въ этомъ любовномъ экспромтѣ, чтобы даже непродуманная философская мысль, залетѣвшая извнѣ въ недисциплинированный умъ, вела къ такимъ безнравственнымъ поступкамъ и скотству. Мы находимъ, что почтенный разсказчикъ смѣшалъ въ данномъ случаѣ пессимизмъ съ эгоистическимъ индифферентизмомъ, т.-е. съ полнымъ равнодушиемъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ вождѣлнй. Можно чувствовать смерть въ природѣ на каждомъ шагу и обезцѣивать значенiе собственной и чужой жизни, но это нисколько не уполномочиваетъ носителя такого настроенiя самому быть убийцей, т.-е. сознательно причинять другимъ смерть и страданiе; а инженеръ-ловеласъ отлично сознавалъ, что онъ обманываетъ и оскорбляетъ и безъ того страдающее существо, встрѣтившее его братскою любовью и уваженiемъ, что онъ нанесетъ Кисочкѣ самое тяжелое разочарованiе въ ея жизни. Для мотивировки подобныхъ поступковъ нечего прибѣгать къ такимъ пышнымъ положенiямъ, какъ философская виртуозность; для этого просто нужно полное невниманiе къ чужому страданiю въ преслѣдованiи собственныхъ узкихъ и эгоистическихъ интересовъ. Мы видимъ, что раскаявшiйся и стяхнувшiй съ себя прежнее мiросозерданiе герой любовнаго экспромта точно также и нынѣ не понимаетъ чужаго страданiя и безцеремонно выгоняетъ рабочихъ, измученныхъ безсмысленною возкой туда и сюда какого-то котла. Однимъ словомъ, приведенный съ полемической цѣлью примѣръ, составляющiй содержанiе очерка г. Чехова, вовсе этой цѣли не отвѣчаетъ и пессимизмъ привлеченъ къ нему, что называется, за волосы. Вообще, прочитавъ очеркъ и вспоминая всѣхъ этихъ амалекитягъ, филистимлянъ, скверный анекдотъ съ его порнографическимъ прицѣвомъ, ночные огни, пессимизмъ и проч., читатель можетъ повторить вмѣстѣ съ авторомъ заключительныя слова его очерка: „Ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ!...“

Другое болѣе крупное произведенiе послѣдней книги *Свернаго Вѣстника*, повѣсть г. Засодимскаго *Письма сына*, еще не окончено. Изъ остальной же беллетристики журнала нельзя не коснуться маленькаго разсказа г-жи Капустиной *Поздно*, помѣщеннаго въ майской книгѣ.

Жили-были мать съ дочерью. Жили они скромно и тихо въ уютной квартирѣ на небольшую пенсiю, получаемую матерью, и были очень привязаны другъ къ другу. Мать была доброе, простое, кроткое существо. Дочь—тоже очень хорошая дѣвушка; но она любила науку и чтенiе, а также стремилась осмыслить свою жизнь внесенiемъ въ нее какого-нибудь живаго труда, который былъ бы ей по-плечу и удовлетворялъ ея стремленiямъ приносить другимъ пользу. Съ этою цѣлью дочь вмѣстѣ съ другими дѣвушками отправляется въ деревскую глушь, чтобы жить простою трудовою жизнью, употребляя досуги на обученiе взрослыхъ крестьянскихъ парней и дѣвушекъ. Старуха, любящая до само-

пожертвованія свою Катю, соглашается на разлуку, но, конечно, страшно скучаетъ по ней, оставшись въ Петербургѣ въ своей опустѣлой квартирѣ. Вдругъ черезъ полгода мать простудилась, схватила воспаление легкихъ и умерла. Катя, полетѣвшая къ ней, не застала мать уже въ живыхъ и предалась, разумѣется, страшному горю и отчаянію, чѣмъ и оканчивается очеркъ г-жи Капустиной. Тяжела разлука съ самыми близкими людьми; поэтому, нѣтъ сомнѣнія, особенно тяжка доля матерей, которымъ болѣею частью приходится въ жизни такъ или иначе разставаться со своими взрослыми дѣтьми. Еще въ тысячу разъ тяжелѣе терять близкихъ навсегда, когда съ ними разлучаетъ неумолимая смерть; поэтому понятна вся глубина отчаянія дочери, потерявшей нѣжно любимую мать.

Но этими двумя неизбежными моментами человѣческаго горя—разлукой и смертью—не исчерпывается все содержаніе очерка г-жи Капустиной и не ими, къ сожалѣнію, опредѣляется въ немъ авторскій замыселъ. Вся соль очерка заключается въ томъ, что *поздно*, т. е. въ позднемъ раскаяніи дочери, что она разсталась съ любимой матерью и пошла къ другимъ нуждающимся, чтобы удовлетворить своему якому „эгоистическому“ стремленію приносить обществу пользу въ томъ видѣ, какой казался ей наилучшимъ. „Долгъ“ ея былъ оставаться при старой матери; тогда послѣдняя, можетъ быть, не получила бы воспаления легкихъ, или же, во всякомъ случаѣ, умерла бы на рукахъ дочери. Но поздно, поздно раскаяваться, и неблагодарная дочь всю жизнь теперь должна казнить за свои стремленія, заставившія ее вылетѣть изъ родимаго нѣзда, всю жизнь должна помнить строгій укоръ, застывшій на устахъ умершей старухи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ виду простенькій и маленький рассказъ носитъ большую тенденцію и является тяжелою угрозой всѣмъ блуднымъ дѣтямъ, а въ нѣсколькихъ чувствительно написанныхъ страницахъ сверкаетъ острое жало неумолимо разящей морали. А, между тѣмъ, Катя, вѣдь, была хорошая, честная, любящая дѣвушка и описана въ рассказѣ очень привлекательными красками. За что же ее такъ жестоко караетъ г-жа Капустина? Съ другой стороны, въ одиночествѣ и смерти Ольги Тимофеевны, матери Кати, нѣтъ ничего такого, что являлось бы прямымъ слѣдствіемъ именно тѣхъ стремленій, которыя руководила дочерью въ выборѣ жизни и труда въ деревнѣ: Ольга Тимофеевна страдала бы отъ разлуки и могла умереть отъ воспаления легкихъ совершенно также и въ томъ случаѣ, если бы Катя вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ на годъ за границу или если бы она взяла мѣсто гувернантки въ другомъ городѣ. Почему же смерть Ольги Тимофеевны должна именно въ данномъ случаѣ являться какъ бы карой свыше за отсутствіе дочери? Да именно потому, что здѣсь дѣло не въ Катѣ и не въ ея матери и даже не въ томъ страданіи, которое приносятъ разлука и смерть. „Идеалы, трудъ—все прекрасно, это говорить, но зачѣмъ же для этого бросать старуху мать?“—говоритъ г-жа Капустина. Идеалы, трудъ—da ist der Hund begraben, какъ говорятъ нѣмцы. Авторъ не анализируетъ этихъ идеаловъ, не трактуетъ о ихъ содержаніи, объемѣ, пригодности или непригодности къ жизни; онъ просто заявляетъ о незаконности въ данномъ случаѣ стремленій личности къ общественному труду и идеаламъ, каковы бы ни были эти послѣдніе. Въ самомъ дѣлѣ, на каждомъ шагѣ дочери поводятъ матерей, выходя замужъ и уѣжая въ другіе города; ежедневно тысяча дѣвушекъ расстаются съ родителями, чтобы зарабатывать свой хлѣбъ; наконецъ,

есть дѣти, покидающія родителей изъ-за массы мелкихъ причинъ, изъ расчета или удобства—изъ-за удовольствія поѣхать на-воды, выѣзжать въ свѣтъ съ цѣлью заполученія выгоднаго жениха, поступить на сцену и т. под. И никто не думаетъ карать ихъ за это, ибо матеріальный заработокъ, личныя цѣли, марьяжный интересъ—это всѣмъ понятно, всѣми оправдывается и даже чисто-эгоистическія стремленія дѣтей находятъ нерѣдко законное оправданіе по извѣстной пословицѣ: „старое старится, молодое растетъ“. Но горе дѣвушкамъ, которыя честно и безкорыстно увлекаются не однѣми этими, санкціонированными большинствомъ, цѣлями, а идеей—„трудъ и идеаль“,—со всѣхъ сторонъ на нихъ посыпается упреки въ безсердечіи, эгоизмѣ, подрываніи семейныхъ основъ; горе тѣмъ, которыя увлекутся „риффиратами какими-то“, женскими курсами, искреннею молодою страстью поработать ради идеала: за это ихъ не только забросаютъ грязью; заподозрять ихъ побужденія, но и казнить такую утонченную и жестокою казнью, какою казнить ихъ г-жа Капустина,—смертью любимыхъ матерей. Этотъ новый видъ казни блудныхъ дѣтей, придуманный авторомъ, представляетъ въ этомъ отношеніи послѣднее слово и характеризуетъ наше вообще жестокое время. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ мы смотрѣли иначе. Тогда одинъ изъ величайшихъ русскихъ художниковъ опоэтизировалъ образъ дѣвушки, бросившей на вѣки не только семью, но и отечество ради стремленія освѣтить свою жизнь служеніемъ идеѣ, и у кого же тогда поднималась рука осудить ее съ точки зрѣнія морали г-жи Капустиной? Или Тургеневская Елена въ *Наканунѣ* находить себѣ оправданіе въ своей любви къ Инсарову, а личная страсть и бракъ прикрываютъ всякое незаконное увлеченіе... Но, вѣдь, Елена полюбила въ Инсаровѣ именно идею, бросила все кровное и пошла за нимъ ради нея и не вернулась въ родимое гнѣздо даже послѣ смерти мужа. Нѣтъ, лучшая часть литературы признавала тогда законность стремленій къ идеалу въ молодомъ поколѣніи наравнѣ съ законностью стремленій къ честному труду и личному счастью, признавала такую же необходимость для него въ хлѣбѣ духовномъ, какъ и въ хлѣбѣ конкретномъ, и не измѣняла особенныхъ и исключительныхъ семейныхъ положеній для осужденія искренняго и безкорыстнаго увлеченія идеалами. Что же касается матерей и ихъ страданій, то есть горе и горе. Материнская любовь велика и возвышенна именно тѣмъ присущимъ ей чувствомъ самопожертвованія, которое заставляетъ ее видѣть собственное счастье въ счастьи дѣтей, даже тогда, когда, можетъ быть, основанія послѣдняго не соответствуютъ ея собственнымъ желаніямъ или пониманію. Отсутствие формальной разлуки, если этимъ такъ или иначе не достигается счастье дѣтей, начинающихъ свою собственную, новую жизнь, никогда не служитъ для матерей идеаломъ благополучія. Поэтому, намъ кажется, не то горе горчайшее, когда матери принуждены разстаться со взрослыми дѣтьми, вѣруя въ чистоту и искренность послѣднихъ въ преслѣдованіи какой-либо завѣтной мечты, или дѣла, въ которомъ тѣ находятъ себѣ душевное удовлетвореніе, а вотъ то горе горчайшее для матерей, когда эти дѣти встрѣчаютъ на своемъ пути одни тернія, когда въ нихъ сомнѣваются и обвиняютъ, когда, однимъ словомъ, дѣтей ихъ казнятъ разными казнями.

Въ счастью, сама жизнь даетъ иногда ясныя и прямые отвѣты на спорные вопросы, на сомнѣнія и голословныя обвиненія. Нельзя не остановиться на свѣтломъ образѣ общественнаго дѣятеля - женщины, *Марьи Петровны Грабовской*, памяти которой посвященъ неболь-

некрологъ въ концѣ июньской книги *Сѣвернаго Вѣстника*. Въ своей дѣятельности въ качествѣ женщины-врача въ г. Тобольскѣ, покойная Марѳа Петровна явила собою высокій примѣръ страстнаго и преданнаго служенія „труду и идеалу“, запечатлѣвъ его даже собственною смертью, ибо она умерла, какъ гласитъ некрологъ, отъ *перевтомленія*. Она вся отдавалась служенію безразлично всѣмъ, кто имѣлъ нужду въ ея знаніяхъ, она передавала эти знанія другимъ, она работала для науки, но такая кипучая энергія и самопожертвованіе стоили ей жизни. Отраднѣе, по крайней мѣрѣ, фактъ, что общество, несмотря на кратковременное служеніе Грабовской тому дѣлу, котораго она являлась пионеркой въ далекомъ сибирскомъ городѣ, общество, встрѣтившее ее сначала недовѣріемъ и предубѣжденіемъ, научилось въ лицѣ ея цѣнить гуманный трудъ женщины-врача. Безвременная смерть труженицы вызвала во всѣхъ слояхъ общества глубокую скорбь, нашедшую выраженіе въ надгробной рѣчи, произнесенной ректоромъ семинаріи. Некрологъ приводитъ изъ этой рѣчи слѣдующія прекрасныя слова: „Тобольскѣ могъ гордиться дѣятельностью перваго своего врача-женщины,—сказалъ, между прочимъ, о. ректоръ,—такъ она была многоплодна! Вы, братіе, сами видите результаты этой дѣятельности: ибо что значить это множество предстоящихъ гробу усопшей—и богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, дѣтей и возрастныхъ? О чемъ говорятъ и эти льющіяся въ обилии слезы, эти сдерживаемыя стоны, эта безутѣшная скорбь, перемѣнившая и самое облаченіе наше? Не есть ли это выраженіе нашего любящаго сердца и переполняющихъ его чувствъ благодарности къ усопшей за все то добро, какое она въ незначительное время пребыванія съ нами успѣла оказать всѣмъ намъ? Но чего стоила самой усопшей вся эта самоотверженная дѣятельность въ краю сѣверномъ, далекомъ, въ городѣ бѣдности и нужды? Какъ видите, праждевременной разлуки съ нами, гроба и могилы!“...

Въ „Областномъ отдѣлѣ“ майской книги *Сѣвернаго Вѣстника*, въ статьѣ г. Яковенко: *Что думаетъ о грамотности крестьянннхъ Кромскаго уѣзда*, читатель находитъ любопытные факты, почерпнутые авторомъ изъ статистическаго матеріала, собраннаго въ теченіе 81—86 годовъ по 175 селеніямъ и изданнаго зѣтѣмъ отдѣльною книгой кромскою уѣздною управой. Книга эта, составляющая, къ сожалѣнію, библиографическую рѣдкость даже въ Орловской губерніи, есть сборникъ мнѣній, выраженныхъ подлинными словами крестьянъ о томъ, какъ послѣдніе относятся къ грамотности, народной школѣ, учителямъ и т. д.,—однимъ словомъ, она представляетъ собою, по выраженію управы, крестьянское воззрѣніе на школьное дѣло. Въ виду недостаточности подобнаго оригинальнаго матеріала по столь важному вопросу въ другихъ губерніяхъ, ознакомленіе съ нимъ представляетъ не малый интересъ, хотя предлагаемыя свѣдѣнія и касаются лишь одного глухаго уголка обширной страны, вовсе не отличающагося, притомъ, большимъ развитіемъ школьнаго дѣла и выдающимися заботами о немъ земства. Такъ, изъ 195 собранныхъ „мнѣній“ только 78 принадлежатъ крестьянамъ, имѣющимъ возможность пользоваться настоящими школами. Тѣмъ не менѣе, изъ всего числа опрошенныхъ крестьянъ, какъ передаетъ г. Яковенко, лишь два мнѣнія оказываются неблагоприятными грамотности; остальные же видятъ въ ней разнообразную пользу. Естественно, что въ данномъ случаѣ у сельскаго населенія на первомъ планѣ стоитъ польза практическая, что въ своей жизни, полной самой тяжелой борьбы за существованіе, они смотрятъ и на грамотность, какъ на

одно изъ подходящихъ орудій этой борьбы и поэтому весьма характерно называютъ ее „рукоесломъ“: „Грамота—рукоесло не плохое...“ „Грамотный все не то; а теперь росписаться въ разныхъ частяхъ, справка какая—все деньгами; рукоесло не гонится за человѣкомъ; подать, расхотѣть какой—все видно, а то смотришь и не видишь—неученый, народъ темный...“ и т. п. Но на ряду съ практическими взглядами сказывается и другое отношеніе крестьянъ къ грамотности: они ищутъ въ ней удовлетворенія запросовъ религіознаго, нравственнаго и умственнаго характера, на что указываютъ многія изреченія, приведенныя въ очеркѣ г. Яковенко. Это позволяетъ автору сдѣлать выводъ, что „крестьяне не предъявляютъ къ народной школѣ никакихъ требованій техническаго, собственно ремесленнаго, вообще спеціальнаго знанія; напротивъ, они весьма опредѣленно указываютъ на тотъ всеобщій характеръ, который должна носить „образованность“, сообщаемая народной школой. Нѣкоторымъ настоящій выводъ покажется, быть можетъ, слишкомъ послѣднимъ на томъ основаніи, что народная школа теперь не сообщаетъ никакихъ спеціальныхъ знаній и крестьяне, не подозревая пока о возможности получать отъ школы подобныя знанія, удовлетворяются однимъ, такъ сказать, гуманитарнымъ ея значеніемъ. Но мы видимъ, что практическіе взгляды и требованія существуютъ уже до извѣстной степени и теперь и не мѣшаются, однако же, существованію въ сознаніи крестьянъ другой стороны вопроса, т.-е. взгляду на грамотность, какъ на образованность вообще, дѣлающую человѣка лучше, самостоятельнѣе, умнѣе. Это отношеніе формулируется ими пока въ общихъ, туманныхъ выраженіяхъ, вродѣ того, напримѣръ, что грамотному „все видно“, „ученый всюду хорошъ“, грамотный получаетъ „большія понятія“, „въ церкви ребята поютъ: мое почтеніе, образованы!“ и т. п. или просто энергическимъ противопоставленіемъ грамотнаго „болвану“; но даже и въ атихъ лаконическихъ изреченіяхъ сквозитъ опредѣленное представленіе, что подъ грамотностью скрывается невидимая сила, развивающая и поднимающая человѣка на высшую ступень, независимо отъ ея практическихъ приложений. Отсюда же вытекаетъ то или иное отношеніе крестьянъ къ учительскому персоналу и къ преподаванію, отзывы о которыхъ отличаются большимъ разнообразіемъ, согласно, конечно, разнообразію въ постановкѣ учебнаго дѣла и личностей преподавателей. То преподаваніе удовлетворяетъ родителей; тотъ учитель любимъ и уважаемъ, который доводитъ учениковъ до „большихъ понятій“, сообщаетъ болѣе религіозныхъ истинъ, дѣлаетъ ученика „лучше“, а не тотъ, кто учитъ ихъ „только къ экзаменту, а знать они ничего не знаютъ... наученіе небольшое“. Относительно школьной дисциплины крестьяне склоняются на сторону нравственнаго воздѣйствія, а не къ силѣ розги и физическимъ наказаніямъ, выражаясь, напримѣръ, что „отъ битой коровы молока мало“, и т. под. Опять-таки они уважаютъ и доверяютъ тѣмъ учителямъ, которые дѣйствуютъ на дѣтей „резонтами“, у которыхъ сами дѣти учатся охотно, „а то нынче поволоти, онъ (ученикъ) и не пойдетъ въ школу“. И такъ, изъ сборника вромской управы явствуетъ, что, вромъ общей практической пользы отъ школы и грамотности, крестьяне глухой, далекой деревни, даже въ настоящее время и при нынѣшнемъ состояніи школы и школьныхъ программъ, хотя бы видѣть въ школѣ источникъ умственнаго развитія и усовершенствованія своихъ дѣтей въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

ОТВЕРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Редакція журнала „Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства“ ставитъ себѣ задачей вызвать живой обменъ сельско-хозяйственныхъ знаний между нашими хозяевами и тѣмъ самымъ служить возможно большому распространению этихъ знаний въ ихъ средѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Оригинальныя статьи по всеѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

II. Сельско-хозяйственные: корреспонденція и хроника.

III. Обзорніе сельско-хозяйственной литературы.

IV. Библиографія.

V. Вопросы и отвѣты. Этотъ отдѣлъ будетъ открытъ съ 1 января 1889 г.

Въ журналѣ примутъ участіе: *Е. Г. Аверкіевъ, А. П. Адриановскій, А. А. Армфельдъ, П. Ф. Бараковъ, Н. Ф. Блажковъ, Н. И. Владимовъ, П. В. Будритъ* (проф. Ново-Алекс. Инст.), *Н. В. Верещагинъ, В. А. Владимірскій, кн. А. Б. Голлицынъ, В. М. Голубицовъ, Н. П. Горбуновъ, М. Н. Гринева, Н. А. Гудковъ, Г. Г. Густавсонъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *В. В. Докучаевъ* (проф. Сиб. унив.), *А. К. Еремьевъ, А. Е. Зайцевичъ* (проф. Харьк. унив.), *Г. А. Залобовскій, С. А. Ивановъ, И. И. Ивановъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *И. И. Кабатъ, И. М. Кабачковъ, Ас. А. Калантаръ, Ал. А. Калантаръ, Д. Е. Карпенковъ, И. А. Каширскій, Д. И. Кирановъ, С. М. Косаревъ, П. А. Костычевъ* (проф. Лѣсн. Инст.), *В. Г. Котельниковъ, Н. А. Крюковъ, Н. Н. Кулешовъ, П. Н. Кулешовъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *К. Э. Линдеманъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *Н. Е. Лясковскій* (проф. Моск. унив.), *И. К. Мачусъ, В. З. Марковскій, И. Н. Миклашевскій* (проф. Петр. Земл. Ак.), *П. Ф. Мордовскій, А. И. Муromцева* (урожд. Тимирева), *М. В. Неручевъ, А. П. Перепелкинъ, М. И. Придорокинъ, А. Ф. Рудскій* (проф. Лѣсн. Инст.), *В. М. Рудневъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *А. И. Скворцовъ* (проф. Ново-Алекс. Инст.), *П. Р. Слезкинъ, Ю. А. Соболевъ, А. В. Соколовъ* (проф. Сиб. унив.), *В. Ф. Сокумскій, Н. В. Сорочкинъ* (проф. Казан. унив.), *И. А. Стебунъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *Л. А. Сытинъ, Г. И. Тауфимцевъ, М. К. Турскій* (проф. Петр. Земл. Ак.), *М. П. Федоровъ, В. И. Филитцевъ, А. Ф. Fortunatovъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *В. В. Черняевъ, Н. П. Чиромскій* (проф. Петр. Земл. Ак.), *А. И. Чупровъ* (проф. Моск. унив.), *Г. Н. Шатилловъ, И. Г. Шатилловъ, А. Н. Шиликинъ* (проф. Петр. Земл. Ак.), *И. В. Шумцовъ, И. И. Яковлѣвъ* (проф. Моск. унив.) и мн. др.

Журналъ будетъ выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца съитыми и разрѣзанными книжками, каждая по мѣтѣ 4-хъ печатныхъ листовъ съ особомъ оберткой.

Первый номеръ выйдетъ 1-го сентября 1888 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ 1 сентября 1888 года по 1 января 1889 года съ пересылкой два рубля. На годъ, съ 1 января 1889 года, съ пересылкой пять рублей и безъ пересылки четыре рубля.

Подписка и объявленія принимаются *исключительно* въ редакціи журнала „Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства“: Москва, Леонтьевскій пер., домъ № 2.

Редакція покорно проситъ гг. подписчиковъ точно и разборчиво сообщать почтовый адресъ.

За напечатаніе объявленій платятся: отъ строки мелкаго шрифта въ столбцѣ (2 столбца въ страницѣ) по 10 коп. за первый разъ и по 8 коп. за каждый послѣдующій.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы и, если доставляются безъ оговорокъ относительно вознагражденія, считаются платными.

О новыхъ книгкахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатными объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель **И. П. Петровъ.**

ПЕЧАТАЕТСЯ И НАДНЯХЪ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ

НОВЫЙ РОМАНЪ

Альфонса Додэ

„БЕЗСМЕРТНЫЙ“.

Переводъ М. Н. Ремезова.

—*—

Въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ находятся
въ продажѣ слѣдующія новыя книги:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Владимира Короленко.

(Третье изданіе).

Цена 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(Этюдъ).

Владимира Короленко.

Цена 75 коп. съ пересылкою.

ПОТОПЪ.

Историческій романъ Генриха Сенкевича.

Перев. съ польскаго В. М. Лаврова.

Цена 3 рубля съ пересылкою.

ТАРТАРЕНЪ ИЗЪ ТАРАСКОНА

и

ТАРТАРЕНЪ НА АЛЬПАХЪ.

Альфонса Доде.

Переводъ М. Н. Ремезова.

Цена 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

СИЛУЭТЫ.

(Новыя повѣсти и рассказы).

Григорія Мачтета.

Цена 2 руб. съ пересылкою.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИЖИ.

	<i>Стр.</i>
Веллетристика: „Сочиненія“ <i>Θ. Θ. Тютчева.</i> —„Стихотворенія“ <i>В. Л. Пушкина.</i> —„Сказаніе о томъ, какъ построена церковь св. великомученика Трифона въ Москвѣ“ <i>Дукьяновскаго</i>	329
Философія: „Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка“ <i>Н. Ламе.</i> —„Die Philosophie Arthur Schopenhauers“ von <i>Dr. R. Koeber</i>	331
Исторія: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“ <i>Кн. Щербатова.</i> —„Исторія містничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVIII в.“ <i>Ал. Маркевича.</i> —„A history of England in the XVIII century by <i>W. E. Hartpole Lekcy.</i>	335
Языковеденіе: „Характеристики“ <i>Теофраста.</i> —„Медея“ <i>Эврипида.</i> —„Илиада“ <i>Гомера.</i> —„Перси“ <i>Эсхила</i>	343
Политическая экономія: „Le transport par les chemins de fer Histoire-Législation“ par <i>Arthur T. Hadley.</i> —„La dette américaine les finances des Etats Unis ds 1861 à 1887“ par <i>E. Masseras.</i> —„Essai sur l'amortissement et sur les emprunts d'états“ par <i>M. Cucheval-Clarigny.</i> —„Die Städtische Sparkasse zu Berlin“ von <i>L. Thiele.</i> —„Рагча economica“ von <i>Otto Effertz.</i> —„Сводъ матеріаловъ по изученію экономического быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“.	346
Юридическія книги: „50-я глава Бормчей книги, какъ историческій и практический источникъ русскаго брачнаго права“ <i>А. С. Паглова.</i> —„Лекціи во вѣдѣній исторіи русскаго права“ <i>В. Латкина.</i> —„Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ“ <i>Т. Флоринскаго.</i> —„Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ или соединенный процессъ“ <i>Д. Г. Тальберга.</i> —„Правила и программа окончательныхъ испитаній въ комиссіи юридической“ <i>Изд. А. В. Докотко.</i>	353
Сельское хозяйство: „Практическое земледѣліе“ <i>А. Розенберга-Диминскаго.</i> —„Овцеводство“ <i>П. Кулешиова.</i> —„Арденская лошадь и условія скрещиванія ея съ русскими лошадьми“ <i>А. В. Арондара и П. А. Бильдермина.</i> —„О воддѣиваніи картофеля и корнеплодовъ“ <i>В. Г. Котельникова.</i> —„Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграничій“ <i>Р. И. Шредера.</i>	358
Медицина: „Архивъ психіатріи, нейралогіи и судебной психопатологіи“	361

Естествознание: „Собиратель грибов“. *Д. Кайгородова*. — „Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и употребление“. *М. И. Пылева*. 362

Учебники и детские книги: „Русская история в русской поэзии“. *П. Вейберга*. — „Сказка о двух елках“. *А. Н. Самтикова*. — „Родная рѣчь“. *В. Соколова*. — „Русские писатели в выборѣ и обработкѣ для школы“. *В. Мартыновскаго*. — „Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометрии, тригонометрии, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задач по чистой математикѣ“. *К. Мазуринъ и В. Высоцкаго*. — „Арифметическій задачникъ“. *П. Татарцова*. — „Записки по методикѣ элементарной арифметики“. *Г. М. Виннескаго*. — „Учебникъ арифметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. *А. А. Михайлова*. 365

Справочныя книги: „Практическій путеводитель по Ермаку“. *Изд. Москвича*. 370

III. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европа“, июль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, май—июль. 371

	<i>Стр.</i>
XII. ПЕТРАРКА, КАКЪ ПОЛИТИКЪ.—М. С. Корелина	83
XIII. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. XXVI.—Н. В. Шелгунова	95
XIV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. (Критическія замѣтки). —Т.	117
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Наши рѣки.—А. И. Воейкова	126
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	144
XVII. СТАТИСТИКА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ КУРСКАГО ЗЕМСТВА.— И. А. Вернера	152
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія.—Исторія.—Языкознаніе.—Политическая эконо- мія.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.— Естествознаніе.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>іюнь</i> .— «Сѣверный Вѣстникъ», <i>май—іюнь</i>	329

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1888 годъ

(девятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.
За границу	14 >	7 >	3 > 50 к.
Отдѣльныя книги продаются по 1 р.	25 к.	съ пересылкою.	

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

Журналъ будетъ выходить подъ тою же редакціей и при томъ же составѣ сотрудниковъ, что обусловливаетъ неизмѣнность его программы, задачъ и направленія. Объемъ и внѣшность журнала, несмотря на пониженіе цѣны, останутся тѣ же, что и въ текущемъ году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ДАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

7 OCT '58 AR	
REC'D LD	
JAN 28 1959	
MAR 30 1995	
RECEIVED	
MAR 23 1995	
CIRCULATION DEPT.	
JUN 04 2002	

LD 21-50m-8,'57
(C8481s10)476

General Library
University of California
Berkeley